9
Б903

HISTORIA ROSSICA

Олег Будницкий

Деньги русской эмиграции: колчаковское золото 1918–1957

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

HISTORIA
ROSSICA

Российская Академия наук
Институт российской истории

Олег Будницкий

ДЕНЬГИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ:

КОЛЧАКОВСКОЕ ЗОЛОТО 1918–1957

Новое
Литературное
Обозрение

2008

УДК 323.26(091)(470+571)"1918/1957"
ББК 63.3(2)612-414.81
Б 90

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 07-01-16174д

Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA
Е. Анисимов, В. Живов, А. Зорин, А. Каменский, Ю. Слёзкин, Р. Уортман

Редактор серии
М. Долбилов

Будницкий О.В.
Б 90 ДЕНЬГИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: Колчаковское золото. 1918—1957.— М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 512 с., ил.

Судьба «колчаковского золота» — части золотого запаса Российской империи, оказавшегося в руках белых в 1918 г., — одна из самых известных и волнующих загадок русской истории XX столетия. Автору предлагаемой вниманию читателей книги на основе материалов из американских, британских и российских архивов удалось эту загадку разрешить и проследить историю вырученных от продажи золота денег, расходовавшихся до конца 1950-х гг. Смысл подобного «исторического расследования» заключается не только в том, чтобы поставить точку в затянувшихся дебатах о судьбе «колчаковского золота». История «колчаковского золота» служит стержнем, на который «нанизаны» проблемы истории Белого движения и его заграничного финансирования, взаимоотношений белых и союзников, российской «дипломатии в изгнании», русской эмиграции и некоторые другие. В конечном счете это еще одна попытка ответить на ключевой вопрос российской истории XX столетия — почему в Гражданской войне победили красные, а не белые?

Продолжением исследования «Деньги русской эмиграции» будет книга О. Будницкого «Врангелевское серебро».

УДК 323.26(091)(470+571)"1918/1957"
ББК 63.3(2)612-414.81

ISBN 978-5-86793-639-6

© О.В. Будницкий, 2008
© «Новое литературное обозрение», 2008

От автора

Поиски потерянных сокровищ — весьма увлекательное занятие. Автор настоящей книги сумел убедиться в этом на собственном опыте. Все началось с телеграмм, обнаруженных мною среди бумаг Российского посольства в Вашингтоне, хранящихся в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира. В телеграммах, которыми обменивались российские финансовые агенты в Вашингтоне и Токио весной 1921 г., речь шла о продаже золота. После некоторых изысканий стало понятно, что переговоры велись о продаже последней части так называемого «колчаковского золота», части золотого запаса бывшей Российской империи, оказавшегося под контролем правительства адмирала А.В. Колчака. Судьба «колчаковского золота» всегда была окутана таинственностью и породила множество легенд, «материализованных» в романах, фильмах и многочисленных статьях. Погони, перестрелки, похищения, тонны (в лучшем случае — пуды) золота, спрятанные то ли в «золотой шахте», то ли в подвалах японских, британских, американских банков, — неизменные атрибуты подобного рода литературы.

Реальность оказалась совсем иной и, на наш взгляд, гораздо более увлекательной. Искать следы колчаковского золота надо было не в тайге, а в архивах. Причем в архивах, находящихся нередко за тридевять земель от Москвы, — в далекой Калифорнии, где при Стэнфордском университете находится Гуверовский архив, и в Нью-Йорке, в котором находится другая сокровищница материалов по истории русской революции, Гражданской войны и эмиграции — Бахметевский архив при Колумбийском университете. Именно туда, подальше от докучливых советских агентов, отправляли секретные документы многие деятели Белого движения и русской эмиграции. Постепенно наше исследование вышло далеко за рамки поисков следов колчаковского золота, ибо эту историю невозможно понять вне рамок общей проблемы финансирования антибольшевистского движения в годы Гражданской войны,

а позднее — политической и «бытовой» истории русской эмиграции. К истории «колчаковского золота» и вырученных за него денег добавилась история «бахметевских миллионов» и некоторые другие сюжеты.

Документы, проливающие свет на историю «колчаковского золота» и «денег русской эмиграции», обнаружились не только в американских архивах. И если поиск соответствующих материалов в Государственном архиве Российской Федерации был целенаправленным — ведь именно там хранятся документы правительства Колчака, как и фонды эмигрантского Пражского архива, — то находка в Русском архиве в Лидсе (Великобритания), позволившая поставить «последнюю точку» в истории о «колчаковском золоте», оказалась совершенно неожиданной.

Подробнее об источниках, на которых базируется настоящее исследование, мы будем говорить во Введении, в этом же кратком предисловии — о некоторых обстоятельствах, сопровождавших архивные находки.

История ключевой находки в Русском архиве Лидса требует небольшого предварительного объяснения. Дело в том, что архив Совещания российских послов в Париже, имевшего самое непосредственное отношение к русским деньгам за границей, находится в архиве Гуверовского института и известен как коллекция М.Н. Гирса. Это важнейший источник по истории российской «дипломатии в изгнании». Однако материалы, входящие в коллекцию Гирса, охватывают период лишь по 1926 год. Судьба посольских документов более позднего времени была неизвестна. В 2002 г. автор этих строк получил предложение принять участие в «земгоровском проекте», инициированном французскими исследователями Катрин Гусефф и Ольгой Пишон-Бобринской. Суть проекта была в изучении истории парижского Земгора. Точнее — Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (существующего, между прочим, до настоящего времени). В 1987 г. парижский Земгор передал свои скопившиеся более чем за полвека документы в Русский архив в Лидсе. В силу ряда обстоятельств архив Земгора, сложенный в 200 объемистых коробках (каждая из которых эквивалентна приблизительно 3—4 стандартным архивным коробкам), к 2002 г. не был до конца разобран и подробно описан.

Ричард Дэвис, «втравивший» автора этих строк в «земгоровское предприятие», пригласил меня приехать в Лидс и взглянуть на земгоровские материалы. Не могу сказать, что я воспринял это

предложение с большим энтузиазмом. Ну что особенно интересного могло быть среди земгоровских бумаг? Тысячи прошений, протоколы комитета, их рассматривавшего, расписки, квитанции и т.д. и т.п. Правда, Ричард говорил, что среди земгоровских бумаг встречаются и материалы «моего» Маклакова (коему я посвятил немало статей и публикаций). Это вселяло некоторый интерес, хотя не сулило особых неожиданностей: В.А. Маклаков был председателем Эмигрантского комитета в Париже и его бумаги не могли не встречаться в земгоровском архиве.

И вот мы с Ричардом Дэвисом стоим около полок с десятками коробок. Открываем наудачу одну из них. В глаза сразу бросается папка с надписью Michelle de Giers, за ней другая. И вскоре я понимаю, что передо мной не что иное, как архив Совещания послов! Причем наиболее секретная его часть, включающая не только материалы после 1926 г., но также протоколы Русского политического совещания в Париже за 1918—1919 гг., финансовые документы и т.д. То есть те документы, которые послы предпочли не передавать в Гуверовский архив (называвшийся в то время Гуверовской военной библиотекой) в 1920-е гг. Обнаружилась здесь и часть архива Василия Маклакова, сменившего Михаила Гирса в должности председателя Совещания российских послов в 1932 г. Среди его бумаг — розовая папка с несколькими машинописными листочками и записями, сделанными чудовищным почерком Маклакова. В записях — информация о том, что произошло с русскими деньгами после Второй мировой войны. Это было недостающее звено, позволившее проследить историю денег, вырученных некогда за «колчаковское золото», почти до конца.

Мне довелось вместе с Ричардом Дэвисом провести предварительную разборку и классификацию земгоровских материалов (ныне им подробно описанных). Выглядело это так: после закрытия архива для читателей в будние дни или же в выходные мы выкладывали на столы груды папок и стопки отдельных бумаг, просматривали их и раскладывали по будущим «описям»: вот это — Земгор, это — «дипломаты», а это — вообще бог знает что. Среди последнего Ричардом Дэвисом была обнаружена часть архива журнала «Современные записки», в том числе письма М.И. Цветаевой, А.Ф. Керенского и многих других. Это, впрочем, уже к нашему «делу» не относится. Часы, проведенные в Русском архиве в Лидсе, относятся к числу лучших в моей уже не очень короткой «архивной жизни».

Таким образом, поиск пропавших сокровищ оказался, еще раз повторю, делом весьма увлекательным. Надеюсь, не менее увлекательным (с поправкой на научный характер предлагаемого вниманию читателей исследования) будет и чтение книги о результатах этого поиска.

Некоторые фрагменты исследования публиковались на страницах научной периодики. В настоящее издание они включены в существенно дополненном и переработанном виде[1].

Приятной обязанностью считаю поблагодарить коллег и организации, без содействия которых эта книга вряд ли могла бы появиться на свет: Татьяну Чеботареву (Бахметевский архив), Елену Дэниелсон, Рональда Булатова, Леонору Сороку, Анатолия Шмелева (Гуверовский архив), Молли Моллой (Библиотека Гуверовского института), Ричарда Дэвиса (Русский архив в Лидсе), Лидию Петрушеву (Государственный архив Российской Федерации). Первый подступ к теме был совершен во время исследовательской работы в Стэнфордском университете по гранту программы Фулбрайт в 1999—2000 гг. Институт Открытое общество (еще до того, как стать «закрытым») выделил грант для поездки в Русский архив в Лидсе. Особая благодарность — Российскому гуманитарному научному фонду, в течение трех лет поддерживавшему работу над книгой и предоставившему грант на ее издание.

Я признателен также моим коллегам по Институту российской истории РАН, взявшим на себя труд прочесть первый вариант рукописи этой книги и высказать ценные замечания — Н.А. Араловец, В.П. Булдакову, Г.В. Мелихову и А.К. Соколову. Разумеется, никто из них не несет ответственности за «конечный продукт».

Искренняя благодарность — начальнику пресс-центра Национального банка Татарстана В.И. Герасимову и главному редактору журнала «Родина» Ю.А. Борисенку, предоставившим значительную часть фотографий, воспроизведенных в книге.

Наконец, неизменная признательность моей жене Лизе, терпеливо сносившей все «тяготы» «кладоискательства». Как, впрочем, и все остальное.

Введение

ГДЕ ДЕНЬГИ?

15 января 1920 г., в 9 ч. 55 мин. вечера на станции Иннокентьевская близ Иркутска бывший «Верховный правитель России» адмирал А.В. Колчак был передан союзниками уполномоченным иркутского эсеро-меньшевистского Политцентра. Вместе с адмиралом в руках Политцентра оказалась часть золотого запаса Российской империи, известного под названием «колчаковского золота». Вскоре и адмирал, и золото оказались в распоряжении большевиков. Колчак был расстрелян в ночь на 7 февраля 1920 г. Попавшее в руки большевиков золото, на общую сумму 409 625 870 золотых рублей, не считая копеек, было доставлено в Казань. Но что стало с остальным золотом? Ведь летом 1918 г. противникам большевиков досталось золотых слитков, монет, кружков и полос на общую сумму 645 410 тыс. 610 золотых рублей. Нетрудно подсчитать, что разница составляет почти 236 млн рублей золотом.

Кое-что о судьбе колчаковского золота стало известно из публикаций, появившихся в начале 1920-х гг., причем исходивших из враждебных лагерей.

4 июля 1920 г. в газете «Нью-Йорк Таймс» была опубликована сенсационная статья «Приключения российского золотого запаса и его современное состояние». В статье, среди прочего, говорилось об истории колчаковского золота[1]. Компетентность автора сомнений не вызывала, ибо им был не кто иной, как В.И. Новицкий — бывший заместитель министра финансов колчаковского правительства. Он еще не раз появится на страницах этой книги. В следующем году статья Новицкого в существенно дополненном виде была напечатана в журнале «The Russian Economist / Записки русского экономического общества в Лондоне»[2].

В статьях Новицкого была раскрыта в общих чертах судьба колчаковского золота. Всего с мая по сентябрь 1919 г. французам, англичанам и японцам было продано 3232 пуда золота на общую сумму 35 186 145 долл. Еще 6002 пуда на сумму 65 342 940 долл. было депонировано в различных зарубежных банках. Из них на 16 330

291 долл. в обеспечение японского кредита на 30 млн иен, на 46 835 277 долл. — под заем у синдиката англо-американских банков и, наконец, на 2 177 372 долл. — под покупку в США винтовок и пулеметов[3].

Что побудило Новицкого раскрыть «тайную тайных» белой дипломатии и насколько можно доверять приведенным им цифрам? Во-первых, для большевиков история отправки золота за границу уже не была секретом, ибо в их руки попали архивы колчаковского правительства, во-вторых, в конце 1919-го — начале 1920 г. в политике Англии по отношению к России произошли резкие изменения: помощь антибольшевистским силам была прекращена, и правительство Д. Ллойд Джорджа стало искать пути к нормализации отношений с советской Россией, надеясь за счет торговли с ней улучшить собственную экономическую ситуацию. В Лондон зачастили большевистские эмиссары — Л.Б. Красин, Л.Б. Каменев, чего раньше нельзя было и представить. Публикуя данные как о количестве проданного и депонированного за границей золота, так и оставшегося в руках большевиков, Новицкий хотел продемонстрировать англичанам, да и другим потенциальным охотникам торговать с большевиками, что платежные возможности борцов с мировым капиталом весьма ограничены: кроме золота, стране с разрушенной экономикой нечего было предложить за товары с Запада.

Финансист считал, что восстановление России должно произойти помимо советского правительства, ибо оно может лишь «растратить последние сокровища страны без всякой для нее пользы. При существовании коммунистического строя Россия не может приступить к созидательной работе, и никакой иностранный капитал не может быть привлечен к разработке громадных естественных богатств России. При таких условиях русское золото не столько послужит для блага страны, сколько явится новым стимулом для укрепления Советской власти и продления Советского режима. Да послужат эти выводы напоминанием всем тем, — заключал свою статью Новицкий, — кто желает приобрести остаток русского золота путем установления торговых сношений с Советской Россией»[4].

Однако что же произошло с деньгами, полученными от реализации золота и в результате «золотых займов»? Сведения, добытые большевиками в колчаковских архивах, были представлены ими на конференции в Генуе в меморандуме, озаглавленном «Претензии

Советского государства к странам, ответственным за интервенцию и блокаду» и распространенном 8 мая 1922 г. Меморандум был составлен профессором Н.Н. Любимовым, заместителем директора Института экономических исследований при Наркомате финансов РСФСР (экспертом советской делегации в Генуе).

В меморандуме говорилось:

Точное количество золота, которое правительство Колчака перевело за границу на счета своих финансовых агентов в уплату частным фирмам, нам в настоящее время не известно ... Всего по данным Кредитной канцелярии в г. Владивостоке на 8 июля 1920 г. на счетах финансовых агентов Колчака в разных городах числилось свыше 60 млн зол. руб., а именно:

У Миллера в Токио..... иен 6 660 273
долл. 170 000
фр. 424 000
ф. ст. 25 000
мекс. долл. 450 000
шанх. таэлей[5] 695 797
У Самена[6].....в Лондоне ф. ст. 606 644
в Париже фр. 21 279 482
У Угета в Нью-Йорке.....амер. долл. 22 500 000
У Крживицкого в Шанхае.....мекс. долл. 30 000

Кроме того, в распоряжении Кредитной канцелярии находилось:

В Индо-Китайском банке.....фр. 15 680 000
В Русско-Азиатском банке в Шанхае.....амер. долл. 1 170
ф. ст. 3 570
шанх. дайян 246 226
В банке Ландманс.....дат. крон 9 000 000
В Иокогама Спеши банке и Чосен банке.....иен 818 657
У генерала Подтягина, бывшего военного атташе Омского правительства в Японии.....иен 6 255 000

С 8 июля 1920 г., согласно книгам Кредитной канцелярии, не было сделано никакой записи на вышеозначенные счета.

В последние дни существования Омского правительства по распоряжению Министерства финансов все суммы были переведены на личные счета финансовых агентов. Возврат этого золота со счетов частных лиц, не представляющих никакого правительства, явится лишь запоздалым актом справедливости[7]

Заслуживающие доверия данные были приведены в вышедшей в 1924 г. в Харбине монографии бывшего управляющего финансами Иркутского Политцентра, а затем управляющего финансовым ведомством Временного правительства Дальнего Востока — Приморской земской управы — А.И. Погребецкого. Большинство сведений об остатках «колчаковских» денег на счетах финансовых агентов в основном совпадает с данными, обнародованными советской делегацией в Генуе. Погребецкий, сообщая о займах под залог золота, сделанных колчаковским правительством незадолго до своего падения, совершенно справедливо писал, что «условия займа были таковы, что не оставляли сомнения в полном переходе собственности на золото к иностранцам, ибо на возврат его (оплатив долг) не было и не могло быть никаких ресурсов». Здесь же Погребецкий сообщал, что в последние дни своего существования Омское правительство, «опасаясь возможного перехода этих ценностей к революционной власти, сделало распоряжение за границу о перечислении всех сумм на личные счета финансовых агентов»[8].

Со времени публикации работ Новицкого и Погребецкого и меморандума советской делегации в Генуе сведений о судьбе российских денег за рубежом практически не прибавилось. В 1961 г. появилась ценная публикация А.П. Кладта и В.А. Кондратьева, в которой были приведены данные о количестве золота, отправленного из Омска во Владивосток[9]. Оттуда уже золото переправлялось за границу.

Но что стало с немалыми суммами, оказавшимися на счетах различных финансистов за рубежом? Ведь правительство адмирала Колчака пало в январе 1920 года, так и не успев потратить причитавшиеся ему миллионы фунтов стерлингов, долларов и иен. На протяжении десятилетий этот вопрос волновал историков и финансистов, породив обширную литературу на разных языках, и не только научную. Так, английский писатель Брайан Гарфилд выпустил роман «Золото Колчака»[10], в котором изобразил поиски нацистами якобы спрятанного где-то в шахте в Сибири золота, а затем борьбу за колчаковские сокровища ЦРУ и КГБ. Другой британец — историк Джонатан Смил — посвятил проблеме колчаковского золота обширную статью под названием «Золото белых: золотой запас Российской империи на антибольшевистском Востоке», в которой справедливо назвал историю колчаковского золота «незавершенной главой» русской Гражданской войны[11].

Еще в 1929 г. парижская газета «Возрождение» писала, что, по слухам, золото, не попавшее в руки большевиков, было разделено на четыре части и где-то в Сибири зарыт клад в 20 млн золотых рублей[12]. Сообщения об экспедициях, время от времени отправляющихся на поиски «золотой шахты» или чего-то подобного, до сих пор появляются на страницах газет и журналов.

В 1990-е на страницах российской печати появилось множество публикаций о царском и колчаковском золоте, которое якобы находится до сих пор в английских и японских банках и при помощи которого Россия сможет погасить свой внешний долг. Наиболее шумным и плодовитым среди авторов, писавших на эти темы, был В.Г. Сироткин, подсчитавший, что, учитывая набежавшие проценты, стоимость российского золота за рубежом составит 100 млрд долл. Для того чтобы дать представление о квалификации этого автора, приведу лишь два перла. Так, Сироткин утверждал, что «зарубежная "белая" Россия фактически к 1921 г. ... стала распорядителем огромных валютных резервов в 3 млрд 617 млн зол. руб.»[13]. Для сравнения — золотой запас Российской империи оценивался на 1 января 1914 г. в 1695 млн зол. руб. Таким образом, получалось, что в распоряжении «зарубежной России» мистическим образом оказалась сумма, более чем в два раза превышающая стоимость имперского золотого запаса!

Другой перл: как величайшая сенсация была преподнесена Сироткиным справка «Русское золото за границей», составленная В.И. Моравским, несколько дней исполнявшим должность министра финансов одного из последних дальневосточных правительств. Ксерокопию справки, находящейся среди бумаг Моравского в архиве Гуверовского института, Сироткин получил от тогдашней аспирантки Новосибирского университета Н. Аблажей-Долженковой. Справку, представляющую собой листок бумаги, исписанный с одной стороны от руки, Сироткин перепечатал в нескольких газетах, факсимиле поместил даже на форзаце своей книги «Зарубежное золото России». На самом деле справка — не что иное, как выписки из цитированной выше книги А.И. Погребецкого «Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции», хорошо известной специалистам. Это бесспорно подтверждается тем, что оттиск соответствующих страниц книги Погребецкого находится среди бумаг Моравского в архиве Гуверовского института (коробка 5, папка 39). Подробный разбор анекдотических сочинений В.Г. Сироткина интересующийся читатель найдет в наших публикациях в периодике[14].

Разумеется, человеку, знакомому с историей русской Гражданской войны и русской эмиграции, на ум сразу приходит мысль о том, что колчаковское «наследие» было потрачено на поддержку Белого движения (оно ведь продолжалось еще год после падения Колчака) и затем на помощь в расселении беженцев, содержание дипломатических учреждений, деятельность благотворительных организаций за рубежом и т.п. Однако одно дело предполагать, другое — знать. Отсутствие достоверных данных позволяло, например, некоторым российским историкам (которые, вероятно, судили о нравственности российских финансовых агентов по поведению отдельных современных банкиров) писать, что деньги финансистами Белого движения были просто «приватизированы»[15].

Чем же объяснялось отсутствие сколько-нибудь достоверных сведений о судьбе колчаковских денег и в печати, и в российских архивах? Дело в том, что лица, причастные к хранению и расходованию казенных сумм, передавали в архивы финансовые документы, это «тайное тайных» российской «дипломатии в изгнании», в последнюю очередь, причем в архивы, находящиеся как можно дальше от Москвы. В Русский заграничный исторический архив в Праге практически никаких документов, относящихся к деятельности эмигрантских финансистов, передано не было. Да и позднее лица, причастные к хранению и расходованию государственных средств, стремились сохранить документы подальше от любопытных глаз. Ведь деньги, как мы увидим из дальнейшего изложения, тратились на протяжении достаточно долгого времени.

Так, уже после Второй мировой войны российский посол в Вашингтоне в 1917—1922 гг. Б.А. Бахметев писал К.В. Деникиной, вдове одного из вождей Белого движения, по поводу намерения дочери М.В. Бернацкого — министра финансов Деникина и Врангеля, имевшего затем самое непосредственное отношение к заведованию казенными суммами за рубежом, — продать (или сдать на хранение) его архив в Колумбийский университет в Нью-Йорке:

> Если предположение об организации архива при Университете осуществится, то во всяком случае все это будет касаться документов политического или близко-политического характера, имеющих исторический интерес. Опасаюсь, насколько можно судить, что документы в руках дочери М.В. [Бернацкого] относятся к области делопроизводства официальных эмигрантских установлений, действовавших за границей после большевистского переворота. В значительной мере, как я полагаю,

документы эти касаются распоряжения бывшими государственными суммами. Для историков документы не интересны. Но в руках большевиков или их друзей это будет чудный материал для демагогических выступлений и пропаганды[16].

Бахметев считал, что судьба документов должна быть решена после обсуждения вопроса с сотрудниками Бернацкого, «которые живы и находятся в Париже и Лондоне», и что доступ к ним должен быть разрешен не ранее чем через 50 лет.

Архив Бернацкого в конечном счете все-таки оказался за океаном и хранится теперь в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете. Еще раньше российские дипломатические архивы начали отправляться в Гуверовский институт войны, революции и мира при Стэнфордском университете в Калифорнии (тогда институт назывался Hoover War Library, Гуверовская военная библиотека). Здесь же оказались архивы Белого движения на Юге России, вошедшие в фонд их последнего «владельца» — генерала П.Н. Врангеля, архивы российских посольств в Париже и Вашингтоне, личный фонд российского посла в Париже в 1917—1924 гг., а затем председателя Эмигрантского комитета В.А. Маклакова и многие другие материалы, без которых невозможно изучать историю русской Гражданской войны и эмиграции. Документы, относящиеся к интересующей нас проблеме, рассредоточены по различным фондам, находящимся в основном в американских и британских архивах. Если бы кто-нибудь хотел специально запутать исследователя, он бы, наверное, не смог придумать ничего лучшего, чем то, что сложилось «естественным путем».

Проследить историю колчаковского золота, как и вырученных за него денег, трудно, но возможно. Смысл подобного «исторического расследования» мы видим не только (и не столько) в том, чтобы поставить точку в затянувшихся дебатах о судьбе колчаковского золота и сэкономить время и силы энтузиастов, все еще надеющихся отыскать сокровища где-нибудь в тайге. История колчаковского золота послужит для нас стержнем, на который будут «нанизаны» проблемы истории Белого движения и его заграничного финансирования, взаимоотношений белых и союзников, российской «дипломатии в изгнании» и некоторые другие.

В конечном счете это еще одна попытка ответить на ключевой вопрос российской истории XX столетия — почему в Гражданской войне победили красные, а не белые?

«История денег» — предмет увлекательный, но он не является для нас самоцелью. «История денег» — это история людей, их взаимоотношений *по поводу* денег. Проблемами финансирования антибольшевистского движения, а затем помощи русской эмиграции занимались люди, оставившие немалый след в российской истории. Это были не только профессиональные финансисты, вроде бывшего министра финансов Российской империи П.Л. Барка или агента российского Министерства финансов в Париже А.Г. Рафаловича. Среди них были генералы и общественные деятели, предприниматели и адвокаты, дипломаты и публицисты.

Проблема заграничного финансирования и снабжения Белого движения не сводится к истории колчаковского золота. Еще одним важным ресурсом было заготовленное, но так и не отправленное в Россию имущество, находившееся в США. Достаточно сказать, что его общий вес составлял около 500 тыс. тонн[17]. Это были в основном товары «двойного назначения» — рельсы, паровозы, подъемные краны, подошвенная кожа и т.д. Его балансовая стоимость превышала стоимость всего золота, и проданного, и отправленного колчаковскими финансистами за рубеж в качестве обеспечения займов. Кроме того, на счета российского посла в Вашингтоне Б.А. Бахметева были переведены остатки отпущенных Временному правительству, но еще не реализованных кредитов на сумму свыше 56 млн долл.

Судьба «бахметевских миллионов» стала предметом споров в эмигрантской печати (точнее, в эмигрантском «самиздате») в 1920-е гг.[18] Эта проблема затрагивалась также в работах Ф. Шумана, Р. Мэддокса, Д. Фоглсонга, однако американские историки рассматривали прежде всего взаимоотношения Российского посольства и администрации США, использовавшей посольство как удобный канал для помощи антибольшевистским силам в обход Конгресса и позволявшей расходовать средства, которые должны были бы пойти на погашение американских кредитов[19]. В этих исследованиях, к которым мы будем обращаться в дальнейшем, в то же время не рассматривались вопросы расходования посольством средств, полученных из иных источников, нежели американские кредиты и продажа имущества, приобретенного за счет иностранных кредитов. А к этим иным источникам относились, в частности, средства, полученные от реализации наиболее крупного «золотого займа» Колчака, продажи поташа и некоторых других товаров.

За рубеж белые правительства отправляли не только золото, но и платину, серебро, меха, вино, табак, зерно. Однако вырученные

средства от эпизодических продаж не шли ни в какое сравнение с суммами, полученными в результате реализации золота.

При подготовке настоящего исследования мы опирались преимущественно на архивные материалы, отложившиеся в различных хранилищах России, США и Великобритании. Это прежде всего фонд Особенной канцелярии по кредитной части колчаковского Министерства финансов, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Именно Кредитная канцелярия ведала операциями с золотом. Особую ценность представляют хранящиеся в ГАРФ воспоминания директора Иностранного отделения Кредитной канцелярии А.А. Никольского, непосредственно занимавшегося продажами золота и отправкой его за рубеж.

Наибольшее значение для выяснения судьбы колчаковского золота, как и «бахметевских миллионов», имеют архивы дипломатических учреждений и личные фонды некоторых дипломатов, финансовых агентов (атташе) и деятелей Белого движения. Среди них фонды (коллекции) Российских посольств в Вашингтоне и Париже (Архив Гуверовского института), Канцелярии Министерства иностранных дел при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России и Русского политического совещания в Париже (ГАРФ), личные фонды посла в Вашингтоне Б.А. Бахметева, М.В. Бернацкого, агента Министерства торговли и промышленности в Японии и одновременно и. о. финансового агента К.К. Миллера (Бахметевский архив), последнего министра финансов колчаковского правительства П.А. Бурышкина (ГАРФ), председателя Совещания российских послов в Париже М.Н. Гирса (в состав коллекции Гирса входит архив С.Д. Сазонова, материалы Совещания российских послов в Париже), В.А. Маклакова, П.Н. Врангеля (Архив Гуверовского института), коллекция Земгора, в состав которой входят материалы Русского политического совещания и Совещания российских послов в Париже, а также часть личного архива Маклакова (Русский архив в Лидсе). Нами перечислены лишь важнейшие из использованных нами архивных фондов.

К числу важнейших опубликованных источников, наряду с упоминавшейся выше публикацией А.П. Кладта и В.А. Кондратьева, относится переписка российских послов в Париже и Вашингтоне В.А. Маклакова и Б.А. Бахметева. Они имели непосредственное отношение к хранению и распределению российских государственных средств. В переписке содержатся сведения, позволяющие понять непростые взаимоотношения российских диплома-

тов и деятелей Белого движения в России, истинные мотивы тех или иных политических — и финансовых — решений. Переписка весьма откровенна, иногда письма имеют «шапку» «совершенно лично и доверительно!». Это уникальный источник по истории Белого движения, российской «дипломатии в изгнании» и русской эмиграции. Кроме «информационной» письма имеют, на наш взгляд, эстетическую ценность — это блестящий образец эпистолярного жанра. Переписка охватывает период 1919—1951 гг., письма хранятся в архиве Гуверовского института в фонде В.А. Маклакова и в Бахметевском архиве в фонде Б.А. Бахметева. Переписка опубликована нами полностью в трех томах[20].

В совокупности изучение и анализ указанных выше материалов позволяют понять многие аспекты финансовой, дипломатической и политической истории Гражданской войны и дописать ее «незавершенную главу».

Глава 1

ДЕНЬГИ ДЛЯ БЕЛОГО ДЕЛА

Pecunia nervus belli.
Деньги — нерв войны.
Марк Туллий Цицерон

Денег всегда остро не хватает воюющим странам. Что же говорить о войне гражданской, которая ведет к расстройству финансовой системы еще в большей степени, чем война с внешним противником. В русской Гражданской войне положение белых было, с одной стороны, гораздо хуже, чем положение красных: под контролем большевиков оказался промышленный центр страны и ее основные транспортные артерии. С другой стороны, в руки колчаковцев попала большая часть российского золотого запаса на сумму более 645 млн золотых рублей.

Заграничные «путешествия» русского золота (1914—1917). Внешние займы

Чтобы лучше понимать проблемы, с которыми столкнулись финансисты и «снабженцы» Белого движения, как и «белая дипломатия», рассмотрим вкратце судьбу имперского золотого запаса.

Накануне Первой мировой войны императорская Россия занимала третье место в мире по размерам золотого запаса, уступая США и Франции. На 1 января 1914 г. золотой запас России оценивался в 1695 млн руб. (без учета так называемого «золота за границей», хранившегося на счетах в иностранных банках для обеспечения расчетов и поддержания курса рубля). На 16 июля 1914 г. золотой запас в России оценивался в 1603 млн руб., российское золото за границей — в 141 млн руб. На январь 1915 г. золотой запас Франции оценивался в 168 млн ф.ст., России — 150 млн и Англии в 90 млн ф.ст.[1]

Золотое содержание рубля, согласно Монетному уставу 1899 г., составляло 0,77423 грамма чистого золота[2].

Физически большая часть российского золота — в монетах и слитках — находилась в хранилищах Государственного банка в Петербурге, переименованном в 1914 г. в Петроград. С началом Первой мировой войны, продолжавшейся, вопреки ожиданиям, не месяцы, а годы, начались и «путешествия» российского золотого запаса. Часть золота была отправлена в Англию, для поддержания курса фунта стерлингов; в этой валюте кредитовались союзники Великобритании, и они были заинтересованы в поддержании покупательной способности фунта. Следует иметь в виду, что, несмотря на переход на золотой стандарт, рубль практически не использовался при расчетах на международной арене, в то время как фунт стерлингов обслуживал около 80% мировой торговли[3]. Фактически российское золото служило обеспечением кредитов, и нетрудно было предположить, что в страну оно более не вернется. Уж больно велики были заимствования, и трудно было представить, что Россия сумеет вернуть долги в срок.

Финансовую политику союзников по отношению к истекающей кровью России и современники, и большинство исследователей оценивали как по меньшей мере сомнительную в моральном отношении. «Значит, с ножом к горлу прижимают нас добрые союзники — или золото давай, или ничего не получишь. Дай Бог им здоровья, но так приличные люди не поступают», — говорил на заседании Совета министров 19 августа 1915 г. государственный контролер П.А. Харитонов. На некорректность поведения союзников указывал и главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин: «Они восхищаются нашими подвигами для спасения союзных фронтов ценою наших собственных поражений, а в деньгах прижимают не хуже любого ростовщика». Союзники, подчеркивал он, ведут себя «чересчур благоразумно» за счет России. Однако дело обстояло не так просто. «Мы тоже, — возражал Кривошеину министр иностранных дел С.Д. Сазонов, — благоразумно отступаем, когда наши неисчерпаемые резервы допускают риск сражения, даже не одного, а нескольких. У французов же все в окопах, резервов у них нет и риск для них равносилен гибели». Харитонов, заметив, что неплохо было бы «поприжать» союзников, отметил ради справедливости заслуги Англии: «Без ее флота Петроград давно бы не существовал»[4].

Министр финансов П.Л. Барк, как можно судить по записям, стремился вернуть своих коллег от морально-теоретических дискуссий к более земным проблемам: он указывал, что речь идет о

платежах в США, куда союзники сами вывозят золото, и что если «мы откажемся вывезти золото, то мы ни гроша не получим в Америке и с нас за каждое ружье американцы будут требовать платы золотом». Отвечая на реплику кн. В.Н. Шаховского, считавшего вывоз золота недопустимым, так как это поведет к расстройству денежного обращения, Барк говорил: «Стоимость рубля находится в зависимости не от обеспечивающего его золота, а от перегруженности страны бумажными знаками и, больше всего, от удачливости военных действий. Охрана золотого запаса при запрете свободного размена — фетишизм». Итог дискуссии подвел Харитонов: «Несостоятельность России по американским платежам повлечет за собою такое падение курса, что рубль наш и 10 копеек не будет стоить. Как ни печально, но в данном вопросе приходится идти в хвосте у англичан и французов»[5].

Автор новейшего исследования по финансовой политике России в период Первой мировой войны С.Г. Беляев справедливо замечает, что «принципиальная договоренность о вывозе золота в Англию была достигнута еще на парижской конференции союзников в начале 1915 г., что было продиктовано затруднительным положением Банка Англии, а не желанием английского правительства воспользоваться трудностями своего русского союзника, которые тогда еще не усугубились до такой степени, как летом 1915 г.»[6]

Критика в адрес союзников раздавалась и позднее, в то время когда состав кабинета министров существенно изменился, а вопрос об отправке золота возник вновь в связи с новыми заимствованиями Российского правительства в Англии. В ходе заседания соединенного присутствия Совета министров и комитета финансов претензии Англии квалифицировались как «домогательства союзной державы», а участники заседания кн. Шаховской, Н.Н. Покровский и С.И. Тимашев предсказывали, что золото в Россию уже не вернется[7]. Одним из аргументов против отправки золота, выдвигавшимся российской стороной, было несоблюдение принципа финансовой солидарности союзников Францией, которая не выслала в распоряжение Английского банка золото в соответствии с Булонским соглашением министров финансов России, Англии и Франции. Российским финансистам также казалось, что уровень «безопасности» устойчивости фунта, определенный Английским банком и Минфином, завышен.

Справка, предоставленная британским правительством в сентябре 1916 г., однако же, рисовала несколько иную картину. Ока-

залось, что из общего количества золота на сумму, превышающую 220 млн ф. ст., отправленного в США, менее 100 млн ф. ст. было внесено Россией, Францией и Италией, в то время как на долю собственно английских запасов приходилось более 120 млн ф. ст. Британское посольство 20 сентября (5 октября н. ст.) 1916 г. передало российскому правительству новую записку, в которой сообщало, основываясь на телеграмме министра иностранных дел лорда Э. Грея, что Франция уже доставила золота на 63 млн ф. ст. и обязалась доставить еще на 42 млн, в то время как вклад России составлял 28 млн ф. ст. В случае выполнения Францией и Россией своих обязательств в полном объеме, первая должна была передать в распоряжение Английского банка в общей сложности золота на 105 млн ф. ст., а вторая — на 68 млн. В то же время кредиты России были «почти в два раза больше, чем кредиты Франции»[8].

С начала войны по 1916 г. Франция вывезла в Нью-Йорк, Лондон и Мадрид золота на сумму 977 611 тыс. франков[9]. Руководители российского финансового ведомства и далее весьма интересовались количеством золота, доставленного Францией в распоряжение английского казначейства. Масштабы были весьма внушительны и существенно превышали российский вклад — на январь 1917 г. Франция выслала золота на 2706 млн фр.[10] Для сравнения — на 30 июля 1914 г. золота в балансе Банка Франции числилось на 4141 млн фр. Военные долги Франции, прежнего всемирного кредитора, к концу мировой бойни были весьма внушительны. Так, ее долг Англии на 31 декабря 1918 г. составил 372 557 786 ф. ст.[11]

Таким образом, обижаться не приходилось, тем более что нужда в валюте становилась все острее. В результате за годы войны в кладовые Английского банка было доставлено русского золота на 68 млн ф. ст. (из них на 8 млн ф. ст. было продано) и российский золотой запас значительно «похудел».

Шансов на возвращение золота было в самом деле немного. Вместо отправленного золота российский Государственный банк получал беспроцентные обязательства английского казначейства, депонированные в Банке Англии. Они должны были быть погашены в период с 5 января 1919 г. по 8 декабря 1921 г.[12] Трудно предположить, что Россия смогла бы выкупить «одолженное» золото, даже если представить, что история пошла бы по-другому и большевистского переворота не случилось. Возможно, если бы Россия оказалась полноправным участником мирных переговоров, встал

бы вопрос и о реструктуризации долгов. Но все это — лишь воображаемые возможности, реальность же оказалась страшнее любых фантазий, а проблема золота и внешних заимствований «разрешилась» совершенно неожиданным образом.

Россия не могла обеспечить снабжение армии и промышленности собственными силами[13]. Для закупок вооружения, боеприпасов и других предметов снабжения в Лондоне в сентябре 1914 г. был создан Англо-Русский комитет, преобразованный в октябре 1915 г. в Русский правительственный комитет, начальником которого был назначен генерал-лейтенант, инженер по образованию, Э.К. Гермониус[14] (впоследствии ему пришлось возглавить Управление заграничного снабжения армий белых). Закупки производились в кредит. Британская промышленность не могла справиться с обеспечением всем необходимым, помимо собственной армии, еще и двух союзных — французской и русской. Все больше заказов союзники начали размещать на американском рынке; причем если англичане могли кредитоваться напрямую, то Россия оплачивала заказы преимущественно за счет британских кредитов.

Если «золотая наличность» Государственного банка в России составляла к концу 1914 г. примерно 1 560 млн руб., то на 8 февраля 1917 г. она сократилась до 1 096 млн руб.[15] Золотой запас сократился с 1208 тонн в конце 1914 г. (после продажи Англии 58 тонн золота в октябре 1914 г.) до приблизительно 850 тонн в феврале 1917 г.[16] Вдобавок Временным правительством накануне Октябрьского переворота было отправлено в Швецию золота на 5 млн руб.

Итоги заграничного кредитования царского и Временного правительств выглядят следующим образом. Львиная доля средств была заимствована в Англии — 582,2 млн ф. ст. (в пересчете на золотые рубли — 5 506 200). Другими кредиторами России были Франция — 4250 млн фр. (1 593 800 зол. руб.), США — 273,7 млн долл. (531 млн зол. руб.), Япония — 296,5 млн иен (287,2 млн зол. руб.), Италия — 36,1 млн лир (13,5 млн руб.). Всего же военные долги России составили 7 931 700 зол. руб.[17] Приведенные цифры являются, на наш взгляд, наиболее достоверными, ибо подсчеты произведены лицами, непосредственно занимавшимися вопросами получения и распределения кредитов — а именно последним директором Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов Российской империи, а затем Временного правительства Конрадом Евгеньевичем фон Заменом при

помощи его бывших сотрудников А.Э. Ломейера, Ю.С. Павловского и П.К. Фетерлейна.

В литературе приводятся и другие цифры, причем советские историки были склонны занижать величину российского военного долга, отказываясь учитывать суммы, выданные «после Октябрьской революции представителям старой власти» и использованные ими «в контрреволюционных целях»[18]. Как бы то ни было, после Октябрьского переворота «представители старой власти», находившиеся за границей, столкнулись с серьезными финансовыми проблемами.

Захват золота каппелевцами. Золото: от Казани до Омска

Золото перемещалось не только за границу. Осенью 1915 г. германские войска, вторгшиеся в Прибалтику, вышли к рубежу Западной Двины; это побудило российские власти отправить часть золотого запаса — 526 мешков золотой монеты — в обширные кладовые Казанского банка. Золото из Петрограда, находившегося в опасной близости от линии фронта, перемещалось и в другие отделения Государственного банка во внутренних губерниях. После захвата власти большевиками в силу различных политических обстоятельств сосредоточение золота в Казани продолжалось. В мае 1918 г. в Казань доставили золото, хранившееся в Тамбовском отделении Госбанка, в июне прибыло золото из Московской и Самарской контор Госбанка, а вместе с ним вывезенные ранее из Петрограда ценности Монетного двора, Главной палаты мер и весов и Горного института. Всего в хранилищах Казанского банка оказалось около 80 тысяч пудов драгоценностей — золота, платины, серебра[19].

Однако казавшееся совсем недавно безопасным Поволжье оказалось в эпицентре Гражданской войны. Выступление против большевиков чехословацкого корпуса в мае 1918 г., образование 8 июня в Самаре эсеровского (затем разбавленного представителями других партий) Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), формирование им Народной армии — все это положило начало антибольшевистскому фронту. Со своей стороны, большевики создали Восточный фронт. В Поволжье развернулись ожесточенные бои. В этой обстановке Совнарком принял решение об эвакуации золота из Казани. 28 июля в Казань для вывоза ценностей в Ниж-

ний Новгород прибыла Особая экспедиция (правда, состояла она всего из трех человек) из Москвы во главе с инспектором Народного банка К.П. Андрушкевичем. Содействие Особой экспедиции должны были оказать местные большевики и командование Восточного фронта.

Вывезти золото было физически не простым делом. Для доставки его к пристани по приказу командующего фронтом И.И. Вацетиса к зданию банка форсированными темпами прокладывались трамвайные пути. Вывоз золота был намечен на 5 августа, однако именно в этот день развернулись бои за город. Особой экспедиции удалось вывезти на четырех автомобилях лишь 100 ящиков золота и несколько мешков кредитных билетов[20]. Стоимость вывезенного большевиками золота составляла около шести миллионов рублей[21].

К полудню 7 августа 1918 г. «Казань была в наших руках со всеми ее колоссальными запасами и с ее исключительным влиянием», — записал один из руководителей штурма города, управляющий военным ведомством Комуча эсер В.И. Лебедев. Решающую роль при захвате Казани сыграли чехословацкие формирования и части Народной армии под командованием подполковника В.О. Каппеля, впоследствии одного из самых прославленных командиров войск белых. «В Казани мы взяли 30 000 пудов золота, на 100 миллионов рублей кредитных знаков, всю платину, которая была в российских банках, массу серебра и на неисчислимую сумму процентных бумаг, свезенных сюда из всех главных банков России. Все это было мною немедленно отправлено в Самару...» — свидетельствовал Лебедев[22].

Красочную картину погрузки золота рисует в своих воспоминаниях один из каппелевских офицеров. По его словам, «перевозочных средств не было, все было захвачено убегавшими красными». По приказу Каппеля к зданию Госбанка были поданы трамвайные вагоны, на которые и грузили золото: «Добровольцы, как муравьи, поодиночке и группами переносили ящики из кладовых банка, где на полу было рассыпано много золотых монет: видимо, уже начали грабить большевики, но не успели... Добровольцы подбирали с пола монеты и передавали их Каппелю, кладя на стол, за которым он сидел. Тогда никому в голову не приходило взять закатившуюся золотую монету себе на память. Все подобранные монеты назначенная Каппелем комиссия аккуратно пересчитывала и снова укладывала и забивала в ящики и отправляла вместе с другими ящиками на пароход "Фельдмаршал Суворов". Было погружено 650 000 000 золотых

рублей в монетах, 100 миллионов рублей кредитными знаками, слитки золота, запас платины и другие ценности»[23].

Заметим, что использование трамвайных вагонов для перевозки золота — едва ли не самого экзотического способа транспортировки такого рода груза — было не только результатом смекалки Каппеля, как можно понять из воспоминаний его подчиненного и восторженного поклонника. Трамвайные пути к зданию Госбанка были проведены еще по приказу командующего красных, ибо перевозка золота на немногочисленных и, вероятно, не очень надежных автомобилях заняла бы много времени и привлекла бы нежелательное внимание.

Воспоминания о «немедленной» отправке золота еще раз демонстрируют, какая ненадежная штука память. На самом деле золото было отправлено из Казани в Самару приблизительно через две недели после захвата войсками Комуча родины большевистского лидера. Отправлено золото было на двух пароходах, один из которых, оснащенный орудиями и пулеметами, в сопровождении особого офицерского отряда специально прибыл из Самары. 22 августа «Вестник Комуча» сообщил: «В. Лебедев телеграфировал Комучу, что им закончена отправка из г. Казани в г. Самару российского золотого запаса. Весь золотой запас исчисляется в нарицательной сумме 657 млн руб., а по теперешней стоимости 6,5 млрд руб., кроме того, отправлено на 100 млн руб. кредитными знаками, запасы платины и серебра и иные ценности»[24].

Советские историки А.П. Кладт и В.А. Кондратьев, первыми опубликовавшие на основании материалов, отложившихся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ныне — Государственный архив Российской Федерации), сведения о количестве и стоимости «казанского золота», высказали предположение, что стоимость золота, захваченного в Казани, «значительно преуменьшена в сообщении Комуча». «Первая проверка золотого запаса, — указывают они, — была проведена в апреле 1919 года колчаковским правительством, но проверкой было установлено только наличие золота, привезенного в Омск. Все учетные документы на золотой запас (часть их пропала еще при Комуче) были вывезены во Владивосток и в руки Советской власти не попали, в связи с чем точная стоимость золотого запаса, вывезенного из Казани, до сих пор не установлена»[25].

Между тем в руки советской власти попало гораздо больше документов о золоте, чем представлялось исследователям в начале

1960-х гг. Документы свидетельствуют, что в сообщении Комуча стоимость захваченного золота не преуменьшена, а преувеличена. Согласно справке, подготовленной бухгалтером Казанского отделения Госбанка Ф. Гусевым, на балансе отделения должно было числиться золота, принадлежащего банку, на 631 628 688 руб. 89 коп., включая 100 ящиков с золотой монетой, эвакуированных большевиками «при освобождении г. Казани от советской власти». На счете «переходящие ценности» числилось благородного металла на 19 907 145 руб. 75 коп. К переходящим ценностям были отнесены слитки частных банков и ценности Монетного двора[26].

Нетрудно подсчитать, что стоимость «казанского золота», согласно учетным документам, составляла 651 535 834 руб. 64 коп. Позднее, уже в Омске, после перепроверки документов Казанского отделения сотрудниками Госбанка была указана несколько меньшая сумма — 651 534 407 руб. 21 коп.[27] Похоже, что Лебедев ошибочно приплюсовал к «нарицательной стоимости» казанской части золотого запаса стоимость золота, вывезенного большевиками, вместо того чтобы ее вычесть.

Прежде чем оказаться в Омске, золото проделало следующий путь: доставленное в конце августа в Самару, уже через месяц оно было отправлено в Уфу; в Самаре на пять эшелонов было погружено 8399 ящиков, 2468 мешков и 18 сумок золота; простояв около недели в Уфе, где даже успели разгрузить один состав, 6 октября золотые эшелоны ввиду угрозы захвата города большевиками отправились дальше на восток. Заметим, что к этому времени конфигурация власти «демократической контрреволюции», по определению министра труда Комуча и будущего советского академика И.М. Майского, заметно изменилась. 23 сентября 1918 г. решением Государственного совещания в Уфе было образовано Временное Всероссийское правительство (Директория). Предполагалось, что произойдет объединение всех антибольшевистских правительств Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Но пока что это была декларация, и на деле различные правительства продолжали существовать, а их члены вели борьбу за контроль над будущим объединенным правительством или, по крайней мере, за места в нем. Золотой запас был весомым аргументом в руках Совета управляющих ведомствами (правительства) Комуча.

Хотя Комуч официально прекратил свое существование с образованием Директории, а Совет управляющих ведомствами перешел на положение областного уфимского правительства, расста-

ваться с золотом, вопреки настояниям Сибирского правительства, Совет не спешил. Сибирское правительство аргументировало необходимость отправки золота в Омск соображениями безопасности. Очевидно, что политические причины играли не меньшую, если не большую роль. Однако золотой запас перевезли поначалу в Челябинск, и уже оттуда он совершенно неожиданно для членов Совета управляющих был отправлен в Омск, куда и прибыл 13 октября 1918 г. Решающую роль в отправке золота сыграл министр финансов Временного Сибирского правительства (затем — министр финансов Директории) И.А. Михайлов[28].

Произошло это при следующих обстоятельствах. Члены уфимского Совета управляющих ведомствами в полном составе отправились искать надежное хранилище для золота, опрометчиво оставив «золотой поезд» без надзора официальных лиц. Надежным хранилищем сочли в конце концов зернохранилище Государственного банка. Однако когда деятели бывшего Комуча вернулись на станцию, поезда там уже не оказалось. Его «угнал» Михайлов. Почему охрана послушалась его указаний? В литературе высказывались предположения о подкупе, так же как о том, что офицеры охраны не сочувствовали эсеровскому правительству и охотно пошли на передачу золота в распоряжение считавшегося более правым Временного Сибирского правительства. Между тем ларчик открывался просто: офицеры выполнили приказ начальства — командующего Сибирской армией (в то время — генерал П.П. Иванов-Ринов), к которому, в свою очередь, обратился Михайлов с просьбой «немедленно отправить три поездных состава с золотым запасом под усиленной военной охраной со станции Челябинск на станцию Омск»[29]. Так, по остроумному замечанию Дж. Смила, произошла самая крупная кража золота в истории[30]. Правда, стороны не стали раздувать скандал: одни были заинтересованы в установлении контроля над золотым запасом, другие не хотели выглядеть глупцами.

В литературе — и «красной», и «белой» — муссировалась тема грабежа, растраты народного достояния во время транспортировки золота из Казани в Омск. Между тем в финансовых документах отражен только один реальный случай пропажи золота — при начавшейся было разгрузке золота в Уфе рассыпались золотые монеты из поврежденного мешка, в результате чего было похищено 410 руб. Недосчитались также нескольких иностранных монет — в рублевом эквиваленте на 146 руб. 39 коп.[31] Они, по-видимому, выпали из прохудившихся мешков при транспортировке.

Пересчет золота, произведенный в Омске в апреле—мае 1919 г. группой служащих Минфина и Госбанка под руководством старшего кассира Н.П. Кулябко, показал, что в наличии (считая слитки и монеты, отправленные к тому времени во Владивосток, о чем речь пойдет ниже) имелось золота на 645 410 610 руб. 79 коп. Разницу — 6 123 796 руб. 42 коп. — составила стоимость золота, содержавшегося в 100 ящиках, увезенных из Казани большевиками накануне ее падения, а также «непокрытого недочета в поврежденных мешках» и не нашедшего «удовлетворительного объяснения» расхождения в наличии дефектной монеты и монеты старого чекана по документам и по результатам проверки[32]. Последнее скорее являлось результатом путаницы в документах, нежели хищения. В некоторых случаях оценки золота различными «инстанциями», ответственными за его аффинаж (специальную обработку для отделения золота от примесей) и хранение, существенно расходились. Так, стоимость золота, находившегося в 17 почтовых посылках, присланных из золотосплавочных лабораторий на адрес Монетного двора, была определена лабораториями в 499 898 руб., а Московской конторой Госбанка — в 486 598 руб. Разница оказалась ни много ни мало в 13 300 руб.[33]

Акты, составленные при передаче 100 ящиков золота представителям Москвы, не были по неизвестным причинам вывезены из Казани. Исходя из того что в стандартном ящике находилось, как правило, монеты на 60 тыс. руб., на большевиков, строго говоря, следовало «списать» золота на 6 млн руб. из недостававших 6 123 796.

Впрочем, формально золото, увезенное большевиками, списано не было. По результатам проверки золотого запаса, завершившейся 10 мая 1919 г., была обнародована цифра 651 532 117 руб. 86 коп.[34] Эту сумму — несмотря на точность до копеек — следует считать приблизительной, поскольку, как говорилось в подготовленной работниками Госбанка справке, «многих документов на эвакуированное золото не имеется, а проверка его по натуре затруднена как его большим количеством, так и отсутствием точных приборов для определения веса и главным образом данных о пробе на некоторых слитках»[35].

Кроме золота в российской и иностранной монете, слитках, кружках и полосах, в Омск были доставлены 514 ящиков с неаффинированным золотом, золотыми и платиновыми самородками и другими ценностями Монетного двора, уже упоминавшиеся 17 посылок золотосплавочных лабораторий, а также банковое (на 58 400 руб.) и разменное (на 14 186 000 руб.) серебро[36].

Среди бумаг Госбанка находится «Справка по золоту», датированная (дата проставлена карандашом) 7 марта 1920 г., в которой приводится иная версия происхождения цифры 651 532 117 руб. 86 коп. Согласно автору справки (к сожалению, подпись неразборчива), эта сумма была выведена путем сложения стоимости золота, доставленного в Омск (в справке указана цифра 645 410 096 руб. 79 коп., которая незначительно отличается от приводившейся нами выше), и стоимости ценностей Главной палаты мер и весов и Монетного двора, содержавшихся в 514 ящиках. Их стоимость определяется в справке в 6 122 021 руб. 07 коп.[37]

Среди госбанковских бумаг нами обнаружен также недатированный и неподписанный текст (относящийся, несомненно, к тому же времени, что и цитированная «Справка по золоту»), в котором говорится, что «правильная оценка» содержимого 514 ящиков Монетного двора «не могла быть произведена, и означенные ценности числились на балансе в произвольной сумме 6 122 021 руб. 07 коп.»[38].

Однако это противоречит всем другим документам Госбанка относительно ценностей Монетного двора. На самом деле ящики условно оценивались в один рубль каждый[39]. В документах Госбанка и Минфина неоднократно упоминается, что содержимое ящиков осталось «нерасцененным»[40], что стоимость слитков золотистого серебра и серебристого золота «впредь до отделения золота от серебра, не может быть определена даже приблизительно»[41]. Ни о какой оценке «в произвольной сумме», тем более с точностью до копеек, речь нигде не идет. На чем основывался и какой логикой руководствовался составитель «Справки по золоту», нам, увы, неизвестно. Возможно — но это не более чем предположение — сотрудники Госбанка не хотели демонстрировать новым хозяевам, что оставили на балансе «колчаковского» банка золото, эвакуированное из Казани представителями «рабоче-крестьянского» правительства.

Для существа дела важно, во-первых, то, что, какая бы сумма ни была обнародована для публики, в Омске оказалось золота на 645 410 610 руб. 79 коп. Во-вторых, и эта сумма была приблизительной, ибо золото лишь частично было пересчитано физически, а документы не всегда точно отражали реальное содержание ящиков и мешков. И это таило в себе возможность различных сюрпризов. И не всегда неприятных, как мы увидим в дальнейшем.

Как бы то ни было, для нашего исследования важно не столько то, сколько золота оказалось в подвалах Омского отделения Госбанка, а сколько его на самом деле было отправлено за рубеж.

Министр финансов, он же Ванька Каин

Человек, «умыкнувший» золото из-под носа деятелей Комуча, 28-летний Иван Адрианович Михайлов был, вероятно, самым молодым министром финансов в истории России. Это был чрезвычайно способный человек с весьма необычной биографией. Он был сыном известного революционера-народника, члена «Земли и воли» А.Ф. Михайлова. В биографических справках об И.А. Михайлове его неизменно называют сыном народовольца; несомненно, все авторы черпают сведения о Михайлове из книги Г.К. Гинса[42], повторяя содержащуюся в ней ошибку. «Народная воля» была создана почти через год после ареста А.Ф. Михайлова. Адриан Михайлов прославился участием в одном из самых знаменитых террористических актов 1870-х гг. — убийстве 4 августа 1878 г. шефа жандармов генерала Н.В. Мезенцова в Петербурге. Мезенцова заколол кинжалом С.М. Кравчинский (будущий писатель Степняк). Кучером пролетки, на которой террорист скрылся с места покушения, был Адриан Михайлов. После ареста он был приговорен к повешению, замененному 20-летней каторгой. Каторгу А. Михайлов отбывал в Карийской каторжной тюрьме в Забайкальской области. Выйдя в «вольную команду» (по официальной терминологии — «каторжные внетюремного разряда») в 1890 г., он женился на Н. Добрускиной. Она была членом «Народной воли» эпохи ее упадка, была арестована и приговорена по «Лопатинскому процессу» к смертной казни, замененной 8 годами каторги. В этой «каторжной» семье смертников и родился в 1890 г. сын Иван[43].

Годы каторги и ссылки не остудили революционного темперамента родителей будущего архитектора диктатуры Колчака. В 1905 г., находясь на поселении в Чите, они примкнули к эсерам. Михайлов был негласным редактором газеты «Забайкалье», Добрускина занималась более практическими делами: участвовала в организации побега первого русского террориста нового столетия И.В. Карповича, подготовке убийства тюремного инспектора Метуса и т.п. Однако ее участие в этих «славных делах» осталось нераскрытым, а вот А.Ф. Михайлов был арестован и едва не попал под расстрел. Спасла ведомственная конкуренция: он числился за Министерством юстиции, которое не согласилось передать его в распоряжение карательного отряда генерала П.К. Ренненкампфа. Так что Михайлов отделался годом заключения в крепости. Впрочем, по крайней мере одному члену рода Михайловых суждено было быть расстрелянным.

Любопытно, что современники, говорившие и писавшие об Иване Михайлове, обязательно упоминали место его рождения и, конечно, отца-революционера, но никогда — мать. Похоже, Иван Михайлов не очень стремился афишировать то, что он был наполовину евреем. В пропитанном антисемитизмом белом Омске это отнюдь не способствовало политической карьере. Рогачевская мещанка Генриэтта Добрускина родилась в бедной еврейской семье. Ее отец, по словам дочери, был «романтик и мечтатель, далекий от жизни, свободолюбивый и патриот, мечтавший о Иерусалиме и грезивший им». Он писал стихи на иврите, жил некоторое время в Париже, где бывал у боготворимого им Виктора Гюго, и добрался-таки до Палестины, где и умер. Его дочь была не менее романтична — только предмет ее романтического увлечения был иной: русская революция. Несомненно, она крестилась, иначе не смогла бы выйти замуж за православного. Возможно, это произошло и раньше, так как облегчало пропагандистскую деятельность в рабочей среде.

В июне 1907 г. Михайлов и Добрускина по «виттевской амнистии» уехали в Европейскую Россию, жили в Одессе, после революции — в Ростове-на-Дону. Добрускина вплоть до революции «работала среди женщин-работниц», а в 1917 г. была избрана в Одессе в Совет рабочих депутатов. К сожалению, нам неизвестно, поддерживали ли старые революционеры какую-либо связь с сыном в период Гражданской войны. В своих автобиографиях, написанных в 1926 г., они об Иване Михайлове ни словом не упоминают. Что, в общем, не удивительно. Остается добавить, что А. Михайлов умер в 1929 г., Добрускина — в 1945-м.

Вернемся, однако, к сыну пламенных революционеров (это тот случай, когда навязший оборот можно употреблять без кавычек).

И.А. Михайлов учился в гимназии в Чите, затем закончил экономическое отделение юридического факультета Петроградского университета, при котором и был оставлен «для приготовления к профессорскому званию» (по современной терминологии в аспирантуре) по кафедре политической экономии. Михайлов, несомненно, обладал организаторскими способностями и был толковым исследователем. В годы мировой войны он заведовал петроградским отделением экономического отдела Всероссийского Земского союза. После Февральской революции Михайлов стал одним из ближайших сотрудников А.И. Шингарева и состоял на службе в Министерстве земледелия, затем в Министерстве финансов. По-

зднее Михайлов состоял управляющим делами Экономического совета при Временном правительстве. К тому же он принимал деятельное участие в работе Центрального бюро профессиональных союзов в Петрограде. Не забывал Михайлов и о своих сибирских корнях: с декабря 1917 г. состоял товарищем председателя Петроградского союза сибиряков-областников.

При всей этой бурной и многосторонней деятельности Михайлов умудрялся заниматься исследовательской, точнее, исследовательско-статистической работой. В 1916 г. вышла его брошюра «Война и наше денежное обращение. Факты и цифры» (Пг., 1916. 48 с.) в серии «Война и экономическая жизнь», издававшейся Всероссийским Земским союзом под редакцией П.Б. Струве, в следующем году Михайлов выпустил в той же серии книгу «Государственные доходы и расходы России во время войны (Факты и цифры)» (Пг., 1917. 163 с.). Гинс пишет, что Михайлов составил также книгу «Исчисление народного дохода России в 1900 и 1913 годах», изданную под редакцией видного экономиста и политического деятеля С.Н. Прокоповича, однако нам это издание обнаружить не удалось.

Политические убеждения Михайлова были неясны даже людям, достаточно близко его знавшим. В начале революции он как будто был социалистом-революционером. Возможно, сказались семейные традиции. Впрочем, кто тогда не был эсером? Партия стремительно «распухла» до более чем полумиллиона членов. Позднее, в Омске, Михайлов, по свидетельству Г.К. Гинса, «проявил себя сторонником умеренной демократической политики и всегда поддерживал решительные меры, направленные против левых течений революции, причем обнаруживал много смелости, находчивости и несомненную даровитость»[44].

Особенную даровитость Михайлов проявил в различных интригах, плетении заговоров и, как будто, организации политических убийств. Это ярко проявилось в период борьбы за власть между различными фракциями Сибирского правительства в сентябре 1918 г. В частности, ему приписывали организацию убийства эсера А.Е. Новоселова. Последнее не было юридически установлено, и официально Михайлов не рассматривался в качестве подозреваемого. Чешское командование издало приказ об аресте Михайлова, и ему пришлось некоторое время скрываться, но вскоре этот приказ был отменен. По мнению Гинса, убийство было делом рук «какого-то "услужливого медведя" из мелких офицеров; оно было ре-

зультатом озлобления, психоза реакции против большевиков и социалистов»[45]. Следует, впрочем, иметь в виду, что Гинс входил в «группу Михайлова». Как бы то ни было, в Омске мало кто сомневался, что за этим убийством (как и за некоторыми другими) стоял Михайлов. Тогда-то эсеры и прозвали его «Ванькой-Каином». Чему, несомненно, способствовало и «каторжное» происхождение министра. Среди его более благородных прозвищ были «сибирский Борджиа» и «сибирский Макиавелли».

Михайлов, по воспоминаниям Гинса, был «наиболее подвижным и энергичным» членом Сибирского правительства. «Он казался вездесущим и всезнающим... Никто не умел так быстро овладевать предметом спора и так легко формулировать заключительные положения, как он... Молодость его проявлялась в постоянной жизнерадостности и неутомимости». Оборотной стороной молодости были «непостоянство и задор»[46].

Революция — это время молодых. В Гражданскую войну выдвинулись, к примеру, юные командармы — 25-летний Михаил Тухачевский у красных или 28-летний Анатолий Пепеляев у белых. Жизнь, однако, показала, что командовать армией гораздо проще, чем наладить финансовую систему. Тем более в одной части страны. И для этого энергия, молодость и знания не всегда являются достаточными условиями.

Очевидно, недалек от истины был наблюдательный и желчный генерал А.П. Будберг, писавший о Михайлове:

> Выброшенный революционной волной на пост руководителя финансовой политики разрушенного Российского Государства в тягчайшие минуты его исторического бытия, он принес с собою самонадеянность, молодую смелость, огромное честолюбие и властолюбие и минимум глубоких финансовых знаний, не приобретаемых чтением университетских книжек, а даваемых долгой и обширной практической деятельностью[47]

Как бы то ни было, этому способному, самонадеянному и честолюбивому молодому человеку суждено было определять финансовую политику Белого движения на Востоке России и, среди прочего, иметь самое непосредственное отношение к судьбе имперского золотого запаса.

От Директории к диктатуре Колчака

Вслед за золотым запасом двинулась в Омск и Директория. В состав Директории, этого «коллективного диктатора», формально входили эсер Н.Д. Авксентьев (председатель), кадет Н.И. Астров, близкий к эсерам генерал В.Г. Болдырев, сибирский областник, председатель Совета министров Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский, народный социалист, глава Архангельского правительства Н.В. Чайковский. Поскольку физически Астров и Чайковский были далеко, их замещали кадет В.А. Виноградов и эсер В.М. Зензинов. Директория должна была символизировать единство антибольшевистских сил и сделаться более эффективной властью, нежели Комуч. Прибыла она в будущую столицу Белой Сибири 9 октября 1918 г.

Директории удалось добиться роспуска многочисленных местных правительств (областных, казачьих, национальных). 3 ноября 1918 г. было распущено Временное Сибирское правительство, его ключевые деятели вошли в состав Совета министров, образованного при Директории. Состав Совета министров был согласован 3—4 ноября. Его председателем стал Вологодский, военным и морским министром — адмирал Колчак, министром финансов — Михайлов, управляющим Министерством иностранных дел — Ю.В. Ключников. Однако просуществовать объединенному правительству было суждено всего две недели. Директория казалась военным кругам, да и многим сибирским деятелям чересчур левой, а «коллективная диктатура» — неэффективной.

18 ноября 1918 г. в Омске произошел переворот, Директория была свергнута, а ее военный министр адмирал Колчак был провозглашен «Верховным правителем России». С тех пор к «казанскому золоту» навсегда прилипло наименование «колчаковского».

Одним из организаторов переворота был министр финансов Михайлов, а некоторые другие члены правительства если и не участвовали в его подготовке, то были осведомлены о планах заговорщиков. И, во всяком случае, одобрили происшедшую смену власти и голосовали за вручение диктаторских полномочий адмиралу Колчаку. Он был не только объявлен Верховным правителем России, но и произведен в полные адмиралы. Последнее походило на фарс: знаменитый флотоводец и полярный исследователь получил высший морской чин от компании случайных и сугубо сухопутных адвокатов, экономистов и общественных деятелей в результате

того, что группа казачьих офицеров арестовала их бывшее начальство. Теперь правительство стало именоваться Российским. Его председателем остался Вологодский, сохранили свои посты и почти все министры, за исключением тех, кто был тесно связан с Директорией. Как мы знаем, на деле, а не по названию ни правительству не удалось стать российским, ни Колчаку — Верховным правителем страны. Из Омска им было суждено двигаться не на запад, к Москве, а на восток, к гибели или эмиграции.

Но все это еще в будущем, хотя и не столь отдаленном, а пока что правительство в поисках поддержки обратило свои взоры за рубеж: оно рассчитывало на помощь союзников, которые, по-видимому, приложили руку к перевороту и лоббировали кандидатуру Колчака на роль диктатора. Однако ожидания оказались чересчур оптимистичными. Союзники не собирались брать на себя вооруженную борьбу с большевиками, и присутствие их войск в России всегда было ограниченным. Не приходилось рассчитывать и на серьезные финансовые вливания. Вполне прав был советник МИД во Владивостоке (где находились резиденции представителей иностранных держав) В.Э. Гревс, когда на запрос Ключникова о возможности получения финансовой помощи от союзников ответил: «О финансовой помощи нам союзники благожелательно говорят, но и только. Они боятся рискнуть деньгами на неустроенное государство, а мне кажется, охотнее пойдут на помощь в виде льготных поставок в кредит военных и других материалов...»[48]

Союзники действительно предоставили Омскому правительству, как и другим белым правительствам, военные и другие материалы. Однако эта помощь не была ни достаточной, ни бескорыстной. Приходилось изыскивать дополнительные источники финансирования и снабжения за рубежом. Ибо Сибирь не располагала необходимыми ресурсами для снаряжения массовой армии, да и для снабжения населения всем необходимым. В разной степени это относилось и к другим районам, контролируемым противниками большевиков. За границей, как предполагали колчаковские финансисты и дипломаты, должны были оставаться на счетах российских дипломатических и заготовительных учреждений остатки кредитов, выделенных еще Временному правительству, а также храниться заготовленное, но еще не отправленное в Россию имущество. Поэтому естественно, что одним из первых движений колчаковского правительства было установление связи с российскими представителями за рубежом, которые уже около года нахо-

дились в странном положении послов без правительства. И которым предстояло сыграть ключевую роль в поисках денег для Белого дела.

Дипломатия в изгнании[49]

Правительство, пришедшее к власти в Петрограде в октябре 1917 г. и вскоре заключившее перемирие с Центральными державами, не было признано не только союзниками, но и российскими дипломатическими представителями. Несмотря на то что вскоре нарком иностранных дел Л.Д. Троцкий издал приказ об увольнении непокорных послов, правительства стран аккредитации по-прежнему признавали их законными представителями России.

Однако кроме признания необходимо было изыскать средства на содержание посольств и дипломатических миссий. В разных странах эта проблема решалась по-разному. Казенные средства, находившиеся на счетах российских учреждений во Франции и Англии, как и заготовленное для отправки в Россию имущество, были секвестированы. Правда, французское и британское правительства фактически взяли на содержание российские посольства в Париже и Лондоне. Российский поверенный в делах в Лондоне К.Д. Набоков пытался добиться от британского правительства кредитов на содержание российских дипломатических учреждений не только в Великобритании, но и в других странах. В конечном счете британцы на это не согласились — из-за отказа Советов платить по долгам царского и Временного правительств и варварских мер большевиков в отношении иностранных посольств и миссий. Это была скорее эмоциональная реакция, но противникам большевиков пришлось расплатиться по их счетам. Некоторые посольства и миссии могли позаимствовать часть казенных средств, находившихся на их счетах для помощи русским гражданам за границей и для других целей. Если на это шли, то с большой неохотой. Посланник в Пекине князь Н.А. Кудашев получил в декабре 1917 г. в Русско-Азиатском банке беспроцентный заем в 40 тыс. фунтов стерлингов на треть года (российские дипломатические учреждения получали, как правило, финансирование по третям года) под обеспечение «боксерским вознаграждением» — контрибуцией, уплачиваемой китайским правительством в порядке компенсации за ущерб, нанесенный во время боксерского восстания 1900 г. Из этих средств финансировались все российские дипломатические учреж-

дения на Дальнем Востоке. Впоследствии кредит был увеличен до 45 тыс. ф. ст. Посланник в Мадриде М.А. Стахович, прибывший к месту службы уже после большевистского переворота и не вручивший верительных грамот, жил некоторое время за счет личных средств[50].

В лучшем положении оказался посол в Вашингтоне Б.А. Бахметев, которому американское правительство разрешало тратить (под его контролем) казенные средства, переведенные поначалу на личные счета посла. Посольство в Вашингтоне не только получало прежнее содержание, но сумело также оказать поддержку российским представительствам в Южной Америке и Испании.

Российская миссия в Греции существовала за счет кредитов греческого МИДа. Так, в июне 1918 г. миссии был предоставлен без всяких условий кредит в размере 600 тыс. драхм. На самом деле греки предоставили даже несколько больше средств — с 1 июля 1918 г. по 1 сент. 1919 г. — 645 053 драхмы. Кроме того, миссия ежегодно получала по 300 тыс. фр. в счет погашения займа, предоставленного Россией Греции в 1839 г. В декабре 1917 г. размен 300 тыс. фр. на драхмы дал 270 950 драхм, в декабре 1918 г. — 286 874[51].

Деньги пошли на содержание миссии, посланника, советника, консулов, агентов (атташе), оплату телеграмм (стоивших в то время чрезвычайно дорого — посланник Е.П. Демидов даже смету в Омск послал по почте в целях экономии). На лечение солдат, займы и пенсии пошло 55 тыс. драхм. Долг телеграфу за 1917 и 1919 гг. «вследствие усиленной передачи телеграмм» возрос к 1 сентября 1919 г. до 217 015 драхм. При этом посланник свое содержание (79 800 драхм) за 1918 г. не получал[52]. Демидов — из тех самых Демидовых, князей Сан-Донато! — мог себе это позволить.

Греческое правительство и далее продолжало субсидировать российскую миссию, по крайней мере выдало содержание еще на три месяца, с 1 сентября до 1 декабря ст. ст. 1919 г.[53]

К довольно экзотическим источникам финансирования обратились российские дипломаты в Аргентине. По смете 1917 г. предполагалось отпустить 3323 ф. ст. на содержание миссии в Буэнос-Айресе и 2323 ф. ст. на содержание консульства в этом же городе. По данным товарища министра иностранных дел Омского правительства В.Г. Жуковского, «со времени большевистского переворота означенные установления существовали: Консульство за счет пошлинных сборов, а Миссия частью на личные средства посланника, частью же на доходы от церковного дома (около 40 ф. ст. в ме-

сяц) и на средства, предоставлявшиеся Посланнику православными сирийцами и "Русским Кружком" в Росарио (16 ф. стерлингов в месяц)». Таким способом российские дипломаты в Аргентине выходили из положения до октября 1919 г., когда Жуковский был вынужден просить товарища министра финансов перевести «Посланнику нашему в Буэнос-Айресе Е.Ф. Штейну по меньшей мере 1000 ф. стерлингов... ввиду истощения личных средств Посланника и крайней нежелательности дальнейшего существования российской Миссии за счет пособий, получаемых ею от частных лиц, частью при том иностранцев»[54].

Дипломаты не ограничивались поисками средств для поддержания существования российских учреждений за границей. Они пытались влиять на политику стран пребывания и в отсутствие центрального дипломатического ведомства создали специальный орган для координации деятельности российских представителей. В конце ноября 1917 г. в Париже было образовано Совещание послов, включавшее М.Н. Гирса (Италия), К.Д. Набокова (Англия), М.А. Стаховича (Испания), И.Н. Ефремова (Швейцария) и В.А. Маклакова (Франция). Формально все российские послы значились членами Совещания, однако фактически кроме упомянутых активное участие в его работе принял только Бахметев. Совещание должно было собираться время от времени, обсуждать текущую политику и вырабатывать общую позицию, причем все решения должны были приниматься единогласно; председателем Совещания был избран Маклаков[55].

Цели, которые ставили перед собой дипломаты, сводились к предотвращению признания союзниками советской власти, обеспечению моральной и материальной поддержки белых войск, защите территориальной целостности России и отстаиванию ее традиционных национальных интересов; послы добивались также признания западными державами антибольшевистских правительств легитимными представителями России.

Среди членов Совещания послов профессиональные дипломаты составляли меньшинство. Одним из них был Михаил Николаевич Гирс, посол в Италии, старейшина русского дипломатического корпуса, «потомственный» дипломат — его отец Н.К. Гирс был министром иностранных дел в 1882—1895 гг. Гирсу уже перевалило за 60; он участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и был награжден Георгиевским крестом в то время, когда председателю Совещания Маклакову еще не исполнилось и 10 лет. Другой карь-

ерный дипломат — поверенный в делах в Англии Константин Дмитриевич Набоков — был почти на 20 лет моложе Гирса. Он также был сыном министра — Д.Н. Набокова, министра юстиции в 1878—1885 гг. Если Константин Набоков делал карьеру на государственной службе, то его старший брат, юрист Владимир Набоков, стал видным деятелем оппозиционной партии кадетов, депутатом I Государственной думы, отсидел три месяца в тюрьме за подписание Выборгского воззвания. В 1917 г. В.Д. Набоков стал управляющим делами Временного правительства, обойдя брата на карьерной лестнице. Вряд ли кому-нибудь из братьев могло прийти в голову, что чаще всего о них будут вспоминать как об отце и дяде писателя В.В. Набокова, в 1918 г. мало кому известного начинающего поэта.

Трое других дипломатов были из «общественных деятелей» и думцев. Посланник в Швейцарии Иван Николаевич Ефремов, один из основателей партии прогрессистов, член Государственной думы трех созывов, министр юстиции, затем государственного призрения во Временном правительстве. Михаил Александрович Стахович, некогда орловский губернский предводитель дворянства, затем один из основателей Партии мирного обновления (в России партию с такими целями можно было бы с тем же успехом назвать «партией несбыточной мечты»), член Государственной думы двух созывов, затем Государственного совета по выборам от орловского земства.

Несомненно, самой яркой фигурой среди членов Совещания послов, да и вообще среди российских дипломатов и общественных деятелей за границей был Василий Алексеевич Маклаков. Знаменитый адвокат, видный деятель партии кадетов Маклаков трижды избирался в Государственную думу от Москвы. «Московский златоуст» считался одним из лучших ораторов России. В Думе его репутация как юриста и оратора еще более упрочилась. Маклаков совместно с И.Я. Пергаментом написал регламент Думы. Он был одним из адвокатов М. Бейлиса в знаменитом процессе, и, по мнению многих современников, его речь сыграла решающую роль в оправдании приказчика кирпичного завода, обвиненного в ритуальном убийстве.

Маклаков был близок к Льву Толстому и его семье, нередко бывал в Ясной Поляне. Он был довольно плодовитым публицистом, печатался в «Русских ведомостях», «Вестнике Европы», «Русской мысли». Настоящей сенсацией стала его статья «Трагическое

положение», опубликованная в 1915 г. в газете «Русские ведомости». Это была аллегория; Маклаков предлагал читателям представить ситуацию, когда они едут в автомобиле со своей матерью по горной дороге; безумный шофер ни за что не хочет отдать руль более умелым водителям. Вырвать руль у шофера — опасно; но что будет, если автомобиль все же сорвется в пропасть? В неумелом шофере все, конечно, узнали императора Николая II, в матери — Россию.

Хотя во всех списках «теневого правительства», составлявшихся оппозицией, Маклакову отводился пост министра юстиции, после Февральской революции по различным обстоятельствам он оказался практически не у дел. По воспоминаниям Маклакова, вскоре после падения самодержавия он в шутку сказал П.Н. Милюкову, тогда занимавшему пост министра иностранных дел, что не желает никаких должностей в России, но «охотно бы принял должность консьержа по посольству в Париже»[56]. Шутка обернулась назначением послом в Париж. Так 48-летний Маклаков начал совершенно новую — дипломатическую — карьеру. Конечно, назначение Маклакова не было следствием случайного разговора. Он отлично знал Францию, ездил туда каждый год на протяжении четверти века, блестяще говорил по-французски, был знаком со многими французскими политическими и общественными деятелями.

Назначение вовсе не было синекурой. Россия переживала тяжелейший кризис, и положение ее представителя в Париже обещало быть нелегким. Однако действительность оказалась гораздо хуже ожиданий. Маклаков прибыл в Париж 7 ноября 1917 г. Когда на следующий день он явился к министру иностранных дел Франции Луи Барту, то услышал из его уст о происшедшем накануне в Петрограде перевороте и о том, что министр М.И. Терещенко, подписавший — вместе с А.Ф. Керенским — его верительные грамоты, сидит в Петропавловской крепости. Последующие без малого сорок лет жизни Маклакову придется провести в Париже и, что нас интересует в связи с проблематикой этой книги, на протяжении всего этого времени иметь самое непосредственное отношение к российским деньгам за границей[57].

Русское политическое совещание в Париже

Наиболее ответственный момент для российской дипломатии наступил после окончания боевых действий и заключения переми-

рия. На Парижской конференции должны были решаться судьбы мира. Надо было представлять интересы России; положение русских дипломатов было крайне двусмысленным; вынеся на своих плечах тяжесть первых трех лет войны и понеся огромные потери, Россия, после прихода к власти большевиков, заключила сепаратный мир и вышла из войны. Можно было сколько угодно рассуждать о том, что большевики не отражали истинных настроений народа, но факт был налицо. «Вы наставили нам рога», — в ярости заявил Ж. Клемансо Маклакову[58].

Ни одно из антибольшевистских правительств не было достаточно сильным и долговечным, чтобы его признали правительства союзников. Временного правительства, некогда назначившего послов, уже не существовало; получалось, что легитимными представителями России оказывались послы, представлявшие несуществующее государство. Чтобы выйти из этого двусмысленного положения, послы образовали суррогат общероссийского представительства из дипломатов, деятелей местных правительств и некоторых видных политиков. «Суррогат» конституировался в конце декабря 1918 г. и получил название Русского политического совещания (РПС).

Правда, в конце 1918 г. забрезжила надежда на появление правительства, от имени которого можно было говорить. Сначала надежды возлагались на Директорию, и британское правительство как будто собралось ее признать. Такое решение было в принципе принято на заседании военного кабинета 14 ноября 1918 г.[59] Через четыре дня Директории не стало... Российские дипломаты без промедления поддержали правительство Колчака; союзники, хотя и подозревали новое правительство в реакционности, также были готовы вступить с ним в деловые отношения, но на определенных условиях. Президента США В. Вильсона в приверженности Колчака демократии заверили во время личной встречи первый глава Временного правительства князь Г.Е. Львов и посол Бахметев; да и самого Колчака Вильсон, очевидно, помнил; президент счел необходимым принять адмирала во время его пребывания в США осенью 1917 г.[60] Великобритания менее всех сомневалась, что с Колчаком можно иметь дело, ибо к «восшествию» адмирала на «престол», по-видимому, приложил руку британский представитель в Сибири генерал А. Нокс.

Заметим, что к тому времени (да и впоследствии) связь с Югом России была крайне ненадежной и медленной (из Сибири теле-

граммы через США доходили до Парижа быстрее), а представления российских дипломатов о реальной силе войск под командованием генерала А.И. Деникина были смутными. Во всяком случае, Добровольческая армия, контролировавшая лишь Кубань (подчинение атамана П.Н. Краснова, т.е. Области Войска Донского, Деникину произошло в начале января 1919 г.), казалась величиной гораздо менее внушительной, нежели антибольшевистские силы на Востоке.

Как бы то ни было, Русское политическое совещание было создано. В его состав вошли посол во Франции В.А. Маклаков, в Италии — М.Н. Гирс, в США — Б.А. Бахметев, Швейцарии — И.Н. Ефремов, Испании — М.А. Стахович, посланник в Швеции — К.Н. Гулькевич, а также бывшие царские министры иностранных дел С.Д. Сазонов (ставший министром иностранных дел правительств А.В. Колчака и А.И. Деникина) и А.П. Извольский, бывший министр Временного правительства А.И. Коновалов, «представители демократии» — глава Архангельского правительства, в прошлом знаменитый революционер-народник Н.В. Чайковский, С.А. Иванов, член Кубанского правительства Н.С. Долгополов, Б.В. Савинков. Председателем Совещания был избран князь Г.Е. Львов. Львов являлся представителем Омска, да к тому же, несмотря на краткосрочность и неудачливость его премьерства, наиболее высокопоставленной в недавнем прошлом фигурой среди русских политиков за рубежом.

Для возможного представительства интересов России на конференции была сформирована Русская политическая делегация, в которую вошли кн. Львов (председатель), Сазонов, Маклаков, Чайковский. Колчак и Деникин удостоверили полномочия Делегации. Впоследствии в ее состав вошел также Савинков. Отношения Деникина с РПС явно не сложились. По его оценке, правительство Юга не имело в Париже «*никакого* представительства»[61] (выделено Деникиным). Иначе, как мы увидим ниже, обстояло дело с правительством Колчака.

Российским дипломатам не удалось добиться ни полноценного, ни ограниченного участия в Парижской конференции; изредка русских выслушивали; в основном приходилось прибегать к методам закулисной дипломатии и пользоваться личными связями. Среди важнейших задач, которые ставило перед собой Русское политическое совещание, было сохранение территориальной целостности России; Совещание стремилось также добиться, чтобы

любое решение конференции, затрагивающее интересы России, было отложено до консультаций с признанным русским правительством; наконец, Совещание добивалось от союзников ясных заявлений, осуждающих большевизм и провозглашающих поддержку либеральных сил в России[62].

Несмотря на то что РПС своих главных целей не добилось, его деятельность вовсе не была бессмысленной. Это признал даже такой недоброжелательный критик Совещания, как генерал Деникин:

> Было бы ошибочно и несправедливо... отрицать значение... «декларативной работы» русского парижского представительства: среди разноязычной толпы могильщиков России, для которой они изобрели эпитет «бывшей», среди громкого гомона «наследников», деливших заживо ее ризы, нужен был голос национального сознания, голос предостерегающий, восстанавливающий исторические перспективы, напоминающий о попранных правах русского государства.
>
> Это было важно психологически и не могло не оказать сдерживающего влияния на крутые уклоны руководителей мирной конференции, на колеблющиеся общественные настроения Запада[63].

Деятельность Русского политического совещания еще ждет своего историка. Нас в данном случае интересует один аспект его работы: поиски дипломатами и финансистами денег для поддержки Белого движения. Небезынтересно также, за счет чего существовало само Совещание.

Работа РПС, а также экспертов, обслуживавших его нужды, была поначалу профинансирована, с согласия Госдепартамента США, за счет средств, находившихся на счетах Временного правительства. Бахметеву было отпущено 100 тыс. долларов. Через два месяца после начала работы РПС Русско-Азиатским банком ему был открыт кредит в 1,5 млн франков, с немедленным предоставлением в распоряжение РПС 150 тыс. франков[64]. К сожалению, письмо Правления банка от 24 февраля 1919 г., в котором излагались условия предоставления кредита, среди бумаг РПС нами не обнаружено. Банк рассчитывал, что ему будет продано за полтора миллиона франков серебро, приобретенное еще Временным правительством и находившееся в отделении банка в Шанхае. Кн. Львов «настоятельно» просил Омск дать согласие на продажу серебра, ибо «неотложные расходы на военнопленных, снабжению военному и гражданскому, общей организации и работе совещания

все растут [и] достигают ныне приблизительно 400 000 франков в месяц». Просьбу князя поддержал управляющий Министерством иностранных дел колчаковского правительства И.И. Сукин[65].

Однако Русско-Азиатский банк оказался крайне неуступчивым партнером и заплатил в конечном счете за приобретенные в свое время по поручению Кредитной канцелярии в Петрограде 352 838 унций серебра в слитках 95,2 тыс. ф. ст. лишь в июне 1919 г. И то под угрозой закрытия Владивостокского отделения банка[66]. По июньскому курсу это составило уже 2856 тыс. франков[67]. В конечном счете необходимые средства — правда, с большой задержкой — были предоставлены РПС Омским правительством.

Омское правительство, претендовавшее на то, чтобы быть всероссийским, обратилось к дипломатам с тем, чтобы они представляли на международной арене именно его, не забывая в то же время интересов остальной антибольшевистской России. Отсюда логически вытекало, что Российское правительство должно взять на себя финансирование заграничных дипломатических установлений, как это делало до большевистского переворота Министерство иностранных дел. В феврале 1919 г. колчаковский МИД запросил посольства, миссии и консульства об их финансовом положении, личном составе и вверенном им казенном имуществе с тем, чтобы можно было открыть финансирование российских загранучреждений[68]. В Омске раздобыли для ориентировки смету МИД за 1917 г. Оказалось, что содержание дипломатических и консульских учреждений обходилось без малого в шесть миллионов золотых рублей (5 893 287 руб.)[69].

Разумеется, ничего аналогичного РПС ранее не было, и по вопросу о его финансировании 19 апреля 1919 г. было принято специальное постановление Совета министров. Согласно постановлению, на расходы РПС и подведомственных ему учреждений ежемесячно должно было отпускаться 400 тыс. фр., а именно:

1) На содержание Политического совещания с его отделами — 234 тыс. фр.;
2) На военные агентуры — 126 тыс. фр.,
3) На Отдел гражданского снабжения — 40 тыс. фр.[70]

Причем 234 тыс. фр. на содержание совещания, канцелярии, отдела печати и пропаганды, отделов о военнопленных в Париже и Берлине и на содержание политико-юридической, финансово-экономической и военно-морской комиссий проходили по смете

МИД. Еще 126 тыс. фр. на содержание Управления военного представителя, комиссий по военному снабжению в Париже, Лондоне и Нью-Йорке и военных агентов в Лондоне, Риме, Берне, Копенгагене, Стокгольме, Гааге, Брюсселе и Бухаресте — по смете Военного министерства, а 40 тыс. фр. на содержание Отдела гражданского снабжения России — по смете Министерства снабжения и продовольствия[71].

На содержание собственно совещания расходовалось 55 тыс. фр. в месяц, политико-юридическая комиссия обходилась в 15 тыс., финансово-экономическая — в 40 тыс. и военно-морская в 20 тыс. фр. в месяц. На содержание канцелярии уходило 40 тыс., отдела печати и пропаганды — 18 тыс., отдела по делам военнопленных в Париже — 31 тыс., Берлине — 15 тыс. фр. в месяц[72].

К тому моменту, когда Омское правительство приняло решение о размерах и источниках финансирования РПС, его положение было отчаянным, и кн. Львов взывал: «Последние деньги на исходе»[73]. Выручил посланник в Стокгольме К.Н. Гулькевич, продав имевшиеся в миссии облигации французского займа и переведя полмиллиона франков в распоряжение РПС и четверть миллиона — посольству в Риме, которое ввиду безвыходного положения вынуждено было прибегнуть к частному займу[74].

Сравнительно небольшие суммы на работу РПС предоставило французское правительство, а также частные кредитные учреждения, весьма заинтересованные в восстановлении порядка в России.

Так, А.И. Коновалову, который должен был возглавить вместе с В.Л. Бурцевым и А.П. Извольским Российское телеграфное агентство (РТА), удалось заручиться на организацию агентства на пять месяцев субсидиями в 15 тыс. фр. от французского правительства и на такую же сумму от некоторых французских банков. Коновалову как будто обещали выделить субсидию на три месяца в размере 10 тыс. фр. представители группы российских банков.

Краткий план работы РТА, в изложении Коновалова, выглядел следующим образом: издание ежедневных бюллетеней, сводные их выпуски приблизительно раз в две недели; «сношения с французскими журналистами и парламентскими деятелями», т.е. лоббирование российских интересов. План предусматривал публикацию «заказных» статей о России; предупреждение «вредных выступлений» в иностранной печати и опровержение уже появившихся неточных сведений о положении в России[75]. В чем в чем, а в работе с французской прессой опыта российским дипломатам, в особенно-

сти же финансистам, было не занимать. На это всегда отпускались немалые суммы.

Корреспондентов РТА предполагалось держать в Лондоне и Швейцарии. Но наиболее важной задачей представлялось наладить регулярную связь с Россией. Бахметев, всегда придававший чрезвычайно большое значение информационно-пропагандистскому обеспечению дипломатической работы, как и политической деятельности в целом, предложил, «пока не предрешая будущего», выделить из привезенных им сумм для совещания 10 тыс. фр. на нужды телеграфного агентства[76].

Средства на пропаганду выделялись и далее. Так, 16 января 1919 г. РПС постановило выдать Б.В. Савинкову аванс в 15 тыс. фр. «на дело патриотической пропаганды»[77].

Постепенно деньги из Омска начали переводить, но тем не менее долги РПС сокращались небыстро: на 1 июля 1919 г. РПС было должно банкам 734 970 фр., на 1 сентября — 445 тыс. фр. К этому времени РПС уже прекратило свое существование ввиду «объединения правительства» в России, т.е. признания генералом Деникиным верховной власти адмирала Колчака. После этого представлять интересы России в Париже осталась Русская политическая делегация, чье содержание обходилось гораздо дешевле — 60 тыс. фр. в месяц. Полностью долги РПС были погашены, по-видимому, в октябре 1919 г.[78]

В поисках денег: Протоколы «парижских мудрецов»

Деятельность Финансово-экономической комиссии (ФЭК) Русского политического совещания, учитывая проблематику нашей книги, интересует нас в первую очередь. Предварительные заседания ФЭК начались в конце ноября 1918 г.; в первом заседании участвовало всего шесть человек, но зато весьма весомых в деловом мире, — Б.А. Каменка, А.И. Коновалов, М.О. Батшев, А.И. Путилов, А.Г. Рафалович и Н.Л. Рафалович[79]. Положение о ФЭК было принято 4 января 1919 г., закончила работы комиссия в августе 1919 г., одновременно с РПС. Председателем ФЭК в течение всего периода ее деятельности был А.Г. Рафалович, вице-председателем — С.Н. Третьяков, управляющим делами — представитель Министерства финансов в США, прибывший в Париж вместе с Бахметевым, В.И. Новицкий; после возвращения Новицкого в США, с февраля по август — П.Н. Апостол[80].

В начале января 1919 г. РПС утвердило состав ФЭК. В нее вошли, кроме перечисленных выше, К.Л. Вейдемиллер, А.И. Вышнеградский, Н.Д. Кречунеско, Н.Н. Нордман, К.К. Рагуза-Сущевский, А.А. Струмилло, М.Е. Субботкин. Секретариат: финансовый отдел — В.В. Пушкарев и Г.А. Извольский, экономический отдел — Б.А. Тюхтяев[81]. Состав ФЭК постоянно пополнялся прибывающими из России видными предпринимателями, бывшими деятелями финансового ведомства, представителями местных правительств. Уже в январе в состав ФЭК включили прибывших из Архангельска А.С. Чудинова и Н.В. Грудистова, в феврале — прибывшего из Крыма П.Л. Барка, 7 марта членом ФЭК избрали П.Б. Струве, а 14 марта — П.П. Рябушинского и К.Е. фон Замена[82]. В конечном счете в состав ФЭК вошло 34 человека[83]. Собрание теоретиков и практиков экономики и финансов было на редкость представительным. Результаты его деятельности оказались в итоге на редкость бесполезными.

Наиболее колоритной фигурой в составе ФЭК был, несомненно, ее председатель — Артур Германович Рафалович. Ветерану российского финансового ведомства шел 66-й год. Сын одесского банкира, Рафалович вырос и получил образование в Париже, где закончил гимназию и слушал лекции в Высшей школе политических наук. Рафалович, разумеется, блестяще владел французским языком, также очень хорошо знал английский и немецкий. Он опубликовал множество работ по финансам и денежному обращению, с 1891 по 1915 г. издавал ежегодник «Le Marché Financier», своеобразную энциклопедию по мировой экономике и финансам. Рафалович был своим в научном, деловом и политическом мире Франции. Будучи человеком состоятельным, он держал «открытый дом», в котором бывали многие выдающиеся деятели французской политики и науки.

В 1919 г. исполнялось 30 лет служения Рафаловича Российскому государству. С 1889 г. он «безвозмездно, по собственному желанию» стал исполнять обязанности коммерческого агента российского Министерства финансов, официально был назначен на эту должность в 1894 г. Рафалович сотрудничал со всеми российскими министрами финансов конца XIX — начала XX в.: И.А. Вышнеградским, С.Ю. Витте, В.Н. Коковцовым, П.Л. Барком. В 1898 г. коммерческие агенты были переименованы в агентов Министерства финансов (финансовых агентов) и причислены к составу русских посольств и миссий с распространением на них всех тех «прав и

преимуществ», которыми пользовались за границей военные и морские агенты. Должности агентов Минфина были упразднены в 1911 г., взамен были введены должности агентов Министерства торговли и промышленности. Это было сделано, по-видимому, в порядке ликвидации «виттевского наследия». Бывшему всесильному, а затем опальному министру ставили в вину намерение завести личных представителей за границей. За Рафаловичем «звание» финансового агента оставили в персональном порядке[84]. Это было сделано, очевидно, как в ознаменование его заслуг, так и в качестве признания исключительной важности для России французского финансового рынка. В конце XIX — начале XX в. французские финансисты были главными кредиторами России.

Рафалович выполнял различные деликатные поручения по организации российских займов, по обработке общественного мнения, используя современную терминологию, по лоббированию российских интересов. Видный французский дипломат, одно время посол Франции в России Морис Палеолог не без оснований называл Рафаловича «великим развратителем» французской прессы[85].

Впрочем, на войне как на войне. В одном из писем к Витте Рафалович, анализируя позицию французской прессы по поводу попыток России заключить заем в начале 1906 г., сообщал, что если одни издания стремятся «успокоить и просветить» публику, то другие «позволяют себе такие выступления, какие вызываются ненавистью по отношению к трупу врага». По-видимому, Рафалович приложил немало усилий для «успокоения» публики и ни в коем случае не пускал дело на самотек. «Необходимо заставлять журналистов писать то, что хочешь опубликовать, перечитывать это и не полагаться на их память», — писал он Витте в другой раз[86]. В начале 1906 г., в исключительно трудных условиях, после поражения в русско-японской войне и в период революционных потрясений, российским финансистам, при самом активном участии Рафаловича, удалось заключить заем[87].

Однако по сравнению с проблемами, с которыми столкнулись российские финансисты в 1919 г., трудности 1906-го казались детскими игрушками.

«Впредь до выработки и утверждения общих штатов совещания» Финансово-экономической комиссии был выдан аванс в 25 тыс. фр. «для уплаты содержания личному составу и для производства необходимых расходов». Временный размер содержания членов совещания был определен в 3 тыс. фр. в месяц[88].

30 января 1919 г. Особой комиссией для рассмотрения вопроса о нормах денежного вознаграждения в состоящих при совещании учреждениях были установлены ежемесячные оклады в следующих размерах: председателям комиссий — 3000 фр., членам комиссий от 2000 до 2500 фр., старшим делопроизводителям — 1750 фр., младшим делопроизводителям — 1500 фр., переписчицам-стенографисткам от 400 до 600 фр., на канцелярские расходы предполагалось отпускать 1500 фр. в месяц. Причем лицам, вызванным в комиссии из-за границы, сохранялось содержание и по их основным должностям, так же как лицам, состоявшим на государственной службе в Париже[89].

К числу первоочередных вопросов (всего их было выделено шестнадцать), которые собиралась рассмотреть ФЭК, были отнесены такие, как необходимость сохранения единства России и экономические и финансовые последствия ее расчленения, будущая таможенная политика России и таможенный режим в течение переходного периода, обеспечение одинакового с союзниками положения в отношении распределения продовольствия, сырья и тоннажа «и в связи с сим необходимость участия России в международных органах, ведающих распределением пищевых продуктов, сырья и тоннажа». ФЭК намеревалась рассмотреть вопросы, касающиеся проливов, Черного и Балтийского морей, в том числе вопрос о Константинопольском порте, вопросы о Ближнем и Дальнем Востоке, вопросы, касающиеся аннулирования Брест-Литовского договора, распределения российского государственного долга сообразно изменению политической карты России и др. В число восьми вопросов второй очереди были включены, к примеру, такие, как «выяснение союзникам необходимости в их собственных интересах содействовать развитию производительных сил России» и «вопрос о допущении русских ценностей на союзный рынок»[90]. Среди задач ФЭК, включенных в Положение о ней, значилось и «содействие к оказанию союзниками поддержки национальному движению в России путем открытия кредитов, урегулирования денежного обращения и экономической помощи»[91].

Нетрудно заметить, что российские экономисты и финансисты, как и дипломаты, по-прежнему рассматривали себя как представителей великой державы, с которой случилась хотя и крайне неприятная, но преходящая история. Если они и не рассчитывали обсуждать с союзниками проблемы послевоенного экономического устройства мира на равных, то во всяком случае надеялись, что их

мнение будет выслушано. Вряд ли самым закоренелым пессимистам могло прийти в голову, что плоды их интеллектуальных усилий будут похоронены в архивах почти на столетие и будут представлять преимущественно исторический интерес.

Однако членам ФЭК нередко приходилось откладывать обсуждение стратегических вопросов ради более насущных тактических. Одной из важнейших задач ФЭК стало изыскание средств для финансирования антибольшевистского движения. В середине декабря 1918 г. тогдашний глава внешнеполитического ведомства правительства адмирала Колчака Ю.В. Ключников сообщил российскому послу в Париже Маклакову «в главных чертах» соображения Министерства финансов о желательной помощи союзников. Пожелания были изложены в девяти пунктах. Важнейшие из них гласили: «1) Немедленная помощь военным снабжением и деньгами армии; 2) Снабжение русского рынка предметами потребления для прекращения товарного голода, деморализующего население. Такой помощью может быть кредит на сахарную монополию, за склады для отпуска товаров под векселя общественных организаций и крупные склады за поручительством Государственного Банка». Были названы и конкретные суммы для покрытия неотложных потребностей: «1) кредит на расходы по чехословакам 40 миллионов рублей, 2) по русской армии 40 миллионов, 3) для сахарной монополии 25 миллионов». Омский Минфин надеялся также на «4) восстановление кредитов Русского Правительства, 5) оплату союзниками купонов русских бумаг заграничным держателям»[92].

Поначалу колчаковские финансисты берегли валюту, тем более что снабжение в основном поступало от союзников — Англии и Франции, а поддержанием железных дорог обещали заняться американцы. Но лишь летом 1919 г. был образован междусоюзный фонд в 10 млн долл. на восстановление железных дорог. Фонд по исчерпании мог восстанавливаться. Колчак и некоторые его сподвижники рассматривали золотой запас как достояние всего народа. В то же время наличествовали и вполне прагматические соображения. Управляющий Министерством иностранных дел И.И. Сукин считал, что, как только правительство обзаведется достаточным запасом иностранной валюты, союзники прекратят бесплатное снабжение. Так, в феврале 1919 г. Сукин писал С.Д. Сазонову по поводу проекта закупки генералом Д.Г. Щербачевым в Париже аэропланов: «...До сих пор мы получали все от союзников, сокра-

щая свои потребности до минимума, не позволяя себе никаких расходов в иностранной валюте»[93].

Возможно, в связи с телеграммой из Омска на заседании ФЭК 10 февраля 1919 г. К.К. Рагуза-Сущевский поставил вопрос «об изыскании средств, которые могли бы быть использованы на неотложные государственные нужды». По его сведениям, в отделениях российских банков за границей хранились значительные суммы, принадлежащие царскому и Временному правительствам. Рагуза-Сущевский считал необходимым добиваться получения этих средств.

А.Г. Рафалович и Новицкий сообщили, что на все эти средства и во Франции, и в США наложены запрещения. Особенно скептически в отношении возможности получить доступ к замороженным счетам был настроен Рафалович, хорошо знавший нравы и практику французского Минфина. В конечном счете «гора родила мышь», а именно резолюцию, предложенную Н.Н. Нордманом: «...Секвестр сумм Русского Временного Правительства, находящихся в русских банках в Париже, произведен без издания соответствующего закона, а лишь путем издания циркуляра по Министерству финансов. В связи с этим Финансово-Экономическая Комиссия признала желательным, чтобы вопрос об освобождении этих сумм был возбужден дипломатическим путем, и выразила готовность оказать содействие в этом деле»[94].

13 февраля 1919 г. ФЭК заслушала доклад прибывшего из России П.Л. Барка. Последний министр финансов царского правительства удовольствовался теперь портфелем руководителя финансового ведомства правительства Крымского. Барк говорил в основном о положении на Юге и был довольно оптимистичен.

Барк полагал:

> Общее экономическое состояние не является безнадежным. Есть значительные запасы урожая, которые могли бы быть вывезены за границу в обмен на товары первой необходимости, в которых население испытывает острую нужду. В первую очередь могли бы быть отправлены за границу 50, а может быть, 100 тысяч пудов табака, фрукты и т.д.[95]

В свете развернувшихся вскоре событий особый интерес представляют высказывания Барка о российском золотом запасе за границей и о заграничной задолженности. Излагая историю кредитных операций военного времени, он подчеркнул, что лишь первая

партия золота на 8 млн ф. ст., высланная в Англию, перешла в собственность англичан, а остальное золото, на 60 млн ф. ст., было лишь временно передано английскому казначейству «для подкрепления золотого запаса» и должно быть возвращено «независимо от погашения нами открытых англичанами кредитов». «Необходимо, — заявил Барк, — теперь же выяснить вопрос о свободе действий по отношению к нашему золотому запасу»[96].

Заявление Барка звучало довольно странно, ибо кому, как не ему, должно было быть известно, что условием возвращения золота было возвращение кредитов. Напомним, что вместо отправленного золота российский Государственный банк получал беспроцентные обязательства английского казначейства, депонированные в Банке Англии. Они должны были быть погашены в период с 5 января 1919 г. по 8 декабря 1921 г.[97]

Тема золотого запаса стала особенно актуальной в связи с запросом министра финансов правительства Деникина М.В. Бернацкого о возможности срочного предоставления заграничных кредитов. Управляющий внешнеполитическим ведомством Деникина А.А. Нератов в телеграмме от 12 февраля 1919 г. на имя постоянно находившегося в Париже министра иностранных дел Сазонова изложил пожелания Бернацкого об открытии «в Лондонских и Парижских банках для спешных и неотложных надобностей: 1) Трассировочного кредита на общую сумму до 30 миллионов фунтов стерлингов и 2) Кредита в 30 миллионов рублей золотом, с обеспечением этого последнего кредита передачей Шанхайским банкам на соответствующую сумму золота из хранящегося в Сибирских учреждениях Государственного Банка золотого запаса»[98]. Телеграмма была передана на обсуждение в ФЭК.

21 февраля состоялось бурное обсуждение вопроса о золотом запасе в связи с телеграммой Бернацкого об открытии кредитов под обеспечение частью золотого запаса, находящегося в распоряжении Колчака. Основным докладчиком, естественно, оказался Барк, имевший наибольший опыт в проведении подобного рода операций.

Барк заявил, что, прежде чем рассматривать вопрос о способах покрытия расходов в заграничной валюте, «необходимо установить всеми Краевыми Правительствами точные бюджетные предположения о заграничных расходах, сначала для военных, а затем для гражданских надобностей. Способы покрытия должны быть рассматриваемы в следующем порядке: 1) заграничные кредиты,

2) экспорт товаров и только в 3) использование нашего золотого резерва как средства, равносильного мускусу и камфоре, к которым прибегают для поддержания организма, когда другие средства оказываются уже бессильными».

Нетрудно заметить в высказываниях Барка некоторый скептицизм в отношении запроса Бернацкого и, по-видимому, профессиональных качеств последнего. Опытный бюрократ, очевидно, хотел получить обоснование весьма крупной суммы кредита, как и объяснение, почему следует прибегнуть к самому сильному средству — залогу золота, не испробовав других путей.

Барк высказал предположение, что «в настоящее время союзникам не труднее открыть нам кредит, чем во время войны, так как теперь у них имеются большие запасы снаряжения, в коих они уже более не нуждаются, и эти запасы они могут нам предоставить в кредит»[99].

Точнее отражал положение афоризм менее «титулованного» финансиста, А.А. Никольского: «Революция и кредит — явления вообще несовместимые»[100]. Правда, Никольский писал это задним числом, уже в эмиграции.

На заседании ФЭК бывшему министру резонно возразил Нордман: «во время войны нам давали деньги на борьбу с общим врагом, а теперь они нам нужны на русское дело, ввиду чего шансы наши на получение кредита уменьшились». С.Н. Третьяков также считал, что на получение кредитов у союзников не стоит слишком надеяться «до изменения общей политической обстановки». Под изменением общей политической обстановки подразумевалось признание какого-либо из антибольшевистских правительств.

А.И. Вышнеградский опасался, что «если мы будем просить кредит под золото, то уже после этого нам бланковых кредитов никто не откроет»[101].

Оригинальное предложение выдвинул П.Ф. Гольцингер, выступивший на заседании с докладом, оформленным через несколько дней в виде записки «К вопросу о золотом запасе» (Париж, 25 февраля 1919 г.), приобщенной к трудам ФЭК.

Гольцингер сформулировал два вопроса:

> 1) при каких условиях больше всего будет иметься шансов на то, что союзники согласятся передать в той или иной форме — ведь совсем не нужно получить его натурой — хранящееся у них наше золото, около 750 млн руб. [по расчетам Гольцингера, около 600 млн руб. в Английском

Банке и 150 млн руб., возвращенных Германией, во Французском Банке. — *О.Б.*] в наше распоряжение. 2) В какую форму могла бы наилучше вылиться координация удовлетворения запросов финансового характера, поступающих от разных местных правительств.

Главнейшие запросы, как видно из последних телеграмм, относятся к трассировочному кредиту, т.е. к банковской операции, вытекающей опять-таки все из той же острой потребности в средствах для расчетов за границей.

Удовлетворение потребности в кредитах «в порядке отчуждения известной части золотого запаса» местными правительствами (фактически — правительством Колчака) Гольцингер считал неприемлемым, ибо золотой запас является всероссийским достоянием. Финансист подчеркивал, что такого же взгляда придерживаются и союзники: «...Они наложили воспрещение на все хранящиеся в союзных странах суммы, принадлежащие бывшей Российской казне, объявив себя, на основании общего закона, *trustee* временно оказавшегося бесхозным, по их мнению, имущества, на которое не может претендовать ни одно местное правительство в отдельности»[102].

Гольцингер предложил создать Русский национальный банк за границей, например в Париже. Если есть правительства в изгнании, почему бы не быть банку? Через него могли бы вестись расчеты местных правительств, союзники могли бы вносить на снабжение своих войск деньги в банк в валюте, а на местах рассчитывались бы рублями. Выгоду для союзников Гольцингер усматривал в облегчении хозяйственных контактов с Россией; конкретно же для Англии — «замена обязательства вернуть России ее золото натурой другой комбинацией» (Гольцингер считал, что «это обязательство принято Англией независимо от вопроса о погашении Россией своих долговых обязательств»)[103].

Идея Гольцингера об учреждении Центрального банка за границей, впервые прозвучавшая на заседании 21 февраля, не вызвала энтузиазма присутствовавших. К.Р. Кровопусков «остудил» докладчика, резонно заметив, что поскольку «союзники не хотят пока признать Краевых Правительств, то нет никаких оснований предполагать, что они признают их объединяющий орган в Париже»[104].

Дискуссия выявила крайне негативное отношение членов ФЭК к идее получения кредитов под обеспечение золотом; в таком духе финансисты и решили ориентировать Политическое совещание. В

то же время ФЭК считала, что переговоры о кредитах нужно начать крайне спешно, ибо «от военных успехов в значительной мере зависит и вопрос о признании союзниками русского правительства, и что поэтому следует добиваться разрешения военных кредитов в первую очередь, не дожидаясь разрешения союзниками общего вопроса о признании русского правительства»[105].

Это была поистине квадратура круга. Единственным серьезным источником финансирования антибольшевистского движения могли быть кредиты, предоставленные иностранными банками. Главным препятствием было отсутствие признанного российского правительства. Ни один частный банк не рискнул бы предоставить сколько-нибудь серьезный кредит без согласия правительства своей страны, так же как без внушительных гарантий возврата кредита. А чтобы получить признание, тому или иному правительству требовалось контролировать значительную часть территории страны сравнительно длительное время. Признание должны были принести военные победы, а одержать их без серьезной финансовой подпитки было крайне трудно.

Единственной реальной гарантией кредита могло послужить золото. Но с ним-то финансисты никак не желали расставаться, пытаясь найти альтернативные источники. Так, по предложению Н.Л. Рафаловича «суждение Комиссии, что "основанием для испрошения кредитов могло бы прежде всего послужить неиспользование в свое время остатков от русских военных кредитов в Англии и Франции"», было дополнено «указанием на желательность использования также сумм, полученных от реализации нашего казенного имущества, проданного за наш счет Английским и Французским Правительствами»[106].

По вопросу о возможности получения кредитов и о том, какую форму их обеспечения российские финансисты считали приемлемой, на имя кн. Г.Е. Львова было направлено письмо, датированное 23 февраля 1919 г. и подписанное, в отсутствие А.Г. Рафаловича, Третьяковым:

> Обсудив вопрос о золотом запасе, Комиссия полагает, что следует рассматривать как единый золотой запас Российского Государства как золото, хранящееся в Сибирских Отделениях Государственного Банка, так и золото, принадлежащее Российскому Государству за границей, а именно золото, ссуженное Английскому Банку в связи с открытыми России военными кредитами, золото, возвращенное Германией и храня-

щееся во Французском Банке, золото, какое может оказаться на соответствующих счетах в Америке.

Золотой запас является достоянием всего Российского Государства и требует к себе особо бережного отношения. Кроме того, обеспечение открываемых кредитов золотом может создать прецедент и помешать в будущем открытию необеспеченных кредитов. Вследствие сего Финансово-Экономическая Комиссия полагает, что обеспечение кредитов золотом должно быть производимо с крайней осторожностью, в строго ограниченных размерах и в том лишь случае, если выяснится совершенная невозможность получения от Союзников кредитов, не обеспеченных золотом.

Дабы ограничить сумму испрашиваемых кредитов, Комиссия полагает, что следует испрашивать открытия кредитов лишь на военные и политические надобности, находя, что валюта для нужд гражданского населения может быть обеспечена товарным экспортом.

Основанием для исчисления кредитов должно быть составление Военной Комиссией при Политическом Совещании месячных, на ближайший период времени, бюджетных предположений о военных нуждах по каждой области. Основанием же для испрошения кредитов могло бы прежде всего послужить неиспользование в свое время остатков от русских военных кредитов в Англии и Франции.

Финансово-Экономическая Комиссия полагает, что переговоры с Союзными Правительствами по вопросу об открытии кредитов должны быть произведены в порядке крайней спешности ввиду той опасности, какой грозит всякое замедление в обеспечении армий Краевых Правительств всем необходимым. Финансово-Экономическая Комиссия высказывает убеждение, что от военных успехов в значительной мере зависит и вопрос о признании Союзниками русского правительства и что поэтому следует добиваться разрешения военных кредитов в первую очередь, не дожидаясь разрешения союзниками общего вопроса о признании русского правительства.

Кредиты на военные надобности или снабжение в кредит натурой должны быть испрашиваемы без всякого со стороны России золотого обеспечения, и таковое обеспечение может быть предоставлено в ограниченных размерах для нужд ближайшего времени, только если этого потребуют сами Союзники. При этом желательно ни в коем случае не производить отчуждения золота, но предоставить его лишь в виде обеспечения, подлежащего возврату при погашении долга.

Комиссия рассматривала также вопрос об открытии кредитов под золото в нейтральных странах. При этом указывалось на неудобство

предоставления золотого обеспечения для кредитов, открываемых в нейтральных странах, и испрашивания необеспеченных кредитов у Союзников. Однако обращение к нейтральным странам могло бы оправдаться предоставлением этими странами более выгодных условий.

Для ведения переговоров с Союзниками Финансово-Экономическая Комиссия постановила просить Политическое Совещание назначить делегатов от Финансовой и Военной Комиссий, причем Финансовая Комиссия ввиду спешности вопроса полагала бы определить своим делегатам крайний срок, в течение коего вопрос об открытии Союзниками необеспеченного золотом кредита подлежит выяснению[107]

Однако решающее значение в вопросе об использовании золота имели не советы известных финансистов, а мнения их гораздо менее титулованных коллег в далеком Омске. В начале 1919 г. в финансовой политике правительства адмирала Колчака произошли драматические изменения, причиной которых стала неожиданная смена курса союзников в русском вопросе.

Глава 2

КАК ПРОДАВАЛИ ЗОЛОТО

Омское правительство в поисках денег
Союзники и Белое движение

С первых дней своего существования и Всероссийское (Директория), и вскоре сменившее его Российское (колчаковское) правительства были озабочены поисками денег. Надежды на помощь союзников оправдывались медленно и не в полном объеме, а о предоставлении свободной наличности и говорить не приходилось. Затруднительно было прибегнуть и к традиционному и самому легкому способу получения денег — их печатанию, ибо «печатный станок» (Экспедиция заготовления государственных бумаг) находился в руках большевиков. Различные денежные суррогаты, в изобилии выпускавшиеся местными правительствами, невозможно было (во всяком случае, в крупных масштабах) обменять на иностранную валюту, в которой столь остро нуждались белые.

Оставалась надежда на остатки кредитов в зарубежных банках. 19 ноября 1918 г. министр финансов Омского правительства П.А. Михайлов разослал циркулярную телеграмму российским представителям в Вашингтоне (Бахметев), Лондоне (Набоков), Токио (В.Н. Крупенский), Париже (Маклаков) и Риме (Гирс), в которой «покорнейше просил» «сообщить о всех неиспользованных кредитах, имеющихся [в] распоряжении посольств и финансовых агентов, какими условиями ограничено пользование ими, также [на] каких основаниях могло бы Всероссийское Правительство их использовать. Для улучшения финансового положения желательно получение свободных остатков иностранной валюты, если таковые имеются»[1].

Ответы были обескураживающими. Как мы уже знаем, российские средства и имущество в Англии и во Франции были секвестированы, в Италии таковых не оказалось, да и общие объемы вкладов были незначительны. Не лучшим оказалось положение в Японии, хотя там правительство ничего секвестру не подвергло.

[В] распоряжении Посольства в Токио, а равно торгового агента никогда никаких кредитов, кроме служебных, не состояло, — информировал посол в Токио Крупенский. — После большевистского переворота в здешнем Йокогама Спеши Банке осталось на счету Кредитной канцелярии около пятидесяти миллионов иен остатков от займов в Японии, не подлежащих переводу за границу. До формального признания правопреемственного Русского Правительства Японией эти деньги являются неприкосновенными.

По своим размерам, однако, указанная сумма далеко не соответствует нашим долговым обязательствам здесь, достигающим вместе с процентами почти трехсот миллионов иен. Таким образом, во всяком случае нельзя рассчитывать, чтобы означенный счет мог быть использован нами иначе, как на частичное погашение наших долгов в Японии[2].

Хотя долги России Японии были сравнительно невелики и никаких специальных мер в отношении счетов российских учреждений японское правительство не предпринимало (в отношении имущества никаких проблем не возникло хотя бы вследствие его отсутствия; ввиду территориальной близости Японии все закупленное в период мировой войны было своевременно вывезено во Владивосток), торговый агент К.К. Миллер не советовал Михайлову открывать в Японии счета Кредитной канцелярии. Он рекомендовал министру переводить деньги «в каждом отдельном случае на имя подлежащих лиц с текущего счета, открытого во Владивостоке»[3]. В общем, береженого Бог бережет.

Надежды получить деньги в Америке также не оправдались. Представитель Министерства финансов в США Новицкий телеграфировал: «Суммы на наш кредит [в] ноябре 1917 были свыше пятидесяти девяти миллионов долларов и были почти всецело истрачены». Деньги со счета в National City Bank of New York могли расходоваться лишь с согласия американской администрации и шли на оплату контрактов, заключенных с американскими предпринимателями, и процентов по займам. Посольство уже несколько месяцев продавало некоторые «материалы второстепенного значения, погрузка которых в Россию была невозможна при настоящих условиях», но вырученные деньги поступали на тот же счет, с которого производились обязательные платежи. «Баланс, представляющий в настоящее время несколько миллионов долларов, все же подвержен значительным колебаниям и зависит всецело от наших текущих платежей по договорам и займам и новым продажам»[4].

Кроме того, в банке Гаранти Траст «зависли» 5 млн долл. Банк их удержал в порядке компенсации за потери, понесенные в России. «Кредиты балансов обоих банков будут поставлены в наше свободное распоряжение только в момент официального признания правительства в России», — заключал Новицкий[5].

«Хватаясь за соломинку», Михайлов запросил финансового агента в США С.А. Угета о возможности реализовать на американском финансовом рынке облигации Займа свободы, выпущенного еще Временным правительством.

«Заем свободы был доставлен лишь только в декабре семнадцатого года на три миллиона рублей нарицательных, — телеграфировал Угет 1 апреля 1919 г., — из коих 108 тысяч рублей были выданы лицам, подписавшимся через Консульства в Соединенных Штатах и через Ситибанк в Южной Америке. Реализовать облигации Займа свободы в настоящую минуту за границей совершенно невозможно, так как они никогда не были известны открытому рынку»[6].

Зато рынку были известны современные российские обстоятельства. А это делало реализацию ценных бумаг, так же как получение необеспеченных займов, «совершенно невозможным».

Не удалось «вытащить» и российские казенные средства, находившиеся на счетах отделения Русско-Азиатского банка в Шанхае.

> Русско-Азиатский банк, — информировал Омск посол в Пекине кн. Н.А. Кудашев, — связан заявлением французского представителя в Китае, объявившего ему, что до воссоздания русского правительства находящиеся у него русские казенные суммы считаются неприкосновенными и не могут быть выданы никому без разрешения французского правительства. Имейте в виду, что даже кредитование Русско-Азиатским банком дипломатического представительства на Дальнем Востоке делается с ведома и согласия союзников.
>
> Я своевременно протестовал против такой постановки дела, но она тем не менее не изменилась[7]

Кн. Кудашев не советовал требовать казенные деньги у банка (что намеревался сделать военный министр Российского правительства), ибо тот запросит Париж, ответ которого будет несомненно отрицательным. А это дало бы повод «лишний раз подчеркнуть наличие контроля союзников над Русским Банком»[8]. Правда, русским банк мог называться весьма условно, ибо контролировался французскими акционерами.

Приходилось полагаться на «натуральную» помощь союзников. Она оказывалась — и в значительных размерах. В особенности Великобританией, что среди прочего объяснялось и личностью военного министра У. Черчилля, непримиримо относившегося к большевизму. Однако помощь не могла полностью обеспечить потребности армий белых, да и не всегда рационально использовалась. Характерно при этом, что, получая снабжение и ограниченную помощь войсками от союзников, противники большевиков почти всегда размерами и характером этой помощи были недовольны. Отвечая на нападки в отношении союзников, генерал А. Нокс не без оснований заявил, что помощь Великобритании

> выражалась в посылке громадного количества военного материала в Сибирь, хотя это количество меньше того, которым Великобритания снабдила Деникина. Мы доставили в Сибирь сотни тысяч винтовок, сотни миллионов патронов, сотни орудий и тысячи пулеметов, несколько сот тысяч комплектов обмундирования и снаряжения и т.д. Каждый патрон, выстреленный русским солдатом в течение этого года в большевиков, сделан в Англии, английскими рабочими, из английского материала, доставленного во Владивосток английскими пароходами. Мы сделали, что могли. Некоторые русские говорят нам откровенно, что эта помощь недостаточна и что мы должны прислать еще большую армию. Кто винит Великобританию в непосылке войск, тот забывает, что Великобритания — свободная демократия и правительство не может отправлять войска в другие страны без согласия народа[9].

Нокс если и преувеличивал, то ненамного. За год с октября 1918 по октябрь 1919-го британцами было поставлено антибольшевистским формированиям в Сибири около 100 тыс. т оружия, снаряжения, военных материалов и одежды. В то же время британский воинский контингент в Сибири был весьма ограничен и в соответствии с обязательствами, которые были даны правительством парламенту, и политикой самого кабинета в сентябре 1919 г. обратно в Англию выехал Миддлсекский полк под командованием полковника Дж. Уорда, а в ноябре — Гэмпширский полк. В Сибири остались только британские военная и железнодорожная миссии. Еще более внушительная помощь была оказана британцами Вооруженным силам Юга России под командованием генерала Деникина. Деникину с июля 1919 г. было отправлено, по оценке Черчилля, не менее 250 тыс. винтовок, 200 орудий, 30 танков и

«громадное» количество боеприпасов. К середине сентября 1919 г. затраты Англии на поддержку белых составили около 100 млн ф. ст., Франции — между 30 и 40 млн ф. ст.[10]

Генерал Деникин приводит несколько иные, но также внушительные цифры. По его данным, с марта по сентябрь 1919 г. Вооруженные силы Юга России получили от англичан 558 орудий, 12 танков, 1 685 522 снаряда, 160 млн ружейных патронов и 250 тыс. комплектов обмундирования. По его словам, в результате британских поставок «недостаток в боевом снабжении... мы испытывали редко», хотя обмундирование поступало в размерах, «не удовлетворявших потребности фронтов». Последнее усугублялось расхищением обмундирования, в особенности казаками[11].

Черчилль в целом весьма негативно оценивал политику союзников в русском вопросе:

> Неустойчивые, постоянно меняющиеся операции русских армий нашли отклик в политике или, вернее, — в отсутствии твердой политики союзников. Находились ли союзники в войне с Советской Россией? Разумеется, нет, но советских людей они убивали, как только те попадались им на глаза; на русской земле они оставались в качестве завоевателей; они снабжали оружием врагов советского правительства; они блокировали его порты; они топили его военные суда. Они горячо стремились к падению советского правительства и строили планы этого падения. Но объявить ему войну — это стыд! Интервенция — позор! Они продолжали повторять, что для них совершенно безразлично, как русские разрешают свои внутренние дела. Они желали оставаться беспристрастными и наносили удар за ударом. Одновременно с этим они вели переговоры и делали попытки завести торговые сношения[12].

Отсутствие твердой политики союзников приводило и к неопределенности в размерах и сроках поставок снабжения. Управляющий Военным министерством Омского правительства генерал А.П. Будберг втолковывал главнокомандующему союзными войсками в Сибири генералу М. Жанену в начале июня 1919 г.:

> Размер материальной помощи надо точно выяснить — по количеству и срокам и обеспечить нам порядок и срочность получения, не держа нас в положении Персии или Турции, или расточительного племянника, получающего случайные подачки от тароватых дядюшек. Все приходящее во Владивосток надо сдавать нам, а не распоряжаться каждому союзнику по его усмотрению и по его симпатиям.

Одновременно надо выяснить, сколько и как надо за все это заплатить или засчитать, ибо только тогда возможно равноправие сторон[13].

О том, что сарказм Черчилля относительно непоследовательной политики союзников был небеспочвенным, свидетельствует меморандум министра иностранных дел Великобритании лорда Дж. Керзона от 16 августа 1919 г. Документы британских политиков, сыгравших ведущую роль в поддержке антибольшевистских сил, подтверждают, что претензии Будберга и других лиц, ответственных за снабжение белых армий, не были обычным брюзжанием вечно недовольных русских, а имели под собой определенные основания. Приведем обширную и весьма показательную выдержку из меморандума лорда Керзона, написанного в разгар Гражданской войны в России:

Никак нельзя сказать, чтобы по отношению к России проводилась какая-нибудь последовательная политика. И теперь еще те принципы, которые лежат в ее основе, вызывают несогласия и споры. Политическая инициатива исходит то от представителей держав в Париже, то от тех или других специально созданных учреждений, то от самих союзных правительств. Положение настолько сложно, и трудности, связанные с такими решениями, с которыми все были бы согласны, так велики, что временами можно было бы подумать, что никакой определенной политики не существует вовсе!

При этих условиях представители великих держав всякий раз при встрече вырабатывают только крайне неопределенную линию поведения, а иногда ограничиваются и полным бездействием; финансовое бремя взваливается почти исключительно на плечи тех, кто отличается наибольшей способностью или наименьшим нежеланием нести расходы[14].

Правда, из того же меморандума Керзона следует, что непоследовательность политики союзников в значительной степени была отражением непоследовательности политики противников большевиков, а помощь им была неэффективной не в силу ее недостаточности, а по причине ее неумелого использования:

...Независимые государства или политические группировки, связавшие с нами свою судьбу, не всегда используют как следует получаемую ими от нас помощь и постоянно требуют расширения таковой; почти каждую неделю приходится спорить о признании той или иной политичес-

кой организации. Союзники рассылают по всем направлениям людей, на обязанности которых лежат заботы о водворении хотя бы какого-нибудь порядка во всем этом хаосе, но все советы принимаются только тогда, когда они сопровождаются какой-нибудь существенной материальной помощью, в противном случае на них не обращают ровно никакого внимания[15].

Очередной зигзаг в русской политике союзников самым непосредственным образом повлиял на судьбу российского золотого запаса, несколько месяцев являвшегося для Колчака «священной коровой».

«Проект Принкипо» и решение о продаже золота

21 января 1919 г. президент США Вильсон от имени Мирной конференции предложил представителям противоборствующих в России сил встретиться на нейтральной почве, а именно на Принцевых островах, и достичь соглашения, ведущего к прекращению Гражданской войны. Срок был предложен достаточно жесткий — 15 февраля. Вряд ли для российских дипломатов в Париже осталось секретом, что инициатором этой попытки урегулировать русский вопрос был британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж. В конечном счете попытка усадить большевиков и их противников за стол переговоров не удалась, но становилось все более очевидным, что союзники не могут или не хотят глубже ввязываться в русскую Гражданскую войну, и не за горами тот час, когда помощь антибольшевистским силам будет прекращена[16].

Заявление Вильсона побудило Новицкого, испытывавшего к золотому запасу меньше пиетета, чем его умудренные опытом коллеги, направить председателю Русского политического совещания кн. Львову докладную записку, пересланную затем в Омск. Приведем большую часть записки, поскольку в ней отчетливо и, пожалуй, наиболее полно сформулированы аргументы сторонников использования золотого запаса для получения валюты.

В связи с принятием союзными правительствами решения о приглашении большевиков на Принцевы острова, русскому национальному движению нанесен тяжелый удар. Хотя есть основание рассчитывать, что союзники не прекратят снабжение Юга России и Сибири оружием и необходимыми предметами, твердой уверенности, однако, в этом быть

не может. При принятой ныне по отношению к России политике, легко может случиться, что снабжение это будет задерживаться или производиться в сокращенном виде, что затруднит борьбу и продлит власть большевиков в России.

С другой стороны, созданные в Париже организации, имеющие своею целью оказание поддержки национальному движению и работу защиты интересов единой России, не могут продолжать свое существование за неимением средств. Одно из могучих орудий борьбы с большевиками и воздействия на общественное мнение при помощи печати не может быть ими использовано за отсутствием каких-либо сумм для этой цели. Организации и лица, работающие во Франции, Англии и др. странах, не могут иметь на этой почве успеха, находясь в неравных условиях с большевиками, располагающими крупными фондами для пропаганды своих целей за границей.

Рассчитывать на открытие каких-либо особых кредитов Союзными правительствами для указанных целей при создавшейся обстановке не представляется возможным, также неосуществимо было бы получение авансов частным порядком у банков и торгово-промышленных организаций. Остатки от предоставленных России за время войны прежних кредитов в Англии, во Франции и Америке связаны, и нет надежды на их освобождение.

Ввиду изложенного, в настоящее время русское национальное движение не может опираться на помощь извне, мы предоставлены пока самим себе, своей собственной инициативе и находящимся в нашем распоряжении средствам.

Между тем единственным активом, имеющимся у нас, является золотой фонд в сумме 650 000 000 рублей, спасенный от захвата большевиками и находящийся ныне на хранении в Омске.

Говорить об израсходовании хотя бы небольшой части имеющегося в распоряжении правительства золотого фонда в нормальное время — неблагоразумно, но обращаться к этому исходу как к последнему средству спасения, в минуту, когда государство находится на краю гибели, есть не только право, но и обязанность. Лишь с целью использования золота в критическую минуту и происходит накопление запаса его в годы мира.

Предоставляя все свои ресурсы на пользу общественного дела, Россия в 1915—1916 гг. вывезла за границу 680 000 000 рублей из своего фонда. Теперь, когда национальное движение необходимо поддержать немедленно и во что бы то ни стало, нужно государственные задачи поставить выше золотого фетишизма и пожертвовать частью золота для достижения высшей цели — спасения родины.

Каждый лишний день господства большевиков приносит России вред, который трудно поддается оценке, и говорить при создавшихся условиях об опасности израсходовать 50 или 100 миллионов золота для того, чтобы способствовать свержению большевиков, было бы близорукою политикой. При настоящих размерах и условиях бумажно-денежного обращения несколько десятков миллионов золота не могут иметь большого значения. Финансовое могущество России в будущем заключается главным образом в развитии природных богатств страны и производительных сил ее, а не зависит исключительно от суммы золота, находящегося в кладовых Государственного банка.

Возможность продажи части золотого фонда, имеющегося в распоряжении Омского правительства, является вопросом принципиальным: может быть, решившись на эту меру, фактически пришлось бы, в связи с изменившимися обстоятельствами, израсходовать всего лишь несколько миллионов рублей. Однако стать на этот путь необходимо — это есть единственный способ дать в распоряжение русских правительств средства, которые позволят им успешно до конца довести начатую борьбу.

Операция продажи или залога золота не может быть осуществлена немедленно без предварительной подготовки и требует более или менее значительного времени. Необходимо теперь же принять решение по этому вопросу, обсудить способы совершения сделки и снестись с Омским правительством, чтобы иметь возможность действовать в нужную минуту.

Вместе с тем следует подчеркнуть Омску, что золотой фонд, спасенный от захвата большевиками, является достоянием общерусским, поэтому расходование его должно быть производимо в общих национальных целях для помощи как Омскому правительству, так и генералам Краснову, Деникину, Юденичу и на пользование им нельзя смотреть с узкой чисто местной точки зрения[17]

Новицкий как будто предугадал изменения в политике Российского правительства. Здесь уместно сказать несколько слов о Владимире Иосифовиче Новицком, которому вскоре придется непосредственно участвовать в реализации предложенных им мер, т.е. в продаже золота. Новицкий, сын крупного деятеля российского финансового ведомства тайного советника И.И. Новицкого, товарища (заместителя) министра финансов в бытность министром В.Н. Коковцова, пошел по стопам отца. Новицкий-младший служил в Кредитной канцелярии в Петербурге, в 27-летнем возрасте был назначен представителем Министерства финансов в США и

прибыл туда летом 1917 г. в составе Чрезвычайной миссии, возглавляемой Бахметевым. Что послужило основанием для столь важного назначения — связи, доставшиеся в «наследство» от отца (И.И. Новицкий вышел в отставку вслед за своим шефом Коковцовым и получил назначение в Государственный совет; умер он «вовремя» — в начале февраля 1917 г.), или личные дарования, остается только гадать. И вот что уж точно никто не мог предположить в «нормальное» время — это то, что «финансовый мальчик», как прозвал Новицкого Бахметев, в 29-летнем возрасте займет такой же пост, как его отец, — станет товарищем министра финансов. Правда, никто не мог предсказать и того, что «российское» правительство будет квартировать в Омске, да и сам министр будет сверстником своего 29-летнего заместителя... Назначение Новицкого состоялось в мае 1919 г., и он на несколько месяцев покинул тихую заводь Вашингтона[18].

Значение приглашения на Принцевы острова было правильно истолковано и в Омске. Политика в отношении золотого запаса стремительно изменилась. Видимо, указания прощупать почву на предмет получения займа под залог золота или же его продажи были даны российским представителям в Париже самим адмиралом. Однако это оказалось не так просто. 15 февраля 1919 г. Маклаков телеграфировал Колчаку:

> Добиваемся частным образом через Банк де Франс, чтобы он согласился открыть беспроцентный кредит под золото или же купить его с известной премией. Независимо от всего изложенного Совещание озабочено вопросом получить в свое распоряжение золото, хранящееся в Шведском Национальном Банке на сумму 5 миллионов рублей. Которое в целях получения шведской валюты было увезено туда Временным правительством в октябре 17 года и находится на частных счетах Азовско-Донского, Учетного Международного Банков. Однако не скроем от Вас, что проведение последней операции сопряжено с большими трудностями[19].

Препятствия к получению золота, отправленного в Швецию, так и не были преодолены (о том, что с ним в конечном счете случилось, мы расскажем в заключении). Мечты о беспроцентном кредите так и остались мечтами. Да и продать золото оказалось совсем не просто. Банк Франции не жаждал приобрести часть русского золотого запаса у никем не признанного правительства, даже с «премией». Частные банки также были поначалу весьма осторож-

ны, сверяясь с политикой правительств своих стран. Кроме того, чтобы приступить к продаже золота, надо было решить, казалось бы, техническую проблему — доставить его в ближайший порт. А он находился ох как не близко.

Мысль о необходимости продажи золота возникла в головах сразу нескольких российских финансистов, не отягощенных в прошлом высокими постами и памятью об имперском величии, но хорошо понимавших современное положение.

24 февраля 1919 г. вице-директор Кредитной канцелярии Морис Соломонович Капущевский, находившийся в постоянной командировке в центре финансовой жизни российской «восточной окраины» — Владивостоке, телеграфировал Михайлову:

> Считаю долгом довести совершенно недопустимом положении валютного вопроса безумной спекуляции русской валюты которой никто не борется. Дальнейшее промедление этой стороне государственной жизни может быть чревато тяжелыми последствиями. Требования валюты со стороны правительственных учреждений, частных лиц большие закупки производятся без системы. Последние две недели курс иены достиг с 530 до 650 соответственно возрос курс остальной иностранной валюты. Мерой борьбы может служить лишь получение руки правительства крупной суммы иностранной валюты что может быть достигнуто залогом крайнем случае ликвидацией золота платины серебра которые для этого должны находиться Владивостоке. Ответов иностранных Банков на мои вопросы не имеется объясню их заинтересовать [sic] дальнейшем оставлении нас без валюты[20].

В качестве ближайшей меры Капущевский рекомендовал «ликвидацию» серебра в связи со сравнительно высокими ценами на него в тот момент. Михайлов наложил резолюцию: «Приступить срочно»[21]. Резолюция относилась, по-видимому, не только к продаже серебра, но и ко всему комплексу мер, предлагавшемуся Капущевским[22].

Наряду с имперским золотым запасом Колчак мог располагать золотом, хранившимся в отделениях Госбанка в Сибири и на Дальнем Востоке. На начало марта 1919 г. золота в монете насчитывалось на 40 800 руб., в слитках 290 пудов 1 фунт 23 золотника. В пересчете на золотые рубли по цене 5 руб. 45 коп. за золотник, установленной Центральным управлением Госбанка 30 апреля 1919 г., это составляло немногим более 6 млн руб.[23]

Кроме того, в Сибири до начала мировой войны добывалось около 3 тыс. пудов золота ежегодно, что составляло две трети всей российской золотодобычи, на Урале — платина, до 300 пудов в год[24]. Правда, за годы войны и в особенности революции добыча сильно упала. По данным управляющего Бодайбинским отделением Госбанка, в ведении которого находились богатые золотом Ленский и Витимский горные округа, динамика добычи золота (точнее, падения его добычи) выглядела следующим образом (сведения на август 1919 г.): в августе 1916 г. было добыто 100 пудов 32 фунта золота, а с начала года 792 пуда 32 фунта, в 1917-м — в августе 79 пудов 20 фунтов и за весь год 929 пудов 23 фунта, 1918-м — 43 пуда 19 фунтов и 405 пудов 34 фунта соответственно. В августе 1919 г. было добыто 23 пуда 32 фунта золота, а с начала года — 255 пуда 28 фунтов. Наибольшее падение добычи золота произошло в период с 1 октября 1917 по 1 октября 1918 г., преимущественно при советской власти. Добыча сократилась на 56%, а эксплуатационные расходы увеличились от 5 до 10 раз[25]. Поясним, что речь шла о шлиховом (самородном) золоте, требовавшем обогащения.

Колчаковский Минфин пытался стимулировать увеличение добычи золота, повышая закупочную цену. Однако и повышенную цену — 34 руб. плюс 16 руб. премии за золотник — промышленники все равно считали недостаточной. «По счету золота, принадлежащего банку, никакого движения в августе не было, потому что никто золота в казну не сдавал, по причине все повышающейся рыночной его цены, которая к концу месяца достигла 235—250 руб. золотник», — меланхолически сообщал уже знакомый нам управляющий Бодайбинским отделением Госбанка. К 15 сентября 1919 г. цена золотника достигла 300 руб. Кроме того, рост добычи золота тормозило изношенное и устаревшее оборудование. В результате его добыча мало изменилась по сравнению с 1917—1918 гг. «Были заказаны новые драги в Америке, а в ожидании их получения прииски по-прежнему давали сотни пудов вместо прежних тысяч»[26].

Понятно, что за счет продажи добываемого в Сибири золота разрешить финансовые проблемы колчаковского правительства было невозможно.

Омск — Владивосток. «Золотой эшелон» № 1

21 февраля 1919 г. Совет министров постановил перевести иностранное отделение Кредитной канцелярии во Владивосток[27]. В на-

чале марта военный министр Н.А. Степанов говорил директору Иностранного отделения Кредитной канцелярии А.А. Никольскому:

> Сегодня союзники еще дают нам снабжение, хотя и явно недостаточное. Завтра они могут перестать совсем, и симптомы есть. Последний из них — приглашение Ллойд Джорджа на Принцевы острова. Союзники быстро теряют интерес к нам после заключения перемирия... Золото — наш единственный ресурс, так как заводов почти нет, и все надо заказывать за границей. Но пока золото здесь, в подвалах Государственного Банка, мы можем иметь миллиарды и быть нищими. Оно должно быть во Владивостоке, где банки, биржа, торговля, порт — «окно» в цивилизованный мир. Я всецело разделяю об этом мнение вашего министра Михайлова. Надо бросить золото на весы «борьбы».

Говоря о нищете, генерал не преувеличивал. В тот момент все валютные ресурсы Омского правительства составляли 10 тыс. иен (5 тыс. долл.)[28].

Однако доставить золото во Владивосток, находившийся более чем в шести тысячах верст от Омска, было не так просто. Между Новониколаевском и Красноярском на поезда нередко нападали красные партизаны, на Дальнем Востоке и в Маньчжурии — хунхузы[29], но главное — надо было миновать «атаманские заставы» Г.М. Семенова в Забайкалье и И.М. Калмыкова в Уссурийском крае. Характерно, что военный министр не рискнул отправить эшелон с русской охраной. За помощью обратились к союзникам, и поезд отправился под британским флагом, чтобы обезопасить его от атаманов, не решавшихся посягать на англичан (под британским флагом переправлялось английское снабжение). Поезд сопровождало полроты Гэмпширского полка с пулеметами. Тем не менее английский генерал, заменявший отсутствующего главного британского представителя А. Нокса, определял риск в 50%[30].

«Золотой поезд» состоял из пяти американских товарных вагонов, двух вагонов для команды и одного классного вагона для служащих Минфина. Вместе с золотом во Владивосток переправлялось иностранное отделение Кредитной канцелярии. Содержимое товарных вагонов в самом деле представляло большой соблазн. Никольский нарисовал красочную картину погрузки ценностей, происходившую, разумеется, в обстановке строгой секретности:

Каждый слиток представлял почти чистое золото (999,6 пробы), весом в 30 фунтов, что равнялось маленькому состоянию — более 200 000 теперешних [воспоминания опубликованы в 1932 г. — *О.Б.*] франков. В кладовой Государственного Банка, когда туда проникали лучи солнца, эти слитки давали феерическую картину.

Кроме слитков, грузились мешки с монетами всех национальностей. Тут были английские соверены, 20-франковики (теперь = 100 франкам)[31], монеты в марках, гульденах, долларах, кронах, до пезет включительно.

Во многих ящиках находилось золото с серебром, еще не прошедшее через аффинаж. Были ящики с платиной, добываемой только в России, на Урале, и ценившейся в восемь раз выше золота[32].

Похоже, впрочем, что мемуарист или подзабыл обстановку погрузки золота, или, скорее всего, добавил живописные подробности для читателей «Иллюстрированной России», чего-то вроде эмигрантского «Огонька». На самом деле, как свидетельствует сухой, но точный акт о выемке ценностей из кладовых Омского отделения Госбанка, одна тысяча двести тридцать шесть деревянных ящиков с золотыми слитками, золотистым серебром и серебристым золотом были отсортированы «чинами Госбанка без вскрытия упаковки их, а потому представители Государственного контроля, удостоверяя количество ящиков», были лишены возможности «засвидетельствовать отмеченное в акте их содержимое».

Наличие слитков в ящиках определялось на слух (!), а в некоторых случаях по документам, имевшимся в распоряжении Центрального управления Госбанка. Такой способ подготовки ценностей к отправке вызвал протест со стороны государственного контролера Г.А. Краснова, заявившего Михайлову, что он «затрудняется» признать пользу от участия в этом деле служащих вверенного ему ведомства и просит министра финансов «почтить» его своим заключением по поводу изложенных обстоятельств отбора ящиков со слитками золота. Михайлова «изложенные обстоятельства» не смутили, он счел, что «вопрос об определении содержания ящиков не так важен, т.к. ящики отправляются во Владивосток в кладовые госбанка»[33]. Министр торопился.

Слух подвел сотрудников Госбанка только один раз. Вместе с 1235 ящиками со слитками во Владивосток был отправлен ящик с золотой монетой. «Золотой эшелон» сопровождали, наряду с Никольским, делопроизводитель 1-го разряда Госбанка Ф.М. Соко-

нов и бухгалтер 1-го разряда Б.А. Медведев. Кроме ящиков с золотыми слитками, слитками золотистого серебра и серебристого золота на поезд были погружены 24 ящика Екатеринбургского отделения Госбанка, по-видимому содержавшие платину. Таким образом, общее количество «мест» составило 1260[34].

Золото отправили во Владивосток еще до его официального «оприходования». Российское правительство лишь 3 апреля постановило начать прием золота на баланс Госбанка; 10 мая 1919 г. приемка завершилась[35]. 26 апреля 1919 г. Совет министров постановил считать принадлежащим Госбанку золото частных банков и частных аффинеров, находившееся среди ценностей, эвакуированных в Омск, «за отсутствием точных данных о его принадлежности». В случае установления владельца ему должна была выплачиваться компенсация в размере не свыше 32 руб. за золотник золота и 1 руб. 80 коп. за золотник серебра, содержащихся в неаффинированных слитках. Учитывая стремительный рост цен на благородные металлы, компенсация носила достаточно символический характер[36].

Через неделю после окончания приемки золота по приглашению Михайлова несколько министров колчаковского правительства и представители союзнических дипломатических и военных миссий проинспектировали золотой запас Государственного казначейства, хранившийся в подвале Омского отделения Государственного банка.

Председатель колчаковского Совмина П.В. Вологодский записал в дневнике 18 мая 1919 г.:

> Оказалось, что всего в наличности золота на 651 532 117 руб. 86 коп. Из этого числа: 1) российской монеты — 514 820 613 р. 78 к., 2) иностранной — 40 577 839 р. 36 к., 3) слитками золота на 95 078 493 р. 25 к., 4) золота полосами на 529 594 руб. 24 к., 5) кружками на 525 447 р. 25 к. Кроме того, в операционной комнате банка было выставлено серебро в вещах, награбленных большевиками в помещичьих имениях и хранившихся большевиками на складах в Казани. Вещи эти представляют большой интерес по разнообразию их, по художественности изделий и по историческому происхождению их. Всего было раскупорено 6 ящиков с такого рода вещами, а их находится на складе 172 ящика[37].

В других измерениях (весе и долларовом эквиваленте) богатство, находившееся в распоряжении Колчака, выглядело так: 30 653 пуда (490 т 448 кг) золота в монете и слитках (332 915 653 долл.) и

2000 пудов лигатурного золота и серебра различной пробы[38]. Правда, в момент осмотра в наличии было несколько меньше золота. Часть его уже отправили во Владивосток. Приглашенным, включая главу правительства, сообщили по каким-то соображениям сведения о количестве и стоимости золота, значившиеся в банковских книгах; на самом деле, как мы знаем, его было на шесть с лишним миллионов меньше.

Отметим еще одну любопытную деталь. В состав золотого запаса входили монеты 14 государств. Больше всего было германских марок — 24 080 тыс. (в эквиваленте — 11 202 552 руб. 27 коп.), далее по паритету шли испанские альфонсы (монеты достоинством в 25 песет, содержавшие 7,2585 г чистого золота) — 892 750 (8 272 741 р. 49 к.) и английские соверены — 532 тыс. (5 024 116 руб. 42 коп.). Наиболее экзотическими — на фоне американских долларов, французских и бельгийских франков, японских иен, греческих драхм и т.д. — выглядели 36 тыс. чилийских кондоров на сумму 2 781 459 руб. 59 коп.[39]

Продажи

Вышедший из Омска 10 марта «золотой поезд» после различных приключений прибыл во Владивосток 23 марта 1919 г. Владивосток представлял разительный контраст по сравнению с захолустным Омском: «Красавец город, первоклассный порт, по расположению сильно напоминающий Константинополь, раскинулся на берегу Тихого океана и сиял тысячами электрических огней. Множество красивых зданий, богатые магазины, великолепные мостовые, оживленные улицы давали ему вид большого европейского города». Тревоги Никольского были компенсированы настоящей русской баней, растопленной по приказу директора местного отделения Госбанка. «После Омска, где сходить в баню значило заболеть тифом и где ванны отелей служили номерами, после долгой дороги это был настоящий "дар богов"», — вспоминал человек, некогда распоряжавшийся девятью тысячами пудов золота[40].

Александр Александрович Никольский, которому предстояло осуществлять продажу российского золотого запаса, был сравнительно опытным финансистом, в прошлом чиновником Кредитной канцелярии Министерства финансов — по выражению сибиряков, «навозным человеком» («привозным», приезжим). В 1919 г. ему исполнилось 37 лет. Трудно судить, сделал ли он столь блестящую

карьеру благодаря способностям или же вследствие нехватки персонала в «великой Сибирской интеллектуальной пустыне» (по его же выражению). Призывы идти на службу публиковались министром финансов Михайловым даже в газетах за рубежом, туда же посылались и угрожающие, и умоляющие телеграммы. «Чтобы спасти положение, мне приходилось брать на службу людей без каких-либо рекомендаций, совершенно не известных никому, с риском злоупотреблений, — вспоминал Никольский. — Среди таких попался один бухгалтер, как потом оказалось — член международной воровской шайки, который произвел крупную кражу в кассе Иностранного Отделения, подделав все необходимые документы».

Однако подобные случаи были весьма редки, и служили чиновники в подавляющем большинстве честно и добросовестно, «следуя старой доброй традиции Императорского Министерства Финансов». Учитывая мизерный размер заработной платы служащих, Никольский счел возможным заключить, что «исполнение служебного долга при таких условиях — светлая страница в истории русского чиновничества»[41].

Ситуация на финансовом рынке Владивостока была уникальной для России, что создавало, с одной стороны, сложности, с другой — определенные возможности для маневра. Российское императорское правительство было против допущения иностранных банков на внутренний рынок. Ввиду особых отношений между Россией и Францией (главным кредитором России до начала мировой войны) исключение было сделано лишь для Crédit Lyonnais и в декабре 1916 г. — для National City Bank of New York. Мотивы последнего решения тоже были вполне понятны — Российское правительство стремилось получить доступ к американским кредитным ресурсам. Во Владивостоке же в течение нескольких месяцев 1918 г. появилось, разумеется, без санкции российских властей (точнее, в обстановке безвластия) семь отделений «самых могущественных банков в мире»: японских — Iokogama Specie Bank и Matsuda Bank (филиал Chosen Bank), английских — Hong-Kong and Shanghai Banking Corp. и Royal Bank of Canada (последний вскоре закрыл свое отделение), французских — Banque de l'Indo-Chine и Banque Industrielle de Chine и американского — National City Bank of New York[42].

Схема открытия иностранных банков во Владивостоке была стандартной — вслед за приходом транспорта с войсками союзни-

ков появлялся банк для обслуживания нужд командования. Никольский считал, что «это стремительное нашествие иностранных банков за штыками экспедиционных частей происходило с благословения их правительств, по выработанной компетентными учреждениями широкой программе. Несмотря на все выгоды, которые сулила работа в богатейшем крае, условия анархии были слишком опасны, чтобы банки за свой страх и риск ввязались в эту авантюру». Финансист полагал, что иностранные банки спешили утвердиться на российском рынке в условиях вакуума власти и временного «выбытия из строя» русской торговли и русских банков. Деятельность банков, кроме обслуживания соответствующих военных миссий, сводилась к кредитованию экспортно-импортных операций, позднее серьезное место заняли операции по покупке золота у Омского правительства[43].

В конечном счете, по мнению Никольского, «самая множественность иностранных банков создавала их слабость, а не силу. Разделенные национальными различиями, противоположными интересами и взаимной конкуренцией, они работали друг против друга и играли нам в руку»[44]. Продать золото было нелегко, ибо союзники не хотели разрешать своим банкам операции с непризнанным правительством. Но затем они стали смотреть на вещи проще.

Переговоры поначалу шли медленно и трудно. Лишь через месяц после прибытия во Владивосток Никольский смог сообщить Михайлову о некотором прогрессе:

> Французские банки сообщили правлениям. [В] Париже считают условия денежного рынка [в] настоящее время не позволяют иммобилизацию больших банковских капиталов сравнительно долгое время. Индо-Китайский не может принять участие предположенной операции. Китайский Индустриальный предлагает купить до двух тысяч килограмм золота выдача долларами.

Михайлов наложил собственноручную резолюцию: «Срочно поручить Никольскому продать 2 тысячи кило на доллары»[45].

В начале мая Никольскому, согласно его воспоминаниям, удалось продать 125 пудов золота Banque Industrielle de Chine за восемь миллионов франков. «Условия были не блестящи, — признавал сам продавец, — но чрезвычайно важно было создать "прецедент"». Продажа была расценена в Министерстве финансов как успех, и

министр поздравил Никольского по прямому проводу с «победой»[46].

«Победа» была, конечно, сомнительного свойства. Финансисты испытывали явный дискомфорт, прибегая к такой мере, как продажа золотого запаса. Товарищ министра финансов Омского правительства Н.Н. Кармазинский, запрашивая смету на содержание заграничного представительства в связи с тем, что продажи золота становились вполне реальным делом, писал Сукину: «Конечно, предпринимаемая нами мера продажи золота — мера чрезвычайная, вызываемая исключительно остротою момента, и я глубоко убежден, что Вы, разделяя этот мой взгляд, и со своей стороны примете энергичные меры с [sic] раскрепощением наших заграничных ресурсов или хотя бы к какому-либо заграничному займу»[47].

Получить заем было не так легко, что же касается продаж, то лиха беда начало. Дальнейшие продажи пошли как по маслу и теперь уже при участии союзных правительств, так как золото приобреталось главными эмиссионными учреждениями союзников. Динамика продаж (вырученные суммы приведены в долларовом эквиваленте), согласно Новицкому, выглядела следующим образом:

> В мае 1919 г.[48] французскому правительству на 1 371 745 долларов, англичанам — на 5 617 620 долл.
> В июле англичанам и французам — на 7 599 028 долл.
> В августе японцам — 6 989 365
> В сентябре японцам — 5 443 430
> В сентябре французам — 8 165 145
> Всего на сумму 35 186 333 долл.[49]

В статье Новицкого «Судьба русского золотого запаса», откуда мы заимствуем приведенные выше сведения, так же как в воспоминаниях Никольского, цифры нередко округлены, встречаются ошибки, которые вызваны, вероятно, тем, что под рукой ни у того, ни у другого не было всех необходимых документов. Сравним сведения, приведенные в текстах обоих авторов, с несомненно более точной информацией, содержащейся в телеграмме Никольского Новицкому от 14 сентября 1919 г. о продажах золота:

> Первая продажа Индо-Китайскому 26 мая 2 тыс. кг по цене 3 750 франков кило, 19 июня Гонконг-Шанхайскому банку 272 341,19 унций стандарт по цене 3 фунта 19 шиллингов 8 пенсов за 1 унцию.

Вторая продажа Индустриальному Китайскому 24 июля 131 661,986 унций стандарт 3 фунта 19 шиллингов 8 пенсов за 1 унцию, Гонконг-Шанхайскому 28 июля 236 307,02 унции стандарт по той же цене.

Во всех перечисленных случаях надо вычесть расходы по отправке.

Третья продажа 30 июля Йокогама Спеши банку 73 636,17 унции по цене 40,8685 иен за 1 унцию.

Четвертая продажа 2 августа Йокогама Спеши 264 518,29 по цене 41,12 иены за 1 унцию[50].

Нетрудно заметить, что выручка от продажи двух тысяч килограммов золота по цене 3750 фр. за килограмм дает 7,5 млн фр., а никак не 8. Подтверждение этой цифре находим в данных, приведенных Новицким: 1 371 745 долл., вырученных от продажи первой партии золота, при переводе во франки (по тогдашнему курсу 5,47 фр. за 1 долл.) дают те же 7,5 млн фр. Нетрудно заметить также, что первая партия золота была продана не Индустриальному Китайскому банку, а Индо-Китайскому, причем расчет в конечном счете был произведен не в долларах, а во франках и не в начале мая, а в конце. Любопытно также сообщение Новицкого о том, что первая продажа золота была произведена французскому правительству. Получается, что Индо-Китайский банк выступал в качестве его агента, о чем не упоминает Никольский.

Наиболее крупная партия золота была приобретена Гонконг-Шанхайским банком (на 1182 тыс. ф. ст.). Все продажи, кроме последней, производились Кредитной канцелярией. Последняя партия в 750 пудов (12 тыс. кг) была продана по контракту, подписанному министром финансов в Омске, через Banque de l'Indo-Chine (Индо-Китайский) французскому правительству за 51 360 тыс. фр. Условия этой сделки были невыгодны, но сама продажа, по словам Никольского, «носила скорее политический характер, имея целью улучшить отношения с французами»[51].

Если номинально французы заплатили теперь за килограмм золота больше, чем в мае (4280 франков вместо 3750), то на самом деле российская казна получила меньше денег ввиду падения французской валюты. Если в январе 1919 г. франк обменивался на доллар в соотношении 5,7:1, то в июне соотношение составляло уже 6,48:1, а в октябре — 8,62:1. Принимая сентябрьский курс франка к доллару даже за 6,48, получаем, что французы должны были заплатить за золото приблизительно 52 291 тыс. фр., т.е. «улучшение отношений» с Парижем обошлось казне почти в миллион франков.

Продажи золота, кроме первой и последней, производились в фунтах стерлингов и иенах[52].

Новицкий, убежденный сторонник реализации золота, после своего приезда в Омск в июле 1919 г. и вступления в должность директора Кредитной канцелярии, активно способствовал скорейшей отправке ценностей во Владивосток.

Однако на месте Никольскому приходилось действовать самостоятельно, что имело и свои недостатки — не с кем было посоветоваться — и преимущества, ибо нередко от оперативности принятия того или иного решения зависела успешность сделки. Тем более что за право покупки российского золота между иностранными банками развернулась нешуточная борьба.

Об остроте конкуренции свидетельствует, в частности, вербальная нота японской дипломатической миссии в Сибири колчаковскому МИД от 11 июля 1919 г. Ссылаясь на информацию, полученную от директора Иностранного отделения Кредитной канцелярии о наличии во Владивостоке 400 пудов золота для продажи, японские дипломаты просили «Русское правительство в Омске соблаговолить отнестись благосклонно к просьбам японских банкиров относительно покупки золота». Дипломаты Страны восходящего солнца аргументировали свою просьбу тем, что «Япония ввозит в Россию большее количество товаров, чем все другие страны»[53]. Японцы были явно озабочены тем, что первые партии золота были проданы французскому и британскому банкам, а они остались не у дел.

Никольский умело использовал конкурентную среду. Так, в августе 1919 г. ему «удалось продать Йокогама Спеши Банку золото на сумму около 11 миллионов иен по такой цене, которая оказалась убыточной для Банка. Назначив цену в разговоре с директором отделения Банка во Владивостоке, я дал ему кратчайший срок для ответа, заявив, что меня ждут американцы. Так как японцы не приучены считать в уме, а только считают (мастерски) на своих маленьких деревянных счетах, то ему не хватило времени для производства точных расчетов; упускать золото "врагам" американцам он не хотел и принял предложенную цену, составившую для него убыток около 30 000 иен»[54].

«Золотые эшелоны» № 2—5. Сколько золота ушло за границу? Хищения золота

Вслед за мартовской золотой «посылкой» из Омска во Владивосток отправлялись золотые эшелоны 19 и 20 июля, 8 сентября и 18 октября 1919 г. Наиболее крупной была партия, высланная в июле: двумя эшелонами были отправлены 1010 ящиков и 396 мешков с российской монетой на сумму 84 360 000 руб. и 249 ящиков, 352 двойных мешка и 12 одинарных мешков с иностранной золотой монетой на сумму 40 577 839 руб. 35 коп. Благополучно достигла Владивостока также сравнительно небольшая партия золота, отправленная из Омска 8 сентября, — 22 ящика со слитками, 9 ящиков золотых полос на сумму 529 447 руб. 23 коп., 7 ящиков кружков на сумму 525 447 руб. 23 коп. и 34 ящика разных ценностей Монетного двора (золото в катодных полосах, золото в самородках, принадлежавшее Горному институту, и золото Главной палаты мер и весов) на сумму 486 598 руб. Золото, отправленное из Омска 18 октября 1919 г. (172 ящика со слитками и 550 ящиков с российской золотой монетой), весом около 2000 пудов общей стоимостью 43 557 744 руб. 6 коп., было захвачено атаманом Семеновым в Чите[55].

Кроме золота Семенов захватил отправленные тем же эшелоном во Владивосток и Харбин обязательства Государственного казначейства на сумму 50 млн руб. Атаман мотивировал этот разбойный акт опасностью дальнейшего пути и недостатком охраны[56]. Это был не первый случай захвата Семеновым казенных ценностей. Его отряды под предлогом нехватки средств на содержание время от времени совершали «выемки» казенных сумм на подконтрольной территории. Омские власти могли лишь констатировать свое бессилие. Так, 15 марта 1919 г. помощник начальника Главного штаба и начальник Осведомительного отдела информировали Михайлова, в ответ на его запрос, что «Кяхтинское отделение банка мерами военных властей пока не может быть охранено от выступлений атамана Семенова». В середине мая 1919 г. отряд местного гарнизона по приказу атамана Семенова конфисковал таможенный сбор в отделении Госбанка в Троицкосавске, мотивируя захват казенных сумм отсутствием кредитов на содержание отряда. Заведующий отделением пытался противостоять произволу и указывал на незаконность требований военных, однако опасался, что отказ в выдаче казенных средств может привести к еще более тяжелым послед-

ствиям, ибо «после отмены приказа Семенова появление у банка отряда может вызвать среди местного сельского населения панику и усиленное востребование вкладов»[57].

В Омске, впрочем, прекратили отменять приказы Семенова, чтобы «не терять лицо». Заставить атамана подчиняться Верховному правителю так и не удалось. Не удалось это и в беспрецедентном случае с захватом 2000 пудов золота. По словам управляющего делами колчаковского правительства Г.К. Гинса, «золото перевозили из вагонов в кладовые [читинского] банка при пушечной пальбе, напоминавшей салютование по случаю восшествия на престол»[58]. Как и ранее, в октябре 1919 г. омские власти оказались бессильны перед самоуправством атамана.

Нам неизвестна точная стоимость мартовской и сентябрьской партий золота, отправленных из Омска. Однако мы располагаем справкой Омского отделения Госбанка от 15 сентября 1919 г. о том, сколько всего золота было отправлено во Владивостокское отделение на тот момент:

> В слитках Монетного Двора из Казанского отделения 374 ящика на 32 378 040 руб. 44 коп.
> В слитках Монетного Двора из Московской Конторы 403 ящика на 32 528 730 руб. 23 коп.
> Полос и кружков Монетного Двора из Казанского отделения 15 ящиков на 1 055 041 руб. 47 коп.
> Российской золотой монеты на сумму 84 360 000 руб.
> Иностранной монеты на 40 577 839 руб. 36 коп.
> Всего на сумму 190 899 651 руб. 50 коп.

Российскую монету считали по номиналу, а стоимость слитков, иностранной монеты, полос и кружков в справке была показана по цене 5 р. 45 коп. — 5 руб. 50 коп. за золотник чистого золота[59].

Последний «золотой эшелон» до Владивостока не дошел, будучи остановлен и разгружен в Чите. Таким образом, приведенная в справке цифра и есть как будто стоимость колчаковского золота, которое было отправлено (во всяком случае, могло быть отправлено) за рубеж.

Однако в справке показана стоимость золота по документам, которые, как мы знаем, за исключением книг Казанского отделения, были не всегда точны. Проверка и перевес золота во Владивостоке шли крайне медленно по весьма прозаической причине — во Вла-

дивостокском отделении Госбанка оказались лишь две пары точных весов, рассчитанных на взвешивание одного и двадцати фунтов соответственно. Никому и в голову не могло прийти, что в одно из самых отдаленных отделений Госбанка поступит немалая часть золотого запаса бывшей Российской империи. К тому же весь немногочисленный персонал отделения весной 1919 г. был занят обменом керенок, которых поступало ежедневно на сумму не менее пяти миллионов рублей, так что служащим приходилось работать сверхурочно[60].

В середине августа перевес золота еще не был завершен, так же как не был еще обнаружен ящик с золотой монетой, ошибочно отправленный вместе со слитками в составе мартовской партии. Во Владивостоке ожидали получения точных весов из Благовещенска и Николаевска, после чего рассчитывали завершить перевес золота Московской конторы Госбанка в течение двух недель. Из Омска должны были также «следующим эшелоном» (он выйдет из Омска 8 сентября) передать книги Казанского отделения, что облегчало — в прямом смысле этого слова — задачу[61].

Перевес золота завершился, судя по всему, в конце сентября — начале октября и принес приятную неожиданность. По сведениям Омского отделения Госбанка, вес отправленного во Владивосток золота составлял 9043 пуда 1 фунт 39 золотников и 87 долей (берем далее округленно 9043 пуда). При перевесе золота оказалось на 201,5 пуда больше! «Излишек» оказался в ящиках Московской конторы, прибывших в основном в «мартовском» эшелоне. В литературе неизменно приводится лишь общее число ящиков со слитками золота (один, напомним, оказался с золотой монетой), высланных в марте во Владивосток, — 1236. Между тем в состав этой «посылки» входили 367 ящиков Казанского отделения, причем в прилагаемой ведомости были точно указаны номера ящиков и слитков, вес лигатурный и чистого золота, проба и стоимость, 388 ящиков Московской конторы и 481 ящик Монетного двора. «Сопроводительными документами» к ценностям Монетного двора служили надписи на крышках ящиков, «каковые крышки» предписывалось сохранить в помещении архива. Вес, пробу и стоимость слитков в ящиках Московской конторы сотрудникам Владивостокского отделения предлагалось «определять самостоятельно»[62].

Слитки Московской конторы оценивались по распоряжению Центрального управления Госбанка, в 5 руб. 45 коп. за золотник[63]. «Премия» за 201,5 пуда золота составила, следовательно, 4 216 992 руб.! Таким образом, стоимость всего золота, доставлен-

ного во Владивосток, достигла 195 116 643 руб. 50 коп. Из этой суммы следует вычесть пропавшие при транспортировке из Омска в июле 25 золотых рублей (пять пятирублевых монет, выпавших из промокших и разорвавшихся мешков) и 2300 германских марок (физически — 115 золотых кружков, в эквиваленте около 1070 зол. руб.), которых недосчитались в составе сентябрьской партии. В последнем случае, несомненно, произошло хищение: вещевой мешок, в котором перевозилась монета, был разрезан ножом. Где это случилось — в Омске или уже во Владивостоке, установить не удалось[64].

Это было, увы, не последнее хищение. Позднее — уже в период стремительного разложения колчаковского режима — было зафиксировано еще два. 31 октября 1919 г., когда золото готовили к эвакуации из Омска в связи с наступлением Красной армии, при перевозке из кладовой на вокзал пропал мешок с золотой монетой на сумму 60 тыс. руб. Мешки перевозили на телегах, причем одна из них оказалась дырявой в прямом смысле этого слова. Через дыру в днище телеги мешок якобы выпадал три раза, после чего его перегрузили на последнюю из телег. А затем не обнаружили. Воспользовались ли похитители удобным случаем (что вероятнее всего), или это был заранее разработанный кем-то план, установлено не было[65a].

Наиболее крупное хищение произошло в ночь на 12 января 1920 г. между станциями Зима и Тыреть, в то время, когда поезд Верховного правителя и следовавший вместе с ним «золотой эшелон» безуспешно пытались пробиться на восток. Пломбы на одном из вагонов были срезаны, исчезли 13 ящиков золота общей стоимостью 780 тыс. руб. Поскольку ответственность за охрану «золотого эшелона» несли чехословацкие части, это породило слухи об их причастности к хищению. Между тем, с вечера 11 января, когда дежурным чиновником Госбанка С.В. Колпаковым был произведен осмотр пломб и удостоверена их целость, до утра 12 января, когда одновременно часовой Жуков и исполняющий обязанности директора Госбанка Н.С. Казарновский обнаружили неладное, на часах у злополучного вагона стояли солдаты исключительно из русской охраны. Причем стояли именно с той стороны вагона, на которой оказались срезаны пломбы. Осмотр вагона показал, что его стенки, пол и потолок в полной сохранности. Трудно представить, что хищение произошло без участия часовых[65b].

Правда, начальник охраны поезда капитан «чеховойск» Эмр, согласившийся в целом с составленным чиновниками Госбанка актом о хищении золота, счел необходимым добавить некоторые

оговорки. Капитан указывал, что проволока, на которой висели две срезанные пломбы, была тщательно замотана, оставшаяся пломба производила исправное впечатление и «ее повреждение [было] обнаружено только после ее снятия щипцами». Наконец, капитан отказался подтвердить, что «в сем вагоне было в свое время 200 ящиков» (12 января их оказалось 187) и поэтому воздержался от заключения о том, что «кража золота произошла в пределах ст. Зима-Тыреть»[65с]. Смысл оговорок начальника охраны очевиден: он намекал, что золото могло быть похищено раньше, а служащие Госбанка не заметили, что с пломбами не все в порядке.

Мотивы «особого мнения» капитана Эмра понятны: кто бы ни стоял на часах, ответственность в конечном счете нес именно он. Однако, учитывая то обстоятельство, что осмотр пломб производился неоднократно в течение дня, трудно предположить, что чиновники могли не обратить внимание на отсутствие двух пломб из трех. Таким образом, более чем вероятно, что кража произошла именно в ночь с 11 на 12 января. И, несомненно, при участии охраны.

Условий для проведения формального следствия не было (через два дня адмирал был передан в руки представителей Политцентра). Похитители остались неизвестными, а слухи — слухами. Заметим лишь, исходя из вышеизложенного, что обвинение чешской охраны в хищении золота выглядит гораздо менее обоснованным, чем русской. Разумеется, не исключен был вариант «международного сотрудничества» в деле кражи золота. Но это — не более чем гадания. Похоже, что тайна этого преступления уже никогда не будет раскрыта.

Отметим еще один случай хищения, но на сей раз не золота, а серебра. 2 декабря 1919 г. на станции Иркутск ящик с серебряной монетой, сорвав пломбу, вытащили из вагона часовые — «доброволец Эдуард Грузит и младший унтер-офицер Красовский». В ящике весом более двух с половиной пудов находилась мелкая серебряная монета. Ворам удалось скрыться[66].

Вернемся, однако, к «владивостокскому» золоту. Итак, его вес составил 9244,5 пуда, стоимость превысила 195 млн руб. Общий вес золота, отправленного за границу, составил те же 9244,5 пуда (около 100 пудов золота было продано уже после падения колчаковского правительства — о чем подробнее в следующей главе). Достоверность справок об операциях с золотом, включая отправки за границу, подготовленных в колчаковском Минфине в декабре 1919 г., сомнений не вызывает. Да к тому же удостоверяется таким независимым источником, как справки Владивостокской таможни, в ко-

торых фиксировались вес и стоимость золота, груженного на то или иное судно, а также пункт его назначения[67].

Наши расчеты на первый взгляд противоречат сведениям, приведенным в статье В.И. Новицкого. Согласно бывшему директору Кредитной канцелярии колчаковского Минфина, всего было продано золота на сумму 35 186 145 долл., депонировано — на 65 342 940 долл.[68] В пересчете на рубли по курсу 1,96 руб. за доллар, которым пользовался Новицкий, получается более 197 млн руб. Не будем гадать, каким образом была выведена эта цифра, ведь, как мы знаем, золото продавали, так же как получали впоследствии кредиты и займы под его залог, по большей части в фунтах стерлингов, французских франках и иенах. При переводе различных валют в доллары, особенно при нестабильном курсе франка, результаты могли существенно разниться в пользу американской валюты. Возможно также, что Новицкий учитывал то обстоятельство, что иногда удавалось продать золото дороже его номинального рублевого эквивалента. Как мы увидим в дальнейшем, в одном случае разница составила без малого 200 тыс. ф. ст., т.е. около 2 млн руб. Субъективно Новицкий был заинтересован в «округлении» вырученных сумм в сторону увеличения, хотя бы потому, что сам принимал активное участие в продаже золота, и, главное, хотел подчеркнуть, что у большевиков золота осталось не так уж много (это была маленькая хитрость, ибо значение имел на самом деле вес золота, попавшего в руки большевиков).

В данном случае наиболее весомым — в буквальном значении этого слова — аргументом является вес золота, доставленного во Владивосток. Новицкий определял совокупный вес золота, использованного для обеспечения кредитных операций, продажи и депонирования, в 9294,5 пуда. Причем вес проданного и депонированного золота составлял, по его подсчетам, 9234 пуда[69], т.е. даже на 10,5 пуда меньше, чем по документам Кредитной канцелярии. Таким образом, стоимость использованного для получения валюты золота в рублевом эквиваленте должна была соответствовать цифрам, приведенным в справке Омского отделения Госбанка, с прибавкой стоимости излишка в 201,5 пуда, обнаружившегося при перевесе золота во Владивостоке.

Отметим, в заключение, некоторую «нестыковку», которая касается общего количества золота. В руки большевиков вернулось золота на общую сумму 409 625 870 руб., было доставлено во Владивосток и затем отправлено за границу, по документам Омского

отделения, на 190 899 651 руб., в совокупности — 600 525 521 руб. Прибавим к полученной нами сумме стоимость золота, захваченного атаманом Семеновым, — 43 557 744 руб., похищенного в Омске 31 октября 1919 г. (60 тыс. руб.) и между станциями Зима и Тыреть в ночь на 12 января 1920 г. (780 тыс. руб.). В результате получается 644 923 265 с лишним миллионов рублей золотом. Что приблизительно на 487 тыс. руб. меньше стоимости золота, доставленного из Казани в Омск. Какого-либо объяснения этого расхождения в документах Госбанка нами не обнаружено. По отношению к общей стоимости золота — 645 410 870 руб. — расхождение несущественное и составляет менее одной десятой процента, если быть точным — 0,075%. Полагаем, что в данном случае дело, скорее всего, не в пропаже золота (что вряд ли могло пройти незамеченным), а в уточнении его стоимости или путанице в документах.

Большевики и российский золотой запас

Большевики впоследствии обвиняли колчаковцев в разбазаривании народного достояния. Между тем они сами пытались продавать золото из оказавшейся в их руках меньшей, но все-таки довольно существенной части золотого запаса. Проблема, однако, заключалась в том, что найти покупателей красным было еще сложнее, чем белым. В особенности после отказа платить по долгам царского и Временного правительств. Возможный покупатель, собственно, был один — Германия. Однако Германии советское правительство по условиям Брестского мира прежде всего должно было выплатить контрибуцию. Согласно русско-германскому финансовому соглашению, подписанному в Берлине 27 августа 1918 г., советская Россия, в числе прочего, должна была передать Германии до конца 1918 г. 245 546 кг чистого золота. В сентябре 1918 г. в Берлин было доставлено золота на общую сумму 120,4 млн руб. (по другим данным, стоимость золота составляла 120 799 240 руб. 03 коп.). В Берлин до капитуляции Германии и аннулирования Брестского мира успели доставить только две партии золота из запланированных пяти. Обратно в Россию золото не вернулось. Оно было сдано союзникам «на хранение». Уже в декабре 1918 г. золото было перевезено в Банк Франции, так и оставшись в его подвалах в качестве частичной компенсации российских долгов[70].

Однако кроме этих вынужденных отправок большевики выслали в Германию еще 3125 кг золота для закупки 6 млн т угля для

Петрограда и на уплату за фрахт судов для его доставки. Видимо, для той же цели в Германию отправили 34,5 млн руб. «романовскими» кредитными билетами и 50 тыс. марок. Большевистские представители зондировали почву о возможности дальнейших продаж золота, однако немцы были готовы обсуждать этот вопрос лишь после того, как Советская Россия завершит расчеты по соглашению от 27 августа. Всего Германии «по договорным обязательствам РСФСР» было передано золота на сумму 124 835 549 руб. 47 коп.[71]

Чай, кофе и другие «колониальные товары» Продажа платины и серебра

Кроме золота правительство Колчака получило еще один «подарок» — товары, привезенные во время войны и «закупоренные» во Владивостоке, на складах Владивостокской таможни. Транссибирская магистраль не справлялась с перевозками, и вследствие этого во Владивостоке скопились товары общим весом около 10 млн пудов. На 9 мая 1919 г. запасы товаров выглядели следующим образом:

Чай — 1638 тыс. пудов
Сахар — 649 тыс. пудов
Бобы — 483 тыс. пудов
Кофе, какао — 104 тыс. пудов
Хлопок — 806 тыс. пудов
Металлы — 741 тыс. пудов
Экстракт дубильный — 538 тыс. пудов
Суперфосфат — 477 тыс. пудов
Кора дубильная — 275 тыс. пудов
Разные химические товары — 209 тыс. пудов
Серная кислота — 112 тыс. пудов
Машины и станки — 441 тыс. пудов
Резина — 219 тыс. пудов[72].

Однако эти богатства были использованы в силу как объективных, так и субъективных причин не лучшим образом. К ним пытался подступиться еще М.С. Капущевский, но сначала союзническое командование заявило, что все товары, находящиеся во Владивостокском порту, даже полностью оплаченные, в действительности принадлежат союзникам, «так как они приобретены за счет кредитов, открытых Российскому Правительству»[73].

Затем, когда союзники позволили колчаковскому правительству продавать скопившиеся в порту грузы, товары, имевшие отношение к обороне, не разрешала трогать Дальневосточная комиссия по снабжению во главе с генералом Роопом, так как они могли пригодиться для армии в настоящем или будущем[74]. Быстро разошлись продовольственные товары, часть была продана местному населению, часть за границу, часть отправлена на Юг.

Чай, оставшийся в большом количестве, поздней осенью 1919 г. был реализован по приказу командующего войсками Приамурского военного округа и главного начальника Приамурского края генерал-лейтенанта С.Н. Розанова «при невыясненных обстоятельствах». Хлопок был частью продан чехам, частью тем же предприимчивым генералом Розановым в Японию. Пикантность ситуации заключалась в том, что хлопок принадлежал в значительной части английским фабрикантам, которым, в свою очередь, был продан Московским Купеческим банком. Прочие товары не имели спроса «ввиду общей депрессии товарного рынка после войны»[75].

* * *

Наряду с золотом колчаковские финансисты продавали и другие драгоценные металлы — платину и серебро. Однако эти продажи не могли дать крупных сумм, поскольку платины в распоряжении Минфина было немного, а серебро стоило сравнительно дешево. Нам удалось обнаружить сведения лишь об одной продаже платины, осуществленной финансовым агентом в США Угетом в конце 1919 г. Он продал 75 фунтов этого металла по цене 145 долл. за унцию, деньги были «поставлены» на счет Новицкого[76]. В недатированной телеграмме в Иркутск Угет сообщал, что, за вычетом накладных расходов, «чистая реализованная сумма» от продажи платины составила 141 352 долл. 58 центов[77]. По-видимому, речь шла о продаже той же самой партии, ибо при указанной выше цене вырученная сумма должна была составить 174 тыс. долл., разница, очевидно, пошла на комиссии, страховку и доставку, т.е. на «расходы по реализации».

Летом 1919 г. уполномоченный Омского правительства по финансовым делам за границей И.К. Окулич писал Михайлову, что известный петроградский заводчик А.Р. Сан-Галли[78], пайщик и вице-директор американской фирмы Grace — American International Corporation, изъявлял желание стать посредником при продаже пла-

тины и меди и был даже готов при определенных условиях открыть кредит под эти металлы. Окулич считал предложение заслуживающим внимания, ибо цена платины на американском рынке высока — 100—101 долл. за унцию[79]. Учитывая, что Угет вскоре продал платину почти в полтора раза дороже, готовность Сан-Галли открыть Омскому правительству кредит под поставки металла не удивительна. Неясно, правда, преследовал ли Окулич корыстные цели или был не в курсе дела.

Правительством предпринимались попытки продать на американском рынке и другие товары, в частности пушнину, о чем при посредничестве Угета было 3 июля 1919 г. подписано соглашение с фирмой Эйтингон Шильд. Правительству открывался кредит в долларах в США, а оно уплачивало за меха на месте в рублях. Однако к декабрю выяснилось, что договор крайне убыточен для казны вследствие падения курса рубля. Платили за меха сравнительно «тяжелым» рублем, а получали компенсацию по более низкому курсу. Правительство намеревалось расторгнуть договор, о чем началась переписка в декабре 1919 г.[80] Договор, однако, отменила сама жизнь.

Заметим, что фирма Эйтингон Шильд оказывала посольству определенные услуги. Так, она предоставила беспроцентный заем в 30 тыс. долл. на оплату винтовок Ремингтона[81].

Тот же Окулич предлагал Михайлову через Сан-Галли продать значительную часть электролитной меди, находившейся в распоряжении различных ведомств во Владивостоке. По его сведениям, полученным в частном порядке, электролитной меди во Владивостоке имелось около 20 тыс. т[82]. По-видимому, дело не имело продолжения, во всяком случае, никаких документов по этому вопросу нам обнаружить не удалось.

Министерством финансов было продано Русско-Азиатскому банку две партии серебра. В июне 1919 г. после затяжных и весьма неприятных переговоров было продано хранившееся в его кладовых еще со времен Временного правительства серебро в слитках. Серебро было приобретено по поручению Кредитной канцелярии в Петрограде для Монетного двора. Банк, ссылаясь на то, что права колчаковского правительства на это серебро неочевидны (что с формально-юридической точки зрения было бесспорно), всячески тянул время, но, под угрозой закрытия его Владивостокского отделения, был вынужден уступить. За 352 838 унций серебра было получено 95,2 тыс. ф. ст. В ноябре 1919 г. отделению банка в Шанхае была продана часть мелкой разменной серебряной монеты,

находившейся в распоряжении Омского правительства. В Шанхай было доставлено 7546 пудов серебряной монеты. Банк купил большую часть партии, 6119 пудов за 1 346 000 таэлей. Часть этой суммы была впоследствии заблокирована банком в связи с падением Омского правительства; у него же остался на хранении и отправленный излишек серебряной монеты (1327 пудов)[83].

Минфин пытался установить монополию на торговлю драгоценными металлами, однако частные лица вовсе не жаждали продавать их государству. Получив сведения о спекуляции платиной во Владивостоке (чем только не спекулировали в это время в этом городе!), Михайлов приказал Никольскому «установить наблюдение через доверенное лицо» и «по обнаружении, спекулянтов предать суду, реквизировать платину»[84]. Эта детективная история, по-видимому, не имела продолжения, во всяком случае, сведений об этом в архиве Кредитной канцелярии не сохранилось. Да и вряд ли Никольский имел возможность заниматься подобными операциями. Он служил все-таки по финансовой, а не по полицейской части.

Попытки правительства «наложить руку» на валютную выручку частных предпринимателей успехом не увенчались. Когда власти обязали экспортеров сдавать валютную выручку государству и получать взамен рубли по текущему курсу, те легко нашли выход, перенеся сделки с российской территории в Харбин, на который юрисдикция колчаковского правительства не распространялась[85]. К тому же, вводя по сути конфискационный режим для экспортеров, правительство тем самым подрывало интерес производителей и торговцев к подобного рода операциям[86]. В августе 1919 г. правительство было вынуждено пойти на отмену обязательной продажи валютной выручки. Государственные интересы плохо сочетались с частными, и найти их оптимальное соотношение белым так и не удалось ни на Востоке, ни на Юге России. Впрочем, и сами «буржуи», интересы которых как будто отстаивали противники большевиков, в массе своей не проявили ни жертвенности, ни патриотизма.

При острой нехватке валюты правительство недополучало значительные средства ввиду ведомственной неразберихи и бюрократической неповоротливости. Так, союзники были готовы платить крупные суммы за перевозки по железным дорогам, однако фактически деньги получала только КВЖД. В то же время долги за перевозки только Амурской железной дороге составляли полмиллиона долларов. Причиной такого положения было то, что по ре-

шению Междусоюзного комитета расчеты за перевозки должны были производиться в долларах, в то время как тарифы на российских дорогах исчислялись в рублях. «Японцы, являющиеся большими формалистами, — писал Никольский в Минфин в конце октября 1919 г., — указывают на затруднительность расчета в золотых некотируемых рублях. Полагаю, что упускать большие суммы ни в коем случае не следует»[87].

Суммы, однако же, были упущены. В данном случае «формализм» был на руку японцам, имевшим на Дальнем Востоке наибольшую численность войск по сравнению с другими союзниками и, соответственно, наибольшие долги по их перевозкам.

Да и в целом экономическое состояние Транссибирской магистрали было плачевным: она строилась в спешке, по кратчайшему пути и нередко проходила мимо оживленных торговых центров. Управление дороги получало правительственную субсидию, поэтому могло позволить себе работать с запланированным заранее убытком. Гражданская война отнюдь не способствовала улучшению экономического положения дороги и эффективности управления ею. Один американский журналист, путешествовавший по территории, контролировавшейся антибольшевистскими силами, заметил, что никто ни разу не спросил у него билет[88]. Чем бы ни объяснялся «либерализм» кондукторов — халатностью или опасениями нарваться на вооруженного безбилетника — при таком положении вещей думать о какой-либо окупаемости, не говоря уже о прибыльности дороги, не приходилось.

Наладить экспортно-импортные операции для получения необходимой валюты, снабжения армии и гражданского населения было голубой мечтой финансово-экономического блока колчаковского правительства. Однако при ограниченности производительных и сырьевых возможностей Сибири, с одной стороны, и огромных потребностях армии — с другой, сальдо внешнеторгового баланса неизбежно должно было быть отрицательным. За первые четыре месяца 1919 г. в Сибирь было импортировано товаров на 464 300 тыс. руб. Экспорт оценивался в 37 100 тыс. руб.[89] Таким образом, импорт превысил экспорт в 12,5 раз! Понятно, что это должно было неизбежно привести к падению рубля.

Внешняя торговля Белого Юга

Ситуация с внешней торговлей — и, соответственно, с валютной выручкой от нее — на Юге была не лучше, чем в Сибири. Не спаса-

ло положения и то, что некоторое время белые контролировали хлебородные территории и Донбасс. Отчасти это объяснялось нежеланием Деникина поступаться сырьем, которое могло пригодиться для восстановления России, отчасти — неумелым регулированием внешней торговли, порождавшим коррупцию и отваживавшим российских и иностранных предпринимателей от экспортно-импортных операций.

«Экономика самый важный и самый хромающий пункт в южной политике», — пришел к выводу после поездки в «русскую Вандею» в октябре 1919 г. Маклаков[90]. В откровенном письме Бахметеву, написанном по свежим впечатлениям от путешествия на Дон, Маклаков дал, на наш взгляд, не только блестящую зарисовку увиденного, но также яркий и точный «экспресс-анализ» финансово-экономических проблем Белого движения на Юге России.

> Главное затруднение в экономике зависит от того, что наш рубль ничего не стоит за границей, что держатели сырья крестьяне тоже ничего не продают за рубль, что торговый аппарат в значительной мере разрушен, а правительственный аппарат из рук вон плох. ...Предприимчивые иностранцы приезжали с товарами; это были преимущественно американцы и англичане. За неимением частного торгового аппарата товары передавались управлению торговли, т.е. государству; государство посредничало в обмене его за сырье. Здесь начиналась административная неразбериха и злоупотребления. Население почти ничего не получало или за бешеные цены. Очень часто и товары не были нужны населению, предметы роскоши. В результате корабли не могли ничего купить и уходили возмущенные [sic. — *О.Б.*], или, напротив, давая взятки направо и налево, они за негодные товары увозили драгоценное сырье. Это был период, когда никакой пользы население не получало, кредит тоже падал все больше, а поощрялась одна спекуляция...[91]

Позднее деникинское правительство попыталось свести свои функции к информированию российских и зарубежных предпринимателей о наличии тех или иных товаров и о ценах на них, а также к стимулированию экспорта или импорта определенных товаров при помощи системы запрещений и разрешений. Были созданы также «торговые агентуры» за границей, в том числе в Париже и Константинополе. Однако к заметным улучшениям это не привело: «Если прежде пароход приходил на свой страх и риск и либо делал незаконные аферы в портах, либо, напротив, разорялся, то здесь

продолжалось то же самое, только при некотором участии официальных представителей власти. За разрешение ехать за товаром приходилось, как говорят злые языки, платить»[92].

Проблема поставок за границу сырья стала камнем преткновения в отношениях Белого Юга с Францией. Деникин считал, что традиционные российские экспортные товары, во-первых, потребуются для возрождения страны, во-вторых, для уплаты государственных долгов. Однако французы, «финансовое положение которых особенно трудно и которые всегда были наиболее скупы», не желали больше снабжать белых безвозмездно или в кредит.

> Они говорят нам: мы можем вам поставлять еще довольно много оружия и военного снабжения, это все вам необходимо, но мы не можем этого делать даром; платите нам сырьем, платите в рассрочку на льготных условиях, но платите, иначе при всем желании мы ничего поставлять вам не можем... Здесь ложный круг: чтобы получить оружие, мы должны заплатить за него хлебом, но, чтобы получить этот хлеб, мы должны доставить мужику товар, но чтобы получить товар, мы за него тоже должны заплатить все-таки тем же хлебом. Так, хлеб должен одновременно и покрывать наш долг за военные припасы, и стоимость отпущенных товаров. Это является сказкою о Тришкином кафтане[93].

Понятно, учитывая изложенное выше, какой эффект произвело прибытие в Лондон в октябре 1919 г. парохода «Эленхолл», доставившего товары, в основном сырье, закупленное Отделом торговли при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России для реализации за границей. Надо сказать, что британский премьер Д. Ллойд Джордж возлагал определенные надежды на восстановление торговли с Россией, что должно было послужить, среди прочего, оживлению британской промышленности. По словам российского поверенного в делах в Лондоне Е.В. Саблина, появление парохода, груженного российским сырьем, вызвало в британских коммерческих и политических кругах удовлетворение и произвело несомненную и чрезвычайно выгодную для нас сенсацию».

> Часть товаров уже реализована исключительно выгодно, — телеграфировал в Омск Саблин. — Оставляя однако в стороне коммерческую сторону дела, должен отметить, что посылка подобного парохода является великолепным [часть текста не расшифрована — *О.Б.*] в укрепление

> доверия к генералу Деникину и его советникам. Все удивляются, что, несмотря на большевизм и войну, революции, на жесточайшую гражданскую войну, Югу удалось столь быстро наладить свою торговую деятельность. В соответствии с этим поднимаются наши бумаги и рубли. Было бы чрезвычайно важно с политической точки зрения, чтобы подобного рода пароходы являлись здесь возможно чаще. Помимо того, что путем посылки сюда сырья мы обеспечим здесь нашу валюту, реализуем очень хорошую прибыль, мы укрепим доверие к производительным силам нашей стороны [так в тексте, очевидно — страны — *О.Б.*], дающим столь яркие доказательства умения работать даже в самых исключительных, тяжелых, неподходящих условиях[94].

Телеграмма Саблина датирована 23 октября 1919 г. В Кредитную канцелярию она была передана 13 декабря, уже в Иркутске. Омск был оставлен колчаковцами 14 ноября. К этому времени поднять российские бумаги и рубли уже не могли и десяток «Эленхоллов». В любом случае подобные «положительные примеры» были единичными и не меняли общей картины[95].

Сибирский рубль. Валютные спекуляции «Американская мечта»

Проблем Омскому правительству добавила крайне неудачная денежная реформа. Целью реформы было изъятие «керенок» — 20- и 40-рублевых купюр, в изобилии печатавшихся большевиками. По различным каналам «керенки» попадали на территорию, контролировавшуюся белыми, что подхлестывало инфляцию. На практике получалось, что, используя «керенки», население Белой Сибири финансировало расходы большевиков. Реформа была конфискационной: половина сдававшихся в банки керенок обменивалась на новые сибирские знаки («сибирки»), компенсацию за вторую половину можно было получить через 20 лет. При отсутствии в Сибири хороших типографий и качественной бумаги не могли оказаться качественными и денежные знаки. «Сибирки» легко подделывались, и если фальшивки печатались за границей, их легко можно было отличить от настоящих денег — настоящие выглядели гораздо хуже.

Один из членов колчаковского правительства свидетельствовал:

> Когда с обесценением денег даже нищие чиновники стали получать жалованье пачками, министры могли собственными глазами видеть, с

какою преступною небрежностью печатались эти знаки. Так, например, в одной пачке деньги были разных цветов, одни темнее, другие светлее; целая серия пятидесятирублевок была выпущена с опечаткой (месяц май был назван по-французски «Mai»); вместо «департамента» государственного казначейства печаталось «отдел», хотя отдел давно был преобразован в департамент; на некоторых не была поставлена точка. Если в руки попадало несколько пятисотрублевок, то нельзя было ручаться, что все они настоящие, потому что размеры их и цвет были различные[96].

В июле 1919 г. в отделение Русско-Азиатского банка в Харбине поступили из Омска образцы сибирских казначейских обязательств достоинством в 1000 и 5000 руб. Когда их сличили с принятыми ранее банком денежными знаками, то выявили 7 видов и 14 разновидностей таковых, причем ни один образец не соответствовал официальному стандарту[97].

Кроме того, денежных знаков поначалу просто не хватало физически, и Михайлову приходилось лично сидеть в типографии и подгонять рабочих. Причина инфляции коренилась, конечно, не только в наплыве керенок, печатаемых большевиками, а в общих экономических и политических обстоятельствах, в которых приходилось действовать колчаковским финансистам. Инфляция не снижалась и вскоре приняла галопирующий характер. Накануне обмена денег, который начался в середине мая 1919 г., за одну иену давали в Харбине, этом финансовом центре Дальнего Востока, 9,90 рубля. С середины до конца мая средний обменный курс составил уже 15,5 рубля за иену, в июле — 27,5, в августе — 37,5, сентябре — 52,5, октябре — 74,0, ноябре — 185,5, декабре — 144,0[98].

Денежную реформу, затеянную в разгар Гражданской войны, современники считали едва ли не главным грехом Михайлова. «По своим данным и характеру, — писал о своем министре Никольский, — Михайлов в сибирских условиях мог быть, и не без успеха, — каким угодно министром, и даже председателем Совета министров, но только не министром финансов. Ибо в сложнейшей области управления финансами ничто не может заменить знания и опыта. В этой области не бывает чудес. Нельзя родиться финансистом. И это имеет значение в особенности там, где финансы разрушены, где экономика — в параличе»[99].

Последний премьер-министр Российского правительства В.Н. Пепеляев считал, что деятельность Михайлова, «погубившего русский рубль... должна быть гласно выявлена перед лицом народной совести» путем назначения над ним судебного следствия[100].

Заметим, ради справедливости, что умудренные опытом и убеленные сединами финансовые мудрецы, заседавшие в Париже, рекомендовали практически то же самое, что осуществил Михайлов. 27 февраля 1919 г. за подписью С.Н. Третьякова министру финансов были переданы рекомендации Финансово-экономической комиссии РПС по вопросу о «мерах по упорядочению денежного обращения в России и по облегчению расчетов с заграницей по товарообмену». В телеграмме говорилось:

> Меры настоящего дня сводятся к следующим ближайшим практическим задачам: во-первых, освобождение денежного обращения частей России, где действует местное правительство, от зависимости от большевистского станка и, во-вторых, к принятию мер, имеющих временный характер, для облегчения товарообмена этих частей России с заграницей. Для осуществления первой из указанных задач, комиссия нашла необходимым настоятельно рекомендовать правительству в Омске произвести замену имеющихся в обращении в Сибири разных типов старых денежных знаков на новые денежные знаки Омского правительства, как присланные из Америки, так и могущие быть изготовлены на месте. Обмен этот должен быть произведен в течение заранее определенного срока, после того, как Вы будете снабжены достаточным количеством новых денежных знаков. Комиссия рекомендует, в случае предъявления значительного количества старых денежных знаков к обмену на новые и недостаточного запаса новых денежных знаков, производить обмен лишь части знаков, предъявленных к обмену, записывая остальную часть на текущие счета обменивающих лиц, с выдачей им всем соответствующего удостоверения. После истечения определенного для проведения обменной операции срока, старые денежные знаки должны быть объявлены не имеющими силу законного платежного средства и расценка их в торговом обороте с того дня будет устанавливаться самой жизнью в порядке частных сделок[101].

Именно это и осуществил Михайлов.

Заметим также, что Михайлов рассчитывал поначалу на то, что «керенки» будут обмениваться на банкноты высокого качества, изготовленные в США еще по заказу Временного правительства. Банкноты доставили во Владивосток в конце декабря 1918 г., но затем... под давлением британского и французского правительств американцы решили напечатанные Американской банкнотной компанией денежные знаки задержать впредь до признания какого-либо из российских правительств.

Об этом огорошенным Капущевскому и представителю МИД Клемму сообщил 25 декабря 1918 г. французский комиссар во Владивостоке Мартель (Угету в Вашингтоне — и.о. государственного секретаря Ф. Полк). Несмотря на попытки уговорить союзников и американцев изменить решение, 30 декабря транспорт с денежными знаками ушел из Владивостокского порта. Вместе с ним ушла и надежда на стабилизацию (хотя бы временную) денежного обращения[102]. Это было, однако, только начало истории об изготовлении в США российских кредитных билетов. «Американскую мечту» о качественных банкнотах колчаковские финансисты пытались претворить в жизнь на протяжении всего 1919 г.

Никольский свидетельствовал:

> Американские билеты образца 1917 г. были безукоризненно исполнены в лучшей экспедиции Соединенных Штатов, печатавшей американские доллары, и представляли манну небесную в пустыне Сибири. На них постоянно были направлены взоры Омских министров финансов в тяжелые моменты[103].

Директор иностранного отделения считал, что задержка с передачей качественных денежных знаков объяснялась материальной заинтересованностью американцев, собиравшихся выпускать для нужд своих экспедиционных войск рубли, приравненные к 50 центам, — по примеру японцев, печатавших иены с надписями на русском языке. Всего японским Чозен банком было выпущено в обращение до начала 1920 г. таких денежных знаков на сумму около 10 млн иен. Французский полуправительственный Индо-Китайский банк также планировал выпуск в обращение франко-рублей, по курсу 60 сантимов за рубль. Протесты российских финансистов и дипломатов заставили французов и американцев отказаться от этих намерений. Впрочем, неизвестно, что сыграло большую роль — уговоры А.Г. Рафаловича, разъяснявшего в Министерстве финансов Франции, что выпуск франко-рублей является грубым нарушением прав Российского правительства, или падение рубля, сделавшее зафиксированный курс франко-рубля крайне невыгодным[104].

На наш взгляд, в отказе передать Омскому правительству кредитные билеты меркантильные соображения вряд ли играли решающую роль. К концу декабря 1918 г. новое правительство просуществовало чуть больше месяца, и никто не мог гарантировать, что оно не исчезнет столь же быстро, как его предшественники.

Несмотря на отсутствие качественных денежных знаков, к денежной реформе, имевшей весьма сомнительные шансы на успех, все-таки приступили.

Ко всем прочим бедам, запрет на хождение «керенки» снизил мотивацию бойцов армий белых. Ранее одним из стимулов был захват денег у пленных или убитых красноармейцев. Их жалованье было выше, и командование красных как будто не скупилось на «премиальные». Теперь эти бумажки теряли цену[105].

Недоверие к сибирским деньгам и их плавающий курс, наличие в обращении наряду с ними пользующихся наибольшим доверием населения денежных знаков — романовских, а также денежных знаков Временного правительства иных, нежели 20- и 40-рублевые купюры, номиналов, различных денежных суррогатов создавало благодатную почву для спекуляций. На разнице курсов валют играли менялы-китайцы, спекулянты всех прочих национальностей во Владивостоке и Харбине и даже вроде бы солидные банки. Генерал-лейтенант А.И. Дутов «вне всякой очереди» телеграфировал Верховному правителю со станции КВЖД Ханьдаохедзы о причинах случившейся здесь железнодорожной катастрофы, а также забастовки рабочих:

> Нахожусь на станции Ханьдаохедзы, разбираясь в крушении у этой станции, предполагаю не злой умысел, а плохое состояние пути. Вообще путь Дальнего Востока никуда не годен. Хунхузами здесь оперируют как средством многое скрыть. Выясняя причины забастовки, доношу, что, по имеющимся сведениям, Русско-Азиатский Банк платежи, вклады принимает керенскими, романовскими, сам же платит рабочим, служащим сибирскими, наживая огромные суммы на лаже[106]. Имею реальное предположение, [что] забастовка вызвана провокационно польскими служащими и заправилами дороги, которые предполагают естественным незаметным путем продать дорогу иностранцам, американцам, застрельщиками выпущены китайцы. Не имея веских данных, прошу усилить, установить серьезную агентуру в верхах дороги. Рабочие, служащие заправилами Русско-Азиатского Банка поставлены в безвыходное условие [sic. — *О.Б.*], положение здесь серьезно. Лично убедился, что в полосе отчуждения ничего абсолютно нельзя купить на правительственные деньги[107]

Мы привели телеграмму Дутова целиком не только потому, что она ярко характеризует проблемы, вызванные денежной реформой.

В этом тексте отчетливо отразились умонастроения значительной части российских военных и политических деятелей: объяснение тех или иных проблем происками иностранцев и инородцев и, как это ни странно звучит для уха бывших советских людей, привыкших считать белых защитниками «помещиков и капиталистов», — антибуржуазные настроения. Белые добивались помощи от иностранцев — и одновременно боялись их, боялись, что они воспользуются беспомощностью России для захвата ее территории и установления господства в экономике.

Слухи о неблаговидной деятельности Русско-Азиатского банка ходили и в дальнейшем. Насколько они были достоверны, судить трудно. После очередной скандальной информации, появившейся в прессе, новый министр финансов Л.В. фон Гойер, сменивший Михайлова в августе 1919 г., в прошлом управляющий Шанхайским отделением Русско-Азиатского банка, телеграфировал в отделение банка в Харбине:

> Срочно телеграфируйте когда высланы сведения Ваших валютных операциях последнего времени разъяснениями самых важных. Если не высланы прошу высылать еженедельно.
>
> Агент Российского Телеграфного Агентства в Харбине телеграфирует: «Игра на деньги достигает апогея. Лаж: 2500 сибирских за 1000 романовских. Вдохновителем игры является Русско-Азиатский Банк открыто торгующий деньгами располагая громадными запасами мелких знаков банк отказывает в них населению, продавая китайцам-менялам. Население поставленное игрой в невозможные условия открыто ропщет. Необходимы немедленно радикальные меры пресечения».
>
> Примите немедленно меры категорическому опровержению в печати. Заявите автору телеграммы в будущем бездоказательные нападки вызовут преследование судом за клевету.
>
> Срочно телеграфируйте остаток Вашей кассы общую сумму также отдельности каждого вида денежных знаков каких купюрах сколько какие мелкие. Правда ли что имея достаточное количество мелких денежных знаков Вы отказываете размене. Почему?[108]

К сожалению, ответная телеграмма в деле отсутствует, но содержание послания фон Гойера весьма показательно. Требуя немедленно опровергнуть сообщение РТА, он в то же время как будто допускал возможность подобной игры.

Правительственные финансисты стремились поддержать неуклонно падающий курс сибирского рубля, сочетая при этом адми-

нистративные и рыночные меры. Причем им, прежде всего Никольскому, находившемуся в центре событий (двумя финансовыми столицами Дальнего Востока были Владивосток и Харбин), приходилось нередко отстаивать рыночные принципы перед местной администрацией.

В начале августа по приказанию Минфина Иностранным отделом Кредитной канцелярии во Владивостоке была запрещена торговля валютой в меняльных лавках и на улицах, а также установлена обязательная еженедельная отчетность банков по валютным операциям, сведения о которых должны были представляться в Инотдел. В то же время Никольский на совещании по валютным вопросам у начальника Приамурского края добился исключения из текста его постановления запрещения всех валютных сделок и взятия на учет всех валютных счетов, что привело бы к параличу внешнеэкономической деятельности[109].

Никольский считал необходимым возобновление закона от 5 июня 1917 г. о контроле над валютными операциями. Он предлагал установить лимит приобретения валюты для частных лиц или фирм — 250 зол. руб. в месяц, дополнительно валюта могла быть приобретена с разрешения комиссии при Инотделе. Никольский предлагал также предельное сокращение разрешенных к ввозу товаров и даже запрещение выдачи загранпаспортов, «кроме особо уважительных случаев»[110].

Наряду с административными мерами по укреплению рубля (точнее, по предотвращению его падения), Никольский планировал и меру сугубо рыночную — валютную интервенцию. Он заключил соглашение с Русско-Азиатским, National City Bank, Гонконг-Шанхайским, Индокитайским и Промышленно-Китайским банками о покупке рублей во Владивостоке и Харбине в течение трех недель на сумму в один миллион иен. Нетрудно заметить, что к этой операции Никольский планировал привлечь французские, а также американский и британский банки, обойдя японцев. Причина этого заключалась в следующем:

> Здесь многие, стоящие близко к делу лица настойчиво указывают, что последние неоднократно производили понижение рубля в целях ухудшить экономическое положение, усилить недовольство и ослабить центральную власть, — телеграфировал директор Инотдела в Омск. — Не имея по этому поводу исчерпывающих данных, я все-таки обязан считаться с существующими подозрениями, особенно по поводу операции,

требующей большого доверия и расходования крупных сумм в иностранной валюте. Когда операция была окончательно налажена и цифры для каждого участника установлены, явились японцы и, основываясь на телеграмме генеральному консулу в Харбине, посланной по просьбе Кредитной Канцелярии, предложили также принять участие в размере 400 000 иен. Вместе с тем японские репортеры, очевидно через японские банки, уже знают про интервенцию и ждут для покупки иен благоприятного времени. Ввиду всего изложенного прошу сообщить срочно, считаете ли Вы нужным участие японцев и в положительном случае можно ли увеличить цифру до 1 400 000 иен. Сокращение части прочих банков в пользу японцев произведет неблагоприятный эффект[111].

Интервенция, однако, так и не была проведена. В конце сентября 1919 г., сообщая в Омск о резком понижении курса рубля, усиленной покупке иен японцами, отчасти китайцами и «несомненных» крупных спекулятивных продажах рубля, Никольский предлагал вообще запретить нетоварные покупки валюты[112]. Однако какие бы меры ни принимались, они не могли устранить фундаментальные причины падения рубля. В октябре (число на телеграмме оторвано) Никольский сообщал в Омск:

За последние две недели курс рубля понижаясь скачками дошел с 45 до 70 за иену. Сделки на незначительные суммы расценка номинальная так как все Банки воздерживаются от операций. При отсутствии каких-либо твердых оснований котировки рубля вообще, в частности сокращения последнее время вывоза, все же не подлежит никакому сомнению преобладающий спекулятивный характер понижения. Считаю интервенцию на указанных мне раньше основаниях совершенно необходимой, также запрещение бестоварных сделок. Последняя мера возможна только на русской территории, теперешнее понижение производится главным образом Владивостоке[113].

Но ничто не могло помочь рублю. Его курс определялся даже не столько прискорбным для сибирской экономики соотношением импорта и экспорта, сколько положением на фронте. Если 3 октября в Харбине за иену давали 58 рублей, то 31 октября — уже 90. Настоящий обвал произошел на следующий день после сдачи Омска — за одну иену 15 ноября давали 191 рубль! Правда, затем курс рубля несколько укрепился и в декабре средний обменный курс был выше, чем в ноябре, — 144,0 против 185,5. А.И. Погребецкий

объяснял этот странный феномен надеждами населения на новое правительство, сформированное в Иркутске в конце ноября, в частности тем, что оно заменит режим диктатуры и сумеет объединить Восточную Сибирь и Забайкалье.

На самом деле объяснялось это гораздо проще: во время эвакуации Экспедиция заготовления государственных бумаг несколько недель не работала[114], что и привело к снижению инфляции. Но одновременно — и к острой нехватке наличности. Минфин засыпали телеграммами с требованиями предоставить денежные знаки: атаман Семенов (подписавшийся на сей раз как командующий войсками Читинского округа) требовал пятнадцать миллионов рублей, поскольку «большой недостаток денежных знаках банках Забайкальской области ставит войска критическое положение»[115]. Паническую телеграмму прислал директор Судженских копей Прошковский:

> Судженские копи без денег задолженность железных дорог около семи миллионов госбанк не оплачивает чеков. Оплата рабочих, служащих равно снабжение копей продовольствием материалами приостановлено, если не будут приняты немедленные срочные экстренные меры снабжения копей деньгами работа будет сокращаться последствия неисправимые[116].

Проблемой наличности занялся лично Верховный правитель. 21 ноября 1919 г. он телеграфировал министру финансов, предлагая для ликвидации кризиса вполне рыночную меру:

> Прошу срочно сообщить возможность продажи банками процентных бумаг внутренних займов с целью получения денежных знаков и на какую сумму этих бумаг имеется. Если это возможно, то благоволите сделать распоряжение[117]

Конечно, продажа ценных бумаг не могла принести банкам достаточного количества денежных знаков для удовлетворения нужд армии и других категорий населения, получавших жалованье из государственной казны. Кризис наличности был преодолен, когда вновь включился печатный станок. Что, в свою очередь, привело к очередному витку инфляции.

В общей сложности Сибирским и Российским правительствами с 1 октября 1918 г. по 4 января 1920 г. было выпущено в обращение денежных знаков на сумму 14 838 млн руб.[118] Причем коли-

чество денежных знаков, находящихся в обращении, выросло за шесть с половиной месяцев — с 3 апреля по 23 октября 1919 г. — в 2,8 раза. Следует иметь в виду, что кроме напечатанных в правительственных типографиях в обращении находились десятки, а возможно, и сотни миллионов фальшивых рублей, на которые Государственный банк вынужден был, в соответствии с указанием Министерства финансов, смотреть снисходительно, «если они не сильно отступали по исполнению от настоящих и не вызывали уверенности в подделке»[119].

А что же «американская мечта» о надежных денежных знаках? После долгих переговоров и колебаний американцы согласились передать колчаковскому правительству купюры, отпечатанные по заказу Временного правительства. При условии, что на денежных знаках будет поставлен штемпель, свидетельствующий о выпуске их в обращение Омским правительством. В общей сложности во второй половине 1919 г. из США было получено денежных знаков номинальной стоимостью 1 450 млн руб., включая 50-копеечные купюры, заказанные Угетом в январе 1919 г. по указанию Омска. 25- и 100-рублевые банкноты стали поступать только с октября. Очевидно, что этого было явно недостаточно. Тем более что грифование (штемпелевание) купюр требовало довольно длительного времени, так что к концу года было огрифовано меньше половины полученных денежных знаков — на 682 024 800 руб. До падения колчаковского правительства в обращение успели поступить только полтинники и билеты 4,5% выигрышного займа, также отпечатанные в США и ставшие еще одним денежным суррогатом[120].

Омские финансисты изначально понимали, что изготовленных для Временного правительства денежных знаков на 3,9 млрд руб., даже если их удастся получить в полном объеме, не хватит для обеспечения денежного обращения. Поэтому еще в конце декабря 1918 г. Угет получил поручение заказать образцы новых купюр, с тем чтобы затем можно было напечатать их в нужном количестве. Однако в феврале 1919 г. Угет уведомил Омск, что средствами для заказа 20 млн купюр 5-рублевого достоинства и 40 млн 3-рублевого посольство не располагает. По его оценке, стоимость заказа составила бы около 900 тыс. долл.[121]

За банкноты пришлось расплачиваться золотом. Точнее, деньгами, вырученными от его продаж и «золотых займов». В литературе встречаются утверждения, что изготовление денежных знаков было оплачено за счет американского кредита, предоставленного

еще Временному правительству[122]. На самом деле оплата была полностью произведена за счет средств Омского правительства. Контракты на изготовление денежных знаков различных номиналов на общую сумму 9 550 млн руб. Угет смог заключить только в сентябре—октябре 1919 г., после поступления в конце августа перевода из Омска на сумму более 300 тыс. долл., что позволяло внести авансы Американской банкнотной компании[123]. К этому времени также стало понятно, что переговоры о крупном займе, обеспеченном золотом, близки к успешному завершению.

Мнения исследователей о суммарной стоимости заказов (впрочем, как и о том, сколько денежных знаков в общей сложности было напечатано в США) расходятся. И.С. Шиканова приводит цифру 1 192 000 долл., по подсчетам В.М. Рынкова,на оплату купюр пошло 1 290 000 долл.[124] На самом деле на изготовление облигаций выигрышного займа, кредитных билетов, денежных знаков 50-копеечного достоинства и обязательств Государственного казначейства было потрачено (включая расходы на упаковку и отправку части денежных знаков в Россию) 4 222 599 долл. 24 цента. Львиная доля «разноцветной бумаги», за исключением упомянутой выше отправки в Сибирь, а также позднее в Лондон для последующей переправки на Юг России, осталась в США. В начале 1921 г. на складе в Нью-Йорке хранилось 2483 ящика денежных знаков на общую сумму 8 481 150 000 руб.[125]

Жизнь сибирского рубля оказалась продолжительней, чем правительства, его выпустившего. Его хождение на территории Сибири, находившейся под властью красных, было запрещено. «Сибирки» остались в обращении на Дальнем Востоке, контролируемом Приморской земской управой. Декабрьское укрепление рубля было временным, его падение шло в геометрической прогрессии. Когда 5 июня 1920 г. земское правительство объявило об изъятии «сибирок» из обращения, курс составлял 2500 рублей за одну иену[126].

Продажи золота давали колчаковским финансистам в среднем около 15 млн зол. руб. в месяц. Их хватало с трудом на неотложные потребности, однако на создание сколько-нибудь серьезного резерва рассчитывать не приходилось. Но финансисты и дипломаты не теряли надежды на получение займов. Золоту и здесь пришлось сыграть роль решающего аргумента. Об этом — в следующей главе.

Глава 3

ЗОЛОТЫЕ ЗАЙМЫ

В поисках денег: Париж

Продажи золота быстро уменьшали «основной ресурс» колчаковского правительства и производили неблагоприятное впечатление и дома, и за границей. Однако получить кредиты в том положении, в каком находилось непризнанное Российское правительство, было крайне затруднительно. Тем не менее российские финансисты и дипломаты в Париже прилагали немало усилий для того, чтобы Белое движение получило доступ к денежным ресурсам стран Запада, не затрагивая при этом золотой запас.

Вернемся на несколько месяцев назад, ко времени, когда деятели финансово-экономической комиссии Русского политического совещания в Париже еще не оставили надежду на получение «бланковых» кредитов. На заседании РПС 27 февраля 1919 г. председатель комитета по гражданскому снабжению при Совещании С.Н. Третьяков обратился к Совещанию с просьбой о назначении делегатов от финансово-экономической и военно-морской комиссий «для ведения переговоров в спешном порядке с Союзниками по вопросу об открытии кредитов на надобности военные, по снабжению и пр. на основаниях, изложенных в письме за Председателя Финансово-Экономической комиссии от 23 февраля на имя председателя Политического Совещания»[1].

Напомним, что в этом письме ФЭК определенно высказалась против использования золота в качестве обеспечения кредитов[2].

Совещание постановило, «принимая во внимание предстоящие неизбежные расходы по надобностям военным, по отправке военнопленных в армию в Россию, по оплате фрахтов и снабжению — образовать предлагаемую Делегацию, пригласив в ее состав А.Г. Рафаловича, П.Л. Барка, С.Н. Третьякова и Генерала [Ц.Г.] Щербачева»[3].

Делегация вскоре начала неофициальные переговоры о кредитах с французами; они шли негладко, и на одном из заседаний РПС

Третьяков предложил указать французам на возможность зачета предполагаемых кредитов в сумму, причитающуюся России от Германии в возмещение расходов и убытков, причиненных войной.

Ему возразил А.Г. Рафалович, заметив, что и без особых гарантий Франция сильно заинтересована в деле оказания помощи России, дабы спасти те десять-одиннадцать миллиардов франков, которые находятся в руках двух миллионов французских держателей русских ценных бумаг. Старый циник рассуждал в соответствии с поговоркой о том, что маленький долг — проблема должника, а большой — кредитора[4].

Наряду с переговорами (или попытками таковых) о кредитах или займах, на заседаниях ФЭК постоянно обсуждались как способы изыскания средств для финансирования нужд местных правительств, так и меры по оптимизации их расходов. 14 марта 1919 г. состоялась дискуссия по докладу П.Ф. Гольцингера, посвященному «координации и централизации финансово-кредитных начинаний отдельных местных правительств»[5].

Характерно, что в «русском Париже», несмотря на провозглашение Колчака Верховным правителем России, а Омского правительства — Российским, его по-прежнему рассматривали как одно из местных правительств. Тогда как Омск собирался (и действительно это осуществил) финансировать работу РПС, включая финансово-экономическую комиссию. Впрочем, за исключением этого немаловажного обстоятельства, отдавать предпочтение Колчаку перед Деникиным у деятелей РПС в тот момент, в самом деле, не было оснований.

По существу, Гольцингер говорил о создании некоего подобия Государственного банка — но, в отличие от его же идеи о создании Русского национального банка за границей, теперь речь шла о центральном финансовом институте в России. Начать, по мнению докладчика, можно было бы с «Центральной Кассы освобожденных местностей России». По мере освобождения других районов страны от большевиков они автоматически «примыкали» бы к уже созданной финансовой системе. Идея, заметим, не очень реалистичная, учитывая, что «освобожденные местности» находились в разных концах России, связь между ними была крайне медленной и ненадежной, и было совершенно непонятно, каким образом — технически — возможна «координация и централизация финансовых начинаний» антибольшевистских правительств.

Симптоматично, однако, что присутствующие, вместо рассмотрения доклада по существу, принялись обсуждать вопрос о российском золотом запасе.

Барк счел, что рассмотрение доклада Гольцингера следовало бы отложить до решения общего вопроса,

> кто является хозяином нашего золотого запаса, так и сумм, принадлежащих русской казне, находящихся у иностранных банкиров [и] блокированных Союзными Правительствами.
>
> Союзные Правительства считают как золото, так и наши заграничные авуары принадлежащими единой России и не склонны давать право распоряжения ими отдельным русским правительствам[6].

П.П. Рябушинский указал на необходимость не только сохранения золотого запаса, но и охранения его от расходования отдельными правительствами.

Попытка Гольцингера обратить внимание присутствующих на то, что основным в его записке является вопрос о желательности и возможности централизации финансово-кредитных операций отдельных местных правительств, а не о золотом запасе, не изменила характера дискуссии.

Рябушинский предложил произвести подсчет не только золотого запаса, «рассеянного по разным местам, но и всех других ценностей, принадлежащих русскому государству и находящихся за границей на счетах различных учреждений», а также «возбудить вопрос о возвращении нам тех сумм, которые были вывезены советским правительством в Германию, согласно Брест-Литовскому договору»[7].

Проблема была, однако, не только в том, что местные правительства, так же как и группа достаточно известных, но непонятно кем уполномоченных лиц, собравшихся в Париже, обладали сомнительной легитимностью. Союзники совсем не были склонны рассматривать остатки российских государственных средств, находившихся на счетах в заграничных банках, так же как имущество, которое не успели отослать в Россию, в качестве бесспорной российской собственности. В конечном счете и то и другое имело иным происхождением кредиты, выделенные союзниками для ведения войны. Россия же — что бы ни заявляли представлявшие уже не существующее правительство дипломаты или бродившие где-то в донских или кубанских степях неудачливые генералы — из войны вышла. Изменилась и политическая ситуация. Н.Н. Нордман

был совершенно прав, когда указывал, что выделение кредитов на «русское дело» стало гораздо менее вероятным после окончания войны. Учитывая усиление влияния левых партий после войны, финансирование «реставраторов» и «реакционеров» было довольно затруднительно, даже если этого очень хотели правительства.

Российские финансисты не желали считаться с новыми реалиями. Барк высказал уж вовсе фантастическое пожелание включить в «подсчет сумм» также и те, которые были якобы вывезены большевиками в целях пропаганды и находились на их счетах в разных странах. ФЭК признала необходимым обсудить вопрос о «порядке производства анкеты в разных странах» в целях выявления и установления размеров сумм, вывезенных большевиками[8]. (Так что поиски «золота партии» собирались начать задолго до ее крушения.)

Прагматичный Рябушинский требовал от комиссии не только обсуждения «тех или иных вопросов или проектов», но и реальных мероприятий для пополнения казны.

Одним из таких конкретных шагов должен был стать учет всех сумм и всего имущества, принадлежавшего различным российским правительственным учреждениям, разбросанным за границей. Причем находившихся в распоряжении или под контролем как гражданских чинов, так и военных агентов, ибо «операции военного снабжения, так же как и гражданского, тесно связаны с вопросами финансовыми и должны одинаково подлежать контролю Комиссии». Для получения необходимых сведений Рябушинский предлагал обратиться к финансовым, торговым и военным агентам и т.д. Благо что многие из них входили в состав ФЭК[9].

Рябушинского поддержали Барк, агенты Министерства торговли и промышленности, в Берне — В.М. Фелькнер, в Париже — М.О. Батшев; поддержал в принципе Третьяков, оговорив, что для проведения «анкеты» требуется заручиться соответствующими полномочиями.

Меньше энтузиазма проявили наиболее осведомленные и компетентные в вопросах заграничного кредитования и снабжения лица, а именно А.Г. Рафалович и К.Е. фон Замен. Финансовый агент в Париже указал на сложность получения информации во французских кредитных учреждениях[10].

Замен же посоветовал не требовать отчетов, так как разобраться в них — слишком большой труд, который отвлек бы комиссию от всех остальных дел. Замен указал, что учреждения, ведающие заго-

новками, будут не в состоянии дать необходимые сведения, во-первых, ввиду отсутствия необходимого числа служащих и, во-вторых, вследствие того, что ликвидация имущества везде перешла к местным властям и российские заготовительные учреждения знают лишь по книгам об имуществе, которое должно находиться в разных складах. Но и эти сведения ненадежны, ибо местные власти распоряжались этим имуществом, не всегда уведомляя соответствующие русские учреждения.

Рафалович говорил, что можно требовать только сведений об остатках имущества на определенное число, а не отчета. М.А. Стахович заметил, что для получения права запрашивать отчеты следует обратиться к Совещанию послов. «С практической же стороны, — заявил он, — все наши усилия должны быть направлены к получению новых кредитов, материалов и пр. и заниматься расследованием прошлого теперь неудобно и может помешать нашей деятельности».

Рябушинский пояснил, что он не имел в виду осуществление контроля «следственного характера» и что отчеты необходимы лишь для получения полной картины состояния казенного имущества за границей. Для этого можно воспользоваться посредничеством дипломатических учреждений. Он предложил также обратиться к торговым агентам, доклады которых «значительно осветили бы положение».

Для осуществления предложения Рябушинского ФЭК организовала очередную подкомиссию в составе инициатора этой затеи, а также Барка, фон Замена и А.М. Михельсона. В задачу подкомиссии входило составление текстов вопросного листа и сопроводительных писем к нему[11].

Опросный лист был довольно оперативно составлен[12]. Неизвестно, разослали ли его по назначению, во всяком случае, никаких следов ответов в материалах ФЭК не имеется.

Некоторые сведения удалось получить немедленно от торговых агентов, входивших в состав ФЭК. Правда, они были неутешительны. Торговые агенты (в Италии — М.Е. Субботкин и в Швейцарии — В.М. Фелькнер) сообщили, что их агентства заказов не размещали и не оплачивали.

В том, что казенными деньгами и имуществом некоторые оставшиеся без центрального руководства дипломаты и различного рода агенты (атташе) распоряжались по собственному разумению, можно было не сомневаться. Так, Фелькнер сообщил, что российс-

кой миссии в Берне были переведены для Бернского бюро помощи военнопленным (орган Российского Красного Креста) в разное время крупные суммы, составившие на 6 декабря 1917 г. свыше 1 800 тыс. швейцарских франков (358 565 долл.); к весне 1918 г. за миссией числилось свыше 1 600 000 шв. фр. (около 362 000 долл., в 1918 г. швейцарский франк вырос относительно доллара). Однако исполнявший обязанности поверенного в делах первый секретарь миссии закрыл кредит для бюро, отказавшись дать какие-либо объяснения. В то же время из упомянутых сумм выдавались ссуды членам русской гражданской колонии в Швейцарии (вплоть до секвестра миссии в мае 1918 г.). «С недавних пор Миссия возобновила самостоятельное расходование указанных сумм», — сообщил Фелькнер. Поверенный в делах А.М. Ону намеревался, по сведениям торгового агента, выдать нуждающимся в русской колонии 50 тыс. шв. фр. В то же время он отказывался, по словам Фелькнера, отчитаться за расходование государственных средств, заявляя, что «нет теперь такой инстанции, перед которой Поверенный в делах был бы сейчас обязан отчетностью». Между тем, констатировал Фелькнер, Управление по делам бывших военнопленных под главным начальством генерала Д.Г. Щербачева и в непосредственном заведовании адмирала С.С. Погуляева «стесняется в средствах»[13].

Как бы то ни было, рассчитывать, что удастся в обозримые сроки аккумулировать остатки еще не секвестрованных государственных средств, вряд ли приходилось. К тому же в любом случае размеры этих средств были недостаточны ни для финансирования антибольшевистского движения в России, ни для содержания российских заграничных учреждений и помощи беженцам. А вопрос о помощи последним все чаще ставился в порядок дня совещаний дипломатов и финансистов.

Уже в конце апреля 1919 г. РПС было вынуждено обсуждать вопрос «об оказании материальной поддержки русским гражданам, оставившим Одессу и Крым при эвакуации союзных войск и находящимся в Константинополе и Греции»[14].

Рафалович и Барк, пользуясь старыми связями, вели по этому вопросу «личные переговоры» во французском Министерстве финансов; ими был выработан следующий проект: французское правительство выделяет необходимые денежные средства в виде аванса Российскому Красному Кресту во Франции, в обмен же на предоставленную валюту в Омске вносятся рубли для покрытия потребностей французской миссии в Сибири.

Маклаков высказал сомнения по поводу целесообразности предложенной Рафаловичем и Барком схемы; он считал необходимым «поставить перед Французским Правительством общий вопрос о принятии им на себя забот о судьбе эвакуированных с юга России беженцев». На том и порешили, попросив «российского Посла в Париже В.А. Маклакова переговорить во Французском Министерстве Иностранных Дел о возможных формах оказания Французским Правительством материальной помощи находящимся в Константинополе и Греции русским беженцам»[15].

Маклакову, судя по всему, удалось добиться искомой помощи; заметим, что и далее основными источниками помощи российским беженцам были субсидии французского правительства и Американского Красного Креста.

В начале мая 1919 г. Рафалович и Барк докладывали РПС о результатах своих неофициальных переговоров с французским Министерством финансов «по вопросу о получении иностранной валюты для нужд Российского Правительства в Омске и русского заграничного представительства»[16].

Вопрос о финансировании российского дипломатического и военного представительства во Франции мог быть разрешен путем перевода пяти миллионов франков, по биржевому курсу, из Владивостока в Париж через Индо-Китайский банк, и дело было лишь за согласием Омского правительства.

> Что же касается более общей операции получения кредита для Омского Правительства под обеспечение 5000 пудов золота (около 100 миллионов рублей по паритету), — констатировали «переговорщики», — то осуществление ее во Франции представляется невозможным, как по теперешнему затрудненному положению французского рынка, так и ввиду того обстоятельства, что французский кредит несомненно был бы предоставлен исключительно для платежей в самой Франции, с запрещением переводов на другие страны. При таких условиях представляется более целесообразным вести переговоры об этой операции с английскими и американскими финансовыми кругами, для чего надлежало бы отправить в Лондон, по возможности в ближайшем будущем, особую комиссию[17]

Как видим, мечту о получении бланкового кредита пришлось оставить. Уже через день РПС постановило «просить А.И. Коновалова и членов Финансово-Экономической Комиссии П.Л. Барка и

К.Е. Замена отправиться в Лондон для предварительных переговоров о возможности получения от английских и американских финансовых кругов кредита для Российского Правительства под обеспечение части золотого запаса»[18].

«По тому же адресу» отправил российских представителей и министр финансов Франции. В июне 1919 г. Рафалович, Барк и Третьяков обратились к французскому правительству с просьбой оказать «моральную и финансовую поддержку местным правительствам, которые борются в России против большевистских армий». Послание было вручено Барком французскому министру финансов Клотцу, причем его внимание особенно обращалось на то, что «только низвержение большевизма может обеспечить кредиторам России исполнение внешних обязательств, оплату... процентов и окончательную выплату капиталов, авансированных России и вложенных в нее». Однако Клотц не проявил энтузиазма и посоветовал Барку обратиться «к финансовым представителям Великобритании и Соединенных Штатов»[19].

Переговоры с Ситибанком в Нью-Йорке

Поиски денег велись не только в Париже. В мае 1919 г. Угет и Новицкий провели переговоры с Ситибанком в Нью-Йорке (National City Bank of New York) о предоставлении 50-миллионного займа и об открытии кредита под залог золота. Российские финансисты хотели получить заем уже в июне и предложили Ситибанку следующую комбинацию: оплата основного капитала по займу отсрочивалась на неопределенное время, а проценты за первые шесть месяцев уплачивались уже к 10 июля. Деньги на оплату процентов предполагалось получить за счет размораживания российских средств в банке Гаранти-траст. Добиться от Гаранти-траст размораживания российских денег должен был консорциум американских банков, организуемый Ситибанком с целью мобилизации средств для предоставления займа Омскому правительству. Другой вариант, предложенный российскими финансистами на случай отказа Гаранти-траст, сводился к тому, что Омское правительство выдаст взамен уплаты процентов долговое обязательство. Такой — и весьма выгодный для российской стороны — вариант Угет и Новицкий считали возможным в случае официального признания колчаковского правительства уже в июне. Оптимизм финансистов относительно признания казался в то время небеспочвенным[20].

Беспочвенными же оказались надежды, что американские банкиры рискнут столь большими деньгами под столь эфемерные гарантии. Как, впрочем, и надежды на скорое признание колчаковского правительства. Что же касается кредита под золото, то Ситибанк был готов предоставить сумму, не превышающую 5 млн долл. Ибо в отсутствие твердых гарантий возврата 50-миллионного займа Ситибанк мог рассчитывать только на собственные средства, не надеясь на создание консорциума. В то же время Ситибанк соглашался увеличить сумму займа в том случае, если часть золота будет реализована для оплаты процентов. Это предложение было в «решительной форме» отклонено российскими переговорщиками.

> Принципиально [было] бы желательно не связывать себя для операции под золото исключительно национальным банком[21], и если кредит под золото можно получить на лучших основаниях и он не будет ограничиваться только 5 млн долл., то подобные операции следовало бы попробовать совершить через другие американские банки. Может быть, также представлялось бы целесообразным выяснить возможность и условия кредитования также и у японских банков. В последнем случае можно воспользоваться пребыванием Новицкого в Японии и сообщить ему ваши предположения через посольство[22].

Как мы увидим, цитированные выше соображения Угета были вполне разумными, и кредиты под залог золота удалось получить в Японии раньше, чем в США. Другое дело, что добиться благоприятных условий кредитования в том положении, в каком находилось Российское правительство, было крайне сложно, если вообще возможно.

Проект Эмигрантского (Русско-Американского) банка

Говоря о поисках российскими финансистами за рубежом источников финансирования «национального движения», нельзя не упомянуть еще об одном банковском проекте. Русские финансисты в Америке искали новые, нетрадиционные способы заработать валюту, не ограничиваясь продажей заготовленного ранее имущества[23]. Вероятно, наиболее масштабной была идея создания Эмигрантского банка, которую активно продвигал В.И. Новицкий. Суть заключалась в том, чтобы аккумулировать средства русских эмигрантов, еще не вполне адаптировавшихся в Америке, не сумевших до конца преодолеть языковой барьер. По мнению русских экспертов в США,

эмигрантов должно было привлечь преимущество общения с работниками банка если не на родном (родным для большинства из них был идиш), то на достаточно знакомом языке. Значительная часть эмигрантов переводила деньги своим родственникам в бывшей Российской империи, и нередко на Украине или в Белоруссии целые местечки жили преимущественно за счет этих переводов. Через Эмигрантский банк, по мысли инициаторов его создания, эмигрантам было бы удобнее переводить деньги на свою бывшую и столь неласковую к ним родину. Кроме того, эмигранты, не зная толком местных реалий, нередко вносили деньги в различные мелкие финансовые конторы. Подобные конторы иногда злостно банкротились (так в Чикаго, одном из центров сосредоточения эмигрантов из России, в 1917 г. было зафиксировано 14 злостных банкротств), брали завышенную плату за разного рода услуги вроде обмена денег (до 20%!), не выплачивали проценты, мошенничали на курсовой разнице валют и т.д. Агрессивная политика финансовых контор по привлечению клиентуры — реклама, организация бильярдных при кредитных учреждениях и т.п. — способствовала привлечению эмигрантов[24].

Идея получения валюты для нужд Российского правительства путем привлечения средств эмигрантов была не нова. Ее пытались реализовать еще в период Первой мировой войны. В конце 1915 г. в США в расчете на эмигрантов был выпущен военный заем и организовано несколько сберегательных касс. Однако затея не имела большого успеха, так как продажа облигаций военного займа производилась только в консульствах, до которых многим эмигрантам было непросто добраться. К тому же масса эмигрантов состояла преимущественно из малообразованных людей, не привыкших держать сбережения в ценных бумагах; да и патриотизма особого не наблюдалось. Всего было открыто пять сберегательных касс в США и одна в Канаде. Их деятельность как банковских учреждений не получила одобрения правительства США, так как они не подчинялись американскому банковскому законодательству. В результате деятельность сберкасс свелась к переводным операциям[25].

Проект создания Эмигрантского банка основывался на серьезной исследовательской работе. Российские дипломаты и финансисты, по инициативе Новицкого, изучили численность российских эмигрантов в различных штатах, уровень их доходов, размеры сбережений, приблизительный размер сумм, переводившихся в Россию. На июнь 1917 г. в США числилось 3 850 000 эмигрантов из

России; правда, в их число статистики включали и 1 200 000 родившихся уже в Америке. В общей сложности практически натурализовалось около 60%. В конце 1918 г. было проведено обследование 149 населенных пунктов, в которых проживало около 1,6 млн эмигрантов из России. Средний доход выходца из России составлял 1200 долл. в год, причем на жизнь эмигранты тратили менее 2/3 заработанного. Особенно низкий уровень расходов был характерен для этнических русских и поляков, приехавших заработать и вернуться: среди них лишь 15% были женаты, тратили они существенно меньше американцев, а также еврейских иммигрантов, как правило семейных. За вычетом расходов первой и второй (образование, развлечения) необходимости при численности 1,6 млн неассимилированных эмигрантов, финансисты получали сумму потенциальных накоплений в 900 млн долл. в год. Подсчитали также сумму потенциальных переводов: получилось около 100 млн долл. в год. Причем цифры финансисты считали скорее преуменьшенными[26].

На основании собранных материалов помощник Новицкого Д.П. Перцов составил увесистый том большого формата, представляющий, на наш взгляд, немалую научную ценность и серьезный источник по истории российской эмиграции в США[27].

Разумеется, создание подобного банка было невозможно без одобрения инициативы посольства Госдепартаментом и Казначейством, так же как без участия американских и российских частных банков. Новицкому и Угету удалось заручиться поддержкой Госдепартамента и Министерства финансов США[28] и заинтересовать проектом Джекоба (Якова) Шиффа; по совету Мортимера Шиффа Новицкий намеревался обратиться к бывшему американскому послу в Турции Генри Моргентау, чтобы тот посодействовал привлечению «средств Ист-Сайда», т.е. обитателей еврейских кварталов Нью-Йорка.

Почувствовав, что дело пошло, Новицкий телеграфировал 14 марта 1919 г. Бахметеву, находившемуся уже более трех месяцев в Париже; он явно сгорал от нетерпения, сообщая послу, что очень озабочен в связи с задержкой возвращения Бахметева в Вашингтон, ибо «практическое проведение проекта создания банка для эмигрантов не может быть более откладываемо». Чтобы подтолкнуть Бахметева поскорее принять решение, Новицкий стращал его тем, что за мысль о создании банка «ухватились некоторые частные круги русские и американские, в частности Бубликов», которые в

случае промедления со стороны посольства «внесут устав подобного банка на утверждение»[29]. Имя А.А. Бубликова, неизменного критика Бахметева, должно было подействовать на посла, как красная тряпка на быка.

Очевидно, реакция Бахметева была положительной, ибо уже через неделю Новицкий отправил телеграмму о проекте создания Эмигрантского банка гр. В.Н. Коковцову, бывшему министру финансов и председателю Совета министров Российской империи. Коковцов недавно вырвался из советской России и включился в деловую и политическую жизнь складывающегося «русского зарубежья».

> В ближайшее время, — сообщал Новицкий Коковцову, рассчитывая опереться на его авторитет и связи в деле привлечения к организации Эмигрантского банка русских капиталов, — можно ожидать завершения переговоров с Государственным департаментом о создании в Америке банка для привлечения средств эмигрантов и переводов в Россию в форме основания в Нью-Йорке кредитного учреждения из капиталов исключительно частных русских и американских, причем права русского правительства могут быть ограждены относительно переводов, производимых за счет сберегательных касс в Россию, участием в правлении лиц, выбранных по соглашению с Российским посольством. Участие русских банков могло бы быть в половинной или три пятых части капитала. Привлечение американских учреждений могло бы быть решено по соглашению русской группы между собой, с непременным, однако, участием одного лица, популярного в европейских [так в тексте; вероятно, следует читать «еврейских». — *О.Б.*] кругах, как Абрам Елкус, Оскар Штраус или других. В деле привлечения последних рассчитываю на содействие Шиффа и Варбурга, обещавших полную поддержку[30].

Новицкий продумал уже и некоторые детали, о которых информировал Коковцова: новое учреждение должно было состоять из русско-американской трастовой компании и депозитного банка. Уставной капитал предполагался в размере одного миллиона долларов плюс 250 тыс. долл. запасного капитала. В Нью-Йорке, в районах, густо населенных русскими эмигрантами, предполагалось открыть отделения и конторы депозитного (сберегательного) банка. В центральных и западных штатах предполагалось сотрудничать с другими банками, открывая собственные отделения лишь в крайнем случае. Средства, аккумулированные в депозитном банке, пе-

редавались бы в трастовую компанию, которая, в соответствии с американским законодательством, имела право заниматься любыми коммерческими операциями. Относительно переводов денег в Россию предполагалось заключить соглашение с Российским правительством, причем вклады, внесенные в США в долларах, выплачивались бы в России в рублях.

Новицкий просил Коковцова переговорить с А.И. Путиловым, А.И. Каменкой, А.И. Вышнеградским, Л.Ф. Давыдовым, т.е. крупнейшими российскими банкирами, о возможных формах их участия «в деле осуществления этого проекта создания в Америке банка русских банков». Учитывая сложность организационной работы, Новицкий считал желательным, чтобы представители русских банков — участников проекта уговорили Каменку приехать в Америку и взять на себя организацию дела[31].

Похоже, что Новицкий был уверен в успехе задуманного предприятия. Однако его ждало разочарование: русские банки отказались от участия в этом амбициозном проекте. Коковцов телеграфировал представителю Министерства финансов, суммируя аргументы «отказников»:

> Парижские отделения русских банков, продолжая сочувствовать основной идее, затрудняются принять реальное участие в ее осуществлении. Они находят: 1) проектированная американская организация слишком однородна и может вызвать впоследствии крупные нарекания, 2) в ней нет места русскому правительственному участию, которое предполагалось ранее в значительном масштабе, 3) ранее осуществления проектированной организации и определения долей участия американских и русских банков необходимо точно знать отношение будущего русского правительства, без чего все предварительные шаги бесполезны, 4) Парижские отделения могут принять участие только с разрешения своих центральных правлений, так как современное положение обязывает быть особенно осторожным в отношении участия в новых предприятиях, иммобилизующих средства[32].

Осторожность русских банкиров можно понять; разгар Гражданской войны вряд ли был лучшим временем для вложения денег в кредитное учреждение, успех деятельности которого во многом зависел от интенсивности и размеров денежных переводов из США в Россию. Интересно также туманное замечание о чрезмерной «однородности» американской организации — возможно, российских

банкиров в Париже смутила ставка исключительно на еврейский капитал и на скромные сбережения еврейских эмигрантов.

Однако Новицкого не остановило прохладное отношение русских банкиров, и, уже будучи товарищем министра финансов Омского правительства, он добился постановления Совета министров (оно было принято 17 октября 1919 г.) об образовании Эмигрантского банка. Чтобы обеспечить деятельность банка в желательном Минфину направлении, предполагалось, что он примет участие в предприятии как один из акционеров и притом имеющий большую часть акций. «Участие это не должно быть явным и необходимо сохранить за банком частный характер, ввиду чего Министерство финансов предполагает расписать половину основного капитала банка между русскими банками и фирмами, пожелающими войти в это предприятие. Министерство предоставит необходимую им валюту для приобретения акций и сохранит за собой право выкупа акций в любое время и руководство деятельностью банка, которую оно будет направлять сообразно со своими видами и целями», — говорилось в записке Минфина, представленной в Совет министров и, очевидно, подготовленной Новицким. Министерство финансов хотело получить ассигнование в 500 тыс. долл. Эта сумма должна была составить половину основного капитала банка и пойти на ссуды русским банкам и фирмам. Другую половину акций предполагалось разместить среди американских банков[33].

Решением правительства Министерству финансов был открыт сверхсметный кредит даже в большем размере, чем запрашивал Минфин. Правительство постановило выделить два миллиона золотых рублей (т.е. один миллион долларов) для выдачи ссуд частным лицам и учреждениям в целях приобретения ими акций банка[34]. Дело перешло в практическую плоскость: министр финансов отдал распоряжение об открытии особого счета для покрытия организационных расходов по созданию Русско-Американского банка за счет реализуемой платины; на особый счет Новицкого для расходов на те же цели было «поставлено» 80 тыс. иен[35].

Неизвестно, как повели бы себя банкиры при условии предоставления столь солидной правительственной субсидии, однако срок существования колчаковского правительства уж был отмерен, и практического воплощения замысел Новицкого не нашел. Так что от идеи Эмигрантского банка остался лишь фундаментальный том, подготовленный Перцовым.

Заем в Японии

Единственно возможными видами кредитных операций для колчаковского правительства оказались краткосрочные займы под залог золота. При новом министре финансов Л.В. фон Гойере (сменившем в августе 1919 г. Михайлова, дискредитировавшего себя крайне неудачно проведенной денежной реформой[36], так же как и политическими интригами) были заключены соглашения с японскими, английскими и американскими банками о краткосрочных займах под обеспечение золотом. «Все эти соглашения имели характер ссуд, обеспеченных драгоценными металлами. Их не приходилось называть государственными кредитными операциями», — справедливо указывал Никольский[37]. Однако ничего другого финансисты сделать не могли.

Удобнее всего было заказывать предметы снабжения в Японии — материалы могли поступить достаточно быстро, и не требовалось тратить крупных сумм на фрахт судов. Но надежды на получение «банкового» кредита в Стране восходящего солнца были столь же беспочвенны, как и в Европе.

Посол в Токио В.Н. Крупенский вступил в переговоры с японским правительством о поставках вооружения и боеприпасов, однако японцы не собирались заниматься благотворительностью. Крупенский телеграфировал в МИД:

> Японское правительство согласно поставить нам 50 000 винтовок, но просит сообщить, в какой срок, по возможности кратчайший, и каким путем будет произведена уплата следуемых за них денег. Выясняю, можно ли будет немедленно получить 20 миллионов патронов. Так как в отношении патронов также неминуемо возникнет вопрос об уплате, то прошу ускорить телеграфно указания на этот счет. Очевидно из полученного уже ответа, что кредиты от японского правительства или рассрочки платежа на отдаленные сроки даны не будут. Если Правительство не располагает соответствующими средствами для уплаты за патроны и оружие и намерено поручить Посольству изыскать эти средства здесь путем займа, то считаю долгом заранее предупредить, что Японские банки неизбежно потребуют полной материальной гарантии всякого незначительного даже займа, вероятнее всего из нашего золотого запаса[38].

После интенсивных переговоров в августе и сентябре, 7 октября 1919 г. в Токио было подписано соглашение между отделением Го-

сударственного банка во Владивостоке и японскими Йокогама Специе банк и Чозен банк в Токио. Приводим полностью текст договора, подписанного представителем Российского Госбанка Щекиным и представителями Йокогама Специе банка Накадзи Каивара (Nakaji Kayiwara) и Чозен банка Й. Катаяма (J. Katayama):

1. Японские банки открывают в равной части кредит Владивостокскому отделению Государственного банка в форме учета его векселей на сумму 20 000 000 иен. Достоинство каждого векселя 100 000 иен.

2. Векселя выписываются сроком на три месяца.

3. Первоначальные векселя могут быть возобновлены не более пяти раз.

4. По счетам, открываемым японскими банками Государственному банку, уплачивается 2% годовых. По исчерпанию кредита в 20 000 000 иен японские банки по желанию Государственного банка открывают особый кредит в размере не свыше 2 000 000 иен под обеспечение золота. По такому особому кредиту японскими банками взимается 7% годовых.

5. Японским банкам по векселям уплачивается 7% годовых, включая комиссию за акцепт[39].

6. Новые векселя должны быть вручены Владивостокским отделениям японских банков за пятнадцать дней до истечения срока возобновляемых векселей.

7. Окончательная оплата векселей производится за три операционных дня до истечения срока.

8. В обеспечение исполнения своих обязательств, Государственный банк вносит во Владивостокские отделения японских банков депозит золотыми монетами на сумму 20 000 000 иен плюс три процента маржа. Это золото отправляется затем на хранение в Осаку. По телеграфному извещению японских банков их отделениями во Владивостоке о передаче векселей и золота, японские банки открывают Государственному банку кредит в размере половины номинальной суммы таких векселей за учетом 7%. На остальную половину Государственный банк будет кредитован по проверке пробы золота из расчета 500 за 100 момм[40] чистого золота. Золото возвращается Государственному банку по оплате им его векселей. Расходы по перевозке золота в размере 6% в Осаку и обратно во Владивосток, если Государственный банк пожелает это, падают на Государственный банк.

9. В случае неоплаты Государственным банком его векселей, японские банки продают депонированное золото. Если вырученная от продажи золота сумма была бы недостаточна на покрытие платежа, плюс 7

1/2 за просрочку, Государственный банк обязуется доплатить причитающиеся с него суммы. Если выручка от продажи превысила бы обязательства Государственного банка, то разница выплачивается Государственному банку.

10. В случае, если Государственный банк пожелает досрочно выкупить векселя, то золото может быть продано по желанию Государственного банка японским банкам и выручка за покрытием расходов обращена на покрытие его обязательств.

11. Всякие недоразумения по исполнению данного соглашения разбираются японским судом.

12. В случае если Государственный банк пожелает увеличить размер данного кредита на дополнительные 30 000 000 иен, то японские банки согласны открыть новый кредит Государственному банку на условиях, аналогичных настоящему, за исключением особого кредита в 2 000 000 иен. О таковом желании Государственный банк должен уведомить японские банки в течение 6 месяцев со дня подписания этого соглашения[41].

Нетрудно понять, что шансов на возвращение золота практически не было. Но пока что появились деньги, и уже на следующий день после подписания соглашения посол в Токио Крупенский просил Минфин перевести суммы для содержания посольства и консульских учреждений, включая надбавки на дороговизну, а также недополученные в свое время суммы. Всего 435 тыс. иен[42].

Еще две недели спустя Крупенский телеграфировал Сукину:

Убедившись, что благодаря недавно заключенной здесь кредитной сделке под золото в нашем распоряжении будет достаточное количество японской валюты... думаю ныне окончательно уже приступить к отправке товаров. Заготовлена партия оружия, амуниции и материалов... Прошу принять меры, чтобы уплаты по заказам были в условленные сроки своевременно обеспечены валютой в общем размере около 26 с половиной миллионов иен[43].

Российские финансисты, несомненно, изначально планировали увеличить общую сумму займа до 50 млн иен.

Однако если первая часть кредитной операции прошла гладко, то с выполнением второй возникли проблемы. Золото, предназначенное для отправки в Японию, из Омска во Владивосток не доехало. Очередной «золотой эшелон» был захвачен в Чите атаманом

Семеновым. 30 октября 1919 г. Совет министров поручил военному министру «сделать распоряжение о передвижении 2000 пудов золота во Владивосток», а управляющему Минфином — «вступить в переговоры с послом Японии г. Като об оказании содействия в передвижении золота во Владивосток, ввиду необходимости передачи его Японии для уплаты по военным заказам, произведенным Российским Правительством в Японии»[44].

Военный министр Омского правительства был Семенову не указ, да и Колчаку он подчинялся лишь тогда, когда ему это было удобно. Неясно, почему японский посол и в особенности командование японскими войсками не захотели или не смогли оказать воздействие на своего ставленника. Возможно, у японских военных были свои виды на использование золота, отличные от планов банкиров. Ведь таким образом Семенов в значительной степени переходил на «самофинансирование».

Японские банкиры, не дождавшись поступления золота в обеспечение второй части займа, по-видимому, начали беспокоиться. Беспокоился и Крупенский, разместивший заказы на сумму, превышающую выручку по первой части кредитной операции на 6,5 млн иен, не считая средств, необходимых для содержания посольства. Уже 4 ноября 1919 г. посол запросил Минфин, «было ли отправлено из Омска во Владивосток необходимое количество золота для исполнения дополнительного контракта о ссуде тридцати миллионов иен от японских банков. Если Правительство вообще лишено возможности выполнить эту сделку, прошу уведомить меня о том, указав причины, дабы я мог постараться сгладить то крайне неблагоприятное впечатление, которое этот факт неизбежно здесь вызвал бы»[45].

Крупенский продолжал запрашивать финансистов о судьбе золота, которое должно было поступить по второй части кредитной операции в течение последующего месяца. Никольский, в свою очередь, ссылаясь на посла в Токио, запрашивал Минфин. Последняя телеграмма из Минфина была отправлена в середине декабря. Текст ее мало отличался от предыдущих и гласил: «Вопрос о золоте еще не разрешен»[46]. А еще три недели спустя Семенов, превратившийся уже из «разбойника» в начальника Восточной окраины Российского государства, сам запрашивал финансистов об имеющемся в их распоряжении золоте.

Что же касается металла в обеспечение второй части кредитной операции, то поступило его в конечном счете в Японию менее тре-

ии от оговоренной суммы. 12 и 22 ноября 1919 г. в Японию были отправлены две партии золота стоимостью 4 800 тыс. руб. каждая[47]. Таким образом, всего по второй части кредитной операции было поставлено в хранилища японских банков золота на 9,6 млн руб., что равнялось такой же сумме в иенах. За вычетом процентов и, очевидно, платежей по страховке и отправке, на счета российских финансистов, по данным Кредитной канцелярии, поступило 8,3 млн иен[48].

Заем в Англии и США. Золото за винтовки и пулеметы

Если переговоры о «золотом займе» у японских банков велись во Владивостоке, то судьба другого, более крупного, займа решалась за тысячи верст от золотых кладовых — в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. Переговоры о займе у консорциума британских, американских и французских банков вступили в практическую стадию в мае 1919 г.

П.Л. Барк и А.И. Коновалов провели в Лондоне переговоры с традиционным партнером российских правительств — банкирским домом братьев Бэринг[49]. Банк братьев Бэринг оказался единственным из английских банков, который отказался передать под контроль британского правительства российские правительственные средства, хранившиеся на его счетах. Бэринги были готовы взять на себя организацию синдиката английских, американских и французских банков. Общая сумма предполагаемого кредита намечалась в 10 млн ф. ст., что по паритету составляло около 100 млн зол. руб. Из этой суммы первоначально предполагалось реализовать три миллиона и затем — главным образом, на американском рынке — еще семь миллионов. Кредит предполагалось открыть на полтора года, в форме специального текущего счета, обеспеченного золотом, которое должно было храниться в Гонконг-Шанхайском банке в Гонконге. Условия кредита (проценты и комиссионные) — от 7 до 8%. Оформить сделку предполагалось около 10 июня 1919 г., однако английские банкиры хотели предварительно выяснить юридическую сторону дела, осложнявшуюся отсутствием в России признанного правительства.

«Английское Министерство Финансов уже заявило, — проинформировали членов РПС переговорщики, — что оно не видит препятствий к совершению сделки, но Братья Бэринги хотели бы получить такое же заверение и от Министерства Иностранных Дел.

Словесно они уже обещали, в случае экстренной необходимости, предоставить до одного миллиона фунтов немедленно, не дожидаясь окончательного оформления сделки»[50].

Помимо переговоров о предоставлении кредита Омскому правительству Барк и Коновалов, совместно с К.Е. фон Заменом, приняли участие в переговорах о получении средств для генерала Н.Н. Юденича, а также старались выяснить отношение английских банкирских кругов к вопросу о финансировании России в период ее экономической реконструкции. Столь далеко идущие планы задним числом кажутся чистой воды маниловщиной, однако следует учитывать, что это был период успехов войск белых, и, к примеру, вступление войск Юденича в Петроград казалось делом недалекого будущего. Три дня спустя на заседании РПС обсуждали вопрос об организации управления Петроградом! РПС собиралось предложить в качестве главы гражданской администрации кандидатуру Н.В. Чайковского, но затем решило ограничиться изложением общих принципов политики и организации управления в телеграмме в Омск[51].

Условия кредита, изложенные Барком и Коноваловым, не вызвали восторга у членов РПС. М.А. Стахович счел, что условия предоставления кредита — 8% на полтора года под залог золота — являются крайне невыгодными. Барк уточнил, что речь не идет об окончательных условиях сделки, тем более что они с Коноваловым не имели полномочий на ее заключение и ставили своей задачей лишь выяснить ее возможные условия. Последнее слово оставалось за Российским правительством в Омске. Лично же он, заметил Барк, сомневается в возможности добиться уменьшения процента, «имея в виду как самый характер сделки, так и общие политические условия»[52].

Если перевести диалог Стаховича и Барка с «протокольного» языка на обычный, то суть состояла в том, что в ответ на возмущение бывшего губернского предводителя дворянства и непризнанного посла в Испании грабительскими условиями займа бывший министр финансов некогда могучей империи, представлявший ныне интересы непризнанного правительства, с трудом контролировавшего часть пустынной Сибири, замечал, что в данной ситуации ножки следует протягивать по одежке.

Переговоры в Лондоне продолжили все те же Барк, Коновалов и фон Замен. В начале июля Барк докладывал Совещанию, что в итоге они остановились, чего, впрочем, и следовало ожидать, на

банкирском Доме братьев Бэринг. Британские банкиры были готовы образовать для предоставления кредита под обеспечение золотом англо-американский синдикат с небольшим участием парижских финансистов. Предполагаемая сумма кредита должна была составить оговоренные 10 млн ф. ст., причем на долю британцев приходилось 3 млн ф. ст., американцев — 6 млн и французов один миллион соответственно. Условия займа немного улучшались: банкиры должны были получить 6% интереса и 1% комиссии. Золото подлежало хранению в Гонконг-Шанхайском банке[53].

Текст контракта был подготовлен фон Заменом. Первые три миллиона должны были кредитоваться в фунтах и долларах немедленно по получении золота, затем в любое время по желанию Омского правительства еще по одному миллиону, остальная часть суммы предоставлялась 31 декабря 1919 г. Жизнь показала, что в условиях Гражданской войны загадывать на полгода вперед являлось большой смелостью. Кроме оговоренных процентов и комиссий предполагались еще платежи за хранение золота — одна восьмая процента за первые пять миллионов и одна шестнадцатая — за остальные. Среди американских банков, предполагавших участвовать в займе, были Ситибанк, Гаранти-траст, Киддер, Пибоди и Ко, проявлял интерес также банк Моргана. Банкиры, согласовав контракт в принципе, тем не менее ждали санкции со стороны министерств иностранных дел своих стран[54].

Как оказалось, до подписания реального соглашения было еще далеко. Французы отпали, сумма кредита сократилась. Позиция американского правительства, настороженно относившегося к назревавшейся сделке, привела к тому, что банки выставили условием займа предоставление им права покупки залогового золота. «Крайняя необходимость валюты заставляет нас согласиться и на это, — телеграфировал Сукин Бахметеву, — при условии возвращения золота в натуре по истечении срока кредита, если конечно мы будем в состоянии к тому времени оплатить заем. При этом золото должно быть возвращено независимо от будущей его цены и в том же количестве чистого золота, которое оказалось бы к тому времени проданным»[55].

Сукин не подозревал, что правительство Колчака, от имени которого вели переговоры российские финансисты в Лондоне и Нью-Йорке, не только не сумеет расплатиться по займу, но не успеет даже воспользоваться им.

Пока шли переговоры о большом займе, Омское правительство было вынуждено пойти на депонирование золота в качестве гарантии оплаты контрактов по поставкам винтовок и пулеметов из США. Условия сделок, согласно справкам от 7 декабря 1919 г., подготовленным начальником II отделения Кредитной канцелярии Д.П. Перцовым и сохранившимся в архиве Российского посольства в Вашингтоне, заключались в следующем:

Приобретение винтовок от американского правительства.

1. Американское правительство уступает русскому правительству около 268 000 винтовок с запасными частями и примерно 15 000 000 патрон[ов] по себестоимости этого имущества. Цена винтовок 25 долларов, и каковой же цены расцениваются сверхкомплектные части, цены патрон[ов] 36 долларов за тысячу.
2. В виде гарантии платежа депонируется золото в размере 1 000 000 долларов, составляющих грубо около 10% общей стоимости имущества. 40% стоимости уплачиваются до 15 января 1920 года, а 20% до 15 июля. В случае если до 15 июля будет уплачено лишь 50%, последние 10% оплачиваются депонированным золотом. При уплате всех 60% золото возвращается. Золото депонируется согласно контракту в Сан-Франциско, но Военное министерство согласилось впоследствии на хранение его в Русско-Азиатском банке во Владивостоке[56].

Приобретение винтовок от фирмы «Ремингтон».

Соглашение подписано 29-го июля 1919 г. финансовым агентом в Америке С.А. Угетом и фирмой «Ремингтон-Армс-Юнион-Металлик Картридж Ко.».

Основания соглашения, согласно телеграмме поверенного в делах от 30-го июля 1919 г. за №113, следующие:

1. Ремингтон уступает нам 112 945 винтовок. Цена винтовки 26 долларов 75 центов.

2. Расчет должен быть произведен до 15-го сентября 1919 года.

3. В качестве обеспечения открывается во Владивостокском отделении Гонконг-Шанхайского банка депозит в размере 2 547 558 долларов 75 центов.

4. До 15 сентября депозит находится в совместном распоряжении г. финансового агента и фирмы. После 15-го сентября депозит, за исключением 500 000 долларов, переходит в единоличное распоряжение фирмы. Последняя сумма служит гарантией расчета фирмы с правительством и остается все время [в] совместном распоряжении финансового агента и фирмы. По мере оплаты винтовок соответствующее количество золота освобождается из депозита по совместному приказу Банку финансового агента и фирмы. Если до 15-го сентября ружья не будут оплачены, то все или часть золота переходят в собственность Ремингтона.

5. По установлении депозита Ремингтон немедленно передает в наше распоряжение ружья. Кроме того, в нашу собственность переходит все не ликвидированное еще имущество, как то: машины, инструменты и т.п.

6. Ружья вывозятся Ремингтоном из Бридж порта в Сиатль [sic; в современной транскрипции Сиэтл. — *О.Б.*], где остаются до погрузки на пароход.

О приобретении пулеметов Кольта от фирмы Морлинроквель.

Телеграммой от 26 августа с.г. за №191 поверенный в делах в Вашингтоне Угет представил следующие основания соглашения по приобретению 963 пулеметов Кольта:

1. Контракт подписывается немедленно по установлении в качестве гарантии депозита золотом в Русско-Азиатском банке во Владивостоке на имя Национального городского банка в Нью-Йорке в размере 503 595 долларов 69 центов.

2. Срок платежа 31 декабря 1919 года.

3. По установлении депозита Национальный Городской Банк в Нью-Йорке выдает фирме Морлинроквель аккредитив.

4. В случае неплатежа до 31 декабря наступает реализация золота Банком за наш счет для уплаты фирме.

5. По всей этой операции Банку выдается комиссия в размере одной восьмой процента с суммы аккредитива.

6. Все количество пулеметов сдается в течение девяти недель, а первые 200 штук с треногами и запасными частями через четыре недели после подписания контракта[58].

Большая часть депонированного по этим операциям золота, за исключением двух депозитов на общую сумму чуть больше одного миллиона долларов, оставшихся во владивостокских отделениях

Гонконг-Шанхайского и Русско-Азиатского банков, а также еще одного в Шанхае на 500 тыс. долл. (о чем подробнее речь пойдет в дальнейшем) в конечном счете была продана, чтобы расплатиться с кредиторами, или перешла к поставщикам.

Так, золото на миллион долларов, депонированное в «субказначействе» в Сан-Франциско, было продано в конце 1920 г. для осуществления окончательного расчета с американским правительством за поставленные им винтовки и патроны. Любопытно, что американское правительство сочло «неудобным» продажу депозита на открытом рынке, так как, по словам Угета, «в то время Департаментом Казначейства было дано указание всем американским банкам не принимать золото, поступающее из Советской России, в чем Федеральное Правительство усматривало одну из мер сохранения в неприкосновенности русского национального золотого резерва». Поэтому правительство «затруднилось разрешить его реализацию на американском рынке, чтобы не ослабить своей принципиальной позиции по отношению к нашему золотому запасу»[59].

В итоге правительство само купило золото без излишней огласки. Депозит — что было удобно для обеих сторон — оказался в золотых долларах. Новые доллары зачли по номиналу (991 535 долл.), а вышедшие из употребления по пониженной цене, но их было совсем немного. На этом российские финансисты потеряли 44 долл. 58 центов. Удивительно, но депозит оказался с небольшим «недовложением» — 991 990, а не миллион ровно.

В итоге Военному министерству было уплачено из вырученной суммы 584 294 долл. 58 центов, а 415 650 долл. 84 цента были переведены по распоряжению Казначейства 13 декабря 1920 г. на «счет чеков», т.е. так называемый «ликвидационный» счет Российского посольства в Ситибанке в Нью-Йорке (National City Bank of New York), и пошли на уплату задолженности России США[60]. Таким образом, американское правительство «помогло» Российскому посольству максимально удобным для себя образом.

Что же касается соглашения между Омским правительством и банками Братьев Бэринг и Киддер, Пибоди и Ко. (Нью-Йорк), то оно было подписано в Лондоне лишь 10 октября 1919 г. на следующих условиях:

1. Английский и американский банки открывают Правительству кредит в размере соответственно £ 3 000 000 и $22 500 000.

2. Правительство обязуется в обеспечение открываемого кредита депонировать в Гонконгском банке золото.

3. Правительство кредитуется английским и американским банками по проверке пробы золота, причем стоимость золота вычисляется из расчета J 3,17/9 [3 ф. ст. 17 шиллингов 9 пенсов. — *О.Б.*] или $18,89 за унцию стандарт.

4. Проценты по операции взимаются в размере 6% годовых, уплачиваемых по полугодиям, и комиссия в размере 1/2% за каждое полугодие.

5. Все расходы по операции уплачивает правительство.

6. В случае несоблюдения условий настоящего соглашения депонированное золото может быть продано английским или американским банкам на сумму, которая им причитается с правительства.

7. Английским и американским банками может быть открыт Правительству кредит в размере 30 000 000 франков под обеспечение золотом на условиях, аналогичных с настоящим соглашением[61].

Следует иметь в виду, что часть полученной суммы была сразу «поставлена» на «счет процентов» (2 025 тыс. долл.) и «счет комиссии» (337,5 тыс. долл.), чтобы гарантировать банкам своевременное получение платежей. «Независимо от сего, было депонировано дополнительное количество золота в размере 5% маржа для покрытия возможных убытков банковского синдиката при реализации депозитов». В итоге в США было депонировано золота на 23 625 тыс. долл.[62] Таким образом банки подстраховались со всех сторон.

За три дня до подписания формального соглашения золото физически золотой депозит вносился российской и испанской [пессеты] золотыми монетами) в обеспечение американской части операции было отправлено в Гонконг, а 3 ноября 1919 г. Никольский телеграфировал Угету:

> Золото всего на сумму 45 003 885 золотых рублей было отправлено 7-го октября на пароходе Кимонкро, 16 октября благополучно прибыло Гонконг и сдано Гонконг-Шанхайскому Банку. Имейте в виду лишь страховку указанной партии[63].

Через неделю после подписания соглашения в Вашингтоне был получен «вопль отчаяния», исходящий из Омска. А именно — шифрованная телеграмма, которая была направлена Сукиным Бахметеву для представления американскому правительству. Сукин

констатировал, что в силу объективных условий доходы, поступающие в казну, не компенсировали расходов, что, в свою очередь, привело к падению стоимости денежных знаков и росту дороговизны. «Представляется к сожалению несомненным что продолжающееся падение ценности денег и невозможность для Правительства, без помощи извне, удовлетворить экономические потребности населения исключают возможность спокойной плодотворной работы и даже угрожают создать атмосферу острого недовольства и постоянного брожения умов». Сукин указывал на необходимость реформы денежного обращения, создав в обеспечение новых денежных знаков, которые планировалось выпустить взамен не пользующихся доверием населения «сибирок», «неприкосновенный золотой фонд», а именно использовать для этой цели золотой запас, находящийся в Омске, стоимостью более 200 млн долл.[64]

В то же время, писал во второй части телеграммы Сукин, в силу сложившегося международного положения правительству приходится расплачиваться за снабжение золотом; уже пришлось продать свыше трех тысяч пудов и депонировать по займам в Лондоне, Нью-Йорке и Токио семь с половиной тысяч пудов[65].

> Устанавливающаяся таким образом практика, — заключал Сукин, — имеет свои неизбежные последствия: прогрессирующее ликвидирование золотых запасов государства, и если не будут внесены коренные изменения в действующую ныне систему, то недалек момент, когда все золото будет израсходовано. Такой результат не только нарушит в корне предположенную систему денежного обращения, но ляжет непоправимым последствием на финансовые судьбы русского государства на долгие годы вперед.
>
> Сохранение золотого фонда является поэтому прямой задачей Правительства и составляет предмет его ответственности перед будущим Учредительным Собранием России. Правительство считает долгом поставить Державы в известность о серьезности своего финансово-экономического положения, полагая, что задача найти выход из такового является неотложной. Сознавая, что препятствия к оказанию Державами реальной помощи лежат в области формального международного положения Правительства, оно в то же время памятует о дружественном заявлении, сделанном Державами 5 июня сего года, которое позволяет ему рассчитывать на срочное принятие ими радикальных решений по этому вопросу[66].

Надо ли говорить, что принятие «радикальных решений», т.е. массированной финансовой поддержки, было менее чем вероятно в октябре 1919 г., когда колчаковские войска стремительно откатывались на восток под натиском Красной армии, нежели в июне 1919 г., когда, как казалось, все еще было впереди.

Очевидно, из-за океана была виднее одна из причин, обусловивших неудачи Колчака, — неумение наладить нормальную жизнь в тылу, обеспечить снабжение населения товарами первой необходимости, в том числе продовольствием. Бахметев предлагал произвести закупки товаров для населения за счет вырученных от займов средств, но не встретил понимания в Омске. Сукин ему телеграфировал:

> Верховный Правитель полагает, что мы ни в каком случае не можем становиться на путь приобретения на золотую валюту продовольствия для гражданского населения, такая система приведет к безвыходному финансовому положению. Поэтому мы вынуждены ограничиваться оплатой снабжения Армии, но и это не может долго продолжаться, так как средства быстро истощатся. Мы считаем себя вправе требовать во имя гуманности от Америки оказания необходимой помощи гражданскому населению[67].

Бахметев продолжал отстаивать перед американской администрацией необходимость признания Омского правительства и, по словам Линды Киллен, «сражался за американскую поддержку Колчака до самого конца»[68]. Что бы ни думал на самом деле посол, публично он «говорил о перспективах Колчака в превосходных выражениях, — с иронией писал другой американский историк, Ф. Шуман, — однако Красная Армия убрала эту проблему из сферы практического рассмотрения»[69].

Понятно, что в такой обстановке рассчитывать на какие-либо необеспеченные кредиты не приходилось.

В итоге золотые депозиты распределились следующим образом:

1) по японской операции — 1500 пудов;
2) по операции с англо-американским синдикатом — 3937,5;
3) по приобретению винтовок от американского правительства — 100;
4) по приобретению винтовок от фирмы «Ремингтон» — 50;
5) по приобретению пулеметов «Кольта» — 50;

Итого: 5637,5 пуда[70].

Вместе с проданными 3232 пудами золота и по ошибке высланными в Гонконг, ввиду вызванных телеграфной перепиской недоразумений, «лишними» 375 пудами это составило 9244,5 пуда. Таким образом, все золото, которое было доставлено из Омска во Владивосток, было отправлено за границу[71]. Напомню еще раз, что при перевесе золота во Владивостоке его оказалось несколько больше, чем числилось по документам Казанского отделения (9043). Расхождение в 201,5 пуда было вызвано неточностью сведений о количестве золота, отосланного во Владивосток, что, в свою очередь, объяснялось отсутствием точных сведений о содержимом ящиков золота, вывезенных в свое время из Самары[72].

Отправка золота в Гонконг, Осаку и другие «пункты назначения» представляла сама по себе немалую проблему. Финансисты никогда толком не знали, когда и сколько золота придется отправлять, какое судно за ним придет, поэтому не успевали страховать золото полностью; если же отправляли сами, на старых портовых судах «не первой свежести» и незарегистрированных, то страховать по этой причине не могли вовсе и всегда страшно боялись; но в результате довольно прилично, хотя и невольно, сэкономили на страховке[73].

Итоги заимствований, произведенных колчаковским правительством, выглядели следующим образом: у синдиката японских банков — 28,3 млн иен, у синдиката англо-американских — 7,5 млн ф. ст., причем в Великобритании деньги поступали в фунтах стерлингов (3 млн), а в США в долларах (22,5 млн). «Чистая» выручка превысила, в эквиваленте, 100 млн руб.

Большей частью этой суммы колчаковское правительство воспользоваться не успело. Однако платить по его счетам все равно пришлось.

Как и в других случаях, золотые депозиты впоследствии были проданы или самими российскими финансистами, чтобы рассчитаться по займам, или же перешли в собственность банков-кредиторов, как это случилось в Японии. Самый крупный заем — у синдиката англо-американских банков — был погашен досрочно, в мае—июне 1920 г. Разумеется, единственно возможным источником получения денег для погашения займа был золотой депозит, который и был продан К.Е. фон Заменом в Англии (в США по причинам, о которых мы говорили выше, продажа «русского золота» на открытом рынке была невозможна). Решение было и с финан-

совой, и с общеполитической точки зрения, безусловно, правильным. Финансисты сэкономили на процентах и комиссиях, кроме того, в их распоряжение поступили зарезервированные на случай неблагоприятной конъюнктуры на рынке золота 5% от стоимости золотого депозита. А в условиях острой потребности в валюте правительства генерала П.Н. Врангеля, связь с которым была установлена как раз в это время, освободившиеся средства оказались более чем кстати. 5%-ная маржа была перечислена на счет Замена, деньги со счета процентов и счета комиссии — на счет Угета[74].

Как расходовались деньги

Попробуем разобраться, на что пошли вырученные от продажи золота и полученные в результате займов под золото деньги и насколько эффективным было их использование. Львиная доля была потрачена на вооружение, боеприпасы и другое снабжение военного назначения, как показывают справки, подготовленные тем же Перцовым[75]. Справки дают достаточно полное представление о финансовых операциях и распределении финансовых ресурсов, осуществленных колчаковским Минфином на 7 декабря 1919 г. А также о заказах, которые предстояло оплатить.

В Японии были размещены заказы на 50 тыс. винтовок и 70 млн патронов (4 601 100 иен), 90 тыс. комплектов обмундирования и 50 тыс. пар сапог (8 490 тыс иен), на различные материалы для службы связи — 850 тыс. иен. Заказы Морского министерства должны были обойтись в 270 тыс. иен, «ликвидация» заказов Министерства снабжения и продовольствия — в один миллион иен. Кроме того, предполагалось приобрести бумагу для Управления делами Верховного правителя на сумму 400 тыс. иен и сахар — на 635 тыс. иен. Проценты, которые следовало уплатить по первой части японской операции за 18 месяцев, составляли 2,1 млн иен, по второй, незавершенной, по нашим расчетам — около миллиона иен[76]. Таким образом, общая сумма осуществленных и предполагаемых платежей в Японии составляла немногим более 19 млн иен[77].

Наиболее крупные заказы были размещены в США. Львиная доля — почти 20 млн долл. (19 991 500 долл.) — приходилась на заказы Главного артиллерийского управления, в том числе 200 млн патронов фирмы «Ремингтон» (6 940 500 долл.), 268 тыс. винтовок и 15 млн патронов к ним, приобретенных у американского правительства (около 10 млн долл.), винтовки «Ремингтона» (2547 тыс.)

и пулеметы Кольта — (504 тыс.). За обмундирование, приобретенное по заказу Министерства снабжения и продовольствия у американского правительства, следовало уплатить 3 670 тыс., за кредитные билеты — 1 023 тыс. Наконец, проценты, подлежащие уплате по американской части кредитной операции, — 6% и 1% комиссии за 18 месяцев — составляли 2 362 500 долл. Общая сумма планируемых платежей в США составляла, таким образом, 27 047 тыс. долл.[78].

Часть вооружения, боеприпасов и обмундирования была отправлена в Россию до падения правительств Колчака и Деникина; о том, что произошло с основной частью заказов, будет рассказано в следующих главах. Пока же — о распределении остальных сумм и заказах в Европе.

Генералу Деникину был открыт кредит в 2 млн ф. ст., генералу Юденичу предоставили 685 тыс. ф. ст. (285 тыс. ф. ст. и 10 млн французских франков, эквивалентных 400 тыс. ф. ст.). По запросу Главного артиллерийского управления были размещены заказы на 36 млн патронов в Швеции (9 млн фр. = 360 тыс. ф. ст.) и на 300 млн патронов в Англии (1,5 млн ф. ст.). На погашение долгов в Италии, Швейцарии и Швеции предназначалось в общей сложности 70 тыс. ф. ст., на проценты по английской части операции с англо-американским синдикатом на 3 млн ф. ст. — 315 тыс. ф. ст. (6% и 1% комиссии за 18 месяцев)[79].

Среди предстоящих расходов существенное место занимало содержание заграничных учреждений в 1920 г. — 591 тыс. ф. ст., из них 100 тыс. ф. ст. предназначалось на «обеспечение содержания главнейших посольств». Очень дорого обходилась связь — на расчеты с Северным телеграфным обществом за конец 1919 г.[80] должны были пойти 15 млн фр. (600 тыс. ф. ст.). Кроме того, во Франции планировалось приобрести семена на сумму 425 тыс. фр. (17 тыс. ф. ст.). Фрахт должен был обойтись в 200 тыс. ф. ст.[81]

В общей сложности расходы, в пересчете на золотые рубли, должны были составить 137 762 600 руб.

Справки, суммирующие сведения о заграничных финансовых операциях колчаковского правительства на начало декабря 1919 г., менее чем за месяц до прекращения его существования, в целом дают ясное представление как о суммах, полученных под залог золота, так и о том, на что были потрачены или на что планировалось потратить вырученные деньги. Справки требуют некоторых пояснений: во-первых, Перцовым была почему-то включена в разряд

кредитных операций, наряду с японской и англо-американской, продажа золота французскому правительству. Напомним, что партия золота в сентябре 1919 г. была продана за 51 360 000 франков (19 260 000 зол. руб.). Однако деньги Кредитная канцелярия французского Минфина перевела лишь в декабре[82]. Большую часть этой суммы — немногим более 36 млн франков — успели потратить или перевести на недоступные для кредиторов счета, часть после падения правительства Колчака была французским правительством секвестирована[83]. Во-вторых, расчеты по второй части японской операции были проведены Перцовым исходя из того, что в Японию будет доставлено золота по крайней мере на 18,5 млн иен и, соответственно, эта сумма, за вычетом процентов, будет перечислена на счета Кредитной канцелярии. На самом деле золото, ошибочно высланное в Гонконг, как и освободившееся после оплаты пулеметов Кольта, в Японию отправлено не было. В итоге в Японию по второй части кредитной операции было доставлено менее трети золота от того, что изначально планировалось, и менее половины того, что могло быть отправлено после захвата Семеновым золотого эшелона в октябре 1919 г. 80 ящиков золотой монеты на сумму 4,8 млн зол. руб., отправленных 22 ноября 1919 г. на пароходе «Сума Мару» в Цуругу, стали последней партией золота, поступившей в подвалы японских банков[84]. Соответственно, меньше денег поступило и на счета Кредитной канцелярии.

Цена дипломатии

Среди валютных расходов колчаковского правительства немалое место занимало содержание дипломатических учреждений. В «предвкушении» получения валюты в результате продаж золота в колчаковском МИД была составлена справка «о суммах, потребных на содержание заграничных установлений Министерства Иностранных Дел и на предстоящие за границей расходы по военным заготовкам и на иные нужды, связанные с борьбой с большевиками, на ближайшие шесть месяцев, т.е. по 1 октября 1919 года». Оставляя в стороне расходы по военным заготовкам, о которых уже говорилось выше, рассмотрим предполагаемый бюджет дипломатического ведомства.

На «содержание заграничных установлений Министерства Иностранных Дел и содержание Министра» в течение полугода МИД запрашивал 11 136 488 французских франков, на пособия

русским подданным — 2 588 490, содержание дипломатической части Русского политического совещания в Париже — 1 638 000 (все суммы — во франках)[85].

Общая сумма на полгода составляла около 5,5 млн зол. руб.

«Первостепенным по экстренности» дипломатам представлялся перевод 40 тыс. долл. (1 008 800 франков) в Тегеран на имя российского посланника Николая Севастьяновича фон Эттера, ибо дипломатические учреждения в Персии находились под угрозой закрытия. К платежам «первой очереди» был отнесен также перевод содержания министру иностранных дел за полгода — 56 тыс. франков, ему же авансом на необходимые расходы российских дипломатических учреждений в Европе 200 тыс. франков и в распоряжение генералов Н.Н. Юденича и Е.К. Миллера на отправку военнопленных офицеров и солдат 2,5 млн франков (всего же по этой статье запрашивалось 15 млн франков)[86].

Более того: министр иностранных дел Сазонов писал о необходимости «скорейшей организации нашего представительства в Белграде и Праге», посылке чиновников МИДа в Вашингтон ввиду длительного отсутствия Бахметева в связи с его участием в работе Русского политического совещания, о наплыве русских беженцев в Константинополь, что требовало дополнительных средств, и просил на эти цели 75 тыс. франков плюс «хотя бы 25 тыс. на другие могущие возникнуть неотложные нужды». На письме Сукина, в котором тот излагал просьбы Сазонова, Михайлов наложил резолюцию: «Предложить Никольскому немедленно перевести и о переводе донести»[87].

Зная, чем закончилась эпопея Белого движения, невольно задаешься вопросом: почему Омское правительство тратило весьма значительные суммы на содержание заграничного представительства? Что это было? Имперский синдром, подобный фантомным болям? Преодоление провинциального комплекса неполноценности за счет представительства, как у великой державы? Не случайно в качестве образца при подготовке собственной сметы чиновники колчаковского МИДа использовали смету Министерства иностранных дел Российской империи на содержание дипломатических и консульских учреждений за границей на 1917 г. В 1917 г. на содержание учреждений МИД должно было пойти 4 727 358 зол. руб., а с учетом дополнительных расходов, таких как ремонт и приобретение зданий, расходов на почтово-телеграфные услуги, путевое довольствие и секретных расходов, общая сумма, требовавша-

шся на содержание заграничных установлений, составляла приблизительно 5 893 287 руб. зол[88].

Запросы Омского МИДа оказались выше имперского. Добавились представительства в странах, ранее воевавших с Россией, в том числе образовавшихся в результате распада Габсбургской империи. В то же время не были включены в смету те представительства, которые имели «источники, на которые могут существовать», — на Дальнем Востоке (в Китае, Японии, Корее, Сиаме и Монголии) и в странах Южной (в Аргентине, Бразилии, Мексике) и Северной Америки. Представительства в этих странах должны были обеспечиваться за счет «боксерского вознаграждения» и средств Российского посольства в США. В руководстве МИД решили, что из числа стран с дипломатическим представительством России «временно может быть исключена Бухара». Представительства в остальных странах — от Албании до Японии — сохранялись[89].

Содержание столь обширной и дорогостоящей дипломатической сети объяснялось, конечно, не только «гонором» омской власти и ее всероссийскими претензиями. Во-первых, белые вообще и Белое движение на Востоке в особенности не могли существовать без внешней помощи. Заграничное снабжение, заграничное финансирование, наконец, признание колчаковского правительства — все это было невозможно добиться без серьезного заграничного представительства. Во-вторых, на плечи правительства, именующего себя Российским, легла забота о сотнях тысяч военнопленных Первой мировой войны и их возвращении на родину. В данном случае были не только гуманитарные соображения — белые рассчитывали (и, как показала жизнь, в основном напрасно), что бывшие военнопленные пополнят ряды их армий. В-третьих, за границей оказались сотни тысяч беженцев, спасавшихся от «прелестей» большевистского режима. Разумеется, Российское правительство, борющееся с этим режимом, должно было им хотя бы в какой-то степени помочь.

Наконец, в Омске думали о будущем. Россия имела политические и экономические интересы в различных регионах мира, веками выстраивала отношения с десятками стран — и допустить исчезновение российского представительства, что могло повлечь за собой утрату позиций, завоевывавшихся не одним поколением дипломатов, в Омске не хотели. Тем более что были убеждены в недолговечности существования советской власти. И, о чем мы уже говорили выше, в условиях передела мира после мировой войны и

распада Российской империи белые правительства считали необходимым иметь хотя бы в «окрестностях» мирной конференции суррогат российского представительства. А все это стоило денег. И немалых. Более того — дипломаты запрашивали прибавки «на дороговизну», ибо в условиях послевоенного роста цен сводить концы с концами становилось не так просто. Это не относилось к высшим представителям дипломатической иерархии. Оклады послов еще по традиции царского времени были равны или даже превышали министерские и исчислялись в золотых рублях. «Стандартный» оклад посла составлял 60 тыс. зол. руб. в год, оклады послов в Париже и Лондоне были несколько выше — по 75 тыс. зол. руб. в год[90].

Согласно справке от 25 июня 1919 г. о «потребной валюте для перевода заграничным установлениям Министерства Иностранных Дел», составленной на основании согласованной в Междуведомственном совещании о расходовании валюты сметы МИД на 1919 г. и с добавлением расходов по другим статьям (наем и содержание домов и т.д.), выдача пособий русским подданным (2 460 тыс. фр.), содержание Политического совещания в Париже (2 340 тыс. фр.) и министра (105 159 фр.) — раньше министр все-таки находился в Петербурге и валюты на его содержание не требовалось, — итоговые суммы составили[91]:

Золотые рубли	Валюта
3 654 372	Франков 9 876 681
1 798 760	Фунтов стерлингов 190 345
419 150	Долларов 216 057
1 519 937	Туманов 405 306
312 980	Крон 601 886

Кроме того, долги заграничного представительства по десяти странам, от Англии до Чили, составили 1 814 257 зол. руб. (19 512 777 кредитных по курсу от 27 марта 1919 г.). Главными должниками были представительства в Персии — 977 500 зол. руб. (575 тыс. туманов), Англии — 367 931 зол. руб. (38 933 ф. ст.), Италии — 254 301 зол. руб. (687 302 лиры)[92].

Нетрудно подсчитать, что расходы на содержание и деятельность учреждений МИД должны были составить более 7,7 млн зол. руб., т.е. почти на 2 млн зол. руб. больше, чем в 1917 г. Если же учитывать долги, то сумма расходов по смете МИД достигала 9,5 млн зол. руб.

Разумеется, одно дело планировать, другое — на самом деле получить деньги, и, как мы увидим, в полном объеме нужды МИД так и не были профинансированы.

Правда, не все деньги на содержание заграничного представительства поступали от продажи золота. Так, английское казначейство согласилось в апреле 1919 г. выплачивать торговому агенту в Лондоне А.С. Остроградскому 6800 ф. ст. ежемесячно в обмен на предоставление контрвалюты во Владивостоке по указаниям высокого комиссара Великобритании в Сибири сэра Чарльза Эллиота. Причем на содержание установлений МИДа и помощь русским подданным из этой суммы приходилось 2500 ф. ст. в месяц, а оставшиеся 4300 ф. ст. причитались другим ведомствам. В дальнейшем лимит выдачи рублей британским представителям в России был увеличен до 5 млн, что было эквивалентно 31 тыс. ф. ст. в июне 1919 г. Достигала ли сумма обмена на самом деле 5 млн руб. и как долго этот эквивалент выдерживался, неясно. Сложность, однако же, заключалась в том, что полученные в Англии деньги можно было тратить только в пределах Соединенного Королевства. Министерство финансов рекомендовало дипломатам добиться права расходовать эти средства не только в Англии, но и в Скандинавии, Дании и Голландии. В июне 1919 г. Михайлов рассчитывал, что деньги на представительство во Франции будут получаться Маклаковым и Рафаловичем из специальных средств по особой кредитной операции во Франции в размере 5 млн фр. Но и здесь финансисты и дипломаты сталкивались с той же проблемой: деньги по условиям кредитного соглашения можно было расходовать только во Франции. Михайлов настаивал, чтобы дипломаты добились снятия ограничений по расходованию этих денег за пределами Франции, в том числе для финансирования дипломатических учреждений в Южной Европе, Бельгии и Марокко[93].

Переводы валюты осуществлялись не так быстро, как рассчитывали дипломаты. Не совсем ясно, была ли тому виной нераспорядительность финансистов, ведомственная конкуренция или сложность и медленность переводов денег с Дальнего Востока в Париж и Лондон, не говоря уже об Аддис-Абебе или Тегеране. Между тем положение некоторых представительств было отчаянным. Сукин писал в середине июня Михайлову, что представительства в Италии, Испании, Голландии, Бельгии, Сербии, Абиссинии и Египте существуют за счет частных займов. Греческое правительство, оказывавшее поддержку российскому представительству в

Афинах, заявило, что с 1 июля 1919 г. эту поддержку прекращает. Это потребовало совершенно иного подхода к финансированию, и Сукин просил перевести Демидову по крайней мере 300 тыс. фр. Маклаков высказывал опасение, что французское правительство, «отпускавшее до сего времени часть потребных нашим установлениям сумм из блокированных денег, принадлежащих русскому правительству, ныне, в связи с открытием кредитов Политическому Совещанию, несомненно, прекратит отпуск указанных сумм»[94].

Настояния Сукина заставили, наконец, Минфин раскошелиться и перевести на нужды дипломатических представительств в Европе и Персии около 1 768 тыс. франков и 13 600 ф. ст. Михайлов сообщал также, что им даны дополнительные распоряжения о переводе денег ряду представительств, в частности 40 тыс. франков поверенному в делах в Белграде и 2131 ф. ст. поверенному в делах в Абиссинии.

> Вместе с тем позволю себе обратиться к Вам с просьбой, — писал министр финансов, — сообщить Ваши предположения о возможности сокращения штатов содержания наших дипломатических представителей за границей, так как ныне потребное на эту цель количество иностранной валюты явится в ближайшие годы чрезмерно тяжелым бременем для бюджета России, даже и после совершенного ею объединения и освобождения от большевиков[95].

Сукин стал получать сообщения о переводах, а вместе с ними и советы добиться от британского и французского правительств разрешения на траты получаемой взамен рублей валюты за пределами этих стран. В ответ на это он указывал, что переговоры с английским и французским правительствами потребуют времени, а деньги нужны безотлагательно. И называл конкретные суммы, необходимые для «выживания» конкретных представительств[96]. В общем, картина была традиционной для российской бюрократии. Обещанные деньги необходимо было «выбить».

Сукин делал это не без успеха. 16 июля 1919 г. Михайлов «рапортовал» управляющему МИД о том, что он распорядился перевести Набокову 13 600 ф. ст. за июнь и июль, барону Мейендорфу в Копенгаген 40 тыс. крон и Е.П. Демидову 100 тыс. фр. Поскольку операция по получению франков в Париже взамен рублей во Владивостоке «ныне тормозится французским правительством», министр финансов счел возможным в виде исключения перевести

и Париж 100 тыс. фр. на содержание посольств и консульств и 100 тыс. франков на погашение неотложных долгов этих учреждений. 100 тыс. фр. было переведено в Бухарест посланнику С.А. Поклевскому-Козеллу. Переведенные в Персию 40 тыс. ф. ст. «являются максимумом того, что Министерство финансов может перевести в эту страну при ограниченности нашей валютной наличности»[97]. Де-факто это означало, что на российском представительстве в Персии был поставлен крест.

Между тем как раз в Персии у России были серьезные политические и экономические интересы. Одна из последних попыток сохранить остатки российского если не влияния, то хотя бы присутствия в Персии была предпринята российским поверенным в делах в этой стране А.К. Беляевым в сентябре 1919 г. Он телеграфировал в Омск:

> Учетно-ссудный Персии Банк, являющийся особым Отделом Государственного Банка, находится критическом положении вследствие недостатка прилива кассы. Ему предстоят срочные крупные платежи, неуплата срок грозит крахом нашего единственного финансового предприятия Персии, которое необходимо во что бы то ни стало сохранить.
>
> Банк через меня просит Мин. Ин. Дел купить у него находящийся в Тегеране парк-атабек[98] со всеми постройками за 250 000 туманов и тем спасти Банк. Парк этот несколько лет арендуется за бесценок Миссией, до октябрьского переворота Мин. Ин. Дел уж согласилось на его покупку за 750 000 туманов. В настоящую минуту парк, на устройство и приспособление которого Мин. Ин. Дел. уже затрачено много десятков тысяч рублей, заложен Банком и в случае его краха будет продан наравне с другим имуществом Банка и Миссия тогда будет принуждена либо платить большие деньги за аренду новым владельцам парка, либо остаться без помещения, ибо найти подходящее невозможно.
>
> Предложенная Банком комбинация с одной стороны даст Мин. Ин. Дел приобрести за бесценок лучшую в Тегеране недвижимость, с другой стороны спасет от гибели наше Государственное предприятие Персии, для которого на днях наступает критический момент[99].

Сукин переправил телеграмму Беляева в Минфин на заключение, но получил неутешительный ответ. Разделяя соображения поверенного в делах в Тегеране, Министерство финансов тем не менее не имело возможности «предоставить необходимую для покупки его сумму в 250 тыс. туманов, так как при крайнем недостат-

ке валюты все заграничные платежи производятся в настоящее время за счет нашего золотого запаса, который необходимо всемерно сохранять, расходуя его лишь в крайних случаях на нужды обороны Государства»[100].

Михайлов еще в июле просил Сукина представить предположения о сокращении дипломатических установлений, не дожидаясь мнения Сазонова, так как вопрос «является достаточно срочным»[101]. Представленный вскоре проект нового штатного расписания МИД предусматривал временное закрытие миссий в Абиссинии, Мексике (заменялась консульством), Буэнос-Айресе, генеральных консульств в Марокко, Албании, Сиаме, консульств на о. Мальта, в Мельбурне, Мальмё, Канне, вице-консульств в Каире, Коломбо, Катании, Призрене, Скутари, а также находившейся на балансе МИД церкви в Кобурге. Однако наряду с ликвидацией ряда представительств предполагалось увеличить расходы на содержание других. Увеличение расходов объяснялось ростом цен и необходимостью, в числе прочего, выплачивать служащим прибавки к окладам. Так, планировалось увеличить расходы на содержание посольства в Вашингтоне с 96 240 зол. руб. за треть до 138 000 зол. руб., в Лондоне с 115 230 зол. руб. до 138 000 зол. руб. Предполагаемая экономия должна была составить 268 913 зол. руб.[102]

Наряду с проблемами снабжения, защиты интересов русских граждан за границей и некоторыми другими, российские дипломаты предпринимали усилия по воздействию на общественное мнение великих держав, что должно было способствовать признанию колчаковского правительства и расширению (или, во всяком случае, сохранению) поставок военного назначения. В Париже действовало уже упоминавшееся нами информационное бюро «Унион», возглавлявшееся В.Л. Бурцевым (наименее связанное с дипломатическими учреждениями), в Лондоне — «Комитет освобождения России» во главе с академиком М.И. Ростовцевым и А.В. Тырковой. Комитет издавал на английском языке еженедельник «Новая Россия» (The New Russia), редактировавшийся П.Н. Милюковым и В.Д. Набоковым. В Нью-Йорке действовало Русское информационное бюро, основанное еще при Временном правительстве, но теперь решавшее другие задачи. Во главе Русского информационного бюро стоял А.И. Зак, приступивший в марте 1919 г. к изданию еженедельника на английском языке «Сражающаяся Россия» (Struggling Russia).

Зарубежная пропаганда также требовала денег, денег и денег. Бурцевский «Унион» финансировался Омским Русским бюро печати. С мая по декабрь 1919 г. ему было переведено 500 тыс. фр.[103] К финансированию пропагандистских институций за рубежом удалось привлечь и частный капитал — так, Лондонский комитет некоторое время существовал за счет пожертвований видного предпринимателя Н.Х. Денисова, однако приходилось раскошеливаться и казне. О размерах финансирования Лондонского комитета можно судить по секретной телеграмме Сазонова управляющему МИД, в которой министр, ввиду угрозы ликвидации Комитета освобождения России за недостатком средств и учитывая его «крайнюю полезность», ходатайствовал «об ассигновании ему из Англо-Американского займа 1500 фунтов стерлингов ежемесячно на три месяца, всего 4500 фунтов стерлингов сверх уже ассигнованных ранее 33 000 долларов»[104].

Заем еще не был получен, но за деньгами уже выстроилась очередь.

Иногда МИД прибегал и к испытанному средству — оплате лоббистской деятельности в пользу антибольшевистской России. Так, «американофил» Сукин, придававший — и совершенно справедливо — особое значение отношениям с США, «совершенно секретно» телеграфировал Михайлову:

> Покидающий Омск Консул С[еверо]-А[мериканских] Соединенных Штатов г. Эмбри, относящийся с искренней симпатией к России и Российскому Правительству, изъявил желание, по приезде своем в Америку, ознакомить американское общественное мнение, путем докладов и лекций в различных городах Штатов, а также при посредстве периодической печати с положением дел в России, действительною сущностью большевизма и с программою и характером деятельности Российского Правительства.
>
> Признавая справедливым возместить г. Эмбри расходы, связанные с означенною его деятельностью, могущей принести нам значительную пользу, МИД находит необходимым выдать ему на путевые издержки и другие расходы, сопряженные с выполнением намеченной выше программы, пять тысяч (5000) американских долларов из кредита, ассигнованного на секретные расходы ведомства[105].

Возможно, г-н Эмбри и в самом деле старался принести пользу Российскому правительству. Но вот «значительной» она точно не стала. Птица была совсем не того полета.

В конце 1919 г. положение российских представителей за границей стало походить на то, что было год назад.

Командированный в Константинополь для защиты русских интересов Б.С. Серафимов с разрешения Сазонова кредитовался в Русском для внешней торговли банке по 2 тыс. турецких лир в месяц. Когда сумма долга за шесть месяцев достигла 12 тыс. лир, Банк уведомил, что «затрудняется» производить дальнейшие выдачи. В связи с этим Серафимов просил выслать ему 50 тыс. фр. на уплату части долга с тем, чтобы сохранить кредит[106]. Реакции на это обращение предпоследнего министра финансов колчаковского правительства фон Гойера нам обнаружить не удалось. Он как будто меньше был склонен финансировать заграничное представительство, нежели Михайлов, который ко всему еще и приятельствовал с Сукиным.

В тот же день, что и ходатайство Серафимова, в Минфине получили послание товарища министра иностранных дел В.Г. Жуковского, который просил перевести деньги миссии и консульству в Рио-де-Жанейро и миссии в Буэнос-Айресе. Ибо если раньше они получали средства из Вашингтона, то ныне «суммы, находившиеся в распоряжении Посла нашего в С.А. Соединенных Штатах, исчерпаны»[107].

Посланник в Бразилии А.И. Щербатской (руководивший по совместительству консульством в Чили) занял 316 ф. ст. у французского консула в Вальпараисо и 214,5 ф. ст. у уругвайского министра иностранных дел (!). По смете МИД 1917 г. на дипломатическое представительство в Бразилии и консульское в Чили планировалось отпустить 5901 ф. ст., теперь же Жуковский просил хотя бы треть — 1570,5 ф. ст.[108]

К концу 1919 г. стало понятно, что, как ни латай «дипломатический кафтан», все финансовые «прорехи» починить не удастся. Сокращения были неизбежны. Заниматься ими пришлось самим дипломатам.

Проблемы заграничного снабжения

Система закупок необходимых товаров за рубежом оставляла желать лучшего. Логика подсказывала, что заказывать надо через агентов — агента Министерства торговли и промышленности в Японии, выполнявшего одновременно обязанности финансового

ника, К.К. Миллера, военного агента в Японии генерала М.П. Подтягина, финансового агента в США С.А. Угета, но эта «элементарная точка зрения» встречала сильное противодействие со стороны уполномоченных Министерства снабжения на местах, предпочитавших, по утверждению Никольского, «заключать контракты и выступать в роли "гастролеров" за границей»[109].

Создано было множество комиссий и комитетов, однако, несмотря на это, забыли заказать шинели, что выяснилось в августе 1919 г.! Спасать отечество в Японию был направлен уполномоченный министерства, потребовавший у Никольского 1 млн иен наличными. Получив наличными 50 тыс. иен , а остальные средства — чеком, уполномоченный по прибытии в Японию не явился ни к Миллеру, ни к Подтягину, провел весело дней десять, потратив 15 тыс. иен, и вернулся несолоно хлебавши. Шинели пришлось с большим опозданием заказывать в США[110].

Видимо, это был не единичный случай. Уже весной 1919 г. Министерство продовольствия и снабжения иронически называли Министерством «удовольствия и самоснабжений»[111]. Впрочем, при самых благих намерениях недостаточный профессионализм «снабженцев», межведомственная конкуренция и, по-видимому, отсутствие ясного представления о том, что, в какой очередности и в каких количествах нужно закупать за границей, приводили к неразберихе и в конечном счете сказывались на армии.

Торговый агент в Стокгольме Б.А. Никольский (возможно, брат А.А. Никольского, во всяком случае их отчества совпадают) подытоживал свой опыт общения с представителями различных белых правительств, добиравшихся до Швеции:

> Все дела, которые пришлось лично вести, оставили глубокое убеждение, что по части сбережения народной копейки невысоко стояло управление заграничным снабжением в дни «старого режима», еще хуже при Временном Правительстве и совсем плохо в эпоху Гражданской войны. «Система» самодержавных выступлений хозяйственных ведомств, система набегов различных казенных «гастролеров» процветала. Ловкие люди ею широко пользовались. Другие годами «ликвидировали» ошибки первых[112].

«Ряд миссий и большое число представителей с различными полномочиями, — справедливо пишет А.В. Шмелев, — пытались придать заграничному снабжению организованный характер, но

самим своим количеством и противоречивыми инструкциями мешали друг другу»[113].

Под стать непрофессионализму Министерства снабжения было военное ведомство. По утверждению Никольского, военные заказывали снабжение на армию в 500 тыс. человек.

> Между тем на фронте никогда не было больше 50 000 бойцов, а в тылу не могло быть остальных 450 000 человек, даже если иметь в виду бесчисленные штабы и бесконечное количество тыловых учреждений... Не менее поражала система распределения снабжения. Склады были полны обмундирования и доставались, во время отступления, большевикам. Генерал Нокс уверял, что он должен получить высокую степень ордена красной звезды, т.к. целые части красной армии были одеты в захваченную ими английскую форму, привезенную по заказу английской военной миссии в Сибирь. И в то же время сибирские войска на фронте испытывали острую нужду в самом необходимом, были обтрепаны и разуты[114].

Сходные мысли высказывал управляющий Военным министерством, а затем военный министр генерал-лейтенант А.П. Будберг, называя, правда, другие цифры. Он считал, что «в неуспехе фронта виноваты те, которые позволили армии распухнуть до 800 тысяч ртов при 70—80 тысячах штыков; те, которые допустили хищническое расходование... бедного снабжения». Еще в июле 1919 г. он предлагал «самым беспощадным образом выжать армии, сократить все штабы и тыловые учреждения, а тогда с вопросами снабжения, при правильном их расходе и учете, можно будет справиться»[115].

Однако «выжать» армию и преодолеть нерациональное расходование столь дорого достававшегося снабжения так и не удалось.

Будберг излагал несколько иной — и, вероятно, более близкий к истине — вариант истории с генералом Ноксом. В конце июля — начале августа 1919 г. в Омске состоялось совместное совещание Российского правительства и представителей союзников по вопросу об оказании материальной помощи «белой Сибири».

> Нокс высказался очень резко, — писал участвовавший в этом совещании Будберг, — что, собственно, нам не стоит помогать, так как у нас нет никакой организации и большая часть оказываемой нам материальной помощи делается в конце концов достоянием красных. Нокс очень оби-

жен, что после разгрома Каппелевского корпуса, одетого в новое с иголочки английское обмундирование и снаряжение, перешедшее к красным, тупоумные омские зубоскалы стали называть его интендантом красной армии и сочинили пасквильную грамоту на его имя от Троцкого с благодарностью за хорошее снабжение[116].

Другой участник совещания — американский инженер полковник Дж. Эмерсон доказывал «отсутствие какой-либо нужды русских железных дорог в материалах. Они валяются, сказал он, на станциях и по путям. Вместо того чтобы провозить из-за границы, лучше все собрать и приспособить механические мастерские для переработки»[117].

Неудивительно, что союзники без особого энтузиазма смотрели на перспективы правительства Колчака.

Заметим ради справедливости, что в деле организации заграничного снабжения колчаковское правительство сталкивалось с объективными трудностями, обусловленными как внешнеполитической конъюнктурой, так и элементарным отсутствием необходимого количества валюты.

Так, спрос на оружие и боеприпасы резко упал в связи с окончанием мировой войны. И, к примеру, американской администрации было легко объяснить, почему оно уступало Омскому правительству винтовки и патроны по себестоимости, а именно по 25 долл. за винтовку и по 36 долл. за тысячу патронов[118].

Гораздо большую проблему представляла закупка обмундирования. По закону американское Военное министерство должно было продавать его по максимально выгодной цене, т.е. «на рынке». К тому же преимущество предоставлялось американским потребителям. Угет и товарищ министра снабжения и продовольствия И.Г. Знаменский, командированный в США, договорились было о приобретении обмундирования и белья на 4,5 млн долл. через Союз сибирских маслодельных артелей с внесением задатка в размере 10%. Однако в итоге эта комбинация успехом не увенчалась. Военный министр Ньютон Бейкер уведомил Угета, что все новые шерстяные вещи распродадутся в Америке, а потому он не может передать их посольству, но готов уступить ношеное шерстяное белье[119].

Время от времени в Омске вспыхивали надежды на приобретение современного вооружения, способного внести перелом в ход

боевых действий. В сентябре 1919 г. генерал Д.Г. Щербачев сообщал из Парижа «лично» Колчаку, что американское Военное министерство хочет продать оптом в руки какого-либо правительства находящиеся во Франции американские автомобили, танки, тракторы с большими запасами горючего и запасных частей. Верховный правитель наложил резолюцию: «Танки приобрести какой угодно ценой и в кратчайший срок, 15/IX-19 г.»[120]. Пыл парижан несколько остудил Новицкий, сообщив, что валюты остро не хватает, поэтому, во-первых, надо сразу же озаботиться продажей всего, что не нужно из предполагаемой партии, во-вторых, подобная сделка, как показывает опыт, требует одобрения американского правительства, а оно не всегда бывает обеспечено[121].

Вынужден был отказаться от категорического требования приобрести танки и Колчак. Новицкий сообщал Сукину в конце октября 1919 г. для передачи российским представителям в Париже: «...ныне по докладе Верховному Правителю от 23 сего октября о предстоящих платежах в иностранной валюте Верховному Правителю угодно было против пункта о приобретении указанного имущества положить следующую резолюцию: "Не допускаю расхода валюты на это имущество. Войти в сношение с Правительством С[оединенных] Штатов для получения в кредит"»[122].

Понятно, что практическое значение имела только первая часть резолюции.

Нехватка валюты, среди прочего, не позволила приобрести не только танки, но и получить неожиданное подкрепление в лице английских офицеров-добровольцев. Британские то ли энтузиасты борьбы против большевиков, то ли искатели приключений неоднократно обращались к российскому поверенному в делах в Лондоне К.Д. Набокову с просьбой принять их на службу в действующие русские армии. Ценность этого предложения заключалась в том, что среди офицеров преобладали летчики. Набоков полагал, что отказ добровольцам в приеме на службу был бы нежелателен, однако считал, что офицерам необходимо предоставить финансовые гарантии. «Ввиду того, что принятие на службу связано не только с необходимостью непосредственных расходов на обмундирование, жалование и проездные, но и с нравственным обязательством уплаты пенсии на случай расчета или увечья, — ходатайствую о принципиальных указаниях, а также об отзыве, можно ли в случае принципиального согласия на принятие таких добровольцев на службу надеяться получить необходимый кредит», — телеграфировал он в Омск[123].

С «необходимым кредитом» дело как раз обстояло неважно. К тому же в сентябре 1919 г. строптивый Набоков был отрешен Сазоновым от должности и отправлен на аналогичный пост в Норвегию.

Несмотря на отчетливо сформулированную волю Верховного правителя расходовать валюту, вырученную от продаж и «золотых слитков», только на снабжение армии, Угет все-таки подготовил записку с предложением пожертвовать еще одной частью золотого запаса для нормализации жизни тыла. Учитывая психологию адресата (по-видимому, записка предназначалась для самого Колчака), финансист писал в несвойственном ему возвышенном стиле: «Солдаты Русской армии с полной готовностью пойдут на высшие подвиги и жертвы, если будут сколько-нибудь уверены в том, что их семьи обеспечены хотя бы элементарными предметами домашнего обихода. Мысль воина не будет отвлекаться тогда от повседневной заботы о своих близких, а сосредоточится на доблестном выполнении своего долга». Угет указывал, что надежды восстановить денежное обращение после освобождения России от большевиков на основе золотого обеспечения беспочвенны, учитывая находящееся в обращении количество бумажных денежных знаков. Размеры имеющегося в наличии золотого фонда совершенно ничтожны для достижения этой цели[124].

> Приобретение же, за счет части наличного золотого запаса, необходимейших предметов домашнего обихода и элементарных орудий производства до некоторой степени будет способствовать восстановлению экономической жизни страны и трудоспособности русского народа, что неизбежно предохранит народное хозяйство от окончательного развала и, в свою очередь, поможет началу производства ценностей. За счет вновь создаваемых благ постепенно восстановится золотой запас и укрепится денежная система. В национальном движении народные массы не будут тогда видеть одни лишь малодоступные для их сознания высокие идеалы, оно станет ближе им, сделается неотделимой частью Русского народа и, будучи осознано им, неминуемо поведет к упрочению Государственной Власти по всей Российской территории[125].

Угет полагал, что другого выхода нет и предлагаемая им «крайне вынужденная мера... лишь одна еще сколько-нибудь в состоянии предупредить окончательную национальную катастрофу». Записка

Угета датирована 17 декабря 1919 г. Его рукою на тексте надписано: «Проект телеграммы, которая не была отправлена ввиду событий в Сибири»[126].

Катастрофа, о которой предупреждал Угет и приближение которой ни для кого не было секретом, разразилась быстрее, чем предполагали участники событий, и все-таки застала их врасплох.

Спасти золото!

Впрочем, «катастрофа Белого движения в Сибири», как впоследствии назвал свою мемуарную книгу один из участников событий, застала врасплох не всех. Надвигающийся крах был, возможно, лучше виден издалека: российские дипломаты после сдачи Омска заговорили о необходимости передачи верховной власти генералу Деникину. Другая проблема, которая волновала дипломатов, поставивших крест на правительстве Колчака, — судьба золотого запаса, этого единственного надежного материального ресурса антибольшевистского движения.

«С отходом из Омска Сибирское управление, по-видимому, получает в значительной мере местный провинциальный характер», — писал Бахметев Маклакову в начале декабря 1919 г. Посол в Вашингтоне полагал, что пора предпринять «активные шаги» для перенесения на Юг «центра верховного государственного действия». Ко всему Бахметев опасался усиления японского влияния — это казалось ему неизбежным в той ситуации, в которой оказалось правительство Колчака. «Вообще, кругозор Сибири крайне узок, и все происходящее в мире невольно рассматривается сквозь желтую призму». Передача власти — скорее символа верховной власти — на Юг представлялась ему уже недостаточной. Он считал, что «единственным местом, откуда свободно, без подчинения местным влияниям и с полной ясностью кругозора можно направлять национальную политику России, является какой-либо заграничный центр — Лондон, Париж — безразлично». «В связи с этим я думаю, что время приспело, когда необходимо С.Д. Сазонову, как министру иностранных дел, громко сказать свое слово и узурпировать власть», — предлагал выход из положения Бахметев[127].

Во второй половине ноября Бахметев, по согласованию с Сазоновым, начал переговоры с Госдепартаментом о том, чтобы американское правительство приняло на сохранение российский золотой запас. По-видимому, колчаковское правительство в известности

о переговорах поначалу поставлено не было. Причина того, почему в качестве возможного гаранта сохранности золота было избрано именно американское правительство, очевидна: правительства Великобритании и Франции наложили секвестр на российские деньги и имущество, находившиеся на территории их стран; они же были крупнейшими кредиторами России. Что же касается США, то американская администрация проводила в отношении российской собственности гораздо более либеральную политику и фактически встала на путь сотрудничества с посольством. К тому же Бахметев имел, пожалуй, наиболее тесные и «доверительные» (по одному из его излюбленных выражений) отношения с дипломатическим ведомством страны пребывания, нежели любой другой из российских послов.

Проблема заключалась не только (и не столько) в том, чтобы американцы согласились взять золото под охрану. Российские дипломаты хотели получить гарантии того, что золотом можно будет впоследствии распоряжаться в интересах «национального движения». Похоже, что и российские, и американские дипломаты считали Колчака «отыгранной картой». Но вот вопрос о том, кто станет его преемником и кто будет определять, что та или иная антибольшевистская группировка на самом деле является выразителем интересов «национальной демократии», оказался камнем преткновения.

В обширном письме заместителю государственного секретаря Брекенриджу Лонгу, написанном вскоре после их встречи и устных переговоров, Бахметев привел целую систему аргументов, основанных на логике и практике, но вряд ли выдерживающих критику с юридической точки зрения. Российский посол напоминал, что Соединенные Штаты де-факто признали право Колчака распоряжаться золотом. Американское правительство заключило контракты на продажу «некоторых материалов» под залог золота, дипломатично писал посол, не называя вещи — винтовки и патроны — своими именами. Следовательно, нет никаких причин не признать права другого правительства, аналогичного колчаковскому, распоряжаться золотом в интересах «национальной борьбы в целом»[128].

Раз Соединенные Штаты признали Колчака символом «национального лидерства», признали его право распоряжаться золотом, вплоть до права передать его под охрану иностранному правительству, логичным будет признать его право назначить некую коллегию доверенных лиц, наделенную правом определять, когда и как

преемник Колчака и его правительства получит право распоряжаться золотом в общенациональных интересах. В разговоре с Бахметевым Лонг сказал, что возможность передачи золота под охрану американского правительства определяется тем, имеют ли российские деятели безоговорочное доверие к правительству США или нет. Бахметев не согласился с такой постановкой вопроса: «Независимо от полного доверия Вы можете легко понять, что ни один ответственный российский государственный деятель не может себе позволить передать без определенных условий национальное достояние любой стране или иностранному правительству»[129].

Пока Бахметев вел переговоры с Госдепартментом, Сазонов связался с колчаковским правительством. 26 декабря 1919 г. он телеграфировал послу в Вашингтоне:

> По вопросу о золоте я уже снесся с Иркутском, принципиально получил ответ, что Правительство примет решение по прибытии Верховного Правителя. Замен и Рафалович считают, что во избежание возможного секвестра золото надо отдать на хранение не какому-нибудь правительству, а частным банкам и на имя доверенных частных лиц[130]. В ожидании окончательного ответа Иркутска благоволите доверительно выяснить, согласится ли американское правительство случае надобности оказать нам этом содействие и обещать нам, что, если золото будет передано на хранение крупным американским банкам, на него не будет наложено ни секвестра, ни взыскания[131].

Бахметев немедленно ответил, что опасаться секвестра со стороны правительства не следует, «однако имеется риск, что на золото может быть наложен запрет в судебном порядке по ходатайствам частных лиц, причем правительство в силу независимого положения судебной системы не сможет вмешиваться». Поэтому посол считал желательным прямое соглашение с правительством. В то же время «в доверительном разговоре» выяснилось следующее: «Американское Правительство готово принять золото на хранение в качестве дружеской услуги России, однако не берет на себя доставку золота во Владивосток, так как не желает быть вынужденным к вооруженному отпору в случае нападения со стороны атаманов. Провоз до моря должен быть обеспечен защитой чешских или иных войск». Однако самый трудный вопрос, полагал Бахметев, — «в чьем распоряжении будет золото до признания [российского. — *О.Б.*] Правительства»[132].

В конечном счете Бахметев совместно с чиновниками Госдепартамента выработал формулу, согласно которой американское правительство соглашалось, в интересах русского народа, взять под охрану золото, находящееся в распоряжении главы Омского правительства — адмирала Колчака. Прежде чем передать золото — частично или полностью — кому бы то ни было, американское правительство должно было провести консультации с российским министром иностранных дел, входящим в правительство, представляющее «так называемое национальное движение», а также с российскими послами в Соединенных Штатах и Франции. В тот момент это означало, что в качестве консультантов американского правительства должны были выступать Сазонов, Бахметев и Маклаков. Формула была направлена на утверждение президента Вильсона.

> Второй абзац, намеренно составленный в весьма общих выражениях, — пояснял Бахметев, — дает основания для использования золота до признания правительства. Однако Америка не согласна обязаться подчиняться представлениям трех уполномоченных и настаивает на сохранении за собой права окончательного решения. Не скрою, что в случае принятия формулы использование золота до признания правительства будет сопряжено с известными затруднениями[133].

Бахметев хотел добиться выделения части золота в свободное распоряжение «при окончательных переговорах в Иркутске». Он не мог предвидеть, что существовать Российскому правительству осталось пять дней и что переговоры в Иркутске в ближайшие дни будут вестись не с американскими дипломатами, а с представителями социалистического Политцентра — о передаче власти.

Не мог он знать и о том, что главные «затруднения» в вопросе о сохранении золотого запаса заключались не в выработке компромиссной формулы, а в «техническом» моменте — доставке золота к морю. 25 декабря поезд Верховного правителя, так же как поезд с золотым запасом, был блокирован на станции Нижнеудинск. Директориальное правительство, намеревавшееся обсудить с адмиралом по его прибытии в Иркутск вопрос о передаче золотого запаса под охрану правительства США, 5 января 1920 г. было свергнуто, а часть его министров арестована. Адмирал Колчак прибыл (точнее, был доставлен) в Иркутск 15 января под конвоем солдат унтер-офицерской школы, перешедших на сторону Политцентра, руководившего

антиколчаковским восстанием. Колчак, еще 4 января 1920 г. собственным указом передавший Верховную всероссийскую власть генералу Деникину, а атаману Семенову — «всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной Окраины», послужил для союзников разменной монетой. Его фактически обменяли на право беспрепятственного проезда во Владивосток[134].

Похоже, что для восставших большую ценность представлял золотой запас, чем отставной верховный правитель. Представитель Политцентра говорил 4 января 1920 г. на переговорах с колчаковским правительством об условиях передачи власти: «Самое главное, это отдать в наши руки все ценности, которыми располагает Правительство»[135]. В руках Политцентра оказались и золотой запас, и адмирал Колчак. Однако, как и власть, ненадолго. Социалистов сменили коммунисты. В ночь на 7 февраля адмирал Колчак и последний премьер-министр его правительства В.Н. Пепеляев были расстреляны на берегу реки Ушаковки, а их еще не остывшие тела были спущены в прорубь.

Золотой запас находился в Иркутске под совместной охраной красногвардейцев и чехов до 4 марта 1920 г. После чего перешел в безраздельное владение большевиков[136].

Перевод денег на личные счета

В условиях развала колчаковского режима последний министр финансов Российского правительства Бурышкин успел принять меры для сохранения денежных средств, полученных в результате операций с золотом. Павел Афанасьевич Бурышкин, которому пришлось сыграть решающую роль в том, что средства, числившиеся за колчаковским правительством, не попали в руки его противников или сомнительных союзников, вроде атамана Семенова, был, как и многие деятели революционной эпохи, сравнительно молодым человеком. В 1919 г. ему исполнилось 32 года. Однако к этому времени он успел закончить два высших учебных заведения (юридический факультет Московского университета и Московский коммерческий институт) и прошел серьезную деловую школу. Будучи выходцем из состоятельной купеческой семьи, он смолоду был занят в семейном бизнесе (в 25-летнем возрасте стал директором Товарищества торговли мануфактурными товарами «А.В. Бурышкин»), был совладельцем ряда страховых и финансовых ком

ний и принимал участие в руководстве их деятельностью. Неоднократно избирался в различные представительные органы российского бизнеса, был, среди прочего, старшиной Московского биржевого комитета, членом Совета съездов представителей промышленности и торговли.

Бурышкин был также довольно заметным общественным и политическим деятелем — гласным Московской городской думы, членом московской группы ЦК Прогрессивно-экономической партии, членом редакционного комитета газеты «Утро России». В период Первой мировой войны Бурышкин был товарищем председателя Всероссийского союза городов, членом Центрального и Московского военно-промышленных комитетов. В 1917 г. Бурышкин — товарищ Московского городского головы, участник Государственного совещания, в октябре 1917 г. возглавлял торгово-промышленную группу в Предпарламенте (Временном Совете республики). Его кандидатура дважды рассматривалась для назначения на пост министра промышленности и торговли во Временном правительстве, но в одном случае он отказался из солидарности с ушедшим в отставку министром А.И. Коноваловым, в другом против его назначения выступили собратья по «торгово-промышленному классу», недовольные его участием в «эсеровской» городской управе Москвы. Бурышкин принимал участие в борьбе с большевиками с первых дней Октябрьского переворота. Входил в различные антибольшевистские объединения — Правый центр, затем в кадетский Национальный центр. Летом 1918 г. пробрался на Юг, к генералу Деникину. Весной 1919 г. был направлен Национальным центром в Сибирь. В Омске он вошел в состав Государственного экономического совещания, затем стал начальником Главного управления заграничных заготовок (Главзаграна), а в ноябре 1919 г. — министром финансов в правительстве В.Н. Пепеляева[137].

Было очевидно, что в случае падения колчаковского правительства — а в том, что это произойдет в ближайшее время, мало кто мог сомневаться — счета правительства за границей, ставшие бесхозными, будут арестованы. Единственным выходом в этой ситуации Бурышкину представлялся перевод государственных средств на личные счета российских финансовых агентов.

Во второй половине ноября в Сибири еще не было известно о начавшемся стремительном отступлении войск Деникина, и Бурышкину, как и некоторым другим членам правительства, казалось необходимым обеспечить передачу средств (прежде всего золото-

го запаса), находившихся в распоряжении Колчака, под контроль Деникина. Заручившись поддержкой А.А. Червен-Водали, исполнявшего за отъездом Пепеляева и его заместителя С.Н. Третьякова обязанности премьер-министра, Бурышкин вошел в Совет министров с представлением о необходимости ввиду тревожного положения предоставить ему «чрезвычайные полномочия по охране ценностей, находящихся на счетах министерства финансов за границей». Бурышкину было предоставлено право определить порядок хранения по собственному усмотрению и проинформировать Совет министров о принятых мерах post factum[138].

Позднее Бурышкин признавался, что ему пришлось «законспирировать внешне некоторые стороны своих предположений». Очевидно, он предполагал, что его идея о переводе казенных средств на личные счета может не встретить поддержки среди его коллег. Мысль о необходимости принять меры для обеспечения сохранности средств в случае падения правительства Колчака, разумеется, приходила в голову не одному Бурышкину. На это же «настойчиво указывал» в декабре 1919 г. К.Е. фон Замен[139].

В конце декабря 1919 г. Бурышкин отправил телеграммы в Токио — К.К. Миллеру, в Нью-Йорк — С.А. Угету и в Лондон — К.Е. фон Замену, в которых сообщал, что он дал «весьма конфиденциальное» указание директору Кредитной канцелярии во Владивостоке А.А. Никольскому «поставить все суммы инотдела» в Японии, Англии и во Франции в их распоряжение. Проект телеграммы был составлен В.И. Новицким и отредактирован министром. Бурышкин сам определил, кому из финансовых агентов он решится доверить распоряжение казенными деньгами.

Телеграмму в соответствии с распоряжением министра отправил Никольский. Чтобы не допустить утечки информации, он передал ее через английскую военную миссию. Использовав шифр миссии, под видом ее служебной телеграммы он передал приказ англо-американскому синдикату перевести всю выручку от золотого займа на счета Замена и Угета. Телеграмма была передана через Гонконг-Шанхайский банк, в котором и был размещен золотой депозит. В телеграмме говорилось:

> Поставьте их [суммы инотдела. — *О.Б.*] на особые частные счета ваши в банках, пользующихся наибольшим доверием, и примите все меры к сохранению этих сумм, в случае наступления неблагоприятных политических [событий]; фактическое распоряжение счетами должно произво

диться вами пока лишь по получении платежных приказов иностранного отделения, ввиду того что вся политика министерства финансов направлена к сосредоточению распоряжения валютою в одних руках. При разнородности притязаний со стороны разных правительств, ведомств и посольств, иной порядок невозможен, так как лишает возможности строить какие-либо предположения о покрытии расходов на будущее. Все финансовые агенты будут уведомлены о заключенных нами контрактах и суммах, ассигнованных на содержание заграничных установлений, и если наступят крайние внешние обстоятельства, они должны будут распоряжаться самостоятельно в государственных интересах находящимися в их ведении суммами, согласуя свою деятельность с указаниями Бернацкого[140].

При определении лиц, на которых он намеревался возложить «тяжелое бремя ответственности», Бурышкин руководствовался отнюдь не личными предпочтениями (он хотел исключить какое-либо «усмотрение»), а объективными, как ему казалось, критериями, а именно:

1. Эти лица должны были быть связаны с Министерством финансов прежнего времени (до октября 1917 года) и занимать и ранее положение, делавшее естественным исключительное к ним доверие.
2. Они должны были иметь достаточный навык к самостоятельной ответственной деятельности.
3. Эти лица должны были пользоваться значительным авторитетом в правительственных кругах тех стран, где протекала их деятельность.
4. Эти лица не должны были входить в число непосредственных деятелей Министерства финансов в Сибири, дабы не создать впечатления, что передача сумм сопровождается какими-либо частными посторонними делу соображениями или соглашениями между ответственными лицами и исполнителями[141].
5. Они должны были трезво оценивать положение в России после большевистского переворота и быть исключительно преданными Белому движению[142].

В доказательство объективности своего выбора, а также того, что это был именно выбор, а не наделение полномочиями всех российских финансовых агентов за границей, Бурышкин приводил два аргумента. Во-первых, из трех уполномоченных им агентов он лично знал к тому моменту лишь фон Замена, руководствуясь в

отношении Миллера и Угета имевшейся у него независимой информацией; во-вторых, в число доверенных лиц не попал старейший российский финансовый агент А.Г. Рафалович, «к финансовому авторитету и к личным качествам коего я всегда относился с величайшим уважением», подчеркивал Бурышкин[143].

Похоже, однако, что превентивные меры для спасения казенных средств за границей были приняты российскими финансистами еще до получения телеграммы Бурышкина. 13 декабря 1919 г. российский поверенный в делах в Лондоне Е.В. Саблин телеграфировал Маклакову: «Замен едет в начале будущей недели. Его присутствие здесь оказалось необходимым, дабы урегулировать вопросы о казенных суммах, каковые, не исключая и сумм золотого займа, рисковали быть арестованными Английским Правительством в случае осложнений в Сибири. Дабы избежать повторения событий начала 1918 года, когда находившиеся на текущих счетах Посольства и других официальных учреждений в Лондоне суммы были арестованы по распоряжению здешнего Казначейства, мы предприняли ряд шагов, которые, по-видимому, увенчались успехом»[144]. Детали предпринятых Заменом «шагов» мы рассмотрим немного позднее[145].

По-видимому, опасениями за судьбу казенных сумм в случае падения правительства Колчака объяснялись и действия российских представителей в США. 24 декабря банкирскому дому Киддер, Пибоди и Ко. было направлено, за подписями Б.А. Бахметева и С.А. Угета, распоряжение об открытии счета на имя Угета, российского финансового атташе («S. Ughet, Russian Financial Attache»), и о перечислении на этот счет всех средств, находившихся на счету Омского правительства, открытого 18 декабря. В письме от 27 декабря Киддер, Пибоди и Ко. уведомляли своих клиентов, что 15 662 500 долл. переведены на счет Угета[146].

В общей сложности в результате операций с золотом и серебром было получено около 190 млн зол. руб. в иностранной валюте. Из них около 90 млн руб. было израсходовано к концу декабря 1919 г. и приблизительно 100 млн руб. находилось в распоряжении Министерства финансов. Часть этой суммы находилась на счетах агентов Российского правительства за границей, большая же часть значилась за Иностранным отделением. Операции по переводу наличности продолжались до середины января 1920 г., когда «атаман Семенов запретил что бы то ни было переводить из Владивостока и объявил, что нарушение этого распоряжения будет рассматри-

ваться как нарушение боевого приказа». Однако к этому времени Никольскому, по его словам, удалось перевести «нашим представителям за границей... почти всю нашу валютную наличность». На счетах Иностранного отделения осталось в общей сложности не более одного миллиона иен[147].

Точность воспоминаний Никольского подтверждается документами, сохранившимися в фонде Кредитной канцелярии. Атаман Семенов, получив по «акту отречения» Колчака «всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской восточной окраины», немедленно взял под контроль остатки казенных средств и направил грозную телеграмму в Российское консульство в Харбине на имя Никольского:

> В порядке статьи 94 положения о полевом управлении войск приказываю первое немедленно по телеграфу донести: наличность валюты по займу в пятьдесят миллионов рублей и суммы от продажи золота. Подробный отчет в израсходовании немедленно выслать мне в Читу нарочным второе не расходовать имеющейся в распоряжении Иностранного Отдела валюты без моего разрешения[148].

Вопрос о 50-миллионном займе был особенно пикантен, ибо не кто иной, как Семенов захватил часть золота, отправленного во Владивосток для дальнейшей пересылки в Японию в обеспечение второй части кредита. Как бы то ни было, теперь Семенов был уже не читинский Соловей-разбойник, а назначенный Колчаком глава военной и гражданской власти. Почему и получил исчерпывающие сведения от исполнявшего в тот момент обязанности директора Кредитной канцелярии Скерста:

> Наличность Инотдела от реализации золота 17 января в тысячах: иены касса 3 Синорус 16 Гонконг-Шанхайский 9 Йокогама Спеши 592 Сибирский 1 Чозен 305 мексиканские доллары Синорус 25. Кроме того аккредитовано по военным заказам иен 1950 депонировано иностранным банкам за сибирские знаки на подкрепление кассы Госбанка иен 300 тысяч и у финансовых агентов за границей иен 2535 долларов 549 франков 21 603 мексиканских [долларов] 450. В указанные сведения не вошли сделанные переводы финансовому агенту Токио иен 550 и 700 проведенные частью за счет наличности, частью за счет ожидаемого кредитования Йокогама Спеши банка. Двадцатимиллионный заем Японии использован полностью в счет тридцатимиллионного соответственно сданному коли-

честву золота получено 8 300 000 иен. Подготовительные работы по отчету Инотдела за 1919 год исполняются[149].

30 января 1920 г. в результате бескровного переворота власть во Владивостоке перешла в руки Приморского земства, ведущую роль в котором играл блок социалистических партий. К этому моменту в результате продаж и депозитных операций почти все золото в слитках и монете, находившееся в распоряжении Иностранного отделения во Владивостоке, было отправлено за рубеж. Приморской земской управе достались лишь 514 ящиков с неаффинированным золотом, весом около 2000 пудов. Аффинаж предполагался в Шанхае, но к нему так и не успели приступить. Кроме того, в руки «земцев» попало некоторое количество серебряной монеты и платины, а также остатки депозитов золота во Владивостокских отделениях Гонконг-Шанхайского (на 500 тыс. долл.) и Русско-Азиатского (на 503 тыс. долл.) банков. И были ими, разумеется, потрачены[150].

Соглашение о самом крупном «золотом займе» было заключено колчаковскими финансистами поздно, слишком поздно... Воспользоваться кредитом Российскому правительству уже не пришлось. Суммы в различной иностранной валюте, составлявшие в эквиваленте около 100 млн зол. руб., оказались на счетах российских финансовых агентов и дипломатов за рубежом. Началась новая глава в истории «колчаковского золота» — уже без Колчака. Вряд ли кто-нибудь мог тогда вообразить, что «дописана» эта глава будет почти через 40 лет.

Глава 4

БАХМЕТЕВСКИЕ МИЛЛИОНЫ

После большевистского переворота американское правительство, в отличие от британского и французского, не стало налагать секвестр ни на деньги, остававшиеся на счетах российских дипломатических и заготовительных организаций, ни на заготовленное, но еще не отправленное в Россию имущество. Таким же образом повело себя и японское правительство. Разница заключалась в том, что если в Японии покушаться практически было не на что, то в США в распоряжении Российского посольства оставалось около 500 тыс. тонн различного имущества гражданского и военного назначения[1]. Общая стоимость материальных ценностей, находившихся под контролем посольства с 1 декабря 1917 по 1 января 1920 г., составляла около 160 млн долл. Ц. Фоглсонг пишет, ссылаясь на различные архивные материалы, что инвентарная стоимость имущества на 1 мая 1918 г. составляла 167 825 425 долл. По-видимому, здесь какая-то путаница, ибо, согласно отчету отдела по снабжению, 1 мая 1918 г. на его баланс поступило имущество на сумму 125 362 407 долл. 62 цента[2]. Следует учитывать, что заказанное ранее имущество продолжало поступать в распоряжение русских заготовительных организаций и после прихода к власти большевиков, увеличивая тем самым стоимость «посольских фондов».

Кроме того, вскоре после большевистского переворота на специальные счета российского посла Б.А. Бахметева в National City Bank of New York было переведено более 56 млн долл. — остатки американских и британских кредитов Временному правительству. Как мы уже знаем, немалая часть денег, вырученных от продажи золота и платины или полученных под залог золота для приобретения винтовок, патронов и пулеметов, должна была быть израсходована в США. Наконец, на счета российского финансового агента С.А. Угета поступили суммы, вырученные от реализации

самого крупного «золотого займа» колчаковского правительства — 22,5 млн долл.

Девять лет спустя после падения Временного правительства смета на содержание опустевших зданий Российского посольства в Вашингтоне составляла 460 долл. на сентябрьскую треть (т.е. на последние четыре месяца года), а именно: содержание дворника из расчета 75 долл. в месяц, уборщика — 10 долл. в месяц и ночного сторожа — по 5 долл. в месяц. Еще 100 долл. предполагалось потратить на оплату электричества, газа, воды и другие хозяйственные нужды[3].

Каким же образом были потрачены «бахметевские миллионы», как называла эмигрантская печать средства, находившиеся в распоряжении российского посольства? Оказало ли посольство всю возможную помощь Белому движению? Верны ли слухи о злоупотреблениях или, по крайней мере, о нерациональном расходовании средств, упорно муссировавшиеся современниками?

* * *

Прежде чем перейти к анализу финансово-экономической и политической деятельности Российского посольства в Вашингтоне в период Гражданской войны, рассмотрим вкратце «историю вопроса».

Если в начале Первой мировой войны главным зарубежным «арсеналом» России была Великобритания, то в 1916—1917 гг. все больше вооружений и других видов снабжения заказывалось в США. Британская промышленность не справлялась даже с исполнением заказов собственной армии, не говоря уже о заказах союзников. Российские заказы в США размещались в основном за счет британских кредитов. О масштабах заготовительной деятельности могут дать представление следующие цифры.

В 1917 г. число служащих Русского заготовительного комитета в Америке, включая канцелярию и 11 отделов, достигло 1147 человек. На его содержание было ассигновано 3 960 910 долл. 68 центов[4]. На 1 сентября 1917 г. численность военных, военно-морских и гражданских служащих Русского заготовительного комитета составляла 1248 человек с месячным бюджетом в 500 тыс. долл. В ноябре 1917 г. его численность сократилась до 1000 человек[5]. Всего за годы войны в США было размещено заказов, по данным начальника Главного артиллерийского управления русской армии генерала А.А. Маниковского, на 1287 млн долл.[6]

В апреле 1917 г., после вступления США в войну и свержения самодержавия, России открылся (точнее, приоткрылся) для займов и американский финансовый рынок. Ранее российским займам в США препятствовали, во-первых, американский нейтралитет, во-вторых, антисемитская политика царского режима. Это привело, под давлением американских еврейских организаций, к денонсации Русско-американского торгового договора в 1911 г.[7] Теперь оба препятствия исчезли. Более того, Соединенные Штаты первыми признали Временное правительство, пришедшее к власти в России после свержения самодержавия. Однако с переговорами о займах надо было поторопиться: за океан немедленно отправились британская и французская делегации с целью заключения соглашения о кредитах. Между тем Россия оказалась на некоторое время даже без старшего дипломатического представителя в Вашингтоне. Посол Г.П. Бахметев подал в отставку.

Первый посол демократической России. Деятельность Б.А. Бахметева в оценке американской историографии

Надо было срочно отправлять миссию в США, чтобы добиться предоставления кредитов и, разумеется, назначить нового посла. В апреле 1917 г. руководитель Чрезвычайной миссии в США (которому предстояло занять и посольский пост) был определен. Им стал не профессиональный дипломат, а инженер, профессор Политехнического института в Петрограде, товарищ (заместитель) министра промышленности и торговли Временного правительства Борис Александрович Бахметев (однофамилец предыдущего российского представителя). Посол был необычно молод для дипломата его ранга — к моменту прибытия в США ему исполнилось 37 лет. Главной задачей посла было добиться получения кредитов и обеспечить бесперебойные поставки снабжения из-за океана. Назначение было не случайным. Бахметев был хорошо знаком с американскими реалиями и отлично знал английский язык. В 1904—1905 гг. он проходил в США профессиональную стажировку, готовясь к будущей преподавательской деятельности, а в 1915—1916 гг. был представителем в США Центрального военно-промышленного комитета, установил связи с американскими деловыми кругами[8].

Не вдаваясь в подробности деятельности Бахметева до большевистского переворота, заметим, что особенных успехов в получении кредитов он не достиг, на что были вполне «уважительные»

причины — крайне нестабильное положение Временного правительства, неудачи русской армии на фронте, ее стремительно прогрессирующее разложение. Все это внушало серьезные сомнения в способности заемщика эффективно использовать полученные средства.

В начале ноября 1917 г. худшие опасения союзников подтвердились. К власти в Петрограде пришли люди, которых сначала сочли всего лишь германскими агентами. Две с половиной недели спустя после большевистского переворота американское правительство подтвердило дипломатический статус российского посла в Вашингтоне, признав его настоящим представителем России, в отличие от большевиков. Более четырех с половиной лет, вплоть до своей отставки в июне 1922 г., Бахметев оставался в статусе признанного посла несуществующего правительства. Важнейшим следствием этого «повторного признания» стала возможность распоряжаться российским имуществом в США и в меньшей степени — деньгами.

Вопрос об использовании посольством американских кредитов, так же как о судьбе имущества, проданного или отправленного посольством в Россию, стал предметом разбирательства в Конгрессе в 1921—1922 гг. и послужил последней каплей, вынудившей Бахметева уйти в отставку. Крайне недовольны политикой Бахметева оказались и некоторые лидеры Белого движения, получившие из-за океана различные предметы снабжения на десятки миллионов долларов. Единственный российский посол, оказавший белым серьезную материальную помощь, считался многими из них противником Белого движения, едва ли не главным виновником его неудачи.

«Обвинительный уклон» в отношении Бахметева и в особенности вильсоновской администрации характерен для работ некоторых американских историков. Правда, мотивы критического отношения к деятельности российского посла и сотрудничавшей с ним американской администрации прямо противоположны тем, которыми руководствовались его критики из стана белых. Еще Ф. Шуман отчетливо продемонстрировал, что между посольством и Белым домом существовало сотрудничество и что часть американских кредитов шла на поддержку Белого движения. Причем без обязательного в таких случаях согласования с представительными органами власти[9].

Если Шуман указал на несомненную кооперацию Российского посольства и американского правительства, то сорок лет спустя

американский историк-«ревизионист» Р. Мэддокс пошел еще дальше, заявив, что американская политика в отношении России делалась в Российском посольстве в Вашингтоне[10]. Посольство, указывал он, служило удобным каналом перевода средств и поставок снабжения антибольшевистским силам в России. Более осторожно пишет Л. Киллен, считающая, что Бахметев «не делал русскую политику Америки. Он пытался, и с определенным успехом, влиять на формулирование этой политики»[11].

По мнению Мэддокса, правительство США продолжало признавать посольство не только потому, что рассматривало установление большевистской диктатуры как временное явление, как еще один этап бурных изменений в России, на смену которому придет период нормализации, — поэтому не следовало торопиться с ликвидацией дипломатического статуса Бахметева, представлявшего эту гипотетическую стабильную и демократическую Россию. С самого начала вильсоновская администрация рассчитывала использовать посольство в целях борьбы против большевистского режима. Именно для этого *как бы в распоряжении* Бахметева были оставлены денежные средства и заготовленные российскими представителями материалы. Однако на самом деле он не мог использовать их без предварительного одобрения Госдепартамента и Министерства финансов США, т.е. фактически материальные ресурсы посольства служили средством проведения политики американского правительства. Используя посольство как прикрытие, формально нейтральная администрация могла оказывать помощь антибольшевистским силам[12].

Мэддокс считает, что все тем же прикрытием незаконных операций были последовавшие позднее объяснения администрации, что право распоряжаться средствами на счетах посольства и уже оплаченным имуществом, вплоть до его продажи, было дано Бахметеву и его сотрудникам в интересах американских бизнесменов. Версия администрации заключалась в следующем. От имени Временного правительства были заключены сотни контрактов с американскими предпринимателями, причем контракты находились на разных стадиях выполнения. Внезапный отказ от финансирования нанес бы серьезный ущерб добросовестным предпринимателям, и администрация хотела не допустить этого или минимизировать их потери. Поэтому и счета Российского посольства назывались «ликвидационными». Посольство должно было ликвидировать контракты, оплатить уже произведенную продукцию,

выплатить неустойки или иным образом урегулировать отношения с фирмами, которым были сделаны заказы. На самом деле были отменены отнюдь не все заказы. Так, остался в силе контракт с фирмой Ремингтон на производство 245 тыс. винтовок, несмотря на то что первая партия должна была поступить в распоряжение посольства лишь в июле 1918 г. Правительство в дальнейшем продолжало поддерживать кредитоспособность посольства, убедив, к примеру, частных инвесторов отсрочить требования выплаты процентов по российским государственным обязательствам[13].

Наиболее подробно рассмотрел роль посольства и лично Бахметева в американской политике Д. Фоглсонг, затронув в том числе проблемы финансовой и материальной помощи антибольшевистским силам[14]. Всего, по подсчетам Фоглсонга, через посольство было проведено финансирование закупок для нужд белых армий на сумму, превышающую 50 млн долл. «Использование российского посольства как канала для помощи антибольшевистским движениям позволило вильсоновской администрации избежать запросов на финансирование этих целей у Конгресса и способствовало тому, что эта помощь оставалась скрытой от прессы и американского народа», — пишет Фоглсонг[15].

По мнению Фоглсонга, несмотря на утрату президентом Вильсоном и его советниками доверия к Временному правительству (ввиду допущенных им грубых просчетов и неумелости), чиновники Госдепартамента сохранили свою высокую оценку посла Бахметева.

> После большевистской революции общий антибольшевизм сцементировал связь между Лансингом и Бахметевым. Государственный секретарь часто ссылался на мнения Бахметева, в особенности в противостоянии «раздроблению» России на «отдельные государства». В своих мемуарах Лансинг яркими красками рисует, как Бахметев «вел себя и дела своего посольства с тактом и сдержанностью, так что, когда он оставил свой пост... он сохранил уважение и доброжелательность многочисленных друзей, приобретенных им за время своей посольской карьеры».

Столь же высоко оценивал Бахметева заместитель Лансинга Фрэнк Полк, считавший посла «чрезвычайно полезным» представителем России[16].

Оценивая деятельность Бахметева и его партнеров в администрации президента Вильсона, Фоглсонг пишет:

> Российское посольство играло решающую двойную роль в тайной войне администрации против большевизма. Посольство выполняло функцию публичного символа «Настоящей России», которая, как надеялась вильсоновская администрация, появится из хаоса Гражданской войны. В то же время посольство служило тайным каналом для снабжения антибольшевистских сил, чего администрация не могла осуществлять открыто и напрямую, так как опасалась оппозиции в обществе и критики в Конгрессе. Бахметевские «такт и сдержанность», превознесенные Лансингом, помогли Вашингтону сохранить веру в «Россию», в то время как тайная поддержка антибольшевистских движений повлекла за собой подрыв веры в демократические процедуры в Америке[17]

Парадоксально, но деятели Белого движения оценивали политику посольства совсем по-другому. Отчасти это объяснялось независимым поведением посла и его несколько (а иногда и совсем) иными, нежели у лидеров Белого движения, представлениями о том, какой должна быть новая, освобожденная от большевиков Россия. «Историку... придется решать, — писал автор одного из некрологов Бахметева, — кто был прав в некотором расхождении, возникшем между руководителями "белого движения" и Б.А. Бахметевым: они ли, хотевшие, чтобы он стал *их* дипломатическим агентом, или он, считавший, что может принести больше пользы, если останется в глазах американцев носителем идеи свободной России, которая "была и будет". Это не значит, конечно, что он отказывался помогать тем, кто боролся с большевиками на русской территории. Вероятно, все возможное в условиях того времени было им сделано. Но во многом он не одобрял политики руководителей "белого движения" и хотел сохранить свою от них независимость»[18].

Этого не отрицал бы и сам Бахметев; в начале 1921 г. он писал П.Н. Милюкову: «...никто из послов не держал себя более независимо по отношению к национальным правительствам и избегал солидаризироваться с ними». Однако посол категорически отвергал обвинения в «саботаже»[19].

Попробуем разобраться, какую помощь оказало Российское посольство в Вашингтоне антибольшевистским силам, соответствовала ли эта помощь его возможностям и, с другой стороны, каким образом сложилась репутация Бахметева как противника Белого движения.

Бахметев и Белое движение: Репутация

В начале 1950-х гг., уже после смерти Бахметева, у В.А. Маклакова завязалась переписка с вдовой генерала Деникина, Ксенией Васильевной. Главным предметом обсуждения оказался бывший российский посол в Вашингтоне. Генеральша считала его едва ли не главным виновников неудачи Белого движения, скрытым социалистом и честолюбцем. Она пыталась выяснить у Маклакова причины влиятельности Бахметева («ведь он был новичок в дипломатическом корпусе»), а также ряд вопросов, касающихся финансовых средств, которыми распоряжались послы.

«Влияние Бахметева в Политическом совещании было, конечно, большим, — соглашался со своей корреспонденткой Маклаков. — И не в том дело, что в известный короткий период он один мог располагать деньгами, необходимыми для всех; они у него были, и американское правительство тратить их разрешало. Но это было только первое время, хотя и самое острое. Его преимущество было в другом; конечно, дипломат он был "свежий"; время "дипломатии" тогда отошло на задний план. Было время "политиков" То, что Бахметев не был настоящим дипломатом, ему скорее помогало; он был деловым человеком, техником и представителем Военно-промышленного комитета. Это было авторитетнее для Америки, чем профессиональный дипломат»[20].

Маклаков пытался мягко втолковать генеральше, что в том положении, в котором оказалась Россия, ошибки (если они были) дипломатов или генералов вряд ли могли быть решающими:

> Возможно, что и Бахметевым и нами всеми отдельные ошибки были сделаны. Но положение России было безнадежно с тех пор, как Февральская революция — объявила, что война не будет «предлогом» для отсрочки реформ... Не под силу никому, даже А.И. Деникину, было без помощи союзников восстановить Россию, но в то [же] время помешать нашим соседям поживиться за счет России. Я сказал Клемансо, что Россия как раненый участник атаки, с которого его товарищи, пользуясь его ранением, снимают сапоги в свою пользу. Никто не в силах был этому помешать, и за это мы платим по нынешний день.
>
> Я не знаю, как формулируются обвинения против Деникина; но думаю, что они не более справедливы, как обвинения против Бахметева[21]

Деникина явно обиделась за сопоставление ее покойного мужа с Бахметевым и заметила, что вопросы об их ответственности несоизмеримы. Если в причинах неудачи Деникина «разберется только история», то в случае с причинами недостаточной, по ее мнению, помощи российского посла в Вашингтоне Белому движению вполне могут разобраться современники[22].

Она писала Маклакову:

> Я Вам вполне верю, что Вы можете не знать, «соответствовала ли помощь Бахметева его возможностям», он был очень скрытный человек, и его почти никто не знал хорошо. Вы даже «не замечали пристрастия Бахметева к лагерю революционной демократии» и уверены, что они «мешали его работе», а в здешних газетах было опубликовано о социалистическом прошлом его (он даже участвовал в знаменитом партийном «суде» над Лениным[23]), он субсидировал здесь издания и деятельность Б. Николаевского и демонстративно чествовал «бабушку» Брешко-Брешковскую и Керенского тотчас же после крушения Белого движения или даже во время него...[24]

Текст, весьма характерный для адептов Белого движения. «Бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская, страстная противница большевиков, оставалась для них сильнейшим раздражителем и много лет спустя после ее смерти. «Использование» посольством в целях антибольшевистской пропаганды популярной среди американцев старой революционерки, бывшей символом борьбы за свободу, ставилось Бахметеву в вину 30 лет спустя после окончания Гражданской войны. Как и участие в суде над Лениным в 1907 г. и поддержка непримиримого противника большевиков Б.И. Николаевского в 1940-х гг.

Бахметев был, конечно, нестандартной фигурой для русской дипломатии, не говоря уже о Белом движении. В молодости он увлекался марксизмом, стал довольно видным деятелем Российской социал-демократической рабочей партии, а на ее IV съезде в 1906 г. был даже избран (заочно) в ЦК партии от меньшевиков. Правда, после этого он от партийной работы отошел и к 1917 г., не входя ни в одну партию, по своим воззрениям был скорее либералом, нежели социалистом. Но в эти нюансы противники Бахметева справа не вникали.

Руководители Белого движения на Юге России изначально с подозрением относились к деятельности Российского посольства

в Вашингтоне. Еще бы! Посол был назначен ненавистным Временным правительством, в прошлом был социал-демократом. Русское информационное бюро, главный пропагандистский орган посольства, возглавлял еврей А.И. Зак; к делу антибольшевистской пропаганды в США привлекалась «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская.

Представителю Деникина по особым поручениям по снабжению полковнику барону С.Е. Вольфу накануне его отъезда в США в штабе помощника Деникина генерала А.С. Лукомского вручили «список лиц, находившихся в Америке и не внушавших доверия в Армии» (так!). А также перечень лиц, на которых он, по мнению армейского руководства, мог рассчитывать и которых было желательно привлечь к сотрудничеству. Привлечь к сотрудничеству предлагалось как раз тех, кто был уволен в связи с ликвидацией Русского заготовительного комитета в США и преобразованием его, в сильно сокращенном виде, в Отдел по снабжению при Российском посольстве[25].

Прибывший в Вашингтон в июле 1919 г. Вольф был возмущен холодным приемом, оказанным ему Угетом, возглавлявшим посольство в отсутствие Бахметева[26]. Холодность приема, возможно, объяснялась тем, что Бахметев и Угет считали непродуктивным присылку в Америку различных «заготовителей», не знакомых, как правило, с условиями местного рынка и способных принести лишь вред деятельности посольства.

Нам неизвестно, впрочем, что на самом деле произошло между Вольфом и Угетом. Зато со слов самого Вольфа мы знаем, что он был негативно настроен по отношению к Бахметеву и его сотрудникам еще до отъезда в США. Дело дошло до того, что Вольф потребовал от Угета подтверждения в письменном виде признания Российским посольством власти адмирала Колчака. Угет был удивлен вопросом; он ответил на него утвердительно, подчеркнув, что, хотя официально Российское правительство Соединенными Штатами не признано, однако в сношениях с Госдепартаментом посольство всегда ссылается на телеграммы и распоряжения из Омска[27].

С точки зрения Вольфа, дело снабжения белых армий, так же как работа по признанию правительства адмирала Колчака, было поставлено из рук вон плохо и фактически саботировалось Бахметевым и Угетом. На обратном пути, в Париже, Вольф пытался убедить в этом министра иностранных дел С.Д. Сазонова, но тот не дал Вольфу закончить доклад, заявив, что все сообщенное о Бахмете-

ие — клевета. Получив афронт у министра, Вольф на следующий день встретился с приехавшими из Омска генералом Н.А. Степановым и дипломатом И.Г. Лорис-Меликовым, изложил свое видение происходившего в Америке и задал им три вопроса: считают ли они вредной или полезной деятельность Бахметева и Угета, находятся ли они в зависимости от евреев и следует ли их заменить другими лицами. Ответы были предсказуемы: «1) деятельность Бахметева и Угета — вредна, 2) зависимость от евреев — полная, 3) заменить Бахметева и Угета другими лицами необходимо»[28].

Несомненно, отрицательное отношение Деникина к деятельности Бахметева было инспирировано информацией Вольфа, а также тем, что белые на Юге России начали получать снабжение из США позднее, чем колчаковское правительство, и в существенно меньших размерах. О чем речь подробнее пойдет ниже.

Вольф был не единственным источником негативной информации о деятельности Бахметева. Посол подвергся атаке также со стороны А.А. Бубликова, приехавшего в США в январе 1918 г. Бубликов, крупный инженер-путеец и предприниматель, член 4-й Государственной думы, в которой входил во фракцию «прогрессистов», прославился в первые дни Февральской революции. Будучи комиссаром Временного комитета Государственной думы в Министерстве путей сообщения, он дал телеграмму начальникам всех железнодорожных станций о переходе власти к Государственной думе. Страна узнала о революции из телеграммы «инженера Бубликова». Он же приказал 28 февраля 1917 г. остановить царский поезд, двигавшийся в направлении Петрограда, и император вынужден был вернуться в Ставку. 8 марта Бубликов участвовал в аресте Николая II.

Бубликов претендовал на лидерство в русской колонии в США и на участие в формировании российской политики. А также на субсидии для созданной им Русской экономической лиги. Не встретив сочувствия у Бахметева, Бубликов обратился к нему 19 сентября 1919 г. с открытым письмом, в котором выдвинул длинный список обвинений — от выдачи субсидий «антигосударственным элементам» до раздачи в посольстве монархических прокламаций. Он обвинял Бахметева в том, что тот не создал «никакого тесного, непрерывного систематического контакта с американскими общественными и политическими деятелями, симпатизирующими России», способствовал пропаганде в прессе представлений о реставраторских намерениях Колчака или, по крайней мере, не

опровергал их. По сведениям Бубликова, посол в частных разговорах дискредитировал «свое же правительство, обзывая его правительством гимназистов» и т.д. и т.п.[29]

Письмо это было не единственным. Вскоре Бубликов написал и распространил еще несколько текстов, обвиняющих посла в различных грехах. Он, по существу, требовал передачи почти всей «власти» из рук посла более надежным представителям Омска. Дело дошло даже до вызова на дуэль. Все обвинительные письма были Бубликовым размножены, заверены и разосланы. Свое письмо от 19 сентября 1919 г. Бубликов (через В.Л. Бурцева) переслал министру иностранных дел С.Д. Сазонову. Письмо сопровождало пакет документов по поводу конфликта Бубликова с Бахметевым[30].

Еще одним противником Бахметева, немало потрудившимся для создания совершенно определенной репутации посла в Омске, был Иосиф Константинович Окулич, действительный статский советник, в прошлом член Совета министра торговли и промышленности. Еще в июле 1917 г. он (по совету М.М. Пришвина, служившего в одном из отделов министерства) уехал в Сибирь, подальше от революционного Петрограда. В колчаковский период ему не нашлось дела (точнее, должности), и в конечном счете весной 1919 г. Окулич был направлен за границу в качестве особоуполномоченного по финансовым делам в США, Англии и Франции. «Особые» полномочия его, впрочем, были не вполне ясны. Окулич полагал, что это был способ его «сплавить». При бедности Сибири людьми с государственным опытом ему, крупному чиновнику, не нашлось места, в то время как «мальчишки» становились министрами. «Омск был полон интриг, сплетен. Это было время наибольших успехов на фронте, и провинциальные министры, эти сплошь "серые" люди, пригодные на второстепенные роли в губернии, мечтали сделаться вершителями судеб Великой России», — писал Окулич в воспоминаниях. За границей он опять-таки оказался не у дел, ибо к его предложениям в Омске мало прислушивались[31], не говоря уже о Российском посольстве в Вашингтоне. Бахметев и Угет не терпели вмешательства посторонних в сферу их компетенции.

Вступить в контакт с Окуличем счел необходимым директор Русского информационного бюро А.И. Зак. Он в письме Окуличу сообщил об основных направлениях своей деятельности, уделил немалое внимание проблеме будущего восстановления России и в связи с этим «еврейскому вопросу». Зак, среди прочего, указывал, что еврейство в Соединенных Штатах играет большую политиче

ную, экономическую и финансовую роль. Он предвидел, что постбольшевистское правительство получит «наследство» от советской России «в виде десятков миллионов изголодавшихся, исхолодавшихся, почти во всем разуверившихся людей». Правительству придется совершить «почти чудо», чтобы ввести жизнь в нормальное русло, и такого чуда не удастся совершить без крупных займов за границей, прежде всего в США. Зак считал, что столь крупную кредитную операцию надо готовить заранее, причем, учитывая ее масштабы, банкам придется часть кредитов размещать на открытом рынке; несомненно также, что кредиты в значительной степени будут носить политический характер. Следовательно, подготовка кредитной операции потребует создания благоприятного общественного мнения, что, в свою очередь, окажет необходимое влияние на администрацию и законодательные органы США[32].

Информационное бюро, сообщал Зак, уже ведет соответствующую работу «среди широких американских кругов и среди американского еврейства». Кроме того что американское еврейство «располагает большой политической и финансовой силой», следует учитывать, что в США «живет около миллиона евреев — выходцев из России». Этот «элемент», знающий русский язык и местные условия, полагал Зак, будет играть роль посредников, коммивояжеров в развитии будущей американо-русской торговли, подобно той роли, которую играли германские коммивояжеры в развитии германо-русских экономических отношений. «Для нас чрезвычайно важно, — заключал он, — создать в здешнем еврействе пророссийскую партию; сплотить все здоровые элементы здешнего еврейства в активной симпатии и помощи делу возрождения единой демократической России». С этой целью Информационное бюро установило контакт с ежедневной и еженедельной еврейской прессой, а сам Зак встречался и вступил в переписку с «крупнейшими еврейскими культурными и финансовыми деятелями, стараясь повернуть их в нашу сторону»[33].

Окулич, недолго думая, переслал письмо Зака министру финансов Омского правительства И.А. Михайлову. Информация, содержавшаяся в письме, имела, с его точки зрения, весьма важное значение. Но вовсе не по тем соображениям, которые высказывал директор Русского информационного бюро. Группа финансовых деятелей, с которыми контактировал Зак (Оскар и Натан Штраусы, Шифф и Варбург), одновременно имеет, сообщал Окулич, «как говорят осведомленные люди, большое влияние на по-

сла Б.А. Бахметева, являясь затем руководителями мировой еврейской политики»[34].

Таким образом, спецпредставитель отправил одновременно донос и на директора Информационного бюро, и на самого посла. Впоследствии Омское правительство разработало сложную комбинацию с целью сместить Зака с его поста, однако довести дело до конца не удалось в связи с ликвидацией самого правительства.

Заметим, что «еврейский заговор» был настоящим наваждением многих деятелей Белого движения — и в России, и за границей. В США была распространена анонимная листовка на английском языке, очевидно, с целью воздействовать на американское общественное мнение, в которой рассказывалось о связях Бахметева с евреями и большевиками. Листовка была отправлена и в Российское посольство в Париже. Содержание листовки совершенно параноидально, но интересна она тем, что несомненно отражает настроения и представления правых кругов русской эмиграции в США. Бахметеву вменялось в вину, что первым, кто приветствовал его по приезде в Нью-Йорк, был лидер американских профсоюзов «еврей Сэмюэль Гомперс» и что среди сотрудников Чрезвычайной миссии был «мистер Сукин, чья мать является еврейкой». Видимо, листовка была подготовлена в то время, когда Иван Иванович Сукин еще не стал управляющим Министерством иностранных дел и членом «звездной палаты» Колчака[35]. Более четверти века спустя бывший сотрудник Угета Д.Г. Тер-Асатуров, выпустивший после увольнения из посольства памфлет против своего бывшего шефа и Бахметева, в письме К.В. Деникиной не преминул заметить, что «Сукин очень походил на еврея и, по слухам, его мать была еврейкой»[36].

Возвращаясь к Окуличу, заметим, что его деятельность как будто свелась к писанию доносов на сотрудников российских учреждений в США. Через три недели после информации о влиянии на Бахметева руководителей «мировой еврейской политики» последовало новое письмо Михайлову, на сей раз о том, что штаты Русского заготовительного комитета раздуты, и эта организация «стоит очень крупных сумм ежемесячно».

> Не имея поручения коснуться ее деятельности по существу, я однако считаю долгом отметить о полной необходимости самой скорейшей ее ликвидации и надлежащей ревизии при участии энергичных представителей Государственного Контроля, что сократит дальнейшую непроизводительную трату казенных денег[37].

Можно только гадать об источниках информации Окулича, ибо Русский заготовительный комитет еще в мае 1918 г. был преобразован в Отдел по снабжению при Российском посольстве с персоналом в 310 человек и месячным бюджетом 77 тыс. долл. В июле 1919 г. личный состав отдела насчитывал 36 человек с бюджетом 13 тыс. долл. в месяц, включая текущие расходы[38]. Увольнение в связи с сокращением штатов около тысячи сотрудников бывшего Русского заготовительного комитета создало в значительной степени питательную среду для различных инсинуаций относительно деятельности посольства. Повлияло и то обстоятельство, что подавляющее большинство сотрудников Заготовительного комитета получили назначения на службу в США еще при царском режиме, и Бахметев, представитель новой, «февральской» России, был для них олицетворением постигших их бедствий.

Что же касается Окулича, то, поняв, что его игнорирует не только посольство, но и министр финансов, он подал в отставку, мотивируя это тем, что его положение «в качестве лица, аккредитованного за границей Верховным Правителем, стало совершенно неосмысленным с того момента, как различные лица в Лондоне и в Нью-Йорке без всякой связи между собой начали вести переговоры с финансовыми институтами Штатов и Англии о закладе золота». Но особое недовольство Окулича вызвало предоставление права Угету, «бывшему только переводчиком в Кредитной канцелярии при царском правительстве... вести самостоятельно все финансовые операции в Америке». Это, писал он Михайлову, «слагает с меня громадную тяжесть как общественного деятеля и как одного из представителей Сибирского казачества»[39].

В начале 1920-х гг. «обвинительный акт» относительно деятельности Бахметева и Угета выпустил бывший чиновник Минфина, состоявший при посольстве и находившийся в подчинении Угета, Д.Н. Тер-Асатуров. «Записка» Тер-Асатурова была подготовлена им после увольнения по сокращению штатов, когда он уже перестал получать жалованье в посольстве. «Своей беспринципной и малодушной политикой Бахметев и Угет обслуживали в значительно большей степени интересы Америки, чем интересы России, — утверждал Тер-Асатуров, — что великолепно сознавали американские правящие круги, которые осыпали Бахметева, при его уходе, выражениями своей благодарности за содействие им»[40].

Не вдаваясь в подробности, заметим, что посол был вынужден уйти в отставку как раз под давлением «американских правящих

кругов», точнее, законодательной ветви власти. Он был принят по случаю отставки президентом У. Гардингом, но, по его же совету, был вынужден уехать за границу на несколько месяцев, дабы дать утихнуть скандалу, вызванному слушаниями в Конгрессе как раз о том, что администрация тратила деньги американских налогоплательщиков на содержание никого не представлявшего посольства и на помощь антибольшевистским силам в России.

Заметим также, что, если «вычесть» личные мотивы, двигавшие сочинителем, Тер-Асатуров, рассуждая о нецелесообразности расходования средств Бахметевым и Угетом, действия своих бывших начальников критиковал преимущественно с чисто финансовых или формально-юридических позиций, вынося за скобки важнейшую составляющую деятельности посольства — политическую. Тер-Асатуров писал, что если бы деньги, согласно законам, направлены были на погашение долгов по государственному кредиту, то «не представилась бы возможность истратить совершенно без всякого положительного результата много миллионов русских денег, которые были пожертвованы на поддержку движений адмирала Колчака, генерала Деникина и барона Врангеля»[41].

Посол без правительства

На протяжении почти всего 1918 г. Бахметев был послом без правительства, хотя бы и непризнанного. Возникавшие в России антибольшевистские правительства были слишком недолговечными, чтобы можно было связывать с ними надежды на консолидацию противников большевиков и восстановление России. Послу приходилось действовать на свой страх и риск. Бахметев, с одной стороны, считал необходимым вмешательство иностранцев в русские дела, с другой — опасался интервенции, которая могла привести к экономическому закабалению России, а следовательно, и к утрате страной политической самостоятельности. Но другого выхода, кроме интервенции, как будто не было. При этом Бахметев считал вмешательство со стороны американцев не столь опасным: с его точки зрения, американский капитал был наименее политизированным, а американский опыт наиболее полезным для России.

24 июня 1918 г. Бахметев вручил государственному секретарю Роберту Лансингу 8-страничный меморандум, в котором обосновывал необходимость интервенции. Этот текст также был официально направлен в Госдепартамент (датирован 3 июля 1918 г.). Лан-

сын отправил меморандум президенту в сопровождении записки, в которой рекомендовал Вильсону внимательно рассмотреть аргументы Бахметева[42].

Целью интервенции, по Бахметеву, должно было стать обеспечение свободного волеизъявления людей, которые создадут стабильные и эффективные органы местной власти, как в городах, так и в сельской местности. Постепенно процесс «конструктивного синтеза» приведет к формированию общероссийского правительства. Под «национальными элементами» понимались те, кто искренне стремится к укреплению демократического государства и настроен антигермански, а также «все элементы России, которые после страданий и перенесенных испытаний жаждут вступить в конструктивный период национальной консолидации». Если же Соединенные Штаты и союзники не вмешаются в события в России, это приведет к весьма опасному результату, предрекал Бахметев. Революция сбилась с правильного пути ввиду истощения масс и германских интриг. Если не вмешаться в ход событий, то их нынешнее развитие неминуемо приведет к крайней реакции или к «германскому цезаризму», автократии, опирающейся на крестьянство при германском доминировании[43].

Менее чем через две недели после того, как меморандум поступил в Госдепартамент, президент Вильсон принял решение послать американские войска в Россию. Разумеется, меморандум Бахметева, так же как и другие формы воздействия посольства на американскую администрацию, был лишь одним из факторов, определивших это решение[44]. Несомненно, однако, что советы посла сыграли при принятии этого решения существенную роль.

Л. Киллен считает, что американские политики, мало что знавшие о России и ее проблемах, полагались в значительной степени на мнение Бахметева и следовали его советам. Посол же, в свою очередь, старался направить американскую политику в том направлении, которое было бы наиболее выгодным для России и в то же время реалистичным[45]. В конце августа — начале сентября 1918 г. Бахметев направил в Госдепартамент две записки, посвященные первоочередным задачам «реконструкции» России и наиболее эффективным, с его точки зрения, формам американской помощи. Одна записка была посвящена реформе денежного обращения[46], другая — более общим проблемам экономического возрождения России, которое посол считал необходимым условием «национальной консолидации» и основой политической стабильности. Он

подчеркивал, что социальная стабильность не может быть принесена извне и что нельзя позволить «политике» мешать экономике. Бахметев, при всем своем позитивном, если не сказать восторженном, отношении к американскому политическому и экономическому устройству, давал понять, что Россия — не Америка, и механическое перенесение американских понятий и подходов на российскую почву ни к чему хорошему не приведет. В любом случае та или иная программа помощи, для того чтобы быть эффективной, требовала элементарных предварительных технических условий — надежной системы транспорта и связи. «Голод и нищета в значительной степени следствие дезорганизации транспортной системы», — писал Бахметев в сентябре 1918 г.[47]

В условиях Дальнего Востока и Сибири это означало поддержание в рабочем состоянии Транссибирской магистрали. Между тем состояние дороги было плачевным: легкие рельсы нередко не выдерживали тяжести груженых вагонов и ломались, десятки мостов были повреждены.

Проблема транспорта не была порождена Гражданской войной: это была беда дореволюционной России, усугубленная неимоверной нагрузкой, которая легла на транспортную систему в период мировой войны. В первой половине 1916 г. количество неперевезенных грузов достигло 127 тыс. вагонов. В середине 1917 г. на железных дорогах России насчитывалось 6 тыс. паровозов со средним сроком эксплуатации 23 года; 5 тыс. — 30 и более лет[48]. Еще в мае 1917 г. в Россию была направлена техническая миссия во главе с бывшим главным инженером при строительстве Панамского канала Дж. Стивенсом. Более существенным в данном контексте было то, что Стивенс имел богатый опыт проектирования железных дорог в районах Скалистых и Каскадных гор в США. Целью миссии было оказание помощи в реорганизации железных дорог. Речь шла не только о технической, но и организационной помощи. Характерно, что Стивенс, подобно Бахметеву, указывал, что налаживание работы транспорта даст России возможность «в значительной степени развить ее внутреннюю промышленность сравнительно в самый непродолжительный срок»[49].

Миссия Стивенса (Русский железнодорожный корпус) после паузы, вызванной большевистским переворотом, возобновила свою деятельность весной 1918 г., но теперь предметом ее забот стали только Транссибирская магистраль, в той части, которая находилась под контролем антибольшевистских сил, и Китайско-

Восточная железная дорога (КВЖД). Деятельность миссии продолжалась до 1922 г. Считалось, что миссия действует в интересах русского народа, находится на службе российского правительства и, соответственно, должна им финансироваться. За отсутствием правительства миссия финансировалась Российским посольством в Вашингтоне. Де-факто миссия финансировалась за счет американских и британских налогоплательщиков, т.е. за счет кредитов, отпущенных еще Временному правительству. Когда кредиты иссякли, американское правительство предоставило посольству дополнительные средства; предполагалось, что будущее российское правительство покроет произведенные расходы[50].

Следует иметь в виду, что практика предоставления безвозмездной помощи на государственном уровне в тот период отсутствовала. Под помощью понималось создание условий, которые приведут к очевидным выгодам для страны-«реципиента». Так, реконструкция транспортной системы должна была привести к росту товарооборота между США и Россией, что должно было дать последней товары, в которых она остро нуждалась, но не могла в обозримом будущем произвести самостоятельно. С другой стороны, развитие транспортной сети и увеличение ее пропускной способности должно было облегчить — и увеличить — экспорт российских товаров, составлявших пока что преимущественно сырье. Как бы то ни было, и американская администрация, и российский посол сходились во взглядах на то, что нужно сделать в первую очередь для возрождения России и в чем должна заключаться американская помощь. Еще раз отметим, что это сходство стало в значительной степени результатом настойчивых «разъяснений» посла.

Заметим, забегая вперед, что планы Бахметева и его американских партнеров оказались в конечном счете не более чем теоретическими построениями. Товары отнюдь не пошли потоком в обе стороны, хотя ограничения на экспортно-импортные операции, введенные в годы Первой мировой войны и связанные, в частности, с нехваткой тоннажа, были сняты. Пароходы, пришедшие с товарами из Америки, нечем было загрузить на обратный путь, не говоря уже о политической и финансовой нестабильности, отпугивавшей частных предпринимателей. Не произошло серьезного улучшения и в работе Транссибирской магистрали, главной торговой артерии на Востоке России. Миссия Стивенса столкнулась с такими проблемами, как нехватка оборудования и квалифициро-

ванного персонала, коррупция в российской администрации дороги и как будто противодействие со стороны японцев. Но главной проблемой была, конечно, Гражданская война, в условиях которой решение масштабных технических задач было чрезвычайно затруднено[51].

Члены миссии Стивенса являлись не только, по характеристике Лансинга, «представителями [интересов] русского народа», финансируемыми Российским посольством в Вашингтоне. Линда Киллен не без оснований оспаривает утверждение Бетти Унтербергер о том, что деятельность членов Русского железнодорожного корпуса была лишена каких-либо эгоистических или корыстных мотивов и что они думали лишь о том, чтобы наилучшим образом помочь русским людям. Киллен ссылается на слова самого Стивенса, который писал, что корпус остался в России после подписания перемирия с Центральными державами, чтобы защищать американские интересы, поддерживать американскую «политику открытых дверей» «против нашего маленького коричневого братца и не допустить захвата им железных дорог»[52].

Какими бы мотивами ни руководствовались Стивенс и его сотрудники, их действия вполне совпадали с пожеланиями и интересами Российского посольства в Вашингтоне. Бахметев боялся японской экспансии еще больше, чем американцы.

«Русские деньги» в Америке. Продажи имущества

Надежды лидеров Белого движения на финансовую подпитку за счет российских авуаров в США оказались беспочвенными. Перевод денег на счета посла в National City Bank of New York не давал возможности тратить их по усмотрению российских дипломатов. По соглашению с правительством США National City Bank продолжил осуществлять платежи по чекам посла (или его ближайшего сотрудника, финансового агента в США С.А. Угета), причем каждый платеж производился только с одобрения Казначейства и Госдепартамента. Технически это выглядело так: еженедельно Угет представлял банку список предполагаемых платежей; уполномоченный сотрудник банка звонил в Казначейство и Госдепартамент, которые должны были утвердить (и практически всегда это делали) список. После проведения платежа банк письмом уведомлял о нем помощника министра финансов Р. Леффингвела (Leffingwell). Заместитель госсекретаря Ф. Полк мог с полным правом говорить

впоследствии в Конгрессе, что американское правительство с декабря 1917 г. контролировало каждый платеж, произведенный посольством, какой бы суммой он ни выражался. Деньги должны были пойти на оплату обязательств посольства в США, преимущественно на ликвидацию заказов и оплату процентов по займам[53].

На основании материалов слушаний в Конгрессе в 1921 г. и данных Казначейства «раскладка» трат, произведенных Российским посольством с конца 1917 по начало 1921 г., выглядит следующим образом. Из общей суммы кредитов, реально отпущенных американским Казначейством Временному правительству, — 187 729 750 долл. — Бахметевым на счет Министерства финансов в Петрограде было перечислено 125 млн долл. еще до Октябрьской революции. Около 5 млн долл. находилось в банке Гаранти Траст, но были заблокированы банком в качестве компенсации за потери банка в России. Попытки американского правительства, так же как позднее советского, получить эти средства успехом не увенчались. Суд встал на сторону банка[54].

На так называемом «ликвидационном счете» Российского посольства первоначально числилось 47 010 203 долл.; еще около 9 млн долл., предназначенных на другие нужды, в том числе, по-видимому, на содержание посольства и консульских учреждений, было помещено на отдельный счет. Общая сумма составляла на 1 декабря 1917 г. 56 176 721 долл.[55] Из сумм, хранившихся в National City Bank, более 10 млн долл. (10 158 393) являлись остатками кредита, отпущенного американским правительством. Остальная часть состояла из британских кредитов и займов, предоставленных американскими банками. В то же время обязательства посольства составляли около 103 млн долл. Однако уже к 1 февраля 1918 г. общая сумма обязательств по военным контрактам снизилась до 13 731 410 долл. Около 20 млн долл. было выплачено поставщикам, контракты на 24 185 872 долл. отменены, остальные платежи отсрочены[56].

В соответствии с «ликвидацией» российских контрактов в США происходило сокращение штатов и бюджета Русского заготовительного комитета, а затем сменившего его Отдела по снабжению. С июля 1919 г. по январь 1920 г. личный состав отдела сократился втрое — с 36 до 12 человек, бюджет, включая текущие расходы, составлял в январе 1920 г. 8 тыс. долл. в месяц. К маю 1920 г. численность сотрудников отдела возросла до 133 человек (бюджет — 36,5 тыс. долл. в месяц). По иронии судьбы, это было

связано с заказами правительства Колчака. Несмотря на то что правительства уже не существовало, а тело Колчака покоилось на дне Ангары, получение заказанных Омским правительством материалов в основном началось весной 1920 г., что привело к увеличению численности персонала Отдела по снабжению[57].

В период с 1 декабря 1917 г. по 1 января 1920 г. на счетах Российского посольства числилось 78 684 347 долл., из которых 26 400 тыс. долл. были получены за счет продажи имущества, платы за чартер судов российского Добровольного флота и некоторых других источников. Потрачено в этот период посольством было 77 302 936 долл., причем, как настойчиво подчеркивал Бахметев, треть этих средств была получена из иных, нежели американские кредиты, источников[58]. Д.Г. Тер-Асатуров (правда, по памяти) называет эти источники: около 15 млн долл. было выручено от продажи различного имущества, преимущественно рельсов; американское правительство заплатило около 2 млн долл. за чартер судов Добровольного флота и тральщиков Морского ведомства; около 4 млн долл. поступило от продажи золота в связи с приобретением винтовок у американского правительства, начисления процентов по счетам посольства и т.д.[59]

К 4 марта 1921 г. все ликвидационные счета Российского посольства были закрыты. В период с 6 апреля 1917 г. по 4 марта 1921 г.: 36 млн долл. были выплачены посольством по контрактам военного времени, 10 млн долл. пошли на выплату процентов по российским военным займам. Все контракты были оплачены или отменены без ущерба для американских бизнесменов[60].

Однако эта внешне благостная картина не вызвала восторга у американских конгрессменов. Было очевидно, во-первых, что средства, полученные от продаж имущества, оплаченного в значительной степени за счет тех же американских кредитов, имели опять-таки американское «происхождение»; во-вторых, конгрессмены были недовольны тем, что в то время как проценты по займам царского и Временного правительств выплачивались частным держателям русских бумаг до июня 1919 г., платежи посольством процентов по займам, предоставленным американским правительством, неизменно откладывались, чтобы спасти посольство от банкротства. Было совершенно очевидно, что часть расходов производилась в интересах антибольшевистских правительств в России, прежде всего Колчака. К началу 1920 г. значительная часть имуще-

ства, контролировавшегося посольством (в основном железнодорожное оборудование, обувь, кожа), была отправлена в Сибирь, на Юг и на Север России[61].

Мотивы, по которым посольство продолжало выплачивать проценты по российским займам, были изложены Угетом, среди прочего, в докладе, представленном им генералу Э.К. Гермониусу, начальнику Управления заграничного снабжения русских армий.

Пожалуй, пришло время сказать несколько слов о Сергее Антоновиче Угете, ближайшем сотруднике Бахметева. Угет был выпускником экономического отделения Петербургского политехнического института. Он поступил на службу в Министерство финансов и сделал там довольно успешную карьеру. В период Первой мировой войны Угет служил в русских заготовительных учреждениях в Англии, а в начале 1917 г. был направлен в США. В 1917 г. Угету исполнилось 32. Его послужной список в США выглядел следующим образом: со 2/15 января 1917 г. по 1 мая 1918 г. — уполномоченный Министерства финансов в Русском заготовительном комитете и одновременно заведующий финансовым отделом комитета; 7 апреля 1917 г. Угет был причислен к Российскому посольству в Вашингтоне со званием агента Минфина; в этой должности, по современной терминологии эквивалентной финансовому атташе, Угет состоял до 30 июня 1922 г.; в августе 1917 г. он был назначен председателем Русской закупочной комиссии в Вашингтоне, которую и возглавлял до ее ликвидации весной 1918 г.; с 1 мая 1918 г. по 1 мая 1920 г. Угет — начальник отдела по снабжению при Российском посольстве в Вашингтоне; с декабря 1918 г. по 1 августа 1919 г. он исполнял обязанности российского поверенного в делах в США[62]. Угет писал:

> В связи с заявлением большевиков о непризнании ими Национального долга России, перед Российским посольством стал не только финансовый, но вместе с тем и политический вопрос. Располагая остатками правительственных средств и не делая никаких попыток к продолжению производства платежей — значило бы, по существу, занять позицию, аналогичную большевикам.
>
> Кроме того, приходилось руководствоваться и чисто финансово-практическими соображениями. Еще до вступления Америки в войну было совершенно очевидно, что к окончанию мирового конфликта Соединенные Штаты будут единственной страной с громадными денежными средствами, в то время как другие нации будут совершенно истоще-

ны войной. Для России, страны исключительно бедной капиталами, необходимо было сохранить за собой американский денежный рынок. Своим вступлением в войну Америка впервые попадала в орбиту международных политических отношений, а потому было ясно, что нельзя полагаться на глубокое знакомство американцев с экономическими условиями тех или иных стран, а соответственно кредитоспособность государства необходимо поддерживать хотя бы чисто внешними приемами, как, например, в нашем случае продолжением оплаты процентов, что, быть может, в европейских странах являлось бы гораздо менее необходимым. Надлежит также иметь в виду, что всем нам каждый месяц казалось неизбежным падение большевиков, а потому и ставилось себе задачей до последней возможности сохранить ничем не нарушенным принцип платежеспособности России[63].

Проценты по государственным займам аккуратно выплачивались с 1 декабря 1917 г. по 1 июня 1919 г.; выплачивали их, как подчеркивал Угет, «исключительно из наличных средств, находившихся в распоряжении посольства, и ни одной единицы товара, ни одного фунта груза не было продано для этой или какой бы то ни было иной надобности». Однако 10 июня 1919 г., когда наступил срок погашения займа в 50 млн долл., произвести оплату, «по совершенно понятным причинам, было невозможно и не рационально». Тем не менее «общее положение российской задолженности ныне в Америке таково, что в момент признания Российского правительства Соединенным Штатам не представит ни малейших затруднений установить расчетный баланс взаимных обязательств с Америкой, так как все сколько-нибудь известные Посольству обязательства России были своевременно выполнены или приняты на соответствующий учет»[64].

Ситуация с имуществом выглядела следующим образом. Кое-что продали союзникам, так как считали «национальную Россию» «технически» по-прежнему в состоянии войны с Центральными державами. К тому же если союзникам были нужны стратегические товары, то они, полагал Угет, могли быть просто конфискованы, даже в случае отказа посольства их продать; это ослабило бы политические позиции посольства. Так, из заготовленных 220 тыс. т рельсов было продано американскому правительству 150 тыс. т для строительства стратегически важных дорог во Франции и 36 тыс. т канадскому правительству. Дополнительным доводом в пользу продажи рельсов, закупленных в 1916 г., было то, что они могли ржа-

шесть, их цена в силу изменения конъюнктуры, а также порчи могла меняться в сторону снижения. К тому же ранее в среднем удавалось отправить на одном пароходе 2 тыс. т, т.е. для перевозки всего этого количества потребовалось бы около 100 пароходов. Учитывая проблемы с тоннажем, перевозка потребовала бы нескольких лет. Остается задуматься о смысле закупок, произведенных по заказам различных министерств и ведомств. Продали также колючую проволоку Италии; продали частникам скоропортящиеся товары (сушеные яблоки, шпагат), товары, не подходящие союзникам, например моторы для русских подводных лодок[65].

В то же время посольству удалось отстоять сапоги, подошвенную кожу, 258 тыс. винтовок и прочее, на что «положило глаз» американское правительство. Позднее все эти материалы были отправлены в Россию. В конце июля 1918 г. по просьбе британского правительства было предоставлено чехословацким войскам во Владивостоке 100 тыс. винтовок, около 3,5 млн ружейных патронов и 100 пулеметов. Через Американский Красный Крест чехословакам было отправлено 150 тыс. пар сапог и некоторое количество подошвенной кожи; независимо от этого британскому правительству было уступлено и отправлено в Мурманск 99 пулеметов Кольта[66].

Несомненно, что посольство служило удобным каналом для снабжения антибольшевистских войск. Вооружение чехословакам было отправлено на судах, зафрахтованных еще от имени Временного правительства[67]. Однако вскоре у посольства появились и собственные «клиенты».

Установление связи с белыми
Поставки антибольшевистским правительствам
Итоги снабженческой деятельности посольства

Если о происходящем на Востоке России в Вашингтоне имели некоторое представление, то о Добровольческой армии — самое смутное. Длительное время у посольства не было связи и с антибольшевистскими правительствами, образовавшимися в Сибири. Первая телеграмма из Омска за подписью председателя Сибирского правительства П.В. Вологодского была получена в Вашингтоне 10 сентября 1918 г. Для того чтобы установить контакты с местными правительствами, в 20-х числах сентября 1918 г. посольство отправило в Сибирь специальный «отдел связи» в составе И.И. Су-

кина, секретаря посольства и «фаворита» Бахметева, капитана 1-го ранга М.И. Смирнова, старшего инспектора продовольствия А.И. Бёма и двух офицеров-шифровальщиков[68].

«Отдел связи» прибыл в Омск исключительно удачно — 17 ноября 1918 г., накануне колчаковского переворота[69]. Ибо всякая контрреволюция, как и революция, — это «тысячи новых вакансий». Уже 20 ноября 1918 г. Смирнов, бывший начальник штаба Черноморского флота при Колчаке, был произведен в контр-адмиралы и вскоре стал морским министром в его правительстве. Морское министерство было выделено из Военного, несомненно, чтобы «порадеть родному человечку». Еще более блистательную карьеру сделал Сукин: он «застрял» в Сибири и стал начальником дипломатической канцелярии при Ставке Верховного правителя, а затем управляющим Министерством иностранных дел. Поскольку номинальный министр С.Д. Сазонов постоянно находился в Париже, то Сукин де-факто стал министром иностранных дел Российского правительства, когда ему еще не исполнилось 30 лет. Более существенным было то, что Сукин вошел в «звездную палату» Колчака, круг наиболее приближенных к адмиралу лиц. Видимо, он умел нравиться людям, в том числе столь разным, как Бахметев и Колчак. Если Бахметев и назвал где-то колчаковское правительство «правительством гимназистов», то ирония посла имела некоторые основания: не достигшие 30-летнего возраста министры иностранных дел и финансов были явлением необычным даже для революционного времени.

16 ноября 1918 г. В.А. Маклаков передал из Парижа сообщение М.Н. Гирса об установлении связи с Добровольческой армией. 18 февраля 1919 г. Бахметев телеграфировал из Парижа, что руководство делом снабжения армии сосредоточено в руках генерала Э.К. Гермониуса. Однако регулярная связь с Югом, сначала через Париж, а затем напрямую, установилась лишь через несколько месяцев[70].

22 ноября 1918 г. в Вашингтоне было получено сообщение о распаде Директории и передаче власти Колчаку[71]. Именно таким термином — «распад» — предпочитали российские дипломаты называть свержение власти Директории, следуя объяснениям организаторов переворота в Омске.

Посольство сразу же стало действовать в интересах Омского правительства, признав его фактически всероссийским раньше, чем генерал Деникин. Правда, Бахметев и Угет вынуждены были разочаровать министра финансов И.А. Михайлова, сообщив ему,

что «суммы в Национальном банке расходуются исключительно на покрытие прежних контрактных обязательств под контролем американского правительства и по доброй воле Банка», а также о том, «что ликвидация имущества почти закончена» [72].

«Высылаем Вам сто тысяч винтовок, двести тысяч пар башмаков, железнодорожное снаряжение, 10 миллионов облигаций выигрышного займа 1917 года и на три с половиной миллиарда напечатанных здесь кредитных билетов», — телеграфировал вскоре Бахметев[73]. Собственно, часть имущества и вооружения уже была отправлена, часть отправлялась в ближайшие дни. На пароходе «Санта-Круц», вышедшем 7 декабря 1918 г. из Сиэтла, следовали 53 320 винтовок и 31 400 «военных башмаков», на «Юкон», отправлявшийся 20 декабря оттуда же, были погружены 46 680 винтовок, 168 тыс. «военных башмаков», 8 полных и 4 неполных комплектов локомотивов, 3104 т рельсов и креплений и другое имущество. 21 декабря через Панамский канал отправлялся пароход «Татцумо-Мару», имевший на борту 500 ящиков с билетами 25-рублевого и 240 ящиков 100-рублевого достоинства на общую сумму 1,9 млрд руб.[74] В последнем случае, как мы знаем, столь желанных «американских» купюр омскому Минфину пришлось ждать долго.

Посольство все же нашло способ оказать Омскому правительству не только материальную, но и финансовую помощь, продав часть имущества (сенокосилки, жатки и др.) Союзу сибирских маслодельных артелей по себестоимости с тем, чтобы кооператоры внесли деньги на счет правительства в России рублями. Общая сумма сделки, включая фрахт, составила 3 800 тыс. долл.[75]

Несомненно, сделка была осуществлена с согласия Госдепартамента. Однако положение посольства продолжало оставаться неустойчивым, имущество, находившееся под его контролем, таяло, а право распоряжаться вырученными от его продажи деньгами оставалось ограниченным. Ситуацию выразительно обрисовал Угет в ответ на предложение Омска продать часть имущества и закупить на вырученные деньги винтовки:

> За исключением различных мелочей, не проданных потому, что на них не имелось пока покупателей, в распоряжении посольства имеется лишь железнодорожное имущество, около одного миллиона пар башмаков, примерно две тысячи тонн подошвенной кожи.
>
> Перечисленные грузы являются предметом самой настойчивой необходимости для России. Реализовать их в настоящее время, когда не

определилась для союзников возможность оказания нам финансовой помощи для последующей закупки упомянутого имущества, представлялось бы крайне опасным, так как Правительство, быть может, было бы тогда лишено возможности в областях, очищенных от большевиков, быстро улучшать железнодорожный транспорт и снабжать население обувью и починочным товаром. Независимо от сего реализация грузов отнюдь не знаменовала бы для нас возможности выкупить винтовки.

Подлежит иметь в виду, что вследствие нашего стесненного финансового положения мы не были в состоянии оплатить проценты 15 ноября по американскому государственному кредиту в примерной сумме четырех миллионов пятисот тысяч долларов.

Американское Правительство никогда не даст своего согласия на продажу нашего имущества иначе, как на оплату в первую голову причитающихся ему процентов. Казначейство все время смотрит на наши грузы как на последний ресурс, из которого может быть покрыт наш долг Америке, и если до последнего времени удавалось предупредить реализацию имущества, то только исключительно путем горячей аргументации, доказывающей, что подобным действием администрация создала бы совершенно непонятный конфликт с торжественными обещаниями президента о помощи Северо-Американскими Соединенными Штатами России[76].

Однако «молчаливое согласие» Госдепартамента было и на сей раз получено, и по распоряжению колчаковского Совета министров было продано 8 тыс. т рельсов для оплаты винтовок Ремингтона. В то же время в Госдепе Угету дали понять, что эта операция не должна рассматриваться в качестве прецедента «для принципиального решения вопроса о продаже имущества и на выкуп ружей»[77].

Возможность посольства распоряжаться деньгами и материальными ценностями оказалась под угрозой весной 1919 г. Угет, остававшийся «на хозяйстве» в Вашингтоне во время поездки Бахметева в Париж, телеграфировал послу, что «Федеральное Правительство посылает Президенту Вильсону телеграмму с запросом о дальнейшей политике по отношению к нашим фондам и товарам. Позиция, занимаемая Государственным Департаментом и Казначейством, такова, что 1 мая должно явиться предельным сроком для нашего относительно свободного распоряжения имуществом и кредитами, после чего все должно быть передано, по примеру Англии и Франции, Американскому Правительству». Угет просил Бахметева вступить в переговоры с американскими представителя-

ми на Парижской конференции с тем, чтобы политика по отношению к России была сохранена. Угет считал, что намерение американского правительства «наложить руку» на русские фонды объясняется, с одной стороны, постепенным переходом США к «союзной», т.е. англо-французской, политике по отношению к России, с другой — боязнью ответственности перед Конгрессом[78].

В результате «долгих переговоров» Бахметеву удалось отстоять для посольства возможность распоряжаться остатками кредитов и имущества, хотя и по-прежнему с некоторыми ограничениями. Дело было, конечно, не только в умении посла находить общий язык с американскими политиками. Соединенные Штаты, так же как и Великобритания с Францией, после неудачной попытки посадить большевиков и их противников за стол переговоров на Принцевых островах, двигались в сторону более решительной поддержки Белого движения. Президент Вильсон, по существу, дезавуировал миссию У. Буллита, ранее посланного в Москву с целью попытаться найти компромисс с большевиками и решить на его основе тем или иным образом «русский вопрос». Отказу от переговоров с большевиками способствовали, с одной стороны, успешное наступление колчаковских войск весной 1919 г., с другой — революция в Венгрии, казалось, делавшая слова «Манифеста коммунистической партии» о призраке коммунизма, бродящем по Европе, реальностью. В этой обстановке, когда главы великих держав начали всерьез обсуждать вопрос о признании правительства Колчака, лишать Российское посольство в Вашингтоне возможности помогать антибольшевистскому движению было по меньшей мере неразумно.

С одобрения президента Вильсона в Госдепартамент была послана телеграмма, «рекомендующая следующий порядок в отношении русских фондов и имущества»: «Взыскание процентов по долгу Американскому Правительству откладывается. При содействии Американского Правительства с банками достигается соглашение об отсрочке погашения займов, срок которым приближается. Русские фонды используются для платежей процентов по частным займам и на оплату текущих потребностей по содержанию русских учреждений и проч. Наличное имущество используется для помощи России, преимущественно на нужды Сибирской дороги, в восстановлении которой американцы приняли официальное участие. При этом нам дано понять, — пояснял Бахметев, — что не будет препятствий к использованию части имущества и по другим назна-

чениям. Флаг Сибирской дороги, как начинания, в котором американцы официально участвуют, требуется на случай возможных возражений со стороны Конгресса». «В общем удовлетворен достигнутым здесь результатом», — резонно заключал Бахметев[79].

Теперь можно было «перевести дух» и подсчитать наличность и имущество. Угет телеграфировал Бахметеву:

> Наличность кассы на первое мая 1 365 000 дол. Ожидаемые к поступлению в мае 2 485 000 дол. Расходы морским фрахтам течение мая 791 000 дол Шипинг Борду расчет по добровольцам[80] 891 000, проценты первого июня 687 500, содержание Посольства и Консульств майскую треть, железнодорожные фрахты, мелкие платежи и пр. 750 000, свободный остаток 729 000 долларов. Имущество на первое мая — 10 маллетов, 72 декапод[81], 3700 вагонов, 15 566 тонн рельс[ов], 2954 вагонные колесные пары, 1450 тонн прочего железнодорожного имущества, 1 493 218 пар сапог, 13 732 кипы кожи, 1 619 148 подков, 818 тонн земледельческих орудий и кос, 68 узкоколейных паровозов. Инвентарная стоимость имущества 24 680 000 долларов. Состояние после майских отправок и за исключением остатка имущества предназначенного для юга и севера, 10 маллетов, 13 декаподов, 2150 вагонов, 11 166 тонн рельс[ов], 2954 колесные пары, 1082 прочего железнодорожного имущества, 493 218 пар сапог, 6732 кипы кожи, 1 619 148 подков, 67 тонн кос, 38 узкоколейных паровозов. Инвентарная стоимость 11 306 000 долларов. Означенные сведения сообщены Американскому Правительству[82].

Итоги деятельности Отдела по снабжению за период с 1 мая 1918 г. по 15 июня 1919 г. выглядели следующим образом. Поступило в Отдел по снабжению от ликвидированного Заготовительного комитета имущества на 89 757 759 долл. (здесь и далее опущены центы); из других источников имущества на 6 695 176 долл. Имущество на общую сумму 96 452 935 долл. постигла следующая участь. Большая часть — на сумму 62 134 977 долл. — досталась британскому правительству, главному кредитору России. Американскому правительству были переданы различные запасы на сумму 2 812 072 долл. Часть имущества была продана за 2 192 812 долл., списана — на сумму 13 377 долл. В Россию было отправлено различных предметов снабжения на сумму 21 603 565 долл. К этому следовало добавить имущество, высланное миссией Министерства путей сообщения на общую сумму 10 735 212 долл. Миссия МПС подчинялась посольству, но бухгалтерский учет велся отдельно

Таким образом, белые получили из США вооружения, боеприпасов, товаров «двойного назначения» на сумму 32 338 777 долл.[83].

В Новороссийск, т.е. для Вооруженных сил Юга России, было поставлено имущества на 3 079 153 долл., что составляло менее 10% всех поставок в Россию, в Архангельск — на 603 729 долл. Остальное было направлено во Владивосток. Таким образом, колчаковское правительство до июня 1919 г. получило почти 90% всех предметов снабжения, отправленных Российским посольством и миссией МПС в США. К середине июня стоимость запасов, числившихся за Отделом по снабжению, сократилась более чем в 13 раз, составив 7 696 013 долл. Больше половины стоимости составляли сапоги — их насчитывалось 897 284 пары на сумму 4 469 050 долл., затем шла кожа — 9829 кип на сумму 1 960 171 долл. и узкоколейные паровозы (заготовленные по поручению и на средства Пекоспарма — Петроградского областного земско-городского комитета по снабжению армии) — 48 штук общей стоимостью 602 880 долл. Остальное составляли земледельческие орудия, моторы, станки и инструменты и т.п.[84]

В составленном позднее отчете Отдела по снабжению за период с 1 мая 1918 г. по 1 июля 1919 г. приводятся несколько иные данные, включающие уточненные цифры и движение имущества за последние две недели июня. В отчете учтены также отправки и продажи имущества, числившиеся за миссией МПС. Согласно отчету белым правительствам было отправлено имущества на сумму 31 795 144 долл., чехословацкому корпусу, британскому генералу Блэру и Американскому Красному Кресту в Сибири — на 5 164 050 долл., через разные организации (Союз сибирских маслодельных артелей и др.) — на 5 295 908 долл. Британскому правительству было передано различных материалов на 63 144 085 долл. За этот период было продано имущества на 12 190 861 долл.[85]

На 1 июля 1919 г. инвентарная стоимость имущества, числившегося за Отделом по снабжению, составляла 7 666 171 долл., за миссией МПС — 12 841 481 долл.[86]

Перекос в поставках в Россию в пользу Востока объяснялся, кроме позднего установления связи с Югом, технической причиной. Эта техническая причина была вызвана, в свою очередь, особенностями финансовых и политических отношений посольства с американской администрацией. Средства на оплату процентов по займам, предоставленным американским правительством, иссякали. Причем посольство, по словам Угета, «в вопросе оплаты про-

центов проводило коренное различие между кредитами, полученными от американского правительства, и займами, заключенными в Соединенных Штатах на открытом рынке. Посольство считало, что с правительством всегда можно достичь соглашения об отсрочке, не нанося ущерба кредиту России, в то время как неоплата процентов на открытом рынке прямым образом влияла на нашу кредитоспособность»[87].

Российские дипломаты в США все еще считали большевизм временной неприятностью и думали о финансировании грядущего восстановления России!

Однако федеральное правительство, опасаясь ответственности перед Конгрессом, настаивало на своевременных платежах по займу. Казначейство, по словам Угета, запросило сведения «о состоянии нашего имущества, недвусмысленно давая понять, что уклонение от уплаты процентов поведет к захвату и реализации потребной для указанной надобности части нашего имущества»[88].

В связи с этим посольство приняло меры для скорейшего вывоза «всего нашего имущества из Америки на русскую территорию», а именно приступило к «усиленной» фрахтовке пароходов для отправки имущества во Владивосток. Неясно, каким образом посольство рассчитывало отправить имущество, если бы американское правительство все-таки приняло решение о его конфискации в обеспечение государственного долга. Но этого, как мы знаем, не произошло. «Проект Принкипо» провалился, и весной 1919 г. политика американского правительства вновь изменилась, на сей раз в благоприятную для белых сторону. Однако суда уже были зафрахтованы, и «отправки в своей большей части по-прежнему продолжались во Владивосток, согласно указаниям Российского правительства»[89].

Вооруженные силы Юга России до середины 1919 г. получили весьма незначительные — по сравнению с необходимостью — поставки от российских представителей в США. Особое недовольство Деникина вызвали дошедшие до него сведения о том, что Угет считает необходимой передачу в распоряжение посольства валюты, вырученной от продажи сырья, доставленного в США с Юга России на пароходе «Владимир». Деньги предполагалось потратить на оплату расходов по отправке грузов из Нью-Йорка в Новороссийск на пароходах «Иртыш» и «Иркутск». Деникин отправил по этому поводу 15/28 июля 1919 г. возмущенную телеграмму Колчаку, с копией в Париж Сазонову:

> Валюта, вырученная от продажи сырья парохода «Владимир», имеет специальное назначение на получение и печатание денежных знаков и находится в распоряжении особого комитета под председательством Торгового Уполномоченного Добровольческой Армии Морозова, поэтому желательно оплату расходов по отправке военного снаряжения, заказанного Русским Правительством, производить из остатков кредитов, отпущенных на этот предмет [из] имеющихся в распоряжении Бахметева. Считаю совершенно неправильным, что многие предметы военного снаряжения, крайне необходимые Добровольческой Армии, как например сапоги и железнодорожное имущество, оставшиеся в Америке, продаются Бахметевым и суммы, вырученные от продажи, поступают в безотчетное распоряжение Бахметева, равным образом остатки кредитов на приобретение отправку снаряжения из Америки тратятся не по прямому назначению. Прошу не отказать приказать расследовать это дело и установить порядок правильного расходования наших военных кредитов за границей. Военное снаряжение надлежит отправить Новороссийск без всякого промедления, в особенности сапоги, в которых армия терпит недостаток[90].

Угет, в свою очередь, телеграфировал в Омск, что с образованием единого Российского правительства (т.е. с признанием Деникиным верховенства Колчака) считает необходимым сосредоточение валюты на единых счетах и расходование ее «исключительно по централизованным указаниям Министерства финансов». Поводом для этого предложения как раз послужил эпизод с пароходом «Владимир». Выручка от продажи сырья, доставленного на судне, могла составить, по предположению Угета, около миллиона долларов. Деньги должны были поступить в распоряжение П.А. Морозова, председателя Русского торгового комитета в Нью-Йорке, учрежденного по распоряжению Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР. Угет запрашивал Михайлова, не сочтет ли тот желательным «вступить по этому вопросу в непосредственные переговоры с югом России»[91].

Наряду с деловыми соображениями, на наш взгляд, налицо была конкуренция между двумя центрами Белого движения, еще недавно боровшимися за первенство, а также ведомственная конкуренция. Колчаковское правительство хотело утвердить себя в качестве реальной, а не декларативной верховной власти. А что может быть более реальным, чем распоряжение деньгами? Очевидно, что и появление Торгового комитета, действующего параллель-

но и независимо от Отдела по снабжению посольства и финансового агентства в Нью-Йорке, вряд ли могло понравиться Бахметеву и Угету. Впрочем, в этом была не только ведомственная конкуренция. Учитывая ограниченность ресурсов, необходимо было тратить их наиболее рациональным способом.

Сукин также обращал внимание Михайлова на необходимость «сосредоточения поступающей от реализации сырья валюты в одних руках и расходования таковой по распоряжениям Министерства финансов». «Со своей стороны» управляющий МИД «полагал бы целесообразным и желательным передать производство валютных операций в Америке в ведение Российского Посольства в Вашингтоне»[92].

Омск солидаризировался с позицией Угета. Еще до официальной реакции Михайлова (неофициальная, видимо, последовала раньше) Новицкий телеграфировал финансовому агенту:

> Озабочены централизацией помещения заказов и закупок за границей. Требуем от ведомств представления Министерству финансов всех своих предположений в этой области... считаем централизацию безусловно необходимой во избежание многочисленных недоразумений и полной запутанности дела. Министр финансов просит Вас выдавать предметы снабжения ведомствам и вступать в какие-либо обязательства по сделкам совершаемым ими только при наличии нашего согласия. То же относится к отправкам Деникину и другим[93].

Официальная позиция Омского правительства по существу вопросов, поднятых в телеграмме Деникина, была сформулирована в докладе Михайлова Колчаку (судя по дальнейшим событиям, одобренным адмиралом) и в письме Сукину от 14 августа 1919 г.

Частный вопрос о расходовании валюты, вырученной от продажи сырья, доставленного на пароходе «Владимир», был использован Михайловым для утверждения принципов взаимоотношений Омска с командованием ВСЮР. Министр не возражал против расходования вырученных сумм на нужды Добровольческой армии, «без сношения о том с Омском», но считал необходимым «поставление этих сумм на особые счета и расходование их по известной программе, координированной с деятельностью Министерства Финансов в Омске. Только при этом условии можно наладить дело заграничного снабжения и равномерного расходования сумм». Впрочем, и по частному вопросу Михайлов стал на сторону Угета,

пояснив, что его предложение было вызвано отсутствием валюты для отправки на Юг военного снаряжения. Министр одобрил продажу посольством «менее нужного имущества для удовлетворения более срочных нужд по снаряжению и снабжению армии». Распоряжение оставшимся имуществом «находится фактически, ввиду особенностей положения, занятого в отношении нас американским правительством, в руках Российского Посла в Вашингтоне, но производится теперь с нашего ведома и согласия», — заключил Михайлов[94].

Таким образом, Омское правительство полностью поддержало действия российских финансистов и дипломатов в США. Деникину пришлось пожинать плоды своего подчинения Колчаку. Заметим, что при теоретической целесообразности централизации закупок и снабжения как будто не вполне учитывалось одно решающее обстоятельство — крайне медленная и ненадежная связь центров Белого движения друг с другом, так же как с заграничными представительствами в Европе и США. В особенности это касалось Юга.

Начальник канцелярии Сазонова барон М.Ф. Шиллинг немедленно запросил мнение генерала Э.К. Гермониуса о претензиях Деникина.

Вновь вступивший в должность начальника Управления заграничного снабжения русских армий 55-летний генерал-лейтенант Эдуард Карлович Гермониус был человеком более чем компетентным. Он окончил Михайловскую артиллерийскую академию, служил на Ижевских военных заводах, затем был начальником построенного под его руководством завода. 15 июля 1914 г. был назначен заведующим артиллерийскими приемками. Бывал в Западной Европе как с научными целями, так и для приемки заказанного во Франции вооружения (которое было им, кстати, забраковано). Вскоре после начала Первой мировой войны был командирован в Японию во главе комиссии для заготовки артиллерийского снаряжения; вернувшись через семь месяцев в Петербург (ставший уже Петроградом), был направлен в Лондон для заготовки военного и гражданского снабжения. 1 января 1916 г. Гермониус был назначен председателем Русского правительственного комитета в Лондоне, ведавшего всеми российскими заказами в Великобритании. За годы войны Гермониус четыре раза ездил в командировки в США. После ликвидации Русского правительственного комитета в Лондоне Гермониус не остался «на улице» — он был принят на службу на заводы Виккерса. Однако через полгода, откликнувшись на призыв

князя Г.Е. Львова, возглавлявшего в это время Русское политическое совещание в Париже, принял на себя заведование заграничным снабжением белых армий[95]. Таким образом, Гермониус отлично представлял себе обстановку и условия заготовительной деятельности как в Европе, так и в США и был лично знаком с Угетом, служившим поначалу в Лондоне, и с Бахметевым.

Гермониус немедленно откликнулся на запрос Шиллинга. Он проинформировал дипломата, что после прекращения русской армией боевых действий против Германии и Австро-Венгрии Главное управление заграничным снабжением распорядилось передать заготовленное за границей имущество в распоряжение союзников, «когда в этом у них встретится надобность, и о ликвидации остального имущества путем продажи, когда в этом явится возможность, хотя бы продажа была совершена с некоторым убытком»[96]. Понятно, что это распоряжение было сделано для того, чтобы имущество не попало в руки большевиков, пришедших к власти в Петрограде.

После заявления большевиков, что они не намерены платить по заграничным займам, союзники секвестровали российские капиталы и имущество. Имущество они распродавали по своему усмотрению. Исключением стали США, отчасти потому, что российская задолженность Америке была сравнительно невелика, но «главным образом потому, — подчеркивал Гермониус, — что, распоряжаясь оставшимися капиталами и имуществом, посол Бахметев и финансовый агент Угет смогли до самого последнего времени уплачивать проценты по займам в Америке и таким образом аннулировать заявление большевиков о прекращении платежей по русским заграничным займам»[97].

Гермониус указывал, что благодаря умелым действиям Угета и Бахметева им удалось выкупить у заводов Ремингтона и Вестингауза винтовки, заказанные, но не оплаченные в свое время Российским правительством. Для оплаты процентов по американским займам, а также для получения средств с целью оплаты винтовок Угету пришлось продать часть имущества (прежде всего рельсы), требовавшего большого тоннажа для переправки в Россию и крупных платежей за хранение на американских складах. Гермониус сообщал, что если обувь и была продана, то в небольшом количестве и тогда, когда речь об отправке ее в Россию еще не шла. По его сведениям, на складах российского Отдела по снабжению еще имелись большие запасы обуви и кожи.

Само собой разумеется, — заключал генерал, — что действия Угета, как председателя Русской Ликвидационной Комиссии, никоим образом не носят ни тени характера не только корыстного, но даже просто легкомысленного.

Угет в своей должности Финансового Агента и председателя ликвидационной комиссии заслужил репутацию превосходного финансиста и пользуется, смело могу сказать, величайшим уважением среди правительственных и финансовых кругов Северо-Американских Соединенных Штатов[98].

Позднее Гермониус инспектировал деятельность посольства в ходе командировки в Нью-Йорк и Вашингтон с 13 сентября по 2 октября 1919 г. Целью поездки было получить военное снабжение от американского правительства и выяснить, правильно ли расходовались «суммы, материалы и изделия, находившиеся в распоряжении Ликвидационной комиссии в Нью-Йорке (отдела снабжения при русском Посольстве в Америке)»[99]. Поручение проверить финансовую деятельность посольства, по-видимому, дал Гермониусу лично Деникин. 21 октября 1919 г. Сазонов передал по телеграфу в Омск и Таганрог, где в то время находилась ставка Деникина, донесение генерала Гермониуса, только что вернувшегося из США: «Бахметев и Угет неустанно работают по вопросам снабжения. Что касается приписываемых им злоупотреблений в расходовании имущества, перешедшего от Заготовительной комиссии, то, основываясь на письме старшего ревизора и на личном знакомстве с отчетностью, отрицаю их. Полагаю, что вероятный источник неблагоприятных слухов — бывшие члены Заготовительной комиссии, отставленные от службы за сокращением штатов»[100].

Отчетность в российских финансовых и заготовительных учреждениях в США была действительно на высоте. В архиве посольства сохранились сотни счетов и других финансовых документов, от миллионных контрактов на поставки вооружения и боеприпасов до докладной записки о выделении 75 долларов на дезинфекцию в связи с появлением в некоторых комнатах здания финансового агентства в Нью-Йорке «различного рода насекомых»[101].

Позднее Гермониус представил Деникину подробный отчет с пятнадцатью приложениями. Один из разделов отчета был озаглавлен «О злоупотреблениях при ликвидации имущества». Однако никаких злоупотреблений Гермониус не обнаружил:

> По вопросу о злоупотреблениях со стороны отдела снабжения при русском посольстве в Америке при ликвидации имущества, полагаю не может быть сомнений: злоупотреблений не было и не могло быть при той отчетности, которая там ведется, по отсутствию продажи в частные руки сколько-нибудь значительного имущества, при наличии контроля как со стороны представителей нашего Государственного контроля, так и со стороны Американского правительства[102].

Далее приводились сведения о продаже рельсов, колючей проволоки и другого имущества, осуществленных Отделом по снабжению посольства. «Продажи производились не только под контролем членов русского государственного контроля, — подчеркивал Гермониус, — но еще при участии высших чинов американского правительства, а именно: товарища председателя Управления военной промышленности Александра Лонга и одного из высших чинов департамента казначейства, Нормана Дэвиса»[103].

Денежные отчеты Отдела по снабжению, содержавшиеся в одном из приложений к отчету Гермониуса, были даны для прочтения и заключения члену финансово-экономической комиссии, директору Международного банка А.И. Вышнеградскому, который нашел их «вполне удовлетворительными»[104].

«Недоумеваю по поводу выступления Екатеринодара, — телеграфировал Бахметев Сазонову, реагируя на претензии Деникина, сообщенные ему министром, — так как ни Угету, ни мне по возвращении [из поездки на военные заводы. — *О.Б.*] Вольф никаких претензий не предъявлял. Все, что можно, для снабжения Юга Посольством делалось. Кроме "Иртыша" и "Владимира", отправленных Новороссийск сапогами, снарядами, железнодорожными материалами, удалось устроить 3-й пароход с отправкой начале сентября. Жалобы на распоряжение деньгами неосновательны. Вырученными с "Владимира" средствами распоряжается исключительно Морозов. Недоразумение вызвано неправильным представлением об имеющихся у нас средствах, которые в результате отправки Россию 16 пароходов пришли концу и без новых займов их не хватит даже на содержание Посольства сентябрьской трети»[105].

Посольство, вопреки слухам, будоражившим Деникина и его окружение, полным ходом снабжало войска белых оружием, обмундированием, как и товарами гражданского назначения. Продолжались согласованные ранее поставки в Сибирь. До 15 мая 1919 г. колчаковским войскам было отправлено 168 тыс. винтовок, в

последних числах мая — еще 50 600. В июне 1919 г. пароходом «Вестхиликс» во Владивосток были отправлены 10 тыс. винтовок и 25 ящиков запасных частей к ним, пароходом «Хеврон» — 30 500 винтовок и 30 ящиков запасных частей[106].

В середине июля 1919 г. Угет телеграфировал в Париж и Омск, что ему удалось договориться с военным министерством о приобретении в кредит (в качестве гарантии в Сан-Францисском отделении казначейства предполагалось депонировать золото в размере 10% от общей стоимости винтовок) 268 тыс. винтовок, причем первые 80 600 винтовок должны были быть отправлены из Сан-Франциско во Владивосток 26 июля на военном транспорте «Томас», а еще 100 тыс. предполагалось отправить на Юг[107]. Несмотря на холодный прием, оказанный Угетом Вольфу (во всяком случае, по впечатлению Вольфа), финансовый агент оперативно предпринял шаги по выполнению заказов Вооруженных сил Юга России. Угет сразу же передал в Омск ходатайство Вольфа о том, чтобы на Юг были отправлены 200 тыс. шрапнелей вместо разрешенных 100 тыс. Сообщив о достигнутом соглашении о покупке винтовок у американского правительства, Угет одновременно просил телеграфировать, «возможно ли 150 тыс. винтовок с некоторым количеством патронов уделить генералу Деникину, о чем настойчиво просит полковник Вольф, свидетельствующий о крайнем недостатке ружей на юге». На следующий день Угет «испрашивал разрешения» Верховного правителя отправить Деникину, «согласно данным, представленным полковником Вольфом о потребностях снабжения... сил юга» 300 тыс. шрапнелей с трубками в дополнение к запрошенным ранее 200 тыс.; 50 тыс. ружейных плечевых ремней, а также насосы, моторы, 40 сноповязалок, 418 жатвенных машин[108].

Обратным рейсом на пароходе «Владимир», вышедшем из Нью-Йорка 9 августа 1919 г., Деникину было отправлено 199 880 штук шрапнелей, 200 400 дистанционных трубок, 28 тыс. винтовок, 3 092 143 ружейных патрона, 605 ящиков запасных ружейных частей, 85 700 пар сапог, 1138 кип кожи, 1950 поперечных пил, к ним 124 дюжины напильников и 600 штук молотков, один узкоколейный паровоз, 3 ящика инструментов и краски, 10 пишущих машин, два сейфа[109]. Общая стоимость имущества, отправленного на «Владимире», составила 5 301 078 долл. 5 центов[110].

На сентябрь 1919 г. из 268 тыс. винтовок, уступленных американским правительством, было отправлено в Россию 191 913 винтовок, из них Деникину — 100 тыс.[111]

Отправки снабжения Деникину продолжались и далее. В сентябре—ноябре 1919 г. на Юг России было отправлено четыре парохода. На пароходе «Блэк Эрроу» (вышел из Нью-Йорка в Новороссийск 25 сентября) было отправлено, в частности, 141 800 пар сапог, 810 кип подошвенной кожи, 44 020 винтовок, приобретенных у американского правительства, 100 вагонов, 43 т запасных частей к ним и тормозов, 44 т паровозных частей и т.д. На пароходе «Доше» (7 октября) — 93 200 пар сапог, 702 кипы кожи, 28 тыс. винтовок, 10 паровозов, 697 т рельсов и т.д. На пароходе «Сангамон» (19 ноября) было отправлено 328 604 шрапнели, 347 100 дистанционных трубок и 500 установочных ключей к ним, 377 ящиков запасных ружейных частей, 10 паровозов «Декапод», 41 т запасных паровозных частей, 2 т вагонных частей, 8 катушек электрического кабеля и т.д., всего имущества весом 5250 т. Общая стоимость превышала 6 млн долл. На пароходе «Сисинава», вышедшем 25 ноября из Нью-Йорка в Новороссийск, были отправлены: оружейно-починочная мастерская, оборудование которой заняло 610 ящиков; 12 машинок для набивки пулеметных лент Кольта; 1050 мест с 240 жатвенными машинами и 24 сноповязалками; 528 ящиков с 200 комплектами пневматических молотков для каменноугольных копей; 163 ящика с 36 трансформаторами переменного тока и другое оборудование. Общая стоимость имущества, груженного на шесть пароходов (к перечисленным выше следует добавить «Иртыш», вышедший из Нью-Йорка 28 мая 1919 г.), направленных Деникину, составила без малого 17 млн долл.[112]

Снабжение отправлялось также антибольшевистским силам, действовавшим на Севере и Северо-Западе. Так, в июле 1919 г. в Архангельск на пароходе «Виконт-Бридж» было отправлено 75 тыс. пар сапог, 700 кип подошвенной кожи, 30 800 поперечных пил, 11 сенокосилок, 49 тыс. кос, 17 443 фунта пергаментной бумаги. Общая стоимость груза составила около 604 тыс. долл., морской фрахт около 60 тыс. долл., накладные расходы около 112 тыс. долл. Генералу Юденичу на пароходе «Пауни» было отправлено 300 тыс. трехдюймовых патронов и 303 660 дистанционных трубок к ним, 6000 винтовок, 8169 ящиков грузов Американского Красного Креста и др. Стоимость груза составляла 5 423 819 долл. 63 цента. «Пауни» вышел из Филадельфии в Ревель (Таллинн) 17 декабря, так что боеприпасы армии Юденича уже не пригодились. «Пауни» был перенаправлен в Новороссийск. Однако по пути он потерпел аварию в районе Данцига. Имущество было перегружено на пароход «Баль-

зам»; ввиду неясности положения на Юге его маршрут несколько раз менялся. В итоге пароход был разгружен в Каттарро (Которе). Впоследствии груз был отправлен генералу Врангелю[113].

«...Все решительно просьбы правительства Добровольческой армии, Северного и ген. Юденича, которые только дошли до посольства и были санкционированы Российским правительством, были полностью удовлетворены, за исключением лишь вопроса о банкнотах для Юга России [банкноты должны были быть заказаны за счет выручки от продажи сырья, доставленного в США на пароходе «Владимир». — *О.Б.*], который первоначально вызвал отказ Министра финансов», — не без оснований писал Угет[114].

Угет указывал на то, что верховной властью посольство считало адмирала Колчака и его правительство. Поэтому и приоритет в снабжении отдавался Востоку, а не Югу. Вооруженные силы Юга России получали снабжение постольку, поскольку правительство Колчака это санкционировало. Между тем связь между ними была налажена еще хуже, чем между посольством и каждым из этих центров антибольшевистского движения в отдельности. Координация практически не осуществлялась; как уже говорилось выше, налицо была конкуренция и как следствие этого — предпочтение собственных интересов интересам белых армий, действовавших в других частях России. Это касалось как распределения снабжения, поступавшего из США, так и расходования валюты, когда она появилась в результате продажи золота.

Наибольшее количество различного вооружения и других предметов снабжения из США было получено Российским правительством. Снабжение отправлялось до последних дней существования колчаковского режима. Последний пароход вышел из Нью-Йорка во Владивосток 18 декабря 1919 г. Назывался он символично — «Омск». К этому времени колчаковское правительство уже оставило Омск и передвигалось все дальше на Восток. На «Омск» было погружено 3305 кип кожи, два санитарных автомобиля с запасными частями, 125 пулеметов Кольта, три полевых орудия, 543 ящика ружейных запасных частей, 948 ящиков стали и изделий из нее для Томского ружейного завода, 8 судовых двигателей, моторный катер с радиотелеграфом, для Министерства путей сообщения было отправлено 3220 бочек костылей (железных штырей, при помощи которых крепились рельсы к шпалам), 1048 колесных пар, 9 тонн листовых вагонных частей; для Министерства земледелия было предназначено 13 ящиков микроскопов, Союзу сибирских мас-

лодельных артелей для передачи Министерству снабжения — 3850 обмерных тонн теплых вещей и сукна; пароход должен был также доставить 1169 тонн грузов Американского Красного Креста[115].

Колчаковское правительство пало раньше, чем «Омск» добрался до места назначения. Часть имущества на сумму 419 560 долл. была разгружена в Японии и передана в распоряжение российского военного агента для последующей передачи остаткам сибирской армии, возглавлявшимся генералами В.О. Каппелем и С.Н. Войцеховским. Ни в Вашингтоне, ни в Токио, по-видимому, не знали, что Каппель уже мертв. Далее «Омск» отправился почти на другой конец света и в результате был разгружен в Константинополе. Военный транспорт «Рион», на который было перегружено имущество с «Омска», отправился в Севастополь, чтобы доставить груз Врангелю. Но, видимо, над этим грузом тяготел какой-то рок. «Рион» прибыл к берегам Крыма как раз в момент эвакуации и был вынужден повернуть обратно. В Константинополе почти весь груз с «Риона» был конфискован французскими властями[116].

Всего за период с 1 мая 1918 г. по 1 ноября 1920 г. Отделом по снабжению Российского посольства было отправлено различного имущества (включая числившееся за миссией МПС) антибольшевистским силам в России на общую сумму 80,1 млн долл., в том числе:

Российскому правительству в Омск на 37 млн долл.

Различным организациям в Сибири (чехословакам, Сибирскому железнодорожному корпусу, Сибирским кооперативам, Американскому Красному Кресту) — на 10 млн долл.

На Юг России — на 25,5 млн долл.

Северному областному правительству — на 1,6 млн долл.

Генералу Юденичу — на 6 млн долл.

Кроме того, финансовым агентством было произведено различных платежей за счет средств, полученных от Омского правительства, и кредитов (главным образом за счет «золотого» займа) на общую сумму около 30 млн долл.[117]

Приведенные выше итоговые данные включают отправки и платежи, произведенные после падения Колчака и отставки Деникина; о них пойдет речь в следующей главе. По иронии судьбы львиная доля средств, полученных под залог «колчаковского золота», была израсходована уже после гибели адмирала.

Деньги Центропрома

В распоряжении Бахметева с ноября 1917 г. находилось около миллиона долларов, принадлежащих Центральному военно-промышленному комитету (Центропрому, ЦВПК). Бахметев наряду с посольством возглавлял и представительство ЦВПК в США. Средства Центропрома, по мнению Угета, «как валюта, не использованная по прямому назначению, формально должна была бы считаться находящейся в распоряжении Казны». Однако в ноябре 1917 г., когда российским авуарам в США грозил секвестр, Бахметев с Угетом сошлись на том, что средства ЦВПК целесообразно хранить «в частных формах»[118]. Ответственность за хранение и расходование центропромовских денег разделил с Бахметевым и Угетом В.Н. Башкиров, бывший товарищ министра продовольствия Временного правительства, также представлявший ЦВПК в США; до Америки он добрался в 1918 г. Башкиров фактически замещал Бахметева в должности руководителя представительства ЦВПК в США. Как можно судить по материалам личного фонда Башкирова, хранящегося в Гуверовском архиве, представительство Центропрома служило своеобразной «черной кассой» посольства. Центропромовские деньги американское правительство как будто считало средствами общественной организации, не несущей обязательств по долгам Российского правительства. Это был один из немногих ресурсов, которым можно было распоряжаться без согласования с американской администрацией.

Затронуть центропромовские деньги пришлось весной 1919 г., когда средств на оплату процентов по займам стало не хватать. Угет опасался, что в случае неуплаты процентов счета и имущество посольства будут арестованы. Он запросил одобрения Бахметева на то, чтобы использовать для этой цели деньги ЦВПК. Бахметев отнесся к идее Угета настороженно: «Признавая принципиальную возможность расходования сумм Центропрома на экстренные государственные нужды, считал бы в настоящем случае возможным дать свое согласие лишь при самых крайних обстоятельствах... Опасаюсь далее, как бы ряд затрат из сумм Центропрома на прямые казенные потребности не дал основания Американскому Правительству неправильно понимать характер этих сумм и распространить на них предполагаемые меры»[119]. Под «предполагаемыми мерами» подразумевался секвестр остатков средств и имущества, по примеру Англии и Франции.

> Относясь к означенной валюте со всей возможной бережливостью как к нашему последнему ресурсу, — телеграфировал Угет Бахметеву в Париж, — вместе с тем в условиях текущего момента ее приходится затрагивать преимущественно на политические надобности. Подобных расходов за Ваше отсутствие, по соглашению с Башкировым, произведено примерно на 100 000 долларов. Остаток 900 000 долларов, из коих 400 000 долларов остались в Национальном Банке, а 500 000 долларов по моим настояниям ввиду тревожности момента переведены Башкировым на специальный его частный счет в Гаранти Трест, оформив при этом внутренним документом принадлежность последней суммы Центропрому[120].

«Внутренним документом» была расписка Башкирова в том, что «ввиду чрезвычайных обстоятельств» на его вновь открытый частный счет в Гаранти Траст Ко. переведено 500 тыс. долл. из сумм Центропрома и что впоследствии деньги будут переданы им в распоряжение Бахметева[121].

Бахметев отнесся к действиям Угета без восторга: во-первых, расход оказался в пять раз больше, чем это следовало из предыдущих телеграмм Угета, во-вторых, он считал, что речь идет «только о позаимствовании, так как использования средств [Центропрома] на уплату процентов составят опасный прецедент». Не понравилось Бахметеву и заключение Угета о том, что неиспользованная центропромская валюта должна считаться государственной: «Во избежание недоразумения напоминаю, что, приняв во внимание все Ваши доводы, я, однако, не согласился с Вашим заключением. Суммы Центропрома никоим образом не могут считаться находящимися [в] распоряжении Казны»[122].

Тем не менее Бахметеву еще не раз пришлось тратить центропромовские деньги на казенные надобности, включая содержание посольства. К концу 1920 г. было израсходовано все же меньше половины всех центропромовских денег. По нашим расчетам, остаток составил 560 тыс. долл.

«Надо... хоть в одном случае быть деловой нацией»: поташная операция

Немало крови попортила Бахметеву поташная операция. Предыстория этого дела такова. До начала войны главным поставщиком поташа[123] на мировом рынке была Германия. В США поташ продавался по 4—4,5 цента за фунт. В 1916 г. поташ стоил уже 40

центов за фунт, в 1917 г. заключались сделки и по цене в 60 центов. Причиной резкого подорожания поташа была потребность заводов, изготовлявших взрывчатые вещества. В России в 1914 г. поташ продавался по 270 руб. за тонну, в 1917-м — по 960 руб. Первые партии русского поташа, поступившие на американский рынок, были проданы по 550 долл. за тонну, а в сентябре 1917 г. на торгах при стартовой цене 600 долл. по цене 751 долл. за тонну. Однако переход заводов на более дешевую соду снизил потребность в поташе, которая оценивалась в конце 1917 г. в 2000—3000 т в год. Прибытие из России партии поташа весом 4000 т «в сильной степени испортило рынок». К тому же с декабря 1917 г. в США стал поступать более качественный японский поташ, который продавался по 40—42 цента за фунт. Ожидалось также поступление на рынок поташа местного производства по цене максимум 300 долл. за тонну.

В этой ситуации автор неподписанной «Записки о русском поташе», сохранившейся среди бумаг В.Н. Башкирова, считал целесообразным продать поташ по 375 долл. с наценкой за расходы по доставке и страховке. По его мнению, «одновременная продажа всей партии в одни руки по цене даже 38 центов за фунт стала совершенно невозможной»[124]. Цитируемая записка относится, судя по контексту, к началу 1918 г. А дальше наступила «поташная катастрофа», обвальное падение цен на недавно столь дефицитный товар. Критики Бахметева ставили ему в вину неудачу поташной операции и связанные с ней убытки казны.

По собственной инициативе в «рассмотрение известного "поташного дела", о котором так много ходило темных слухов, но так мало было сказано что-либо достоверного», вошел генерал Гермониус[125]. Фрагмент о «поташном деле» в его отчете о поездке в США один из самых интересных, поскольку воспроизводит в деталях не только подробности печальной для российских финансов истории, но и дает представление об освоении российскими представителями рыночной экономики.

Гермониус заслушал доклад А.Ф. Стааля, прокурора Московской судебной палаты при Временном правительстве, занимавшегося продажей поташа. Совещание происходило на квартире Угета, в присутствии П.А. Морозова, В.Н. Башкирова, И.Г. Знаменского, товарища министра снабжения и продовольствия Омского правительства, и помощника Стааля инженера В.Д. Соскиса. Суть дела выглядела следующим образом: ЦВПК запродал поташ в количестве 5 тыс. т американской фирме «Герман и Герман». Фирма, объя-

вившая о сделке, обанкротилась, так как цена, достигшая на момент подписания договора максимума в 1,09 долл. за фунт, немедленно упала до восьми центов. Годовая потребность США, как выяснилось, не превышала 3200—3500 т. До сентября 1918 г. было продано лишь небольшое количество поташа, и лица, ведавшие этим делом, после третейского разбирательства при участии Бахметева, Башкирова и известного промышленника С.С. Новоселова были отстранены от дела. Продажа была поручена Стаалю.

Обсуждалась даже идея утопить часть поташа в море и об этом объявить. Однако она не получила поддержки. Часть поташа потихоньку продали в Скандинавию, часть, мелкими партиями, американским потребителям. В результате цена к сентябрю 1919 г. поднялась до 20 центов за фунт, достигнув среднего значения 13 центов за год.

Положительная сторона этого неудачного предприятия, по мнению Гермониуса, заключалась в следующем:

1) Россия выступила на международном рынке для сбыта своего товара сама[126]. До самого последнего времени едва ли не одни только кооперативы решались сами вывозить свой товар за границу и там им торговали и сами диктовали цены.

2) Как ни слаба оказалась наша русская организация по торговле поташа, она все-таки справилась с делом и подняла цену на товар с 8 до 20 центов...

3) Русская торговая организация выяснила, что должна сделать Россия для прочного завоевания рынка поташа:

а) необходима по-прежнему правительственная или иная монопольная организация для скупки всего поташа в России и для установления определенных качественных норм товара;

б) необходимо товар для продажи везти на рынки сбыта в Америку и Европу малыми порциями, едва удовлетворяющими местный спрос;

в) необходимо или, по крайней мере, желательно вывозить поташ, как и другой русский товар, на русских же судах, для сохранения в русских руках выгоды фрахта;

г) необходимы непосредственные сношения с потребителями, что уже достигнуто русской поташной организацией в Америке, которая ведет постоянные сношения с 150-ю потребителями;

д) необходимы манипуляции по держанию рынка в постоянном напряжении от возможности недостачи поташа;

е) весьма вероятно, что в России изготовляется высокосортного

поташа больше, чем это нужно для насыщения своего и заграничного рынков.

В этом случае переделку высокосортного поташа на низкосортный для целей удобрения земли следовало бы производить исключительно для потребления в самой России, а не за границей[127]

Гермониус заметил, однако, что может только предполагать, в чем заключаются «отрицательные стороны русского поташного дела... так как ни в докладе, ни в отчетах о них ничего не говорится». «Это умолчание о недостатках, — справедливо заключил он, — есть уже само по себе крупнейший недостаток». Так, не было проанализировано, почему в свое время было отдано предпочтение определенной фирме, каковы были условия, предлагавшиеся другими, и т.п. То есть, используя современную терминологию, почему не был проведен тендер.

Гермониус считал необходимым поставить во главе поташного дела химика, а именно — бывшего члена Русского правительственного комитета в Лондоне Н.А. Бубнова. Юриста Стааля можно было бы оставить при нем консультантом.

Несмотря на вроде бы верное понимание особенностей американского рынка, усвоенное российскими представителями в США, с поташом вскоре вновь возникли проблемы. Не прошло и двух месяцев после отъезда Гермониуса, как Стааль обратился к нему с письмом, в котором жаловался на неправильное отношение к делу П.А. Морозова. Тот к нему ни разу не зашел, постановкой вопроса о захвате рынка не интересовался, а опыт продажи им табака показал, по мнению Стааля, его полное непонимание условий местного рынка. В связи с тем что почти весь поташ был продан, Стааль собирался уехать в Европу на три месяца и опасался, что волжский поташ попадет в руки Морозова. Он предлагал оставить вместо себя по поташному делу Башкирова,

ибо он в общих чертах поташное дело знает и оперевшись на В.Д. Сосиса мог [бы] использовать технический опыт последнего, но тут возникает обычный российский «личный» вопрос:

П.А. Морозов обидится, Б.А. Бахметев заступится, С.А. Угет отстранится, В.Н. Башкиров вынужден будет доказывать, что он ничего не добивался и что сам не рад данному ему поручению.

А вопрос важный, — надо сейчас спасти сотни тысяч долларов, сохранить для России экспортный рынок и хоть в одном случае быть деловой нацией[128].

Далее ответственным за поташное дело стал Башкиров. Окончательно поташ был «ликвидирован» весной 1920 г.

«Кудеры[129] мне сегодня пишут о том, что они выдали последнюю расписку по поташу, — сообщал Бахметев Башкирову в начале апреля 1920 г., — и я еще раз хочу высказать Вам радость, что это мрачное дело кончено и, судя по всему, весьма удовлетворительно. Оно причинило Вам много хлопот, но такова судьба всех дел, называемых общественными»[130].

Штаты и оклады. Мемуары Г.Н. Михайловского как источник по истории «белой дипломатии». Попытки сместить Бахметева

О штатах российских дипломатических учреждений в США и об окладах их сотрудников ходили самые разные слухи. На Юге были уверены, что следует из цитировавшейся выше телеграммы Деникина, будто Бахметев бесконтрольно распоряжается российскими государственными средствами. В воспоминаниях толкавшегося некоторое время при дипломатических учреждениях Юга России бывшего юрисконсульта имперского МИДа Г.Н. Михайловского приводятся сведения о том, что Бахметев якобы увеличил себе жалованье до 160 тыс. долл. в год (в другом месте говорится о 13 тыс. долл. в месяц). Источником слухов, при передаче обраставших все более пикантными подробностями, был как будто все тот же полковник Вольф. Михайловский ошибочно считал его военным атташе в США[131].

Нам уже приходилось указывать, что воспоминания Михайловского, по крайней мере в той части, где речь идет о «белой дипломатии», — весьма ненадежный источник[132]. Тем не менее, поскольку некоторые современные российские историки мемуары Михайловского используют без всяких оговорок, причем принимают на веру не только сообщаемые им сведения, но и оценки, которые тот щедро раздавал современникам[133], позволим себе небольшой источниковедческий экскурс. Опираясь при этом исключительно на сам источник — упомянутые выше мемуары.

А свидетельствуют они о том, что Михайловский был на дипломатической службе в период Гражданской войны весьма недолгое время и никаких серьезных постов не занимал. Сведения, которые он сообщает в своих «Записках», основаны в значительной степе-

ии на слухах и его собственных домыслах. А то и просто сочинены мемуаристом.

До сентября 1918 г. Михайловский жил в Петрограде; затем перебрался в Крым, где остановился на семейной даче (с. 116 — здесь и далее ссылки на т. 2 «Записок» Михайловского). Здесь его разыскал Г.Н. Кутепов, бывший секретарь посольства в Константинополе, и пригласил от имени С.Д. Сазонова и А.А. Нератова на службу в дипломатическое ведомство Деникина, причем министр настаивал, чтобы Михайловский ехал немедленно.

«Расставаясь с Кутеповым, я дал ему слово, что приеду, и это слово сдержал, но приехал не через две-три недели... а через девять месяцев», поскольку «опыт саботажного движения и год в Петрограде под советской властью научили меня относиться скептически к успеху такого предприятия, каким было деникинское, даже ничего о нем не зная» (с. 123—124).

Вместо Екатеринодара Михайловский отправился в Киев, а затем в Екатеринослав, где семь месяцев преподавал в университете, не участвуя в политике и чувствуя себя, по его словам, в относительной безопасности. Михайловский был «неожиданно возвращен к жизни» письмом матери. Ее якобы посетил в Севастополе Сазонов «и через нее передал мне приказание немедленно ехать в Париж для участия в дипломатической работе нашего посольства и его, Сазонова, при Версальском конгрессе... При всем моем скептицизме в отношении возможности победы антибольшевизма, учитывая настроения масс в эту эпоху, я не мог не откликнуться на призыв Сазонова, считая, что если что и можно было сделать для России в это время, то не в самой России, а именно на Версальском конгрессе» (с. 161).

Ну что ж, Париж, как известно, стоит мессы. Михайловский отправился в апреле 1919 г. в Петроград (где он продолжал числиться преподавателем в Психоневрологическом институте и университете и получать жалованье из большевистской казны), надеясь выбраться за границу через Финляндию. Узнав, что это опасно, вернулся в Екатеринослав и уже оттуда выехал в Крым, где и дождался белых.

«На другой же день после прихода белых послал телеграмму в Таганрог в дипломатическую канцелярию при Деникине на имя Нератова, сообщая о своем местонахождении и спрашивая о Сазонове в связи с его вызовом меня в Париж. Через два дня я получил телеграфный же ответ от Б.А. Татищева, помощника Нератова, о

том, что им неизвестно о моей миссии в Париже, но место юрисконсульта в дипломатической канцелярии вакантно и ожидает меня» (с. 180). Михайловский счел это интригами Нератова, пожелавшего удержать его при себе.

«Признаюсь, я как-то сразу охладел к белой дипломатической канцелярии — можно сказать, я чуть не заплатил жизнью за попытку пробраться в Крым, чтобы ехать в Париж к Сазонову, пробовал и через Петроград, наконец, смастерил путешествие в Крым при всей трудности большевистских железнодорожных путешествий, и вдруг, когда я телеграфирую Нератову, он, вместо того чтобы помочь мне в большом деле, вызывает меня в Таганрог!» (с. 181).

В это же время Михайловский получил от своего родственника П.П. Гронского приглашение работать в Осваге (Осведомительно-информационное агентство, деникинское ведомство пропаганды) (с. 183). «Таким образом, я имел приглашение и по дипломатической части, и по части внутриправительственной работы, но мои личные дела семейного свойства заставили меня на этот раз повременить» (с. 183). И в самом деле — куда спешить? В Таганрог, в отличие от Парижа, всегда успеется. «Только в 20-х числах августа [1919 г. — *О.Б.*] я наконец отплыл из Ялты в Новороссийск на пароходе» (с. 184). Оттуда Михайловский отправился в новую деникинскую «столицу» Ростов-на-Дону.

В день приезда он встретил на улице Гронского, который рассказал ему о том, что организуется делегация в США от Освага «для осведомления Северной Америки о Белом движении», и предложил ему войти в ее состав. Гронскому был нужен дипломат со знанием английского языка. Михайловский не преминул воспользоваться этой возможностью: «Рассказав Гронскому, как со мной обошлись вопреки приказу Сазонова о моем отъезде в Париж, я сразу же решил, что если буду мямлить и запрашивать начальство, то американская делегация мне “улыбнется”, как “улыбнулся” Париж, несмотря на формальное требование министра, каким был Сазонов при Деникине. Мне оставалось лишь одно — поставить Нератова перед свершившимся фактом» (с. 187).

Но, конечно, наш мемуарист вовсе не ухватился за первую (точнее, вторую) подвернувшуюся возможность уехать из России в безопасное и сытное место. Цели его самые благородные: в США «на меня падала задача, с одной стороны, чрезвычайно ответственная, а с другой стороны, весьма заманчивая — стать посредником между Добровольческой Армией и Вудро Вильсоном, т.к. по амери-

канским законам всю внешнюю политику ведет сам президент» (с. 189). Итак, не пробыв в штаб-квартире белых и одного дня и не дойдя еще до места службы, Михайловский собрался представлять Добровольческую армию в Вашингтоне, нисколько не сомневаясь, что президент США будет вести с ним переговоры! В общем, «с Вильсоном на дружеской ноге».

Наконец, через девять месяцев после приглашения на службу, Михайловский исполнил свое обещание и явился в дипломатическую канцелярию: «Нератов, несмотря на всю свою выдержку, не мог скрыть крайнего изумления, узнав, что не прошло еще и 24 часов со времени моего приезда в Ростов, а я уже успел не только попасть в самую сердцевину внешней политики Деникина, но и заручился местом в этой делегации... Нератов... стал высказывать всякого рода сомнения. Как он будет без меня теперь? И что будет, если Добровольческая Армия возьмет Москву и придется формировать министерство?» (с. 192).

В самом деле, как же сформировать министерство без нашего Хлестакова от дипломатии? Михайловский утешил старого служаку: «В отношении возможного занятия Москвы я сказал Нератову, что, если это случится, он всегда может вызвать меня из Америки и что такое событие, как конец царства большевизма, само собой разумеется, настолько исключительно, что я ни одной лишней недели не задержусь за границей» (с. 192).

Михайловский явно не ощущал комизма сочиненного им текста.

Далее служба Михайловского свелась к ожиданию отъезда за океан. Делегация все не отправлялась по разным причинам. По-видимому, важнейшей из них была ее совершенная бесполезность. В конце концов представители Освага все-таки отбыли в Париж. Здесь Сазонов, расценивший это предприятие как попытку прокатиться в Америку за казенный счет, делегацию задержал. Еще бы — она должна была обойтись в 600 тыс. фр.[134] Делегаты тем не менее чего-то ждали, пока что получая жалованье в Лондоне у фон Бимена (с. 401—402). Новороссийская катастрофа деникинской армии никак не отразилась на их намерениях. Наконец сменивший Деникина Врангель, к вящему возмущению Михайловского, «ликвидировал» делегацию, приказав выдать ее членам по месячному окладу в качестве выходного пособия (с. 458).

Тут Михайловскому наконец пришлось послужить. С конца мая по начало декабря 1920 г. он был юрисконсультом Российского посольства в Константинополе. Затем уехал в Париж как бы курь-

ером и, по его словам, подал в отставку, получив 100 фунтов ликвидационных (с. 529, 672, 675—676).

После всего того, что *сам* Михайловский написал о своем отношении к Белому движению и своем реальном в нем участии, довольно забавно звучат его слова на последних страницах «Записок», что он был с Белым движением, «пока оно вело борьбу с большевиками в крови», но не последует за ним, «когда кровь заменяется грязью» (с. 676).

«Воспроизведенные» Михайловским в книге диалоги с первыми лицами русской дипломатии и финансового ведомства, бесспорно, или полностью вымышлены, или, в лучшем случае, домыслены. Этот молодой человек то читает нотации министрам, то «открывает глаза» поседевшим на службе чиновникам. А они ему смиренно внимают. Позволим себе процитировать фрагмент беседы с Сазоновым о Бахметеве, который воспроизводит Михайловский: «Спокойно и не торопясь я разъяснил Сазонову всю преступность такого положения вещей, когда посол переводит на свой текущий счет все казенные суммы и годами распоряжается ими, никому не отдавая отчета в их расходовании» (с. 323). Учитывая изложенное нами выше, очевидно, что такой разговор просто не мог состояться.

Михайловского, согласно его воспоминаниям, то приглашали на самые выгодные посты, от которых он гордо отказывался, то делали ему просто немыслимые предложения. Так, Маклаков, по словам Михайловского, уже после Крымской катастрофы предлагал ему остаться работать в парижском посольстве и «пользоваться казенным содержанием бесконечно долго», «пока не иссякнут казенные средства», а Бернацкий — «устроиться при нем по финансовой части» (с. 675—676). Если верить Михайловскому, то придется счесть Маклакова не только отъявленным мерзавцем, но еще и глупцом. Ибо только полный глупец мог делать такое предложение малознакомому человеку, причем непонятно с какой целью.

Дипломаты, конечно, находились в гораздо более благоприятном положении, нежели государственные служащие в России. Послы в дореволюционной России относились к числу самых высокооплачиваемых чиновников. Оклад посла в Вашингтоне составлял 60 тыс. зол. руб. в год, что соответствовало 30 тыс. долл. (2500 долл. в месяц). Самыми высокооплачиваемыми были послы в Лондоне и Париже — по 75 тыс. зол. руб. в год. Бахметев, конечно, не назначал и не мог назначить себе фантастического оклада,

о котором судачили в штаб-квартире Деникина. Штатное расписание и оклады согласовывались с Омском и с министром, пребывавшим в Париже.

Задним числом Бахметев бравировал своей независимостью, тем, что в отличие от непризнанного «Верховного правителя» он был признанным послом, которого Колчак формально не мог сместить. Но на самом деле он соблюдал субординацию и не мог, к примеру, возразить против назначения Сазоновым нового секретаря (кн. М.М. Гагарин), советника (Г.Г. Бах) и атташе (Г.А. Извольский) вверенного ему посольства. Был момент, когда, почувствовав, что между нью-йоркским «ядовитым гнездом сплетен и недобросовестного доноса и Омском существует внутренняя связь и общение», Бахметев написал Сазонову: «Если Вы считаете, что моя работа нужна, выясните вопрос Омску и пусть он рассеет неопределенность. В противном случае дайте мне покой»[135].

В ответ Сазонов отправил телеграмму, которую просил расшифровать посла лично. Телеграмма содержала одну фразу: «Продолжаю энергично бороться против предубеждений»[136]. Однако в конце октября министр получил требование о смещении Бахметева:

> До Правительства вновь дошли неблагоприятные сведения о деятельности Бахметева с указанием на недопустимое его дальнейшее оставление в Вашингтоне. Обсудив вопрос с Министрами, Верховный Правитель поручил снова возбудить вопрос пред Вами о немедленном отозвании Бахметева, предлагая временно оставить в качестве поверенного в делах Угета[137]

Телеграмму подписал Сукин, протеже Бахметева. Об этом посол так никогда и не узнал. Однако требования Омска о смещении Бахметева вскоре потеряли какое-либо значение. Через две недели после отправки телеграммы Сукина Омск был сдан и колчаковцы покатились дальше на Восток. Сам недавний фаворит Колчака потерял свой пост, как это случилось ранее с другим «вундеркиндом» — министром финансов И.А. Михайловым.

Деятельность Бахметева, при всей его самостоятельности, не была бесконтрольной. Нам довольно точно известен бюджет посольства, так же как штаты и оклады отдела по снабжению и миссии МПС. Отчасти благодаря тому, что посольские деньги в августе 1919 г. подошли к концу. 20 августа Угет телеграфировал министру снабжения:

Пароходом «Еврилохус», уходящим начале сентября Нью-Йорка Владивосток отправляется 468 400 пар сапог и 1000 кип кожи всего 2842 обмерных тонны по 14 долл. тонна. Стоимость фрахта 96 628. Ввиду недостатка валюты, не откажите срочно перевести мое распоряжение 96 628[138].

Денег не было не только на фрахт. 25 августа 1919 г. Бахметев телеграфировал в Омск:

По обсуждении с Угетом выяснилось отсутствие средств на содержание учреждений Америке на предстоящую сентябрьскую треть. Согласно представленным сметам требуется долларах: первое: Посольству 116 852. Кроме того содержание вновь назначенных советника Баха и атташе Извольского первому 3700, второму 1220 треть. Всего Посольству 121 772-97. Отмечаю что сумму телеграфных расходов выключены [sic] также телеграммы по снабжению каковые с двадцатого года предположено относить особую смету заготовительного органа. Второе консульствам: Нью-Йорк — 11 958, Чикаго — 9560, Питтсбург — 8866, Сан-Франциско — 7940, Сиатль — 7583-33. Всего 46 108-74. Третье консульствам Канаде: Монтреаль — 10 880, Ванкувер 3383-33. Всего 14 263-33. Четвертое: Информационное Бюро 35 515-33. Ввиду необходимости развивать политическую пропаганду помимо деятельности Бюро прошу также перевести мое распоряжение 20 000 этой цели наступающей трети. Кроме того требуется на: а) содержание Торгового отдела при консульстве Сан-Франциско 1105, б) содержание представительства Красного Креста — 4000. Переводы желательны самом непродолжительном времени[139].

Однако валюта и в Омске тратилась быстрее, чем поступала. Сукин рекомендовал послу поискать деньги в Америке:

Опасаюсь что ввиду острого недостатка валюты правильное и достаточное снабжение Вас средствами из Омска едва ли будет возможно. Поэтому вновь обращаю внимание на настоятельную необходимость добиться согласия американского правительства на кредитование наших учреждений Штатах и Канаде[140].

Деньги из Омска все-таки поступали. Специально для переводов, получаемых из Омска, Угетом был открыт в Ситибанке «особый счет, отдельный от прежней системы и не находящийся под контролем Казначейства, под наименованием "Угет Русский фи-

нансовый агент"»[141]. Однако на содержание дипломатических учреждений в течение «сентябрьской трети» средств не нашлось. Пришлось вновь использовать средства «черной кассы». Тем более что Бахметев не хотел ставить посольство в зависимое от американской администрации положение. По крайней мере, по финансовой части:

> Вследствие передачи мною Казне сумм Центропрома Угету представилась возможность выдать Посольству и Консульствам содержание на сентябрьскую треть, — телеграфировал он Сукину. — Сомневаюсь в какой бы то ни было возможности получить кредиты необходимые на 20-й год от Американского Правительства. Американское Правительство не может предоставить средства кому бы то ни было помимо Конгресса иначе как из особого фонда Президента. Правительство осведомлено о заключении нами займа и при таких условиях обращения к указанным источникам исключено. Помимо сего считал бы нежелательным ставить Посольство в денежную зависимость от Американского Правительства[142].

В октябре 1919 г., когда ввиду нехватки валюты встал вопрос о сокращении штатов заграничных учреждений, Министерством финансов в Омске были запрошены сведения о штатах и окладах сотрудников Отдела по снабжению и миссии МПС в США. А также о возможности сокращения штатов. Именно тогда министр финансов — уже не Михайлов, а Л.В. фон Гойер — вспомнил о запросе Окулича, запросив начальника Главного управления по делам правительственных заграничных заготовок П.А. Бурышкина о числе служащих «по снабжению» в США[143].

По данным, представленным Бурышкиным[144], на 1 июля 1919 г. в составе миссии МПС числилось 11 чинов Министерства путей сообщения, 3 служащих артиллерийской комиссии, переведенных на службу по МПС, и 27 служащих по вольному найму. В Отделе по снабжению при Российском посольстве в Вашингтоне числилось 34 штатных сотрудника. Вне сметы, с 15 апреля 1919 г., была образована также группа для «особой приемки» запасных частей и винтовок в составе 11 человек.

В число служащих и вольнонаемных были включены абсолютно все, получавшие жалованье по отделу и миссии МПС, — бухгалтеры, переписчицы, курьеры, сторож, регистраторы и т.п. Соответственно, размер жалованья служащих был весьма различен: от 55, до 120, 125 до 300 и 450 долл. в месяц. Самыми высокооплачивае-

мыми были начальник миссии МПС А.И. Липец (его оклад составлял 1000 долл. в месяц) и помощник начальника отдела по снабжению генерал-майор М.С. Ясюкович — 900 долл. За Отделом по снабжению числились также «Дела русской секции англо-русской подкомиссии», управляющий делами «русской секции» гвардии капитан В.М. Зайковский получал 700 долл. в месяц. Оклад заведующего финансовой частью отдела А.Д. Полубояринова составлял 550 долл. в месяц, заведующего общей частью полковника И.Э. Муромцева и заведующего Особой приемкой гвардии полковника С.П. Хатунцева — по 500 долл. Некоторые члены миссии, в связи с сокращением вверенного им имущества, в значительной степени отправленного в Россию или проданного, были намечены к отправке в Омск или к отчислению[145].

Содержание Угета в размере 1208 долл. 23 центов в месяц было установлено распоряжением кредитной канцелярии в декабре 1916 г. В агентстве Министерства финансов при Российском посольстве числился еще один сотрудник — помощник Угета. Его содержание составляло 637 долл. 50 центов в месяц. Этим помощником был не кто иной, как Д.Г. Тер-Асатуров, приложивший позднее столько усилий для дискредитации своего бывшего шефа[146].

К октябрю, число членов миссии МПС сократилось до 33, смета на их содержание на ближайший месяц составляла 8047 долл., содержание складов в Сиэтле обходилось в 2820 долл. в месяц[147].

Таким образом, численность сотрудников российских заготовительных учреждений в США была вполне адекватной задачам, которые они решали, и, как мы показали выше, сокращалась или увеличивалась в соответствии с объемом работ. Оклады как дипломатов, так и других служащих российских учреждений в США не представляли собой ничего экстраординарного и соответствовали нормам, установленным еще Временным, а то и императорским правительством.

Другое дело, что на фоне тех лишений, которые терпели прежде сравнительно благополучно существовавшие чиновники и офицеры в России, жизнь служащих за океаном казалась райской. И — по сравнению с жизнью в Сибири или на Дону в период Гражданской войны — это было и в самом деле так. Или почти так.

«Русское посольство в Америке сохранило и оклады и трэн жизни дореволюционного времени», — записал в июне 1920 г. со слов бывшего финансового агента в США Г.А. Виленкина М.С. Маргулиес[148]. Это было неверно по существу — оклад посла к тому вре-

мени по решению Русской политической делегации в Париже был сокращен вдвое, подвергся сокращению персонал[149]. Однако стиль жизни казался со стороны — да во многом и был таковым — прежним.

Вряд ли этично было выдавать премии дипломатам, хотя бы и за «сверхнормативную» работу (а какая работа могла считаться «нормальной» во время Гражданской войны?). И тем более просить о дополнительном вознаграждении. Тем не менее генеральный консул в Канаде С.А. Лихачев запросил Угета о назначении ему вознаграждения «в связи с окончательной ликвидацией дел Монреальской государственной сберегательной кассы». Вскоре Угет сообщил просителю, что он «честь имеет» уведомить его о согласии «господина Чрезвычайного Посла... на выдачу Вам в связи с сим специального вознаграждения в размере 1600 долларов»[150].

Это было распространенной практикой. Конечно, в обязанности консулов не входило разбираться с вкладчиками, переводившими деньги в Россию через сберегательные кассы при российских дипломатических учреждениях и лишившимися их в результате революции. Но ведь и обязанности консулов на случай революции нельзя было прописать заранее. Просто отмахнуться от вкладчиков, сославшись на форс-мажорные обстоятельства, было нельзя. В случае судебного иска со стороны любого из них счета российских дипломатических учреждений могли быть арестованы в обеспечение иска. Всего на удовлетворение претензий по «переводно-сберегательным» операциям российских консульств в Северной Америке пошло около 1,2 млн долл.[151] Учитывая, что переводились в основном мелкие суммы, морока для консулов была изрядная. Получать ли за это премиальные — это уже был вопрос этики. Угет был также премирован послом — за составление отчета о деятельности Отдела по снабжению. Труд был и в самом деле монументальным и вполне заслуживал поощрения. Неадекватным здесь было одно — время, в которое дипломаты считали возможным выписывать премии коллегам по цеху. Они по-прежнему считали себя высшей кастой.

Таким образом, Российское посольство в Вашингтоне стало единственным, которое оказало Белому движению серьезную материальную поддержку. Она сыграла особенно важную роль на начальном этапе формирования колчаковской армии, когда массированная помощь со стороны союзников еще не начала поступать и

поставки из США позволили обеспечить войска винтовками и обувью. «Расплатиться» за возможность посылать в Россию снабжение пришлось значительной частью имущества, переданного союзникам, а также средствами, вырученными от продажи заготовленных ранее материалов. Стоимость имущества, отправленного посольством в Россию, не считая закупок, произведенных за счет средств, полученных от Омского правительства, составила по паритету около 100 млн зол. руб. Это превышало половину всех средств, вырученных от операций с золотом.

Несомненно, поставки снабжения в Россию стали возможны только благодаря молчаливому согласию и во многих случаях прямой поддержке со стороны американской администрации. Бахметев стал единственным Российским послом, которому удалось наладить столь тесное сотрудничество с правительством страны пребывания. Хотя мнение о том, что русская политика Вашингтона «делалась» в российском посольстве, является безусловным преувеличением, однако определенное влияние посол на формирование американской политики в отношении России, несомненно, оказывал.

Парадоксом в этой ситуации выглядит то, что именно деятельность Бахметева вызвала недовольство в лагере белых — в большей степени на Юге, меньшей — на Востоке. Помимо ряда субъективных факторов, о которых говорилось выше, важнейшей причиной этого было непонимание вождями Белого движения реалий американской политики, так же как и вообще коренных изменений, происшедших во внутренней политике великих держав в результате Первой мировой войны. И, соответственно, повлекших за собой изменения в политике внешней. Эти изменения оказались не в пользу Белого движения.

К осени 1919 г. средства, находившиеся под контролем Российского посольства в Вашингтоне, практически иссякли, а имущество сократилось до минимума. В декабре 1919 г. положение радикально изменилось в связи с поступлением средств от «золотого займа». Сумма в 22 507 626 долл. была переведена на счета Угета. Однако исчезло правительство, от имени и по поручению которого был осуществлен этот крупнейший в истории Белого движения заем. Деникинские войска терпели одно поражение за другим, откатываясь к берегам Черного моря еще более стремительно, чем незадолго до этого они продвигались к Москве. Вскоре дипломаты вновь остались послами без правительства. Но на сей раз — с деньгами.

Глава 5

ДИПЛОМАТЫ И ДЕНЬГИ

Делегация берет власть

4 января 1920 г. Верховный правитель России адмирал Колчак передал власть генералу Деникину. Однако дела на Юге шли не лучше, чем на Востоке. «Разложение на Юге пошло почти таким же темпом, как и в Сибири, — писал Бахметев 17 января 1919 г. Маклакову. — Две вещи все же, однако, надо сделать; надо спасти золото и надо создать крупный и влиятельный центр русского национализма за границей»[1].

Бахметев думал не только о спасении золота. В тот же день он телеграфировал Сазонову: «Получены сведения, что судьба Адмирала по-видимому зависит от чехов. Не найдете ли возможным добиться через Верховный Совет [Антанты. — *О.Б.*] соответствующего воздействия»[2].

Бахметев еще не знал, что за два дня до его телеграммы адмирал — вместе с золотым запасом — был передан чехословаками Политцентру. Как бы то ни было, «верховная власть» сменилась.

19 января 1920 г. Угет телеграфировал (через Париж, ибо прямой связи не было) деникинскому министру финансов М.В. Бернацкому:

> 29 декабря министр финансов Бурышкин приказал Иностранному отделению Кредканца передать все суммы Америке мое распоряжение, закрепив их на моих специальных счетах. Министр финансов указал, что в случае неблагоприятных политических событий суммы поступают свободное мое распоряжение как финансового агента, но могут расходоваться лишь [в] национальных интересах и согласно Вашим уведомлениям. Считая, что политические события Сибири, предусматриваемые телеграммой Бурышкина, ныне наступили, приступил производству платежей по обязательствам правительства Омска. Испрашиваю Ваших указаний[3].

Однако же указания поступили не из Екатеринодара, а из Парижа. Русская политическая делегация в условиях прискорбного для Белого движения развития событий решила взять казенные средства за границей под свой контроль. Напомним, что Делегация была образована для возможного представления интересов России на Парижской мирной конференции в составе кн. Г.Е. Львова, С.Д. Сазонова, В.А. Маклакова, Н.В. Чайковского и Б.В. Савинкова. На конференцию российских представителей так и не допустили, однако Делегация не была распущена и после подписания мирного договора. Задачи Делегации были прежними — отстаивать интересы России на международной арене и содействовать антибольшевистскому движению.

9 января 1920 г. на заседании Делегации при участии приглашенных П.Л. Барка, М.Ф. Шиллинга, Д.Г. Щербачева и А.Ф. Шебунина кн. Львов поставил вопрос о том, кого же представляет Делегация в свете крушения правительства адмирала Колчака и катастрофического развития событий на Юге и «может ли она распоряжаться всеми государственными средствами». «В положительном случае, — заявил князь, — необходимо принять меры к сохранности денежных сумм, данных займом и другими источниками». Вопрос был риторическим. Сазонов сообщил, что им уже вызваны в Париж Е.В. Саблин и К.Е. фон Замен и что последнему «поручено выяснить вопрос обеспечения реализованного нами займа от секвестра»[4].

Барк и Маклаков перевели вопрос в практическую плоскость. Бывший министр финансов считал необходимым «придание деньгам Правительства характера сумм частных владельцев». Чтобы финансисты ничего не упустили, к разработке плана сокрытия денег следовало привлечь юристов. Посол в Париже указал на «неясность, неточность и недостаточность» сведений об имеющихся средствах, предложил выяснить «денежный баланс», разобраться с заказами, сделанными различными ведомствами, и составить бюжет[5].

15 января 1920 г. Замен проинформировал Делегацию о положении казенных сумм, находящихся в его распоряжении, и просил «для обсуждения вопроса об охране этих сумм назначить 3—4 лиц, которым Делегация поручит самым доверительным образом ознакомиться с выработанными им предположениями по этому поводу». Этими доверенными лицами стали кн. Львов, Сазонов, Маклаков и барон Б.Э. Нольде[6].

К.Е. фон Замен и А.Г. Рафалович, хранители казенных средств, находившихся в Англии и во Франции, предпочитали разделить ответственность за вверенные им суммы с коллективным органом, включавшим известных российских политиков. Поскольку на российские деньги во Франции после падения Колчака наложило руку французское правительство, жест со стороны Рафаловича был вполне платоническим.

Что же касается фон Замена, в распоряжении которого находилась английская часть «золотого займа», то его решение объяснялось желанием «покрыть себя» в условиях непрерывных требований денег со стороны различных заграничных организаций, как и не всегда разумных приказов, поступавших из России. По свидетельству Маклакова, «все служащие разных заграничных установлений, как дипломатических, так и военных, не только не уменьшили своих расходов, но, ссылаясь на дороговизну жизни, все время требовали прибавки. С другой стороны было еще хуже; если Колчаковская организация рухнула совсем, то Деникинская все же существовала, и вот оттуда время от времени стали доходить к Замену непосредственно приказы произвести тот или другой расход. Эти приказы свидетельствовали часто о том, что господа, их дающие, не имеют ни малейшего представления ни о количестве их денег, ни о необходимости расходов, ни о степени важности того или другого назначения». Так, например, был дан приказ выдать около 600 тыс. фр. на посылку миссии П.П. Гронского в США[7].

Теперь Замен, отказываясь выполнять приказы, приходящие из России, или требования генерала Д.Г. Щербачева финансировать в полном объеме штаты возглавляемого им Управления по снабжению белых армий (утвержденные еще Колчаком), получил возможность ссылаться на решения Делегации.

Приведем журнал (протокол) заседания российской Делегации в Париже от 16 января 1920 г., на котором были приняты ключевые решения по финансовым вопросам:

> Принимая во внимание, что распоряжениями министра финансов Всероссийского правительства агентам министерства финансов за границей предоставлено, на случай невозможности сноситься с правительством, право производить расходование принадлежащих российской казне и находящихся за границей средств и что, с другой стороны, по заявлению К.Е. Замена и А.Г. Рафаловича, они не считают для себя возможным пользоваться предоставленным им правом по своему единолич-

ному усмотрению и полагают необходимым, чтобы центральный и руководящий орган Российского представительства за границей в лице Парижской Делегации взял на себя, в случае перерыва сношений с Всероссийским правительством, высшее руководство расходованием заграничных средств казны, Российская Делегация в Париже вошла в подробное обсуждение всех расходов, которые до настоящего времени производились Россией за границей, и постановила:

1. Признать, что впредь заграничные расходы должны быть всемерно сокращены и подлежат удовлетворению только самые неотложные, вызываемые крайней необходимостью, нужды. ...

2. Признать, что начатые операции по военным заготовкам должны быть продолжаемы, а дальнейшие предположения по этому делу должны вноситься на рассмотрение Делегации.

3. Делегация признает необходимым отпуск средств на дело пропаганды, с тем чтобы Делегация вошла в обсуждение вопроса о правильной постановке этого дела и выработала предположения о размере потребных ассигнований.

4. Делегация считает необходимым озаботиться помощью русским гражданам за границей, и с этой целью Делегация полагает, что:

1) Необходимо ассигнование средств на временную помощь в тех чрезвычайных случаях, когда в связи с военными действиями происходит массовое бегство русских граждан за границу.

2) Необходимо, чтобы небольшие суммы были предоставлены ежемесячно в распоряжение посольств, миссий и консульств на помощь старикам, больным и детям.

3) Необходимо ассигновать средства, по действительной потребности, на оплату проездных денег офицерам и солдатам русской армии, следующим в Россию для поступления в ряды сражающихся с большевиками.

4) Надлежит немедленно подвергнуть обсуждению вопрос о судьбе русских военнопленных и других военных чинов, находящихся за границей, с тем чтобы соответствующие предположения о мерах помощи были внесены в Делегацию[8].

Журнал был подписан кн. Львовым, Сазоновым и Маклаковым.

В тот же день Сазонов телеграфировал Бахметеву: «Ввиду вызываемой событиями необходимости своевременно обеспечить возможность распоряжения казенными суммами делегация признала себя обязанной принять соответствующие меры. Сообразно

с этим благоволите выполнить переводы по телеграммам, которые получите от Замена и Рафаловича, действующих по указаниям делегации»[9].

Вскоре Угет получил телеграмму за подписью Замена и Рафаловича с требованием перевести в Европу 5 млн 847 тыс. долл.[10] Телеграммы министра и наиболее авторитетных российских финансовых агентов привели Угета в замешательство. Он не хотел стать исполнителем распоряжений Парижа и Лондона и лишиться значительной доли самостоятельности. Одно дело — правительство Колчака, признанного Верховным правителем всеми основными антибольшевистскими силами России, да еще и реально располагавшего крупными финансовыми ресурсами, другое — Делегация, образование еще более сомнительное с точки зрения легитимности, нежели посольство, представлявшее уже не существующее правительство. Вызывали сомнение и некоторые практические моменты, вытекавшие из распоряжения Сазонова.

Угет обратился к Бахметеву с пространным письмом, которое, скорее всего, лишь фиксировало их совместную позицию и являлось документом «для истории». Финансовый агент аргументировал свой отказ перевести требуемую сумму в Европу прежде всего тем, что в его распоряжении нет свободных средств. Угет предполагал, что Замен и Рафалович затребовали эту внушительную сумму не для «прямого расхода», а для сохранения в «особых формах», т. е. на частных счетах[11]. Он считал это неприемлемым:

> Моральная позиция Российского посольства в Вашингтоне в глазах Федерального Правительства может являться сильной только поскольку мы не будем прибегать к различным формам обхода и обращения в частную форму сумм, которые являются национальным достоянием России, особенно те суммы, которые являются доходом по последнему займу, полученным за счет депозита части золотого фонда[12].

К тому же, оставляя в стороне «моральную позицию», американское правительство в случае изменения отношения к российскому представительству, несомненно, легко могло установить происхождение сумм, «в каких бы частных формах они ни находились». И потребовать «делового обоснования» переводов в Париж. «Ввиду очевидной невозможности для нас это сделать, фонды все равно будут секвестрированы, где бы и в каких бы формах они ни находились, нанеся лишь непоправимый ущерб достоинству Национального

представительства». В связи с этим Угет счел затруднительным выполнить распоряжение Парижа[13].

Соображения, высказанные Угетом, полностью разделялись Бахметевым. В дополнение к телеграмме Угета Замену и Рафаловичу, в которой тот сообщал об отсутствии «свободных фондов» для перевода в Европу, Бахметев направил телеграмму Сазонову, в которой солидаризировался с Угетом. Это означало отказ безоговорочно подчиняться указаниям Парижа. Бахметев считал необходимым, чтобы по вопросу о переводе денег в Европу в каждом случае «происходило предварительное сношение с Вашингтоном».

Посол также счел, что целью переводов денег в Европу является размещение их на частных счетах. Предположение было верным, ибо, как мы увидим, именно в такой форме считали наиболее безопасным хранить казенные деньги финансовые агенты в Англии и Франции.

Бахметев писал:

> Угет и я полагаем, что в применении к Америке предлагаемая мера является невозможной. Она нанесла бы непоправимый ущерб морально-политическому положению русского представительства. Вместе с тем мера не достигла бы никаких практических результатов, так как в случае, если бы Американское правительство изменило свою благоприятную точку зрения, нахождение сумм на частных счетах не могло бы быть скрыто и суммы подверглись бы запрету.
>
> Телеграммой № 929 Министр финансов передал управление суммами Финансовому агенту, который с формальной стороны является единственно ответственным за операции. По существу Угет действует [в] полном единомыслии со мной, что заставляет меня разделять моральную ответственность за принимаемые решения[14].

В частном порядке Бахметев запрашивал Маклакова: «Напишите мне, ради Бога, также о том, что сделали со всеми деньгами, полученными от займа. Насколько я знаю, в Англии было реализовано 3 миллиона фун[тов] стерл[ингов], т.е., другими словами, 30 миллионов рублей золотом. Нам неизвестно, чтобы были там большие заказы; между тем на нас сыпятся все время телеграммы с просьбой платить там и сям. У нас существует некоторое подозрение, что операция с переводом денег на частные счета привела к тому, что этими деньгами нельзя пользоваться вовсе. Так ли это?»[15]

Бахметев ошибался. Замен принял меры для сокрытия казенных сумм от докучливых кредиторов Российского государства, как и от советских агентов.

Конраду Евгеньевичу фон Замену шел в то время 47-й год. Он принадлежал к числу самых опытных российских финансистов. Окончил немецкую гимназию в Риге, а затем с золотой медалью Императорский Александровский лицей в Санкт-Петербурге. После выпуска из лицея в 1896 г. Замен поступил на службу в Министерство финансов, с которым и была связана вся его последующая жизнь. В 1913 г. он был назначен вице-директором Особенной канцелярии по кредитной части, а в декабре 1916 г. — ее директором. В период Первой мировой войны он провел в Лондоне едва ли не больше времени, нежели в Петрограде, занимаясь проблемами кредитования заграничного снабжения русской армии и промышленности. После большевистского переворота уехал в Крым, в 1919 г. за границу, где занял привычный пост представителя Министерства финансов (финансового агента) в Великобритании. А.И. Путилов характеризовал Замена как «до мозга костей порядочного и до чрезмерной щепетильности честного человека, чуждого всякой интриге»[16].

6 февраля 1920 г. Замен доложил Делегации как об имевшихся на тот момент суммах, так и о мерах по сокрытию казенных денег от возможного секвестра.

В распоряжении Замена находились:

Золото в Гонконге на 616 000 фунтов стерл. номинально;

счета в Лондоне:

Омского Правительства у Братьев Бэринг Joint Account of E. Sablin and C. Sahmen №№ 3 & 5;

Правительства Генерала Деникина там же Joint Account of E. Sablin and C. Sahmen (South Russia) №2;

Правительства Генерала Деникина в London Joined City and Midland Bank;

Правительства Генерала Деникина в Русском для Внешней Торговли Банке в Лондоне, и

Счет в Париже:

В Индо-Китайском Банке счет, на котором числились деньги, внесенные Французским Правительством в уплату за проданное ему золото.

Согласно разъяснениям, полученным К.Е. Заменом от Братьев Бэринг, опасность секвестра распространялась не только на счета Омско-

го Правительства, но и на счета Генерала Деникина, так как они образовались главным образом путем перечисления на них сумм Омского Правительства.

В видах сохранности, К.Е. Заменом после совета с банкирами Братьями Бэринг и английскими и русскими юристами были приняты, с предварительного одобрения их Делегациею, следующие меры, причем, в видах практического удобства, К.Е. Замен не делал различия между суммами Омского Правительства и Правительства Генерала Деникина, проводя таковое различие лишь по своим книгам:

1) К.Е. Замен продал золото в Гонконге; предварительное извещение указывает, что от продажи была выручена сумма свыше 800 000 фунт. стерл.[17] Из них 200 000 фунтов стерлингов были переведены в National Bank of Turkey, для кредитования Юга России в Константинополе; 500 000 фунтов стерлингов на личный счет К.Е. Замена у банкиров Братьев Гопе в Амстердаме и остаток свыше 100 000 фунтов стерлингов банкирам Ф.М. Филиппсон и К° в Брюсселе также на личный счет К.Е. Замена. Временное зачисление означенных сумм на личный счет оказалось вынужденным вследствие отказа Братьев Бэринг осуществить иной способ помещения денег. Однако ближайшую задачу К.Е. Замена составляет изыскание более удовлетворительного способа размещения означенных сумм.

2) Ввиду особенного риска хранения сумм в Париже и падения франка, К.Е. Заменом были приняты, с соблюдением должной осторожности, следующие меры в отношении счетов в Париже:

а) 5 000 000 франков были переведены в названный банк Филиппсон и К° в Брюсселе на счет банкиров Братьев Бэринг, которые выдали К.Е. Замену аккредитив на ту же сумму сроком на один год;

б) 4 700 000 франков были поставлены на счет инженера Александра Ивановича Кузнецова[18] в London County & Westminster Bank в Париже в обеспечение платежей по заказу обмундирования для Добрармии, данному названному Кузнецову; при этом был заключен К.Е. Заменом и Генералом Гермониусом с А.И. Кузнецовым особый договор, и Кузнецовым выдан К.Е. Замену чек, без указания суммы, на его, Кузнецова, текущий счет, а распоряжение деньгами поставлено в зависимость от утверждения Генералом Гермониусом приемочных документов по заказу;

в) сумма около 2 000 000 франков была употреблена на перевод одного миллиона датских крон в Ландмандс Банке в Копенгагене на особый счет торгового товарищества «Наследник А. Губкина А. Кузнецов и К°», каковое товарищество обязалось письмом, выданным на имя К.Е. Замена, хранить таковую сумму по его поручению за его счет впредь до востребования им;

г) 4 236 500 франков (четыре миллиона двести тридцать шесть тысяч пятьсот фр.) были поставлены в распоряжение British Moscow Merchants Trading Co, Liverpool, в Париже под документ, аналогичный с означенным в п[ункте] «в», с поручительством фирмы Zerega & Co, Liverpool, и Московского Купеческого Банка, являющихся единственными собственниками British Moscow Merchants Trading Co.

За произведенными, как выше означено, распоряжениями и текущими расходами, во Франции оставалось около 6 000 000 франков (шести миллионов фр.). Следующее распоряжение К.Е. Замена о переводе Правительству Генерала Деникина 100 000 фунт. стерл. не было исполнено ввиду распоряжения Французского Правительства о невыплате без разрешения Министерства Финансов каких-либо сумм из средств бывшего Омского Правительства. Это распоряжение распространилось и на невключенную в вышеприведенный перечень сумму в 15 347 212 франков (пятнадцать мил. триста сорок семь тысяч двести двенадцать фр.), составляющую последний взнос за золото, проданное Французскому Правительству, и внесенную на счет А.Г. Рафаловича, каковая сумма подлежала передаче в распоряжение К.Е. Замена.

3) В отношении сумм, хранившихся в Лондоне, приняты были следующия меры:

а) К.Е. Заменом суммы со счетов Омского Правительства №№ 3 и 5 постепенно были перенесены на счета Правительства Генерала Деникина, так что теперь счет № 5 закрыт, а на № 3 числилось к 1 февраля 1920 года 18 238 фунт. стерл.,

б) суммы, причитавшиеся Северной Области, были выделены на особый счет Joint Account of E. Sablin and C. Sahmen (North Russia) № 1 (на 1 февраля — 46 734 фунт. стерл.);

в) сумма в 150 000 фунт. стерл. (сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов) в запечатанном пакете была сложена в сейфе Полковника Беляева[19], причем доверенность на открытие сейфа находится у К.Е. Замена, а ключ — у Е.В. Саблина; по завещанию Полковника Беляева его душеприказчики обязаны вынуть пакет и передать его, согласно полученным инструкциям, не вскрытым;

г) Из счетов Юга России, счет в London Joined City Midland Bank низведен до суммы 413 фунт. стерл. (четыреста тринадцать), вследствие перевода наличности (девяносто тысяч фунтов стерлингов) в Константинополь, согласно инструкции М.В. Бернацкого;

д) Счет в Русском для Внешней Торговли Банке, ввиду его незначительности (5630 фунт. стерл. — пять тысяч шестьсот тридцать) пока оставлен в прежнем виде;

е) Что касается главного счета South Russia № 2 у Братьев Бэринг и образовавшегося из сумм займа Омского Правительства, то распоряжение ими стояло в зависимости от условий этого займа, которые определяют, что 2/3 сумм предназначены на покупки в пределах Союзного Королевства и 1/3 может быть переводима в Европейские страны; всего вне Англии мог быть израсходован один миллион фунт. стерл., из него большая часть была ранее употреблена Омским Правительством; из оставшейся части К.Е. Заменом переведены в National Bank of Turkey для поставления в распоряжение Правительства Генерала Деникина — 125 000 фунт. стерл. (сто двадцать пять тысяч фунтов стерлингов);

200 000 фунт. стерл. (двести тысяч фунтов стерлингов) переведены в Амстердам в распоряжение Товарищества Губкина Кузнецова, причем Товариществом выдано обязательство хранения Nederlandsche Handels Maatschapij Factory в Батавии в голландских гульденах;

110 132 фунта стерл. (сто десять тысяч сто тридцать два фунта стерлингов), составляющие 1 000 000 флоринов (один миллион), переведены под аналогичные обязательства хранения фирме Fr. Zerega & Co в ее распоряжение у агента ее Breckland в Роттердаме;

оставшаяся для перевода вне Англии сумма должна быть переведена К.Е. Заменом в National Bank of Turkey для управления финансов Юга России. Для большей сохранности сумм, подлежащих расходованию на покупки в Соединенном Королевстве, К.Е. Замен открыл подтвержденные кредиты поставщикам Добрармии для оплаты представляемых ими заверенных приемщиками счетов; кроме того К.Е. Замен вошел в особое соглашение с вышеназванной Британской Московской Компанией, по силе которого К.Е. Замен аккредитовал Компанию до 1 июля 1921 г. у Братьев Бэринг против представления товарных счетов, заверенных им, К.Е. Заменом, или Председателем Русского Лондонского Комитета Полк. Беляевым, или лицами по их указанию; согласно этому соглашению, Компания обязалась в любое время по требованию К.Е. Замена известить Братьев Бэринг об отказе своем от открытого ей кредита.

За всеми указанными распоряжениями 1 февраля 1920 года на счетах К.Е. Замена числилась всего сумма в 2 239 000 ф. ст. (два миллиона двести тридцать девять тысяч), не считая в том числе не проведенной еще по счетам суммы свыше 600 000 фунт. стерл. (шестьсот тысяч), поступающей за золото сверх 200 000 фунт. стерл., поступивших из этого источника Правительству Генерала Деникина. Из 2 239 000 фунтов стерлингов деньгами Юга России в собственном смысле является сумма в 1 369 109 фунт. стерл. (один миллион триста шестьдесят девять тысяч сто

девять фунтов стерлингов), Севера России — 46 724 фунтов стерлингов (сорок шесть тысяч семьсот двадцать четыре) и бывшего Омского Правительства 972 736 фунт. стерл. (девятьсот семьдесят две тысячи семьсот восемьдесят шесть).

Независимо от этих распоряжений, К.Е. Заменом, на случай своей смерти, будет сделано завещание, по которому распоряжение вверенными ему на хранение суммами, согласно английскому закону, перейдет к душеприказчикам С.А. Шателену[20], М.Н. Гирсу и Е.В. Саблину, коим, сверх того, ныне же выдается полная доверенность[21].

Таким образом, благодаря распорядительности Замена подавляющее большинство казенных средств удалось спасти. Пропали деньги, арестованные французским правительством и впоследствии конфискованные им в порядке компенсации за российские долги. Чтобы сориентировать читателя, заметим, что отношение французского франка к тогдашней основной мировой валюте — фунту стерлингов — колебалось в январе 1920 г. в пределах 40,9—46,5 фр. за один фунт, к доллару — 10,75—13,19 фр. за один доллар. Забегая вперед, скажем также, что пропали средства, переведенные на счет крупного московского промышленного деятеля инженера А.И. Кузнецова. Кузнецов, по свидетельству Бурышкина, занялся на эти деньги «под видом содействия снабжению армии ген. Врангеля товарной спекуляцией», в результате чего казенные суммы в значительной части оказались растраченными[22].

Делегация могла свободно распоряжаться лишь деньгами, находившимися на счетах Замена. Финансовый агент в Японии К.К. Миллер, считая себя, в соответствии с телеграммой Бурышкина № 929, персонально ответственным за находившиеся под его контролем средства, отказался делить эту ответственность с кем-либо еще.

Делегация делит деньги

Взяв на себя ответственность за расходование казенных средств, Делегация прежде всего озаботилась их экономией. Циркуляром Сазонова № 55 от 28 января 1920 г. сообщалось о выработанных Делегацией мерах по экономии средств по Министерству иностранных дел: сокращении штатов личного состава, а также сокращении окладов послов и посланников с оставлением остальным служащим окладов в прежних размерах. Сокращения коснулись, разумеется, и других российских учреждений за рубежом.

Послам в Париже, Лондоне, Вашингтоне, Токио и Риме устанавливался оклад в размере 250 ф. ст. в месяц, посланникам в Тегеране, Пекине, Стокгольме, Бухаресте, Белграде, Афинах, Берне, Брюсселе — 125 ф. ст., посланнику в Ватикане — 100 ф. ст., поверенным в делах в Мадриде, Гааге, Каире, Праге, Христиании, Копенгагене и Цетинье, а также временным представителям в Турции, Берлине, Данциге, Софии и Варшаве оклады сохранялись в прежнем размере.

Отпускались средства на содержание министра иностранных дел, причем по личному желанию Сазонова ему был установлен оклад наравне с посланниками, в размере 125 ф. ст. в месяц, вместо положенных по штату 225 ф. ст.[23]

Сокращения шли со скрипом: им сопротивлялись начальники различных ведомств, которые неохотно допускали вмешательство Делегации в их дела, не говоря уже о том, что служащие «единодушно думали, что сохранение их постов [есть] дело первейшей государственной важности». В конце концов сокращение свелось к «торговле» с представителями ведомств: «Если Щербачев просил у нас 300 000 в месяц, то мы ему предлагали 100 000, и в результате торговля кончалась на 150 000», — в присущей ему ироничной манере писал о борьбе Делегации за экономию непосредственный участник процесса Маклаков[24].

Попытки сократить содержание служащим МИД, так же как численность служащих привели и к вовсе парадоксальному результату: комиссия под председательством Б.Э. Нольде выработала проект, предусматривавший сокращения персонала; остающиеся должны были получать «узаконенное содержание». Сазонов подписал новое штатное расписание, однако дьявол, как водится, оказался в деталях: «узаконенное содержание» не сократилось, а возросло, ибо по формуле, выработанной комиссией, рубли переводились в фунты стерлингов по прежнему твердому курсу, а затем в местную валюту по текущему. В результате оклады существенно увеличились. Возмущенному Маклакову Нольде заявил, что «надлежит иметь меньше служащих, но лучше их оплачивать». Это теоретически верное положение было явно не ко времени. Маклаков подал формальный протест и в Делегацию, и в МИД, в результате чего число служащих осталось прежним, но прежними остались и их оклады[25]. Точнее, номинально прежними, ибо их съедала инфляция.

Маклаков и сам «пострадал» от собственной принципиальности. При серьезном падении курса франка и лиры оклады послов

во Франции и Италии, так же как послов и посланников в Бельгии, Румынии и Ватикане, исчисляемые в фунтах стерлингов, на самом деле оказывались выше, чем до сокращения. Чтобы избежать этого, главам дипломатических представительств в странах с «падающей» валютой устанавливались предельные оклады в местных денежных знаках. Там же, где местная валюта укрепилась, дипломатам исчисляли оклады в фунтах стерлингов. Маклакову, которому полагалось по штату 200 000 фр. в год, решили назначить 3/4 причитающегося ему содержания, но не свыше 12 500 фр. в месяц[26]. Что, впрочем, обеспечивало вполне безбедное существование.

Сокращения, несмотря на понятное сопротивление, проводились, и решения Делегации придавали им легитимную основу. Раздражаясь по поводу вмешательства Делегации в «административно-технические вопросы» без предварительного обсуждения их с ответственными лицами, Бахметев в то же время был рад возможности в случае сокращений сослаться на указания Парижа[27].

Посол в Вашингтоне радикально сократил подведомственные ему учреждения. Если на содержание посольства в течение «сентябрьской трети» 1919 г. пошло 121 772 долл. (здесь и далее опущены центы), то бюджет посольства на аналогичный период 1920 г. уменьшился почти в два с половиной раза и составил 50 тыс. долл. Бюджет консульских учреждений в Северной Америке сократился с 60 372 долл. до 37 721 долл., Русского информационного бюро в Нью-Йорке — с 35 515 долл. до 16 тыс. долл. Сокращения, правда, вели к необходимости выплачивать «ликвидационное вознаграждение» (выходное пособие) увольняемым. В течение сентябрьской трети 1920 г. планировалось выплатить 250 тыс. долл.[28] Так что эффект от сокращения штатов мог реально сказаться лишь в следующем году.

Делегация распорядилась оказавшимися под ее контролем средствами следующим образом.

В период с января по апрель 1920 г. Делегацией были ассигнованы на различные цели следующие суммы (цифры округлены до целых): 14 453 тыс. французских фр., 194 728 ф. ст., 500 тыс. долл. (были переведены из США), а также 15 тыс. бельгийских фр., 66 429 швейцарских фр., 177 125 итальянских лир, 9580 турецких лир, 102 840 шведских крон, 35 217 датских крон, 203 тыс. норвежских крон, 85 тыс. динаров, 270 тыс. финских марок, 49 460 австрийских крон, 45 тыс. греческих драхм, 2900 песет, 9596 гульденов и 26 тыс. чешских крон. Такое разнообразие валют объяснялось тем, что часть средств шла на содержание дипломатических учреж-

дений в различных странах. Всего же годовой бюджет Министерства иностранных дел, за исключением Сербии и Чехословакии, составлял 14 327 214 французских фр.

Средства были предназначены, в частности, на содержание Делегации — по 1 тыс. ф. ст. в месяц; значительные суммы отпускались генералу Д.Г. Щербачеву, представителю русских армий при союзных правительствах, — 590 тыс. французских фр. в январе, 300 480 фр. за февраль, на три месяца, начиная с марта — 413 490 фр., 15 тыс. шведских крон, 15 тыс. датских крон и 10 500 швейцарских фр. Российскому обществу Красного Креста было выдано под отчет 5 720 тыс. фр.; неоднократно производились ассигнования Земскому союзу на помощь беженцам — 370 тыс., дважды по 200 тыс. и еще 400 тыс. фр.; на содержание русских церквей за границей было ассигновано 50 тыс. ф. ст. на год; Русскому освободительному комитету в Лондоне на расходы в период с 1 марта по 31 мая — 4500 ф. ст. Были выделены средства 15 российским посольствам и миссиям для оказания помощи нетрудоспособным русским на три месяца, в том числе представительствам в Англии и Турции — по 300 ф. ст. в месяц, в Греции — по 5 тыс. драхм плюс 30 тыс. драхм единовременно и т. д.[29]

Нетрудно заметить, что все большее место — и, соответственно, долю в бюджете — в деятельности российских организаций за рубежом занимает помощь беженцам[30]. Вскоре, после окончательного крушения Белого движения, она станет главным делом. Не углубляясь в эту большую тему, которая заслуживает отдельного исследования, заметим, что одной из наиболее эффективных организаций, оказывавших помощь беженцам, было Российское общество Красного Креста (РОКК). И в данном случае его руководство распорядилось выделенными средствами достаточно толково, сумев не только их эффективно использовать, но и привлечь дополнительные ассигнования со стороны союзников.

Так, Британское военное министерство предоставило в распоряжение Британского комитета РОКК 50 тыс. ф. ст. для оказания содействия прибывающим в Балканские государства офицерам Добровольческой армии и их семьям. Председатель РОКК граф П.Н. Игнатьев писал кн. Г.Е. Львову:

> Я не сомневаюсь, что это щедрое ассигнование было сделано англичанами, в значительной степени, под влиянием передачи нами Британскому комитету, для совместного с нами расходования, 24 000 ф. ст. из

> сумм, ассигнованных на помощь беженцам на Балканах. Усматривая в передаче этой суммы признак доверия и залог успеха в предстоящей работе, англичане, как я и ожидал, передавая им суммы, сочли себя нравственно вынужденными и со своей стороны прийти нам на помощь в более энергичной конкретной форме[31].

Действительно, «конкретная форма» оказалась «более энергичной» в два раза.

Из средств, переданных Британскому комитету Красного Креста, на конец марта было израсходовано 6787 ф. ст., в том числе на медикаменты и инструменты — 2219, одежду и постельное белье — 1204 и на склады (включая дезинфекционный аппарат и питательные средства) — 1253 ф. ст. В Константинополь отправился английский персонал, в том числе врач, старшая сестра, 8 сестер и заведующий хозяйственной частью, а также все «помянутое снабжение»[32].

В связи с тем что в Париж поступали сведения из разных мест о том, что беженцы голодают, а Красный Крест, которому были поручены заботы об их кормлении, еще не приступил к действиям за недостатком или неполучением средств, Делегация по предложению Сазонова постановила перевести достаточно значительные суммы главам дипломатических миссий в некоторых странах для оказания помощи в экстренных случаях: А.И. Щербатскому в Константинополь, В.Н. Штрандтману в Белград и А.М. Петряеву в Софию — по 20 тыс. ф. ст., Г.Н. Кутепову в Варшаву — 10 тыс., С.Д. Боткину в Берлин — 5 тыс. ф. ст. Всего на питание беженцев было в срочном порядке ассигновано 75 тыс. ф. ст.[33]

Немалые деньги были выделены Земскому союзу, столь близкому сердцу князя Львова. Уполномоченный Временного комитета Всероссийского Земского союза старый соратник князя В.В. Вырубов 19 февраля 1920 г. выступил перед Делегацией с докладом о необходимости спасения среди беженцев с Юга России «молодого работоспособного элемента, который надо выделить из пагубной для человеческой энергии атмосферы благотворительности и поставить в здоровые условия — обучения разным отраслям труда, чтобы сделать из этих лиц готовых работников, нужда в которых всегда была и будет ощущаться в России»[34].

На организацию «трудовой помощи» — вкупе, правда, с обеспечением беженцев продовольствием — Вырубов запросил на два месяца 970 тыс. фр. Делегация ассигновала 370 тыс., поскольку

вопросом о питании изгнанников занимался Красный Крест, которому было выделено на эти цели 600 тыс. фр.[35] Позднее специально для организации трудовой помощи в Константинополе ассигновали в дополнение к прежде отпущенным 370 тыс. фр. еще 200 тыс. — на устройство «артельных мастерских портняжного, сапожного и всякого механического ремонта на кооперативных началах». Мастерские должны были обеспечить заработок 800 беженцам[36].

Будущее показало, что деньги, потраченные на «трудовую помощь», оказались в целом выброшены на ветер. Дело было не только в том, что подавляющее большинство тех, кто был привлечен Земским союзом к различным работам с целью приобретения полезных специальностей, в Россию не вернулись (а если вернулись, то добром для них это не кончилось). Предугадать спрос на рынке труда в различных странах, в которых в конечном счете оказались те или иные беженцы, было невозможно. В результате если беженцы устраивались впоследствии на работу, то, как правило, совсем не по тем специальностям, которым их обучали при помощи Земского союза (впоследствии — Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей).

Несмотря на крайне неблагоприятные известия из России и общее понимание обреченности деникинских войск, Делегация по инерции продолжала санкционировать военные заказы. Так, по поднятому генералом Гермониусом принципиальному вопросу о том, следует ли в связи с ухудшившимся положением на фронтах продолжать дальнейшие закупки и заказы «предметов военного снаряжения» и потратить на эти цели остававшиеся в его распоряжении 250 тыс. ф. ст., Делегация постановила: «Исполнение заказов продолжать, если есть затруднения с безостановочной доставкой на Юг России — устроить склады в Италии, предпочтительнее на частное имя, например Кузнецова»[37].

Одним из результатов было то, что 12 марта по представлению Гермониуса Делегация утвердила расходы по заказу латуни на сумму 262 540 фр. А уже 31 марта, когда выяснилось, в связи с весьма туманными перспективами Белого движения на Юге, что латунь теперь не нужна, поручила Замену ликвидировать заказ[38].

Среди других трат отметим расходы на содержание православных церквей, причем в самых отдаленных местах. Так, например, на содержание причта в Буэнос-Айресе было отпущено 3325 ф. ст. Делегация взяла на себя заботы обо всех православных церквах и

границей, а не только о тех, которые проходили по смете МИД, особое внимание уделив православным учреждениям в Палестине, в частности Палестинскому обществу[39].

Среди ассигнований, сделанных Делегацией, были и довольно экзотические. По просьбе посланника в Стокгольме К.Н. Гулькевича ему был открыт кредит в 200 тыс. финских марок на уплату срочных недоимок по недвижимым имуществам русских подданных в Финляндии, во избежание продажи этих имуществ за бесценок с торгов. Мотивировка этого решения была такова: «Ввиду желательности сохранения русского мелкого землевладения в Финляндии»[40]. Это был явный «имперский синдром».

По распоряжению Делегации выплачивались, в виде исключения, пенсии и пособия.

Делегация выплачивала пособие в размере 5 тыс. фр. в месяц вдове адмирала Колчака С.Ф. Колчак, проживавшей в Париже. Точнее, в тот момент, когда Делегация принимала решение о выплате ей содержания за три месяца (16 января 1920 г.), она еще не была вдовой. Такое же содержание она получала в то время, когда адмирал был Верховным правителем. Через три недели, после расстрела Колчака, пособие де-факто стало пенсией. Когда Замен по какой-то причине (вероятно, в связи с очередной — мнимой или действительной — угрозой секвестра) счел необходимым «произвести безотлагательно выплату сумм, которые будут ассигнованы Делегацией», Софье Федоровне была выплачена пенсия за первое полугодие 1920 г. плюс еще 100 тыс. фр. на период до 1 января 1922 г.[41]

Пенсия, установленная еще по распоряжению Колчака, выплачивалась и вдове адмирала Р.Н. Вирена, убитого матросами в Кронштадте во время Февральской революции, — Н. Вирен. Она жила в Праге, пенсия составляла 200 чешских крон (несколько долларов) в месяц. По представлению князя Львова было выдано пособие в размере 5 тыс. динаров (около 120 долл.) бывшему председателю Государственной думы М.В. Родзянко, проживавшему в Белграде и находившемуся в «стесненном материальном положении». Следует иметь в виду, что жизнь в Чехословакии и Сербии по сравнению с Францией или Англией была крайне дешева, так что эти небольшие суммы являлись существенным подспорьем для их получателей. Делегацией было принято решение передать генералу А.И. Деникину в апреле 1920 г. уже оказавшемуся в Лондоне на положении эмигранта, «ввиду крайней недостаточности имеющихся у него средств» ссуду в 1500 ф. ст. на его содержание в ближайшие месяцы»[42].

Деятельность Делегации, по сути, свелась к распределению денег. Одно за другим рухнули белые правительства в Сибири и на Юге. Остатки Вооруженных сил Юга России, укрывшиеся в Крыму, были мало похожи на армию, способную противостоять большевикам. В этих условиях вести какую-либо серьезную «политику» и выступать от имени России Делегация могла еще менее, чем когда-либо. Правда, время от времени как будто спохватываясь, Делегация делала заявления, которые казались бы смешными, если бы не звучали столь грустно для тех, кто еще не забыл недавнего имперского величия. Вроде такого: «Предложить В.Н. Крупенскому сделать представление Японскому правительству о том, что он надеется, что японцы своими действиями в Восточной Сибири не предполагают нарушать целости Российской Империи и посягать на ее суверенитет»[43].

После сибирской катастрофы
Поиски новых путей преодоления большевизма

«Катастрофа Белого движения в Сибири» (так назвал впоследствии свою книгу один из участников событий[44]), надвигающаяся катастрофа Белого движения на Юге заставили российских деятелей за рубежом задуматься о новых путях борьбы с большевизмом, как и о целесообразности поддержки явно проигравших свою битву генералов.

Бахметев писал Маклакову еще в январе 1920 г., до крушения Деникина:

> Трагичность нашего положения по преимуществу заключается в том, что у нас нет субъекта национального движения. Вы можете сколько угодно в своем собственном решении и поведении прочно придерживаться оазиса национальной военной силы, которая сохранится где-то на Дальнем Востоке или в Кубанских степях, но Вы никого не заразите своим энтузиазмом, а главное, из этого упорства ничего практического не выйдет».

Бахметев особенно опасался «элементов военного держиморд-ства»[45]. Олицетворением подобного «держиморд-ства» для него был некий русский генерал,

которого англичане вывезли на Мальту, буквально спасши его из большевистских рук. Одели его, поили, кормили, одним словом, делали все, что возможно. Этот генерал, приглашенный обедать каким-то высшим английским начальником и выпив изрядно вина, стал держать речь в таком духе: вот-де, смотрите, в будущем мы вам всем покажем, когда Россия придет, займёт Мальту и всем наколотит морду. — Образ генерала с острова Мальты не выходит у меня из головы, так как я убежден, что генералов этих самым форменным образом расколотят, а платиться [sic] будет страна[46].

Критически важным для посла в Вашингтоне было охлаждение американской администрации к русским делам и утрата доверия к антибольшевистским правительствам. В разговоре с Бахметевым Б. Лонг как-то раз заметил, что «антибольшевистские силы сражаются с большевиками только немногим упорнее, чем друг с другом». Тот же Лонг высказал предположение, что иностранное военное вмешательство только помогает большевикам, позволяя им заявлять, что они сражаются с войсками союзников, а не с небольшими воинскими контингентами, противостоящими им на различных фронтах. Несмотря на поражения Колчака, Бахметев продолжал просить об американской поддержке антибольшевистских сил. Однако в декабре 1919 г. Вильсон, Лансинг и Лонг пришли к выводу о необходимости вывести американские войска из Сибири, что и было завершено к апрелю 1920 г.

«Как бы ни хотели Соединенные Штаты видеть прогрессивную, антибольшевистскую Россию, они не хотели брать на себя всю ношу, — пишет Л. Киллен. — Лонг мог сказать Бахметеву в декабре 1919 г., что "Соединенные Штаты не должны нести ответственность за судьбу России". Тогда же Лансинг заметил, что союзники и Америка пришли к согласию, что они не имеют более обязательств поддерживать любую из русских фракций»[47].

Бахметев сообщал Маклакову, что среди американских политиков «эпоха вооруженного сопротивления под эгидой военных вождей, эпоха Колчака и Деникина признается вообще законченной. Считается, что национальное движение, по крайней мере в той форме, в которой оно проявлялось, потерпело крушение, и ждут появления новых форм. Я думаю, что это настроение господствует не только в Америке», — добавлял посол в Вашингтоне. В отличие от иностранцев, замечал он, «кое-кто из русских продолжает упорно верить, что рецепт был правильный»[48].

Соглашаясь с Маклаковым, что «не нужно поддаваться панике и что нужно держаться за последний кусочек территории, где остается хотя бы остаточек национальной власти», Бахметев в то же время подчеркивал, что, «конечно, это имеет лишь символическое значение». Пока же письма и с Юга, и из Сибири демонстрировали «картину всеобщего разложения и отсутствия морального цемента». Успехи большевиков, полагал Бахметев, это скорее не торжество советской власти, а «слабость наша»[49].

Бахметев был не одинок в своем скептицизме. А.В. Кривошеин считал, что «на три четверти катастрофа Юга была вызвана бездарностью генералов, а на одну четверть трафаретностью мышления русских интеллигентских кругов»[50]. Кто бы мог подумать, что вскоре Кривошеин возглавит правительство одного из этих генералов! Правда, далеко не бездарного.

Барон Б.Э. Нольде информировал российского посланника в Стокгольме К.Н. Гулькевича о парижских настроениях:

> Здесь ничего особенно нового. В головах русских происходит напряженная работа, что делать дальше. Несмотря на все внешние признаки, я не ставил бы на большевиков, но приходится ставить на советскую Россию и на разрешение русского вопроса русскими средствами. Я боюсь, что белая Россия, базирующаяся на иностранную помощь, снята историей с очереди[51].

На сакраментальный русский вопрос: «Что делать?» («Что же нам делать? Что же делать националистам чистой воды, как Вы и я, не имеющим классовых корней и предрассудков?»)[52] Бахметев предлагал нестандартный ответ. В отсутствие «реального субъекта национального движения в России» он считал необходимым выработать основные положения программы, способной стать платформой национально-демократического возрождения России. В основе программы должна лежать идея народоправства и принцип собственности, она должна наметить пути решения аграрного вопроса, сочетать принцип единства страны с децентрализацией; будущая Россия должна стать «крестьянско-купеческой»[53].

Понятно, что менее всего Бахметев был настроен финансировать «военные движения».

Разумеется, Бахметев и Угет не устранились полностью от финансирования антибольшевистского движения в России; по тем или иным запросам из Парижа или Лондона они переводили не-

малые суммы. Однако в каждом конкретном случае это был предмет переговоров: Российское посольство в Вашингтоне явно сомневалось в адекватности понимания происходящих событий российскими представителями в Европе и в целесообразности продолжения финансирования обреченного на поражение дела. Телеграфируя Сазонову в начале марта 1920 г. о переводе Замену 500 тыс. долл. и послу в Японии Крупенскому 297 тыс. иен (причем Замену деньги были переведены на перевозку армии Н.Н. Юденича), Бахметев писал:

> Считаясь исключительной важностью в связи событиями поддерживать здесь и Европе движение пользу сочувствия нашим национальным задачам, что потребует длительных усилий и расходов, опасаюсь, что крупные и повторные ассигнования из здешнего фонда, в котором фактически почти уже нет свободных сумм, могут парализовать возможность подобной работы. Не имея данных о действительной пользе перевозки остатка армии, считаю долгом сообщить вышеизложенные соображения, в освещении которых Вы быть может найдете возможным пересмотреть ассигнование полумиллиона долларов[54].

Неудивительно, что Угет, как правило разделявший взгляды своего патрона, дал достаточно сдержанный ответ на две идентичные по содержанию телеграммы Бернацкого, полученные в Вашингтоне 25 февраля и 4 марта 1920 г. «Телеграфируйте, во-первых, точный размер сумм, находящихся Америке, — писал деникинский министр финансов, — во-вторых, окончательную сумму платежей, предстоящих Америке. Переведите приблизительно половину свободных сумм счет Управления финансов "Администрацион финанс" в Национальный банк Турции в Константинополе. Перевод сделайте в форме открытия депозита [пропуск в тексте] долларов»[55].

Угет информировал Бернацкого:

> Всего казенных сумм имелось на Первое Марта 14 281 408 долларов, из коих 91 790 остаток, находящихся под контролем Американскаго Казначейства, 1 663 740 — переводы из Омска, 12 525 878 — остаток выручки от займа. Расходов [в] Америке 14 225 548 долларов, из коих: 1) по контракту Американским Правительством на винтовки, запасные части и патроны 5 842 537, 2) то же через Союз Маслоделов по покупке теплых вещей 3 077 308, 3) за денежные знаки 904 981, 4) за муку для Архангельска 760 614, 5) проценты по обязательствам генерала Гермониуса

Париже 468 040, 6) на фрахты, хранение и прочее 2 500 000 долларов, из коих 500 000 долларов Замену для перевозки армии Юденича, 300 000 отправка «Омска» из Японии Новороссийск, 432 156 фрахт «Хомстеда» Мурманск, 150 000 расчет за «Индианаполис», не отправленный [на] Север, 82 500 направление «Пауни» Черное море, 80 000 — задержка, разгрузка «Рогдая» Сиатле, 411 136 хранение и отправка трехдюймовых патронов, остальная сумма на частичную гарантию по задолженности Морозова Шиппинг Борду в 1 085 195 за обратные фрахты из Черного моря. Перечисленные составляют лишь главнейшие обязательства, более мелкие — содержание всех правительственных учреждений Америке, инспекция, хранение и непредвиденные расходы исчерпывают остальную сумму расходов. Таким образом свободных сумм не имеется. Однако, допуская возможность экономии по некоторым статьям перевожу Константинополь 200 000 долларов. Если удастся будущем уменьшить наши обязательства переведу дополнительную сумму[56].

Сдержанность Угета объяснялась не только общеполитическими соображениями. Почти одновременно с телеграммами Бернацкого им были получены сведения о положении дел на Юге из достаточно достоверного источника. К началу марта 1920 г. в Нью-Йорк дошли письма, отправленные из Константинополя в самом конце января сотрудником Отдела по снабжению В.С. Ильяшенко, сопровождавшим направлявшийся в Новороссийск пароход «Сангамон»[57].

«Сангамон», а также еще несколько направлявшихся в русские порты судов были задержаны в Константинополе «ввиду невозможных условий разгрузки в Новороссийске, производимой до 2-х месяцев (в одном случае — даже женщинами, в другом — с перерывами и уходом в море, в течение нападений "зеленых" на город), или, как это было с 2-мя шведскими судами, даже и неначинаемой, [потому] что воды для котлов в Новороссийске достать нельзя и что ее будут брать тут, что товары... не вывозятся вглубь страны и лежат на пристани, охраняемой союзниками». «Сангамон» должен был ждать распоряжений по радио американского адмирала, отправившегося в Новороссийск на миноносце; радиосообщения были гораздо достовернее информации, которую российские власти в Константинополе получали через курьеров, добиравшихся из России с оказиями на иностранных судах[58].

«Я пишу на чемодане, — добавлял живописные подробности Ильяшенко, — на чердаке турецкой гостиницы. В Константинопо-

ле уже несколько тысяч (если не десятков [тысяч]) беженцев, сегодня в Посольстве размещено 470 человек, — на Принцевых островах (в казармах) 1200, и ожидается еще 40 000, места нет нигде». Бывший представитель Торгового комитета Н.В. Чарыков принял Ильяшенко в чулане, в пальто у керосиновой печки; такая же обстановка оказалась и у торгового агента А.А. Пиленко, которому были переданы теперь и функции представителя Торгового комитета. «Посольство не отапливается, — продолжал свою печальную повесть Ильяшенко, — и когда я пришел во время заседания — потухло электричество и заседание шло при спичках. Жалованье Посольству в последний раз пришло с опозданием из Парижа, а Торговый Агент заявил, что он 2 месяца его не получает совсем, просил меня узнать в России, когда его пришлют, и справлялся о возможности устроиться где-нибудь в Америке, а его помощник играет по вечерам на рояле в турецком кинематографе, чтобы чем-нибудь поддержать свою семью».

Никто из российских представителей, включая представителя генерала Деникина генерала В.П. Агапеева, ничего не знал ни о «Сангамоне», ни о деятельности российских учреждений в Америке; единственное исключение составляли секретари посольства, расшифровывавшие телеграммы для передачи их в Таганрог. Ни генерал Агапеев, ни представитель морского ведомства не могли предоставить Ильяшенко достоверных сведений ни о состоянии Новороссийского порта, ни о местопребывании министров, «находившихся частью в Новороссийске, частью в Екатеринодаре, а частью в пути между Ставкой, бывшей около ст. Тихорецкой и этими городами». Агапеев не мог сообщить данных ни о численности армии, ни о возможности охраны грузов в Новороссийске.

Отысканный Ильяшенко в Константинополе представитель деникинского министерства финансов, выехавший из Новороссийска за десять дней до их встречи и ожидавший оказии в Париж, поведал, что он видел на пристани американские паровозы, ранее отправленные посольством; что поезда ходят нерегулярно, около 75% грузов не доходят по назначению как вследствие нападений «зеленых», так и взяточничества.

В конечном счете американское агентство Булль К°, отвечавшее за доставку груза, попыталось разгрузить пароход в Константинополе. Не найдя, однако, свободных складов и сочтя стоимость разгрузки чрезмерно высокой, агентство решило все-таки разгрузить пароход в Новороссийске при содействии американских военных

властей, а на обратном пути загрузиться в Батуме и некоторых турецких портах. Опасаясь, что изменение контракта может повлечь за собой убытки для нью-йоркского Русского торгового комитета, и не имея полномочий на подобные действия, Ильяшенко решил остаться в Константинополе, сдав корреспонденцию, которую он вез в Россию, в дипломатическую миссию для последующей доставки. Послание Угета и письма Земсоюза он решил оставить при себе, полагая, что они скорее попадут в руки большевиков, нежели дойдут по назначению[59].

Цитированное выше «официальное», хотя и вполне красноречивое письмо Ильяшенко дополнил личным, в котором писал еще более откровенно:

> Развал абсолютный. И сейчас, т. к. это самая острая минута, абсолютно нельзя предугадать, чем он завершится (вероятно, еще большим развалом с обеих сторон, ибо по общему свидетельству очевидцев ни большевизм, ни антибольшевизм не есть уже сила, а уже существует только общее гниение, бегство, тиф и грабеж). Фикция Добровольческого Правительства, обладающего разрозненной территорией нескольких портов, поддерживается некоторыми его представителями в силу того, что им за что-то еще нужно держаться... Более самостоятельные люди, хотя и занимающие официальные посты, в частной беседе не скрывают, что эпопея Добровольцев кончена. Все ждут «официального» конца с минуты на минуту. В сущности, он уже наступил, т. к. ни Особого Совещания, ни армии нет уже, а есть отдельные отряды разных ориентаций и отдельные министры, десятки раз сменявшиеся... Кто остался, неизвестно, потому что сведения запаздывают, а курьеры зачастую не могут найти тех, к кому они посланы, ибо последние ездят в вагонах взад и вперед, ища пристанища...[60]

Со слов очевидца Ильяшенко передавал, что на пристани в Новороссийске «гниет сколько угодно» танков, артиллерийского снабжения и паровозов. «Туда же, — меланхолично заключал он, — свалят американцы и грузы "Сангамона"». Описывая со слов только что прибывших беженцев ситуацию в России, Ильяшенко рисовал поистине апокалиптическую картину: «На вокзале Новороссийска и Екатеринодара трупы лежат по нескольку дней. От вшей трещит под ногами». В Константинополе «легкая чума, сильная инфлуэнца, невероятная грязь, но это, конечно, пустяки по сравнению с Россией».

Поехать в Россию Ильяшенко, по-видимому, вызвался добровольно, рассчитывая разыскать родных, находившихся в Таганроге. Узнав, что они отправились из Таганрога в Кисловодск, он не без оснований решил, что вряд ли их разыщет, зато, скорее всего, сам не сможет выбраться обратно; особенно его пугали рассказы о том, что в России всех мужчин от 18 до 55 лет, невзирая на наличие каких бы то ни было документов, мобилизуют и отправляют хотя бы на рытье окопов. Даже делая скидку на то, что Ильяшенко самовольно отказался выполнить возложенное на него поручение и был склонен сгущать краски, картина, им нарисованная, в целом соответствовала действительности.

Ильяшенко вполне справедливо замечал, что картина, которую он наблюдал в Константинополе, отражала состояние тыла Вооруженных сил Юга России. Ярким образцом коррупции была встреченная им в Константинополе комиссия бывшего Мариупольского земства, направлявшаяся для закупки карандашей и чернил... в Швейцарию! Ильяшенко уверял, что сам видел ее бумаги. Большинство беженцев, прибывших в Константинополь, было обречено на нищету. При константинопольской дороговизне (по наблюдениям Ильяшенко, жизнь там была в два раза дороже, чем в США) за один доллар давали 1200—1400 донских рублей. А это была основная «валюта», которой располагали выбравшиеся из России[61].

Учитывая вышеизложенное, трудно удивляться тому, что российские дипломаты и финансисты в США считали финансирование обреченного дела пустой тратой денег.

Ранней весной 1920 г. ожидаемое свершилось. 13—15 (26—28) марта разразилась «новороссийская катастрофа» деникинской армии. Ее остатки были эвакуированы отчасти в Крым, отчасти за границу. Ввиду недостатка транспортных средств и натиска советских войск эвакуироваться успели далеко не все, и в руки красных попало около 22 тыс. пленных.

Пришествие Врангеля

22 марта (4 апреля) 1920 г. генерал Деникин подал в отставку и передал верховное командование генералу Врангелю. Казалось, свершилось чудо: полностью разложившаяся армия была приведена в порядок и начала наносить большевистским войскам чувствительные удары; правительство, контролировавшее лишь одну Таврическую губернию бывшей Российской империи, добилось того,

чего не удалось достичь ни Колчаку, ни Деникину, — признания одной из великих держав (Францией) де-факто; начались наконец аграрная реформа, реформа местного самоуправления. Врангелевский период Белого движения стал его эпилогом. Однако того, что это будет лишь эпилог, не мог заранее знать никто. А пока что война требовала, как всегда, кроме крови, — денег, денег и денег.

Одним из первых документов, подписанных Врангелем после прихода к власти, стало удостоверение, уполномочивающее начальника Управления финансов Вооруженных сил Юга России М.В. Бернацкого «распоряжаться всеми денежными средствами и прочим казенным имуществом, находящимся за границей». «Указания по этому мною ему даны. Всем финансовым агентам и прочим представителям Главного Командования за границей предписываю исполнять все предложения и распоряжения М.В. Бернацкого, которого уполномачиваю вести переговоры и заключать соглашения с представителями иностранных государств», — говорилось в удостоверении[62].

Врангель, контролировавший лишь Крымский полуостров с его ограниченными материальными ресурсами, нуждался в заграничном снабжении более, чем кто-либо другой из вождей Белого движения. Понятно, что его надежды были связаны прежде всего с получением денежных сумм, оставшихся за границей от правительств Колчака и Деникина. Однако получить их было не так просто. Зарубежная Россия поначалу настороженно отнеслась к Врангелю. Его «политическая физиономия» была неясна; в либерально-демократических кругах Врангеля считали реакционером, монархистом и германофилом. Неясно было также, насколько прочны его позиции в военном отношении и не последует ли вслед за новороссийской катастрофой Деникина крымская катастрофа Врангеля.

«Кадровая политика» Врангеля, в том числе увольнение Сазонова и назначение на его место дилетанта в дипломатии П.Б. Струве, увольнение посланника в Константинополе А.И. Щербатского с одновременным назначением представителем командования в этом важнейшем для врангелевского Крыма пункте генерала А.С. Лукомского[63], вообще неясность его намерений, — вызывали настороженность «русского Парижа».

К тому же Врангель считал, что после увольнения Сазонова, деятельность которого он оценивал крайне скептически, существование Делегации теряло смысл. Главкому явно не импонировали

«общественные деятели», входившие в состав Делегации, и он телеграфировал послу в Париже, что «в дальнейшем все сношения будут вестись исключительно через него одного»[64]. Приказы Врангеля поначалу не возымели никакого эффекта. Сазонова не перестали считать министром, а Делегация и не думала самораспускаться.

«Вся эта серия мероприятий вызывает только недоумение, — воспроизводил первые впечатления русских парижан о новом Главкоме Б.Э. Нольде. — Пока в Париже ограничились только тем, что запросили юг, собираются ли там бороться с большевиками, и от ответа поставили в зависимость отношение ко всем частным "актам власти"»[65].

Бывшему деникинскому министру финансов М.В. Бернацкому, наряду со Струве, пришлось если не «усмирять» русских парижан, то убеждать их признать крымскую власть. Без этого невозможно было получить доступ к российским деньгам за границей, тем более что Бернацкий имел довольно смутное представление о суммах, находящихся на счетах различных финансовых агентов и дипломатических представителей за рубежом. Выяснить это путем переписки не представлялось возможным. Связь была крайне ненадежна и медленна. Оставался единственный выход — отправиться в Европу, чтобы попытаться взять стремительно мелеющие «финансовые потоки» под свой контроль. Еще одной задачей было централизовать распоряжение российскими деньгами и имуществом за границей, сосредоточить их по возможности в одних руках.

Бернацкий прибыл в Париж в мае 1920 г. Встретили его поначалу настороженно. Одним из последних своих распоряжений генерал Деникин уволил всех членов Южнорусского правительства, за исключением Бернацкого, «оставленного для производства ликвидации». «Уезжая из Крыма, генерал Деникин был в уверенности, что Бернацкий не согласится остаться на посту при бароне Врангеле», — пересказал на заседании Делегации свой разговор с Деникиным встречавшийся с ним в Лондоне П.Н. Милюков. Деникин считал, что он передает Врангелю лишь главное командование, а не верховную власть. В то же время Деникин признал «крайне нежелательным чем бы то ни было мешать работе барона Врангеля». «Не мешайте Врангелю» — такова была «последняя директива» бывшего Главкома[66].

Бернацкий и в самом деле подал было в отставку. Однако Врангелю удалось убедить его взять прошение об отставке обратно. «Его уход в эти дни оставил бы меня в беспомощном положении», —

признавался впоследствии новый Главком[67]. Бернацкий оказался единственным связующим звеном между старым и новым правительствами. Пожалуй, вряд ли с кем-нибудь другим на деликатные финансовые темы стали бы разговаривать держатели государственных средств за рубежом, тем более обсуждать вопрос об их передаче.

Бернацкий оказался в то же время чужеродным телом во врангелевском правительстве. Не вдаваясь в детали «нового курса» Врангеля, напомним, что он, наученный горьким опытом Деникина, собирался проводить, по определению Струве, «левую политику правыми руками». Главой врангелевского правительства стал бывший царский министр, близкий сотрудник П.А. Столыпина А.В. Кривошеин, среди руководителей управлений (министерств) и ведомств оказались сенатор Г.В. Глинка, бывший директор Департамента полиции Е.К. Климович и др. Не говоря уже о самом Струве, заметно поправевшем.

Бернацкий был на этом фоне, если перефразировать известную поговорку, «левой вороной». В 1920 г. ему исполнялось 44 года. Он окончил юридический факультет Киевского университета и был оставлен там же при кафедре политической экономии «для приготовления к профессорскому званию». В порядке «приготовления» слушал в Берлине лекции знаменитого в то время экономиста Адольфа Вагнера и «с тех пор навсегда остался под влиянием "кафедрального социализма", проповедовавшего введение социальных реформ мирным путем». Увлекался марксизмом, формальный разрыв с которым у него произошел в 1911 г. в магистерской диссертации «Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка».

Преподавал политэкономию сначала в Тенишевском училище, затем в Политехническом и Технологическом институтах в Петербурге. В Политехническом читал курс лекций по теории денежного обращения. После Февральской революции профессор Бернацкий был привлечен к государственной работе. В июле 1917 г. стал товарищем министра финансов Временного правительства, а в сентябре — министром. Был арестован в Зимнем дворце в ночь большевистского переворота вместе с другими членами правительства и отправлен в Петропавловскую крепость. После двухмесячного заключения Бернацкий был освобожден; в мае 1918 г. уехал в Киев, где сотрудничал с правительством гетмана П.П. Скоропадского,

отказавшись, правда, войти в его состав. Осенью 1918 г. перебрался в Одессу, в январе 1919 г. — в Екатеринодар. 10 января 1919 г. Деникин назначил его управляющим Финансовым отделом Особого совещания, после преобразования отделов в управления — начальником Управления финансов. В этой «министерской» должности ему предстояло пребывать до конца существования Белого движения.

Бернацкого постоянно критиковали, считали оторванным от жизни теоретиком (видимо, сказывалось традиционное российское представление о том, что профессор должен быть рассеянным и оторванным от жизни), однако замены ему не находилось, и вряд ли кто-нибудь из критиков мог предложить действенный рецепт оздоровления финансов Юга России в тогдашних условиях. Никто из видных «практиков» не торопился предложить свои услуги для работы на ответственном посту в Министерстве финансов. Впоследствии, когда Врангель и Кривошеин решили расстаться с Бернацким, ни бывший министр финансов Российской империи П.Л. Барк, ни опытнейший практик, председатель правления Азовско-Донского банка Б.А. Каменка не согласились занять «горячее» место министра финансов[68].

Бернацкий выступил перед Делегацией с позиций новообращенного врангелевца. Основные тезисы его доклада были таковы:

> Между генералом Деникиным и генералом Врангелем была рознь, но проявлений неповиновения со стороны последнего не было. Уходя, генерал Деникин передал ему всю полноту власти, которою пользовался сам. И генерал Врангель отнюдь не является ликвидатором, а будет продолжать борьбу с большевиками безусловно, хотя бы, может быть, и иными приемами, чем прежде, но такую же непримиримую.
>
> Подозрения в германофильстве барона Врангеля ни на чем не основаны, этой тенденции совершенно нет.
>
> Сам по себе он вернее всего монархист, но монархического лозунга не выставит. Напротив, в земельном, например, вопросе проявляет скорее демагогическое отношение, — что сделано, то сделано, надо лишь создавшееся положение облечь в законную форму.
>
> По отношению к окраинным организациям — генерал Врангель готов признать их как фактически существующие[69].

Из уст самого левого из врангелевских министров (они назывались начальниками управлений ввиду скромного размера терри-

тории, которую контролировал Врангель) апология Врангеля звучала особенно убедительно. Главным для членов Делегации было то, что Врангель собирается продолжить борьбу с большевиками. Бернацкий же в некотором роде олицетворял преемственность с прежним правительством. Делегация признала Крымскую власть и фактически прекратила свою деятельность. Последний из ее журналов датирован 31 мая 1920 г.

Главной задачей нового/старого министра финансов было взять под контроль казенные средства, находившиеся за границей. Деятельность Бернацкого по розыску российских средств, включая золото, заметил даже Уинстон Черчилль. Он правильно предположил, что большая часть золота, находившегося в распоряжении Колчака, попала в руки советского правительства, но, столь же справедливо писал Черчилль, «нет данных думать, что они получили все. Шесть месяцев спустя министр финансов правительства Врангеля начал неприятные запросы о золоте на миллион долларов, которое по слухам поступило в один из банков в Сан-Франциско. Врангелевское правительство слишком мало оставалось у власти, чтобы выяснить, в чем дело»[70].

Черчилль в данном случае ошибался. Бернацкому удалось выяснить, «в чем дело» и какова судьба денег, а также золота, депонированного под закупки винтовок в США. Но одно дело было выяснить, где деньги, другое — взять их под свой контроль. Бернацкий быстро нашел общий язык с фон Заменом и Рафаловичем. Сложнее обстояло дело с российскими финансистами в США и Японии.

20 мая 1920 г. Сазонов телеграфировал Бахметеву:

> Для продолжения борьбы по восстановлению государственности в России весьма важно объединить все имеющиеся в нашем распоряжении средства. С этой целью сюда приехал Бернацкий, которому необходимо точно выяснить всю наличность остатка средств, находящихся на руках у отдельных финансовых (Агентов) и установить единый порядок дальнейшего расхождения их для удовлетворения нужд в том числе и содержания заграничного состава всех ведомств. Только такое сосредоточение дела в руках Бернацкого, бывшего последним общероссийским Министром Финансов до большевистского переворота и с тех пор непрестанно работавшего в составе Южного Правительства, может оградить отдельных распорядителей сумм от упреков в самовольном распоряжении казенными деньгами по личному усмотрению.

> Замен и Рафалович вполне подчинились руководству Бернацкого. Необходимо чтобы Угет и Миллер также оказали ему полное содействие и откликнулись на его призыв. Бернацкий намерен просить Угета приехать сюда для личного участия в разрешении намеченной задачи, а также вопроса о снабжении армий, продолжающих борьбу[71].

Эта телеграмма Сазонова была одной из последних, которую он дал в качестве министра иностранных дел. 27 мая циркулярной телеграммой посольствам и миссиям он сообщил о своей отставке. Ввиду полной неопытности Струве, а также сомнений в том, что все посольства и миссии безоговорочно подчинятся новому министру, роль «посредника» между ними (по существу, «теневого» министра) взял на себя М.Н. Гирс. Первоначально эту роль Струве предлагал Маклакову, но тот устранился, предложив взамен старейшину русского дипломатического корпуса, поскольку, учитывая этот «титул» Гирса, «его назначение не удивит и не возмутит». К тому же «у него в характере та гибкость человека, никогда не игравшего первых ролей, при которой он способен добросовестно следовать и Вашей новой политике, — слегка лукавя, писал Маклаков Струве. — Во-вторых, он имя ни для кого не одиозное, так как все относятся к нему с уважением; он, в-третьих, добросовестный работник»[72].

28 мая Гирс направил российским посольствам и миссиям циркулярную телеграмму о своем вступлении в новую для русской дипломатии должность: «Принял на себя по поручению Струве согласование деятельности дипломатического нашего представительства за границей с деятельностью Управления Иностранных Сношений при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России. Обращаюсь к Вашей помощи в работе для достижения общей для всех нас цели воссоздания России. Остаюсь пока в Париже»[73].

Как и предвидел Маклаков, назначение Гирса было принято дипломатическим корпусом, и он стал исполнять «те функции, которые нес Сазонов по министерству»[74].

Тем временем Бернацкий продолжал поиски денег. Он обратился с вопросом о положении дел к бывшему заместителю министра финансов Омского правительства В.И. Новицкому, который «своевременно», как иронизировал Бурышкин, подал в отставку «по состоянию здоровья». Новицкий вернулся через Китай в США, где

вновь вступил в должность уполномоченного Министерства финансов. По данным Новицкого, в связи с тем что перед падением колчаковского правительства были сделаны распоряжения о переводе всех сумм Иностранного отделения кредитной канцелярии на счета находившихся за границей финансовых агентов, в руки социалистического правительства, пришедшего к власти во Владивостоке, попали лишь незначительные суммы[75].

Впрочем, о точном размере сумм, переведенных на счета агентов, имели достаточно приблизительное представление даже высшие чины колчаковского Минфина. В ответ на запрос Замена Новицкий сообщил: «Распоряжения о кредитовании счетов агентов были сделаны в разные сроки несколькими лицами — мною, Никольским и Скерстом; ввиду этого точные суммы, поступившие на счета агентов, могут быть получены лишь непосредственно от них»[76].

Очевидно, что во Франции рассчитывать было не на что: даже на деньги, вырученные от продажи золота французскому правительству, был наложен арест. Таким образом, роль Рафаловича в качестве финансового агента была вполне платонической.

Фон Замен всецело поставил себя (и, соответственно, находившиеся под его контролем суммы) в распоряжение Врангеля. Он и был назначен на вновь учрежденную должность Главноуполномоченного по финансово-экономическим делам. Это объяснялось не только его лояльностью врангелевскому правительству, но и тем что он был наиболее высоким по рангу и наиболее опытным финансистом среди своих коллег. В конце мая 1920 г. в распоряжении Замена оставался 1 700 тыс. ф. ст.

Сведения о принципах взаимоотношений других финансовых агентов с Врангелем приводятся в анонимной «Записке» с грифом «Весьма доверительно», копии которой обнаружены нами как в фонде Российского посольства во Франции в архиве Гуверовского института, так и среди бумаг М.В. Бернацкого в Бахметевском архиве[77]. На экземпляре справки, находящейся в фонде Бернацкого, бывший министр надписал, что «Записка» подготовлена К. Миллером в июле 1923 г.

Подчеркивая, что «хранители русских государственных средств после падения Омска и Ростова оказались несущими на себе ответственность за сохранность и расходование имеющихся у них остатков казенных сумм», автор «Записки» свидетельствовал, что в результате переговоров с Бернацким

все хранители казенных средств выразили свое согласие финансировать правительство генерала Врангеля и всемерно осуществляли свое обещание. Однако никакой передачи всех сумм генералу Врангелю не производилось, и работа агентов покоилась на принципе сотрудничества, а не подчинения правительству генерала Врангеля. Это вполне определенно было формулировано послом в Соединенных Штатах Сев[ерной] Америки Б.А. Бахметевым, в распоряжении которого состояла большая часть остатков средств.

Такое отношение финансисты задним числом объясняли, в частности, тем, что прерогативы «Верховного правителя», переданные генералу Деникину адмиралом Колчаком, не были, в свою очередь, переданы Деникиным Врангелю: «Генерал Деникин оставил генералу Врангелю только командование армией и гражданское управление на сохранившейся в его руках территории на Юге России»[78].

Главное же было все-таки в том, что российские дипломаты, в особенности в США, и прежде всего сам посол, не верили в долговечность врангелевского предприятия. Глядя из Вашингтона, представлялось совсем не принципиальным, продолжается ли сопротивление большевикам в «кубанских степях» или же в Крыму. В любом случае дело выглядело безнадежным. Тем не менее российские представители в США оказали Врангелю значительную финансовую и материальную помощь.

Приехавший в Париж в июне 1920 г. Угет представил Бернацкому справки о судьбе «золотого займа» и о других финансовых и материальных ресурсах, находившихся под контролем российских представителей в США на 24—25 мая 1920 г. Хотя вряд ли Угет сообщил сведения обо всех многочисленных счетах посольства.

На счетах финансового агентства (Transfers) числилось на 25 мая 1920 г. 5 064 077 долл. 64 цента. Эта сумма имела своим «происхождением» переводы Омского правительства и остатки от «золотого займа». Часть денег (2 397 565 долл. 90 центов) хранилась в Национальном городском банке (National City Bank of New York), часть (2 666 511 долл. 74 цента) — в банкирском доме Киддер, Пибоди и К°. Кроме того, в Национальном городском банке на счете числилось 94 567 долл. 2 цента — остатки средств Временного правительства, находившиеся под контролем американского Казначейства. Расходование этих денег могло производиться исключительно с согласия казначейства на оплату обязательств Временного правительства в США[79].

Большая часть суммы в 22,5 млн долларов, которая была получена в результате «золотого займа», была уже потрачена или «связана». По условиям займа 2/3 полученных денег предназначались на закупку товаров американского производства. Так, наиболее крупную сумму — 3 058 500 долл. — предполагалось заплатить Western Cartridge Co за 100 млн ружейных патронов; 2 047 558 долл. (здесь и далее опущены центы) пошло на оплату долга Национальному городскому банку Нью-Йорка, кредитовавшему покупку винтовок у завода Ремингтон; американскому правительству за 268 тыс. винтовок и 15 млн ружейных патронов было выплачено в два приема 1 115 034 долл. и 1 672 551 долл.; Союзу сибирских маслодельных артелей — 1 257 578 долл. Остальные выплаты составляли менее 1 млн долл.; наименьшая, скрупулезно учтенная, — 51 цент за перевод 12 тыс. долл. Самой бесполезной тратой, как выяснилось позднее, оказалась выплата 855 731 долл. American Banknote Co за изготовление кредитных билетов. И это была не последняя выплата банкнотной компании!

Деньги, находившиеся в свободном распоряжении, кроме оплаты заказов, шли на содержание Информационного бюро в Нью-Йорке — 46 250 долл., Российского государственного контроля в США (35 тыс. долл.), православной епархии в Южной Америке (11 214 долл.) и другие цели.

К этому времени существенно «усохло» — иногда в прямом смысле этого слова — имущество, находившееся под контролем посольства. Приведем характерный эпизод, связанный с «приключениями» столь дефицитной в России подошвенной кожи. В нем до некоторой степени отразилась история Белого движения и его заграничного снабжения.

Закупленные еще в 1917 г. 2146 кип подошвенной кожи были в ноябре 1919 г. отправлены из Нью-Йорка во Владивосток через Панамский канал на морском транспорте «Рогдай»; однако, узнав о событиях в Сибири, Угет задержал пароход в Сан-Франциско; кожу перегрузили на другое судно и доставили в Сиэтл, где она и находилась в мае 1920 г. Доставка кожи по железной дороге из Сиэтла обратно в Нью-Йорк обошлась бы в 20 тыс. долл., перевозка в Крым — еще в 50 тыс. Продажа кожи, по мнению Угета, едва ли принесла бы больше половины ее стоимости, так как, во-первых, кожа долго лежала, во-вторых, ее дубление производилось по инструкции российского интендантства способом, не применявшимся в США. Зная заготовительную цену — 40—50 центов за фут

в 1917 г. и учитывая, что вес каждой кипы кожи составлял около 400 фунтов, нетрудно подсчитать, что «усохло» 180—200 тыс. долл. Так на глазах «сжималась» стоимость имущества, на оплату которого пошли некогда огромные деньги.

Острота проблемы с наличностью побудила Угета, до той поры стремившегося по возможности выполнять обязательства по отношению к американским фирмам (это диктовала не только деловая этика, но и опасение судебных исков с возможным наложением арестов на счета посольства), пойти после переговоров с Бернацким на необычный для него шаг. Угет телеграфировал Новицкому, выполнявшему в его отсутствие обязанности финансового агента, о крайней нежелательности «расходования средств на оплату прежних обязательств ... так как наличность необходима для поддержания национального движения»[80].

Было решено открыть специальный счет, через который проводить платежи для врангелевского Крыма. В соответствии с указанием Угета заведующий финансовым делопроизводством Д.П. Перцов открыл в книгах агентства специальный счет Fond reserves. На этот счет были зачислены суммы, «освободившиеся при погашении займа, полученного Омским правительством от англо-американского синдиката», суммы, освободившиеся в связи с отказом от половины патронов (50 млн штук), заказанных ранее у фирмы Western Cartridge Company, а также суммы, высвободившиеся в связи с отказом от 70 тыс. винтовок (из 268 тыс.) и некоторого количества патронов, которые ранее планировалось приобрести у американского правительства. На этот же счет должны были быть перечислены и «суммы, имеющие поступить от продажи золота, коим обеспечивалась уплата за упомянутые выше винтовки»[81].

Таким образом, счет был поистине «золотым».

Счет Fond reserves был закрыт 1 июля 1921 г. Поступления на счет за время его существования составили 7 171 002 долл. 30 центов; расходы — 5 391 197 долл. 76 центов. Разница составила 1 779 804 долл. 54 цента. Основные операции по счету проводились до 1 ноября 1920 г., т. е. в период деятельности врангелевского правительства. На финансирование его нужд и пошли почти все деньги, хотя небольшие суммы тратились и на некоторые другие цели (к примеру, была выдана ссуда перебравшемуся в США знаменитому историку и археологу академику М.И. Ростовцеву[82]).

Врангель не мог пожаловаться на невнимание к нему российских дипломатов в США; если они и не смогли оказать ему помощь

в тех же масштабах, что Колчаку и Деникину, то это объяснялось, во-первых, сокращением ресурсов, во-вторых, изменением политики американского правительства по отношению к Белому движению. В условиях жесткой избирательной кампании 1920 г. администрация президента Вильсона была вынуждена запретить вывоз вооружения, предназначенного русским «реакционерам», и дипломатам приходилось изобретать сложные схемы, вроде продажи французам патронов под видом металлического лома с целью их последующей доставки в Крым[83].

Заметим при этом, что взаимоотношения дипломатов с Крымской властью отнюдь не были безоблачными. В Париже были возмущены интервью Бернацкого, которое было опубликовано в одной из крымских газет в августе 1920 г. Бернацкий, в частности, говорил:

> Вторая задача, стоявшая предо мною и Струве, была выведение из того хаотического состояния нашего заграничного представительства, в котором оно находилось. Главное ядро его состояло из чинов, оставшихся от Императорского и Временного Правительства и позднейших наслоений. Мною и Струве был выработан проект нового концентрированного заграничного представительства, который ныне представлен на усмотрение Главнокомандующего. Проект реорганизованного представительства сокращает расходы на содержание его в два раза. Правда, сумма расходов остается довольно значительной и нуждается в дальнейшем сокращении, но общероссийский характер власти Главнокомандующего и лежащие отныне на нем заботы о различных частях б[ывшей] Российской империи вынуждают к значительным затратам на представительство за границей[84].

Позволим себе привести обширную цитату из письма Г.М. Лунца, состоявшего при кн. Г.Е. Львове, к К.Н. Гулькевичу. Лунц писал об интервью Бернацкого и взаимоотношениях Крыма и заграничного представительства в целом:

> Здесь все: и презрение к заграница, и считание себя неограниченными владыками русских средств. При этом Бернацкий считается у них еще слишком европейским человеком. Повторяется, одним словом, главная деникинская ошибка — они все мнят себя в каком-то безвоздушном пространстве и вне всякой зависимости от Европы, без которой они ничего, однако, не в состоянии сделать. Я совершенно убежден, что

они считают само собой разумеющимся, что заграничное представительство признает их власть. Они не думают о том, что было бы, если б Гирс не согласился объединять представительство. Я совсем не говорю, что точка зрения о необходимости объявить себя нейтральными, весьма распространенная в представительстве, правильна. Совсем нет. Но Юг не понимает, что учреждением ордена Николая Чудотворца, назначением Драгомирова начальником его капитула, приказом об именовании Слащева впредь Слащевым-Крымским за его защиту перешейка никаких других результатов, кроме деникинских, не достигнет. Боюсь, что пример Бахметева, оставившего за собой право в каждом отдельном случае решать вопрос о выдаче из американских сумм каждого цента, или Миллера (Токио), просто отказавшегося подчиниться, найдут себе подражателей.

Боюсь, что я не объяснил Вам как следует, в чем дело. Мы отнюдь не ждем от Юга либерализма, но мы хотим иметь возможность защищать его интересы здесь, а вместо этого и на нас и на Европу никакого внимания не обращают. (Вместе с тем наивно предписывают Бахметеву озаботиться подготовлением займа.) Мы не будем удивлены, если вдруг получится приказ об увольнении всех и назначении какого-нибудь бравого генерала[85].

Дальний Восток

Итак, теперь нам известно, что происходило в последний год Белого движения с деньгами, полученными в результате «золотых кашмов» в Англии и США. Рассмотрим теперь ситуацию на Дальнем Востоке.

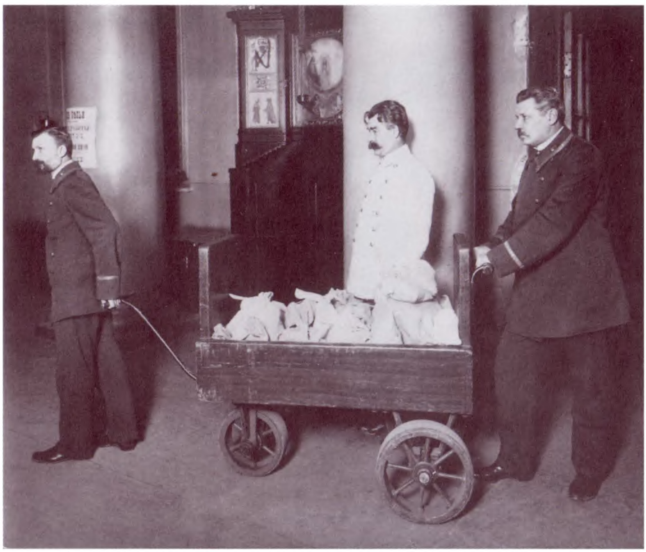
Первая часть японского кредита была полностью потрачена. Деньги, поступившие по второй части кредитной операции в сумме 8,3 млн иен, несомненно, оказались по большей части на счету Карла Карловича Миллера, агента Министерства торговли и промышленности в Токио, исполнявшего одновременно функции финансового агента. В литературе неоднократно приводились сведения о суммах, находившихся на счетах Миллера. Все они восходят к одному и тому же источнику — бумагам Кредитной канцелярии по Владивостоке, оказавшимся в руках большевиков. Согласно Меморандуму советской делегации в Генуе, на счетах Миллера находилось: иен — 6 660 273, долларов — 170 тыс., франков — 494 тыс., фунтов стерлингов — 25 тыс., мексиканских долларов[86] — 450 тыс., шанхайских таэлей[87] — 695 797[88].

Сходные данные опубликовал бывший управляющий финансами Иркутского Политцентра, а затем управляющий финансовым ведомством Временного правительства Дальнего Востока — Приморской земской управы — А.И. Погребецкий. По его сведениям, на личных счетах Миллера находилось 6 940 тыс. иен, 170 тыс. американских долларов, 25 тыс. фунтов стерлингов, 424 тыс. французских франков и 450 тыс. мексиканских долларов[89].

На самом деле в распоряжении Миллера находились существенно меньшие суммы. На начало июля 1920 г. на его счетах находилось 6 900 тыс. иен, 395 тыс. фр. и 15 тыс. ф. ст.[90] Суммы в 450 тыс. мексиканских долл. и 350 тыс. лан (таэлей), вырученные за продажу казенного серебра, оказавшегося на Дальнем Востоке, были блокированы в Русско-Азиатском банке, руководство которого заявило, что передаст их законному русскому правительству[91]. Эти суммы были равны приблизительно 10 млн французских фр.[92], что составляло 217 391 ф. ст. (по курсу 46 фр. за 1 ф. ст.), или 833 333 долл. (по курсу 12 фр. за 1 долл.). Миллер судился с банком, но «вытащить» некогда принадлежавшие колчаковскому правительству суммы так и не удалось.

В распоряжении российского военного агента в Японии М.П. Подтягина имелось 1 767 тыс. иен, переведенных в свое время на закупку различных материалов, однако около миллиона из этой суммы еще следовало уплатить японскому Военному министерству за сделанные ранее заказы. Что же касается заказов, оплаченных за счет японского кредита, то в полном распоряжении военного агента находилось лишь санитарное оборудование и бинокли. Судьбу остатков имущества фактически решали японцы. Винтовки и карабины были отправлены ими в Забайкалье, т.е. атаману Семенову. Туда же, по согласованию с российскими дипломатами, планировалось отправить инженерное и интендантское имущество. «Реализация этого имущества отчасти невозможна, отчасти была бы сопряжена со значительной потерей», — информировал Париж посол в Токио В.Н. Крупенский[93].

Ответ посла в Пекине кн. Н.А. Кудашева на запрос Гирса о средствах колчаковского правительства в Китае был неутешительным: «Все оставшиеся в Китае ценности Омского правительства после его падения взяты мною на учет и под секвестр для передачи будущему русскому правительству после его всеобщего признания, в частности Китаем. Сложное дело ликвидации еще не закончено вполне, почему не могу дать пока общей суммы». Речь шла о



Перевозка золота в Госбанке. Санкт-Петербург. Начало XX в.

В хранилище банка. Сейфовый зал

Верховный правитель
России адмирал
А.В. Колчак. Омск, 1919 г.

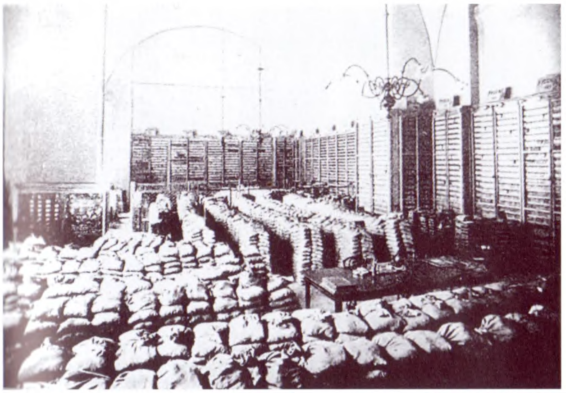
Верховный правитель России
адмирал А.В. Колчак

Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак. Плакат 1919 г.

Казань. Большая Проломная улица,
на которой находилось Казанское отделение Госбанка

Казанское отделение Госбанка. 1917 год.
Здесь в 1918 г. хранилась большая часть российского золотого запаса

Здание Казанского отделения Госбанка. Современный вид



Золотая кладовая
(предположительно
Казанского отделения Госбанка)

Казанский трамвай. На таких трамваях перевозили золото из Казанского отделения Госбанка на пристань

Казань. Пристани на Волге

И.А. Михайлов, министр финансов правительства А.В. Колчака

Генерал А.И. Деникин на параде в Харькове.
Предоставлено архивом Гуверовского института

Атаман Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенов

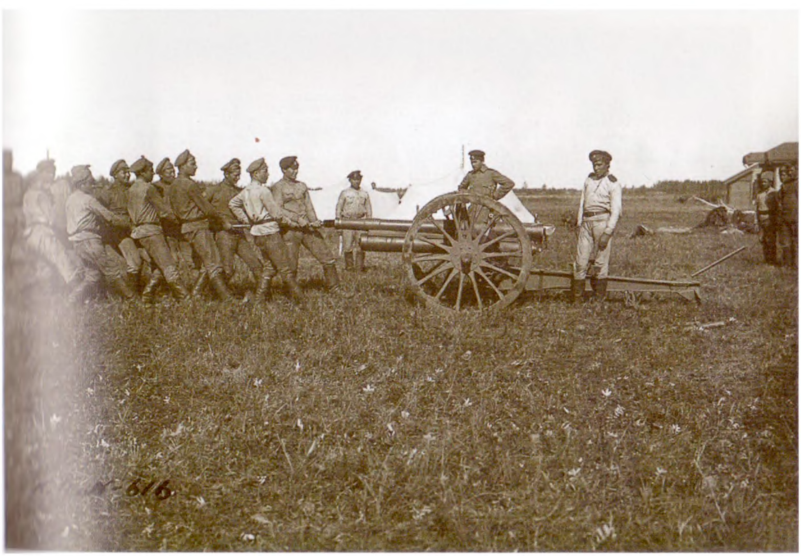
Атаман Г.М. Семенов и атаман Сибирского казачьего войска
П.П. Иванов-Ринов (сидят в центре)

Группа сотрудников Управления финансов Вооруженных сил Юга России. В первом ряду в центре – М.В. Бернацкий. На фотографии надпись: Первому руководителю возрождающихся финансов Великой Единой Неделимой России Михаилу Владимировичу Бернацкому – сотрудники его по Управлению перед выездом из Екатеринодара – колыбели будущей Русской Государственности. 4 августа 1919 г. Предоставлено Бахметевским архивом

Колчаковцы. Лето 1919 г.

Колчаковцы в период отступления. Октябрь 1919 г.

Колчаковские пулеметчики с пулеметами разных систем.
Слева направо: «максимы», «кольты» и один «льюис»

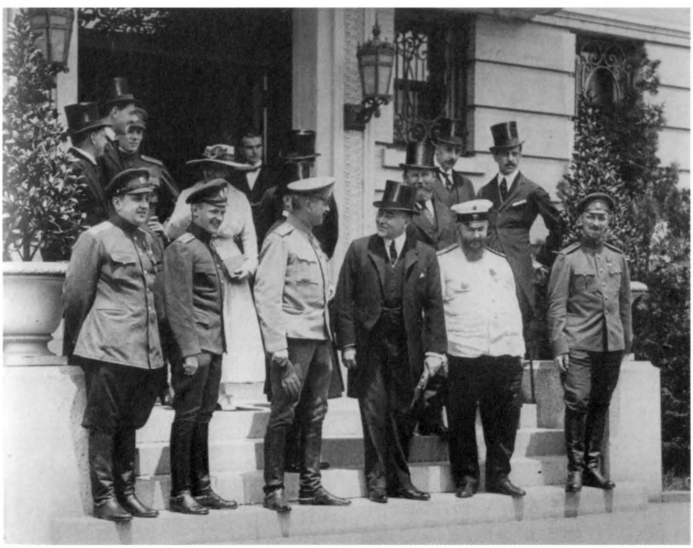


Колчаковцы. Чистка орудийного ствола

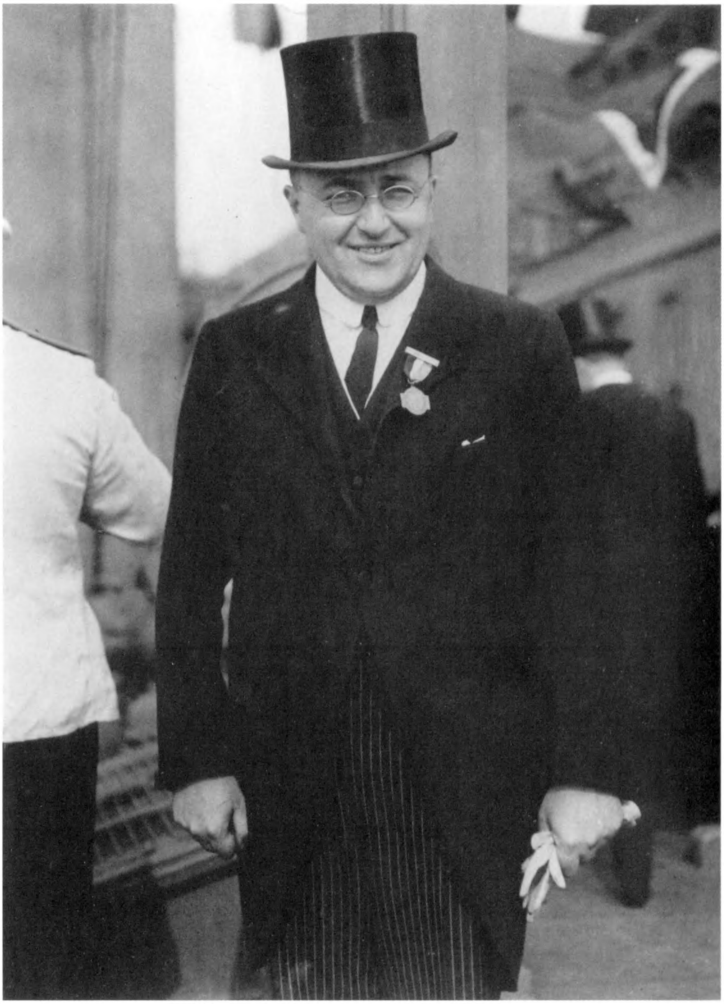
Колчаковцы на строительстве железнодорожного моста

Колчаковцы за игрой в карты

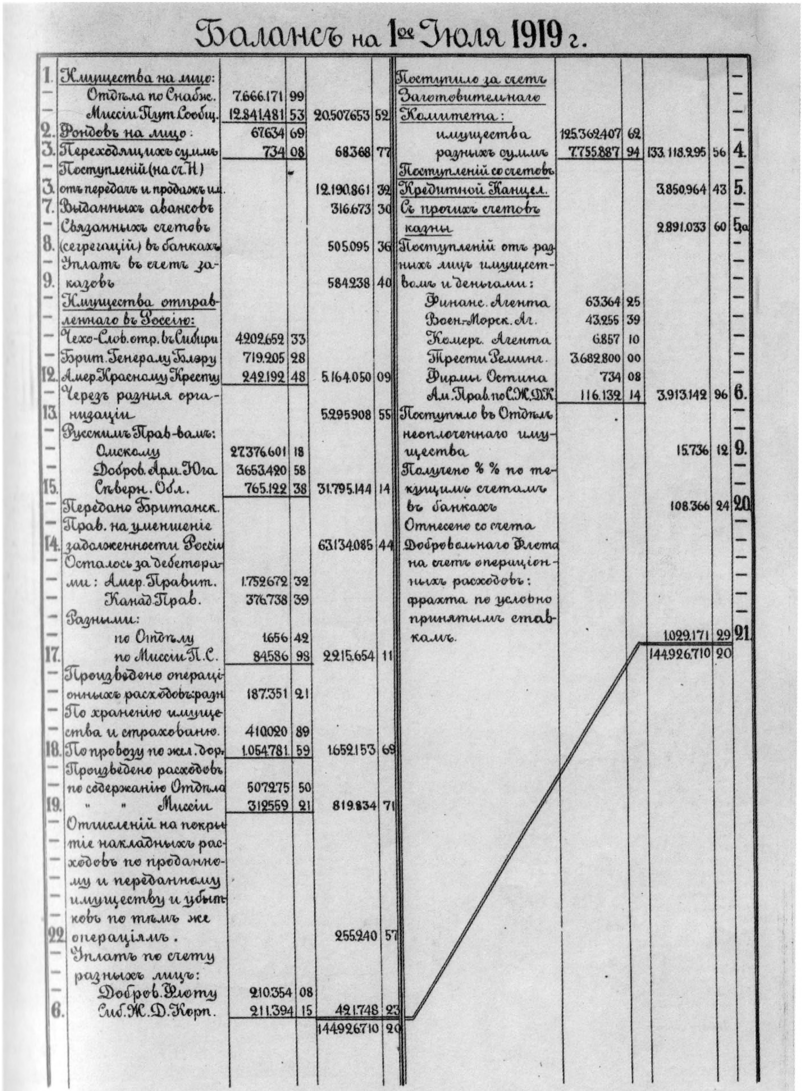
Б.А. Бахметев. 1917 год.
Предоставлено Бахметевским архивом



Б.А. Бахметев с группой сотрудников перед зданием Российского посольства в Вашингтоне. 1917 год. Предоставлено Бахметевским архивом



Б.А. Бахметев, российский посол в Вашингтоне. 1917 год.
Предоставлено Бахметевским архивом

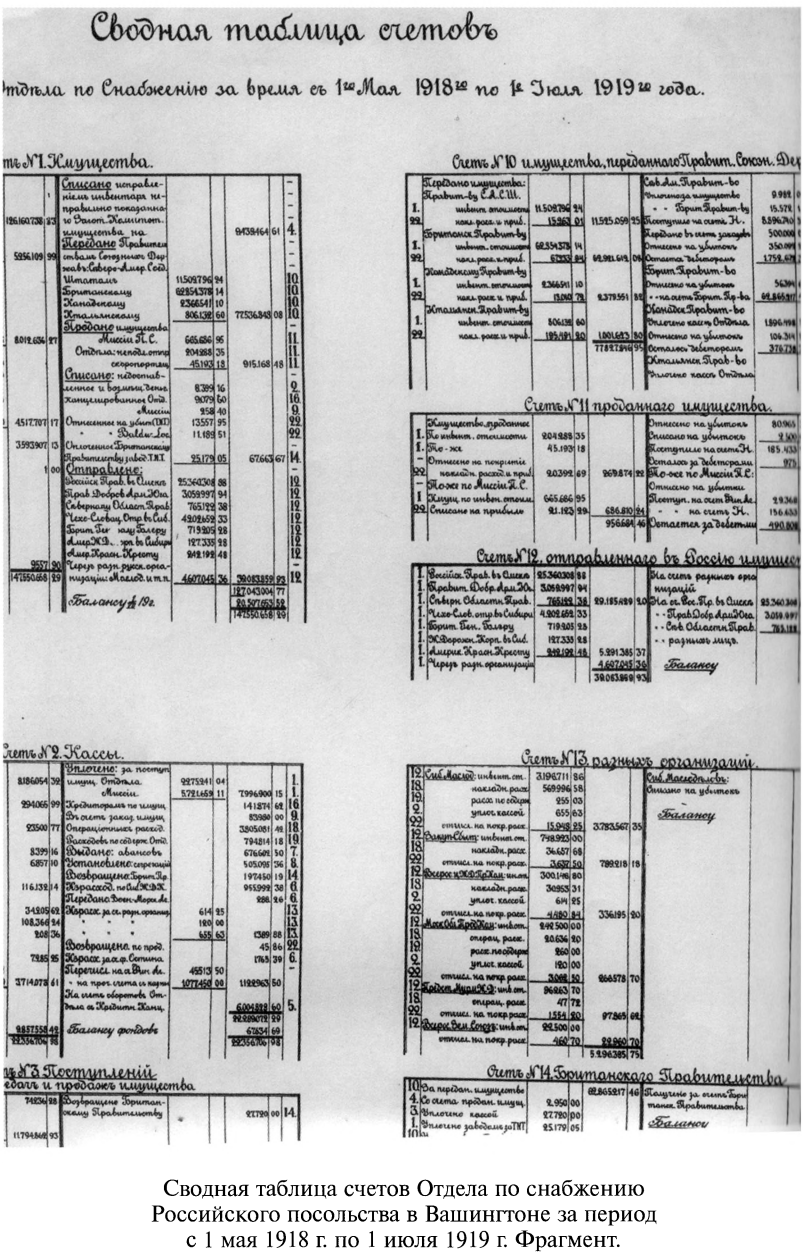


Балансъ на 1-ое Іюля 1919 г.

1.	Имущества на лицо:				
—	Отдѣла по Снабж.	7.666.171	99		
—	Миссіи Пут. Сообщ.	12.841.481	53	20.507.653	52
2.	Фондовъ на лицо:	67.634	69		
3.	Переходящихъ суммъ	734	08	68.368	77
—	Поступленій (на сч. Н)				
3.	отъ передачъ и продажъ им.			12.190.861	32
7.	Выданныхъ авансовъ			316.673	30
—	Связанныхъ счетовъ				
8.	(сегрегацій) въ банкахъ			505.095	36
—	Уплатъ въ счетъ за-				
9.	казовъ			584.238	40
—	Имущества отправ-				
—	леннаго въ Россію:				
—	Чехо-Слов. отр. въ Сибири	4.202.652	33		
—	Брит. Генералу Блэру	719.205	28		
12.	Амер. Красному Кресту	242.192	48	5.164.050	09
—	Черезъ разныя орга-				
13.	низаціи			5.295.908	55
—	Русскимъ Прав-вамъ:				
—	Омскому	27.376.601	18		
—	Добров. Арм. Юга	3.653.420	58		
15.	Сѣверн. Обл.	765.122	38	31.795.144	14
—	Передано Британск.				
—	Прав. на уменшеніе				
14.	задолженности Россіи			63.134.085	44
—	Осталось за дебетора-				
—	ми: Амер. Правит.	1.752.672	32		
—	Канад. Прав.	376.738	39		
—	Разными:				
—	по Отдѣлу	1.656	42		
17.	по Миссіи П. С.	84.586	98	2.215.654	11
—	Произведено операці-				
—	онныхъ расходовъ: разн	187.351	21		
—	По храненію имуще-				
—	ства и страхованію.	410.020	89		
18.	По провозу по жел. дор.	1.054.781	59	1.652.153	69
—	Произведено расходовъ				
—	по содержанію Отдѣла	507.275	50		
19.	" " Миссіи	312.559	21	819.834	71
—	Отчисленій на покры-				
—	тіе накладныхъ рас-				
—	ходовъ по проданно-				
—	му и переданному				
—	имуществу и убыт-				
—	ковъ по тѣмъ же				
22.	операціямъ.			255.240	57
—	Уплатъ по счету				
—	разныхъ лицъ:				
—	Добров. Флоту	210.354	08		
6.	Сиб. Ж. Д. Корп.	211.394	15	421.748	23
				144.926.710	20

	Поступило за счетъ				
	Заготовительнаго				
	Комитета:				
	имущества	125.362.407	62		
	разныхъ суммъ	7.755.887	94	133.118.295	56
	Поступленій со счетовъ				
	Кредитной Канцел.			3.850.964	43
	Съ прочихъ счетовъ				
	казны			2.891.033	60
	Поступленій отъ раз-				
	нихъ лицъ имущест-				
	вомъ и деньгами:				
	Финанс. Агента	63.364	25		
	Воен.-Морск. Аг.	43.255	39		
	Комерч. Агента	6.857	10		
	Трести Реминг.	3.682.800	00		
	Фирмы Остина	734	08		
	Ам. Прав. по С. Ж. Д. К.	116.132	14	3.913.142	96
	Поступило въ Отдѣлъ				
	неоплоченнаго иму-				
	щества			15.736	12
	Получено % % по те-				
	кущимъ счетамъ				
	въ банкахъ			108.366	24
	Отнесено со счета				
	Добровольнаго Флота				
	на счетъ операціон-				
	ныхъ расходовъ:				
	фрахта по условно				
	принятымъ став-				
	камъ.			1.029.171	29
				144.926.710	20

Баланс Отдела по снабжению Российского посольства в Вашингтоне на 1 июля 1919 г. Предоставлено Архивом Гуверовского института


Сводная таблица счетов

Отдела по Снабжению за время съ 1го Мая 1918го по 1е Іюля 1919го года.

Сводная таблица счетов Отдела по снабжению Российского посольства в Вашингтоне за период с 1 мая 1918 г. по 1 июля 1919 г. Фрагмент. Предоставлено архивом Гуверовского института

KIDDER, PEABODY & CO.

115 DEVONSHIRE STREET
BOSTON

17 WALL STREET
NEW YORK

REC'D DEC 29 1919

NEW YORK December 27, 1919.

B. Bakhmeteff, Esq.,
Ambassador Extraordinary and
Plenipotentiary of Russia,

S. Ughet, Esq.,
Russian Financial Attache,

Russian Embassy, Washington, D. C.

Dear Sirs:

We beg to acknowledge receipt of your letter of December 24th, and as requested, we have opened an account on our books entitled "S. Ughet, Russian Financial Attache" and have transferred from the account of the Omsk Government to this account, as of December 18th, the sum of $15,662,500. advising Mr. Ughet accordingly.

We note your instructions that until further joint notice from yourselves, S. Ughet, as Russian Financial Attache will have the exclusive right to sign singly all drafts on this account. All arrangements as to the details of management of said account (rate of interest, statements, vouchers, etc.) will be made by Mr. Ughet.

Very truly yours,

Kidder, Peabody & Co.

Письмо банкирского дома Киддер, Пибоди и Ко от 27 декабря 1919 г. Б.А. Бахметеву и С.А. Угету о переводе 15 662 500 долларов со счета Омского правительства на счет Угета. Предоставлено Архивом Гуверовского института

Образцы денежных знаков, изготовленных по заказу колчаковского правительства в США: 50 копеек, 25, 50, 100, 500 и 1000 рублей. Предоставлено Архивом Гуверовского института

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ
АА000000
АА000000
100
100
1918
1918
СТО РУБЛЕЙ
SPECIMEN

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ
100
100
СТО РУБЛЕЙ
SPECIMEN

1919
АА000000
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ
1919
1000
1000
АА000000
ТЫСЯЧА РУБЛЕЙ
SPECIMEN

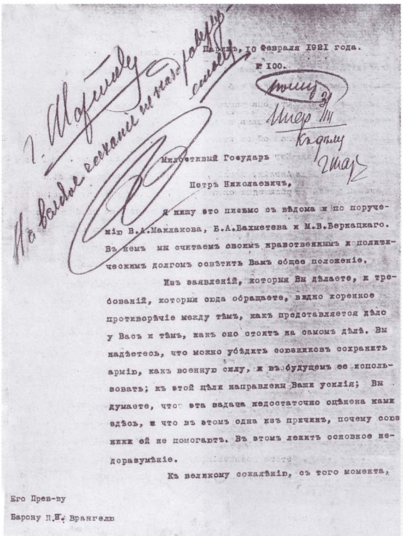
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ
1000
1000
ТЫСЯЧА РУБЛЕЙ
SPECIMEN

Здание российского посольства в Париже (улица Гренель, 79). Современный вид. *Фото Владимира Аллоя*

В.А. Маклаков, российский посол в Париже. 1921 год. Предоставлено архивом Гуверовского института

Гуверовская башня (Стэнфордский университет, США).
Здесь, в подвалах Гуверовского института, хранятся архивы российской «дипломатии в изгнании». *Фото Бориса Дедовича*

Генерал П.Н. Врангель и генерал, атаман Войска Донского
А.П. Богаевский на молебне



Парижъ, 10 Февраля 1921 года.

№ 100.

Милостивый Государь

Петръ Николаевичъ,

Я пишу это письмо съ вѣдома и по порученію В.А.Маклакова, Б.А.Бахметева и М.В.Бернацкаго. Въ немъ мы считаемъ своимъ нравственнымъ и политическимъ долгомъ освѣтить Вамъ общее положеніе.

Изъ заявленій, которыя Вы дѣлаете, и требованій, которыя сюда обращаете, видно коренное противорѣчіе между тѣмъ, какъ представляется дѣло у Васъ и тѣмъ, какъ оно стоитъ на самомъ дѣлѣ. Вы надѣетесь, что можно убѣдить союзниковъ сохранить армію, какъ военную силу, и въ будущемъ ее использовать; къ этой цѣли направлены Ваши усилія; Вы думаете, что эта задача недостаточно оцѣнена нами здѣсь, и что въ этомъ одна изъ причинъ, почему союзники ей не помогаютъ. Въ этомъ лежитъ основное недоразумѣніе.

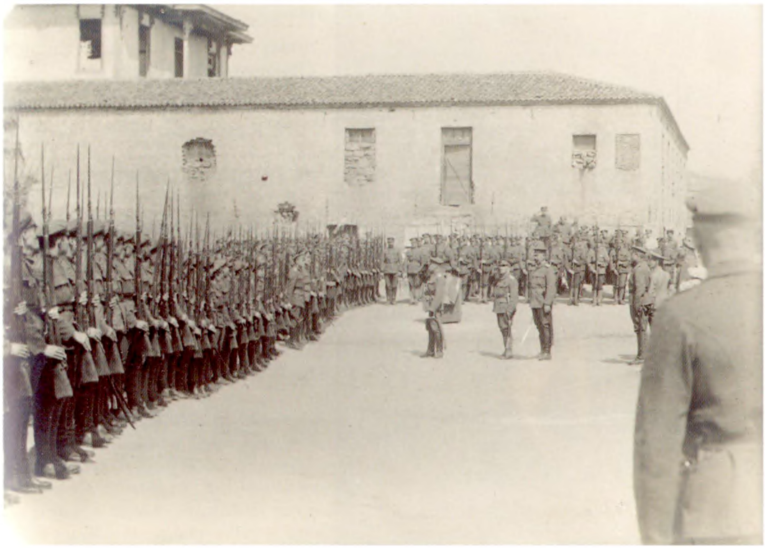
Къ великому сожалѣнію, съ того момента,

Его Прев-ву

Барону П.Н. Врангелю

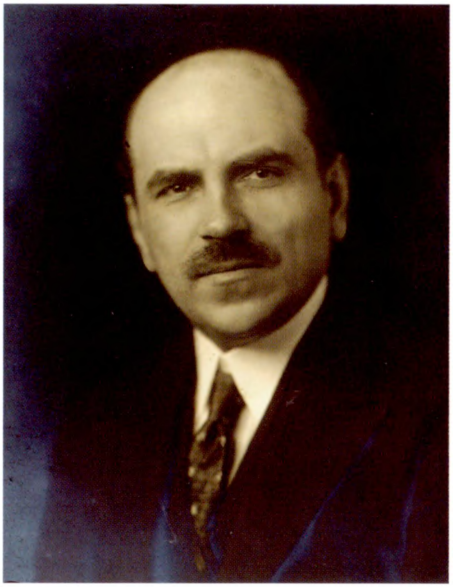
Первая страница письма М.Н. Гирса генералу П.Н. Врангелю от 10 февраля 1921 г. о том, что Совет российских послов в Париже не признает более его власть. Резолюция Врангеля: «На каждое чихание не наздравствуешься». Предоставлено архивом Гуверовского института

Генерал П.Н. Врангель с самым младшим кадетом Первого Русского кадетского корпуса в Югославии



Русская армия в изгнании. Парад юнкеров Константиновского училища. Лагерь Галлиполи. 1921 год. Предоставлено архивом Гуверовского института

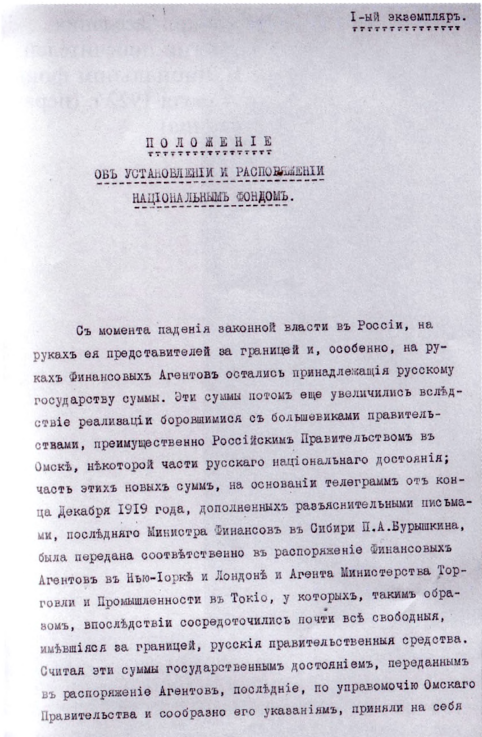
Гимнастика в русской гимназии в Константинополе. 1920—1921. Предоставлено архивом Гуверовского института



Е.В. Саблин, российский поверенный в делах в Лондонс. Предоставлено архивом Гуверовского института

Русская армия в изгнании. Галлиполи. В подземном жилище. 1920—1921. Предоставлено архивом Гуверовского института

Положение об установлении и распоряжении Национальным фондом (первая страница). Предоставлено Бахметевским архивом



I-ый экземпляръ.

ПОЛОЖЕНІЕ

ОБЪ УСТАНОВЛЕНІИ И РАСПОРЯЖЕНІИ

НАЦІОНАЛЬНЫМЪ ФОНДОМЪ.

Съ момента паденія законной власти въ Россіи, на рукахъ ея представителей за границей и, особенно, на рукахъ Финансовыхъ Агентовъ остались принадлежащія русскому государству суммы. Эти суммы потомъ еще увеличились вслѣдствіе реализаціи боровшимися съ большевиками правительствами, преимущественно Россійскимъ Правительствомъ въ Омскѣ, нѣкоторой части русскаго національнаго достоянія; часть этихъ новыхъ суммъ, на основаніи телеграммъ отъ конца Декабря 1919 года, дополненныхъ разъяснительными письмами, послѣдняго Министра Финансовъ въ Сибири П.А.Бурышкина, была передана соотвѣтственно въ распоряженіе Финансовыхъ Агентовъ въ Нью-Іоркѣ и Лондонѣ и Агента Министерства Торговли и Промышленности въ Токіо, у которыхъ, такимъ образомъ, впослѣдствіи сосредоточились почти всѣ свободныя, имѣвшіяся за границей, русскія правительственныя средства. Считая эти суммы государственнымъ достояніемъ, переданнымъ въ распоряженіе Агентовъ, послѣдніе, по управомочію Омскаго Правительства и сообразно его указаніямъ, приняли на себя

8.

...итствовать, но помочь Агентамъ въ исполненіи этой задачи. О наступленіи этого момента, его причинахъ и о принятыхъ мѣрахъ должно быть составлено постановленіе Попечителей, которое можетъ быть принято по большинству голосовъ.

Въ случаѣ невозможности для Финансовыхъ Агентовъ по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, достичь вышеупомянутыхъ согласованныхъ между собой рѣшеній и дѣйствій, распоряженіе отдѣльными долями "Національнаго Фонда" переходитъ въ вѣдѣніе и на полную отвѣтственность соотвѣтствующихъ Агентовъ, или ихъ замѣстителей.

М.Н.Г. [signature]

В.А.М. [signature]

Б.А.Б. [signature]

Р.А.У. [signature]

В.И.Н. [signature]

На страницѣ 4-ой послѣ словъ ..... протоколомъ отъ 4 Іюня 1921 года, вставлены слѣдующіе слова: съ положеніями сего протокола въ послѣдующей перепискѣ между М.Н. Гирсомъ и Б.А. Бахметевымъ".

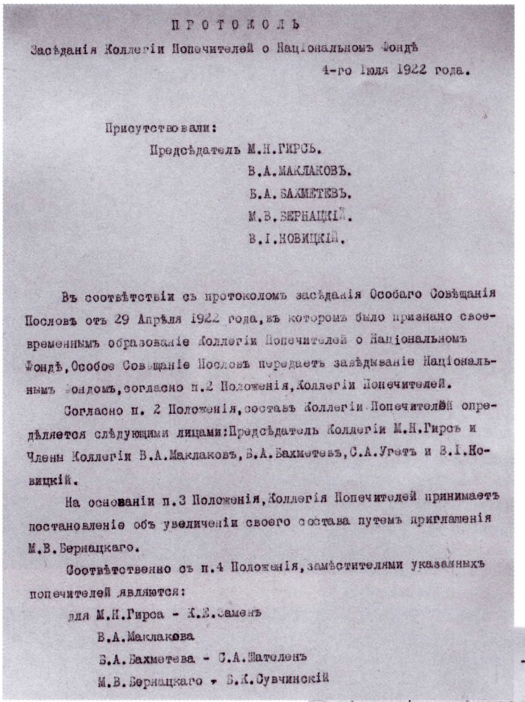
[signature]

20-го Декабря 1921 года.

[signature]

Положение об установлении и распоряжении Национальным фондом (последняя страница). Подписи М.Н. Гирса, В.А. Маклакова, Б.А. Бахметева, С.А. Угета, В.И. Новицкого. Предоставлено Бахметевским архивом

Протокол заседания Коллегии попечителей о Национальном фонде от 4 июля 1922 г. (первая страница)



ПРОТОКОЛЪ

Засѣданія Коллегіи Попечителей о Національномъ Фондѣ

4-го Іюля 1922 года.

Присутствовали:

Предсѣдатель М.Н.ГИРСЪ.

В.А.МАКЛАКОВЪ.

Б.А.БАХМЕТЕВЪ.

М.В.БЕРНАЦКІЙ.

В.І.НОВИЦКІЙ.

Въ соотвѣтствіи съ протоколомъ засѣданія Особаго Совѣщанія Пословъ отъ 29 Апрѣля 1922 года, въ которомъ было признано своевременнымъ образованіе Коллегіи Попечителей о Національномъ Фондѣ, Особое Совѣщаніе Пословъ передаетъ завѣдываніе Національнымъ Фондомъ, согласно п.2 Положенія, Коллегіи Попечителей.

Согласно п. 2 Положенія, составъ Коллегіи Попечителей опредѣляется слѣдующими лицами: Предсѣдатель Коллегіи М.Н.Гирсъ и Члены Коллегіи В.А.Маклаковъ, Б.А.Бахметевъ, С.А.Угетъ и В.І.Новицкій.

На основаніи п.3 Положенія, Коллегія Попечителей принимаетъ постановленіе объ увеличеніи своего состава путемъ приглашенія М.В.Бернацкаго.

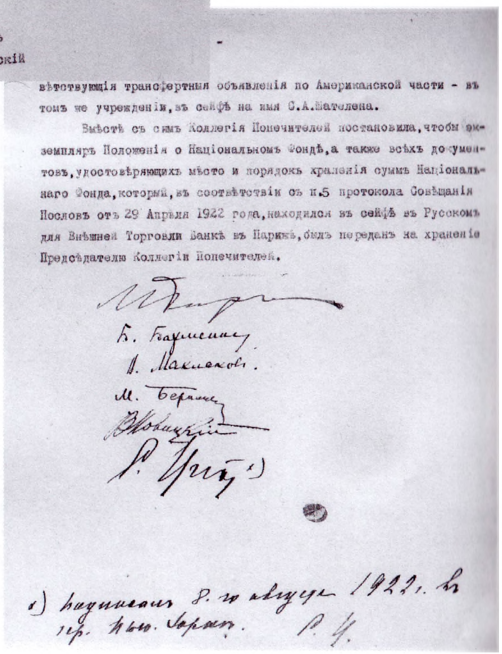
Соотвѣтственно съ п.4 Положенія, замѣстителями указанныхъ попечителей являются:

для М.Н.Гирса - К.Е.Заменъ

В.А.Маклакова

Б.А.Бахметева - С.А.Шателенъ

М.В.Бернацкаго - Б.К.Сувчинскій



вѣтствующія трансфертныя объявленія по Американской части - въ томъ же учрежденіи, въ сейфѣ на имя С.А.Шателена.

Вмѣстѣ съ симъ Коллегія Попечителей постановила, чтобы экземпляръ Положенія о Національномъ Фондѣ, а также всѣхъ документовъ, удостовѣряющихъ мѣсто и порядокъ храненія суммъ Національнаго Фонда, который, въ соотвѣтствіи съ п.5 протокола Совѣщанія Пословъ отъ 29 Апрѣля 1922 года, находился въ сейфѣ въ Русскомъ для Внѣшней Торговли Банкѣ въ Парижѣ, былъ переданъ на храненіе Предсѣдателю Коллегіи Попечителей.

М.Гирсъ

Б. Бахметевъ

В. Маклаковъ.

М. Бернацкій

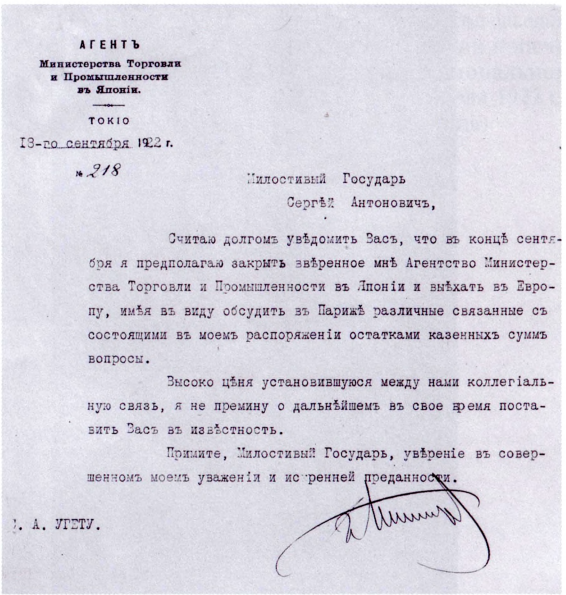
В.Новицкій

С. Угетъ *)

*) подписалъ 8-го августа 1922 г. въ гор. Нью-Іоркѣ. С. У.

Протокол заседания Коллегии попечителей о Национальном фонде от 4 июля 1922 г. (последняя страница). Подписи М.Н. Гирса, Б.А. Бахметева, В.А. Маклакова, М.В. Бернацкого, В.И. Новицкого, С.А. Угета

Лондон, Ломбард стрит, 38.
В этом здании находился Лондонский для восточной торговли банк
Современный вид. *Фото автора*



АГЕНТЪ
Министерства Торговли
и Промышленности
въ Японіи.

ТОКІО

18-го сентября 1922 г.

№ 218

Милостивый Государь
Сергѣй Антоновичъ,

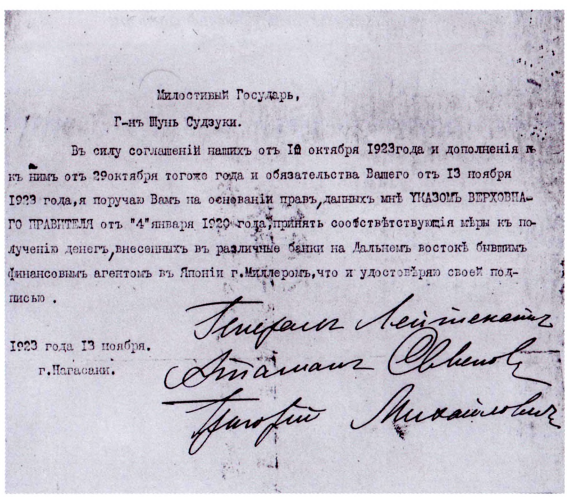
Считаю долгомъ увѣдомить Васъ, что въ концѣ сентября я предполагаю закрыть ввѣренное мнѣ Агентство Министерства Торговли и Промышленности въ Японіи и выѣхать въ Европу, имѣя въ виду обсудить въ Парижѣ различные связанные съ состоящими въ моемъ распоряженіи остатками казенныхъ суммъ вопросы.

Высоко цѣня установившуюся между нами коллегіальную связь, я не премину о дальнѣйшемъ въ свое время поставить Васъ въ извѣстность.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и истренней преданности.

С. А. УГЕТУ.

Письмо К.К. Миллера С.А. Угету от 18 сентября 1922 г. о закрытии Агентства Министерства торговли и промышленности в Японии и о переезде Миллера в Париж. Предоставлено архивом Гуверовского института



Милостивый Государь,

Г-нъ Шунь Судзуки.

Въ силу соглашеній нашихъ отъ 1й октября 1923года и дополненія къ нимъ отъ 29октября тогоже года и обязательства Вашего отъ 13 ноября 1923 года,я поручаю Вамъ на основаніи правъ,данныхъ мнѣ УКАЗОМЪ ВЕРХОВНАГО ПРАВИТЕЛЯ отъ "4"января 1920 года,принять соотвѣтствующія мѣры къ полученію денегъ,внесенныхъ въ различные банки на Дальнемъ востокѣ бывшимъ финансовымъ агентомъ въ Японіи г.Миллеромъ,что и удостовѣряю своей подписью .

1923 года 13 ноября.
г.Нагасаки.

Письмо Г.М. Семенова Ш. Судзуки от 13 ноября 1923 г., подтверждающее данное ему поручение об изъятии денег, внесенных в различные банки К.К. Миллером. Предоставлено архивом Гуверовского института

Сов. Совет Уполномоченных

CABLE ADDRESS: MORAVSKY
SHANGHAI

COUNCIL
OF
PLENIPOTENTIARY REPRESENTATIVES OF THE ORGANIZATIONS
OF
Autonomous Siberia

President of the Council

Shanghai 1-го Ноября 1930

Господину ШИН-СУЗУКИ.

Милостивый Государь,

Ссылаясь на личные переговоры с Вами от 31-го октября с/г., настоящим подтверждаем, что Совѣт Уполномоченных Организацій Автономной Сибири СОГЛАСЕН ПОРУЧИТЬ ВАМ ВЗЫСКАНІЕ ДЛЯ СОВѢТА УПОЛНОМОЧЕННЫХ С ГОНКОНГ-ШАНХАЙСКАГО БАНКА В ГОНКОНГѢ ОСТАТОК ОТ ДЕПОНИРОВАННЫХ В ЭТОТ БАНК СУММ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ АДМИРАЛА А.В.КОЛЧАКА В СУММѢ ДВѢНАДЦАТЬ МИЛЛІОНОВ /12.000.000/ с лишним, а ТАКЖЕ И ЗОЛОТА В СЛИТКАХ СДАННАГО НА ХРАНЕНІЕ В ОЗНАЧЕННЫЙ БАНК.

Непременным условіем для проведенія указаннаго дѣла Вами Совѣт Уполномоченных ставит предоставленіе с Вашей стороны в распоряженіе В.И.МОРАВСКАГО обусловленной с Вами суммы.

Послѣ изысканія Вами указанной выше суммы Вы имѣете прибыть в Шанхай для подписанія договора и передачи В.И.Моравскому обусловленных денег.

Примите увѣренія в совершенном к Вам почтеніи.

подп. В. Моравский

Вр.ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
СОВѢТА УПОЛНОМОЧЕННЫХ

подп. С. Аваркин

И.Об.УПРАВЛЯЮЩАГО ДѢЛАМИ

Подлинный получил:

Письмо В.И. Моравского Ш. Сузуки (Судзуки) от 1 ноября 1930 г., поручающее ему взыскание с Гонконг-Шанхайского банка денежных сумм и слитков золота, внесенных в этот банк правительством адмирала А.В. Колчака. Предоставлено архивом Гуверовского института

Парижъ, "20" Мая 1945 г.

Глубокоуважаемый

Василій Алексѣевичъ

Со смертью К.К.Миллера прекратились ассигнованія на Office des Réfugiés Russes -------въ Парижѣ за счетъ русскихъ средствъ. А.А.Никольскій - замѣститель К.К.Миллера находится нынѣ гдѣ то въ Германіи и сношеніе съ нимъ невозможно. Въ виду этихъ обстоятельствъ я рѣшилъ, по соглашенію съ Е.К.Бражниковой поставить въ Ваше распоряженіе 144.000 франковъ / 72.000 фр. за мой счетъ и 72.000 фр. авансомъ за счетъ суммъ А.А.Никольскаго/ по разсчету 6.000 фр. въ мѣсяцъ до 1 Іюня 1947 года - какъ дополнительное ассигнованіе къ суммамъ, получаемымъ Оффисомъ отъ французскаго правительства. За этотъ двухлѣтній срокъ надо надѣятся, что Вамъ удастся войти въ сношенія съ А.А.Никольскимъ, который сможетъ освободить суммы, полученныя имъ по наслѣдству отъ К.К.Миллера и временно блокированныя изъ за формальностей введенія наслѣдства и запрещенія перевода валюты изъ одной страны въ другую

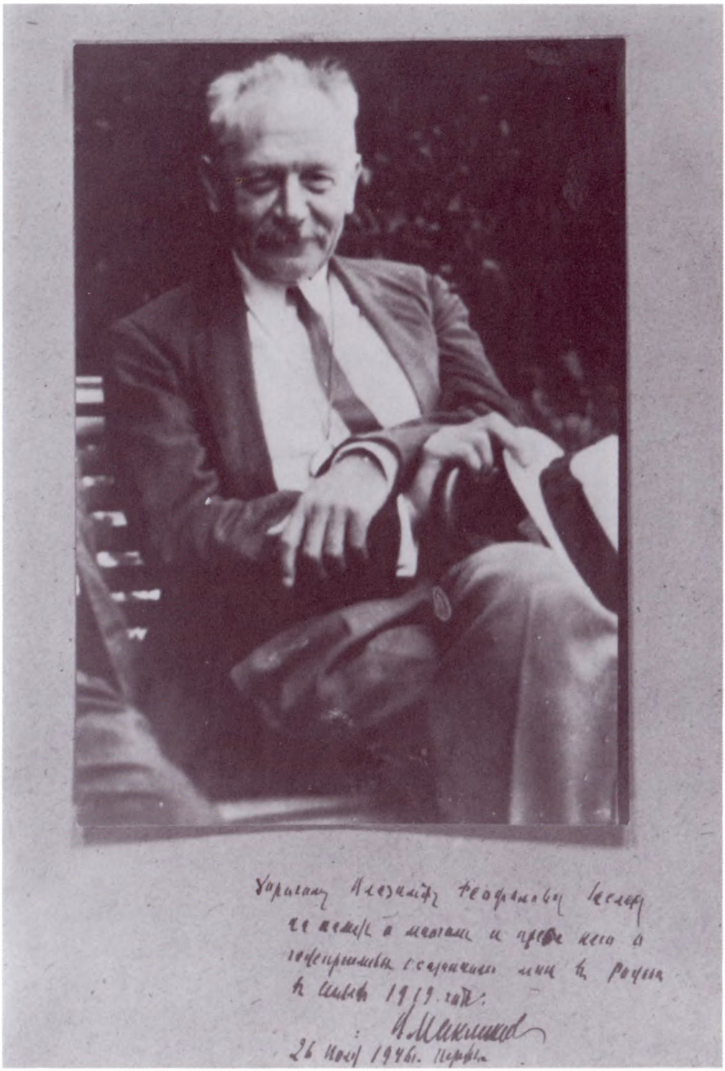
Кромѣ того я передаю Вамъ еще 20.000 франковъ на покрытіе разныхъ нуждъ русской эмиграціи по Вашему усмотрѣнію.

Прошу Васъ принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи и совершенной преданности

В.Новицкій

Никольскій — 100.000

Письмо В.И. Новицкого В.А. Маклакову от 20 мая 1945 г. о передаче в его распоряжение сумм на содержание Офиса по делам русских беженцев и на поддержку российских эмигрантов во Франции. Предоставлено Русским архивом в Лидсе



В.А. Маклаков. Париж, 1946 г. Автограф Маклакова: «Дорогому Владимиру Феофиловичу Зеелеру на память о многом и прежде всего о гостеприимстве, оказанном мне в Ростове в октябре 1919 года. В. Маклаков. 26 июля 1946 г. Париж». Предоставлено Бахметевским архивом

В.А. Маклаков. Париж, начало 1950-х гг.
Предоставлено Бахметевским архивом

тех же деньгах, полученных от продажи серебра. По данным Кудашева, на счетах Омского правительства в Русско-Азиатском банке было секвестровано 887 733 лан, 3622 ф. ст. и 1176 золотых (т.е. американских) долл.[94]

И уж совсем обескураживающим был ответ Миллера, основного «держателя» казенных сумм на Дальнем Востоке, Замену, стремившемуся поставить сохранившиеся средства под свой контроль: «Я считаю, что мой долг перед родиной не позволяет мне уклониться от ответственности, возложенной на меня переведением на мое имя Омским правительством разных государственных сумм»[95].

Это означало, что «главноуполномоченный» Замен для него не указ.

К сожалению, нам не удалось обнаружить подробных сведений о расходах, произведенных Миллером в период с декабря 1919 г. по сентябрь 1920 г. Известно, что он перевел в Лондон 30 тыс. ф. ст. для «подкрепления» наличности Замена и 100 тыс. иен посланнику в Пекине кн. Кудашеву «на беженцев»[96]. Несомненно также, что после прекращения Китаем выплаты «боксерского вознаграждения» (контрибуции, выплачивавшейся Китаем в порядке компенсации за ущерб, нанесенный иностранцам в период боксерского восстания 1900 г.) на средства Миллера содержались дипломатические учреждения на Дальнем Востоке. Так что Миллер не лукавил, когда в ответ на требование Бернацкого перевести в его распоряжение значительную часть денег, находившихся на счетах финансового агента в Японии, телеграфировал министру 1 сентября 1920 г.:

> Находящиеся в моем распоряжении суммы примерно 6 000 000 иен являются единственными казенными средствами для удовлетворения общегосударственных потребностей на Дальнем Востоке ... Содержание всего нашего представительства в Японии и Китае всецело ляжет на эти суммы. Кроме того усиливающийся приток беженцев требует крупных ассигнований, на этот предмет миссии по просьбе Замена переводятся Кудашеву [пропуск в тексте: как можно понять из последующей переписки, посланнику в Пекине кн. Кудашеву было переведено 100 тыс. иен. — *О.Б.*]. Предоставление Замену огульно средств в указанном Вами размере ... фактически угрожало бы всякой государственной деятельности на Дальнем Востоке... В дальнейшем ... я готов по мере возможности оказывать финансовую поддержку Правительству Юга России, но должен просить сообщать в каждом отдельном случае, на что требуются деньги[97].

6 млн иен (курс иены оставался стабильным в период 1914—1924 гг.) были эквивалентны 600 тыс. ф. ст., или 3 млн. долл.

Отказ К.К. Миллера предоставить все имевшиеся у него средства в распоряжение Врангеля вызвал гневную телеграмму обычно сдержанного Гирса послу в Японии В.Н. Крупенскому, в которой «теневой министр иностранных дел» обвинил финансового агента в нежелании поддерживать национальное движение. Крупенский, однако, вступился за отсутствовавшего в тот момент в Японии Миллера:

> Миллер нисколько не уклоняется от совместной работы на пользу общего дела, особенно с правительством Врангеля, коему он, как и все мы, горячо сочувствует. Но я вполне понимаю, что возложенная на него тяжелая ответственность, которой он считает себя по совести связанным, не позволяет ему по простому о том требованию предоставить распоряжение вверенными ему суммами другим лицам, каков бы ни был их личный авторитет, тем более что ему совершенно неизвестно, израсходованы ли уже на государственные нужды находившиеся у этих лиц несравненно более крупные денежные средства[98].

Привлекли к воздействию на брата и генерала Евгения Карловича Миллера, бывшего командующего белыми войсками на Севере, а затем представителя Врангеля в Европе.

Дружными усилиями кое-какие деньги «выдавить» из К.К. Миллера удалось. Он телеграфировал брату и Замену, с одной стороны указывая на свою лояльность, с другой — подчеркивая свою независимость. Генералу Е.К. Миллеру он писал:

> Я неоднократно высказывал полную готовность оказывать финансовую поддержку правительству Врангеля предоставлением средств на определенные цели. В частности, немедленно перевожу Замену 100 000 фунтов для оплаты угля. Ввиду лежащей на мне ответственности, я ставлю лишь необходимым условием точное указание, на что в каждом отдельном случае требуются деньги и почему именно из моих кредитов. Считаю себя, однако, обязанным отклонять всякие посягательства на распоряжение вверенными мне суммами. Вместе с тем я никогда не имел в виду отказывать в содействии общему делу, важность которого всецело признаю[99].

Миллер напоминал о предыдущих переводах и предупреждал, что «ввиду современной политической обстановки на Дальнем Востоке и возможности возникновения здесь крупных и неотложных государственных потребностей» он «принужден заботиться о сохранении достаточных средств для их удовлетворения и относиться с крайней осторожностью» к расходованию вверенных ему сумм[100].

После того как декретом президента Китая были закрыты с 1 сентября 1920 г. российские дипломатическое и консульское представительства, Миллер выплатил «ликвидационное» вознаграждение. На это пошло несколько более 250 тыс. иен; чиновникам выплачивали оклад за шесть месяцев, надбавки за дороговизну, курьерские дачи. Менее значительные суммы, от 4 до 6 тыс. иен, пошли на ликвидацию консульств в Гонконге, Сингапуре и Гирине, миссии в Сиаме и агентства Министерства торговли и промышленности в Шанхае[101].

Забегая вперед, надо сказать, что осторожность Миллера оказалась вполне оправданной, и Гирсу, как и Врангелю, еще пришлось оценить это впоследствии. В то время как почти все средства Лондонского финансового агентства к концу 1920 г. были потрачены и после крымской катастрофы Замену нечем было помочь оказавшейся на чужбине армии, Миллеру еще пришлось переводить крупные суммы на расселение врангелевского воинства, превратившегося, как бы они сами себя ни именовали, в беженцев.

Вряд ли когда-нибудь удастся точно выяснить, на что именно атаман Семенов израсходовал золото на сумму свыше 43 млн руб. В своих воспоминаниях он не вдается в финансовые детали, но мимоходом сообщает любопытные подробности. Так, барон Р.Ф. Унгерн фон Штернберг, командир «азиатского корпуса», отправленного Семеновым в Монголию, где он собирался создать базу для борьбы с «Коминтерном» (и привлечь к этому делу монголов!), получил 7 млн зол. руб.[102]

Когда под натиском Народно-революционной армии Дальневосточной республики (буферное государство, фактически контролировавшееся большевиками) семеновское воинство в ноябре 1920 г. эвакуировалось из Забайкалья в Маньчжурию, атаман, по его утверждению, снабдил штаб своей армии «деньгами в золоте на весьма крупную сумму». Деньги предназначались на оплату перевозки армии по КВЖД и для распределения между обществами взаимопомощи ее чинов. «Это были последние денежные ресурсы,

находившиеся в моем распоряжении», — утверждал Семенов[103]. Однако через несколько страниц Семенов, будто позабыв, что его «денежные ресурсы» иссякли, пишет о финансировании им работы по подготовке переворота во Владивостоке с целью свержения власти Приморского областного управления, которое возглавлял большевик В.Г. Антонов.

Надежды Семенова, пробравшегося из Читы во Владивосток, возглавить здесь очередное «национальное» правительство разбились о сопротивление ряда генералов, возглавлявших остатки Сибирской армии. Его японские покровители устами генерала Таканаяги посоветовали атаману временно удалиться со сцены. Семенов уехал в Порт-Артур, откуда стал готовить переворот. На эти цели он израсходовал «значительные суммы денег»[104]. Возможно, правда, что эти средства не имели «золотого» происхождения, а были получены им из какого-то другого источника.

Однако его сотрудники (точнее, те, кого он считал таковыми) играли в собственную игру, и когда во Владивостоке произошел-таки в мае 1921 г. переворот, то его организаторы братья Меркуловы предпочли сами возглавить новообразованное Приамурское временное правительство, а не передавать власть атаману. Впрочем, кому быть у власти, определяли в данном случае, скорее всего, японцы. Они решили придержать Семенова, имевшего совершенно одиозную репутацию, в резерве. Между тем Приамурское правительство организовало так называемую Белоповстанческую армию из остатков семеновских и каппелевских войск. Это должно было быть атаману обидно вдвойне.

А.И. Гучков вскоре после переворота 26 мая 1921 г., приведшего Меркуловых к власти, так характеризовал лично ему известного главу нового правительства Спиридона Меркулова в письме к генералу Врангелю: «Делец дальневосточного типа, аферист, неглупый, ловкий, оборотистый, он в течение долгих лет исправлял должность неофициального представителя и ходатая по дальневосточным делам в Петрограде... Политически, не будучи особенно строго принципиален, он принадлежал к моей октябристской партии. Чем он сделался теперь, не знаю. Говорят, он сдвинулся далеко вправо. Во всяком случае, к социалистическим партиям он, несомненно, не примыкает. Думается, что он временный, даже кратковременный жилец у власти»[105].

В последнем Гучков не ошибся. В июне 1922 г. Меркуловы были вынуждены передать власть генералу М.К. Дитерихсу. Тот переиме-

новал Белоповстанческую армию в Земскую рать, себя, соответственно, именовал воеводой, полки — дружинами. Основной административной единицей в Приморье стал при Дитерихсе церковный приход. Офицеры за глаза титуловали Дитерихса «Ваше преосвященство». Это была агония. 25 октября 1922 г. Красная армия, временно взявшая себе «псевдоним» Народно-революционной, вступила во Владивосток.

Что же касается Семенова, то в сентябре 1921 г. он был вынужден уехать в Китай и перейти на положение эмигранта. Эти перемены в жизни атамана имели самое непосредственное отношение к судьбе остатков казенных средств в Японии.

Закупками различных материалов военного назначения ведал в Японии российский военный агент генерал М.П. Подтягин. В его-то распоряжении и оказалась часть денег, которые были выручены, очевидно, от продажи все того же золота, захваченного некогда атаманом Семеновым. «История вопроса» в изложении Подтягина выглядела следующим образом:

> В 1920 году прибывший в Японию представитель атамана Семенова генерал-майор Сыробоярский, озабочиваясь разысканием разного рода снабжения для Дальневосточной армии, обратился ко мне с просьбою о содействии к переуступке ему военного имущества, оставшегося не выданным Японским военным министерством от заказов Омского правительства вследствие недоплаты денег по контрактам. Всего за это имущество, оцениваемое на сумму в 5,5 миллиона иен, подлежало уплатить около 915 000 иен[106].

Осталось неясным, урегулирована ли была эта проблема; во всяком случае сумма, достаточная для того, чтобы рассчитаться с Военным министерством Японии, Подтягину была доставлена.

22 сентября 1920 г. чиновник Читинского отделения Госбанка Лосев передал военному агенту по поручению атамана Семенова 1 400 тыс. иен «чеком на японский Государственный Банк, с оговоркою, что эти деньги выдаются из российских государственных средств». Деньги были помещены Подтягиным в банк «на общий счет других казенных денег».

По просьбам Семенова Подтягин тратил деньги «на разные нужды войсковых частей». Всего им было израсходовано почти 340 тыс. иен. Последняя выдача была произведена в апреле 1921 г., после чего Подтягин выплаты по указаниям Семенова прекратил.

Подтягин отказался выдать Семенову деньги по следующим мотивам: «1) Атаман Семенов, не будучи фактически Главнокомандующим вооруженных сил Дальневосточной Окраины, не имел права распоряжаться казенными деньгами; 2) указанная сумма денег продолжала оставаться связанной, в силу соглашения с японским правительством, для расплаты за сделанные заказы»[107].

Но главной, по-видимому, причиной, по которой Подтягин прекратил финансирование, была следующая: «В данном случае деньги предназначались, как о том можно было судить по начавшейся борьбе Атамана Семенова с Приморским [так в тексте, следует читать: Приамурским. — *О.Б.*] правительством, на продолжение этой борьбы»[108]. Финансировать междоусобную борьбу различных антибольшевистских сил Подтягин, очевидно, не хотел.

Семенов, возмущенный тем, что ему не выдаются переданные им же Подтягину деньги, подал на военного агента через своих представителей в суд. После чего с Подтягина были взяты объяснения, и ему «было предложено полицейской властью выделить оставшуюся от 1 400 000 иен сумму в размере 1 061 077 иен, каковая сумма была вследствие этого помещена на специальный фиксированный счет в Йокогама Спеси [так! — *О.Б.*] банке... От меня, — оговаривал Подтягин, — было взято Токийской полицией письменное обязательство не выбирать этих денег или части их до решения дела компетентным судом»[109].

Тяжба по поводу этих денег растянулась почти на десять лет и закончилась весьма неожиданно. Но об этом — в последней главе, пока же вернемся в Крым, где осенью 1920 г. войска генерала Врангеля все еще надеялись на чудо.

Финансы Белого Крыма

По сравнению со своими предшественниками врангелевское правительство испытывало наибольшие финансовые и экономические трудности. Помощь белым со стороны Англии прекратилась. Соединенные Штаты поддерживали противников большевиков политически — но никак не практически; более того, американская администрация наложила запрет на отправку военных материалов в Россию.

Признание Францией врангелевского правительства де-факто 2 августа 1920 г. вызвало поначалу эйфорию в Крыму. Плохо разбираясь в особенностях внутриполитической жизни Франции,

Врангель и его окружение возлагали на это признание явно завышенные надежды. И прежде всего — надежды на финансовую и материальную помощь. Врангелевское правительство намеревалось через российских дипломатов в Париже просить, ввиду состоявшегося признания, передать в его распоряжение остатки кредитов, некогда выделенных Францией Российскому государству.

«Чтобы оценить эту просьбу, — писал в начале сентября Маклаков, один из наиболее доброжелательно настроенных по отношению к Врангелю дипломатов, — надо помнить, что мы до Революции большевистской перерасходовали 1 1/2 миллиарда из кредитов, отпускаемых нам французами, но эти 1 1/2 миллиарда долга поставщикам им пришлось заплатить самим, поглотив для этого те несколько миллионов остатков, которые мы сейчас от них хотим истребовать». Полтора месяца спустя российский посол в Париже констатировал: «...Хотя Франция и обещала нам помогать и хотя она действительно помогает, но не делает этого даром». Французское правительство находилось в тяжелом финансовом положении, особенно велики — и нетерпеливы — были требования помощи со стороны жителей разоренных войной местностей. В этих условиях правительству, при всем желании, было невозможно «пронести хоть какую-нибудь каплю меда мимо носа французов к русскому делу»[110].

В Крыму непрерывно работал печатный станок. Если в августе 1919 г. за франк давали 200 руб., то год спустя — 2600. И это при том, что сам франк значительно ослабел. Валюты остро не хватало, экспортные возможности ограничивались зерном, в меньшей степени — табаком, фруктами, вином, в общем, тем, что могла произвести Таврическая губерния. Для получения валюты были готовы продавать все что угодно — и чем угодно гарантировать займы. Проблема была, однако, в том, что любые гарантии Врангеля, учитывая то положение, в котором находился Крым, были эфемерны. Одно только содержание армии обходилось приблизительно в 1 млн ф. ст. в месяц. В довершение всего наличность, имевшуюся за рубежом, «пожирали» покупки угля в Англии и США. Врангель, в отличие от Деникина, не контролировал Донецкий бассейн[111].

Любопытно, что член Совета управления государственного коннозаводства В.И. Звегинцов намеревался продать в Англии «двух ценнейших последних русских жеребцов-производителей». Против этого решения от имени Союза русских коннозаводчиков

протестовал его председатель кн. Юрий Трубецкой. Он телеграфировал главе врангелевского правительства А.В. Кривошеину из Парижа: «Имеем полную возможность и средства их сохранить во Франции для будущей России. Просим Вашего распоряжения предоставить Союзу Русских Коннозаводчиков в Париже всех чистокровных лошадей, оставшихся в целости. Берем на себя вернуть их своевременно русскому коннозаводству»[112].

К сожалению, документов о дальнейшей судьбе «двух ценнейших жеребцов-производителей» (находившихся в момент отправки телеграммы кн. Трубецкого уже в Константинополе) нам обнаружить не удалось. Вряд ли вырученные за них деньги существенно помогли бы врангелевскому правительству, но само намерение использовать малейшую возможность для получения валюты характеризует отчаянное положение, в котором оно находилось.

Положение Врангеля после прекращения активных боевых действий на советско-польском фронте стало чрезвычайно сложным. Точнее, оно стало безнадежным, поскольку было понятно, что части Красной армии будут переброшены с запада на юг, и превосходство красных станет подавляющим. Тем не менее и Врангель, и часть «зарубежных русских» лелеяли надежду на то, что удастся защитить кусочек русской земли, который станет оазисом нормальной жизни на фоне советской России и откуда, раньше или позже, начнется освобождение от большевизма.

Маклаков задавался не имеющим ответа вопросом:

> Что делать Врангелю и тем подвижникам, которые около него хотят ввести порядок в русскую жизнь, пока большевизм еще дальше и дальше разоряет Россию, и пока около Врангеля все-таки же есть и корысть, и партийные ссоры, как здесь за границей есть спокойное выжидание, когда можно будет прийти на готовое место. Как помочь Врангелю в эту минуту? Можем ли мы по совести дать ему совет, который ему дала Англия, — бросить борьбу и уйти, а если нет, то как помогать ему бороться сейчас, когда, в сущности, он оставлен на одного себя и на истощенную Францию[113].

Струве и Бернацкий слали телеграммы в Вашингтон и Париж с просьбой организовать займы. Их запросы носили совершенно фантастический характер и демонстрировали полное непонимание как министром иностранных дел, так и министром финансов политической и экономической конъюнктуры.

Струве телеграфировал Бахметеву 11 сентября 1920 г.:

> Ввиду недостатка средств для покрытия заграничных расходов необходимо добиться займа на снаряжение и содержание Армии, хозяйственное устроение, а также помощь беженцам. Вооружение, уголь, нефть в счет займа желательно получить из Америки натурой. Минимальная желательная сумма — 50 миллионов долларов. Из 50 миллионов около 10 нужно для выкупа денежных знаков и замены их новыми с металлической базой. По соглашению с Бернацким прошу Вас выяснить и подготовить почву для совершения в Америке такого займа, конечно, в совершенно частной форме на указанную приблизительно сумму. Гарантией оплаты капитала и процентов могут послужить различные виды государственных доходов и концессии на территории Русской Армии[114].

В ответ Бахметев прислал обескураживающую — хотя ее содержание не могло быть неожиданным для сведущих лиц — телеграмму:

> Обсудил вопрос с Угетом. При нынешнем стесненном состоянии американского денежного рынка и общем политическом положении заем является невозможным. Американским банкам с огромным трудом удалось осуществить операцию в 100 миллионов для Франции для погашения части истекающего октябре займа 1915 года, причем чистая доходность этой операции около 9,5 процентов. Заем Омского правительства на 30 миллионов, обеспеченный золотом, удалось поместить лишь на 22,5 миллиона. Банки и фирмы понесли огромные потери в Польше. Вообще американцы в настоящее время отказываются от финансирования Центральной и Восточной Европы. Можно попытаться получить нефть и уголь под обеспечение вывоза сырья, для чего необходимы сведения о запасах, возможности и сроках вывоза, ценах и формах обеспечения. Вооружение натурою получить нельзя ввиду общеполитической конъюнктуры. Помощь беженцам и нуждающемуся населению оказывается Красным Крестом. Сообщите, в каком направлении желательно было бы расширить работу[115].

Запросы Струве и Бернацкого о возможности «организовать заем» во Франции или в США Маклаков назвал «сумасшедшими выходками» и «криком погибающего»[116]. Несомненно, к категории «криков погибающего» относилась и телеграмма Струве, которую он дал от имени Врангеля (запросив его одобрения задним числом)

атаману Семенову. «Совершенно доверительно» Врангель, читай Струве, просил Семенова поделиться некогда захваченным им золотом. Этот странный на первый взгляд поступок был вызван тем, что Семенов неожиданно признал Врангеля не только главой правительства Юга России, но и решил подчиниться ему «на основаниях преемственности законной власти»[117]. «В ответ» Струве почти сразу же отправил атаману телеграмму следующего содержания:

> Ввиду недостатка средств за границей, необходимых для снабжения армии, прошу Вас помочь Главному Командованию финансовом отношении предоставлением для этой цели известной доли имеющегося у Вас золотого запаса, часть которого в количестве 2000 пудов была оставлена под Вашей охраной в Чите в октябре 1919 года из общей суммы золота, пересланного Правительством адмирала Колчака из Омска во Владивосток для кредитной операции с японцами. В данное время сумма, могущая быть полученной от реализации части золота, дала бы возможность выйти из затруднительного положения в ожидании валютных поступлений от экспорта, возможного заграничного займа. Со своей стороны мог бы впоследствии, в случае недостатка Ваших средств, возместить Вам взятую ныне сумму. Не откажите срочно сообщить Ваш ответ мне через Начальника Управления Иностранных Дел Струве Париже для принятия мер к вывозу золота для продажи в Шанхай[118].

Семенов «крик погибающего» проигнорировал. Возможно, впрочем, что известие о падении Белого Крыма дошло до него раньше телеграммы.

Отношение врангелевского правительства к финансовой проблеме напомнило Маклакову, посетившему Крым в сентябре 1920 г.,

> дворян-помещиков доброго старого времени: они разводили культурное хозяйство, учитывали по пальцам все предстоящие доходы и забывали только то, что через несколько дней предстоял платеж процентов в банк, которых в их распоряжении не было. Для них было до такой степени ясно, что извлечь нужные деньги из хозяйства было невозможно, что они на это и не покушались, но как-то не могли допустить мысли, что их дворянское гнездо пойдет с молотка, и потому смутно верили, что кто-то их выручит; не то американский дядюшка с наследством, не то свершится чудо и им вернут какой-либо их старый долг. Минутами я встречал в этом вопросе на Юге ту же инстинктивную веру: не может быть,

чтобы все дело рухнуло из-за отсутствия помощи: «Европа» этого не допустит; «Америка» деньги даст[119].

Америка, однако же, денег не дала, Англия умыла руки, возможности Франции были весьма ограничены. Французское правительство передавало кое-какое вооружение Врангелю из излишков французской армии, однако не желало — да и не могло по политическим обстоятельствам — делать это безвозмездно. В середине октября правительство Франции согласилось продолжать отпуск военного снабжения на сумму до 100 млн фр. по примерному списку, пересланному из Крыма. Однако условия предоставления снабжения в кредит были очень жесткими, если не кабальными.

Правительство Врангеля должно было взять обязательство продавать во Франции по рыночным ценам половину всех вывозимых с Юга России хлебных злаков, угля, шерсти, табака, кож и жмыхов. Половина полученной выручки должна была идти на оплату долга, сроком погашения которого было определено 31 декабря 1921 г. В сумму кредита включалось 40 млн фр. за полученное ранее военное снабжение, причем 29 млн — за снабжение, «испрошенное еще при Деникине», и 11 млн — уже при Врангеле. Таким образом, реально речь шла о кредите в 60 млн фр.

Струве счел эти условия весьма обременительными, поскольку отпускаемое в кредит снабжение составляло менее одной десятой запрошенных у Франции вооружения и боеприпасов, тогда как остальные девять десятых должны были оплачиваться наличными. В то же время значительная часть выручки, которую предполагалось получить от экспорта (в состав экспортных товаров был оптимистично включен уголь, который на самом деле импортировался в Крым, «пожирая», по выражению Маклакова, валюту), должна была пойти на уплату старых долгов[120].

Кривошеин после совещания с Бернацким решил не оспаривать, вопреки рекомендациям Струве, условий предложенного французами контракта. «Согласитесь [на] все условия, лишь бы получить возможность немедленно распоряжения кредитом до 100 000 000 франков. Без такого кредита положение становится безвыходным», — телеграфировал он в Париж. Единственным условием, которое выдвигал глава правительства, была непрерывность поставок военного снаряжения «вне зависимости от прибытия экспортируемых товаров»[121].

Воспользоваться этим кредитом правительство Юга России не успело.

В конце октября, казалось, возникла возможность получить заем в размере около 100 млн фр. у группы русских нефтепромышленников и финансистов во главе с Н.Х. Денисовым, председателем Российского финансового и торгово-промышленного союза в Париже. Заем должен был быть погашен за счет экспорта зерна, причем предприниматели были готовы предоставить аванс в 20 млн фр. сразу по подписании договора, содержащего правительственные гарантии. Остальная сумма должна была предоставляться частями по мере вывоза 10 млн пудов зерна. Переговоры от имени врангелевского правительства вел все тот же Струве. Миллион франков Денисов передал ему еще до подписания каких-либо бумаг[122].

Однако не прошло и трех дней, как Парижа достигла тревожная весть об отходе Русской армии из Северной Таврии. Министр иностранных дел узнал об этом из сообщения французского новостного агентства. «Необходимо немедленно телеграфировать мне, в какой мере верна телеграмма Гаваса о нашем отступлении за Перекоп. Я должен знать действительную обстановку», — запрашивал Струве Севастополь 2 ноября 1920 г. Несмотря на то что точность информации агентства Гавас подтвердилась, Струве на следующий день отправил Кривошеину две телеграммы. В одной он просил подтвердить «немедленно» сделку с Денисовым в следующих выражениях: «Правительство Юга России подтверждает заключенный Вами с Денисовым третьего ноября сего года договор поставки десяти миллионов пудов зерна на всех без изъятия условиях». В другой, конфиденциальной, Струве разъяснял: «Немедленное подтверждение сделки с Денисовым необходимо. В противном случае получение аванса в двадцать миллионов франков станет невозможным вследствие изменившейся военной обстановки»[123].

Суть дела была в том, что сделка заключалась под гарантию поставок зерна из Северной Таврии, которую только что оставили врангелевские войска. Следовательно, никакого реального обеспечения займа быть уже не могло. Струве это отлично понимал. Понимал и Кривошеин, который констатировал «происшедшую в военном положении перемену, ввиду отвода войск за перешейки».

«В связи с этим нужда в денежных средствах для продолжения борьбы еще более обостряется. Очищение Северной Таврии отодвигает, однако, впредь до восстановления положения, возможность предоставить эквивалент [в виде] вывоза зерна», — резонно

заключал глава правительства. Однако резкое изменение ситуации, в связи с чем заем оказывался ничем не обеспеченным, не остановило Кривошеина от того, чтобы уполномочить Струве на заключение займа без всяких оговорок. «Главнокомандующий и Правительство предоставляют Вам все необходимые полномочия для заключения займа, равно соглашения с нефтепромышленниками. Предложенный аванс реализуйте немедленно», — телеграфировал Кривошеин на следующий день[124].

5 ноября Кривошеин сообщил Струве, что его полномочия на заключение займа подтверждены Врангелем. «Ожидаем срочного извещения о возможности выяснить, хотя бы частично, столь необходимую нам финансовую операцию. Для Вашего сведения сообщаю, что Главнокомандующий, вполне учитывая неблагоприятные политические и экономические последствия отхода, находит, что военное положение армии таким образом значительно укрепляется и дает возможность в ближайшем времени завершения ряда новых операций»[125].

Врангель, в отличие от Кривошеина, знал, что единственной новой операцией, которую проведут его войска, будет эвакуация. И, таким образом, шел на сознательный обман, похоже, не видя особого греха в том, чтобы «облегчить» окопавшихся в Париже буржуев на несколько миллионов франков. Тем более в тех тяжелейших условиях, в каких оказалась армия, сражавшаяся, в числе прочего, и за интересы ее кредиторов.

Затребованный Струве текст, подтверждающий поставки 10 млн пудов зерна, так и не был отправлен. Тем не менее Струве успел получить от Денисова 5 млн фр. А через день пришла телеграмма о том, что Главнокомандующий решил «оставить Сиваш-Перекопскую линию и отвести войска к портам Крыма для посадки на суда»[126].

Маклаков, посетивший Крым в сентябре 1920 г., писал по поводу финансового положения врангелевского правительства: «...Здесь, если смотреть хладнокровно, мы находимся накануне катастрофы. Можно ясно представить тот день и час, когда никаких денег в распоряжении Врангеля не останется и мы взлетим на воздух»[127].

Однако финансовой катастрофы не произошло. Потому что военная катастрофа случилась раньше.

Глава 6

СОВЕТ ПОСЛОВ, ВРАНГЕЛЬ И ЗЕМГОР

«Что делать после Крымской катастрофы?»

Крымская катастрофа оказалась для большинства российских дипломатов, которых военные заверяли ранее в неприступности перекопских укреплений, совершенно неожиданной. Штурм Перекопа Красной армией начался 8 ноября 1920 г., а уже 12 ноября глава врангелевского правительства А.В. Кривошеин телеграфировал из Константинополя находившемуся в Париже П.Б. Струве:

> От имени главнокомандующего поручаю вам передать французскому правительству, что он просит Францию принять на себя спасение жизни нескольких десятков тысяч людей, борющихся за общее дело против тирании и беззакония и ныне лишенных родины и крова. Он надеется, что в пределах Франции окажется возможным дать не только приют для беженцев, но и пристанище для армии... Кроме того генерал Врангель надеется, что Франция окажет нам свое энергичное содействие к размещению остальных беженцев в других странах... Предложите Бахметеву и Миллеру в Токио срочно перевести возможно большую сумму на содержание беженцев. Перевод должен быть сделан в условиях, обеспечивающих действительное получение денег[1].

Телеграмма Кривошеина потрясла «русский Париж», и даже верный Струве поначалу не понял, что «Белый Крым» — кончился. Что означало конец Белого движения. Он немедленно телеграфировал Главкому: «Внезапность принятого решения об эвакуации Крыма здесь поражает. В этом усматривают не столько невозможность, сколько нежелание сопротивляться, и это подрывает почву у всякой поддержки и даже сочувствия. Рассчитывать на эвакуацию в предположенном размере невозможно». Струве еще не подозревал, что речь идет на самом деле об эвакуации не нескольких де-

сятков тысяч, о чем сообщал Кривошеин, а почти полутораста тысяч человек. «Самым реальным исходом представляется здесь продолжение борьбы при известной поддержке французского флота и при эвакуации некоторых наиболее слабых и угрожаемых элементов»[2].

Ответил ему не Врангель, который находился в море где-то между Севастополем и Константинополем, а Кривошеин:

> Катастрофа произошла. Советы запоздали. Военная борьба в Крыму признана безнадежной. Нужна срочная помощь раненым и неповинным беженцам вне всяких задач будущей политики. Объявите эту гуманную мысль открыто, просите не теряя времени поддержки Держав и помощи Красных Крестов всех стран для спасения от неминуемой гибели многих тысяч людей. В этом сейчас наша первая общая обязанность[3].

Дипломаты, впрочем, начали действовать в этом направлении еще до получения цитированной выше телеграммы Кривошеина.

Маклаков информировал Константинополь (ставший на некоторое время резиденцией части врангелевского правительства), что французское правительство дало «своим военным и морским властям инструкции оказать все возможное содействие эвакуации гражданских и военных элементов, наиболее угрожаемых». Кроме французского правительства, русские дипломаты обратились также к британскому, американскому и итальянскому[4].

В тот же день Гирс отправил телеграмму Бахметеву о том, чтобы посол заручился помощью американцев[5].

Из Крыма было эвакуировано 145 693 человека, не считая судовых команд[6]. Это было самое крупное, причем совершенно неожиданное пополнение «России за рубежом». Эвакуация была подготовлена блестяще, она разительно отличалась от случившегося в Новороссийске в марте 1920 г. Уроки Новороссийска были учтены Врангелем. Он правильно оценил военное положение: сопротивление при подавляющем превосходстве войск противника в живой силе было бесполезно и завершилось бы, скорее всего, массовой резней. Последовавшее истребление оставшихся в Крыму офицеров явилось тому лучшим доказательством. Но, прекрасно подготовленная технически, эвакуация была весьма слабо обеспечена финансово и совсем никак — дипломатически.

Врангель в последний момент заручился поддержкой правительства Франции. Условия этой поддержки были оговорены и

согласованы Главкомом с командующим французской эскадрой на Черном море адмиралом Дюменилем и резюмированы в письмах адмирала Врангелю. Французские транспорты и буксиры приняли непосредственное участие в эвакуации армии и гражданских беженцев, французские боевые корабли ее прикрывали. В то же время было изначально оговорено, что «боевая эскадра и коммерческий флот» являются тем активом Крымского правительства, который может быть употреблен на покрытие расходов по эвакуации беженцев, их содержанию и последующему устройству. Еще одним важнейшим условием, принятым Врангелем, было то, что если Русская армия не будет доставлена на советско-польский фронт, где продолжит борьбу с большевиками, то войска «прекратят играть роль воинской силы» [7].

Правда, в письме Врангеля Дюменилю от 31 октября (13 ноября) 1920 г. говорилось, что Главком оставляет за своими войсками «их свободу действий в будущем, согласно тем возможностям, каковые мне будут даны в деле достижения национальных территорий»[8]. Эти возможности Врангелю даны не были, чего, впрочем, следовало ожидать. После заключения 12 октября 1920 г. советско-польского перемирия и подписания прелиминарного мирного договора на вполне благоприятных для Польши условиях Франция, не говоря уже о Великобритании, не была заинтересована в возобновлении боевых действий. Мира — вот чего хотела Европа. Мира и возобновления торговли с Россией, даже если она именовалась теперь Советской. О нереальности надежды на доставку армии на советско-польский фронт Струве информировал Главкома сразу же после получения известия об эвакуации: «Направление на Болгарию и Румынию для соединения с Перемыкиным (Б.С. Пермикин командовал русской армией, сформированной на территории Польши. — *О.Б.*) считается неосуществимым»[9].

Врангель, однако, надеялся, что Европа прозреет: «Если Европа и на сей раз не останется слепа и, поняв, наконец, мировую опасность большевизма, даст возможность сохранить армию — наш исход может обратиться в победу...»[10]

Суда с беженцами еще не успели дойти до Константинополя, а основные проблемы, связанные с дальнейшей судьбой и армии, и антибольшевистского движения в целом, уже определились.

Первоочередным был вопрос о том, где взять средства на содержание беженцев. Однако практически одновременно стал обсуждаться и другой, традиционный русский вопрос — «что делать?». В конце

1920 г. он формулировался следующим образом: «Что делать после Крымской катастрофы?» Так была озаглавлена записка П.Н. Милюкова, прочитанная им 21 декабря 1921 г. на собрании парижской группы членов партии кадетов[11]. В ней была предложена «новая тактика» борьбы с большевизмом. К этому мы еще вернемся.

На покрытие первых расходов французскому правительству были переданы 15 000 т угля, отправленных на трех пароходах из США в Крым. Вместо Крыма разгрузиться пришлось в Константинополе, где уголь был сдан французским властям[12].

Бахметев немедленно перевел в Константинополь 200 тыс. долл. Да и впоследствии он был главным врангелевским «спонсором», несмотря на то что первым из русских дипломатов настаивал на прекращении политической деятельности генерала.

«Поражение Врангеля представляется мне трагическим доказательством того непреложного факта, — писал он Маклакову в один из первых дней разворачивающейся катастрофы, — что Россия не может вынести военного движения как такового и что мысль о спасении ее через военную диктатуру должна быть оставлена как безнадежная, и чем скорее, тем лучше. Сущность руководящей национальной психологии в области тактического мышления сводилась к тому, что "важна лишь кавалерия". Реальный опыт должен убедить, что "кавалерия всего менее важна"»[13].

В литературе встречаются высказывания о том, будто бы дипломаты отказались подчиняться Врангелю и, более того, взяли распоряжение казенными средствами в свои руки в связи с тем, что генерал в целях экономии намеревался почти полностью сократить дипломатическое ведомство. На самом деле мнение о том, что Врангель — «отыгранная фигура», а попытка сохранить его в качестве лидера и символа антибольшевистского движения — вредна, сложилось в посольской среде гораздо раньше. Бахметев, считавший, что будущее — за новой, «крестьянско-купеческой» Россией, писал Маклакову о Врангеле:

> Я знал и чувствовал, что как активная сила в русских делах он исключен событиями, но не думал, что катастрофа достигнет такого размера и разразится с такой быстротой...
>
> Ни одной минуты мы не можем поддаваться отчаянию или растерянности. Нам немедленно надо думать о будущем.
>
> Я надеюсь, что у Южно-Русского правительства найдется достаточно здравого смысла и гражданского мужества, чтобы не пытаться про-

должать свою деятельность за границей. Если бы к этому проявилась наклонность в среде бюрократической, то, я убежден, лично Врангель на это не пойдет и дело ликвидирует. В случае, если бы такая комбинация осуществилась хотя бы в частичной мере, Вам надо ее немедленно пресечь[14].

Что бы ни думал Бахметев о политическом будущем Врангеля, он, повторим еще раз, сделал больше, чем кто-либо другой, для оказания помощи «беженцам врангелевской эвакуации». Бахметев работал в тесном контакте с Американским Красным Крестом, который в конце ноября перевел на нужды «беженцев района Константинополя» 400 000 долл. и 1 500 000 фр. Посольство перечислило Американскому Красному Кресту на те же цели 300 000 долл. и оплатило расходы по фрахтованию судов и железнодорожных грузов, предназначенных для российских беженцев. Общая сумма, поступившая из США в конце ноября 1920 г., превысила 800 000 долл.[15]

В ноябре—декабре 1920 г. едва ли не каждый день происходил обмен телеграммами между Парижем и Константинополем, Парижем и Вашингтоном, происходили совещания различных политических и общественных групп, публиковались программные статьи и интервью. «Русское зарубежье» искало новые пути борьбы или, по крайней мере, оправдание своего существования.

15 ноября Струве телеграфировал Врангелю о том, что в Париже «намечается возможность образования национального комитета, представляющего весьма широкий фронт против большевиков». Струве считал полезным свое вступление в комитет в качестве представителя Главнокомандующего[16].

Санкция Врангеля была получена. Проблема, однако, заключалась в том, что представления русских политиков о составе и задачах проектируемого национального комитета очень сильно — чтобы не сказать безнадежно — расходились.

Если Струве (по крайней мере, поначалу) и другие сторонники Врангеля считали, что комитет должен выражать интересы Врангеля и быть, по сути, «политическим прикрытием» армии, то либерально-демократические круги эмиграции полагали, что «национальный комитет», как бы он ни назывался, должен стать альтернативой военной диктатуре, а ее остатки в лице врангелевских структур, так же как и армия, должны быть распущены.

18 ноября 1920 г. Маклаков в «личной» телеграмме Кривошеину информировал премьера:

> Крушение Врангеля подорвало во Французском Правительстве доверие к этой форме борьбы. Если не будет больших перемен в общей международной политике, связанной с возможным наступлением на Польшу или осложнениями на Балканах и Малой Азии, считаю невероятным продолжение помощи нам со стороны одной Франции. Вероятно скоро будет поставлен на очередь вопрос о торговых сношениях с Совдепией. Начинают думать, что гражданская война только усиливала большевиков и надо искать других способов... Образование здесь политического центра с моральным влиянием очень нелегко. Отношение к идее военной диктатуры разделило всех на два трудно примиримых лагеря. А между тем только их соединение сейчас может дать вес русскому антибольшевистскому голосу... Сейчас естественно больше слушают тех, кто предсказывал крушение Врангеля, чем его сторонников, которые притом плохо осведомлены о причинах и результатах катастрофы[17].

В тот же день на собрании Парижского комитета партии кадетов Маклаков говорил:

> С момента начала русской революции только и делали, что фактически захватывали власть. Признавали того, у кого оказывалась сила. Так будет дело идти и дальше. В настоящую же минуту ввиду опасности признания Западной Европой и Америкой, во-первых, большевиков и, во-вторых, лимитрофных государств, необходимо создать для Запада что-то новое, чего до сих пор не было, и создать это необходимо как можно скорее. Вопрос стоит не об организации власти, для чего необходимо слишком много времени, а об организации русского общественного мнения за границей. Мы должны показать, что русские научились, поняли и примирились между собой. Для Запада важно не то, что будет сказано, а кто это скажет. Если скажет одна делегация или одни кадеты, или одни эс-эры — грош этому цена, нужно, чтобы это сказали все вместе[18].

Нетрудно заметить, что ни Врангеля, ни групп правее кадетов Маклаков не упомянул. А ведь он был самым правым среди кадетов. Маклаков достаточно откровенно говорил и о «захвате власти», сколь бы символичной она ни была в условиях эмиграции. Назвал вещи «своими именами» М.М. Винавер: для него было совершенно ясно, что «правительство генерала Врангеля не удержится. В минуты катастроф всегда кажется, что удастся сохранить то, что уцелело от катастрофы, но этого никогда не удается сделать»[19].

В этот же день Струве, во взглядах которого за три дня произошел заметный сдвиг, информировал Врангеля:

Настроение русских общественных кругов Парижа, кроме правых, отражая общее тяготение Запада к демократизму, совершенно иное, чем в Константинополе. Скрытое во время успехов предубеждение против Правительства Юга ныне открыто выражается в утверждении, будто помимо численного превосходства противника катастрофа произошла и от недоверия населения к правому правительству...

Настроения эти необходимо учитывать при предстоящем образовании органа, который, представляя элементы национальной и государственной идеи, объединял бы в глазах иностранцев по возможности все государственно мыслящие элементы русской эмиграции. Раскол, если бы он был приписан нашей несговорчивости, мог бы пагубно отразиться на деле борьбы с большевизмом, на положении нашего представительства и эмиграции.

Сохраняя за Главнокомандующим положение вождя, носителя идеи возрождения России, необходимо вместо прежнего правительства создать здесь Национальный комитет на основах соглашения всех умеренных течений, а именно бывшей делегации, кадетов, торгово-промышленных и банковских кругов, от коих персонально могут попасть правые. Эсеры, вероятно, останутся в стороне. Ввиду обстановки приходится временно воздержаться от привлечения правых как организации...

С момента потери территории диктатура становится невозможной. Она по необходимости заменяется свободным соглашением с общественностью. Конечно, будущий Комитет будет вероятно временной переходной формой объединения. Общий лозунг — борьба с большевизмом впредь до Учредительного Собрания. Труднее личные вопросы при составлении Комитета ввиду тяготения влево и непризнания власти Правительства Юга[20].

Бахметев из Вашингтона торопил «русских парижан»:

Я считаю, что с падением Крыма национальное движение вступает в новую фазу: центр тяжести окончательно переносится на процессы преодоления большевизма изнутри. Мы должны содействовать этим процессам и удалять препятствия. Хочу верить, что, несмотря на разногласия в прошлом, ныне возможно объединение всех демократических элементов. Считаю, что Париж должен взять инициативу и выставить национальную программу, не подчиняя ее судьбе отдельных групп и организаций[21].

Смысл этого текста достаточно ясен: «препятствием» являлся Врангель, точнее, стремление Главнокомандующего и его сторонников продолжать борьбу прежними методами.

Находясь под первым впечатлением от известий о падении Перекопа и о начавшейся эвакуации, наблюдательный и желчный М.С. Маргулиес, адвокат и бывший член Северо-Западного правительства, записал в дневнике: «Опять ужасы вторжения Аттилы в Крым, еще один генерал на Парижских бульварах, еще одна судорожная попытка "патриотов" удержать остатки каких-то сумм путем ставки на нового "героя", "преемника", "носителя всероссийской власти" и т. п., а потом узенький мостик к большевикам, который будет становиться все шире и шире...»[22]

Итак, проблема российских дипломатов и финансистов заключалась не только в том, как прокормить и устроить без малого полтораста тысяч новых беженцев. Заключение, что Врангель «сделал все необходимые выводы из своего положения», оказалось поспешным. Генерал отнюдь не склонен был причислять себя к беженцам — он претендовал на роль главы российской власти в изгнании.

Сам Врангель толковал положение дел следующим образом:

> С оставлением Крыма я фактически перестал быть Правителем Юга России, и естественно, что этот термин сам собою отпал. Но из этого не следует делать ложных выводов: это не значит, что носитель законной власти перестал быть таковым, за ненадобностью название упразднено, но идея осталась полностью. Я несколько недоумеваю, как могут возникать сомнения, ибо принцип, на котором построена власть и армия, не уничтожен фактом оставления Крыма. Как и раньше, я остаюсь главой власти[23].

Врангелевские придворные летописцы поясняли: «Акта отречения не последовало. Генерал Врангель не сложил с себя власти, преемственно принятой им от адмирала Колчака и генерала Деникина, и продолжал нести ее, как долг, от которого нельзя отказаться»[24].

Тем временем попытки создать в Париже какой-нибудь суррогат национального представительства на демократической и более широкой, чем ранее, основе никак не приводили к реальным результатам.

«У всех находящихся здесь одно общее — понимание, что нужно хоть для иностранцев построить нечто, что можно было бы выдать за некий идеологический или политический антибольшевист-

ский центр, — писал 24 ноября 1920 г. К.Н. Гулькевичу хорошо осведомленный Г.М. Лунц. — К сожалению, дальше этого понимания дело не идет»[25].

В тот же день Маргулиес записал в дневнике:

> Врангель продолжает издавать приказы: оставляет при себе начальника штаба, лиц для беженских, финансовых дел и иностранных сношений. Все учреждения русского Южного правительства упраздняются, а в заключение в приказе Врангеля — перл: «Всем русским представителям оставаться на своих местах, сносясь по подлежащим вопросам с начальником штаба и заведующим иностранными сношениями». Есть отчего Аверченко и Тэффи заплакать от зависти.
>
> Получается полный сумбур: фиговый лист демократического правительства отпал, остается диктатор с войском вне территории России и представителями (фактически весь посольский и консульский состав) — за границей. Воистину страна неограниченных возможностей![26]

Врангелю, однако, пришлось не только упразднить Южнорусское правительство, но и произвести крупные сокращения в своем штабе. Бывший глава правительства А.В. Кривошеин уехал в Париж. Некоторое время оставались на своих постах Струве и Бернацкий, вскоре также отправившийся в Париж, ибо там, а не в Константинополе должна была решиться судьба врангелевской армии.

Тем временем Бахметев выходил из себя, читая заявления Струве об «отступлении в море» и продолжении борьбы. «Если делать отступления в стихию, то всего лучше отступить в воздух путем испарения», — с раздражением писал он своему «конфиденту» Маклакову.

> Я прежде всего вижу, что в головах русских националистов все же бродит безумная мысль сохранить правительство за границей. Нелепость и вредоносность этой мысли совершенно очевидны... Я уверен, что Вы не разделяете мысли о желательности, из квазилегитимистических и других соображений, сохранять призрак, который, не помогая, будет страшно вредить. Сохранение видимости потенциала военного движения, не обещая никакого живого антибольшевистского действия, будет лишь питать большевистскую пропаганду и оправдывать сохранение военной системы. Помимо того, либеральный и умеренно-демократический национализм обречет себя окончательно на изолированность и погибель[27]

Не все «либеральные националисты» разделяли мнение российского посла в Вашингтоне. «Конечно, тенор, себя перепевший, жалок, — писал барон Б.Э. Нольде, — но тем не менее было бы чрезвычайно обидно, если бы мы все бросили сейчас обломки правительственного корабля за границей. Наша "negotiorum gestio"[28] впредь до появления какой-то нормальной России силой вещей должна продолжаться, как бы она ни была тягостна»[29].

Однако решающим было отношение к врангелевской армии не российских дипломатов, а французского правительства, взявшего эвакуированных на свое содержание. 25 ноября 1920 г. премьер-министр Ж. Лейг, выступая перед парламентской комиссией по иностранным делам и говоря об отношении к русскому вопросу, заявил, что он против блокады советской России, за предоставление частным лицам и учреждениям права торговли с большевиками. Резюмируя суть высказываний Лейга о врангелевском правительстве, Маргулиес записал: «Врангелевское правительство было de facto; факта нет — нет и правительства»[30]. Таким образом, правительство Врангеля являлось признанным в течение всего трех месяцев.

Ситуация была тупиковой. «Ликвидация Врангеля чрезвычайно трудна, — констатировал осведомленный Нольде. — Главный вопрос, куда деть 70 000 человек войска из Крыма. Стоят они 2 000 000 фр. в день, а средств у нас нет. Французы не хотят идти в палаты просить кредита, а между тем в известной мере связаны невозможностью тратить деньги. Оставить солдат в Крыму было, понятно, невозможно, а результат оказался лишним бременем...»[31] Однако французское правительство нашло простой выход из этого «чрезвычайно трудного» положения уже три дня спустя после отправки адресату цитированного письма Нольде.

30 ноября 1920 г. Совет министров Франции принял решение отказаться от содержания армии Врангеля как боевой силы. Ссылаясь на международную обстановку, тяжелое финансовое положение и соображения внутренней политики, французское правительство указывало, что рассчитывать на получение средств можно лишь в том случае, если смотреть на всех эвакуированных как на беженцев, исключительно с гуманитарной точки зрения. Французы хотели придать делу помощи «характер благотворительного почина самих русских, создав в Париже не политическое, а общественное объединение, для приискания средств и оказания помощи всем беженцам». Было понятно, что французы намеревались лик-

видировать армию Врангеля наиболее эффективным образом — передав дело финансирования эвакуированных в руки парижского общественного комитета и лишив генерала возможности распоряжаться денежными средствами[32].

Врангель был потрясен столь неожиданным для него — и столь предсказуемым для людей, адекватно оценивавших международное положение, так же как политическую ситуацию во Франции, — ходом дела. Он телеграфировал Струве:

> Не [хочу] верить, чтобы интересах Франции [было] обратить организованную и крепкую духом армию — ей дружественную — в стадо беженцев, озлобленное против союзников, бросивших ее на произвол судьбы. Отнюдь не хочу торопить французов окончательным ответом. Однако прошу Вас иметь в виду, что решение нашей участи не должно чрезмерно затягиваться. Иначе создается впечатление, будто бы производимые сейчас французами расходы на армию и беженцев имеют целью оправдать получение Францией нашего флота. Положение армии очень тяжелое и только надежда на использование ее по прямому назначению, т.е. в борьбе против большевиков и за освобождение родины — все равно сейчас или позже — может сохранить ее. Иначе наступит разложение[33].

Струве, Бернацкий и Кривошеин после переговоров во французском МИД в длинной телеграмме от 3 декабря 1920 г. попытались разъяснить Врангелю резоны, по которым французское правительство исключало для себя возможность «сохранения армии как таковой». «Французы из признательности к России за ее участие в войне готовы принести известные жертвы, предел которых, однако, очень близок, но нам необходимо облегчить Французскому Правительству политическую сторону задачи». А именно — объявить о переходе армии на беженское положение и о том, что обеспечением беженцев будет заниматься русская неполитическая организация. Это облегчило бы и получение кредитов правительством в парламенте на помощь беженцам, и получение средств проектируемой русской организацией из международных источников. Относительно русского флота французы вполне резонно считали, что полученные от его продажи деньги едва ли покроют их расходы на эвакуацию и содержание беженцев[34].

Цитированная выше телеграмма Врангеля, содержавшая обвинение французов в стремлении поживиться за счет русского флота

и скрытую угрозу, «произвела на французов тягостное впечатление». Еще бы! Благодаря поддержке французского флота была осуществлена эвакуация, несмотря на то что французское правительство узнало о готовящейся сдаче Крыма в последний момент. Французы взяли армию и беженцев на свое содержание. Причем их численность оказалось гораздо выше, чем предполагалось. Договоренность о том, что армия, если ее не перебросят на польский фронт, будет распущена, была достигнута заранее. Теперь же Врангель, по сути, обвинял французов в мошенничестве. Очевидно, его телеграмма произвела тягостное впечатление не только на французов: «В Ваших публичных заявлениях мы убедительно просим избегать всего того, что могло бы затруднить реальную задачу сохранения ядра армии при невозможности открытой постановки этого вопроса», — телеграфировали Главнокомандующему его представители[35].

Врангель, однако же, не внял аргументам французов, которые явно казались резонными Струве, Кривошеину и Бернацкому. «Исключаю возможность сохранения армии при условии перевода на положение беженцев и зависимости ее от общественной организации», — телеграфировал он в ответ[36].

Тем временем в Париже продолжались попытки создать национальное объединение. Однако единства различных эмигрантских групп, как и следовало ожидать, достичь не удалось. Умеренно правые (включая правых либералов) создали в начале декабря 1920 г. по инициативе А.И. Гучкова Парламентский комитет, состоящий из бывших членов Государственной думы и Государственного совета. Председателем был избран Гучков, в состав комитета вошли В.Д. Кузьмин-Караваев, Г.А. Алексинский, М.А. Искрицкий, Г.И. Кедрин и др. Свою задачу члены комитета видели в защите «русского дела» перед западноевропейскими правительствами. Аналогичные комитеты образовались также в Лондоне, Берлине и Константинополе.

На левом фланге происходило сближение кадетов и эсеров, оказавшихся героями дня. Ведь их предсказания сбылись, хотя белые потерпели поражение лишь отчасти по тем причинам, на которые указывали эсеры. 12 декабря 1920 г. было опубликовано «Обращение к членам Всероссийского Учредительного Собрания», подписанное Н.Д. Авксентьевым, А.Ф. Керенским и О.С. Минором. В «Обращении» предлагалось созвать Совещание членов Учредительного собрания, оказавшихся за границей, для защиты международных и государственных интересов России[37].

Даже Маклаков, «правейший из кадетов», стал сторонником «соглашения налево». Милюков в упоминавшейся выше записке «Что делать после Крымской катастрофы?» писал:

> Первейшей и главной задачей русских учреждений за границей является сохранение существования составлявших армию бойцов до лучшего будущего. Но все расчеты, основанные на сохранении хотя бы части армии, сохранении старых методов борьбы и старой организации власти — должны быть в настоящее время отброшены... Рассчитывать на возможность улучшения политики военного командования, после стольких неудачных опытов, мы, очевидно, более не имеем права. Единственной действительной гарантией против повторения ошибок является отделение политической власти от военной и передача первой какому-либо органу гражданской власти, имеющему общественную санкцию[38].

Милюков полагал, что в России произошли настолько глубокие социальные и экономические изменения, что о какой-либо реставрации не может идти речи. Реконструкция России должна быть произведена «левыми руками». Отсюда следовал курс на союз с левыми, прежде всего эсерами. Практическая форма «соглашения налево» должна была быть выработана на Совещании членов Учредительного собрания, которое было намечено на начало января 1921 г. При этом подразумевалось, что речи о восстановлении полномочий Учредительного собрания 1917 г. не будет[39].

Частное Совещание членов Учредительного собрания состоялось в Париже 8—21 января 1921 г. В Совещании приняли участие 33 члена разогнанного некогда большевиками Учредительного собрания, преимущественно правые эсеры и кадеты. Эсеры были в большинстве. Среди их представителей были Н.Д. Авксентьев, Е.К. Брешко-Брешковская, А.Ф. Керенский, В.В. Руднев, В.М. Чернов; кадетов представляли также «звезды» первой величины — П.Н. Милюков, Ф.И. Родичев, А.И. Коновалов, В.А. Маклаков (он был избран в Учредительное собрание от Москвы по кадетскому списку в ноябре 1917 г., уже будучи в Париже).

Маклаков принял активное участие в работе Совещания; на одном из заседаний он выступил с докладом о внешней политике. На другом ему было предоставлено слово вне очереди для оглашения приветственной телеграммы Бахметева, более чем причастного к созыву Совещания: «Твердо надеюсь, — телеграфировал рос-

сийский посол в Вашингтоне, — что работы Совещания приведут к созданию авторитетного национального органа, который противопоставит большевизму объединение всех подлинно демократических элементов. Уверен, что подобное объединение всех встретит самый живой отклик и сочувствие Америки, которая сохранила неизменную веру в творческие силы русского народа и конечное торжество начал мартовской революции»[40].

Совещание создало постоянно действующий орган — Исполнительную комиссию, председателем которой был избран Н.Д. Авксентьев, бывший глава уфимской Директории[41]. Работа Исполнительной комиссии финансировалась Бахметевым. Круг замкнулся. За счет денег, полученных в результате займа под залог «колчаковского золота», финансировалась работа органа, возглавляемого Авксентьевым. Тем самым председателем Директории, который был арестован сторонниками Колчака, а затем по приказу адмирала выслан за границу. Так же как были высланы другие деятели Директории, а ныне члены Исполнительной комиссии — В.М. Зензинов и Е.Ф. Роговский.

Разумеется, источник средств, на которые существовала Исполнительная комиссия, не афишировался. Хотя секрет сохранить не удалось, тем более от такой старой революционной ищейки, как В.Л. Бурцев, в то время главного редактора проврангелевского «Общего дела». Весной 1921 г. Бурцев начал кампанию против Бахметева на страницах своей газеты. Правда, только после того, как убедился, что ему рассчитывать на субсидию дипломатов не приходится[42].

Струве и Бернацкий пытались организовать в Париже Деловой комитет, главной задачей которого должно было стать добывание средств на содержание армии. Поначалу предполагалось, что в комитет войдут семь представителей Врангеля по назначению, десять — Российского финансового и торгового союза и пять — Комитета русских коммерческих банков в Париже. Однако состав Делового комитета, организовавшегося в начале января, пришлось по настоянию французов «разбавить» представителями Российского общества Красного Креста, а также Городского и Земского союзов. Врангель рассчитывал, среди прочего, что Деловому комитету будет доверена реализация российского имущества, находящегося в Константинополе и взятого под охрану французами.

Однако новый французский премьер-министр А. Бриан, сменивший Лейга в январе 1921 г., заявил, что «генерал Врангель и его

представители — частные лица», а российское имущество будет продано самими французами в порядке компенсации за расходы по эвакуации и содержанию беженцев; что же касается участия русских в помощи беженцам, включая распределение средств, то оно должно осуществляться через общественные организации. Имелся в виду прежде всего Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор), начавший свою деятельность с февраля 1921 г. и возглавлявшийся кн. Г.Е. Львовым. Так что Деловой комитет «скончался», едва родившись.

Врангель по-прежнему упорно отказывался идти на какие-либо компромиссы. Градус недовольства — если не сказать враждебности — французами нарастал. При том что армия продолжала кормиться из их рук. Нежелание Врангеля считаться с политическими реалиями вынудило Струве, одного из самых верных врангелевцев, подать в отставку. 19 января 1921 г. он писал «глубокоуважаемому и дорогому Петру Николаевичу»:

> Целый ряд фактов убедил меня, что во взглядах на способ действий в отношении как внешних сил, так и русской общественности я сильно расхожусь с Вами... Прося меня освободить от обязанностей Заведующего Частью Иностранных Сношений, я не могу не повторить еще раз, что тот способ, каким ведутся штабом сношения с французскими властями в Константинополе, внушает мне серьезную тревогу. Точно так же и отношения с русской общественностью в лице ее самых умеренных и лояльных представителей ставятся, на мой взгляд, неправильно, что, изолируя Главное Командование от общественности, угрожает ослабить и его международное положение. Будучи бессилен бороться с этими явными для меня ошибками политики, я считаю нравственно невозможным для себя нести за них хотя бы и косвенную ответственность[43].

Пять дней спустя ушел в отставку главноуполномоченный по финансово-экономическим делам за границей врангелевского правительства К.Е. фон Замен. Он перешел на службу в частный банк в Лондоне, сочтя себя вправе сделать это, поскольку у него осталось «мало средств и... мало возможностей полезно действовать». «Я рад, — признавался он Угету, — что буду иметь нормальную работу и кусок хлеба, не участвуя в Парижской неразберихе, от которой, в конце концов, можно дойти до истерического расстройства»[44].

24 января 1921 г. Замен сдал свою должность Новицкому, формально оставив государственную службу[45]. Средств в распоряже-

нии Замена накануне его отставки оставалось действительно немного, — во всяком случае, по сравнению с началом врангелевского периода, — 180 000 из 1 700 000 ф. ст. Остальное было израсходовано, преимущественно на армию[46].

«Пронунциаменто» трех чиновников Министерства иностранных дел

Наконец «парижская неразбериха» завершилась «переворотом» и переходом «власти» из рук генералов в руки дипломатов.

«Как раз теперь наш муравейник находится в большой ажитации, — информировал в середине января 1921 г. Гулькевича Лунц, — Бахметев после ряда телеграмм о необходимости Национального Комитета диапазоном от Милюкова до Зензинова решил сам приехать. Он будет здесь 28-го. На приезд его я возлагаю хоть ту надежду, что он расшевелит здешних мертвецов (полное отсутствие воли характерно для Парижа). Сдвиг налево все равно неизбежен, ибо при наличности министерства Бриана игра в восстановление правительства Врангеля (такая умная идея имеется здесь) не только ридикюльна[47], но просто грозит осложнениями, не соответствующими этой глупости»[48].

Приезд в Париж российского посла в Вашингтоне в самом деле ускорил ход событий. 2 февраля 1921 г. состоялось совещание Бахметева, Маклакова и Гирса при участии Бернацкого. Совещание решило, что единственным законным органом, представляющим интересы России, может являться Совещание послов; дипломаты констатировали, что с оставлением Крыма власть Врангеля утратила свою легитимность; идея сохранения армии нереалистична, и военнослужащих следует рассматривать в качестве беженцев. Совещание (Совет) российских послов в Париже стало постоянным органом, а его председателем — старейшина русского дипломатического корпуса М.Н. Гирс. Постановление Совещания было оформлено протоколом 8 февраля 1921 г. Возмущенный Кривошеин назвал происшедшее «пронунциаменто»[49], осуществленным тремя чиновниками Министерства иностранных дел, а Протокол Гирса, Маклакова и Бахметева — «беспримерным документом»[50].

Не вдаваясь в подробности, заметим, что дипломаты представляли обстановку гораздо реалистичнее, нежели генералы, и Совещанию послов была суждена на удивление долгая жизнь. Но сей-

час нас интересует не политическая, а финансовая составляющая происшедшего. В Протоколе Совещания говорилось:

> В настоящее время в разных странах Европы имеются казенные суммы, товары и предметы снаряжения в распоряжении различных правительственных агентов. Означенные агенты действуют ныне без общего плана, а также при решении многих вопросов не считают себя вправе принимать решения касательно имеющихся у них казенных ресурсов. Единственным органом, основанным на идее законности и преемственности власти, объединяющим действия отдельных агентов, является Совещание послов. Вместе с этим указанное Совещание при отсутствии других общерусских учреждений принуждено взять на себя ответственность за казенные средства и за порядок их распределения[51].

Страсти, кипевшие по поводу контроля за остатками казенных средств, нашли отражение в иронических «Стихах о Деловом комитете», обнаруженных нами среди бумаг последнего министра финансов Российской империи П.Л. Барка. Возможно, их автором был сам бывший министр, хотя о его поэтических опытах нам ничего не известно; во всяком случае, автор был хорошо знаком с происходящими событиями.

Стихи о Деловом комитете

Прилетел из Перекопа
Петр Бернардович Струве:
Голубь Крымского потопа
С путаницей в клюве.
Сел он к Гирсу на колени —
Слава Богу, мель!
Уголок засохшей лени
В улице Гренель[52].
А на небе, в тучах, Красин;
Радуги все нет;
В мире — слякоть. Выход ясен:
Нужен Комитет.
«Председателем — Залшупин[53]!»
(Струве — ум живой,
Всякий план ему доступен,
Лишь бы деловой.)

«7 пар чистых, 7 нечистых...
Парус — наобум
6 безмолвных, 5 речистых...
Генералы — в трюм!»[54]
«Не пройдет», — сказал Бернацкий.
«Генералы — вздор!
Путь к победам — только штатский...»
И ввели Земгор.
«Так — всю Русь мы отразили».
(Думают, резвясь:)
«А с Европой — пусть Базили[55]
Установит связь».
Дали Врангелю депешу:
«Сдавшись — победишь».
Но ответил он: повешу
И взорву Париж.
Много было бенефисов!
А дела — хоть брось.
Зол Гукасов[56], зол Денисов[57],
Весь зверинец — врозь.
Обругали в учредилке;
В прессе — некролог...
Чешут, бедные, затылки,
Глядя в потолок.
Для приличия, однако,
Выбрали Бюро:
И уехали в Монако —
Ставить на зеро.
Вдруг — скандал, с большим конфузом!
Написал Бриан:
«Руки вверх! Отдать французам
Деньги и карман».
Хватит русским князя Львова
В беженской беде;
Но чтоб духу делового
Не было нигде!
Все погибло, кроме чести,
В буре этих слов.
Глядь — левей, на том же месте,
«Комитет Послов».

И опять, сквозь дым и пламя
Грозного толчка
В стане белых реет знамя —
«Белого бычка»[58].

Совещанием послов для управления русскими активами за границей и распределения средств среди различных эмигрантских организаций был образован Финансовый совет. Председателем стал Гирс, членами — российский посол в Париже, кн. Г.Е. Львов, Бернацкий, российские послы в США, Японии, а также дипломатический представитель в Великобритании во время их пребывания во Франции. «Для ближайшего рассмотрения ассигнований и других вопросов, связанных с управлением и хранением имущества», учреждался распорядительный комитет под председательством Бернацкого или его заместителя Новицкого. В связи с «особым положением заведования денежными средствами Японии и Америки» российские послы в этих странах принимали финансовые решения самостоятельно, однако предполагалось «взаимное осведомление и сотрудничество» между ними и Финансовым советом. Позднее в Финансовый совет был включен также Н.В. Савич, член III и IV Государственных дум, государственный контролер в правительстве Врангеля. В Финансовом совете он также выполнял контрольные функции.

Бернацкий, «переметнувшийся» от генералов к дипломатам, направил Врангелю «объяснительное письмо». Бывший министр писал:

> Главное Командование совершенно потеряло элементы политической власти, и его органы перестали быть авторитетными в этом отношении. Если бы своевременно, путем сговора с влиятельной частью русской общественности, вопрос о политической власти нашел разрешение, то Главное Командование могло бы в новой комбинации играть известную роль. Этого, к великому сожалению, не случилось, а потому приходится констатировать печальные выводы. В частности, ни один из бывших российских агентов — хранителей остатков казенных сумм и других средств — не соглашается через меня направлять их в Константинополь, отрицая за последним всякие титулы...
>
> Ввиду сказанного прошу Вас мои отношения (формальные) к Главному Командованию — считать конченными. Отсюда не следует, что в дальнейшем я останусь безучастным зрителем совершающегося.

> За отсутствием какой-либо государственной власти в старых и новых формах известный цикл функций и правомочий естественно переходит к последнему оплоту российской государственности за границей — российским послам. С точки зрения сбережения ничтожных остатков казенных сумм, разбитых по рукам отдельных хранителей, и хотя бы некоторой их централизации — Дипломатическое Ведомство со старейшим его представителем М.Н. Гирсом является единственным более или менее безопасным убежищем. Бывшее в Париже совещание послов ... пришло к известным решениям, которые Вам сообщаются, в том числе — к предложению мне впредь сохранить общее заведование остатками средств и расходование их по соглашению или указанию Послов. Принимая на себя такую роль, я надеюсь фактически быть полезным делу Главного Командования...[59]

В конце послания Бернацкий пытался «подсластить пилюлю»:

> Позвольте мне закончить мое письмо выражением горячей веры в светлое будущее России, когда Вам придется играть вновь подобающую Вам роль. Расставаясь с Вами, сохраняю лучшие воспоминания о совместной работе (лично с Вами) и крепко верю в Вашу энергию и несокрушимую бодрость духа[60].

10 февраля 1921 г. Гирс, «с ведома и по поручению В.А. Маклакова, Б.А. Бахметева и М.В. Бернацкого», направил Врангелю письмо, в котором попытался осветить генералу «общее положение» и, в общем, отрезвить Главнокомандующего, никак не желавшего понять, что солдаты Русской армии прибыли в Турцию не в роли завоевателей, а в качестве беженцев. «Из заявлений, которые Вы делаете, и требований, которые сюда обращаете, видно коренное противоречие между тем, как представляется дело у Вас, и тем, как оно стоит на самом деле, — достаточно определенно писал опытный дипломат. — Вы надеетесь, что можно убедить союзников сохранить армию как военную силу и в будущем ее использовать; к этой цели направлены Ваши усилия; Вы думаете, что эта задача недостаточно оценена нами здесь и что в этом одна из причин, почему союзники ей не помогают». Гирс пояснял, что попытки сохранить армию, учитывая настроение уставшей от войн Европы, а в особенности Франции, обречены на провал[61].

«На всякое чихание не наздравствуешься», — наложил Врангель высокомерную резолюцию на послании дипломатов. Вряд ли ему

могло прийти в тот момент в голову, что ему еще придется обращаться к ним «с протянутой рукой»[62].

Мы не имеем возможности в рамках настоящего исследования более подробно останавливаться на эмигрантской политике. Обозначим, однако, пока что «пунктиром», достаточным для понимания последующих событий, дальнейшую судьбу армии Врангеля, а также попытки создания демократического объединения под флагом «Учредилки», как пренебрежительно называл Совещание членов Учредительного собрания Маклаков.

Конфликт Врангеля с французскими властями, настаивавшими на расформировании армии и переводе военнослужащих в разряд гражданских беженцев все больше обострялся и сопровождался время от времени обменом резкими заявлениями. Разница при этом заключалась в том, что французы кормили врангелевскую армию, правда сопровождая это угрозами прекратить выдачу пайков, а также сокращением рациона. «Французский ультиматизм», по выражению Бахметева, был «весьма неловок»[63], но и Врангель был хорош: он как будто считал, что достигнутые еще в момент эвакуации из Крыма договоренности его ни к чему не обязывают, а вот Франция, поскольку признала его правительство де-факто, напротив, обязана теперь содержать Русскую армию.

Врангель не внял ни предостережениям французов, ни советам российских дипломатов и создал-таки «правительство в изгнании». 5 апреля 1921 г. в помещении Российского посольства в Константинополе состоялось первое заседание Русского совета. Председателем Русского совета стал сам Врангель, его заместителями И.П. Алексинский и Пав. Д. Долгоруков, в состав Совета вошли В.В. Шульгин, Г.А. Алексинский, некоторые другие политики, генералы А.П. Кутепов, М.А. Фостиков и П.А. Кусонский, всего 30 человек. Русский совет заявил, что он «является для русских патриотов высшим государственным органом антибольшевистской России». На первом заседании Совета было принято обращение к Лиге Наций и США о необходимости оказания финансовой поддержки Русскому совету и Русской армии, а также выдвижении ультиматума советскому правительству[64].

Однако эффект оказался противоположным ожидаемому: 17 апреля 1921 г. французское правительство объявило о прекращении помощи русским беженцам. В сообщении французского правительства говорилось:

Все русские, находящиеся еще в лагерях, должны знать, что армия Врангеля больше не существует, что их бывшие начальники не имеют больше права отдавать им приказания, что они совершенно свободны в своих решениях и что впредь им не может быть предоставлено продовольствие.

Франция, которая помогала им в течение пяти месяцев, ценою больших затруднений и тяжелых жертв, пришла к пределу возможностей в этом отношении. Сохранив существование беженцев, Франция дает им теперь возможность поддерживать его собственными средствами[65].

В пику французам, указывавшим, что они потратили на содержание беженцев 200 млн фр. и что переданное Франции в порядке компенсации имущество покрывает эти расходы едва лишь на четверть, Русский совет привел собственные расчеты. Согласно данным Русского совета, общая стоимость переданного французам имущества составила 144 млн фр. Эта цифра могла впечатлить разве что очень несведущего человека. Так, стоимость артиллерийского имущества оценивалась в 35 млн фр., по заготовительным ценам[66], хотя на самом деле она в послевоенной Европе, с ее огромными излишками различного рода вооружения и боеприпасов, в большинстве случаев не превышала цены металлического лома.

Явно завышена была и стоимость флота, оцененного российскими представителями в 52 796 000 фр. При этом в расчет брались цены 1914 г. или — применительно к судам, приобретенным казной после 1914 г., — тогдашняя цена, уплаченная за них[67]. Суда были изношены, подавляющее большинство из них давно не ремонтировалось. Адмирал М.А. Кедров, назначенный в мае 1920 г. начальником Морского управления при штабе Врангеля, после знакомства с состоянием флота, говорил государственному контролеру Н.В. Савичу: «Флот фактически не существует, корабли в отчаянном состоянии, почти не в силах выйти в море. Если армия сдаст, что вероятно, то никто из нас не уйдет из Крыма, ибо суда не способны к переходу морем»[68].

Кедрову удалось подтянуть флот, однако понятно, что принципиальных улучшений добиться за несколько отпущенных ему месяцев было невозможно. В конечном счете почти все корабли были проданы на металлолом. Расчеты «для внутреннего пользования», проведенные врангелевскими финансистами в декабре 1920 г., были более реалистичны. Они показывали, что даже если французские власти позволили бы реализовать принадлежавшее

Южно-русскому правительству имущество самим врангелевцам, то при самой благоприятной конъюнктуре остатки средств в распоряжении Главного командования на 1 января 1921 г. составили бы 6 млн. фр. Этого хватило бы на содержание армии в течение четырех дней[69].

Учитывая эти обстоятельства, «неблагодарность врангелианцев к Франции», по выражению Бахметева, не могла не поражать. «Конечно, трудно оправдывать форму ее действий, — писал российский посол в Вашингтоне, — у всех бывают грехи и недостатки, но ведь именно для Врангеля и для его армии Франция сделала бесконечно много: ведь всем своим положением и возможностью играть в государственную власть Врангель и его присные были обязаны признанию их Францией; ведь действительно же Франция кормила армию в течение более чем шести месяцев»[70].

О том же вспоминал находившийся в 1920 г. в Константинополе в гуще событий Н.В. Савич, государственный контролер в правительстве Врангеля, человек гораздо более правых взглядов, нежели Бахметев. Отмечая, что в стремлении к «распылению кадров» местные французские начальники не проявляли избытка такта («умели наступать на любимую мозоль»), что вызвало у беженцев «чувство глубокой обиды, едва скрываемого раздражения», Савич в то же время сумел сохранить объективность:

> Люди забывали, что только благодаря гуманности французского правительства, только благодаря рыцарству его политики мы вообще благополучно высадились в Босфоре, что, не дай французы нам покровительства своего флага, нас просто могли не пустить в пролив, что, наконец, только благодаря их помощи мы не перемерли в первый же месяц от голода и жажды. Все это забывалось, зато остро чувствовалось уменьшение и без того голодного пайка, сопровождавшееся упреком, что-де вы дармоеды, сидите на шее французской казны. В лагерях лихорадочно высчитывали, на какую сумму французы секвестировали у нас имущество, сколько стоят переданные им суда. Начинались разговоры на тему: мы-де французов спасли в 1914 году вторжением в Восточную Пруссию, причем последовавшее наше позорное поражение, бывшее результатом плохого командования, ставилось чуть ли не в заслугу перед французами. Немудрено, что франкофильство стало не в моде. Мне передавали, что перепившиеся люди начинали говорить языком, не совместимым с чувством благодарности и уважения, которого заслуживала, в общем, французская политика по отношению к белым врангелевского периода[71].

После тяжелой зимовки в лагерях Галлиполи и на острове Лемнос часть врангелевской армии до конца 1921 г. была переселена в Болгарию (19 645 человек, включая несколько сотен гражданских лиц) и Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (11 927, включая партии, прибывшие в 1922 и 1923 гг.), часть вернулась в Россию (около 3500), часть отправилась искать счастья в Бразилию и Перу (3000). Несколько сотен военнослужащих вступили во Французский иностранный легион, несколько тысяч перешли на положение гражданских беженцев. Врангель со своим штабом перебрался в Королевство СХС, где обосновался в Сремских Карловцах[72].

Переселение в Сербию и Болгарию происходило при условии перечисления определенных сумм на содержание беженцев. На расселение армейских контингентов в Сербии Бахметев перевел в мае 1921 г. на совместный счет кн. Львова, Гирса и Маклакова 300 000 долл., еще 100 000 долл. было добавлено к этой сумме из ранее переводившихся из США средств. Это позволило разместить в Сербии 8000 человек. В июле посольство перевело 200 000 долл. для оказания помощи беженцам через Земский союз и Красный Крест. В сентябре было переведено еще 200 000 долл. на предмет расселения беженцев в Сербии, Болгарии и Чехии. В общей сложности ассигнования Российского посольства на беженцев «врангелевской эвакуации» достигли 1 809 935 долл. С учетом 200 000 долл., переведенных в апреле 1920 г. Добровольному флоту на покупку угля для эвакуации беженцев с Юга России, сумма, израсходованная Российским посольством в Вашингтоне на помощь российским изгнанникам в Европе, к сентябрю 1921 г. превысила 2 млн долл.[73]

Русский совет, претендовавший на то, что, как «орган русской власти», он «дает определенные задания и средства для их выполнения русским общественным организациям, осуществляющим мероприятия по оказанию помощи беженцам, и объединяет их деятельность», потерпел и в том и в другом полную неудачу. Никто, за исключением подконтрольных Врангелю групп (да и то не всех), не признал его властью, средств он предоставить не мог. А мог разве что легитимизировать расходование средств, добытых Врангелем. 20 сентября 1922 г. Русский совет был упразднен.

Русская армия в качестве организованной военной (точнее, полувоенной) силы просуществовала до середины 1920-х гг. «Инобытие» армии продолжилось в форме Русского общевоинского союза[74].

«Американский дядюшка»: Личная политика российского посла в Вашингтоне

Бахметев направлял часть денег на политические цели по собственному усмотрению. Можно, пожалуй, сказать, что в 1921—1922 гг. посол пытался управлять политическими процессами в эмиграции, проводил свою личную политику. И для этого у него был весьма эффективный инструмент — деньги. Двумя «детищами» Бахметева, которых он, по образному выражению Милюкова, породил, «подобно Тарасу Бульбе», были «Учредилка» и газета «Последние новости»[75]. Идея образования демократического объединения «на базе» депутатов Учредительного собрания возникла, очевидно, независимо от Бахметева. Но воплотить эту идею в жизнь без поддержки Бахметева было бы невозможно.

29 января 1921 г., на следующий день после приезда в Париж, Бахметев завтракал с Милюковым, Винавером и Коноваловым и обещал финансировать Исполнительную комиссию Совещания. «Винавер назвал цифру: 100 000 франков в месяц. Бахметев, подумав, сказал, что 800 000 у него уже есть, но, если дело пойдет, в Америке можно получить и больше»[76]. 9 февраля 1921 г. по распоряжению Бахметева Угет перевел в Париж на совместный счет Авксентьева и Коновалова 25 тыс. долл. Деньги предназначались для организации работы Исполнительной комиссии. В тот же день 50 тыс. было переведено на совместный счет Авксентьева и Коновалова в Брюссель. С этого счета пополнялись средства учредиловцев. Бюджет Исполнительной комиссии в итоге составил немногим менее 90 тыс. фр. (около 7 тыс. долл.) в месяц[77].

Газета «Последние новости», которой было суждено стать самым популярным периодическим изданием Русского зарубежья, выходила в Париже с апреля 1920 г. под редакцией присяжного поверенного М.Л. Гольдштейна. С 1 марта 1921 г. главным редактором стал П.Н. Милюков. Несомненно, договоренность о том, что Бахметев будет субсидировать газету, была достигнута во время его пребывания в Париже в феврале 1921 г. Без поддержки Бахметева «Последние новости» «не пережили бы этого лета, — писал ему Милюков в августе 1921 г., — и большое дело кристаллизации общественности около нашего знамени оборвалось бы в самую нужную минуту». К этому времени Милюков был уже готов отказаться от бахметевской субсидии: «Мы довольно быстро сводим наш огромный дефицит (около 50 тыс.), с которым я взял газету, до 30, —

надеемся свести до 10, сокращаем штат, развиваем объявления, подтягиваем агентов, получили почти даровую бумагу, привлекаем новых пайщиков и т.д. От Вас я больше просить о помощи не буду, чувствуя, что и так перешел предел»[78].

Тем не менее Милюкову еще пришлось обращаться к Бахметеву с просьбой о помощи, когда потребовалось срочно покрыть дефицит редакционного бюджета. Бахметев перевел в Париж требуемую сумму в 1000 долларов из своих личных средств, рассчитывая, что Милюков со временем вернет долг[79].

Кроме «Последних новостей» Бахметев позднее поддержал издававшийся Игорем Платоновичем Демидовым, близким сотрудником Милюкова, недолговечный журнал «Новь» (всего вышло четыре номера). Журнал, содержавший в основном комментированную информацию из советской России, возможно, привлек внимание Бахметева девизом, созвучным его настроениям (а может быть, им и подсказанным): «Родина, народоправство, федерация, собственность»[80].

В начале февраля 1921 г. Бахметев перевел Новицкому 100 тыс. долл.; тот, в свою очередь, по указанию Бахметева передал Бернацкому 50 тыс. долл. Остальные 50 тыс. можно было расходовать лишь по получении специального распоряжения Бахметева[81]. Эти деньги предназначались на политические цели. Доверенным лицом Бахметева по политической части довольно неожиданно стал недавний врангелевский министр Бернацкий.

Через Бернацкого Бахметев финансировал парижский Центр действия, возглавлявшийся Н.В. Чайковским. Эта организация наладила связь с Россией; во всяком случае, различные информационные материалы регулярно направлялись в Вашингтон. Центру действия Бернацкий передал 380 тыс. фр. из 700 тыс., которые он получил в результате обмена 50 тыс. долл. 250 тыс. фр. было израсходовано на пропагандистскую кампанию во французской печати. Остальные пошли на поддержку Украинского национального комитета, возглавлявшегося С.К. Моркотуном, «в борьбе его с авантюрами Петлюры и Савинкова»[82]. Занятно, что Бахметев «подбрасывал» деньги также савинковской организации, столь негативно оценивавшейся Бернацким, хотя и не на регулярной основе[83]. Это было в русле его политики: ведь теперь Бахметев делал ставку на изживание большевизма изнутри, в том числе в результате народных восстаний. На них делал ставку и Б.В. Савинков.

Получив известие о восстании в Кронштадте и о том, что «оттуда» просят 4 млн фр., Бахметев немедленно перевел 100 тыс. долл. (по курсу марта 1921 г. — 1,4 млн фр.) Новицкому. Они должны были пойти на помощь восставшим «деньгами и провиантом»[84]. Восстание было довольно быстро подавлено, и деньги не успели израсходовать. По указанию Бахметева они были зарезервированы в особом «Кронштадтском фонде» на случай нового выступления против большевиков. Однако надежды на то, что Кронштадт — это только начало, не оправдались. И деньги в конечном счете были потрачены на помощь беженцам.

«Учредилка» не оправдала возлагавшихся на нее надежд. «Она родилась под счастливой звездой, — писал Маклаков ее «крестному отцу» Бахметеву, — родилась в момент, когда все с нетерпением ждали, не появится ли общественный центр; благодаря ее названию и присутствию громких имен, она привлекла к себе общее, притом сочувственное, внимание. Наконец, Вы дали ей деньги и даже идеи». Однако все это не пошло впрок: «Не оттого, чтобы они не умели работать или не хотели работать; а просто потому, что ни в коллективе, ни в отдельных лицах не оказалось запаса мыслей, которые бы освещали существующий хаос новым светом, представляли бы что-либо внушающее интерес; винить за это никого не приходится; но и надеяться на них после этого невозможно»[85].

Не в меньшей степени, чем содержание (точнее, его отсутствие) деятельности Исполнительной комиссии, Маклакова возмущала ее «форма». «Учредилка» наняла роскошное помещение за 50 тыс. фр. (Авксентьев говорил послу в Париже, что на самом деле они заплатили 30 тыс. фр., так как здание, в котором квартировала Исполнительная комиссия, находилось не в самом престижном районе; но в данном случае впечатление играло не менее важную роль, чем действительная стоимость аренды). Исполнительная комиссия «заказала великолепную мебель с мягкими кожаными креслами и диванами. Авксентьев сидит в кабинете величиной с посольскую гостиную, за громадным столом из красного дерева. Остальные в таких же хоромах. На службе у них с хорошими окладами все знакомые лица, которые когда-то служили в посольстве и Совещании. Если бы дела наши шли блестяще, то и тогда вопрос, на какие деньги все это делается. Теперь же этот вопрос ставится особенно остро»[86].

«Особенно остро» вопрос встал в связи с уже упоминавшимися нападками В.Л. Бурцева на Бахметева. Бурцев ставил послу в

Вашингтоне в вину — и не без оснований, — что тот государственными деньгами поддерживает партийное дело. «Шерлок Холмс русской революции», некогда разоблачивший Азефа, сумел раздобыть счета за мебель, заказанную «Учредилкой», и копии телеграмм, которыми обменивались учредиловцы с Бахметевым. Маклакову удалось остановить кампанию на страницах бурцевского «Общего дела». Однако более общий вопрос, стоит ли «учредиловская» овчинка выделки, настоятельно требовал ответа. Тем более что негативную информацию о деятельности Исполнительной комиссии Бахметев получал не только от крайне скептически настроенного посла в Париже, но и от другого авторитетного для него лица, во многом антагониста Маклакова — князя Львова.

Впечатления Львова от деятельности Исполнительной комиссии подтверждали худшие опасения Бахметева. Он был вынужден признать, что из Исполнительной комиссии Учредительного собрания «вышло очень мало».

«У меня были большие надежды, — писал он Львову спустя пять месяцев после создания «парижской Учредилки». — Я думал, что им удастся создать авторитетный заграничный центр третьей России и положить начало новому национально-демократическому объединению; для меня всегда была интересна не коалиция старых партий, а те живые дрожжи, которые были заложены в идеях и направлении мысли. Я до сих пор считаю, что все идеи эти правильны и что будущие деревья вырастут — но только, по-видимому, не из этого семени»[87].

Говоря о «злобствованиях и пересудах», которыми «занимаются наши мракобесы по поводу моих переводов», обычно хладнокровный Бахметев выходил из себя:

> Если их смущает моя помощь «новой политике», то пусть они не забывают, что вся эта помощь составляет ничтожную долю тех затрат, которые вашингтонское посольство произвело в прошлом на беженцев и на самого Врангеля. Отчего Бурцев не вспомнит, на какие, в конце концов, средства существует его «Общее дело»[88]? Отчего бы... и другим не коснуться вопроса — какая часть 200 000 долл., которые были нами в декабре непосредственно перечислены Нератову в ответ на отчаянные телеграммы, была израсходована на беженцев? Не эти ли деньги питают до сих пор военную организацию в Константинополе и на островах, русский совет и военное представительство в Европе? Отчего, наконец, на дело расселенных в Сербии — спасение русской армии — не обращаются

все те средства, которые в свое время были розданы на руки разным специальным представителям и военачальникам?[89]

Свои подозрения Бахметев не обнародовал и писал о них доверенным лицам, возможно полагая, что в эмигрантской среде, где рано или поздно всё всем становится известно, его инвективы дойдут до его критиков. Которые, вполне вероятно, существовали за счет тех самых средств, которые посол перевел в Константинополь. Он подчеркивал, что все его ассигнования «Учредилке» и «Последним новостям» по сравнению с переводами на «беженцев Врангеля» составляют «ничтожную сумму» — и «не Бурцеву и врангельцам» ставить ему это в упрек[90].

Как бы то ни было, полгода спустя после созыва Совещания членов Учредительного собрания Бахметев решил прекратить финансирование «Учредилки», поскольку «как положительный фактор она пока почти не сыграла роли и в общем провалилась». С присущей ему самоуверенностью Бахметев писал, что «Учредилка могла много сделать, если бы осуществила хотя бы те скромные советы, которые я давал. Этого не произошло; из семени баобаба дерева не выросло». Причины этого посол усматривал «отчасти в людях; скорее в том, что еще не созрело время». В то же время Бахметев считал «несомненным фактом», что «если в какой-нибудь организации или группировке хотя бы в минимальной мере сохранялось сознание и понимание истины, зачатки правильной психологии и подхода к вещам, то это было только в Учредилке... Я менее, чем когда-либо, буду защищать детище, которому я сам же дал меч в руки; но принужден сказать, что, как оно ни было плохо, все другое было еще хуже»[91].

Летом 1921 г. Бахметев решил прекратить финансирование европейских политических начинаний, так же как сократить, если вовсе не прекратить переводы Финансовому совету на помощь беженцам. Прежде всего это объяснялось сокращением свободной наличности, находившейся в распоряжении посольства, отчасти — разочарованием в результатах деятельности спонсируемых Бахметевым благотворительных и политических организаций. К тому же ему казалось, что «европейцы» придерживают какие-то суммы «на черный день», предпочитая жить за счет «Америки». «Американская касса пришла к концу и никаких международных возможностей, которые можно было бы считать серьезными и действительными, налицо не имеется», — писал он кн. Львову[92]

«Американский дядюшка "истощился"», — информировал посол Бернацкого[93].

Однако, несмотря на эти декларации, Бахметев продолжал еще некоторое время финансировать Исполнительную комиссию и время от времени оказывать поддержку другим политическим организациям. Тем более что «Учредилка» как будто учла его критику, и наиболее, по-видимому, близкий политически в тот момент к Бахметеву Милюков снабжал посла оптимистической информацией. По его словам, «Учредилка» «встряхнулась, после Ваших предостережений мы сократили свой бюджет, отказываемся понемногу от академических форм деятельности в комиссиях и все больше проявляем себя вовне». По мнению Милюкова, по сравнению с другими эмигрантскими организациями «Учредилка», «если бы даже она ничего не делала, все же занимала бы единственное живое место среди этих тлеющих мертвецов»[94]. «Ваше детище выросло, возмужало, и, я думаю, скоро Вы найдете, что оно заслуживает не придушения, а дальнейшей поддержки», — писал послу Милюков ранней осенью 1921 г.[95] Разумеется, Милюков был лицом заинтересованным — он принимал самое активное участие в деятельности Исполнительной комиссии и, по его словам, все в большей степени направлял эсеров «на путь истинный». В то же время его мнение, мнение человека, наиболее четко сформулировавшего принципы «новой тактики», которые разделял посол, было весьма авторитетным для Бахметева.

В сентябре Милюков напомнил Бахметеву, что бюджет Исполнительной комиссии, сокращенный после указаний посла, иссякает в конце октября. «А между тем дело, как я писал Вам, разрастается. Мы обрастаем разными предприятиями, пускаем щупальца, устанавливаем связи, и уйти с поля действия в такой момент было бы очень печально». Милюков просил Бахметева разбронировать «остальную сумму»[96]. Очевидно, деньги были разбронированы, иначе вряд ли Милюков и Авксентьев смогли бы совершить четырехмесячное турне по США, а Исполнительная комиссия — протянуть еще несколько месяцев.

Бахметев, несмотря на то что сообщил Чайковскому о прекращении финансирования его организации в июне 1921 г., в конце июля того же года перевел Центру действия «ликвидационные» 100 тыс. фр.[97] Однако организация не была ликвидирована, и, более того, в начале 1922 г. Бахметев вновь перевел в распоряжение Чайковского некоторую — видимо, немалую — сумму. Во всяком

случае, Чайковский писал послу, что перевод «дает нам возможность не только продолжать начатую работу, но и предпринять некоторые новые шаги, отвечающие запросам времени»[98].

В октябре 1921 г. делегаты Исполнительной комиссии Авксентьев и Милюков отправились в США в поисках моральной и материальной поддержки. Их поездка была приурочена к Вашингтонской конференции, на которой обсуждались проблемы ограничения морских вооружений и некоторые «тихоокеанские вопросы». По сути дела, речь шла об ограничении японской экспансии на Дальнем Востоке, в чем были крайне заинтересованы российские представители, как, впрочем, и американцы. Возможно, поэтому заявления и интервью Милюкова и Авксентьева появлялись на страницах влиятельных американских газет. Так что с точки зрения «морально-политической» миссия выглядела успешной. Однако «этого нельзя было сказать о ее материальных результатах: парижские аргонавты вернулись с пустыми руками»[99]. Бахметев уподоблял себя садовнику, поливающему «посеянное семя баобаба». Поливал, точнее, посыпал он его деньгами. Как только деньги кончились, семя зачахло. Исполнительная комиссия самоликвидировалась, а планировавшееся второе Совещание членов Учредительного собрания так и не было созвано.

В целом политические «инвестиции» Бахметева оказались не слишком удачными. Задним числом он сожалел о деньгах, потраченных на кампанию во французской прессе: «Смотря ретроспективно, приходится признать, что по общей мировой обстановке вряд ли можно придавать практическое значение той или иной ориентации французской прессы. Но печалованием не поможешь, дело сделано»[100]. Мало проку оказалось и в поддержке комитета Моркотуна, не пользовавшегося серьезным влиянием. Но наибольшим — и наиболее дорогостоящим — разочарованием оказалась «Учредилка». Очередной суррогат «национально-демократической России» оказался не более чем суррогатом. Оставалось наблюдать за происходящим в России. И ждать краха большевизма. Который казался столь же скорым, сколь и неотвратимым.

Финансовый совет

Обратимся, однако, к истории Финансового совета. В его деятельности, как в зеркале, отразились проблемы русской эмиграции в наиболее сложный, начальный период ее существования — 1921—

1924 гг. Финансовый совет функционировал, как нам удалось установить, с 8 февраля 1921 г. по 14 июня 1924 г. Всего было проведено 95 заседаний, на которых принимались решения об ассигновании средств на те или иные нужды. Источником этих средств были по преимуществу остатки сумм, вырученных некогда в результате колчаковских «золотых займов».

Ко времени образования Финансового совета на счетах Финансового агентства в Лондоне, возглавлявшегося ранее Заменом, числилось 147 560 ф. ст. Однако большинство сумм было связано и в распоряжение Финансового совета поступило 56 264 ф. ст. 15 шиллингов 10 пенсов. Из различных источников (от продажи имущества военного ведомства, оплаченного, но не отправленного в Крым угля и др.) поступило 77 673 ф. ст. 12 шиллингов

Таким образом, в свободном распоряжении Финансового совета имелось за время его существования 133 938 ф. ст. 7 шиллингов 10 пенсов.

В тот же период Бахметевым и Угетом были переведены в Европу 1 млн 356 тыс. долл., из которых 556 тыс. долл. — на заранее оговоренные цели, а остальные суммы пошли на образование различных фондов в распоряжении Финансового совета. К.К. Миллером из средств, хранившихся в Японии, было предоставлено до 1923 г. — 63 430 ф. ст. (здесь и далее опущены шиллинги и пенсы); на первую половину 1923 г. перебравшийся в Европу Миллер на гуманитарные цели предоставил 1 201 752 фр. С июля 1923 г. по июнь 1924 г. им было предоставлено на сметные ассигнования гуманитарным организациям — 2,4 млн фр., на сверхсметные надобности — 150 тыс. фр. и добавлено еще из образовавшейся у него экономии из-за разницы курсов — 126 тыс. фр., а всего — 2 млн 676 тыс. фр.

Средства, находившиеся в распоряжении Финансового совета, тратились по трем основным статьям: на помощь беженцам, на культурно-просветительные цели и на пособия, для чего были образованы специальные фонды. Всего за время деятельности Финансового совета им было ассигновано различным организациям (прежде всего Земгору и Красному Кресту) и израсходовано непосредственно 388 999 ф. ст. и 3 860 742 фр. Сюда не включены суммы, переведенные из США целевым назначением на расселение армии на Балканах.

Наибольшие суммы пошли на нужды беженцев — 246 814 ф. ст. и 3 832 562 фр.; на нужды эвакуированной армии и на помощь во-

инским чинам — 103 275 ф. ст. (без учета сумм, переведенных Бахметевым и Угетом целевым назначением) и 25 180 фр.[101]

Это, так сказать, итоговая бухгалтерия. Нам удалось обнаружить 48 протоколов заседаний Финансового совета и извлечения еще из двух. На заседаниях принимались решения иногда об ассигновании миллионов франков, иногда — совсем небольших сумм. Протоколы отчетливо демонстрируют, как постепенно — употребим банальное, но точное сравнение: подобно шагреневой коже, — сокращались находившиеся в распоряжении дипломатов средства. Эти документы лишь отчасти отражают кипение страстей, борьбу интересов различных эмигрантских организаций, за которыми стояли судьбы десятков тысяч изгнанников. Приведем для примера один из типичных протоколов:

Совершенно секретно
ПРОТОКОЛ № 18
заседания Финансового Совета 25-го апреля 1921 года.
Присутствовали:
Председатель: М.Н. Гирс
Члены Совета: М.В. Бернацкий
Князь Г.Е. Львов
Слушали:

1) Доклад М.В. Бернацкаго о состоянии имеющихся в распоряжении Финансоваго Совета средств, из которого усматривается, что, за исключением забронированных фондов, свободная наличность, которой мог бы располагать Финансовый Совет, при своих ассигнованиях, выражается в сумме 75 000 фунтов, или около 3 1/2 миллионов франков.

Постановили:

1) Принять к сведению.

Слушали:

2) Заслушано сообщение об основаниях, на которых Сербское Правительство согласилось бы принять эвакуированных из военных лагерей русских граждан.

Постановили:

2) Ассигновать для передачи Сербскому Правительству полтора миллиона (1 500 000) франков и просить М.Н. Гирса выяснить через Российского Посланника в Белграде, рациональнее ли, имея в виду желательность переезда в Сербию наибольшего количества лиц, отпустить эту сумму единовременно или же равномерными частями в течение 3-х месяцев.

Переходя далее к источнику, из которого имеет быть произведено помянутое ассигнование, Финансовый Совет полагал просить М.Н. Гирса использовать для этой цели суммы, находящиеся в его распоряжении и переведенные из Японии.

Слушали:

3) Доложено ходатайство Красного Креста о необходимости ассигновать в срочном порядке некоторой суммы, в счет сметы на май, июнь и июль месяцы.

Постановили:

3) Ассигновать двести пятьдесят тысяч (250 000) франков.

Слушали:

4) Доложено о необходимости ассигнования некоторых пособий: 1) для воспитания двух детей Генерала Корнилова, находящихся в Бельгии; 2) вдове Генерала Романовскаго и 3) Генералу Шапрону дю Ларре, одному из основателей Добровольческой Армии.

Постановили:

4) Ассигновать: 1) на воспитание детей Генерала Корнилова[102], в течение 6 месяцев, начиная с 1-го мая, девять тысяч шестьсот (9600) франков, 2) вдове Генерала Романовскаго три тысячи (3000) франков и 3) Генералу Шапрону дю Ларре три тысячи (3000) франков.

Слушали:

5) Доложено ходатайство Генерала Миллера об ассигновании 15 000 франков на содержание офицерского общежития в Париже, в течение 2 месяцев.

5) Отклонено.

Слушали:

6) Доложено письмо Б.А. Бахметева о желательности оказания материальной поддержки Адмиралу Веселаго[103].

Постановили:

6) Ассигновать единовременное пособие в одну тысячу пятьсот (1500) франков.

Слушали:

7) Заслушано ходатайство Карпато-Русского Комитета об оказании материальной помощи.

Постановили:

7) Отклонено, за недостатком средств[104].

Как всегда бывает в тех случаях, когда денег мало, на них претендуют разные лица и организации, расходы нередко производятся в спешке, не выработаны четкие правила использования средств

и отчетности, да к тому же причастные к этому люди придерживаются разных политических взглядов, — возникало множество недоразумений, обид, взаимного недопонимания и обвинений.

Маклаков признавался главному спонсору Финансового совета Бахметеву:

> Ошибки, конечно, были. Вы не один раз правильно нас за них упрекали; наша безбюджетность, доверчивость к учреждениям, которым давали деньги, — все это ошибочные шаги, в которых повинен и я; если бы надо было в них оправдываться, я мог бы привести только психологические оправдания; в то время, когда мы начали расходование этих денег, никто не представлял, что мы будем жить только на эти деньги, и будем жить на них более года; все рассчитывали на иные получки и уверены были, что не пройдет нескольких месяцев, как наша деятельность прекратится. Один Земский Союз поэтому представлял нам сметы, которые за один месяц превышали годичный бюджет. Несоответствие между тем, что надо было тратить, и тем, что у нас имелось, было столь разительно, что мы жили в атмосфере назревающего краха, когда вперед не заглядывают[105].

Выдача пособий неизбежно носила характер «усмотрения»; иногда особам «понахрапистей» удавалось получить казенных денег несколько больше, чем другим. Особенно в этом преуспела вдова адмирала Колчака С.Ф. Колчак, страдавшая изрядной безалаберностью в денежном отношении. Еще по решению Делегации до 1 января 1922 г. ей выдавалась пенсия в размере 100 ф. ст. в месяц. Тем не менее она обратилась в Финансовый совет с просьбой обеспечить сына, несмотря на то что в 1922 г. ей должна была выдаваться пенсия в размере 3000 фр. в месяц из средств генерала Н.Н. Юденича, а в 1923 г. в таком же размере — из средств военно-морского агента во Франции капитана 1-го ранга В.И. Дмитриева. На основании этого Финансовый совет счел возможным отложить решение по ходатайству С.Ф. Колчак[106].

Когда выяснилось, что для воспитания сына адмирала Колчака Дмитриевым образован фонд в 36 тыс. фр., Финансовый совет ходатайство вдовы отклонил. «Вместе с сим, имея в виду выраженное в письме С.А. Угета пожелание образования фонда, в котором участвовал бы также и К.К. Миллер для обеспечения семьи адмирала Колчака, Совет признал желательным довести до сведения С.А. Угета и К.К. Миллера, что означенному фонду необходимо придать более

широкое назначение, а именно помощь не только семье адм. Колчака, но и семьям всех главнейших деятелей гражданской войны: генералов Корнилова, Алексеева, Романовского и Маркова»[107]. Между делом, получая 100 ф. ст. в месяц (для сравнения — в момент назначения ей пенсии месячный оклад министра иностранных дел С.Д. Сазонова составлял 125 ф. ст.), неугомонная вдова успела пожаловаться Бахметеву на то, что ей «перестали помогать». «Не знаю, что ее побудило обратиться ко мне, — писал посол в Вашингтоне Макарову, — тем более что я, кажется, был под "сомнением" и, во всяком случае, был не в милости у Верховного правителя. Само собой, я немедленно помог ей в пределах возможности, так как я глубоко и свято чту память и деятельность всех искренно и честно положивших свою жизнь за национальное дело, независимо от того, удачно или неудачно кончались их начинания»[108]. Бахметев не подозревал, что причина обращения к нему Софьи Федоровны была проста — она просила денег у всех, у кого они были.

Вдовы военачальников, погибших во время революции и Гражданской войны, были не единственными реципиентами финансовой помощи со стороны дипломатов. Из средств Российского посольства в Париже, затем в Вашингтоне выплачивалась пенсия вдове адмирала С.О. Макарова, которая жила в Ницце. Финансовый совет выделил также скромное пособие княгине Шаховской, дочери фельдмаршала Д.А. Милютина[109].

Денег, конечно, остро не хватало. По расчетам Земгора, на помощь беженцам требовалось ежемесячно около 8 млн фр. Финансовый совет мог лишь констатировать «полное несоответствие имеющихся, в настоящее время, в наличности средств у казны с той потребностью, которая заявлена Земским и Городским Комитетом». Совет в поисках дополнительных средств считал необходимым «принять возможно энергичные меры к реализации некоторых казенных активов». Правда, казенное имущество, в частности, суда находились под контролем французского правительства, и Совет просил князя Львова вступить с ним в переговоры с тем, чтобы вырученные от продаж средства были направлены на оказание помощи беженцам. Совет решил также связаться с торговым агентом в Лондоне А.С. Остроградским «для ускорения начала ликвидации находящихся в Лондоне казенных товаров: шерсти, табаку, вина и поташа»[110].

Оба источника оказались малоперспективными. Во-первых, казенного имущества, представлявшего коммерческую ценность,

оставалось не очень много, во-вторых, французское правительство предпочитало компенсировать за счет его продаж средства, потраченные им на содержание беженцев крымской эвакуации. Что же касается Остроградского, то он заявил, что будет передавать деньги, вырученные от продажи находящихся под его контролем товаров, непосредственно Врангелю.

Совет послов и Земгор: деньги и политика

Дипломаты, не имевшие ни достаточного опыта, ни специального аппарата для распределения средств, были рады переложить эти заботы на плечи Земгора. Заботам Земгора были поручены казенные грузы, вывезенные в свое время из Новороссийска в Швецию; через Земгор было решено перевести 20 тыс. ф. ст. в Константинополь на помощь армии. Земгору должны были быть переданы 75 тыс., «которые имеют поступить из Соединенных Штатов». «В целях объединения отчетности» на счета Земгора был зачислен 1 млн фр., полученный различными общественными организациями из США после публикации в январе 1921 г. воззвания о помощи русским беженцам. На «заключение» кн. Львова передавалась смета другой благотворительной эмигрантской организации — Российского общества Красного Креста[111]. Финансирование деятельности Красного Креста также поначалу осуществлялось через Земгор[112].

Аппарат Земгора предполагали использовать не только для помощи беженцам, но и для поддержки восставших против советской власти в России. Надежды на скорое падение власти большевиков возникли в связи с восстанием в Кронштадте в марте 1921 г. В распоряжение кн. Львова было переведено 100 тыс. фр. «для нужд восставших против советской власти в Пскове и его районе»; Земгору было также ассигновано 400 тыс. фр. из остатка от сумм, предоставленных в распоряжение Финансового совета Б.А. Бахметевым. Последнюю сумму предполагалось направить на закупку продовольствия для освобожденных от советской власти районов[113].

Однако идиллия в отношениях Совета послов и Земгора вскоре кончилась. Военные возмутились тем, что миллион франков, предназначавшийся беженцам крымской эвакуации, застрял в земгоровских структурах. Финансовый совет потребовал от кн. Львова объяснений, а по получении признал их неудовлетворительными

ми, сочтя, что порядок расходования средств «не вполне отвечал предположениям, имевшимся в виду в заседании Финансового совета»[114].

Дипломаты, так же как и лидер Земгора, считали необходимым перевод армии на беженское положение. Послы, как будто противопоставившие себя Врангелю, придерживались разных политических взглядов и, соглашаясь в принципе с необходимостью перевода армии на беженское положение, весьма различно оценивали сроки, в какие это будет возможно сделать. Самый правый член Совета послов Гирс был, пожалуй, наиболее лоялен по отношению к генералу и его армии. Не был категоричен и Маклаков, хотя его отношение к Врангелю резко изменилось — от безоговорочной поддержки и даже восхищения после поездки в Крым в сентябре 1920 г. до признания генерала авантюристом, когда выяснилось, что его заявления о неприступности Крыма были блефом.

На скорейшем окончании врангелевской эпопеи настаивали Бахметев и Львов. Однако если Совет послов хотел осуществить операцию по переводу армии на беженское положение достаточно мягко, то Львов, выражавший в данном случае мнение левого крыла эмиграции, стремился «ликвидировать» врангелевское воинство как можно скорее. Простейшим способом было сокращение финансирования, на чем постоянно и настаивал князь[115]. Львов жаловался Бахметеву, самому левому из послов, на «нетвердость» «политического направления Совещания послов в вопросе об армии» и сетовал на то, что никакого ясного заявления о его политической позиции сделано не было. Бахметев соглашался, что «вредный реакционный характер всей организации, окружающей Врангеля, выяснился с полной очевидностью», и считал, что «сохранение этой организации представляет собой серьезную политическую опасность»[116].

Армия Врангеля, несмотря на признание дипломатами безнадежности попыток ее сохранения, а также беженцы крымской эвакуации оставались основными реципиентами помощи как со стороны Финансового совета, так и хранителей государственных средств в США и Японии. Бахметев к июню 1921 г. перевел — как напрямую, так и через Финансовый совет — на «беженцев Врангеля» 1,3 млн долл. «Недурненькая сумма, в общем брошенная в воду, так как мы сейчас стоим у того же разбитого корыта, где стояли в декабре», — комментировал он положение в письме к Маклакову[117].

Однако же и наиболее внушительные, по сравнению с другими, фонды вашингтонского посольства быстро иссякали. После ассигнований на «различные нужды Европы» и за вычетом сумм, связанных обязательствами по отношению к американским учреждениям, к середине июня 1921 г. в распоряжении посольства оставалось, по словам Бахметева, «несколько сот тысяч долларов». «За эти деньги я уцеплюсь зубами», — заявлял посол[118].

В ответ на очередную просьбу Гирса о переводе денег Бахметев писал ему 27 сентября 1921 г.:

> Посольство вполне сознает трагичность создавшегося положения, но мы бессильны помочь. Вам известны наши денежные обстоятельства... мы сделали последние усилия и перевели все, что мы могли, оставив в распоряжении представительства самые незначительные средства, необходимые для поддержания работы, хотя бы в сокращенных размерах, примерно в течение года...
>
> Мысль холодеет при представлении о том, что будет с беженцами, особенно теперь, когда сократил свою работу американский Красный Крест. Но, может быть, именно в момент подхода к роковой черте Европа примет необходимое решение. Я по-прежнему считаю, что единственный практический путь это — наметить и разработать исчерпывающий план расселения и затем добиваться ассигнования на выполнение этого плана как на окончательную ликвидацию вопроса. Если Европа ассигнует что-либо на такой план, может быть, удастся получить что-либо и от Америки. Пока же, как было по преимуществу до сих пор, деньги тратятся на поддержание существующего положения, вопрос, по крайней мере здесь, будет оставаться безнадежным[119]

Напряженность в отношениях между Советом послов и Земгором, возникшая вследствие различного понимания методов расходования и учета средств, усугублялась непростыми личными отношениями между Маклаковым и Львовым, не испытывавшими, мягко говоря, теплых чувств друг к другу. Маклаков не мог забыть князю, что тот в бытность председателем Временного правительства провел на обещанные ему посты своих людей. Маклаков, фигурировавший в нескольких списках будущего правительства в качестве министра юстиции, уступил эту должность А.Ф. Керенскому (что можно было объяснить необходимостью политического компромисса с Советом рабочих и солдатских депутатов, заместителем председателя которого был Керенский). Однако, будучи избран-

ным председателем Юридического совещания, Маклаков по просьбе Львова уступил этот пост Ф.Ф. Кокошкину, которому он был обещан ранее. Львов предложил Маклакову «взамен» должность председателя Совещания по выработке положения о выборах в Учредительное собрание, однако в итоге и этот пост достался Кокошкину[120]. К тому же «законника» Маклакова смущало слишком вольное, как ему казалось, обращение Земгора с казенными деньгами.

Внутренние конфликты в Финансовом совете отразились в переписке, которую вели с Бахметевым Маклаков и Львов. Маклаков был интеллектуально, вероятно, самым близким к Бахметеву человеком. Они сдружились во время пребывания Бахметева в Париже в период Мирной конференции и вели откровенную и интенсивную переписку[121]. С другой стороны, политически Бахметеву из «парижан» был ближе всего Львов. Бахметев искренне восхищался личностью Львова и даже усматривал в нем нечто близкое к святости.

Параллельное чтение переписки Бахметева с Львовым и Маклаковым дает «стереоскопическую» картину происходившего в «верхах» русского Парижа. Маклаков, анализируя итоги деятельности «львовского комитета» за три месяца, пришел к выводу, что Земгор сохранил все черты, свойственные этой организации в дореволюционное время, — искусство получать деньги и не давать в них отчета; уклонение от безраздельной ответственности в какой бы то ни было отрасли, что давало ему возможность приписать достижения себе, а недостатки свалить на кого-нибудь другого; партийный подбор персонала; «кормление около них разнообразных представителей общественности». «Ничего не изменилось с тех пор, — констатировал Маклаков, — относительно нас эта организация продолжает прежнюю политику: вытянуть у нас все деньги, какие возможно, не давая в них отчета»[122].

Маклаков стал нарушителем спокойствия, заявив, что уйдет из Совещания послов, если прежняя система ассигнований будет продолжаться. Гирс и Маклаков устроили с Львовым «частное совещание», потребовав от него отчета. Наконец отчет был представлен. Оказалось, что из пяти с лишним миллионов франков, переданных к тому моменту Земгору, было израсходовано менее двух; что из первого миллиона франков, переданного для отправки на Балканы, на самом деле было отправлено 400 тыс., а остальная сумма пока что находилась в кассе Земгора; что питанием и медицинской

помощью беженцам занимаются французские власти и Красный Крест (причем расходы Красного Креста включаются в увеличенном размере в смету Земгора); что Земгор занимается преимущественно «невесомой» культурно-просветительной деятельностью, трудовой помощью, выдачей ссуд и т.п.[123]

Маклаков оговаривался, что не обвиняет земгоровцев в расхищении казенных сумм (хотя не исключал отдельных злоупотреблений). Однако он указывал на нерациональные траты денег, нередко направленных на удовлетворение нужд самого Земгора. Так, Земгор с целью «трудовой помощи» приобрел типографию, что позволило трудоустроить 12 человек. Главным мотивом была, по мнению Маклакова, необходимость «пристроить какого-нибудь Т.И. Полнера». Маклаков подчеркивал, что использует имя Полнера, ближайшего сотрудника (и будущего биографа) кн. Львова, «как нарицательное». Другой, еще более разительный пример — приобретение Земгором имения, по слухам, за 300 тыс. фр., которое должно было стать «колонией» для земских служащих. Когда Маклаков попросил Львова разъяснить эту «сплетню», то оказалось, что это вполне реальный план, а средства на покупку будут взяты из собственных средств Земгора. «Но их собственные деньги — это остатки от прежних ассигнований», — негодовал Маклаков. Львов согласился, что покупка имения несвоевременна, и заверил посла, что это всего лишь проект, далекий от осуществления[124]. Заметим, что вскоре имение было все-таки куплено, что доставило Земгору и лично Львову массу неприятностей.

Финансовый совет с апреля 1921 г. изменил порядок финансирования, предложив, чтобы сметы представлялись Земгором и Красным Крестом совместно, «с полным согласованием расходов». Это означало, что деньги будут теперь направляться Красному Кресту непосредственно, а не через Земгор[125].

Львов жаловался Бахметеву на послов, намекая, что за спорами по финансовым вопросам скрываются политические разногласия. «Я чувствую, что Вам иногда трудно в Финансовом совете, — писал Бахметев князю в апреле 1921 г., — и не только по делам чисто практического характера, где наш друг Васенька придумывает всяческие юридические затруднения — таков характер этого баловня судьбы, — но и подчас по соображениям политического свойства»[126].

Бахметев соглашался с мнением Львова «относительно последней фазы врангелианской эпопеи»: «Давно в России не было ни-

чего более жалкого и бесполезного». Ультиматум, предъявленный Врангелю французскими властями, требовавшими немедленного перевода армии на беженское положение под угрозой прекращения выдачи продовольственных пайков, подтверждал предсказание Бахметева, что «если мы сами не возьмем в свои руки ликвидацию армии, то ликвидация эта будет совершена катастрофическим порядком самими державами, без нашего согласия». «Не знаю, во что практически выльется вся эта эпопея, — заключал Бахметев, — но хочу надеяться, что наши образумятся»[127].

Львов стремился устранить посредничество Финансового совета и получать деньги от Бахметева напрямую. Маклаков, в свою очередь, предостерегал против этого своего коллегу в Вашингтоне. Подчеркивая, что в Земгоре «нет растрат и злоупотреблений в прямом смысле», Маклаков усматривал в деятельности львовской организации «кумовство, швыряние деньгами, лицеприятие и все то, что среди голодающей и обозленной публики дает повод говорить о панаме»[128].

Бахметев, однако, вполне справедливо возложил ответственность за создавшуюся ситуацию не только на Земгор, но и на Финансовый совет, недоумевая, почему не были сформулированы четкие правила предоставления отчетности, каким образом были потрачены за четыре месяца все переведенные им 400 тыс. долл. и т.п. Бахметев сознавал, что Земгор «разделяет участь всех других русских организаций и не обладает особой действенностью и хозяйственностью», и признавал обоснованность критики деятельности Земгора Маклаковым. Однако задача послов — «не обвинять только, — полагал он, — а делать практическую работу». В качестве практической меры Бахметев потребовал, чтобы дальнейшие ассигнования утверждались только с его согласия, и настаивал на «бюджетно-отчетном ведении финансового хозяйства»[129].

Львов, в свою очередь, в письмах к Бахметеву обвинял послов в «самокормлении». Он сетовал на «обильный душ грязного дождя из черной тучи Гучкова, Маклакова и Ко», который ему приходится принимать. «И обидно же мне и больно соединять эти два имени вместе, но что же делать — такова действительность. Дошел Вася до уровня Гучкова»[130].

Однако Бахметев остался тверд и в отношении дополнительных ассигнований («В течение долгого времени у нас не будет источников иностранной валюты, и потому те крохи, которые остались, надо беречь, как зеницу ока»[131]), и в том, что финансирование и

координация помощи беженцам должны осуществляться через коллегию дипломатов: «Я вижу признаки развала и разложения и прихожу к заключению, что те постройки, которые были созданы в Париже, в значительной мере при моем содействии, оказались непригодными для жилья. Париж, если не вся русская Европа, представляется мне, в значительной мере, разбитым корытом, и я нахожусь в большом затруднении — как дальше действовать? — Трагичность вопроса для меня заключается в том, что, по целому ряду формальных и политических соображений, я не вижу возможности возведения иной конструкции, помимо той, которую мы создали в виде Финансового совета при посредстве Совета послов. Я не могу сойти с этого пути»[132].

Через две недели Бахметев вновь подтвердил свою приверженность «конституции», выработанной при его участии в Париже:

> Я очень хорошо сознаю недостатки действующих учреждений и практические минусы той организации, которую с таким трудом удалось создать во время моего пребывания в Париже. Но, считаясь с обстоятельствами, я не вижу никакого иного исхода. Необходим известный легитимизм и нет возможности придумать какой-либо другой орган, который более авторитетно и с большим правом представлял бы собою политический и административный финансовый центр[133].

Земгор подвергся критике не только внутри Финансового совета, но и извне — со стороны Объединения земских и городских гласных во Франции, созданного правыми в качестве альтернативы львовскому Земгору. Объединение возглавлялось кн. Н.Б. Щербатовым, видную роль играл А.И. Гучков. Щербатов обратился к Гирсу с требованием направлять деньги непосредственно русским благотворительным организациям, минуя Земгор, «совершенно лишнюю инстанцию, на расходы по содержанию которой уменьшаются ассигнования на помощь беженцам». Он также требовал провести проверку расходования средств В.В. Вырубовым, управлявшим делами земских организаций за границей и получившим в 1919—1920 гг. от Русского политического совещания и Русской политической делегации в Париже значительные средства для помощи беженцам[134].

Гирс отказался пойти на реформирование существующего порядка, мотивируя это тем, что изменение способа ассигнований «в смысле непосредственного заведования Совещанием послов мес-

тными организациями поставило бы Совещание в большое затруднение». Он сообщил также, что ревизия отчетности Вырубова представителями государственного контроля никаких остатков на его счетах не выявила[135].

Последнее соответствовало действительности. Проводившие ревизию расходов Вырубова с 3 сентября 1919 г. по 1 декабря 1921 г. Н. Савич, Н. Ренненкампф и С. Сабин в итоговом акте от 22 января 1922 г. констатировали, что всего в приходе значилось 1 961 022 фр. 15 сантимов и 28 830 ф. ст. 5 шиллингов 5 пенсов. Однако ввиду того что в документах не говорилось, каким организациям и сколько средств причиталось, по словам ревизоров, «судить о правильности произведенного В.В. Вырубовым разассигнования не представляется возможным, само же производство расходов... подтверждается справками и расписками соответствующих учреждений в получении от В.В. Вырубова сумм в том размере, как то показано в отчете»[136].

Отдельно говорилось о расходах на покупку и эксплуатацию имения Domaine des Marronniers в департаменте Жиронда в размере 197 644 фр. 80 сантимов, причем подтверждалось, что «как само имение, а также и документы переданы в ведение Земско-Городского комитета»[137].

Страсти, кипевшие вокруг расходования казенных денег, и борьба различных организаций за контроль над ними, так же как весьма вольная трактовка руководством Земгора способов и сроков их расходования, не должны заслонять огромной работы, проделанной земгоровцами в деле помощи беженцам. Так, в мае 1921 г. Земгор оказывал помощь беженцам «Константинопольской группы», а также русским изгнанникам в Сербии, Болгарии, Германии, Франции, Тунисе, Финляндии, Польше, Греции, Эстонии, Швейцарии, Англии и на Корсике. Помощь варьировалась от содержания бань и прачечных в армейских лагерях Галлиполи, на Лемносе и в Чаталдже, содержания ночлежных домов, обеспечения беженцев бесплатным питанием, одеждой и обувью — до организации швейных мастерских, трудовых артелей и земледельческих колоний, юридической помощи, содержания школ и училищ, выдачи стипендий и субсидий учащимся. Всего на указанную выше деятельность в мае 1921 г. Земгор ассигновал 1 556 017 фр., полученных им, в свою очередь, от Финансового совета[138].

Земгор в поисках денег: американский вояж князя Львова. Ликвидация Финансового совета. Конец «львовского периода»

Земгор не только надеялся на получение средств от Совета послов, но и сам предпринимал кое-какие шаги для того, чтобы раздобыть их «на стороне». В октябре 1921 г. Львов и Т.И. Полнер отправились в США с целью заняться сбором средств и постараться получить деньги, переведенные за океан в период Первой мировой войны Всероссийским Земским союзом для обеспечения оплаты заказов.

В 1918 г. на часть этих сумм было наложено судебное запрещение по иску фирмы «Гастон, Вильямс и Вигмор» в Нью-Йорке для обеспечения причитающихся ей платежей. По сведениям американского консула в Москве, фирма имела разрешение на получение со счетов Земсоюза в National City Bank of New York 200 тыс. долл. Представители Земсоюза в США А.Н. Авинов, Р.В. Поляков и Сахновский подали протест, вынудивший банк приостановить платежи. Фирма, в свою очередь, наложила судебное запрещение на производство каких-либо операций с деньгами, на которые претендовала.

В 1921 г. по предложению фирмы было заключено мировое соглашение. В результате «Гастон, Вильямс и Вигмор» получили 200 тыс. долл., а оставшуюся сумму в 247 тыс. долл. (с процентами — 261 тыс.) банк отказался выдать представителям Земсоюза «ввиду неясности положения в России».

Кроме указанной суммы на счетах американского казначейства находилось еще 11 тыс. ф. ст. земсоюзовских денег. В конце 1917 г. на пароходах «Пауни» и «Вологда» в Россию были отправлены оплаченные Земсоюзом 24 грузовика. Ввиду большевистского переворота их отправили из Белого моря в Англию, где продали по распоряжению английского правительства, а деньги передали американскому представителю в Лондоне. Полякову в казначействе этих денег также не выдали, требуя представления доверенности от Земсоюза именно на эту сумму[139].

Львов и Полнер надеялись убедить National City Bank of New York отпустить Земско-городскому комитету на дело помощи беженцам хранящиеся в банке на счету Всероссийского Земского союза деньги. Они намеревались также выяснить возможность привлечения на те же цели денежных средств представителей Земско-

го союза в США. На поездку (они рассчитывали управиться за месяц) Львову и Полнеру было отпущено Земгором 40 тыс. фр.[140]

Посланцы парижского Земгора решили побороться сначала за деньги на счетах правительства, считая, что это может создать прецедент. Львов провел множество встреч на самом высоком уровне, но дело шло к отказу. Однако некий знакомый Львова (вряд ли можно сомневаться, что в деле принял участие Б.А. Бахметев) сообщил о проблеме президенту У. Гардингу, и тот направил письмо министру финансов с просьбой решить вопрос. Министр разрешил выдать деньги представителям Земского союза Авинову и Полякову. Неофициально через Бахметева им было сообщено, что выдача может состояться лишь в том случае, если Авинов и Поляков обязуются немедленно передать всю сумму в распоряжение кн. Львова. Не без некоторого сопротивления со стороны Авинова и Полякова заверения от них были получены, и 20 января 1922 г. Львов и Полнер перевели в Париж 10 тыс. ф. ст.[141]

Задача извлечения денег Земсоюза из National City Bank of New York оказалась гораздо сложнее. Сначала Авинов и Поляков не соглашались выдать обязательство о передаче искомой суммы Земско-городскому комитету, ссылаясь на свою ответственность перед будущим законным Земским союзом. К тому времени, когда их удалось уломать, банк получил два протеста от альтернативных русских земских организаций. Первый — от кн. Щербатова, «председателя Объединения русских земств и городских управлений во Франции». «Решительно протестую против выдачи кн. Львову денег, принадлежащих русскому Земству», — говорилось в его послании. Другой протест прислал Б.Л. Бразоль, председатель Русского национального общества в Америке и представитель Берлинских монархических организаций. Он выступил от имени 220 земских деятелей, живущих в Сербии и якобы представляющих 34 земства, против «самозваной и вредной для беженцев» деятельности парижского Земгора, и в особенности его председателя. Бразоль заявил представителям банка, что выдача Львову земских денег, которых он добивается якобы лично для себя, грозит банку процессом со стороны настоящих земских деятелей. Да и сам банк не рвался отдавать деньги. Львов не стал начинать судебный процесс — шансы на успех были невысоки. Ему не советовал этого делать и Бахметев, считавший, что затевать процесс не в русских интересах. Он не хотел лишний раз привлекать внимание к посольству, представляющему несуществующее правительство[142]. Насколько нам изве-

стно, деньги так и остались в National City Bank of New York, и теоретически, после исчезновения остальных земских организаций, существующий ныне парижский Земгор является их единственным наследником.

Львова принял президент У. Гардинг, который в ходе получасовой беседы сказал, что Америка никогда не забудет услуг, оказанных ей русским флотом во время Гражданской войны между Севером и Югом.

В итоге Львов и Полнер переслали в Париж 10 тыс. ф. ст. и 50 тыс. фр. С учетом «возвращаемой полностью ассигновки» и собранных дополнительно в США 18,5 тыс. фр. чистый доход от поездки составил 568 тыс. фр. Решающую роль в успехе заморской экспедиции сыграл Бахметев, не только обеспечивший встречи Львова с нужными людьми, но и взявший на себя большую часть расходов за пять месяцев (вместо планировавшегося одного) пребывания представителей Земгора в Америке[143].

Со своей стороны, Бахметев чрезвычайно высоко оценил деятельность Львова в США. Посол полагал, что князь «страшно помог» его работе: «в нем видели символ той будущей России, которая американцам так желательна; он их купил искренностью и широким гуманизмом. В течение нескольких лет я пытался вызвать к активной жизни предположения широкой образовательной, медицинской и прочей помощи; благодаря полному отсутствию людей, неспособности буквально ни одного русского в Нью-Йорке оказать какую-нибудь помощь делу, это не удавалось, и вдруг все пошло, зацвело — просто потому, что Львов сумел затронуть необходимые душевные струны»[144].

Правительство согласилось выдать Львову земсоюзовские деньги, как говорили Бахметеву американские чиновники, под влиянием личного обаяния князя. «Львов установил огромные, крайне полезные связи в Нью-Йорке. Одним словом, больше помог русскому делу за три месяца здешнего пребывания, чем все русские люди и организации, вместе взятые, за все время их прозябания»[145].

Маклаков оценивал личность и деятельность князя совсем иначе. «Что он человек честный и, в общем, хороший, которому можно было бы найти место в будущем строительстве России, — я не сомневаюсь», — писал Маклаков в ответ на восторженное письмо Бахметева. «Но в характере Львова при всей честности есть много хитрого, скрытного и иногда прямо лживого, он не предает свои

друзей, но не стесняется с теми, кого в данный момент считает своими врагами или, по крайней мере, не считает своими». Отношения Земгора и Финансового совета испортили, по мнению Маклакова, неискренность Львова и его «непрямая политика». Маклаков досадовал на то, что «тихоня» Львов «обошел» и провел Бахметева, как в свое время умел «обойти» императора Николая II[146].

Отношения между Финансовым советом и Земгором продолжали оставаться прохладными. Денег становилось все меньше. Впрочем, и наиболее острый момент в положении беженцев остался позади.

14 мая 1923 г. Львов направил в Финансовый совет записку, в которой подводил итоги деятельности по обустройству беженцев и формулировал задачи на будущее. С одной стороны, беженские массы в основном были расселены, с другой — Львов констатировал, что помощь в организации предприятий («трудовая помощь»), как правило, заканчивалась ничем, ссуды превращались в безвозвратные субсидии, средства иссякали и т.д. Князь считал, что средства нужно сконцентрировать на наиболее важных и перспективных направлениях.

Львов писал:

> Материальное устройство беженцев непосильно для русского фонда и не может привлечь достаточных средств со стороны. Бесспорными для всех, вызывающими всеобщие симпатии задачами оказались задачи не материальной, а духовной поддержки беженцев. Беженская среда осознала необходимость приложить все усилия к тому, чтобы не потерять в эмигрантских условиях остатков русской культуры, чтобы не растерять вслед за утратой материальных ценностей высшие духовные ценности, нужные для родины и служащие вместе с тем единственным источником сил для дальнейшей борьбы за существование, чтобы не потерять, наконец, для родины молодое поколение, юношество и детей, не дать им денационализироваться за долгое вынужденное пребывание за границей[147].

Выводы Львова сводились к следующему: оставшиеся средства следует расходовать таким образом, чтобы это вызывало приток денег «со стороны»; наибольшую отдачу приносит расходование средств на культурно-просветительные цели; «дети и юношество, инвалиды и госпитали в плане устройства беженцев должны занять первое место не только по соображениям гуманитарным, но и с

точки зрения национального долга»; необходимо поддерживать достигнутый уровень работы, ибо «всякое понижение в ней понижает приток средств со стороны»[148].

«Указания жизни ясны, — писал Львов. — Неясными и неопределенными остаются расчеты на русские национальные средства. Здесь нет твердых перспектив, нет не только годового бюджета, зачастую не было даже уверенности за предстоящий месяц, можно ли будет продолжать работу». Это уже был увесистый камень в огород послов. Председатель Земгора требовал от Финансового совета ясности: «Если Финансовый совет не имеет точных финансовых перспектив и не может определить ни размеров расходования, ни его срока, то организации должны знать об этом заблаговременно, а не накануне прекращения отпуска средств или неожиданных сокращений»[149].

Очевидно, в связи с запиской Львова Бернацкий подготовил доклад, заслушанный на заседании Финансового совета 2 июня 1923 г. На очередной финансовый год было запланировано передать всем гуманитарным организациям 2,4 млн фр. Основным реципиентом теперь стало Российское общество Красного Креста — 1,2 млн фр. Земгору средства, ввиду их скудности, были выделены только на школьно-просветительную работу (960 тыс.), Земскому союзу[150] планировалось передать 264 тыс. (недоставало 24 тыс., но их собирались покрыть из фонда на сверхсметные расходы); Берлинскому Земгору — 8 тыс. в месяц за счет прибылей по финансовым операциям, которыми занимались финансовые агенты (игра на бирже, на разнице курсов валют и т.п.). Кроме того, финансовые агенты обязались в течение года «поставить» в распоряжение Финансового совета 150 тыс. фр. на непредвиденные расходы. Земгору решили отпустить деньги пока только на июль, до получения дополнительных сведений о продаже типографии и о «предположениях его относительно ликвидации» пресловутого имения для земских служащих в департаменте Жиронда[151].

Гирс в июле направил также Львову официальное письмо, в котором напоминал, что из 237 500 фр. казенных средств, потраченных Земгором на организацию типографии и издательского дела, 100 тыс. фр. были отпущены 6 июля 1920 г. Финансовой комиссией именно для этой цели, а 137 500 фр. были неправильно переданы Земгору на это дело В.В. Вырубовым. Недостающая сумма была взята из средств, отпущенных Политической делегацией на непосредственную помощь беженцам. Отсюда, по мнению Гир-

са, вытекало, что эта сумма должна быть возвращена Финансовому совету, причем постановление об этом было принято Советом еще 14 августа 1921 г.[152]

Кн. Львов ответил на письмо Гирса почти три месяца спустя. Указывая, что суммы, полученные Земгором от продажи типографии, «как и другие его средства, расходуются исключительно на помощь русским беженцам во Франции», он писал, что осуществление требования Гирса, т.е. возврат Финансовому совету 137 500 фр., привело бы к «немедленному финансовому разгрому» Земгора и прекращению его деятельности. «Прекращение деятельности Объединения [земских и городских деятелей. — *О.Б.*], — аргументировал свой отказ вернуть долг председатель Земгора, — нанесло бы большой ущерб и весьма существенный вред интересам русских беженцев». В то же время «все средства Объединения, из каких бы источников они ни получались, находятся на учете Земско-городского комитета, всегда принимаются последним во внимание при определении ассигнований на помощь беженцам во Франции, а сметы расходов на эту помощь представляются Финансовому совету». Такой порядок Львов предлагал оставить. Из прилагаемой справки следовало, что из 230 тыс. фр., причитавшихся Земгору за типографию, на 1 ноября 1923 г. было получено 126 588 фр., причем 37 208 фр. пошло на уплату долга, а Объединению досталось 89 379 фр., из которых было израсходовано на нужды беженцев 83 084 фр., а осталось в наличии 6294 фр. То есть взять с Земгора в тот момент было нечего[153].

* * *

Все имеет конец, а деньги — в особенности. Состоявшееся 26 июня 1924 г. совместное заседание Совещания послов и финансовых агентов при участии Гирса, Маклакова, К.К. Миллера, Новицкого и Угета, а также Бернацкого, констатировав истощение средств Финансового совета (оставалось 300 тыс. фр.), приняло решение о его ликвидации. Взамен, по предложению финансовых агентов, создавалась Финансовая комиссия, которая должна была распределять средства, предоставляемые на гуманитарные нужды. Изменялся и порядок ассигнований — теперь они, по мнению агентов, «отнюдь не должны носить характера глобальных сметных ассигнований по организациям, а строго предметное назначение, с неисключением административных расходов организаций»[154].

Финансовую комиссию (комитет) составили реальные держатели государственных средств — финансовые агенты Угет, Новицкий и Миллер, а также заведующий контролем Савич. Председателем комиссии стал Бернацкий. Комиссия должна была действовать под общим руководством Совещания послов и представлять ему периодические отчеты.

* * *

В начале марта 1925 года «более незаметно, чем это следовало», по словам Маклакова, прошла смерть князя Львова. «На похоронах Львова, — писал Маклаков Бахметеву, — сказались все-таки результаты того одиночества, в котором он жил последнее время, и той травли, которой он подвергался. Это сказалось и в нелепой речи митрополита, который счел нужным как будто защищать его от нападок, говоря, что судить его будет Бог»[155].

«Я никак не могу понять людей, которые на него нападают и которые с такой жестокостью травили его, — отозвался Бахметев. — Его недостатки или, вернее, отсутствие разных действенных качеств ни для кого не были секретом; меньше всего для него самого. За всем тем в нем было много, чего я по крайней мере не знаю ни в ком другом. Он был самый русский из всех русских людей, которых я знаю»[156].

При всех ошибках и недостатках в деятельности благотворительных организаций они, несомненно, способствовали адаптации (а иногда и просто выживанию) беженцев в самые сложные, первые годы их пребывания в изгнании.

В середине 1920-х гг. казалось, что вследствие истощения финансовых ресурсов, с одной стороны, и признания Советского Союза ведущими европейскими державами, с другой, деятельности российских дипломатических учреждений скоро придет конец. Они и в самом деле были закрыты. Однако бывшие посольства и консульства в странах, ставших прибежищем для значительного числа эмигрантов из России, были преобразованы в нансеновские офисы по делам русских беженцев, и бывшим дипломатам еще многие годы пришлось заниматься делами российских изгнанников. Казенные деньги, находившиеся на исходе, вопреки ожиданиям удалось растянуть довольно надолго, и они еще — как мы увидим в последующих главах — послужили новому поколению русских эмигрантов.

Глава 7

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД

Последнее золото

В начале 1921 г. между финансовым агентом в США С.А. Угетом и агентом Министерства торговли и промышленности в Японии К.К. Миллером состоялся следующий обмен телеграммами:

21 февраля 1921 г. № 35
Советник посольства — послу в Токио
Угет просит передать Миллеру:
Ближайшие дни Гонконг-Шанхайской банковской корпорацией в Шанхае из золотого депозита, установленного августе 1919 года Омским правительством по доставке винтовок Ремингтоном, освободится нашу пользу примерно 233 000 долларов золотых слитков. Прошу срочно сообщить, не найдете ли возможным взять на себя реализацию этого золота на Дальнем Востоке с переводом вырученной суммы Нью-Йорк, также каковы условия рынка.
Бах[1]

5 марта 1921 г.
Посол в Токио — послу в Вашингтоне. № 23
Миллер просит передать Угету.
№ 35 получен.
Готов взять на себя реализацию слитков. Из переговоров с банками выяснилось, что наиболее подходящим является предложение Йокогамского Спесие банка. Последний предлагает следующие условия: сдача в Шанхае, цена 41 иена 47 сен за унцию повторяю 41 иена 47 сен, выручка переводится в Америку по курсу 48, 5/8 повторяю 48 и 5/8 доллара за 100 иен. Если Вы находите условия приемлемыми, то прошу меня уведомить, а также телеграфировать во-первых Гонконг-Шанхайскому банку в Шанхае чтобы он сдал слитки Йокогамскому Спесие банку в Шанхае поручив ему перевести выручку Вам и второе Йокогамскому Спесие банку в Шанхае чтобы он принял слитки и переслал выручку Вам. Слу-

чае необходимости могу выехать Шанхай для наблюдения за исправным соблюдением сделки.
№ 50 Миллер
(подпись) Крупенский

9 марта 1921 г. № 40
Посол в Вашингтоне — послу в Токио
Ваша телеграмма № 23 получена.
Угет просит передать Миллеру.
На № 50. Крайне признателен за любезное содействие. Предложение Йокогама Спесие банка вполне приемлемо. Соглашение Ремингтоном будет подписано около пятнадцатого марта. Договор предусматривает возможность рассчитаться наличными, каковой опцион, вследствие выгодности предложения Спесие банка, предполагаю использовать. Таким образом, золотых слитков будет примерно 500 000 долларов. Предполагаю увеличение количества золота не изменит условий Банка. Считал бы Ваше присутствие Шанхае крайне желательным, расходы возмещу по указанию Вами потребной суммы.
(подпись) Бахметев

14 марта 1921 г.
Посол в Токио — послу в Вашингтоне. № 26.
Миллер просит передать Угету. № 40 получен.
Заключил соглашение с Йокогама Спесие банком о продаже золотых слитков на условиях изложенных моей телеграммой 50. Банк согласен однако принять слитки лишь только на сумму не свыше 500 000 иен как было первоначально условлено. О возможности продажи дальнейших слитков сообщу дополнительно после совершения первой сделки. Мною обусловлено, что операция будет произведена банками в Шанхае между собой по Вашим телеграфным распоряжениям без моего участия ввиду того что в настоящее время не имею возможности отлучиться из Токио. Благоволите поэтому телеграфировать Гонконг-Шанхайскому и Йокогама Спесие банку Шанхае как упомянуто моей телеграммой 50 и уведомите меня.
57 Миллер
(подпись) Крупенский

25 апреля 1921 г.
Посол в Токио — послу в Вашингтоне № 37.

Миллер просит передать Угету.
Согласно результата апробирования вес чистого золота первой партии слитков 12 131 унция что по цене 41 иена 47 сен за унцию составляет 503 101 иену, равняющихся 244 633 долларам. За вычетом уже полученных Вами 120 000 долларов, Йокогама Спесие банком 15 апреля сделано распоряжение о переводе Вам остальных 124 633 долларов, о получении коих не откажите уведомить.
№ 105 Миллер
(подпись) Крупенский

В архиве Российского посольства в США не сохранились (во всяком случае, нам их не удалось обнаружить) документы, разъясняющие, почему руководители японского банка передумали и решили закупить также и вторую часть золотых слитков, освободившихся в ходе расчетов Угета с компанией Ремингтон. Так или иначе, вторая часть золотого депозита также была вскоре продана; о деталях Миллер телеграфировал Угету в начале мая 1921 года:

2 мая 1921 г.
Посол в Токио — послу в Вашингтоне. Вход. № 47
Получена 3 мая 1921 г.
Миллер просит передать Угету.
Вес чистого золота второй партии слитков двенадцать тысяч сто две унции, что составляет 501 874 иены, равняющихся 244 036 долларам. За вычетом уже переведенных Вам 120 000 долларов Иокогама Спесие Банк уплатит Вам 124 036 долларов, получение коих благоволите подтвердить.
№ 114 Миллер
(подпись) Крупенский[2]

Я привел все сохранившиеся телеграммы полностью, поскольку эта продажа, не столь крупная по сравнению с другими операциями по продажам и залогу золота, проведенными российскими финансовыми представителями за рубежом, имела особое значение. Ибо на этот раз была продана последняя часть золотого запаса России, оказавшаяся в распоряжении Колчака и его «наследников». Так завершилась история «колчаковского золота», если оперировать физическими понятиями и говорить, в данном случае, о золотых слитках. Деньги же, вырученные от продажи, имели свою, и неожиданно долгую, судьбу.

Деньги для новой России. Проблема хранения

По-видимому, именно продажа последней части золота навела Бахметева и Угета на мысль о необходимости сохранить вырученные средства для будущего антибольшевистского правительства. Тем более что в конце 1920 — начале 1921 г. средства на счетах российских представителей за границей таяли стремительно, в основном направляясь на содержание и обустройство армии Врангеля и гражданских беженцев.

В конце апреля 1921 г. Бахметев обратился с «совершенно личным» посланием к председателю Совещания российских послов М.Н. Гирсу, в котором писал:

> Последние дни я все беспокоился мыслью об обеспечении необходимыми денежными средствами русского национального движения, с тем чтобы эти средства могли быть использованы для патриотических целей, независимо от положения нашего представительства в той или другой стране. Валюты осталось страшно мало, нужды беженцев огромны, мы живем все время под психологическим давлением отпускать все что возможно на хоть незначительное облегчение страданий; между тем, возможно, что впереди — еще многие месяцы, если не годы, до тех пор пока какая-либо русская национальная власть сможет получить какие-то средства на свои заграничные расходы. Мне кажется что поэтому совершенно целесообразным является наперед выделить в какой-то особый национальный фонд известные суммы, забронировав их, с одной стороны, от изменений в положении нашего представительства, с другой стороны — от расходования на какие-либо иные цели[3].

Бахметев изложил председателю Совета послов план действий, предложенный Угетом, а именно: образовать особый национальный фонд из средств, выделенных тремя главными финансовыми центрами эмиграции — Европой, Америкой и Японией (имелись в виду, разумеется, распорядители российских средств в этих странах). Хранить деньги предполагалось в какой-либо нейтральной стране, например в Бельгии (в Брюсселе). Фонд должен был находиться в распоряжении группы лиц, причем решения о расходовании средств должны были приниматься только единогласно. Чтобы избежать упреков в партийности и пристрастности, Угет предлагал включить в состав распорядителей фонда Гирса, Бахметева, В.А. Маклакова, кн. Г.Е. Львова и Н.Д. Авксентьева. Такой

состав обеспечил бы пятерке хранителей «широкий национальный характер».

Бахметев сразу поставил вопрос на практическую почву, предложив Гирсу, если он разделяет высказанную идею, снестись с К.К. Миллером, в то же время дав понять, что не хотел бы видеть среди распорядителей фонда посла в Японии В.Н. Крупенского, поскольку «Василий Николаевич слишком далек от событий, чтобы можно было рассчитывать на быстроту и единогласие решений»[4]. Со своей стороны, Бахметев уведомил Гирса, что они с Угетом договорились предоставить для включения в предполагаемый фонд «выручку от только что проданных в Шанхае остатков золота»[5].

Миллер, в принципе поддерживая идею о создании Национального фонда, сделать взнос из средств, находящихся в его распоряжении, отказался, мотивируя это тем, что из подотчетных ему средств оказывается помощь русским беженцам в Японии и Китае, Российскому обществу Красного Креста, содержатся дипломатические представительства на Дальнем Востоке. Однако три четверти его расходов приходятся на Европу, где за счет вверенных ему средств содержатся дипломатические учреждения. Значительные средства были переведены и на переселение армии Врангеля. Таким образом, заключал Миллер, решение вопроса о помещении им денег в Национальный фонд зависит от того, как долго он будет продолжать финансировать «Европу», а также от исхода его процесса с Русско-Азиатским банком[6].

Разумеется, «Европа» и дальше нуждалась в деньгах, и вопрос о вкладе Миллера в Национальный фонд отпал сам собой. Но главное, по-видимому, все же заключалось в том, что Миллер, будучи персонально ответственным за казенные деньги, с большим сомнением относился ко всякого рода коллективным затеям. Миллер, как мы уже видели, был склонен давать деньги по собственному усмотрению и в том случае, если был уверен в целесообразности расходов.

Практически одновременно и независимо от возникновения идеи о создании Национального фонда эмигрантскими финансистами начал дебатироваться вопрос о способах хранения (точнее, сокрытия) государственных средств. Во-первых, правительства стран — кредиторов России вполне могли, если бы очень захотели, конфисковать государственные средства в порядке компенсации за долги. Так, во Франции был наложен арест на суммы генерала Э.К. Гермониуса, ведавшего заграничным снабжением армий

белых, и на все находившееся в его распоряжении имущество. Во-вторых, подписание англо-советского торгового договора 16 марта 1921 г., как казалось, создало реальную угрозу передачи казенных средств Советам — ведь теперь большевистское правительство фактически было признано некогда непримиримыми британцами. Эти обстоятельства послужили побудительным мотивом поисков новых способов хранения денег; в конце апреля того же 1921 г. Главноуполномоченный по финансово-экономическим делам В.И. Новицкий направил письмо с грифом «Совершенно доверительно» Бахметеву. В письме анализировались возможные варианты хранения казенных сумм[7].

До этого момента все принадлежавшие казне средства, находившиеся в Европе, хранились на счету фирмы Зерега и Ко. в Лондоне. История соглашения с фирмой Зерега, давно имевшей дела с Россией, такова. Генерал С.Н. Розанов, хозяйничавший во Владивостоке, перепродал японцам находившийся там хлопок, принадлежавший ранее Московскому Купеческому банку и уже проданный им фирме Зерега. По-видимому, гарантом сделки по продаже хлопка фирме Зерега выступило колчаковское правительство, и, таким образом, фирма стала кредитором казны на сумму свыше миллиона фунтов стерлингов. Весной 1920 г. российским представителям удалось добиться согласия фирмы, что на ее счет будет зачислена сравнительно небольшая сумма — 100 ф. ст., причем фирма не будет требовать окончательного расчета «до установления законного порядка в России». Наличие претензии фирмы к российской казне дало возможность К.Е. фон Замену открыть фиктивные счета якобы для обеспечения этой задолженности. Одновременно фирма обязалась не препятствовать свободному снятию денег с этих счетов.

Новицкий не пояснял, в чем состоял интерес фирмы; можно предположить, что ее владельцы рассчитывали в будущем получить привилегии в торговле с Россией, тем более что надеяться на погашение долга в близком будущем вряд ли приходилось. Таким образом, держатели казенных средств в Англии Замен и сменивший его Новицкий как бы и не открывали счет на частное лицо, пользуясь любезностью фирмы Зерега.

Однако в ситуации, сложившейся после подписания англо-советского соглашения, когда, с точки зрения российских финансистов, возникла реальная угроза передачи большевикам всех русских правительственных средств, буде таковые обнаружатся, фирма рисковала оказаться в небезопасной роли их укрывателя. В связи с

этим Новицкий считал необходимым пересмотреть условия хранения. Держатели российских средств в Европе рассмотрели и отвергли два возможных варианта хранения: 1) на счетах частных лиц; 2) в банковском сейфе наличными или в краткосрочных бонах. Первый вариант не годился, потому что в случае судебного преследования было бы невозможно объяснить происхождение денег, второй — так как боны, опять-таки, надо было регистрировать, а местоположение сейфа могли обнаружить большевистские агенты. Во Франции вдобавок существовала угроза секвестра российских средств правительством в порядке компенсации за содержание армии Врангеля.

Новицкий информировал Бахметева также о предложении Л.Ф. Давыдова, некогда директора Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов (1909—1914 гг.), а затем директора Русского для внешней торговли банка. Он собирался, совместно с неким И.И. Кестлиным, открыть банкирскую контору, в которой и предлагал хранить казенные суммы. Поскольку Давыдов был человеком очень богатым, то происхождение неизвестно откуда взявшейся крупной суммы не вызвало бы подозрений. «Никаких документов о казенных деньгах, кроме соглашения с Л.Ф. Давыдовым или, на случай его смерти, с партнером Кестлиным, не будет, и таким образом внутренняя связь, в смысле нашего участия в капитале, будет отсутствовать». Все дело должно было быть основано только на личном доверии к Давыдову, что вряд ли могло быть сочтено приемлемым.

Новицкого тревожила, кроме возникшей угрозы захвата денег большевиками (причем на законных основаниях, с санкции британского правительства), разобщенность финансовых агентов. В отсутствие единого антибольшевистского центра и при реальной перспективе исчезновения дипломатического представительства, было неясно, что может побудить финансовых агентов давать деньги на нужное, по представлениям Совета послов, дело. Отмечу, что опасения Новицкого относительно намерений британского правительства были сильно преувеличены, однако для нас важно то, что они разделялись большинством дипломатов и финансовых агентов.

Средства нужно было централизовать, хранить в надежном месте и в то же время обеспечить их быстрое получение в случае необходимости. Очевидно, что всем сформулированным условиям мог отвечать только банк, причем банк «свой». Единственным способом «полного сокрытия казенного характера сумм и вместе с тем

безопасного их помещения» Новицкий считал вложение их в операции с акциями и векселями. Для обеспечения надежности надо стать «одними из хозяев дела», для чего внести часть казенных средств в основной капитал банка.

Участие в управлении делами банка и наблюдение за его операциями обеспечивалось бы вхождением в состав его Правления и Совета представителей казны. Оперативность и скрытность распоряжения деньгами гарантировались оформлением акций на частных лиц, не связанных с казной, а те, в свою очередь, выдали бы «бланковые трансфертные[8] объявления», что позволило бы вписать в них имя любого лица, в том числе «казенного». В то же время с фирмой Зерега было бы подписано соглашение о выдаче ссуды под акции в размере от 50 до 70% их стоимости. Таким образом, бумаги можно было бы быстро обналичить. Еще одним возможным вариантом обеспечения доступа представителей казны к казенным же средствам, при сохранении конфиденциальности, было открытие банком счетов, с которых можно было бы снимать деньги, в других банках.

По схеме, разработанной Новицким, банк обязывался бы к тому же выдать векселя и оплачивать их, в случае необходимости, до срока. Например, полугодовой доход по векселю в 100 тыс. ф. ст. был бы равен 2,5 тыс. ф. ст. Если бы деньги потребовались через три месяца, то выплачивалось бы 1250 ф. ст. с удержанием небольшой комиссии. «Представляется, по-видимому, правильным, — заключал Новицкий, — осуществить план сокрытия средств путем вексельной операции лишь при осуществлении полностью всего плана помещения средств, т.е. и вступления участником в основной капитал».

Действительно, столь льготные условия предполагаемый банк, очевидно, мог предоставить лишь своим, фактически совладельцам банка. Очевидно также, что любой банк мог только мечтать о внесении в основной капитал государственных средств, даже (а может быть, и тем более) если этого государства уже не существовало. Этого не мог не понимать столь опытный финансист, как Новицкий. Рассуждения Новицкого были отнюдь не абстрактны, и речь шла о вполне конкретном банке. А именно — London and Eastern Trade Bank (Лондонский и Восточный торговый банк, сокращенно — Eastrabank). В совещаниях по вопросу о способах хранения, информировал Новицкий, участвовали М.Н. Гирс, В.А. Маклаков, М.В. Бернацкий, а также М.С. Аджемов, барон

Б.Э. Нольде и П.А. Бурышкин; они сочли предложение Новицкого наиболее приемлемым. Предварительные переговоры были Новицким уже проведены.

Eastrabank насчитывал от роду менее полугода. Однако среди его отцов-основателей были «знакомые все лица». В середине января 1921 г. К.Е. фон Замен, бывший директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, а в последние полгода Главноуполномоченный по финансово-экономическим делам за границей врангелевского правительства, посетовав на неясность и непрактичность постановки «русских дел» за границей, перешел на службу в Eastrabank.

Замен информировал Угета:

> Я ... принял предложение вновь открытого в Лондоне банка, с русскими и английскими акционерами вступить в состав управления банком. Название последнего — London & Eastern Trade Bank; учредители: английские участники фирмы F. Zerega, русские нефтяники и члены Совета Московского Купеческого Банка[9]. Положение пока скромное. Банк не спешит, при настоящих условиях рынка, бросаться в дела и директорам будет платить весьма умеренно[10].

Впрочем, чиновник с многолетним стажем подчеркивал, что не отказывается и впредь «помогать русскому делу, там, где для этого есть разумная возможность». Особенно его заботила судьба «небольших остатков казенных средств» и иностранной благотворительности, которые помогли бы «спасти наших беженцев от голодной смерти»[11].

Вопрос о порядке хранения денег обсуждался Совещанием послов по меньшей мере с начала 1921 г., причем в предварительных совещаниях участвовали известные финансисты и юристы Б.А. Каменка, М.С. Аджемов, П.А. Бурышкин, Н.Б. Глазберг и др. 1 апреля 1921 г. Новицкий провел переговоры в Лондоне с Eastrabank'ом, о результатах которых доложил 4 мая Совещанию послов в весьма узком составе — присутствовали Гирс, Маклаков и приглашенный Бернацкий[12].

«Европейцы», опасавшиеся захвата остатков находившихся в их распоряжении средств, были готовы пойти на изменение порядка хранения. Однако львиная доля российских казенных денег находилась в США и Японии. 17 мая 1921 г. Замен направил письмо Угету с предложением банковской формы «обслуживания» государ-

ственных средств. Теперь бывший директор Особенной канцелярии выступал в качестве представителя частного банка[13].

Новицкий, не откладывая дела в долгий ящик, отправился за океан, чтобы, опираясь на решение Совещания послов, лично провести переговоры о столь деликатном предмете с Бахметевым и Угетом. Бахметев, по-видимому не склонный спешить в этом вопросе, телеграфировал в Париж, что не видит необходимости в срочном приезде Новицкого, однако, как писал послу в Вашингтоне его конфидент Маклаков, телеграмма уже не смогла Новицкого остановить. В записке Маклакова отчетливо просматриваются мотивы, побудившие даже осторожного адвоката поддержать изменение способа хранения денег:

> Так как очевидно, что мы живем все только Вашими деньгами, которые некоторые организации тратят слишком легко [намек на Земгор. — *О.Б.*], то мы особенно заинтересованы в том, чтобы этого источника нам не закрыли. Скажу Вам прямо: я небольшой любитель замаскированного хранения денег, но когда я подумаю, что колчаковское золото попало к большевикам и что Ваши деньги могут быть арестованы — даже не возвращены большевикам, а просто арестованы, я считаю, что это худший исход и мне поневоле, как и всем нам, приходит на ум, что нужно заблаговременно предвидеть это и сохранить их всеми мерами... Лучше на них купить автомобили для будущей России, чем их держать в ящике. Это, конечно, несерьезно и непрактично, но знайте, что на Вас глядят 40 веков и не простят Вам, если Вы прозеваете[14].

Вашингтонский протокол

Итог совещания Бахметева и Угета с Новицким о порядке расходования российских государственных средств, находящихся в США, о новой форме хранения денег и о создании Национального фонда, был оформлен Вашингтонским протоколом от 4 июня 1921 г. Бахметев, крайне недовольный порядком (точнее, беспорядком) расходования средств, переведенных в Европу в распоряжение Финансового совета, фактически поставил условием, чтобы расходы в каждом случае согласовывались с ним. В то же время был согласован порядок образования Национального фонда, и держатели российских средств в Америке пошли на то, чтобы деньги, предназначенные будущему российскому правительству, хранились в London & Eastern Trade Bank, оговорив это рядом условий. 8 июня 1921 г. Угет и Но-

вицкий подписали в Нью-Йорке протокол, согласно которому Российское посольство обязалось перевести для образования Национального фонда 488 669 долл. 83 цента[15].

Бахметеву и Угету, с одной стороны, и К.К. Миллеру, с другой, идея Новицкого—Замена в целом не слишком пришлась по душе. В письме Замену Угет подчеркивал, что идея «хранения» (кавычки Угета — финансист понимал, что деньги в банке не лежат, а работают) денег в «своем» банке возникла в Париже и что и он, и Бахметев с принципиальной точки зрения были против этого, но с «практической», учитывая обстановку, согласились и готовы «влить в акционерный капитал» банка около 500 тыс. долл., «возникших» от реализации золотого депозита за винтовки Ремингтон[16].

Бахметев писал Маклакову вскоре после визита Новицкого в США:

> ...Вы в Париже и русские в Лондоне действительно совершенно в ином круге понятий и взаимоотношений, чем мы, и потому невольно приходите к заключениям и путям, которые более чем далеки от нас. Раз идет дело о сохранении государственных средств, то нельзя не признать той основной истины, что всего более надежен, в конечном счете, откровенный государственный метод их хранения, и раз наше положение дозволяет эту роскошь, то мы не имеем ни причин, ни поводов от нее отступать... Я лично не думаю, чтобы французское правительство даже обратилось с просьбой о захвате наших денег к здешним властям — особенно если бы в Европе знали, о каких сравнительно ничтожных суммах идет речь. Ведь даже если бы конфисковали все, то это составило бы около двух миллионов долларов, а из них значительная часть несвободна, будучи фактически завязана в различных обязательствах по отношению к американскому правительству и пр. Во всем этом деле повредили всякие слухи о размерах наших денежных запасов; но разве, вообще говоря, Финансовому совету не известны истинные размеры наших фондов, и отчего в таком случае не подорвали всю злостную пропаганду сообщением фактов? Если что-либо было не известно, почему не запросили? Если бы даже французы и обратились к американцам, то у последних нет никакого иного пути, чем добровольное с нами соглашение. Нас могут лишить официального признания или могут иммобилизовать наши счета — но это предел. Это выведет деньги из нашего распоряжения, но не передаст их ни в чье ведение. Даже в последнем случае деньги фактически остались бы нетронутыми до образования будущего национального правительства. Это печальный, но вовсе не столь уж плохой

исход. От этого пострадают беженцы, пострадает национальное дело в настоящий переходный период, но будущая власть будет донельзя порадована.

Вообще надо немного подумать о том, на какие заграничные ресурсы может рассчитывать восстановившаяся власть? Мы все как-то хотим бросить на потребность минуты. Подобная политика уже стоила нам безумных денег. В связи с этим я давно проникся плюшкинской бережливостью и Ваши, весьма мудрые, советы весьма подкрепляют мое нормальное настроение[17]

Бахметев «крайне скептически» относился

ко всяким схемам сохранения флота, подготовки мобилизации промышленности, колонизационным фондам и пр. Прежде всего русские за все эти три года неизменно показывали свою способность к прогоранию; кажется, ни одного коммерчески успешного дела никогда еще не было. Во-вторых, смешно с двугривенным в кармане подходить к миллионным предприятиям. В конце концов, все сводится к расходам на изучение, т.е. опять к кормежке каких-то ненужных людей[18].

5 июля 1921 г. Миллер запросил Угета, как тот отнесся к предложению Новицкого о новом способе хранения денег[19]. Отношение Угета, как, разумеется, и Бахметева, было отрицательным. Кроме соображений, изложенных в цитируемой ниже телеграмме Угета, несомненно, свою роль сыграло и нежелание посла лишаться важнейшего рычага своего влияния — финансового. Исключение в Нью-Йорке и Вашингтоне были готовы сделать для средств, полученных от продажи последней части золотого запаса. Угет телеграфировал:

Не имея оснований бояться за сохранность сумм Америке, посольство не могло разделить позицию Совещания послов этом вопросе. Тем не менее, признавая желательность создания особого общенационального фонда для обеспечения валютой будущей российской власти и на случай особых событий, посольство ассигновало для сего реализованную Вами от продажи золота сумму, передав вопрос о порядке образования и хранения этого фонда на разрешение Совещания послов. Кроме того, посольство решило продолжать помощь Финансовому совету в расходах на национальное дело, представив на нужды, подобные Кронштадту, расселение беженцев Сербии, общую помощь беженцам и т.п., 600 000 дол-

ларов. При этом расходы из наших средств производятся с предварительного согласия посла. Всего, таким образом, нами предоставлено Парижу около половины наших средств. Лично считал бы Ваше присоединение примерно на изложенных основаниях крайне желательным[20].

Однако Миллер не внял призыву внести свою долю в Национальный фонд, сославшись опять-таки на крупные расходы, произведенные им в Европе: «Ввиду ограниченности остающихся у меня средств, — заключил он, — не имею возможности ассигновать дальнейшие средства в распоряжение Совещания послов, но буду стараться сохранить известную сумму на случай чрезвычайных событий в России»[21].

Спустя месяц после подписания вашингтонского протокола Новицкий, сообщая о возобновлении переговоров с представителями London & Eastern Trade Bank «относительно участия казны в указанном предприятии», информировал Угета, что во время предварительной беседы с членом Правления банка Г.Д. Чаманским[22] он подробно изложил «высказанные в Соединенных Штатах соображения о том, что основной целью финансирования казной помянутого предприятия является создание организации, которая могла бы по восстановлении в России правопорядка принять деятельное участие в работе по восстановлению экономической жизни нашей Родины». «Из этой предварительной беседы, — сообщал Новицкий, — я вынес заключение, что все наши пожелания будут приняты во внимание и что может быть создана организация, вполне ограждающая русские государственные интересы»[23].

В ходе переговоров в Вашингтоне было решено, что никто из официальных лиц в правление и совет банка не войдет, чтобы не вызвать подозрения о наличии казенных денег в банке. Было также обусловлено, что в руководящих органах банка останется вакантным число мест, пропорциональное государственной доле в основном капитале банка. Теперь Новицкий вполне резонно предложил делегировать в управление банка лицо, «могущее держать нас все время в курсе дел банка и содействовать проведению и надлежащему освещению тех задач, которые будут ставиться». Новицкий предлагал выдвинуть кандидатуру С.А. Шателена, товарища министра финансов в 1917 г., полагая, что она не вызовет возражений со стороны Бахметева.

Официальное письмо сопровождалось личным и более откровенным: «Ставлю вопрос о Шателене, ввиду того что участие "свое-

го человека" в банке для более тесного осведомления нас о всем происходящем является весьма желательным. Не могу его провести за счет имеющихся вакансий по европейским ресурсам, ввиду его неважных отношений к М.В. Бернацкому. Поэтому думаю, что лучше это сделать за счет Вашей части капитала. Не откажи сообщить мне свое мнение»[24]. В согласии «американцев», особенно учитывая близкое родство Бахметева и Шателена (они были единоутробными братьями), можно было не сомневаться.

Лондонский и восточный торговый банк: к истории создания

Остановимся немного подробнее на истории создания банка, в который были помещены суммы, по большей части полученные от продажи последней части колчаковского золота. В 1919 г. в Лондоне фирмой Фредерика Зерега и группой членов правления Московского Купеческого банка было образовано Торговое товарищество. Британская фирма и московский банк были давними партнерами в торговле хлопком. Во второй половине 1920 г. британцы предложили, в дополнение к Товариществу, основать в Лондоне на паритетных началах банк, «дабы создать организацию, которая смогла бы в будущем при воссоздании России способствовать развитию торговых сношений между Россией и Англией и смогла бы одновременно восстановить деятельность в России Московского Купеческого Банка»[25].

Предложение было принято, и партнеры решили учредить банк с капиталом около 200 000 ф. ст. Поначалу цель была конкретная и не слишком амбициозная — финансирование Торгового товарищества. Однако, прослышав о создании банка, свое участие в размере 150 тыс. ф. ст. предложила «нефтяная группа» в составе братьев Цатуровых[26] (100 тыс.) и С.Г. Лианозова[27] (50 тыс.). В начале октября 1920 г. на совещании в Париже «текстильщики» решили принять предложение нефтяной группы, к которой присоединился Г.Л. Нобель со взносом 5 тыс. ф. ст. Устав банка был утвержден в том же октябре 1920 г., его основной капитал составил в итоге 335 тыс. ф. ст. Банк приступил к работе в январе 1921 г.[28]

Вскоре банк приобрел Торговое товарищество, которое было переуступлено «текстильщиками» в обмен на акции банка, в результате чего капитал новообразованной кредитной организации увеличился на 55 тыс. ф. ст. и составил 390 тыс. ф. ст. От каждой

из групп акционеров в управлении банком принимал участие «рабочий директор»: от английской — М. Топпинг, от нефтяной — Н.Б. Глазберг[29] и от группы Купеческого банка — Г.Д. Чаманский[30].

О том, как шли дела в банке, К.Е. Замен подробно информировал Угета, несомненно, в связи с ожидаемым «казенным» участием в капитале Eastrabank'a. Замен, как ясно из записки Б.А. Швецова, одного из членов группы Московского Купеческого банка[31], был инициатором привлечения средств казны и «много работал» в этом направлении. Наряду с приводившимися выше «общегосударственными» соображениями, вливание казенных средств должно было пойти на пользу банку, да и повысить влияние самого Замена во внутрибанковских делах.

9 августа 1921 г. Замен, который все еще по привычке рассматривал себя как представителя государства или, во всяком случае, считал свою службу в частном банке делом временным, писал Угету: «В Европе... к сожалению... о нас постепенно забывали как о государственных представителях. Нас терпят как аномалию и вспоминают, обычно, только как об объекте возможных покушений. Поневоле мы должны думать больше всего о том, чтобы скрыться и, по возможности, спрятаться в безопасности»[32].

Замен, характеризуя принципы деятельности и положение дел в банке, не преминул подчеркнуть, что главная задача банка — служить после свержения большевиков посредником для привлечения иностранного капитала в Россию, а также «натренировать» для этого персонал.

Пока же положение дел в банке было таково: идти по пути местных банков, развивая депозитарную сеть и т.д., банк не мог; его силу Замен видел прежде всего в международных связях. Руководители банка очень заботились о ликвидности его средств — «держали большой портфель Treasury Bonds [казначейские облигации. — *О.Б.*], приобретенный большей частью еще при 6% ставке... обратили внимание на иностранную валюту и фонды. С самого начала мы, — информировал о делах в банке фон Замен, — имели Joint Account [совместный счет. — *О.Б.*] с McFadden'ами [Макфаддены — акционеры фирмы Зерега. — *О.Б.*] для покупки и продажи золотых облигаций, обращающихся на европейском и американском рынке. Дело это постепенно растет... мы начали делать репорты[33] в валюте с иностранными банками. Это дает хороший доход и вводит нас в международный оборот. Понемногу наше имя стало известным и нашу подпись стали свободно принимать»[34].

В банке начали создавать валютно-финансовый отдел. Чтобы укрепиться в полной мере, нужно было, полагал Замен, добиться еще двух вещей: 1) участия видных иностранцев и 2) увеличения основного капитала. Пока же основной капитал составлял 450 800 ф. ст., в том числе «нефтяники 150 000 и М[осковский] к[упеческий] б[анк] и Zerega около 120 000 каждый, наконец, известные Вам 60 000. Теперь должны влиться в дело еще 125 000»[35]. Речь шла о «европейской» и «американской» долях, которые в совокупности должны были составить около трети основного капитала; понятно, какое значение имели эти деньги для новообразованного банка.

По-видимому, письмо Замена писалось в несколько приемов, ибо он успел сообщить о новом обстоятельстве: «фирма Zerega заменяется фирмой Whineray, к которой переходит все дело, с выделением старых партнеров или их наследников (умер старик I.H. MacFadden)... По предварительным подсчетам, капитал был бы увеличен пока до 525—535 000 ф. ст. вместо 585 000. Говорю "пока", потому что MacFadden Brot[hers] выразили желание приобрести акции нашего банка. Возможно, что мы вернемся опять же к цифрам около 600 000 ф. ст.». При посредстве Whineray в операциях банка принимали участие его «друзья». Велись разговоры «о возможности для нас сближения с Л.Ф. Давыдовым и его делами»[36].

В общем, банк находился только в периоде становления, но были веские причины, делавшие тем не менее вложение государственных средств в его акции привлекательным: во-первых, возможность влиять на деятельность банка и сравнительная надежность сокрытия государственного происхождения денег, во-вторых, по-видимому, состав его учредителей и руководителей, многие из которых были связаны с Российским государством или же были людьми весьма известными в мире российского предпринимательства. Не следует, видимо, исключать и личной заинтересованности В.И. Новицкого, которому хотелось иметь «свой» банк.

При всей кажущейся бесспорности выгоды для банка от вступления казны в число его акционеров не все пайщики встретили это предложение с восторгом. Некоторые — и без большого риска ошибиться мы можем предположить, что это была группа Московского Купеческого банка, — опасались «казенного капитала и влияния».

После долгих переговоров акционеры согласились предоставить «казенной группе» право на приобретение акций банка на 100 тыс. ф. ст. Однако «казенной группе» «помогло несчастье»: в сентябре 1921 г. фирма Зерега решила ликвидировать свое дело,

вследствие смерти одного из главных ее акционеров, Макфаддена. С общего согласия фирма уступила половину своего участия в банке «казенной группе», доля которой в основном капитале банка возросла приблизительно до трети, составив около 165 тыс. ф. ст.[37]

Недалекое будущее показало, что опасения пайщиков банка относительно усиления роли «казенного влияния» оказались не напрасны.

Положение о Национальном фонде. Коллегия попечителей

Хотя вопрос о создании, способах хранения и управления Национальным фондом был согласован в июне 1921 г. в Вашингтоне, Бахметева тревожило отсутствие четко прописанных документов, регулирующих эту операцию. Ведь большая часть денег перечислялась из США, и персональную ответственность за их судьбу в конечном счете несли посол и Угет.

В связи с поездкой Угета в Париж в сентябре 1921 г. Бахметев писал Маклакову, что этим необходимо воспользоваться,

> чтобы обдумать и закрепить в форме определенных актов различные решения, касающиеся как образования, так и управления так наз[ываемым] Национальным фондом. Возможно, что я ошибаюсь, но я почти убежден, зная парижскую суголоку, что фактически все дело, касающееся этого фонда, не получило должного оформления. Уверен также, что это Вам, как юристу, причиняет известное беспокойство. Мне представляется, что все это дело должно быть поставлено на строго определенные основания и оформлено в твердых юридических и формальных документах[38].

Проект Положения о Национальном фонде был подготовлен Маклаковым, согласовавшим его с Бернацким и Гирсом, и переслан Угету с пояснением некоторых пунктов. Важнейшие решения по вопросам хранения Национального фонда должна была принимать Коллегия попечителей, состоящая из послов и финансовых агентов; все решения должны были приниматься единогласно. Маклаков предусматривал решение по большинству голосов лишь в случае «такого острого разногласия, при котором возможно, что никакого единогласного постановления не состоится и не может состояться и что просто останется констатировать то, что есть, т.е.

что учреждение распалось». «Не желая в официальном договоре предусматривать возможность мордобоя и полного развала, — со свойственной ему иронией писал Маклаков, — я выразился мягко: "постановление может быть принято по большинству голосов", предполагая этим, что какое-то большинство все-таки найдется и в качестве такового себя и изложит; остальные же все могут зафиксировать свои точки зрения уже как особое мнение»[39].

«Положение об установлении и распоряжении Национальным фондом» было утверждено — после полугодовых переговоров и согласований — 20 декабря 1921 г.[40] В преамбуле кратко излагалась история и порядок расходования государственных сумм за предыдущие полтора года: «В июне 1920 г. министром финансов врангелевского правительства М.В. Бернацким и финансовым агентом в Нью-Йорке С.А. Угетом во время встречи в Париже было достигнуто соглашение о переводе свыше половины всех средств, находившихся в США, на нужды Крыма». Затем порядок расходования средств на беженцев и другие нужды был оформлен протоколом Совещания послов от 8 февраля 1921 г. и дополнен Вашингтонским протоколом от 4 июня 1921 г., устанавливавшим особенности распоряжения суммами, находящимися в США.

Далее в «Положении» говорилось:

> Однако финансовые агенты не считали себя вправе израсходовать находившиеся у них на руках суммы полностью, — они не могли не предвидеть того момента, когда, в той или иной форме, на смену большевистской власти, либо рядом с ней, создастся новое правительство, на обязанность которого падет начало восстановления России и которому на первых же шагах его деятельности будут необходимы средства... Посему они признали своим долгом выделить из государственных денег особый фонд и принять меры к его сохранению в формах, определенных Совещанием послов, как в видах передачи его будущему признанному Российскому правительству или израсходования его в случае наступления решающих событий в России, так и во избежание пагубных последствий от естественных причин: смерти их хранителей, обращения на них взыскания от русских государственных кредиторов и т.д.[41]

Текущее управление Национальным фондом находилось в руках финансовых агентов, однако принципиальные решения принимались Совещанием послов (в котором агенты при обсуждении вопросов, касающихся фонда, участвовали с правом решающего

голоса). В случае прекращения деятельности Совещания послов, его функции переходили лично к М.Н. Гирсу, В.А. Маклакову, Б.А. Бахметеву, С.А. Угету и В.И. Новицкому, которые составляли коллегию попечителей Национального фонда. Каждый член коллегии назначал себе заместителя на случай смерти. «Положение» подписали перечисленные выше члены Коллегии попечителей.

Итак, для формирования фонда Бахметев и Угет перевели в Европу 130 300 ф. ст. из сумм, вырученных от продажи остатков золотого фонда (полученные за золото доллары были переведены в фунты стерлингов). 60 тыс. ф. ст. дали «европейцы». Деньги, переведенные из США, а также 36 400 ф. ст. из средств, выделенных «европейцами», были помещены в акции London and Eastern Trade Bank, остальные 23 600 ф. ст. были размещены в том же банке в виде векселей. Порядок и форма хранения средств Национального фонда были утверждены протоколом Совещания послов от 10 декабря 1921 г. Деньги были переведены в банк еще до завершения всех формальностей[42].

Лондонский банк в 1922 г. Конфликты в банке и в Коллегии попечителей

Представитель «американской доли» в Правлении банка С.А. Шателен представил Угету неформальный отчет о положении дел на 1 января 1922 г., в том числе сообщая чрезвычайно интересные данные о конкретном механизме сокрытия государственных средств.

Основной капитал банка составлял 500 100 ф. ст. и распределялся следующим образом (далее все суммы в фунтах стерлингов):

Московская группа (Г.Д. Чаманский, Б.А. Швецов, А.И. Шамшин[43]) — 117 500
Братья П. и Ш. Цатуровы — 100 000
С.Г. Лианозов — 30 000
Н.Б. Глазберг — 20 000
Английская группа (Whineray, Dobson, Cairns) — 60 000
Г.Л. Нобель — 171 700
Разных лиц — 900

Итого: 500 100

В Совет банка входили С.Г. Лианозов (председатель), Ш.М. Цатуров (вице-председатель), Г.Л. Нобель, А.И. Шамшин, П.А. Бурыш-

кин, Н.М. Бардыгин[44], Neil Buchanan, M. Barscher, Sir Hugo Cunliff Owen.

Правление: W.E. Whinerау, П.М. Цатуров — председатели. Директора, постоянно работающие в правлении: Г.Д. Чаманский — директор-распорядитель, Н.Б. Глазберг, M. Topping, К.Е. Замен, С.А. Шателен. Директорами также числились Б.А. Швецов, M. Dobson, M. Cairns.

Казенная доля (166 700 ф. ст.) была оформлена на Г.Л. Нобеля. Сам Нобель приобрел акции на 5000 ф. ст. На шеры (акции) были выданы три сертификата (на суммы в 50 000, 28 300 и 45 030 ф. ст.) на его имя. «Сертификаты вместе с подписанными Нобелем трансфертами приняты мною, — писал Шателен, — согласно Вашему указанию и хранятся в особом сейфе, взятом мною на мое имя в The Trustees Corporation Ltd. Winchester House, Old Broad St. London Е.С. Трансферты, хранящиеся у меня, составлены в 2-х экземплярах каждый, причем один выписан на имя В.И. Новицкого, а другой бланковый. Пришлось это сделать потому, что было желательно иметь один трансферт, совершенно оформленный и снабженный подписью свидетелей, каковую получить на бланковых трансфертах не представлялось возможным»[45].

Густав (Йоста) Людвигович Нобель, «русский швед», по его собственному определению, был младшим сыном Людвига Нобеля, крупнейшего российско-шведского нефтепромышленника, и, соответственно, племянником Альфреда Нобеля — изобретателя динамита, учредившего Нобелевские премии. Густав стал первым представителем знаменитой династии, окончившим гимназию. Его старшие родственники обошлись без этого. В 1916 г., в 30-летнем возрасте он становится управляющим нефтепромыслами Нобелей в Баку.

После революции братья Густав и Эмиль Нобели некоторое время жили в Петрограде, пытались спасти что возможно из своих владений и даже пробовали наладить сотрудничество с новой властью. В 1918 г. Густав Нобель ездил в Москву для участия в заседании Центральной комиссии по разработке нефтяных месторождений. Комиссия выработала следующий проект: частные предприятия будут национализированы, а прежние владельцы перейдут на роль управляющих в «звании» «технических советников». Вся продукция при этом будет принадлежать государству. Как мрачно сострил один из участников заседания, «нас уговаривают самим организовать себе похороны по четвертому разряду — похо-

роны, на которых труп будет править собственным катафалком». Разумеется, все нефтепромышленники отвергли предложение большевиков[46].

30 ноября 1918 г. братья Нобели были арестованы и доставлены в кабинет Варвары Яковлевой, заместителя председателя Петроградской ЧК (с декабря она возглавила это учреждение в Петрограде). Яковлева обвинила Нобелей в том, что они причастны к аресту в Баку англичанами некоего Мандельштама, служащего товарищества братьев Нобелей. Братья стали заложниками; их ждала та же участь, что и Мандельштама, — свобода или смерть. Возможно, бакинский арест послужил лишь предлогом, а главной причиной был отказ работать на «рабоче-крестьянскую власть». Впрочем, мотивы ареста Нобелей и в самом деле могли быть иррациональными: расстреливали же заложников из «буржуев» в ответ на убийство председателя Петроградской ЧК Урицкого социалистом Каннегисером.

Шведским дипломатам удалось добиться освобождения Нобелей, заговорив с большевиками на их языке. Секретерь шведской дипломатической миссии Лундберг сказал Яковлевой, что, если братьев не выпустят, в Стокгольме будет арестован советский представитель Воровский по обвинению в революционной пропаганде. Это подействовало, хотя было блефом. Нобелей отпустили под поручительство шведских дипломатов, обязав информировать ЧК о своем местопребывании. Однако дипломаты втайне уехали из Петрограда, а вслед за ними бежали из ставшего смертельно опасным города и братья Нобели. Они перешли финляндскую границу и в конце декабря 1918 г. уже были в Стокгольме[47].

Таким образом, человек, которому доверили хранение государственных средств, был в высшей степени надежен: его деловая репутация и порядочность сомнений не вызывали; несмотря на огромные потери, которые понесли Нобели в России, «остатки» их состояния были достаточно велики и ни у кого не могло возникнуть вопросов, откуда Густав Нобель взял средства для приобретения акций банка. Разумеется, его в последнюю очередь можно было заподозрить в симпатиях к большевикам.

Другие Нобели также оказывали материальную и моральную поддержку антибольшевистским силам. Так, Эммануил (Эммануэль) Нобель, сводный старший брат Густава, в 1919 г. в нелегкую минуту занял российскому посланнику в Стокгольме К.Н. Гулькевичу 2 млн финских марок (около 100 тыс. долл.). Заем был своев-

ременно погашен за счет перевода из Омска. В 1924 г. Э. Нобель по просьбе Гирса взял на себя содержание российского консульства в Стокгольме сроком на один год, выплачивая, в частности, ежемесячную субсидию в размере 1000 крон на покрытие жалованья консула Ф.Л. Броссе[48].

Добавим, что Нобели — Эммануил и Густав — впоследствии оказали еще одну услугу русской эмиграции и антибольшевистскому движению — посодействовали присуждению Нобелевской премии по литературе за 1933 г. И.А. Бунину (Эммануил этого уже не увидел, он скончался в 1932 г.) и, наоборот, приложили немалые усилия, чтобы самая престижная в мире премия не досталась А.М. Горькому[49].

Вернемся, однако, к финансовым делам. Шателен считал, что приобретение акций за счет Национального фонда было весьма удачным делом в связи с падением курса доллара.

В апреле свое видение итогов работы банка за год и дальнейших перспектив его развития, в связи с предстоящим 8 мая 1922 г. собранием его акционеров, высказал в письме Угету Новицкий. Он еще раз подчеркнул три главных мотива, заставивших приобрести акции банка:

> необходимость создания юридического лица, могущего за нас выступать и действовать и дающего возможность как хранения, так и сокрытия имеющихся у нас казенных средств, 2) желательность сохранения известной части средств до момента восстановления России для передачи их будущему национальному правительству, 3) желательность подготовить банковский аппарат за границей для облегчения возможности получения кредитов для восстановления России и будущих торговых сношений ее с заграницей[50].

Кроме того, банк использовался для переводов средств дипломатическому представительству, гуманитарным учреждениям, на расселение армии.

Баланс на 20 апреля 1922 г. в сумме 1 120 242 ф. ст. был сведен без дефицита. Однако соотношение ресурсов банка к капиталу равнялось лишь 1:1 — на 500 тыс. ф. ст. основного капитала приходилось 532 тыс. ф. ст. текущих счетов и вкладов. Учитывая размеры банка, его «молодость» (он активно работал на финансовом рынке лишь один год), общую ситуацию в Европе, Новицкий считал результаты его деятельности неплохими, особо выделяя работу валютного отдела.

Он полагал, что исправить необходимо лишь одну сторону — сократить административные расходы. Новицкий указывал на несоответствие «числа лиц, состоящих в Правлении банка и находящихся постоянно в Лондоне, с действительными размерами его работы» и на чрезмерно высокую оплату служащих банка. В Правление входило десять человек, и хотя работа не всех членов Правления оплачивалась, в целом на их содержание расходовалась сумма в 10 800 ф. ст., больше 2% на основной капитал; расходы на аренду помещения, зарплату служащих и налоги составляли 37 тыс. ф. ст., т.е. в совокупности почти 10% на основной капитал[51].

Удивляться высокой доле административных расходов не приходилось — уж больно много крупных финансистов собралось под крышей сравнительно небольшого банка. И не только финансистов и бывших чиновников финансового ведомства. Среди служащих банка оказался даже И.И. Сукин, бывший управляющий министерством иностранных дел Колчака; после крушения Колчака Сукин вернулся «на круги своя» — в Вашингтон, откуда некогда был направлен в Сибирь для связи с антибольшевистскими силами, и, оставшись там, сделал головокружительную — но скоротечную — карьеру. В Российском посольстве в Вашингтоне место первого секретаря, которое занимал Сукин до своей командировки в Сибирь, было, конечно, уже давно занято. Сукин, хотя и не оказался пока на улице, но фактически остался не у дел. При посредничестве Угета его в конце концов пристроили в Eastrabank с жалованьем 50 ф. ст. в месяц[52].

Таким образом, Угет, приятельствовавший с Сукиным, получил источник осведомления внутри банка; редкие письма бывшего колчаковского фаворита, перепечатанные по указанию Угета и сохраненные им на всякий случай наряду с финансовыми документами, позволяют дополнить то представление о непростой атмосфере в банке, которое складывается по официальной переписке.

Проработав в банке всего несколько месяцев, Сукин писал Угету в самом начале 1922 г.:

> Если Ты мне обещаешь абсолютную дискретность[53] и на меня не будешь ссылаться, то скажу совершенно откровенно следующее (или ничего не говорить или говорить правду): организация банка ниже всякой критики; это какое-то любительское учреждение, в котором директоров чуть ли не столько же, сколько служащих, и они в банковском деле мало что смыслят. Среди них профессиональный банкир один лишь Чаманский,

но он, хотя и ловок и сообразителен, но страдает нервностью характера, впечатлительностью, случайностью своих решений и вообще производит впечатление ненадежности. Репутация у него среди русских самая отвратительная, некоторые говорят самые рискованные вещи про его деловую добропорядочность. В чем правда, — разобраться трудно; во всяком случае, про него никто хорошо не отзывается; лично же я никому бы не рекомендовал с ним иметь дело. Замен удивительно мил и благороден, Глазберг умен и вежлив, Топпинг безобиден, Шателен вообще никакой роли не играет и здесь был всего 3 недели. При всем этом управление было до самого последнего времени построено на губительном коллегиальном начале. Директора все время совещаются; из-за отсутствия настоящего дела занимаются мелочами; общий тон банка чисто русская бестолковость и хаотическая дезорганизация. Состав служащих преимущественно набран из русских — fait triste figure[54] по сравнению со спокойной и деловой корректностью немногих англичан, которые охотно служат в банке, потому что он платит гораздо более крупные жалованья, чем другие, но в откровенных беседах со мной не скрывают глубокого презрения ко всей суетливости, беготне и противоречивости и нерешительности нашего management'a: it must be a «Russian System»[55], говорят они с улыбкой, когда возникают постоянные для русских организаций за границей случаи недостаточно корректного и сумбурного управления. Все это тем более печально, что вообще банку и без того трудно пробиться и завоевать себе положение и доверие на лондонском, весьма консервативном, рынке. Если только так будет идти и дальше, то я ожидаю мало хорошего. Сейчас все правление сосредоточено в руках Чаманского, который, впрочем, все время разъезжает, а когда бывает здесь, то сам творит суматоху. В общем «London & Eastern» даже издали не напоминает настоящего банка. Что касается чисто финансовых его успехов, то за первый год существования результаты, я бы сказал, более неудовлетворительные, чем можно было ожидать при самом снисходительном суждении. Правда, особых крупных потерь не было, потому что с самого начала было решено не рисковать и держаться осторожно. Все же, имея сравнительно крупный капитал и большие вклады, правда лишь от вполне определенных и известных тебе имен, можно было закончить год без дефицита, который приходится тщательно замазывать. Главная беда: слишком много директоров, русская бестолковость и отсутствие опытных английских руководителей. Нужно раз навсегда понять, что русские банкиры были хорошими в России и никуда не годятся за границей. Whineray, который несомненно большой козырь, как имя и авторитет, в Лондоне бывает весьма редко и правит «Правление» с

сонмом русских прихлебателей из состава старых служащих разных русских банков. Если у тебя есть какие-либо дополнительные вопросы, я охотно буду тебя информировать, при условии полной ясности, что я не занимаюсь метанием сора из избы, а только искренне озабочен улучшением положения, в котором чувствую известную моральную ответственность, поскольку я являюсь свидетелем и участником, хотя бы на самой маленькой ступени. Лично я работаю усердно и очень устаю. Я являюсь помощником начальника иностранного отделения и на мне лежит вся организационная часть департамента, переписка, руководство работой клерков, состояние счетов и т.д. На этой почве встречаю тысячу неприятностей и трений. В общем нелегко, но надо тянуть лямку[56].

Впрочем, Новицкий в письме Угету, отправленном в те же дни, что и обширное послание Сукина, отзывался о бывшем колчаковском министре довольно нелестно: «Кстати о Сукине. Он совершенно не выдержал той роли, которая была ему поручена, — перессорил многих служащих между собой, поставил ставку на английских служащих против русских и просил уже о прибавке жалованья. Все им недовольны»[57].

Несомненно, Сукин был пристрастен, и, вероятно, не последнюю роль в его саркастической характеристике положения дел в банке играло уязвленное самолюбие. Однако несомненно и то, что отношения между членами Правления и Совета банка были далеки от идеальных; это объяснялось как расхождениями в деловых вопросах, так и личными качествами финансистов. Чересчур много медведей собралось в лондонской берлоге. К тому же к чисто финансовым проблемам неизменно примешивалась политика.

Так, серьезные разногласия возникли в связи с переговорами о сотрудничестве с германским Nordische Bank für Handel und Industrie. Этот банк, подобно лондонскому, был основан преимущественно на капиталы российских предпринимателей и ведущую роль в нем играл И.Г. Коган, в прошлом директор Азовско-Донского банка. Надо сказать, что российские политики и предприниматели, надеясь на скорое освобождение России от большевиков и отдавая себе отчет, что без участия иностранного капитала вряд ли удастся восстановить экономику страны, в то же время опасались ее закабаления иностранцами. Бахметев и Угет надеялись на привлечение американского капитала, который считали наименее «политизированным» и очень боялись немецкого, способного, по их мнению, превратить Россию в сырьевой придаток Германии. К

тому же эмоции, связанные с недавней войной, еще не остыли и в представлении русских дипломатов и предпринимателей любая деятельность, связанная с восстановлением в той или иной степени германской экономики, была опасна для России и граничила с предательством.

Угету не нравились переговоры с немецкой, точнее, с когановской группой. «Насколько я знаю, — писал он Новицкому, — Коган и подобные ему — продукты эпохи великих русских несчастий, сделавшие деньги, главным образом, в результате войны»[58]. В то же время представитель «американской доли» в банке Шателен, напротив, осторожно, но с интересом отзывался о возможном сотрудничестве с Nordische Bank[59]. В конечном счете дело, как сообщал два месяца спустя Угету Замен, оказалось несерьезным и сорвалось[60]. Вопросы о том, «с кем дружить» (разумеется, для увеличения капитала банка и для расширения его деловых возможностей), так же как, еще в большей степени, о методах управления банком, и далее служили причиной внутренних конфликтов в этом нестандартном финансовом учреждении.

В начале июня 1922 г. Сукин информировал Угета, что конфликты улажены, но лишь, по его мнению, на время, ибо,

> хотя достигнуто внешнее соглашение и успокоение, я все же думаю, что не положено достаточно твердого фундамента для ровного и здорового дальнейшего развития. Вопрос активного и твердого делового «management'а» так и остался нерешенным, и все вообще есть сплошной компромисс и натяжка для сочетания элементов, спаять которые можно только искусственно, ибо вся комбинация по существу искусственная, а не деловая. В этом, конечно, корень всего зла и почти верный залог малого успеха. Все же, принимая во внимание все существующие трудности и исходя из имеющегося налицо положения, пока тянут сравнительно удачно. Очень толково, ловко и гибко действует Шателен, который вообще большой молодчина и премилый человек. Насколько Замен сошел в тень и лишился всякого влияния, настолько же выдвинулся Шателен, который, когда нужно, пользуется и Заменом и Глазбергом и Чаманским. Последний, конечно, продолжает свою сложную и не совсем ясную игру, но в общем все же единственный человек в банке, который понимает что-нибудь в делах. Я несколько разочарован в Глазберге, который скорее тип русского интеллигента, нежели ловкого банкира. Он приятнейший собеседник, но его «judgement»[61] не внушает мне полной уверенности в проницательности и отсутствии увлечений. Что

> касается меня лично, то я продолжаю кое-как выгребать; усердно работаю, ни с кем не ссорюсь и жду лучших времен. Их пока не видать даже издали, и общее сокращение жалований закрыло для меня перспективы на какое-либо улучшение моих финансов в ближайшем будущем, а жить приходится почти на гроши. Я так и не выучился этому искусству в безвыходных денежных кризисах. Бедный Бурышкин совсем потрясен и, как Ты, вероятно, знаешь, уезжает в Берлин. Очень ему неприятно, что я не последовал за ним в волне сокращений, но я не сержусь на эту его естественную человеческую обиду[62].

Итак, сокращение административных расходов было все-таки проведено, и бывший министр финансов колчаковского правительства П.А. Бурышкин потерял место в Совете банка. Ирония судьбы заключалась в том, что в свое время именно Бурышкин, когда крушение Колчака уже определилось, дал распоряжение о переводе казенных сумм за границей на личные счета финансовых агентов; теперь его вышвырнули из Совета банка, треть основного капитала которого состояла из государственных денег, переведенных этими агентами (Угетом и преемником Замена Новицким).

Тем временем угроза для банка и для финансовых агентов, весьма довольных, по-видимому, наличием своего банка, через который можно было проводить операции, не опасаясь ареста денег кредиторами, и который мог послужить, в случае чего, неплохим местом для «трудоустройства» (как мы увидим, вскоре примеру Замена последовал Новицкий), возникла с неожиданной стороны. Ситуация с государственными деньгами, помещенными в частный банк, который мог распоряжаться ими, думая скорее о своих собственных, чем о национальных интересах, все более смущала автора «Положения» о Национальном фонде В.А. Маклакова.

В обширном письме Бахметеву, датированном 25 апреля 1922 г., Маклаков напоминал о хаосе, который господствовал в деле распоряжения остатками казенных денег после окончания Гражданской войны. Деньги тогда оказались на руках у различных хранителей — генерала Н.Н. Юденича, морского агента во Франции В.И. Дмитриева, М.В. Бернацкого и др.; взаимоотношения послов с финансовыми агентами были запутанными. Отметив, что создание Финансового совета при Совещании послов было направлено на централизацию и упорядочение распоряжения государственными средствами, Маклаков обратился к истории создания Национального фонда и в особенности к положению в Лондонском банке:

Вопрос о Национальном Фонде был вопросом двоякого рода; во-первых, вопросом забронирования некоторой суммы, а во-вторых, вопросом хранения. Но лично меня он касался только с точки зрения его хранения. С известного момента вопрос о хранении сумм стал очень острым. Нас пугали, что в Англии хранить деньги небезопасно. Насколько серьезны были эти страхи и даже насколько искренни — судить я не в силах; в конце концов все это мы узнавали через тех же Новицкого и Замена, которые являлись в этом вопросе стороной. Но на опыте Франции, которая отняла у нас 26 миллионов, а потом ледоколы, мы понимали, что опасность от плохого хранения денег очень реальная; когда нам говорили, что в Англии дела политически поворачиваются очень плохо, что возможно полное признание большевиков, то мы не могли относиться к этому слуху равнодушно. ... В результате явился план поместить деньги в акции банка; Вам этот план, как Вы пишете, не по душе; скажу Вам, что мне он еще менее был по душе. Мне не нравилось, во-первых, что деньги в значительной степени были иммобилизованы, во-2-х, что они не были защищены от случайностей краха, в-3-х, что этот механизм мог действовать, только пока можно было питать доверие к тому лицу, на чьем имени оставались эти деньги; а я, как адвокат, привык это доверие считать вещью очень опасной. Словом, в помещение денег в акции банка я не проявил энтузиазма и не раз против него возражал. Горячим сторонником этого являлся все время Новицкий. Я не раз говорил Гирсу, что Новицкий увлекается желанием играть роль в банке, а не только мыслью о том, как хранить свои деньги. Однако у меня не было возможности спорить против этого плана, пока я не мог противопоставить ему лучшего. ...Лично мне фонд казался не нужным; я понимаю, что нельзя истратить деньги до последней копейки, но в наших условиях держать деньги предназначенными для «восстановления России» — мне казалось смешно. Уже одно то, что мы должны были бы наличность этого фонда скрывать, ибо если мы доживем до того, что люди будут за границей умирать с голоду, то наличность денег, припрятанных для будущего экономического возрождения России, будет актом, в котором мы не посмеем публично признаться, — уменьшало мои симпатии к образованию такого фонда. Но так как деньги были не у меня и не я за них отвечал, то я этого мнения никому не навязывал, хотя к идее фонда относился скептически. В обсуждениях по этому вопросу я принимал участие как «спец», который облекает соглашения и постановления в юридически грамотную форму и принимает меры к тому, чтобы помешать возможным злоупотреблениям[63].

Маклаков напоминал своему другу, что «создание банка более Ваше дело, чем наше». Вернувшись из США после подписания Вашингтонского протокола, Новицкий рассказывал, что если к способу хранения государственных средств Бахметев отнесся отрицательно, то идею создания банка для будущей работы с Россией, наоборот, приветствовал и решил поместить в него гораздо большую сумму, чем мог предположить кто-либо из «европейцев». Маклаков, по его словам, изначально относился ко всей затее сдержанно и, составляя «Положение» о Национальном фонде, не случайно «совершенно устранил» от ведения фондом Совещание послов, «оставивши его исключительно на ответственности финансовых агентов»[64].

Осторожный адвокат писал:

> Откровенно скажу, что не хотел брать ответственность за то, что будет делать Новицкий; если Новицкий, храня деньги, как он сам говорил, считал своим долгом играть на курсовой разнице, я предпочел это не знать, а, следовательно, не быть обязанным это знать; я лично не стал бы этого делать с чужими деньгами и считал бы себя не вправе так делать... Каюсь, что если худо ли, хорошо ли, но мы разрешили вопросы, которые перед нами стояли, т.е. возможность злоупотребления со стороны финансовых агентов, их смерти и т.д., то я ни разу не ставил того вопроса, который стал сейчас, о характере деятельности самого банка. Потому ли, что я недостаточно знаком с банковской деятельностью и не представлял себе опасности с этой стороны, я успокоился тем, что банк достаточно прочен, не лопнет и деньги не пропадут. О том, что банк может вести сомнительные операции, я не подумал. Когда теперь обнаружилось, что это так и что ответственность за такие операции лежит на нас, я не хочу прятаться за то, что это нас не касается; с большим сожалением вижу, что, кто сказал «а» должен сказать, и «б», и что мы должны принимать на себя эту ответственность; если бы в свое время я думал, что такая функция падет на меня, я и Гирс на это бы не пошли. Это как раз область той полуответственности, которую я ненавижу. Я не могу ее осуществлять непосредственно, ибо я не правление банка. Я, наконец, слишком мало банковский деятель, чтобы брать на себя распоряжение операциями. Все это я говорю, чтобы показать, как стал вопрос. Теперь остается сделать из этого необходимые выводы[65].

Через три дня после отправки этого письма, на заседании Совещания послов 29 апреля 1922 г. с участием Бернацкого, Шателена и Новицкого, Маклаков выступил с речью, выразив сомнения в прочности банка и предложив подумать о другой форме хранения. Маклакова тревожило, что банк, хотя и не понес убытков, но и не принес прибыли, что, с его точки зрения, означало потерю «веса» его акций, т.е. убытки для казны.

«Хотя Маклаков и оговорился, — с раздражением писал о выступлении посла Новицкий, — что он отличается чрезмерной трусостью в денежных делах, трусостью, которая однажды заставила его отказаться от наследства из боязни лишних для себя осложнений, где он, сопоставляя себя с ролью рабов в притче о талантах, является рабом ленивым и лукавым, предпочитавшим зарывать таланты в землю, тем не менее проявленное им в первой части его речи отношение к делам не только банка вообще, но и финансов в частности, поразило всех присутствующих своей невероятной наивностью и предвзятостью»[66].

Реакция Угета на письмо Маклакова была предсказуемой и весьма резкой, в особенности учитывая его осведомленность об особых отношениях между Бахметевым и Маклаковым:

> Для того чтобы В.А. Маклаков мог участвовать в вопросах Национального фонда, ему, прежде всего, необходимо ознакомиться с соответствующими документами и перепиской и отнестись к этому вопросу не с точки зрения возможности личной ответственности при различных вероятностях, а исключительно — с деловой. Тогда, вероятно, В.А. все поймет и от него уже будет зависеть, желает он или нет иметь отношение к Национальному фонду[67].

Однако дружный отпор со стороны финансовых агентов не успокоил Маклакова, и он в письмах Бахметеву продолжал бить тревогу. В начале следующего, 1923 г. он вновь выразил сомнение в целесообразности хранения денег в Лондонском банке. Причем, по его словам, впечатление ошибочности принятого решения сложилось также у Гирса и Бернацкого. «То, что нам говорили про этот банк раньше, и то, что обнаруживается мало-помалу теперь, совершенно непохоже», — писал посол в Париже. Напомнив о своем прошлогоднем «алярмистском»[68] выступлении, не встретившем понимания финансистов, в том числе Новицкого и Шателена, Маклаков констатировал: «С тех пор впечатление, что Нацио-

нальный Фонд помещен не в верное место и с известным риском, только усилилось». Маклакова волновала слабая осведомленность членов Коллегии попечителей о внутренних делах банка; «оптимистичная» информация Шателена о перспективах внутренней революции, которая должна была привести к оздоровлению атмосферы и более успешному ведению дел, вызвала у опытного юриста противоположную реакцию: «Тревожное чувство, что В. И. [Новицкий] заманил со своим банком нас в сомнительную сделку, не улеглось, а пока только усилилось»[69].

Из переписки Маклакова и Бахметева очевидно, что Банк сотрясали внутренние кризисы, связанные с конфликтом московской группы, точнее, группы Московского Купеческого банка во главе с Г.Д. Чаманским — с остальными участниками дела. Внутренняя борьба закончилась не в пользу Чаманского, и его сменил британец Энгус Макфейл (McPhail).

Члены московской группы причины конфликта видели, напротив, в интригах Шателена: «С его вступлением, — жаловался Маклакову задним числом Б.А. Швецов, — очень скоро прекратилась мирная жизнь в банке, так как стремление играть роль и иметь влияние отодвинуло все деловое начало и начался бесконечный ряд интриг, которые мало способствовали успеху и развитию дела... Честолюбию и самолюбию г. Шателена были принесены в жертву все интересы банка. Постоянная подпольная работа совершенно уничтожала в нас интерес к работе, и для нас уже в то время были более или менее ясны стремления и желания С.А. Шателена»[70].

Кто бы ни был виноват во внутреннем конфликте, на пользу делу это явно не шло.

В ответ на тревожные послания Маклакова, Бахметев уверенно писал, что «разговоры о неурядицах в Банке сущий вздор». Ему импонировал новый управляющий Макфейл, которого он считал полезнее «десяти представителей казны». Беспокоили его лишь личные взаимоотношения членов «русской группы». Весьма саркастическую характеристику Бахметев дал своему бывшему сотруднику:

> Для меня нет сомнений, что милейший Новицкий ввел все дело в русло личных обид и может быть даже личных стремлений. Я это говорю не с целью его обвинить, он очень милый, хороший и честный мальчик, но дитя и всегда дитем останется, и его детскость выражается в том, что он не умеет отделять делового и принципиального от личного, и своих персональных затруднений от тех барьеров, которые нужно брать по пути

> государственной работы...я его не упрекаю в неискренности или задних мыслях, а просто в немужественности и легкомыслии натуры. Я помню, когда он работал в Вашингтоне, он перманентно на меня обижался. Он был прав и неправ; неправ, потому что я его лично очень люблю и крайне хорошо к нему относился, прав, потому что по существу мое отношение к нему никогда не было серьезным[71].

Рассуждая о трениях, возникших по вопросу о членах правления и о способах контроля за казенной долей в капитале банка, Бахметев писал: «Если мы начнем скандалить и вести себя неприлично, то кончится тем, что с нами никто не будет желать иметь дело и нам придется с неприятностью уйти. Ни при каких обстоятельствах такой уход не может помочь казне. В коммерческой сфере различные стороны всегда сговариваются о членах правления, это единственная возможная практика; все несчастие, что птенчик Новицкий защебетал раньше времени и, никого не спросясь, сунулся на свой личный риск и страх, куда ему соваться не надо было...»[72]

В качестве представителя «европейской части» казенного капитала в банке Бахметев хотел бы видеть скорее Замена, человека, по его мнению, спокойного, обстоятельного и знающего технику банковского дела. Правда, со свойственной ему нередко безапелляционностью Бахметев тут же замечал, что «Замен не умеет вести практические дела», о чем ему известно еще со времени работы Замена управляющим Кредитной канцелярией, что он скверный коммерсант и «многие частные интересы» им недовольны.

В финансовых вопросах Бахметев не стеснялся выступать по отношению к своему старшему другу в качестве ментора. Он укорял Маклакова за беспричинную, как ему казалось, перемену отношения к банку:

> Мне неясно, что такое обнаружилось, чего Вы раньше не знали. Не могли же Вы рассчитывать получить какое-то влияние сравнительно маленьким взносом в каком-нибудь огромном учреждении. Ведь с идеей взноса в этот Банк была связана мысль о возможности использовать английское кредитное учреждение для экономической помощи России, по крайней мере в первые переходные моменты ее новой жизни. Нельзя о предприятии судить только по рассказам В.И., который сегодня интересуется мыслью, а завтра обращается против нее. Банк был всегда хилый, и мы это отлично знали, но ничего угрожающего в его балансах

нет. Я сказал бы, что теперь, когда есть новый управляющий и это не внутренняя революция, а целесообразная реформа, есть все основания думать, что дело улучшится. В свое время мы понимали все недостатки идеи. ... Но я скажу от себя и знаю, что того же мнения придерживается Угет, что теперь, когда дело сделано, внезапно пугаться и удирать из дела еще более ошибочно и неосновательно, чем в него было в свое время идти. Тем более что единственный момент во всем деле, который сколько-нибудь может интересовать национальные интересы, а именно использование учреждения для экономической помощи на первых шагах восстановления приближается[73].

Вряд ли Бахметев мог вообразить, что этого «восстановления» не суждено будет увидеть не только ему, но и «птенчику» Новицкому.

1923—1924: Новые неурядицы

Тревога Маклакова за судьбу казенных денег, которую, видимо, разделял Гирс, была небезосновательной. Успехи банка были, мягко говоря, невелики; 1922 год он закончил с убытком. Однако Новицкий, очевидно метивший на теплое место под крышей банка, и Угет, заинтересованный в банке для проведения секретных (прежде всего от кредиторов) операций, были настроены более оптимистично.

Угет отправил Гирсу в конце июня 1923 г. «совершенно личное» письмо, в котором объяснял причины неудач банка тем, что его основной капитал был недостаточно велик (500 тыс. ф. ст.), а для успешных операций, учитывая практически «иностранный» характер банка, нужен был основной капитал не менее миллиона фунтов стерлингов; банк, указывал Угет, проводит операции в основном за счет собственного капитала, что сужает его возможности. Он считал возможным существование банка в «безразличном равновесии», только если его директором-распорядителем будет англичанин, конкретно — Макфейл. Он «не банковский гений, но человек, прекрасно знающий рынок, технику и рутину своего дела», и при контроле со стороны Правления банк может вполне держаться на плаву и даже выплачивать маленькие дивиденды[74].

Действительно, в 1923 г. банк убыток предыдущего года покрыл. Взамен выбывшей (со скандалом) группы Московского Купеческого банка[75] вступила группа акционеров Русского для

внешней торговли банка (Давыдов, Добрый[76], Кестлин), превращавшегося во французское кредитное учреждение при участии Banque de Paris et des Pays-Bas[77]. Этим новым союзом акционеры Лондонского банка были весьма довольны; Русский для внешней торговли банк принадлежал к числу крупнейших российских банков, а его директор-распорядитель Леонид Федорович Давыдов, действительный статский советник и камергер, был в свое время человеком «государственным» и в мире финансов весьма авторитетным.

Угет с удовлетворением писал Замену:

> Вместе с Тобой радуюсь, что после упорной и утомительной борьбы из Банка с корнем вырваны источники интриг, недоброжелательства и взаимной борьбы. Больше того, с заключением соглашения с заправилами Русского для Внешней торговли банка под наш Банк подведена теперь солидная деловая база[78].

Однако радовался Угет, как показало недалекое будущее, рано.

Предположение Маклакова о том, что Новицкий, выдвигая идею о хранении государственных денег в акциях частного банка, преследовал и личные интересы, рассчитывая при случае получить в этом банке место, полностью оправдалось. В конце декабря 1923 г. Новицкий писал Угету о грядущих изменениях в своей судьбе:

> С 1-го января нового года я покидаю должность Главноуполномоченного по финансово-экономическим делам и выхожу, таким образом, из Финансового совета и всех посольских организаций. Вместе с тем я по-прежнему остаюсь хранителем средств Лондонского финансового агентства и казначеем сумм, как передаваемых К.К. Миллером Финансовому совету, так и находящихся непосредственно в распоряжении Финансового совета. Это последнее я делаю по просьбе М.Н. Гирса. Должность моя не будет замещена, и все, что мною делалось в Финансовом совете и Финансовой комиссии, будет делать теперь М.В. Бернацкий. — Финансовое агентство в Лондоне я закрываю с апреля месяца 1924 года. Часть архива будет сложена и спрятана, часть привезена в Париж. Одновременно с этим я вывожу архив из Финансового отдела в Париже и перевожу его на частную квартиру, которая берется на имя [Б.В.] Гаугера и адрес которой Тебе будет сообщен для направления, в

дальнейшем, всей секретной переписки, касающейся Национального фонда и наших сумм.

Уходя, таким образом, официально от посольской работы, по существу, конечно, в частном порядке, буду помогать как М.Н. Гирсу, так и М.В. Бернацкому по всем вопросам, к которым им будет желательно меня привлекать, и фактически буду занимать то положение, которое занимает К.К. Миллер, остающийся хранителем и распорядителем своих сумм и занимающийся своими частными страховыми делами[79].

Новицкий с согласия Коллегии попечителей Национального фонда вошел в правление London & Eastern Trade Bank, так же как и новоучрежденного французского банка[80].

В 1924 г. дела банка пошли вроде бы неплохо; особую активность он развил на восточноевропейском направлении. «Ригу мы завоевали», — с удовлетворением констатировал Замен. Неплохо шли дела и в Польше; с другой стороны, ситуация осложнилась в связи с уходом братьев Цатуровых[81]. Однако это были еще цветочки; Давыдов, союзу с которым совсем недавно так радовались учредители, вел себя, по-видимому, довольно агрессивно, и Шателен даже высказывал опасение о его намерении захватить банк[82]. Расклад сил в Правлении перед предполагаемой схваткой представлялся Угету следующим образом: «Против нас: Давыдов, Кестлин, Мак Фейль, Замен. С нами: Нобель, Глазберг, Топпинг, Шателен, Новицкий»[83].

Тревожила представителей несуществующего государства и политическая неразборчивость Давыдова. На одном из заседаний Правления рассматривался, среди прочего, доклад менеджера Р. Джерзалия (Gersaglia) о посещении им Ревеля (Таллина) и о предложении со стороны ревельского банка Шеля принять участие вместе с некоторыми другими учреждениями в финансировании вывоза продуктов, в том числе муки, из Москвы.

Председательствовавший на заседании Глазберг прервал докладчика, напомнив о принципиальном решении Правления о недопустимости торговли с большевиками.

На это последовала реплика Давыдова, заметившего, что «принципами кормиться нельзя, надо иметь прибыли, и если это дело выгодно, то он, будучи против прямой торговли с большевиками, но за косвенную. Что же есть прямая торговля и что не прямая — это вопрос организации, которую хорошие банкиры всегда придумают. Замен согласился с ним. Мне пришлось очень резко

выступить, — информировал Угета Шателен, — указав, что нельзя такой вопрос решать в случайном порядке, а надо его обсудить в полном составе правления, вспомнив положенные в основание банка принципы и идеи. До такого обсуждения я не могу допустить никакого решения и никакой подготовительной работы»[84].

Реакция Угета была несколько наивной для финансиста: «Мне искренне жаль Давыдова, который в своей нарочитой позе цинизма запутался до того, что уже пускается на такие предприятия, которые могут поставить крест на его прошлом. Обладая крупными деньгами, для чего вообще ему нужна погоня за новыми, совершенно непонятно, в особенности учитывая его возраст и состояние здоровья»[85].

58-летний Давыдов, видимо, казался Угету глубоким стариком.

На заседании Правления 5 ноября 1924 г. Давыдов преподнес очередной сюрприз, проинформировав своих недавних деловых партнеров, что контрольные пакеты акций в Русском для внешней торговли банке и Banque Generale проданы фирме Bauer, Marshal & Company. Давыдов извинился, что не сообщил об этом раньше, так как «коммерческое понимание дела не допускало возможности обсуждать его до заключения сделки».

Топпинг сказал Давыдову, что «его извинения напоминают ему извинения убийцы перед трупами своих жертв». Мало того что между Eastrabank'ом и Русским для внешней торговли банком был произведен обмен акциями и, таким образом, Правление оказалось поставленным перед фактом появления нового и совершенно неизвестного ему акционера, так еще вдобавок о Bauer, Marshal & Co ходили слухи, что они связаны с большевиками[86]. Слухи оказались беспочвенными, однако паника поначалу поднялась нешуточная.

Вся эта история навела бывшего министра Бернацкого на грустные размышления, которыми он «совершенно доверительно» делился с общей «жилеткой» для собирания слез российских финансистов — Угетом:

> Наиболее печальным является то обстоятельство, что, несмотря на частые уверения, единство в нашей Коллегии отсутствует. Скажу даже больше, Коллегии, как таковой, нет...
>
> События показали, что некоторые члены Коллегии не столько «ориентируются» на нее, сколько «страхуются» на внешние, действительные или воображаемые силы. К.Е. Замен — на Л.Ф. Давыдова, С.А. Шателен — почему-то на Глазберга и Топпинга.

Особенно болезненно чувствуется эта внешняя «ориентация» сейчас. Из писем моих и В.И. Новицкого — Вы знаете ход последних событий. Л.Ф. Давыдов и А.И. Добрый тайно от всех продали контрольный пакет акций Русского Для Внешней Торговли Банка и Banque Generale фирме Bauer & Marshal. К.Е. Замен знал об этом раньше других и нам ничего не сказал. Молва сразу придала этой сделке пробольшевистский характер; наше положение оказалось ужасно. Предпринятые расследования и данные Л.Ф. Давыдовым объяснения успокоили нас и «общественное мнение» (вернее, добросовестных его выразителей): пока не может быть и речи о сближении фирмы с большевиками. Конечно, Бурышкин продолжает клеветать, но кто же придает серьезную цену его словам? Им пользуются такие люди, как С.Н. Третьяков для своих целей — похода против Маклакова и всех нас, в надежде стать во главе заграничных организаций и «распоряжаться» остатками казенных средств...

...«Шатаниям» надо положить предел и уничтожить, наконец, упомянутые мною «внешние ориентации». При таком состоянии казенной коллегии, как ныне, конечно, каждый сильный человек думает о «завоевании» банка...

Бедному нашему Банку никак не удается стать на твердую почву. В значительной степени виной этому — мы сами[87].

«Разбронирование» Национального фонда. Роспуск Коллегии попечителей

Тем временем существованию Национального фонда, точнее, его существованию в том размере и с той системой управления, которая оформилась в декабре 1921 г., — пришел конец, и совсем не вследствие нестроений в банке, а по внешним и более фундаментальным причинам.

Еще 15 мая 1923 г. на совещании Миллера, Угета и Новицкого было решено в случае, если после 1 июля 1924 г. не окажется должных свободных средств для продолжения ассигнований на содержание официальных органов и на помощь беженцам, освободить на эти нужды 40 тыс. ф. ст. из Национального фонда (по 20 тыс. из европейской и американской частей) и 20 тыс. ф. ст. из Неприкосновенного фонда (японская часть), контролировавшегося Миллером. Год спустя, 25 июня 1924 г., вновь собравшиеся на совещание финансовые агенты пришли к выводу, что этот момент настал.

На следующий день состоялось заседание Коллегии попечителей под председательством Гирса и при участии Маклакова, Бернацкого, Угета и Новицкого. Коллегия поддержала решение фи-

нансовых агентов. Однако согласно «Положению о Национальном фонде» решение такого рода могло быть только единогласным, т.е. без согласия Бахметева «разбронировать» часть фонда было невозможно. А бывший посол в Вашингтоне с мнением большинства, доведенным до него письмом Гирса, не согласился[88].

Убедить своего заокеанского друга взялся Маклаков. Напомнив, что в свое время он «очень кисло» отнесся к идее Национального фонда и что она была не его выдумкой: он «не одобрял иммобилизации денег, которые могли бы понадобиться», и поэтому не удивительно, что он поддерживает «идею разбронирования фонда», посол в Париже писал Бахметеву, — дело не в его предвзятости, а в объективных обстоятельствах. Сложившаяся в Париже атмосфера вынуждала «разбронировать» часть Национального фонда. Лучше поступиться частью, доказывал Маклаков: «Никто не может претендовать на неистощимость казенных средств и кого-либо обвинять в том, что они истощились. Но это было бы хорошо только в том случае, если бы они действительно истощились; если бы мы могли говорить, что денег больше нет. К сожалению, это было невозможно; вообще трудно делать в тайне дела, о которых многие знают, но в данном случае было нечто более, чем неясные слухи»[89].

Маклаков ссылался на председателя Земгора кн. Г.Е. Львова, утверждавшего, что он «отлично знает и сумму и все детали вопроса», причем не от кого иного, как от самого Бахметева. Другим источником информации был Бурышкин. Но он «рассорился с банком», и поэтому его сведениям, к тому же запоздалым, не было особенного доверия. Дело принимало совсем другой оборот, когда об этом говорил Львов. Маклаков писал:

> И сколько мы ни пытались предупреждать и уверять, что к 1-му июля средства окончатся, все отлично понимали, что это значит только то, что останутся только средства Национального Фонда, которые мы не хотим трогать. Вы понимаете, что это совсем меняет вопрос; когда мы имеем дело с очень реальной нуждой, которая не только не уменьшилась, но возросла за последнее время, то ссылка на то, что нами было решено эти деньги не трогать, никого успокоить не может; тем более что те мотивы, которые можно было бы привести в оправдание нашего решения, — очень условны; более того — эти мотивы при наличии реальной нужды и хода дел в Совдепии представляются просто смешными; Вы никого не убедите, что этими деньгами можно было бы и восстановить Россию, и совершить переворот; и потому неудивительно, что в злоязычной и

озлобленной эмиграции создалось твердое убеждение: что весь смысл этого Национального Фонда только в том, чтобы кормить финансовых агентов, пристроившихся к банкам. Во всяком случае нужно было утверждать одно: если бы мы не тронули Национального Фонда, то в среде эмиграции начался бы самый определенный поход против нас, в котором бы объединились и сторонники казны, Николай Николаевич, и правые, и земгорцы; земгорцы в этом отношении не отстали, о чем тот же Львов предупреждал; а весь этот скандал в момент, когда последний оплот антибольшевизма в Европе — Франция была на перепутьи, был сугубо несвоевременным.

Вот почему не только для меня, но для нас всех было ясно, что Национальный Фонд может быть сохранен только при условии, что это будет нашей тайной; и что так как эта тайна была в свое время нарушена, то эту-то оплошность и необходимо исправить; необходимо фонд разбронировать, а те остатки, которые останутся, уберечь от постороннего глаза и никому не говорить об их существовании. Правда, Национальный Фонд уменьшится, но это в конце концов не такая беда... Главный же повод только один: нельзя отказаться тратить деньги, о существовании которых знают другие; перед нами две задачи: протянуть дело еще сколько можно, и не только нашими конституциями, но и нашей дискретностью окончательно забронировать то, что у нас остается[90].

В конечном счете Бахметев заявил, что не желает ставить препоны и не возражает, чтобы постановления о «разбронировании» Национального фонда были приняты без его участия. «Вы действуете в известной обстановке, как это Вам представляется необходимым». Бахметев также заверил, что не возражает против того, чтобы Угет принимал самостоятельные решения в качестве финансового агента[91].

Расходясь с Маклаковым в деталях, Угет, как и Бахметев, понимал неизбежность «разбронирования» части Национального фонда. Интересен комментарий Угета к письму Бахметева: «Из этого письма нетрудно убедиться, что Б.А., вполне понимая как сложившуюся обстановку, так и трудное положение, в котором оказалось наше представительство, окруженное волнами озлобленного беженства, отнюдь не желает блокировать тех решений, которые, хотя бы временно, могли бы разогнать сгустившиеся тучи. Вместе с тем, однако, по весьма веским принципиальным соображениям Б.А. считает невозможным для себя присоединиться к постановле-

ниям, противоречащим его взглядам и убеждениям, но при этом ни в малейшей степени не хочет ограничивать свободу моих решений»[92].

По-видимому, тратить деньги начали еще до оформления всех необходимых документов. Во всяком случае, Угет укорял Маклакова в начале января 1925 г.: «Меня несказанно смущает то обстоятельство, что Коллегия попечителей, в силу своеобразного положения, ею занимаемого, а потому с особой щепетильностью долженствующая относиться к оформлению своих действий и решений, между тем все время находится в положении приемыша, которого терпят, но надлежащих забот по отношению к нему не проявляют»[93].

Угет напоминал, что «июньские постановления так и остаются висящими в воздухе, а соответствующее расходование средств продолжается уже в течение полугода». Он предлагал Маклакову, и так уже затратившему «много труда на нахождения приемлемого для всех решения», взять на себя инициативу «по окончательному урегулированию этого затянувшегося вопроса». «Истекший двухгодичный период жизни Коллегии показывает, — заключал Угет, — что мысли, заложенные в ее основу, если и правильные, то во всяком случае осуществление их безостановочно хромает, а ее участники мало проявляют интереса к нормальному функционированию ими же созданного органа. Если, в силу общих сложившихся условий, подобный недуг неисцелим, то не было ли бы уже лучше и проще откровенно сознаться в этом и по соответствующему соглашению признать Коллегию прекратившей свое существование»[94].

Действительно, после «разбронирования» части Национального фонда стало очевидным, что существование Коллегии попечителей в прежнем виде потеряло смысл. Это и было констатировано на заседании Коллегии 18 мая 1925 г., денонсировавшем «Положение об установлении и распоряжении Национальным фондом» от 20 декабря 1921 г. В заседании участвовали Гирс, Маклаков, М.В. Бернацкий, В.М. Бернацкий, Угет, Новицкий и приглашенные лица — Н.В. Савич и К.К. Миллер.

Ввиду 1) медленности освобождения России; 2) неизбежности продолжительного хранения сумм, причем в условиях признания советской власти и розысков русских денег, что заставляло держать их в «крайне замаскированной форме» и требовало оперативных решений; 3) в связи с тем, что затяжной процесс освобождения России мог «ставить вопрос об обращении части Национального фонда на надобности вне его прямого назначения», на что «Положение» «не давало никому законного права», члены Коллегии еди-

ногласно решили, что наступили те условия, при которых «существование коллегии становится фактически невозможным»[95].

Коллегия попечителей была распущена, а ее функции перешли к «финансовым агентам совместно». В то же время важнейшие решения, такие как траты, изменения порядка хранения и т.п., должны были приниматься по соглашению между финансовыми агентами и Совещанием послов. Было решено, что специально для этого случая Совещание послов собирается в составе Гирса (председатель), Маклакова, Бахметева, М.В. Бернацкого, Н.В. Савича и К.К. Миллера; управление делами Совещания послов возлагалось на В.М. Бернацкого. Протокол печатался в трех экземплярах, которые должны были храниться в Нью-Йорке (Coudert Bros., 2 Rector Street), Лондоне (London & Eastern Trade Bank) и Париже (Bankers Trust Company, 3 &5 Place Vandome)[96].

Лондонский и восточный торговый банк в 1925—1946. «Обналичивание» Национального фонда

На 31 мая 1925 г. список акционеров Eastrabank'а и тех, у кого акции находились в доверительном управлении, выглядел следующим образом:

Names of shareholders:

Jean Charles Kaestlin (London) — 500
George Henry Kaestlin (London) — 500
Paul Renee Kaestlin (Switzerland) — 500
Abraham Dobry (Paris) — 1500
Douglas Ingram (Twickenham) & Arthur Julian Haward — 8495

Names of trustees:

Leonide Davydoff (Paris) — 4000
Gustav Nobel (Paris) — 13520
Angus McPhail — 3060[97]

Внутренняя борьба в банке не утихала. Тон писем Шателена Угету оставался тревожным: «Положение в банке в смысле правления вообще и отдельных его членов в частности совершенно невоз-

можное. Несмотря на все усилия, каждое сведение надо вытаскивать и выпрашивать». Угет стал подумывать о продаже принадлежащих казне акций за 75% их стоимости, лишь бы уйти из банка. «Мне думается, что чем больше Ты хочешь уйти, — предостерегал его Шателен, — тем менее нужно, чтобы об этом знали, иначе будут выжимать, да еще показывать соус, что будто благодетельствуют и исполняют Твое желание»[98].

Все эти передряги привели Угета в декабре 1925 г. к неутешительному заключению: «За последнее время для меня стало довольно ясно, что банк неуклонно идет по пути к полному банкротству. Обидно при этом только то, что неминуемо надвигающаяся опасность находится не столько в связи с плохим деловым положением банка, а зависит от системы произвола, там воцарившейся...» Ответственность за это Угет возлагал в значительной степени на бывших коллег по государственной службе — Замена и Новицкого. Замен, которого он теперь именовал не иначе как тупицей, вел себя не как директор-распорядитель, а как диктатор, ни с кем и ни с чем не считающийся. Виноват в этом был, с точки зрения Угета, более всего Новицкий: «Ему неукоснительно хотелось играть во всем первенствующую роль, а потому неискренностью и интригой, ассоциируясь то с одними, то с другими, он и помог расцвету того невероятного положения, от которого скоро все заплачут»[99].

Выход Угет видел в консолидации «казенной группы», которая должна твердо взять управление банком в свои руки. О том, насколько далеко зашли раздоры и взаимная подозрительность, говорит тот факт, что Угет готов был допустить сговор Новицкого и Миллера с Давыдовым. А тогда, меланхолично заключал он, «повидимому, останется лишь ждать сначала призыва к новым жертвам, а вслед за коими, довольно уже быстро теперь, последует и принудительная ликвидация банка»[100].

Пессимизм оказался неоправданным. Представителям «казенных интересов» удалось составить большинство и стабилизировать положение банка. Председателем Правления был избран Г.Л. Нобель. В 1928—1931 гг. банк даже выплачивал дивиденды. По мнению Угета, «выдача дивиденда явилась одним из главных достижений банка. Этот шаг был одобрен как Английским банком, так и Сити». «Припоминаю, — писал Угет, — как в 1929 году Г.Л. Нобель, при посещении американских банкиров, говорил, что его целью является проведение банка через пять последовательных лет дивиденда. Отказ от намеченной линии только и может быть сделан под

натиском неблагоприятных событий. Во всяком случае, ничто так не укрепило престиж банка, как именно выдача дивиденда в течение трех лет»[101].

Однако на этом относительное процветание банка кончилось. Мировой экономический кризис добрался до банка — как, впрочем, и до всех британских кредитных учреждений, 21 сентября 1931 г. В этот день Великобритания в связи с ухудшением состояния платежного баланса и уменьшением золотых резервов страны отказалась от золотого стандарта. Был прекращен размен фунта стерлингов на золото, а его курс снижен на 30,5%. Для банка, чья деятельность в значительной степени была связана с валютными операциями, удар был особенно тяжел. По расчетам Правления на начало 1933 г., после оплаты всех обязательств свободный остаток капитала должен был составить около 400 тыс. ф. ст.[102] Основной капитал банка «похудел» более чем на 100 тыс. ф. ст. Тем не менее банк остался «на плаву», хотя о выплате дивидендов, конечно, не могло быть и речи.

Тот же Угет, который в середине 1920-х гг. предрекал банку крах, писал Маклакову в январе 1933 г.:

> На тех общих предположениях, с которыми было связано наше вступление в банк, неумолимый ход событий поставил крест. Неблагоприятные обстоятельства привели к утрате части капитала. На горизонте общих мировых явлений будущее банка представляется неясным. К его чести, однако, я должен прибавить, что с самым тяжелым периодом своей истории (после 20 сентября 1931 года) он справился блестяще, располагая в настоящее время значительными ликвидными средствами. Активный состав Правления состоит из Г.Л. Нобеля, С.А. Шателена и В.И. Новицкого, каждому из коих не могут быть безразличны национальные интересы, будь они велики или малы. Операционная деятельность возглавляется изобретательным Джерзалия, хорошо знающим банковскую технику[103].

Однако приходилось признать, что если держатели государственных средств шли в банк, «преследуя национальный интерес будущего», то «жизнь обратила его в призрак. На очередь стала проблема сегодняшнего дня...»[104] Проблемой «сегодняшнего дня» для Угета было поддержание в какой-то степени его дипломатического статуса — а он оставался единственным «полупризнанным» представителем прежней России. США, последние из великих держав, пока еще не признали Советского Союза.

Маклаков, возглавивший после смерти Гирса в 1932 г. Совет послов и фактически исполнявший неформальную роль координатора деятельности Нансеновских офисов по делам русских беженцев, представлял проблему еще лучше:

> Меня ужас взял, когда я познакомился с финансовой стороной нашего дела. Сколько наших представительств, небесполезных на месте, живут на свой счет, т.е. в условиях ненормальных; сколько получают те, кто получает; подумайте, что такие центры, как Берлин и Женева, получают в месяц по 25 фунтов; Франция, где сосредоточено наибольшее количество беженцев и где они дают наибольшую сумму хлопот, благодаря разным французским законам, в этой Франции я лично, который несу две должности, получаю менее 1500 фр. в месяц. Мы дошли до предела, когда какие-либо серьезные сокращения превратятся в уничтожение[105].

Сохранение Национального фонда в этой ситуации Маклаков считал бессмыслицей, подчеркивая, что он и вообще «никогда не был его сторонником». В то же время он понимал, что реализация акций банка в условиях экономического кризиса крайне затруднительна и что акции могут быть проданы только за бесценок. Приведя, скорее всего, к краху банка или по крайней мере к смене владельца, такая операция не привела бы к существенному улучшению финансового положения эмигрантских учреждений. О том, каким образом превратить Национальный фонд в «живые деньги», Шателен и Новицкий провели совещание с П.Л. Барком, последним министром финансов царской России, пользовавшимся большим авторитетом в британских банковских кругах, но так ничего и не придумали. «...Будет ли фонд чего-нибудь стоить и возможно ли будет его когда-нибудь реализовать — никто не знает и в наших расчетах его сейчас ценят в нуль», — сообщал Маклаков[106].

В начале 1933 г. финансисты, отвечая на вопрос Маклакова, сколько еще смогут просуществовать эмигрантские учреждения, отводили им, в зависимости от оптимизма говорившего, срок от трех до шести лет. Поясняя Угету, претендовавшему на субсидию из «европейских» средств, разницу в положении дела в Европе и США, Маклаков писал:

> В Америке на государственные средства содержатся только государственные учреждения; у нас с 20-го года на них рассчитывают и благо-

творительные организации; Вы хорошо знаете, какую долю государственных денег они съели; покуда эти средства еще оставались, все шло гладко или более или менее гладко; но когда настанет момент, что денег больше не будет и что все закроется, начнется вой о том, что деньги были раскрадены; чтобы ответить на этот чисто русский упрек, наши финансисты собирались опубликовать отчет, куда пошли деньги. Но тогда нужно ожидать злостную и тенденциозную критику этого отчета. Я и хотел Вам сказать, что если бы нам пришлось жить еще не два или три года, а закрыться сейчас, и не в силу общей финансовой катастрофы, а в силу непредвиденных расходов на Америку, то тот вой, который здесь поднялся бы, неминуемо дошел бы до Америки[107].

Первоначальная цель создания Национального фонда — использование его после «освобождения России» для ее восстановления — звучала теперь, по словам Маклакова, как насмешка. Он сетовал на то, что в свое время распорядители государственных средств «прожили капитал», вместо того чтобы жить на доходы с него. Теперь же, «если бы нам пришлось закрыться, а общественность узнала бы, что деньги есть, но они засунуты в акции, то она подняла бы такой гвалт... Поминать старое и его ошибки — конечно, занятие бесцельное. Но все старое воскреснет в день представления счетов "общественному мнению", а это будет, когда у нас не будет больше ничего»[108].

Угет не был склонен соглашаться с Маклаковым:

...Вы сетуете по поводу того, что зачем-де мы проживали капитал, а не жили доходами с него, я всего лишь хотел отметить тщетность подобных сожалений в настоящее время. Это было бы равносильно тому, если я плакался бы теперь относительно переведенных сумм в Европу; сохрани я эти деньги, мне теперь не пришлось бы докучать обращениями за кооперацией. Могу только прибавить, что не согласен с Вами и по существу. Если бы в свое время не была оказана широкая помощь эмиграции, то «организация» давно оказалась бы сметенной общим недовольством[109].

Угет, среди прочего, указал на «фактическую неточность» Маклакова: за счет государственных средств в США оказывалась в свое время существенная финансовая поддержка «общественным организациям не только в Европе и на Дальнем Востоке, но, само со-

бой разумеется, и по всему американскому континенту — от Канады до Аргентины. Поддержка эмиграции в США, в частности, была прекращена всего лишь года два тому назад, в силу полного отсутствия средств»[110].

В конце концов Угет получил финансовую поддержку от Eastrabank'a. Однако его дипломатическая карьера вскоре закончилась по той же причине, что и у его коллег — в ноябре 1933 г. Соединенные Штаты установили дипломатические отношения с Советским Союзом, и здание посольства теперь содержал советский Наркомат иностранных дел.

В связи с признанием США советской власти возникли обстоятельства, которые, по словам Угета, не позволяли ему продолжать нести ответственность «по управлению пакетом американской доли». По согласованию с Бахметевым Угет передал управление «пакетом» Шателену, на чье имя и были переписаны сертификаты[111].

В 1940 г. Eastrabank еще вполне сводил концы с концами, хотя и не относился к явно преуспевающим. Председателем Совета директоров по-прежнему был Г.Л. Нобель, число директоров заметно сократилось, теперь их, кроме председателя, было всего трое — Шателен, Новицкий и Джерзалия[112]. Тот же состав фигурирует и в банковском справочнике на 1945—1946 гг. Решающий удар банку нанесла война. Вслед за балансом банка в справочнике на 1946—1947 гг. следовало весьма неприятное примечание — не менее четверти вложений банка (132 707 ф. ст.) приходилось на страны Восточной и Центральной Европы. Трудно предположить, что сколько-нибудь значительные суммы вернулись из-за «железного занавеса». На 31 октября 1945 г. председателем Совета директоров был все еще Нобель, а одним из директоров — Новицкий. Добавились двое директоров-англичан, менеджером банка стал некий R. Fawcett. Нам неизвестно, почему из банка ушел Джерзалия; относительно Шателена, умершего в следующем году, можно предположить, что продолжить работу в прежнем качестве ему помешала болезнь. В 1946 г. акции банка перешли в руки новых владельцев, а в распоряжении российских финансистов оказались остатки денег, некогда в эти акции вложенных[113].

В связи с «обналичиванием» Национального фонда, Маклаков писал Бахметеву: «Существование наших эмигрантских учреждений переживает острый кризис с самого начала войны и массово-

го вымирания лиц, которые с [19]20-го года ведали этим делом. Ясно, что долго мы существовать не можем, но протянуть еще возможность есть. Сейчас, как Вы, может быть, слышали, идет ликвидация Лондона, который дает некоторую помощь. Но там окажется то, что называется "американская" доля. Мы с Лондоном в связи и в контакте, они не забывают английских учреждений, но понимают, что у нас нужда больше». После смерти Шателена в управление освободившимися средствами опять вступил Угет, и Маклакова «просили ходатайствовать в Америке, где, по-видимому, такой острой нужды, какая будет в Европе, нет, чтобы из американской доли была оказана помощь Европе и, в частности, Франции. Для этого здесь создана организация, но без одобрения Америки мы не хотим ни на что посягать, а они считают неудобным давать. Помогите нам получить это согласие, а если нельзя, то лишите нас этой надежды; а то мы здесь на это надеемся»[114].

Бахметев, не откладывая, переговорил с Угетом, «формальным хозяином» «английских интересов». «Вопрос не слишком простой, — витиевато писал Бахметев, — но я уверен, С.А. сделает все возможное в пределах разумного предвидения»[115]. В результате переговоров Париж—Лондон—Нью-Йорк остатки Национального фонда были переданы Маклакову[116].

О том, как распорядился «парижский губернатор» этими последними деньгами, вырученными по большей части от продажи последней части «колчаковского золота», — в последней главе.

Глава 8

ПОСЛЕДНИЕ ДЕНЬГИ

АМЕРИКА

«Отмывание» денег
Секретные операции с Лондонским банком

30 июня 1922 г. российский посол в Вашингтоне Б.А. Бахметев в результате кампании, развернутой в Конгрессе против политики администрации, признававшей никого не представлявшее посольство, ушел в отставку. Один из критиков администрации, профессор международного права Амос Херши, иронизировал: «Не кажется ли достаточно ясным, что его [Бахметева. — *О.Б.*] миссия должна была считаться законченной, как только стало понятно, что режим Керенского, который он представлял, окончательно свергнут и что перспективы его возрождения очень малы или вовсе отсутствуют? ... Конечно, наше правительство, возможно, имеет право признавать посла правительства, которое давно не существует, что равнозначно признанию посла, прибывшего с планеты Юпитер или какого-нибудь острова в Тихом океане, который был уничтожен в результате извержения вулкана или землетрясения»[1].

Однако Соединенные Штаты не признали советскую Россию, более того — представительство антибольшевистской России было сохранено. Старшим представителем несуществующего правительства в ранге поверенного в делах стал С.А. Угет. Посольство в Вашингтоне было закрыто, Угет по-прежнему квартировал в Нью-Йорке, центре деловой жизни, где находилось российское Финансовое агентство. Сохраняя дипломатический статус Угета, американское правительство преследовало кроме политической также и сугубо прагматическую цель — возвращение части выделенных некогда кредитов. В распоряжении Угета находилось еще некоторое количество имущества, подлежащего реализации, он вел, кроме того, ряд судебных тяжб, которые в случае успеха могли принести немалые суммы. Суммы, подлежащие перечислению в американскую казну.

При всей декларируемой ими лояльности по отношению к американской администрации российские дипломаты в США все же постарались укрыть от не слишком бдительного ока Казначейства, как и от других кредиторов, остатки казенных сумм. Угет выработал сложную и достаточно эффективную схему сокрытия денег, позволявшую в то же время этими деньгами свободно распоряжаться. Эта схема могла функционировать только при наличии доверенного банка, каковым и стал лондонский Eastrabank. Последний открыл российскому Финансовому агентству в США кредит у нью-йоркской хлопковой фирмы Messrs. Gwathmey & Co. в размере сумм, которые агентство намеревалось внести в Eastrabank в обеспечение этого кредита.19 декабря 1921 г. Угет перевел 200 тыс. долл. со своих официальных счетов в National City Bank of Commerce, New York на счет Philadelphia National Bank, Philadelphia для пополнения корреспондентского счета Eastrabank'а в последнем банке. В свою очередь, эта сумма была кредитована в Лондонском банке счету, открытому на имя Угета — Account S.A. Ughet Dollars[2].

Таким образом, Угет или его заместитель Д.П. Перцов могли получать от Messrs. Gwathmey в Нью-Йорке необходимые суммы, разумеется, в пределах кредитованных финансовым агентом Лондонскому банку в Philadelphia National Bank. Фирма Gwathmey извещала банк в Лондоне о произведенных ею выплатах, и банк возмещал фирме потраченные суммы, снимая их с долларового счета Угета. Таким образом, обеспечивая защиту от ареста счетов по судебным искам в США, Угет получал возможность оперативно распоряжаться деньгами, несмотря на географическую удаленность Лондона от Нью-Йорка. 13 января 1922 г. Угет добавил к переведенным ранее 200 тыс. долл. еще 50 тыс. Впоследствии на долларовый счет Угета в Лондонском банке деньги с его официальных счетов более не переводились; вместо этого на него зачислялись суммы, поступавшие по другим операциям Финансового агентства с Eastrabank'ом. Для распоряжения суммами, поступавшими за счет кредита у Gwathmey, на имя Перцова были открыты счета: 22 мая 1922 г. в National City Bank of New York под названием D. Pertzoff Special, 3 октября 1922 г. в Equitable Trust Company of N.Y. под названием D. Pertzoff и 16 июля 1924 г. под тем же наименованием в National American Bank of N.Y. Так что кредиторам, пожелавшим обнаружить, куда исчезли деньги, находившиеся ранее на официальных счетах финансового агента, пришлось бы нелегко.

Однако в Лондоне казенные деньги могла поджидать другая опасность: в случае признания советской России Англией большевики могли, узнав каким-либо образом о наличии в Eastrabank'е российских государственных средств, захватить их. Ведь в книгах банка значился счет на имя Угета. Заметим, что в данном случае у страха были глаза велики; но, как бы то ни было, предосторожности были приняты и в начале 1922 г. суммы Финансового агентства были помещены в векселя British Eastern Merchants Co., Ltd., финансируемой Eastrabank'ом. Далее с векселями была проделана такая же операция, как ранее с наличными; первый взнос в сумме 100 тыс. долл. был произведен фирмой Messrs. Gwathmey 23 марта 1922 г. за счет открытого у нее Финансовому агентству кредита. Он составлял первоначально 250 тыс. долл. Последующие взносы достигли до конца 1923 г. в общей сложности 285 тыс. долл., причем перечислялись с официальных счетов Угета.

К этому времени Угет с Перцовым решили перестраховаться еще в большей степени; ведь British Eastern Merchants Co. являлась по существу русской компанией, «по отношению к которой всегда могли быть начаты большевиками известные агрессивные действия». Суммы, находившиеся в векселях, были помещены на счет директора-распорядителя Eastrabank'а Макфейла, с которым было подписано соответствующее соглашение, удостоверяющее, что деньги принадлежат Финансовому агентству. Кроме того, в конце 1923 г. на этот счет была зачислена сумма в 15 тыс. долл., внесенная в National Bank of Commerce, N.Y. чеком Western Cartridge Co., поступившим от этой фирмы в качестве первого взноса за купленную ею партию ружейных патронов. Всего в течение 1924 г. на счет Макфейла было переведено с официальных счетов Угета 85 тыс. долл.; конечно, перечисление производилось не напрямую, а по той же испытанной схеме — кредитовался счет Eastrabank'а в Philadelphia National Bank. По мере необходимости деньги с долларового счета Макфейла переводились на долларовый счет Угета, а затем — фирме Messrs. Gwathmey для возмещения платежей, произведенных фирмой Финансовому агентству.

Таким образом, счет Угета в Лондонском банке был промежуточным и служил для проведения платежей; деньги всегда перечислялись американской фирме, служившей «крышей» для финансовых операций агентства в США; деньги с ее счета лишь один раз были переведены на официальный счет Угета; во всех остальных случаях суммы зачислялись на специальный счет Перцова в

National City Bank, который «был сделан операционным счетом агентства, с которого, после наложения запрещения на официальные счета г. финансового агента, производились платежи по операциям агентства, проходящим по его общим книгам, и на который ставились поступления по этим операциям». Два же других счета на имя Перцова являлись резервными; об их существовании знали только финансовый агент и его заместитель. С середины 1923 г. со счета Перцова в Equitable Trust Co. of N.Y. «начали производиться некоторые платежи, которые нежелательно было проводить по общим книгам агентства и которые производились поэтому со счета Equitable Trust Co. of N.Y. в негласном порядке».

Естественно, финансисты понимали, что при определенных усилиях вполне возможно установить, что счет Перцова в Национальном городском банке Нью-Йорка на самом деле является операционным счетом российского Финансового агентства. Поэтому «во избежание огласки» платежи с этого счета производились либо наличными, либо чеками (cashier's checks), причем чеки за подписью заместителя Угета «посылались только складам и лицам, в отношении которых было полное доверие и уверенность, что факт расплаты по операциям Финансового агентства чеками Д.П. Перцова не повлечет за собой новых осложнений и наложения запрещения на счета последнего».

Описанная выше схема требовала выработки особого порядка счетоводства. Не вдаваясь в частности, отметим, что секретные операции с Eastrabank'ом фиксировались в специальной забалансовой книге, а в общих книгах Финансового агентства они показывались, без расшифровки деталей, как операции Министерства финансов, проведенные по счету «Разные ведомства и учреждения», тогда как операции по специальному счету Перцова проводились по счету Special Account в счете «Разные лица». Эта двойная бухгалтерия позволяла не запутаться окончательно и в случае необходимости представить отчет о деятельности агентства в наиболее тяжелый для него период. Названные выше условные счета были закрыты, когда 31 августа 1925 г. было произведено соединение книг и в общие книги агентства были перенесены балансовые остатки счетов, открытых в особых книгах по операциям с Eastrabank'ом.

Задним числом Перцов признал, что в структуре операций с Eastrabank'ом было сделано значительное упущение, которое могло привести к раскрытию всей схемы. Банк высылал чеки на про-

центы, начисленные по открытым в нем счетам и полученные по векселям, для зачисления на официальные счета Финансового агентства. Внимательный наблюдатель мог бы, разумеется, догадаться, что эти небольшие суммы представляют из себя не что иное, как проценты по неким операциям, не отраженным в официальной отчетности. К счастью для российских финансистов, такого наблюдателя не нашлось.

Всего через операции с Eastrabank'ом за период с 19 декабря 1921 по 31 августа 1925 г. Финансовым агентством было «пропущено» 650 тыс. долл.[3]

Причина прекращения операций с Лондонским банком и закрытия забалансовой книги была весьма печальна для российских финансистов в Америке — у них кончились деньги. 1 октября 1925 г. заведующий финансовым делопроизводством Д.П. Перцов писал в докладной записке на имя Угета:

> Настоящим имею честь доложить, что, вследствие исчерпания средств и согласно полученным мною от Вас указаниям, особые книги по операциям с London & Eastern Trade Bank, которые были открыты в свое время ввиду секретного характера этих операций, не позволявшего проводить их по общим книгам Финансового агентства, были закрыты 31-го августа с. г. путем переноса балансовых остатков этих книг в общие книги Финансового агентства.
>
> На указанное число мною был составлен отчет по проводившимся по этим книгам операциям, а самые книги и относящиеся к ним документы, хранившиеся в моем личном несгораемом шкафу, были подобраны, перенумерованы и припечатаны казенной печатью[4].

Перцов представил Угету отчет на 18 страницах, 30 приложений к нему на 13 страницах и объяснительную записку на 23 страницах. Кроме того, он передал финансовому агенту «две книги, журнал и главную книгу», открытые для проведения операций с Лондонским банком, три кассовые книги по его текущему счету в Национальном городском банке Нью-Йорка и еще 13 папок с различными финансовыми документами, относящимися к операциям с Eastrabank'ом.

Перцов просил Угета выдать ему удостоверение, снимающее с него ответственность за производившееся по указаниям финансового агента распоряжение казенными деньгами. «Я позволяю себе просить Вас о выдаче мне такого удостоверения, — пояснял Перцов, — на случай возможной конфискации или уничтожения пе-

редаваемых мною Вам при сем книг и документов, для того чтобы у меня имелся на всякий случай документ, подтверждающий полную сдачу Вам всех находившихся у меня на руках казенных сумм».

Угет наложил 14 октября 1925 г. на докладной записке резолюцию: «Прошу продолжать прежний порядок хранения всех оправдательных материалов. На выдачу удостоверительного письма согласен»[5].

Нам неизвестно, какая судьба постигла все «оправдательные материалы». Скорее всего, они были уничтожены или, возможно, не были сданы в свое время в Гуверовскую библиотеку и хранятся где-нибудь в другом месте. Однако объяснительная записка Перцова позволяет ответить на два, пожалуй, главных вопроса — о методах сокрытия казенных денег, так же как управления ими, практиковавшихся российским Финансовым агентством в 1921—1925 гг., и о размерах тех сумм, которые находились в распоряжении агентства и проходили через Лондонский банк.

Кризис наличности и «черная неблагодарность»

К сентябрю 1925 г. Угет исчерпал всю наличность и был вынужден обратиться для подкрепления своего счета к «европейцам»; Миллер и Новицкий ссудили ему 5 тыс. ф. ст. По иронии судьбы часть средств Угет был вынужден тратить на оплату хранения в помещении Американской банкнотной компании 2500 ящиков с денежными знаками, отпечатанными в свое время для проведения денежной реформы в Сибири; в сентябре планировалось выработать схему для их уничтожения[6].

Финансовое положение некогда могущественного Угета было столь плачевно, что он не смог вовремя вернуть ссуду в полном объеме, чем вызвал довольно жесткие настояния Миллера, писавшего своему американскому коллеге, что полученная от него телеграмма об отсрочке платежа его «совсем сразила». «Я твердо рассчитывал, — писал Миллер, — что долг будет погашен к концу года и что в ближайшем будущем я смогу использовать свои бумаги для получения ссуды, необходимой для покрытия так называемых “общегосударственных расходов”. Благодаря получению от Вас 1000 фунтов я временно имею возможность обернуться, но все же я должен Вас убедительно просить принять все меры к тому, чтобы рассчитаться возможно скорее, а в крайнем случае внести хотя бы половину долга в течение января, иначе здесь создастся совер-

шенно неудобное для всех нас положение. Если бы вопрос не стоял так остро, я, разумеется, не стал бы так настаивать и торопить»[7].

На полустраничное послание Миллера уязвленный Угет ответил тремя с половиной страницами текста. Он объяснял задержку платежа тем, что, в свою очередь, не завершилась в срок продажа вагонов. По-видимому, покупателем было правительство Латвии, ибо Угет ссылался на перемены в латвийском кабинете как на причину задержки. Не удалось ему продать и акции. Угет обращался даже к Л.Ф. Давыдову с просьбой временно предоставить его личные ценности в качестве гарантии по ссуде в Лондонском банке, причем «предлагал обеспечить его акциями с маржем по его личному усмотрению». Однако Давыдов отказался, объяснив, что его ценности «иммобилизованы». Чем бы ни объяснялся отказ Давыдова — нежеланием рисковать или действительными финансовыми затруднениями, фактом оставалось то, что денег Угету добыть не удалось[8].

Однако не это было главным; Угет подчеркнул, что если исходить из моральных и «общегосударственных» соображений, то он вправе рассчитывать на снисходительность. Он напоминал:

> Когда мы располагали большими средствами, то щедрой рукой предоставляли их, где только встречалась какая-либо острая нужда или надо было облегчить положение соответствующего нашего представителя, причем львиная доля оказанной нами помощи приходилась именно на европейские учреждения. В частности, когда наши средства близились уже к полному истощению, я все же в довольно крупном, по тем временам, размере поддерживал Особое совещание в Харбине, а впоследствии, по Вашей просьбе, в скромном размере предоставлял этой организации указанные Вами суммы и ассигновал, сколько мог, на продолжение деятельности Информационного бюро в Париже.
>
> Но даже оставляя в стороне вопрос о прошлом, приходится все же не забывать, что я являюсь теперь единственным официально признаваемым русским представителем. Эту тяготу я несу не ради удовольствия, так как за эти годы, благодаря дипломатическому статусу, потерял немало в порядке устроения моего личного благополучия, а потому что мне необходимо довести до конца судебные процессы, с которыми связаны миллионные интересы России. Утрата же мною статуса автоматически повлечет за собой прекращение исков от имени State of Russia. Таким образом, если говорить об «общегосударственных расходах», то я не только не считаю себя исключенным из них, а даже готов претендовать

на известный приоритет. Если я в настоящее время не располагаю теми суммами из американской доли, которые в определенном размере обеспечены за мной известными Вам постановлениями[9], то только потому, что предполагавшаяся реализация акций оказалась неосуществимой[10].

По мнению Угета, положение европейских учреждений не могло быть очень тяжелым, поскольку, по его сведениям, у М.Н. Гирса был «некоторый резерв» и «какие-то суммы» имелись еще в распоряжении Новицкого.

С большим трудом Угету удалось выкрутиться из финансовых затруднений. В начале мая 1926 г. в письме бывшему сослуживцу по Кредитной канцелярии С.П. Ермолаеву, в прошлом чиновнику по особым поручениям Министерства финансов, которого судьба занесла в Константинополь, он признавался, что его едва не постигла «полная катастрофа». С начала 1926 г., когда предоставленные ему «европейцами» средства иссякли, все российские учреждения в Америке держались за счет займов, делавшихся под личные обязательства Угета. Вскоре его долг достиг 15 тыс. долл. Угет опасался обращаться за помощью к американской администрации, ибо та, в свою очередь, должна была получить одобрение Конгресса на предоставление ссуды дипломатическому представительству несуществующего правительства. Это могло не только создать сложности для администрации. Будирование «русского вопроса» могло, по мнению Угета, ускорить признание СССР[11].

Угет рассчитывал на продажу железнодорожного инвентаря, по его же словам, «крайне трудно поддававшегося ликвидации», да к тому же съедавшего более 2 тыс. долл. в месяц (стоимость его хранения). Если бы продать железнодорожное имущество не удалось, признавался Угет, то, не располагая никакими личными средствами, он был бы не в состоянии расплатиться с долгами. Существующее в Константинополе мнение, что он располагает какими-то суммами, «совершенно неправильно», подчеркивал финансовый агент[12].

Угет не лукавил; но все же его финансовое положение не было вовсе бесперспективным, учитывая остатки российского имущества, находившиеся под его контролем, а также упоминавшиеся им в письме Миллеру судебные процессы по претензиям российской казны к американским компаниям. Однако сколь бы ни были велики суммы, которые теоретически мог получить Угет в результате судебных исков (самое удивительное, что ему действительно

удалось кое-что получить), все вырученные средства должны были пойти на уплату долгов Российского правительства. Долги Российского государства, представителем которого все еще признавался Угет, Соединенным Штатам превышали 190 млн долл.

Угет не советовал Ермолаеву, который просил его посодействовать в деле получения американской визы, перебираться в США. Бывшим чинам Кредитной канцелярии, потерявшим вследствие сокращений, произведенных посольством и подчиненными ему российскими учреждениями, места на государственной службе, сделать карьеру в Северной Америке не удалось. Д.Г. Тер-Асатуров получил было в 1922 г. работу в Монреале, но лишь благодаря женитьбе на канадке «с большим положением»; однако к 1926 г. он уже год как лишился места. Перцов уехал в Европу; С.А. Петров, прибывший в 1922 г. «на положении беженца, развозит молоко». Только А.И. Данилова, вернувшегося в 1920 г. из Сибири, Угету удалось устроить в банк Киддер, Пибоди и Ко., и то только потому, что в то время на счетах банка находились крупные суммы российских денег[13].

Теперь же положение в корне изменилось: остатки денег, вырученных некогда от «золотого займа», были Угетом полностью израсходованы.

«Ликвидация» имущества

Балансовая стоимость имущества, остававшегося в распоряжении Финансового агентства на 15 февраля 1921 г., составляла 6 964 990 долл. 39 центов. По соглашению, заключенному между Угетом и Казначейством, все средства от продажи имущества должны были пойти на погашение процентов по американскому кредиту. Кроме того, в период с 31 мая 1921 по 28 апреля 1923 г. поступило в результате ликвидации контрактов с фирмой Ремингтон имущества на 116 374 долл. (здесь и далее опущены центы). Это имущество, общей стоимостью 7 079 487 долл., было продано к марту 1927 г. Выручка составила 726 556 долл., т.е. в десять раз меньше балансовой стоимости[14].

Продажи производились в зависимости от политического положения и возможности оплачивать хранение имущества. Тем более что платежи за хранение иногда превышали реальную стоимость имущества. Так, на 1 января 1922 г. они исчислялись суммой 4811 долл. в месяц, к 1 января 1923 г. ежемесячные платежи сни-

зились до 4420 долл. В 1921 г. были проданы только часть патронов и некоторые мелочи. В 1922-м, после того как в апреле выяснилось, что с 1 июля 1922 г. посольство будет закрыто, стала очевидной необходимость продажи всего имущества, кроме тех грузов, которые «в будущем могли бы быть использованы в России при любых обстоятельствах». Российские дипломаты резонно предполагали, что американская администрация не разрешит никаких отправок в Россию до тех пор, пока не признает какое-либо российское правительство. Поскольку они рассчитывали, что таким правительством будет какое угодно, кроме большевистского, то было понятно, что ждать предстоит еще долго[15].

В 1922 г. за имущество инвентарной стоимостью 1 310 003 долл. было выручено 53 277 долл. «Грандиозные убытки, якобы понесенные казной с реализацией части грузов, в действительности носят лишь кажущийся характер», — резонно писал Угет. Во-первых, имущество заказывалось в военное время, когда цены были взвинчены. Во-вторых, имущество, перешедшее в собственность российской казны после ликвидации завода Ремингтон и состоявшее из ружейных частей, рабочих лекал, специальных станков, проходивших по книгам Финансового агентства по контрактной стоимости, теперь могло быть продано только по цене металлолома. Так, за 22 станка инвентарной стоимостью 22 938 долл. было выручено 477 долл., за ружейные патроны инвентарной стоимостью 11 546 долл. — 500 долл. и т.п.[16]

За три подъемных крана общей инвентарной стоимостью 50 тыс. долл. удалось выручить лишь 11 тыс., поскольку они были изношены и использование их в России представлялось, по заключению российских инженеров, маловероятным. После закрытия склада миссии МПС в Сиэтле краны не использовались, и пришлось бы платить за их хранение. Примерно с тем же успехом шли продажи и в последующие годы. Лишь дистанционные трубки удалось продать существенно выше их инвентарной стоимости 26 302 долл. — за 37 тыс. Целью Угета было распродать все, кроме железнодорожного имущества, хранившегося на частном складе в Сиэтле (при сравнительно небольшом его количестве это было дешевле, чем содержать собственный склад), общей стоимостью 1 830 922 долл. Это привело бы и к снижению платежей за хранение почти в два раза[17].

Продажи имущества шли неравномерно и временами финансовое положение агентства было отчаянным. К сентябрю 1925 г., как

уже говорилось выше, вся наличность была исчерпана. Однако в критический момент, в мае 1926 г., Угету удалось продать 976 комплектов металлических частей для товарных вагонов, что дало 125 тыс. долл. Это не только позволило расплатиться с долгами, освободиться от ежемесячных платежей за хранение (2 тыс. долл.), но и обеспечить содержание здания посольства и архива (он хранился в Pioneer Fireproof Storage Warehouses) до 1 января 1930 г.[18]

Несомненно, обращение выручки на содержание здания посольства и хранение архива, а не на оплату процентов по американскому кредиту, было согласовано с администрацией. Очевидно, что американское правительство позволяло тратить часть вырученных от продажи имущества средств на содержание Финансового агентства и, возможно, на помощь русским беженцам в США. Со временем стало понятно, что и хранение столь необходимого России железнодорожного имущества потеряло смысл. Да и оплачивать хранение, как мы видели выше, стало Угету не под силу.

Последняя крупная продажа — 9 паровозов Маллета англочилийской селитренной корпорации за 50 тыс. долл. — состоялась в июне—июле 1926 г. «Послесловием» к этой сделке стала продажа 12 октября 1926 г. листового железа, из которого был изготовлен навес над паровозами. За железо выручили 75 долл. За Финансовым агентством продолжали числиться 2484 ящика денежных знаков, так никогда и не поступивших в обращение. Эта бесполезная теперь бумага хранилась — бесплатно — в американской банкнотной компании (American Banknote Company). Каким-то образом Угету удалось договориться, что денежные знаки будут уничтожены за счет компании, хотя, по расчетам ее представителей, уничтожение денег должно было потребовать строительства двух дополнительных печей и около года работы. Однако управились гораздо быстрее: вопрос о сожжении денежных знаков был согласован в декабре 1926 г., а уже 10 февраля 1927 г. компания уведомила Угета, что деньги в буквальном смысле пущены на ветер[19].

В апреле 1927 г. Угет представил итоговый отчет Казначейству, а 10 июня завершил работу над «Памятной запиской» о ликвидации российского имущества в США для Совещания послов. 16 июля 1927 г. в Париже состоялось совместное заседание Совещания послов совместно с финансовыми агентами и приглашенными лицами (М.Н. Гирс, В.А. Маклаков, С.А. Угет, В.И. Новицкий, К.К. Миллер, М.В. Бернацкий, Н.В. Савич), на котором была заслушана «Памятная записка». Совещание констатирова-

ло: «Ныне все остатки русского казенного имущества в Соединенных Штатах Северной Америки ликвидированы и в ведении Финансового Агента продолжает числиться лишь судебный процесс против Lehigh Valley Railroad Company»[20].

Дело против Lehigh Valley Railroad Company по поводу взрыва на острове Блэк Том в июле 1916 г., в результате чего погибло много имущества, принадлежавшего российской казне, окончательно завершилось 12 декабря 1927 г., когда Верховный суд США отклонил апелляцию железнодорожной компании. Российское государство, которое представлял Угет, уже давно кануло в Лету, но судебная машина работала, и сработала в конечном счете весьма четко. Однако выигрыш дела доставил Угету скорее моральное удовлетворение, ибо львиная доля причитавшегося с компании без малого миллиона долларов (984 104 долл.) была внесена им в Федеральный резервный банк (764 554 долл.), а остальное пошло на гонорары адвокатам (196 820 долл.), оплату судебных издержек (19 863 долл.) и удовлетворение британской претензии (2865 долл.)[21].

Содержание Финансового агентства стоило поначалу немалых денег. Так, содержание делопроизводства агентства в 1925 г. обошлось в 29 209 долл. Однако со временем расходы сокращались, так же как сокращался персонал агентства. 31 декабря 1925 г. «в связи с окончанием работ по счетоводству за прежнее время» оставил службу в агентстве Д.П. Перцов. С 1 октября того же года содержание М.М. Карповича, состоявшего при агентстве по политической части, было сокращено с 450 до 250 долл. в месяц. В 1929 г. содержание агентства обошлось в 15 586 долл., причем большую часть расходов составила зарплата самого Угета — 900 долл. в месяц. Аренда помещения обошлась в 1520 долл. за год, содержание бухгалтера и «переписчицы» (т.е. машинистки) — 125 и 100 долл. в месяц (в конце года их оклады были сокращены до 100 и 75 долл.) соответственно. «На подхвате» был Карпович, уже не состоявший в штате агентства, но замещавший Угета во время его двухмесячной поездки в Европу. Компенсация его трудов составила 150 долл. в месяц. Вообще же оклад финансового агента (а после отставки Бахметева Угет совмещал эту должность с должностью поверенного в делах) вплоть до 1 сентября 1927 г. оставался на прежнем уровне — 1208 долл. 23 цента в месяц, после чего был сокращен до 1000 долл., а с 1 января 1928 г. — до 900 долл. в месяц[22].

Немало времени Угета занимало составление ежегодных отчетов — огромных по размеру фолиантов, в которые включались не

только объяснительные записки к бухгалтерским отчетам, но и политические обзоры. Со временем отчеты, составлявшие некогда по нескольку томов, сократились до одного, а сами тома становились все тоньше. В преамбуле к последнему отчету, формально охватывавшему период с 1 сентября 1928 г. по 1 сентября 1929 г., а фактически доведенному до 1 января 1930 г., Угет писал, что последняя дата «имеет особое психологическое значение». Кроме того, что дата была «круглой», именно к 1 января 1930 г. должны были подойти к концу средства на содержание здания посольства. Сюда же, в здание посольства, был перевезен в ноябре—декабре 1928 г. посольский архив. В мае 1926 г., когда Угетом в фирме братьев Кудет, юридических и финансовых советников российских дипломатов, был установлен особый фонд для содержания здания посольства, казалось, что «остающиеся примерно три с половиной года являются периодом времени, в течение коего как развитие событий внутри самой России, так и направление русской проблемы в США придут к какому-то окончательному разрешению. Судьба, однако, решила иначе, и намеченный срок логического завершения деятельности агентства по-прежнему остается висящим в воздухе»[23].

«Висеть в воздухе» агентству предстояло еще почти четыре года, до признания Соединенными Штатами СССР. Однако вряд ли «финансовая составляющая» его деятельности представляла какой-либо интерес. Средств не осталось даже на составление следующего отчета, что и констатировал Угет. Впрочем, за отсутствием каких-либо денежных сумм в его распоряжении, сами отчеты имели мало смысла.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Карл Миллер и Михаил Подтягин между Токио и Парижем

Основным держателем казенных сумм на Дальнем Востоке, как мы знаем, был К.К. Миллер. В 1921—1922 гг. он оказывал из находившихся в его распоряжении средств помощь русским беженцам в Японии, в Харбине и Шанхае, а также особому совещанию Российского общества Красного Креста. Но основные его расходы приходились на Европу, куда им было переведено в 1921 г. в общей сложности около 3 млн иен, что составило приблизительно 75%

всех его трат. Кроме того, из его средств покрывались расходы на содержание дипломатических представительств не только на Дальнем Востоке, но и в Европе[24].

Миллер переводил деньги целевым назначением: 120 тыс. ф. ст. было переведено им в 1921 г. на содержание чинов Дипломатического ведомства и помощь армии Врангеля; в сентябре 1921 г. по просьбе Гирса он перечислил один миллион франков на довершение расселения армии, «в виде последнего и окончательного платежа на этот предмет». Переводы во франках исчислялись по курсу 50 фр. за 1 ф. ст.[25]

К сожалению, нам удалось обнаружить подробные ведомости расходов Миллера на Дальнем Востоке лишь за второе полугодие 1921 г. Однако они дают достаточно репрезентативную картину. В Японии за этот период им было выдано пособий отдельным лицам, в основном на выезд из страны, на сумму 25 тыс. иен. Русскому обществу в Японии было отпущено 21 300 иен, опять-таки на пособия на выезд и на благотворительные цели. Всего в Японии на цели благотворительного характера было потрачено 59 280 иен, в других странах Дальнего Востока — 88 715 иен. На что конкретно шли отпускаемые средства, можно судить по отчету Особого совещания Российского общества Красного Креста на Дальнем Востоке от 9 сентября 1921 г. Приведем для примера сведения о расходах на некоторые учреждения РОКК в Харбине, главном центре российской эмиграции на Дальнем Востоке (статьи расхода приведены выборочно):

> 1. Прачешная и баня (ежемесячно бесплатно моет 1040 чел., платно 500 чел., прачешная стирает бесплатно 9000 шт. и платно 6000 шт.), за выключением [sic] получаемых с клиентов денег требуется 830 иен в мес.
>
> 2. Хлебная лавка (в настоящее время раздает бесплатно 1108 порций в день) — 350/мес.
>
> 3. Общежитие для беженцев (на 20 чел. бесплатно) — 628[26].

Вне Харбина действовали два санитарных поезда (на 200 коек каждый) (по 4434 иен/мес.), дешевая столовая во Владивостоке (на 500 порций в день, 300 иен/мес.), лазарет в селе Раздольном (на 50 коек, 500 иен/мес.) и т. д. На содержание и ликвидацию правительственных учреждений на Дальнем Востоке пошло 166 392 иены[27].

Миллер, как, впрочем, и другие финансовые агенты, не только тратил деньги, но и старался их приумножить. Проценты и прочие

доходы с капитала, а также прибыль от продажи и покупки процентных бумаг составили за отчетный период 91 675 иен. На 1 января 1922 г. на счетах Миллера оставалось 3 683 802 иен (1 841 090 долл.)[28].

В начале 1922 г. Миллер перевел «на содержание в течение полугодия чинов Дипломатического ведомства и находящихся в его распоряжении агентов» 1,5 млн. фр. Целевым назначением он перевел также 30 тыс. фр. для Общества служащих Министерства иностранных дел, образованного в Париже. А затем, видимо, чтобы финансистам не было обидно, такую же сумму для Объединения служащих Министерства финансов. Переводы во франках исчислялись по курсу 50 фр. за 1 ф. ст.[29]

В сентябре 1922 г. Миллер закрыл Агентство Министерства торговли и промышленности в Японии (обязанности финансового агента, фактически ставшие его основными, формально он выполнял «по совместительству») и уехал в Париж[30]. Действительно, он уже стал по преимуществу финансистом русской эмиграции в Европе; пребывание в Японии было в связи с этим не очень удобным. К тому же российские официальные учреждения на Дальнем Востоке были практически полностью ликвидированы.

Некоторые (хотя и существенно меньшие, чем у Миллера) казенные суммы в Японии находились на счетах военного агента генерал-майора М.П. Подтягина. Подтягин свято блюл государственные интересы, сражаясь за казенные деньги и исправно отчитываясь, за неимением легитимного, с его точки зрения, российского правительства, перед врангелевскими представителями в Европе — генералами И.А. Хольмсеном и Е.К. Миллером. Кроме него в «военной агентуре» служил офицер-восточник Осипов. Любопытно, что если жалованье оба получали из средств Российского посольства в Токио, то канцелярию Подтягин содержал за счет сумм, «образовавшихся в банках на нарощенные проценты». Обходилась она в 17 515 иен в год. За счет процентов получал добавочные выплаты за выслугу лет и вследствие производства в подполковники Осипов, всего 1224 иены[31].

Очевидно, наиболее крупной суммой, израсходованной Подтягиным на Дальнем Востоке в начале 1920-х гг., были 400 тыс. иен, предоставленные им в 1921 г. на снабжение армии Приамурского правительства. На эти же цели Миллер отпустил 100 тыс. иен[32].

Подтягин задержался в Японии почти на два года дольше Миллера, хотя после установления советской власти на Дальнем Востоке снабжать ему было уже некого. Держал его процесс по делу о

«семеновских» деньгах, о чем подробнее будет сказано ниже. Убедившись, что дело затягивается, Подтягин оставил его заботам адвокатов, за которыми присматривал поверенный в делах в Японии Д.И. Абрикосов, сменивший в 1921 г. ушедшего в отставку посла В.Н. Крупенского.

Летом 1924 г. Подтягин перебрался в Европу. Приехал он не с пустыми руками: привез остатки денег, составлявшие, по-видимому, около миллиона франков[33], и артиллерийские бинокли. Деньги были переданы им генералу Врангелю, что позволило продлить существование остатков армии на Балканах и военных агентур в различных странах еще на полгода. По расчетам Врангеля, имевшиеся в его распоряжении средства позволяли содержать военную организацию до 1 апреля 1925 г.; что же касается военных агентур и военных союзов, то они были обеспечены средствами только по 1 января 1925 г.

«Ныне прибывший в Париж российский военный агент в Японии генерал Подтягин, — докладывал Главнокомандующий великому князю Николаю Николаевичу, — передал в мое распоряжение, как правопреемника адмирала Колчака, остаток сумм правительства адмирала. Эти суммы вместе с другими поступлениями, вероятно, дадут мне возможность, произведя новые предельные сокращения, продолжить ассигнования на Армию и военные агентуры по 1 октября 1925 г., на каковой срок и составлены сметные предположения»[34].

Партия артиллерийских биноклей, привезенная Подтягиным из Японии, состояла из 704 шестикратных и 20 двенадцатикратных стоимостью по 300 и 400 фр. соответственно. По оценкам генерала Е.К. Миллера, за бинокли можно было выручить в среднем не менее 250 фр. за штуку, т.е. около 180 тыс. фр.[35]

Однако самая крупная сумма, на которую рассчитывал Подтягин — и, соответственно, Врангель, — более 1 млн иен осталась в Японии. За обладание этой суммой еще предстояла упорная борьба, конца которой не было суждено увидеть Главнокомандующему.

Дальневосточная прохиндиада. «Дело Подтягина»

«Подтягинские» (бывшие «семеновские») деньги стали «яблоком раздора» для различных групп российских эмигрантов. История тяжбы о российских деньгах в Японии весьма напоминает плутовской роман. Наиболее активную роль в тяжбе играли деятели

второго Совета уполномоченных организаций автономной Сибири, образованного сибирскими областниками во Владивостоке в 1921 г. и провозгласившего себя Сибирским правительством в октябре 1922 г., за три дня до захвата города большевиками. Это недолговечное правительство продолжило виртуальное существование в эмиграции, в Харбине и Шанхае. Сибирское правительство как будто получило от атамана Семенова право на «распоряжение деньгами и ценностями, находящимися в его, как Главнокомандующего, распоряжении и перешедшими к нему от Верховного Правителя Адмирала Колчака по указу от 4 января 1920 года». От имени Сибирского правительства некий А.В. Балакин заключил с японским подданным Шюном (Шуном) Сузуки (Судзуки) 26 февраля 1923 г.[36] договор о праве «взыскания сумм в российской золотой монете и иностранной валюте, вложенных Российским Правительством, возглавляемым Адмиралом Колчаком, в русские и иностранные банки и учреждения»[37].

Конкретно, как говорилось в подписанном 22 сентября 1923 г. главой Сибирского правительства А.В. Сазоновым и его министром финансов В.И. Моравским соглашении с тем же Сузуки, он должен был вести дела о «подтягинских» и «миллеровских» деньгах. Удивительной особенностью договора между деятелями Сибирского правительства и японским юристом было то, что не правительство платило нанятому им адвокату, а адвокат субсидировал своих нанимателей. Сузуки обязался выплачивать представителям Сибирского правительства 2500 иен золотом ежемесячно. Кроме того, он обязался выплатить Сазонову и Моравскому 2000 иен на поездку в Киото в связи с их иском. Независимо от ежемесячных выплат Сузуки должен был вдобавок до конца ноября предоставить представителям Сибирского правительства 5000 иен золотом заимообразно. Расходы Сузуки должны были быть покрыты из сумм, на получение которых рассчитывали истцы[38].

Совершенно очевидно, что Сузуки платил за право заниматься делом, выигрыш которого сулил невиданные барыши. Что же касается деятелей Сибирского правительства, то они играли в беспроигрышную игру: деньги от Сузуки они получали, судя по всему, независимо от исхода дела. Во всяком случае, в обязательствах не упоминалось о том, будут ли компенсированы затраты адвоката в случае неудачи.

Аналогичная схема была позднее применена Моравским, выступавшим тогда уже в единственном числе, в договоре с неким

Владимиром Павловичем Чередниченко о передаче последнему права на получение от китайского правительства 315 тыс. руб. в золотой монете. Деньги, по-видимому принадлежавшие Приморской земской управе, предназначались для платежа фирме «Менде-Армстрон» за произведенные ею поставки, но были задержаны китайской таможней 6 марта 1920 г. в Харбине. Чередниченко в случае успеха получал 10% от указанной суммы. Оставшуюся после выплаты вознаграждения и оплаты расходов по делу сумму предполагалось потратить следующим образом: 25% Чередниченко должен был «употребить» на покупку для Моравского 25% акций «Брикетного Бельгийского Общества» («которое в данный момент организуется», — пояснялось в договоре), 50% должен был выдать тому же обществу, по соглашению с Моравским, взаймы, а 25% выплатить Моравскому наличными. Пока что, впредь до окончания дела, Чередниченко обязывался выплачивать Моравскому 1000 мексиканских долларов ежемесячно[39]. Судя по договору, «министр финансов в изгнании» не собирался делиться со своими «автономными» товарищами деньгами, не принадлежавшими ни ему, ни им. Пока же он успешно эксплуатировал свое положение якобы законного преемника антибольшевистских правительств на Востоке России.

Юридическая основа для попыток заполучить захваченные китайскими чиновниками деньги была сформулирована, в частности, в обращении Совета уполномоченных организаций автономной Сибири (Сибирского правительства) к китайскому диктатору маршалу Чжан Цзо-лину. В письме на имя маршала от 26 августа 1926 г. содержалась просьба распорядиться о возврате золота, принадлежавшего «находящемуся в то время на русской территории антибольшевитскому [sic. — *О.Б.*] русскому правительству», и пояснялось, что Сибирское правительство является «единственно правомочным преемником всех антибольшевитских [sic. — *О.Б.*] правительств, возникавших ранее на территории Сибири и Дальнего Востока»[40]. Адмирал Колчак, наверное, перевернулся бы в гробу (если бы был в нем похоронен), узнав о таких преемниках! Надежды на получение денег от китайских властей были близки к нулю, однако возможность получить какие-то средства от желающих поучаствовать в дележе будущих доходов была использована.

Заметим, что уже упоминавшийся выше Сузуки не ограничился получением доверенности на взыскание российских денег, находящихся в Японии, от Сибирского правительства. Аналогичный до-

кумент был выдан ему атаманом Семеновым 13 ноября 1923 г. Семенов уполномочивал Сузуки «принять соответствующие меры к получению денег, внесенных в различные банки на Дальнем Востоке бывшим финансовым агентом в Японии г. Миллером»[41]. Однако Миллер уже перебрался в Париж и перевел деньги из японских банков в европейские. Да и правовая основа для предъявления ему иска была слабовата. Что же касается «подтягинских» денег, то они действительно были получены российским военным агентом от представителя атамана Семенова. Другое дело, что Семенов, с точки зрения Подтягина, имел право распоряжаться государственными деньгами лишь в то время, когда возглавлял антибольшевистское движение на Дальнем Востоке.

Как бы то ни было, деньги были арестованы и дело зашло в тупик. Выходом из положения могло стать мировое соглашение и «полюбовный» раздел денег. Для того чтобы убедить Подтягина (перебравшегося, напомним, еще в 1924 г. в Париж) пойти на него, неутомимые борцы за деньги решили обратиться к великому князю Николаю Николаевичу с просьбой воздействовать на строптивого генерала. Понятно, что письмо сибирских областников великий князь просто бы выбросил в корзину. Поэтому они попытались уговорить генерала Д.Л. Хорвата отправить великому князю телеграмму за своей подписью. В одном из проектов телеграммы, сохранившемся среди бумаг Моравского, говорилось, что единственный способ получить деньги — заключить мировое соглашение. В этом случае истцы — японские адвокаты Сузуки и Куроки обещали из основной суммы в 1 061 000 иен отдать на нужды Белого движения 600 тыс. иен, а из набежавших процентов — еще 150 тыс. Великого князя просили дать команду Подтягину уполномочить Хорвата завершить дело миром. Одновременно Совет уполномоченных организаций автономной Сибири обязывался передать дальневосточному Русскому совещательному комитету, ориентировавшемуся на великого князя Николая Николаевича, 50% оставшейся суммы[42].

Неясно, польстился ли Хорват на предложение областников, сделанное ему осенью 1926 г. Похоже, что нет; во всяком случае, Подтягин на мировую не пошел, а Моравский продолжал искать подходы к деньгам. В его архиве содержатся любопытные письма шанхайского адвоката Ю.А. Явдынского, очевидно занимавшегося по поручению Моравского решением интересующей нас проблемы. Дело велось по всем правилам конспирации. Приведем фраг-

мент одного полушифрованного письма Явдынского к Моравскому, относящегося к июню 1927 г.:

> На днях вернулся из Пекина. Нашел здесь два Ваших письма и узнал от почтенного старика о ряде писем на его имя. По его поручению посетил Лебединое Озеро, чтобы раздобыть нужную Вам справку, вернее, копию постановления. Лебедь сообщил мне, что для этого нужно постановление лебединого круга, а ввиду того, что вожак сменился, и новый еще не в курсе дел, приходится временить.
>
> Почтенный старец что-то не собирается в Ваши края, очень здесь занят и озабочен, тем более что его коллега, недавний бесплодный посетитель Ваших мест, его внезапно покинул. ...
>
> Сам я стараюсь устроить одно дело, по которому мне, может быть, придется отправиться в Токио, но это еще очень проблематично, так что в общем положение неважное, разве только у Вас назревают события.
>
> В Пекине ничего не удалось сделать. События таковы, что никому там не до наших дел. Виделся с бородачом, но и с этой стороны безнадежно[43].

Возможно, «бородач» — это генерал Хорват, живший в то время в Пекине и носивший окладистую бороду. О личностях «почтенного старика» и «лебедя» остается только гадать.

В конце концов японские адвокаты, представлявшие интересы сторон, заключили мировое соглашение. Нам неизвестно, что побудило их пойти на этот шаг. Скорее всего, опасения, что деньги могут быть переданы «третьей стороне» — советскому правительству, которое было признано Японией в 1925 г. Две трети суммы должен был получить Подтягин, одну треть намеревались поделить между собой взявшие на себя хлопоты по «извлечению» денег из банка майор Куроки, некий Катори, атаман Семенов и, по-видимому, некоторые другие лица. Однако дело внезапно осложнилось, поскольку тем временем Высший суд (Дайсин) отклонил иск Сузуки (очевидно, действовавшего параллельно с Куроки и Ко.) и подтвердил решение апелляционной инстанции суда (Косоин), в котором указывалось, что «подтягинские» деньги принадлежат не кому-либо лично, а общественным группировкам, а именно так называемой Дальневосточной армии, во главе которой находился некогда Семенов[44].

Решение Высшего суда на практике означало, что законным претендентом на «подтягинские» суммы становится СССР. Ибо

после признания советской власти японским правительством ее противники теряли легитимность, а поскольку деньги в конечном счете «происходили» от продажи золота или займов, сделанных под залог части золотого запаса Российской империи, правопреемником которой признавался теперь Советский Союз, то решение японского суда в случае обращения в него советских представителей было нетрудно предсказать. И действительно, 10 октября 1929 г. японские адвокаты, действовавшие по поручению советского полпредства, получили ордер Токийского суда на арест, впредь до выяснения обстоятельств, подтягинских сумм, депонированных в отделении Йокогама Спеши банка. Они немедленно отправились в банк. Каково же было их разочарование, когда выяснилось, что почти полтора миллиона иен (1 460 000) два часа назад были выданы представителю Подтягина Киси. Представитель Подтягина воспользовался тем, что после отказа в иске Сузуки и отзыва искового заявления Куроки арест на суммы был снят и деньги оказались свободны. Несомненно также, что японские власти сквозь пальцы смотрели на передачу денег представителям белых. Они как бы «не заметили» решения Высшего суда по иску Сузуки, и мы, без особого риска ошибиться, можем предположить, что срочная выдача немалой суммы представителю Подтягина была японскими властями санкционирована. Признание признанием, но выдать «премию» советской власти японское правительство вряд ли собиралось.

Это совершенно правильно поняли в Москве. «Выдача бывшему царскому военному атташе Подтягину 1 400 тысяч иен советского золота, уворованного в годы интервенции Колчаком, несомненно, произведет самое тягостное впечатление в СССР, где по достоинству будет оценен этот неслыханный акт, являющийся откровенной антисоветской демонстрацией и поддержкой белогвардейцев», — писали «Известия». Газета связывала выдачу денег с «усилившейся активностью русских белогвардейцев», в свою очередь вызванной советско-китайским конфликтом по вопросу о контроле над КВЖД. «Известия» выражали уверенность, что «русские белогвардейцы» на Дальнем Востоке получат теперь «кое-какое подкрепление от Подтягина и Семенова, по последним сведениям помирившихся на общей платформе совместного дележа уворованных денег»[45]. В последнем случае анонимный автор статьи в «Известиях» явно заблуждался или отдавал дань «публицистическим красотам».

Генерал Подтягин передал около миллиона иен в распоряжение Русского общевоинского союза (РОВС). Что же стало с остальными деньгами? По данным неустановленного представителя Моравского в Токио, Киси передал Куроки 300 тыс. иен. «Принимая во внимание жадность Куроки, — писал «источник», — и необходимость платить адвокатам 120—150 тысяч, Семенов едва ли получит больше 50 000. Надо нажать все кнопки в Европе. Здесь я пытаюсь сделать все возможное. Скандал неизбежен, но у меня мало надежды на какие-либо реальности здесь»[46].

Похоже, что «областники», приложившие столько усилий для получения подтягинских денег, остались на бобах. Однако Моравский и Ко. не впали в уныние, а продолжили борьбу за получение российских денег, якобы находящихся в японских или британских банках, на тех же условиях — т.е. за счет японских адвокатов. Успех в деле о «подтягинском наследстве» вдохновил японских адвокатов, в особенности Сузуки, на продолжение подобных тяжб. Ведь даже если судить по сведениям «источника» Моравского в Токио, адвокаты получили не менее 120—150 тыс. иен, что было более чем достойным гонораром. И это не считая суммы, доставшейся посредникам и организаторам, прежде всего Куроки и Сузуки.

И вот после переговоров с неутомимым Сузуки на свет появляется новый «проект» — по извлечению из хранилищ Гонконг-Шанхайского банка в Гонконге «колчаковских» денег и слитков золота. В письме на имя Сузуки от 1 ноября 1930 г. Совета уполномоченных организаций автономной Сибири за подписью его временного председателя Моравского говорилось, что Совет «согласен поручить Вам взыскание для Совета уполномоченных с Гонконг-Шанхайского банка в Гонконге остаток от депонированных в этот банк сумм правительством адмирала А.В. Колчака в сумме двенадцать миллионов (12 000 000) с лишним, а также золота в слитках, сданного на хранение в означенный банк»[47]. Любопытно, что Моравский позабыл указать, в какой валюте хранятся колчаковские двенадцать миллионов.

Полагаем, что для Моравского это не имело значения, ибо главным для него было получение денег от Сузуки «здесь и сейчас», а не мифических миллионов в будущем. Об этом ясно говорилось в письме: «Непременным условием для проведения указанного дела Вами Совет Уполномоченных ставит предоставление с Вашей стороны в распоряжение В.И. Моравского обусловленной с Вами суммы. После изыскания Вами указанной выше суммы Вы имеете

прибыть в Шанхай для подписания договора и передачи В.И. Моравскому обусловленных денег»[48].

Как нам уже известно, никаких колчаковских денег в Гонконг-Шанхайском банке, являвшемся некогда покупателем «колчаковского золота» или же «кладовой», куда доставлялось золото в залог под предоставленные займы, не осталось. Последние слитки золота из российского золотого запаса, находившиеся в хранилищах этого банка и числившиеся за российским финансовым агентом Угетом, были проданы еще весной 1921 года. Откуда же брались сведения, которыми оперировал Моравский? Основным их источником служила, очевидно, книга А.И. Погребецкого «Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914—1924)» (Харбин: Издание О-ва изучения Маньчжурского края и Дальневосточно-Сибирского о-ва «Книжное дело», 1924). Оттиск той части книги, в которой содержатся сведения о средствах колчаковского правительства, находившихся за рубежом, имеется среди бумаг Моравского. Напомним, что Погребецкий, управляющий финансами Иркутского политического центра, организовавшего восстание против Колчака, а затем управляющий ведомством финансов Временного правительства Дальнего Востока —Приморской земской управы, о движении «колчаковских» денег после их перевода на личные счета финансовых агентов сведений, разумеется, не имел.

А что же Сузуки? Неужели он был столь наивен, чтобы верить Моравскому на слово? На наш взгляд, японский адвокат, зная о том несомненном факте, что средства колчаковского правительства действительно в свое время находились в японских и в отделениях британских банков на Дальнем Востоке, и особенно будучи вдохновлен исходом дела Подтягина, создававшим прецедент, был готов рискнуть некоторой суммой, ибо в случае успеха полученная прибыль с лихвой окупала все затраты. Нуждаясь в легитимном истце для предъявления претензий на якобы хранящиеся в банках колчаковские деньги и золото, он был готов платить Совету уполномоченных за право представлять его интересы.

Дело генерала Петрова

По такой же схеме был составлен два года спустя договор Сузуки (именовавшегося на сей раз в русском тексте Судзуки) со Всероссийским крестьянским союзом в лице его представителя К.И. Сла-

вянского на ведение дел по получению 20 ящиков с русской золотой монетой и двух ящиков с золотыми слитками на общую сумму 1 250 000 зол. руб. Эти ценности были сданы генералом П.П. Петровым 22 ноября 1920 г. начальнику японской военной миссии полковнику Р. Исомэ. «За спиной» Славянского опять-таки маячил Моравский, упоминавшийся в тексте договора, так же как и главный истец генерал Петров. Условия для Сузуки были прямо-таки фантастическими: «В случае благоприятного исхода переговоров г. Судзуки с японскими властями о выдаче денег, золото или взамен его деньги получаются г. Судзуки совместно с г. Славянским и делятся пополам, а именно 50% получает японская сторона в лице г. Судзуки и 50% русская сторона в лице г. Славянского». Плата за получение предполагаемых более чем 600 тыс. зол. руб. (рубль, напомню, был равен иене) была совершенно смехотворной: Сузуки брал на себя расходы по ведению дела и сверх того обязывался выдавать Славянскому безотчетно по 1 тыс. иен в месяц. Договор заключался сроком на шесть месяцев[49].

Идти на такие условия — шесть тысяч в обмен на шестьсот тысяч — можно было, на наш взгляд, только в том случае, если заказчики изначально были уверены в полной бесперспективности дела. Неясно, какое отношение к этому предприятию имел Всероссийский крестьянский союз, одна из дальневосточных эмигрантских организаций, ведь золото в момент передачи принадлежало семеновской Дальневосточной армии, начальником службы тыла которой был в ноябре 1920 г. генерал Петров.

Историю «петровского золота» поднял в начале 1990-х гг. сын генерала Сергей Петрофф, калифорнийский предприниматель, на пенсии занявшийся историей Гражданской войны. В отцовском деле С. Петрофф, на наш взгляд, не разобрался. Однако пользу инициированная им кампания по возвращению Российскому государству якобы захваченного японскими военными золота принесла. Тогдашний корреспондент «Известий» в Токио Сергей Агафонов сумел разыскать в японских архивах заключение Высшего суда по иску Петрова к Японскому государству. Процесс начался в 1934 г., адвокатами генерала выступали Хикосиро Ханэда и Тосидзо Яманэ. Видимо, Сузуки к тому времени вышел из игры. Оказалось, что генерал судился не за двадцать два, а за один ящик с золотой монетой, причем сам факт приемки золота, так же как подлинность расписки (точнее, ее заверенного перевода на японский), выданной Петрову полковником Рокуро Исомэ (Изомэ),

сомнению не подвергались. Однако, согласно показаниям свидетелей, 22 ящика золота были возвращены атаману Семенову уже в декабре 1920 г., т.е. через месяц после их передачи под охрану японцев. Любопытно, что по ходу дела генерал Петров заявил, что на самом деле он был начальником тыла армии В.О. Каппеля, а золото принадлежало «читинскому правительству». Это мало что меняло, ибо «читинское правительство» было правительством атамана Семенова. Центральным вопросом на процессе была правомерность претензий частного лица на общественное имущество. Аналогичная проблема, напомним, обсуждалась и в период тяжбы генерала Подтягина и атамана Семенова. Дело слушалось в трех инстанциях японского суда. В конечном счете в январе 1941 г. Высший суд в иске генералу Петрову отказал[50].

Полагаем, что генерал Петров изначально не рассчитывал на возможность получения ящика с золотой монетой или компенсации за него. В пользу этого говорит то, что, во-первых, иск он решил подать почему-то лишь 14 лет спустя после передачи золота, во-вторых, никогда и нигде не упоминал об этом немаловажном событии в своих публикациях (и даже сын узнал обо всей этой истории из бумаг, обнаруженных при чистке подвала «среди всякой рухляди»[51]). На наш взгляд, Моравский, Славянский и Ко. в поисках зацепок, которые позволили бы получить еще немного денег от японских дельцов-«кладоискателей», вовлекли в это дело генерала. А затем он уже действовал без посредников. Исходила ли инициатива от самого генерала Петрова, или на него «вышли» предприимчивые адвокаты, можно только гадать. Одно можно сказать с уверенностью: денег на ведение процесса в Японии генералу Петрову, кое-как перебивавшемуся в эмиграции в Китае, взять было неоткуда. Без особого риска ошибиться можно предположить, что и в «деле Петрова» была использована опробованная ранее схема, когда не истец нанимал адвокатов, а адвокаты «нанимали» истца. Так что генерал предпочитал, очевидно, не афишировать свою борьбу с Японским государством за не принадлежавшее ему золото.

Правда, в деле генерала Петрова есть некоторая неувязка: если он в самом деле судился за один ящик золота, то игра как будто не стоила свеч — в случае успеха номинальная «выручка» составила бы 60 тыс. зол. руб. (по условному паритету 60 тыс. иен), что вряд ли покрыло бы расходы на ведение многолетних процессов. Не будем забывать, однако, что к 1934 г., когда начался процесс, цена золота в Лондоне по сравнению с «нормальной», докризисной, выро-

ла на 65% (к 1940-му — вдвое), и вдобавок на столько же снизился курс иены по отношению к девальвированному фунту стерлингов (к 1940 г. — на 70%, реально — более чем вдвое). Таким образом, даже один ящик из золотых кладовых российского Госбанка был вполне привлекательным призом.

Повторим еще раз, что вышеизложенное является нашим предположением. Однако, учитывая характер ряда дел по вопросу о возвращении денег и/или золота, принадлежавших различным антибольшевистским группировкам и сохранившихся — на самом деле или по утверждениям лиц, как правило, никаких прав на эти ценности не имевших, — на счетах в японских банках, — это предположение представляется нам более чем вероятным. Иск генерала Петрова точно вписывается в череду аналогичных ему дел.

Судьба «подтягинских» денег

Единственным реальным результатом дальневосточных тяжб, если не считать доходов, полученных японскими посредниками и некоторой суммы, доставшейся атаману Семенову, стало поступление в кассу Русского общевоинского союза (РОВС) около одного миллиона иен — суммы, эквивалентной приблизительно 7 млн фр. Однако пустить в дело эти деньги тогдашний руководитель РОВС генерал А.П. Кутепов не успел. 26 января 1930 г. в Париже он был похищен советскими агентами и умер от сердечного приступа то ли еще во Франции, то ли на борту советского судна на пути в Новороссийск.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. больно ударил по финансовому положению РОВС. «Подтягинские миллионы» как будто были вложены в акции корпорации шведского спичечного короля Ивара Крегера. Генерал Е.К. Миллер, сменивший Кутепова на посту председателя РОВС, купил акции, как пишет Б.В. Прянишников, по совету своего брата К.К. Миллера. Однако Крегер разорился и покончил с собой 12 марта 1932 г. в Париже. Выстрел Крегера прозвучал погребальным салютом для ровсовских капиталов. Пропало 7 млн фр.; после такой потери организация была обречена влачить жалкое существование. Б.В. Прянишников, член РОВС и Национально-трудового союза нового поколения, исследователь борьбы советских спецслужб против эмиграции, утверждал, что к разорению РОВС приложили руку советские агенты. В частности, некий Владимир Петрович Багговут-Коломийцев, агент ГПУ с 1922 г. и один из ближайших сотрудников Крегера, зная о его

тяжелом финансовом положении, «каким-то таинственным образом», через третьих лиц посоветовал разместить капиталы РОВСа в бумагах крегеровского предприятия[52].

Полагаем, что это всего лишь еще одна конспирологическая теория. Генерал Е.К. Миллер, сменивший Кутепова на посту председателя РОВС, давно занимался проблемами финансового обеспечения эмигрантских военных организаций, при этом работал и с ценными бумагами. Он хорошо понимал переменчивость биржевой конъюнктуры. Трудно предположить, что такой осторожный человек, как Карл Миллер, мог посоветовать генералу «сложить все яйца в одну корзину». Если же на братьев нашло затмение и они в самом деле вложили все ровсовские средства в бумаги Крегера, то в данном случае сетовать скорее приходилось на рыночную стихию и злую судьбу, нежели на интриги ГПУ.

Скорее всего, впрочем, история с пропажей денег в результате краха крегеровских предприятий весьма драматизирована. Автор книги о Русской армии в изгнании П. Робинсон, не обнаружив в архиве РОВС никаких следов, свидетельствующих об инвестициях в корпорацию Крегера, предположил, что причина финансовой катастрофы РОВС гораздо прозаичнее. Подтягинские деньги были переведены в доллары и хранились, для пущей сохранности, в американских банках. Однако вследствие Великой депрессии конца 1920-х — начала 1930-х гг. курс доллара резко снизился. К 1935 г. падение доллара относительно франка составило около 40%. В начале 1935 г. Миллер был вынужден объявить о серьезных сокращениях бюджета РОВС[53]. Версия Робинсона выглядит более реалистично. Заметим, однако, что, хотя нам также не удалось обнаружить в архиве РОВС документов, подтверждающих «крегеровскую историю», само по себе это не доказывает, что ее не было на самом деле. Вполне возможно, что финансовые бумаги были уничтожены или же что Е.К. Миллер хранил их в специальном месте. Возможно также, что в крегеровские бумаги была вложена часть средств РОВС — ибо, еще раз повторим, столь авантюрные инвестиции со стороны столь осторожных Миллеров трудно себе представить.

Итак, российские средства, хранившиеся в Японии и представлявшие собой не что иное, как остатки от продаж золота и колчаковских «золотых займов», были в 1920-е гг. переведены в Европу. «Подтягинские» деньги, что бы ни послужило причиной этого, к середине 1930-х гг. кончились. Иная судьба постигла средства, хранившиеся на счетах Карла Миллера.

ЕВРОПА

1924—1946. «Воскрешение» Финансового совета

В 1924 г. неизбежное свершилось — Франция признала Советский Союз. В.А. Маклакова в посольском особняке на улице Гренель сменил советский полпред Л.Б. Красин. Бывший посол возглавил Офис по делам русских беженцев при французском МИД и одновременно — по должности — стал председателем Эмигрантского комитета, в который вошли на паритетных началах представители эмигрантских организаций левого и правого спектра. В общем, по остроумному замечанию П.Н. Милюкова, Маклаков стал «парижским губернатором». Такая же метаморфоза произошла почти со всеми российскими дипломатами в странах, в которых осело значительное число русских беженцев. Кто-то должен был представлять их интересы, что было признано как Лигой Наций, так и национальными правительствами. Деятельность бывших послов, посланников, поверенных в делах и консулов носила теперь по большей части не политический, а гуманитарный характер.

Однако же Совет послов не был упразднен. Бывшие дипломаты обменивались информацией, составляли аналитические записки, — словом, старались подготовиться к возможным переменам в России. Хотя надежды на решительные перемены становились с каждым годом все иллюзорнее. Еще одной заботой Совета послов был контроль за расходованием остатков казенных средств. За счет последних содержался, в числе прочего, и сам Совет.

Напомним, что в июне 1924 г. был ликвидирован, за исчерпанием средств, Финансовый совет и функции управления казенными деньгами, так же как их распределения, перешли к Финансовой комиссии в составе финансовых агентов, председателя М.В. Бернацкого и контролера Н.В. Савича. Финансовая комиссия намеревалась, в отличие от прежних времен, выделять средства гуманитарным организациям строго на «предметное назначение».

Смысл перемен заключался в том, что от участия в распределении средств отстранялись общественные организации — это объяснялось, во-первых, тем, что теперь деньги предоставлялись им не «огульно», а, говоря современным языком, под конкретные проекты; во-вторых, средства выделялись из неприкосновенных запасов, которые послы и агенты ранее намеревались сохранить для будущего правительства постбольшевистской России. О существо-

вании этих фондов знало очень ограниченное число лиц, и выносить проблему их «разбронирования» на всеобщее обсуждение дипломаты не хотели.

Из неприкосновенных запасов были освобождены 60 тыс. ф. ст., причем на период с 1 июля 1924 г. по 1 июля 1925 г. ассигновалось 24 тыс. ф. ст., половина — «на поддержание официальных органов», половина — на гуманитарные нужды[54].

18 мая 1925 г. система распоряжения казенными средствами вновь претерпела реконструкцию: деньги поступали на хранение финансовым агентам под их личную ответственность, а для решения наиболее важных вопросов устанавливался специальный состав Совещания, действовавшего от имени Совета послов и его собой заменявшего. Оно состояло из Гирса, Маклакова, Бахметева и приглашенных в него Савича, Бернацкого и К.К. Миллера.

С 1925 г. роль ведущих «спонсоров» дипломатических и гуманитарных организаций перешла к Новицкому и Миллеру. «Значительная часть американских сумм, — сообщал Угет бывшему сослуживцу по Кредитной канцелярии, — пошла на покрытие европейских надобностей, но со второй половины 1924 г. года все нужды там покрывались за счет фондов Новицкого и Миллера»[55].

Постепенно главным финансистом дипломатического корпуса стал прижимистый Миллер, в распоряжении которого некогда находилась, в сравнении с его «американскими» и «европейскими» коллегами, наименьшая сумма.

Обосновавшись в Париже, Миллер стал работать в тесном контакте с другими финансовыми агентами и Совещанием послов, хотя по-прежнему сохранял независимость и считал себя персонально ответственным за находившиеся у него на хранении государственные средства, выделяя их на строго оговоренные цели. Миллер занялся в Париже страховым делом, получая в качестве хранителя казенных сумм довольно скромное содержание. В целях экономии он сократил свое жалованье с 1 сентября 1925 г. до 35 ф. ст. в месяц[56].

Миллер занимался, наряду с бизнесом... историческими изысканиями. Подобно многим русским историкам и публицистам, искавшим аналогии потрясшим Россию (да и Европу) событиям в истории Великой французской революции, он обратился ко временам Екатерины II. А именно — к истории французской эмиграции в России в ее царствование. Ее «зеркальным отражением», как казалось многим современникам, была русская эмиграция во Фран-

ции в 20-х годах двадцатого столетия. Результатом трудов Миллера, в том числе разысканий во французских архивах, стала книга объемом более 400 страниц «Французская эмиграция и Россия в царствование Екатерины II» (Париж: [«Родник»], 1931).

В книге рассказывалось, среди прочего, о судьбах известных французских политиков и аристократов, оказавшихся в эмиграции в России, рассматривалось отношение к эмигрантам русских властей и общества, в том числе и постепенное ослабление сочувствия к ним, влияние эмигрантов на русскую жизнь и т.д. Монография Миллера написана довольно живо, в ней приведен обширный фактический материал.

Миллер продолжил работать над эмигрантской темой и подготовил следующую монографию — «Французская эмиграция в России в царствование императора Павла I» объемом в 300 страниц. Книга осталась в рукописи, ее публикации, очевидно, помешала война, а затем смерть автора. Лишь почти 30 лет спустя после кончины Миллера была напечатана одна из глав[57]. Занятные люди служили в России по финансовой части!

Вернемся, однако, к более прозаическим материям. Схема финансирования российских эмигрантских организаций, отчасти сложившаяся еще во времена Финансового совета, как можно судить по сохранившимся документам, выглядела следующим образом. Финансовые агенты (преимущественно Миллер) перечисляли деньги в специальные фонды: так называемый особый 120-тысячный стерлинговый фонд (начало которому положила сумма, переведенная Миллером еще в 1921 г.), беженский, дипломатический стерлинговый и дипломатический франковый фонды и фонд пособий семьям героев Гражданской войны (терминология в противоположных лагерях была одинаковой — вот только герои были разные). 120-тысячный фонд был, видимо, резервным; на самом деле 120 тысяч в фонде числилось только в момент его возникновения. Согласно актам ревизии Финансового отдела на 1 января 1924 г., в особом стерлинговом фонде оставалось 4715 ф. ст. и 274 150 фр., на 1 января 1926 г. — 4 тыс. ф. ст., год спустя — 2500 ф. ст.

Предоставляемые финансовыми агентами деньги приблизительно поровну тратились на содержание дипломатических учреждений и на поддержку гуманитарных организаций. За 1924 г. Миллером было передано Совету послов 115 300 долл. (здесь и далее опущены центы) и 8,5 тыс. ф. ст. Из них 62 210 долл. пошло на поддержку гуманитарных организаций и помощь беженцам, ос-

тальное было зачислено в дипломатические стерлинговый и франковый фонды.

Расходы на содержание дипломатического аппарата быстро сокращались, как сокращался и сам аппарат — отчасти из-за отсутствия денег, отчасти — за ненадобностью. Так, сокращенная смета расходов по дипломатическим и консульским учреждениям составляла с 1 января 1923 г. 4255 ф. ст. (здесь и далее опущены шиллинги и пенсы) в *месяц*, а представительства несуществующего правительства, в той или иной форме, наличествовали в 25 европейских странах. Три года спустя расходы составили 8728 ф. ст.и 256 990 фр. (1988 ф. ст.), но уже в *год*. В 1927 г. расходы сократились до 6413 ф. ст. в год, в 1928-м — до 5450 ф. ст.

Если на содержание Центрального дипломатического установления в Париже, т. е. Совета послов, в январе 1923 г. шло 229 ф. ст. в *месяц*, то его *годовой* бюджет на 1932 г. составлял 538 ф. ст., или немногим менее 45 ф. ст. в месяц. Постепенно сокращалось и содержание бывших служащих дипломатического ведомства, продолжавших, впрочем, исправно составлять обзоры политического положения в странах их пребывания, анализировать сведения, полученные тем или иным образом из СССР, но самое главное — отстаивать доступными им способами интересы русских изгнанников. Так, начиная с 1932 г. содержание Маклакова сокращалось с 61 до 55 ф. ст., советников председателя Совета послов барона Б.Э. Нольде и А.Н. Мандельштама — с 10 до 7,5 ф. ст., бывшего поверенного в делах в Лондоне Е.В. Саблина — с 65 до 60 ф. ст. в месяц[58]. В 1941 г. содержание Саблина составляло уже 35 ф. ст.[59]

Что касается фонда пособий семьям героев Гражданской войны, то в него было зачислено первоначально 12 тыс. долл. В 1923 г. израсходовали 2328 долл., в 1924-м — 1965 долл.; за это время набежало процентов на 401 долл., остаток составлял 8107 долл. На 1 января 1926 г. в фонде числилось 6519 долл.; в течение года было выдано 1248 долл., начислено процентов на 173 долл.; в фонде оставалось 5445 долл. Дальнейшие операции по этому фонду в обнаруженных нами документах не отражены[60].

Поскольку казенные суммы хранились на личных счетах финансовых агентов, а все люди смертны, они сочли необходимым назначить себе преемников. Разумеется, все они были выбраны из числа лиц, ранее служивших по финансовому ведомству и причастных к заведованию казенными деньгами. Заместителем Новицкого стал Б.В. Гаугер, Угета — Д.П. Перцов, Миллера — А.А. Ни-

кольский. Они обязались держать, в случае смерти кого-либо из агентов, казенные суммы в совместном распоряжении с кем-либо из оставшихся в живых финансовых агентов; в случае если не останется в живых ни одного финансового агента, то в совместном распоряжении с их заместителями[61]. Эта мера, как мы увидим в дальнейшем, оказалась весьма предусмотрительной.

Финансовые агенты стремились приумножить казенный капитал, вкладывая средства в различные высокодоходные бумаги; это позволяло тратить на эмигрантские нужды заработанные на валютных операциях средства, по возможности не затрагивая значительно сократившийся «основной капитал». Серьезные потери принес финансистам мировой экономический кризис 1929—1933 гг. Особенно сказалось падение курса фунта стерлингов (а именно в этой, наиболее надежной, валюте хранились основные суммы) и потери при продаже некоторых ценных бумаг. К тому же перестал выплачивать дивиденды London & Eastern Trade Bank, в акции которого была вложена значительная часть остававшихся казенных сумм.

В этих обстоятельствах Новицкий и Миллер обратились 14 ноября 1931 г. с совместным письмом к Гирсу, в котором указали на необходимость сократить расходы. Теперь приходилось держать средства на текущих счетах, не приносящих почти никакого дохода, или помещать их в низкопроцентные бумаги, ориентируясь в условиях экономической нестабильности более на степень их надежности, нежели доходности.

Финансовые агенты констатировали, что имеющиеся в их распоряжении средства настолько незначительны, что «не может быть и речи о том, чтобы ограничиться расходованием процентов, а приходится заботиться лишь о том, как бы по возможности растянуть расходование самого весьма небольшого капитала, дабы таким образом обеспечить существование наших зарубежных государственных учреждений и оказание поддержки некоторым благотворительным и общественным организациям на возможно более долгий срок»[62].

Нам неизвестны подробности расходования государственных средств в период 1933—1940 гг. В одном из писем Маклаков, вступивший в должность председателя Совета послов после смерти Гирса в 1932 г., упоминал, что финансовыми агентами в 1940 г. был подготовлен «подробный отчет о движении сумм за время от 1920 года до 1939 г.»[63]. Маклакову было передано введение к отчету на 32 страницах. Отчет предполагалось опубликовать. К сожалению, этого

введения в бумагах Маклакова ни в архиве Гуверовского института, ни в Русском архиве в Лидсе нами не обнаружено, хотя практически вся остальная переписка по финансовым вопросам сохранилась. Начавшаяся Вторая мировая война, оккупация нацистами Франции, казалось бы, должны были привести российских финансистов к полному краху. Однако, как мы увидим в дальнейшем, благодаря предусмотрительности финансовых агентов этого не произошло.

В годы войны лица, ответственные за расходование казенных денег, начали буквально вымирать. Осенью 1941 г. Бернацкий, перенесший затяжной грипп, вследствие недостаточного питания очень ослабел; в одежде он весил 41 килограмм. Его личные средства подошли к концу, а «новых получений из банка он с лета прошлого года не имел», — информировал Бахметева председатель Земгора Н.С. Долгополов. Проблема усугублялась тем, что в сентябре 1941 г. продовольственные посылки были запрещены, и Долгополов, находившийся, по-видимому, в «свободной» зоне, контролировавшейся правительством Виши, потерял возможность подкармливать «русских парижан». По его словам, «в очень тяжелом положении оказался и Никанор Васильевич [Савич] — не только по тому же, что и он ничего не получает теперь, но еще и по причине тяжелой болезни жены»[64].

Долгополов просил Бахметева о помощи. Бахметеву удалось перевести деньги во Францию, возможно, через Толстовский фонд. Во всяком случае, гр. А.Л. Толстая писала ему 4 марта 1942 г., что Долгополову послана радиограмма, уполномочивающая его выдать из ранее переведенных сумм по 30 долл. Савичу и Бернацкому. В Париже 1942 г. это были довольно большие деньги[65]. После оккупации нацистами «свободной зоны» на юге Франции возможности оказывать русским эмигрантам помощь из-за границы уже не было.

В 1942 г. умер Савич, в 1943-м скончались Бернацкий и Миллер. В Париже единственным членом Совещания послов остался 75-летний Маклаков. Он решил кооптировать в состав Совещания трех новых членов взамен выбывших. «Следуя традиции обеих коллегий [послов и финансовых агентов. — *О.Б.*] не разглашать условий хранения перед посторонними лицами, я обращаюсь к тем, кто в большей или меньшей степени уже раньше были поставлены в курс вопросов хранения, — и этим письмом прошу Вас, в качестве одного из них, не отказать мне в Вашем содействии», — писал Маклаков приглашаемым 1 февраля 1944 г.[66]

Нам известны имена двух лиц, пополнивших Совещание, — это были барон Б.Э. Нольде, принимавший некогда участие в обсуждении вопроса о способе хранения государственных средств, позволившем бы скрыть их от докучливых кредиторов и советских агентов, и Г.Л. Нобель, являвшийся председателем Совета директоров того самого банка в Лондоне, в котором была «спрятана» значительная часть этих средств. Пикантность ситуации, правда, заключалась в том, что Нобель был шведским подданным. Впрочем, это не смутило ни его, ни Маклакова. Каких-либо данных о приглашении третьего лица в состав Совета послов в «розовой папке», содержащей переписку по этому деликатному вопросу, не имеется.

Маклаков писал своим новым коллегам:

> На обязанности Совещания послов лежала задача не только о сохранности государственных средств и возвращении того, что от них останется, законной власти в России, но и об ограждении или произвольном расходовании их. Ввиду исключительных условий настоящего времени, перерыва сношений между Францией и другими государствами, кончины наиболее осведомленных членов коллегии и т. п., многое в настоящем положении дела мне самому неизвестно; но я могу указать те пути, на которых все может быть приведено в полную ясность[67].

Маклаков сообщал, что после смерти Миллера все счетоводство, которое велось покойным совместно со своим заместителем Никольским, и другие документы находятся у его дочери Е.К. Бражниковой, которая получила от своего отца инструкции передать их Никольскому. Часть документов, по словам Маклакова, «относящихся к прежнему времени», осталась в «нескольких сундуках» на прежней квартире Миллера[68]. Увы, никаких следов этих «сундуков», также как упоминаний о их судьбе, нам обнаружить не удалось.

Средства, находившиеся на счетах Миллера накануне немецкой оккупации Франции, остались в целости и сохранности, ибо, как выяснилось, осторожный финансист хранил их в Англии (London & East Trade Bank) и США (American Chemical Bank).

Проблема, однако же, заключалась в том, что Никольский жил в провинции, сначала в Ренне, затем в Пуатье, а после освобождения Франции исчез, возможно опасаясь вполне возможных репрессий за свою службу на предприятии, которое работало на германскую оборону. Между тем в США казенные деньги хранились на совместном счету Миллера и Никольского.

Поскольку со смертью Миллера прекратились ассигнования «за счет русских средств» на возглавлявшийся Маклаковым Офис по делам русских беженцев, а где находился Никольский, было неизвестно, Новицкий решил, по соглашению с дочерью Миллера, «поставить» в распоряжение бывшего посла 144 тыс. фр. (72 тыс. за свой счет и 72 тыс. авансом за счет сумм Никольского) из расчета 6 тыс. франков в месяц до 1 июня 1947 г. Эти деньги выделялись в дополнение к суммам, получаемым Офисом от французского правительства. Новицкий надеялся, что за этот двухлетний срок Никольский объявится и «сможет освободить суммы, полученные им по наследству от К.К. Миллера и временно блокированные из-за формальностей введения наследства и запрещения перевода валюты из одной страны в другую». Кроме того, Новицкий передал Маклакову еще 20 тыс. франков «на покрытие разных нужд русской эмиграции» по его усмотрению[69].

Никольский нашелся гораздо раньше. 26 ноября 1945 г. Маклаков уведомил Нобеля, что «после возвращения в Париж А.А. Никольского, он, согласно обязательству своему от 17 февраля 1928 г., вручил В.И. Новицкому письма в Американский и Английский Банки, которыми просит Банки перевести его общий с покойным К.К. Миллером счет на такой же общий счет с В.И. Новицким. Точного состояния этих счетов Никольский не указал»[70].

25 июня 1946 г. в Париже состоялось заседание воссозданного Маклаковым Финансового совета (это была другая ипостась Совета послов). В выписке из протокола, завизированной Маклаковым, приводятся точные данные о миллеровском наследстве:

> Совет выслушал доклад А.А. Никольского о принятии им в управление сумм покойного К.К. Миллера. По последнему отчету, проверенному Н.В. Савичем, на 1 января 1940 г. состояло текущих счетов и процентных бумаг:
>
> в долларах — 123 524,20
> фунтах стерлингов — 17.202.8.6.
> швейц. франках — 1 165,80
> франц. франках — 139 830,55
> иенах — 3 243,07
>
> Из отчета, составленного дочерью К.К. Миллера — Е.К. Бражниковой, видно, что за время с 1 января 1940 г. по 1 июня 1946 г. израсходовано свыше 2-х миллионов французских франков на содержание Центрального Офиса русских эмигрантов и других учреждений и на благотворительные траты[71].

В январе 1940 г. соотношение доллара к франку было равно 43,8 фр. за 1 долл. В 1941—1944 гг. франк не котировался. Средний обменный курс в 1945 г. составлял 49,72 фр. за 1 долл. В 1946 г. франк резко упал — до 119,3 за 1 долл. Очевидно, что за первые пять месяцев 1946 г. была израсходована меньшая часть упомянутых в протоколе 2 млн фр., и если принять средний обменный курс за 50 фр. за 1 долл., получается, что в твердой валюте за указанный период было израсходовано около 40 тыс. долл.

Как мы знаем, некая сумма освободилась в связи с продажей Лондонского «русского» банка. Деньги, вырученные за «казенную долю» акций, оказались весьма кстати.

Новицкий доложил Финансовому совету о состоянии своих счетов в связи с продажей принадлежавших казне акций London & Eastern Trade Bank. К сожалению, точная цифра в протоколе заседания 25 июня 1946 г. не названа. Однако мы можем — очень приблизительно — определить хотя бы порядок сумм, оказавшихся вновь в распоряжении «воскрешенного» Маклаковым Финансового совета. Как нам известно, «европейская» доля, вложенная первоначально в акции и векселя банка, составляла 60 тыс. ф. ст. В 1924 г. были «освобождены» и израсходованы на нужды русских беженцев 20 тыс. ф. ст. В результате мирового кризиса 1929—1933 гг. банк потерял 20% капитализации; после Второй мировой войны, в связи с тем что банк понес существенные потери в Центральной и Восточной Европе, стоимость акций должна была упасть еще минимум на четверть. Таким образом, стоимость европейской «казенной доли» при самых благоприятных условиях могла составлять около 25 тыс. ф. ст. При этом мы исходим из предположения, что финансовые агенты после 1924 г. не выводили денег из банка. По крайней мере, никаких документов на этот счет нами не обнаружено.

Разумеется, наши вычисления весьма условны, и сумма, вырученная за акции, скорее всего, была в разы меньше. Наверняка акции были проданы с дисконтом, учитывая далеко не блестящее положение банка. Как бы то ни было, по расчетам Новицкого, «вырученной от продажи суммы, при наибольшей экономии в расходовании», должно было хватить «примерно на 5 лет». «Все остальные средства, размер расходования которых виден из отчета о финансовой деятельности Совещания послов, в настоящее время израсходованы», — констатировали участники заседания[72].

В распоряжение Маклакова, как мы уже знаем, поступила «американская доля». Следуя той же логике, что и при расчете стоимо-

сти акций, числившихся за «европейцами», получаем около 66 тыс. ф. ст. Вряд ли, однако же, можно сомневаться, что на самом деле сумма была существенно меньше, учитывая то, что банк в момент продажи не выглядел привлекательным активом. И, как показывает его последующая история, в самом деле не был таковым. Через несколько лет новые владельцы банка были вынуждены его ликвидировать.

Приведем «миллеровское» наследство (за вычетом 2 млн. фр.), так же как средства, вырученные от продажи акций Eastrabank'a, к «общему знаменателю», т.е. переведем в доллары по курсу 1946 г. (иена в 1946 г. не котировалась, поэтому берем ее курс 1947 г.). Итоговая сумма, по самым оптимистическим расчетам, составила бы около 520 тыс. долл. Однако, учитывая указанные выше обстоятельства, мы можем с весьма относительной уверенностью говорить лишь о миллеровских суммах, составлявших около 153 тыс. долл. Что же касается суммы, вырученной от продажи акций, которая теоретически могла составить около 367 тыс. долл., то, как уже отмечалось выше, она, по всей вероятности, была в разы меньше. Полагаем, что общая сумма, которой мог располагать Финансовый совет, вряд ли превышала 300 тыс. долл. Что для послевоенной Франции было совсем неплохо.

«Жертвователи, пожелавшие остаться неизвестными»

Поздней осенью 1946 г. председатель парижского Земгора Н.С. Долгополов получил от Маклакова уведомление, что жертвователи, пожелавшие остаться неизвестными, готовы выделить 300 тыс. фр. на помощь нуждающимся русским детям во Франции. Маклаков просил его представить смету. Долгополов поспешил передать бывшему послу «проект распределения» средств. Они должны были быть направлены на поддержку русских приютов, интернатов и школ во Франции[73].

Далее от Земгора ежегодно поступали просьбы исходатайствовать те или иные суммы у «известных Вам пожертвователей». Просьбы неизменно удовлетворялись, причем всегда в соответствии с представленными сметами. Очевидно, вопрос о размерах субсидий предварительно согласовывался. Средства шли в основном на помощь детским учреждениям.

В 1948 г. Маклаков передал Земгору 700 тыс. фр., в 1949-м — 800 тыс., 1950-м — 1 млн 325 тыс., 1951-м — 1 млн 205 тыс., в 1952

и 1953 гг. — по 1 млн 440 тыс., в 1954 и 1955 гг. — по 1 млн 620 тыс.[74] Курс франка после девальвации в октябре 1948 г. был стабилен, и вплоть до августа 1957 г. за один доллар давали около 350 фр.

Деньги шли на Русскую гимназию в Париже, детский приют в Вильмуассоне, интернат в Версале, курсы Осоргиной в Париже, детский сад в Ницце, а также на стипендии для нуждающихся студентов, на лечение и летний отдых наболее ослабевших детей, на общую помощь, на горячие завтраки для особенно нуждающихся детей и т.п., на организационные и административные расходы Земгора и некоторые другие цели.

Долгополов писал Маклакову в начале 1954 г.:

> Позвольте от всей души поблагодарить Вас и просить Вас передать пожелавшим остаться неизвестными жертвователям нашу горячую благодарность за полученный через Вас дар в сумме 820 000 франков (это была первая половина суммы, переведенной в 1954 г. — О.Б.) для помощи русским детским учреждениям во Франции, отдельным нуждающимся детям, а также на организационные расходы Земско-Городского Комитета.
>
> ...Помощь нуждающимся детям и русским учреждениям, в которых дети или воспитываются или продолжают свое учение — общее или специально русских предметов, — приносит свою громадную пользу нуждающимся семьям и помогает детям сохранять свою «русскость».
>
> ...Вся помощь, которую делает возможной дар известных Вам жертвователей, имеет чрезвычайно существенное значение для русской эмиграции во Франции, и мы приносим за нее нашу глубокую и сердечную благодарность[75].

Заметим, что субсидии «неизвестных жертвователей» были, разумеется, не единственным источником доходов Земгора. Серьезную помощь оказывали, в частности, французские благотворительные организации. Так, в одном из писем Долгополов упоминает о полученных от французских организаций средствах на стипендии для русских студентов по 12—15 тыс. фр. в месяц и одновременно о внесении ими платы за обучение русских студентов на юридическом факультете (90—100 тыс. фр. в год)[76].

В последнем из сохранившихся писем Маклакова председателю Земгора сообщалось, что от лиц, «пожелавших остаться неизвестными», в распоряжение Земгора на 1956 г. поступило 1 880 000 фр., т.е. именно та сумма, которую запрашивал Долгополов.

Любопытно, что Долгополов запросил дополнительные ассигнования уже в ходе «финансового года» на распределение «американских продовольственных излишков». Американские продовольственные излишки — продуктовые посылки — доставлялись во Францию за счет американского правительства и распределялись среди организаций помощи нуждающимся, госпиталей, домов престарелых и т.п. Земгор и запрашивал на эту работу — рассылку писем, доставку посылок и пр. — дополнительное финансирование. В 1955 г. Земгор, к примеру, распределял около 3 тыс. индивидуальных и семейных посылок.

«Предпринятую Вами новую операцию по распределению, выдаче и рассылке т. наз. "американских продовольственных излишков" жертвователи всячески одобряют, но, — кротко писал Маклаков, — высказывают пожелание, чтобы на будущее время Земгор, предпринимая новую операцию, для осуществления которой он рассчитывает на дополнительную финансовую помощь жертвователей, предварительно уведомлял об этих планах»[77].

Другой эмигрантской организацией, которой Маклаков передавал средства, поступавшие от «лиц, пожелавших остаться неизвестными», было Российское общество Красного Креста (РОКК). Переписка Маклакова с председательницей РОКК графиней Софьей Шуваловой и его генеральным секретарем Н.Г. Елисеевым, очевидно, сохранилась не полностью. Тем не менее ясно, что порядок сумм, передаваемых Красному Кресту, был примерно таким же, как Земгору.

В 1948 г. Красный Крест получил 600 тыс. фр.; средства были перечислены различным организациям, а также пошли на административные и организационные расходы РОКК. Распределение средств выглядело следующим образом (суммы во франках):

1) Общество «Православное дело» — 25 000;
2) Общество «Русский дом» в Антибе — 25 000;
3) «Русский комитет помощи» в Париже — 30 000;
4) Комитет Р.О.К.К. в Ницце — 35 000;
5) Православное Братство Св. В[еликомученицы] Анастасии в Ментоне — 20 000;
6) Союз русских военных инвалидов во Франции — 15 000;
7) Союз русских офицеров-инвалидов Великой войны — 5000;
8) Амбулатория Р.О.К.К. в Париже; «Общество помощи престарелым» в Париже — 25 000;

9) Санатории для туберкулезных в Уссу — 80 000;
10) Общество «Родина», Аньер — 20 000;
11) Русскому распределительному комитету Нансеновского марочного сбора — 50 000;
12) Перечислено на кредит счета административных и организационных расходов Главного Управления Р.О.К.К. с[тарой] о[рганизации] — 240 000[78].

В 1952 г. Маклаков передал Красному Кресту «из поступивших пожертвований» 800 тыс. фр., в 1954 г. Главному управлению РОКК было перечислено сначала 900 тыс. (600 тыс. РОКК и 300 тыс. Центру помощи русским беженцам во Франции С. Зерновой), а затем еще 750 тыс. фр. (600 тыс. РОКК и 150 тыс. Центру помощи)[79]. Письмом от 7 октября 1954 г. гр. Шувалова просила увеличить ассигнования на 1955 г. до 1 млн 440 тыс. франков, а С. Зернова письмом от 27 сентября ежемесячные ассигнования на Центр помощи до 25 тыс. фр.[80] Нет оснований сомневаться, что эти ходатайства были удовлетворены, — во всяком случае, письмом от 9 февраля 1955 г. генеральный секретарь РОКК Николай Елисеев подтверждал получение 845 тыс. фр., из которых 720 тыс. по оговоренным заранее назначениям и 125 тыс. для Центра помощи русским беженцам во Франции[81]. Несомненно, это был первый транш субсидии.

Проект распределения пожертвований на 1956 г., представленный РОКК 3 октября 1955 г., предусматривал следующие статьи расхода:

I. Учреждения для престарелых и больных и индивидуальная помощь

1) Союз русских военных инвалидов во Франции. Дома для инвалидов и индивидуальная помощь — 60 000;
2) Союз русских офицеров-инвалидов Великой войны. Общежитие и индивидуальная помощь — 20 000;
3) Комитет Р[оссийского] О[бщества] Красного Креста в Ницце. Дом для престарелых и индивидуальная помощь — 60 000;
4) Православное братство Св. Анастасии в Ментоне. Дом для престарелых и индивидуальная помощь — 60 000;
5) Общество «Родина» в Аньере. Дом для престарелых и индивидуальная помощь — 60 000;
6) Центр помощи русским беженцам. Дом для детей и индивидуальная помощь — 360 000;

7) Дом для престарелых в Шелль — 60 000;
8) Амбулатория Р.О.К.К. в Париже. На усиление средств этого учреждения по оказанию помощи больным — 80 000;
9) Комитет помощи туберкулезным и больным. На индивидуальную помощь туберкулезным и больным — 80 000;
10) На оказание [помощи] больным престарелым — 30 000;
11) На оказание помощи в экстренных, исключительных случаях — 80 000.

II. На общие административные и организационные расходы Р.О. Красного Креста старой организации — 900 000.
Итого: 1 850 000 франков[82].

Ответ не замедлил последовать: «В ответ на Ваше письмо от 3-го сего октября, имею честь уведомить Вас, что в распоряжение Главного Управления Российского Красного Креста (прежней организации) на 1956 год лицами, пожелавшими остаться неизвестными, ассигнована полностью просимая Вами сумма в 1 850 000 франков»[83].

На 1957 г. РОКК запрашивал 1 950 000 франков; смета в основном повторяла прошлогоднюю. Дополнительные 100 тыс. предназначались Комитету помощи Л.И. Любимовой (60 тыс.) и на административные и хозяйственные расходы Главного управления Красного Креста. Это была последняя смета, утвержденная Маклаковым[84].

Но кто же были эти «неизвестные жертвователи»? Вряд ли можно сомневаться, что это был сам Маклаков, а источником внезапно пролившихся на российские благотворительные организации благодеяний были остатки Национального фонда.

Остатки неуклонно сокращались. Как сокращалось и число лиц, причастных к хранению казенных сумм или хотя бы осведомленных о положении вещей. Финансовый совет на заседании 18 октября 1948 г. заслушал письмо Е.В. Саблина А.А. Никольскому «об ассигновании ему ежемесячно 50 фунтов ввиду дороговизны жизни, его болезненного состояния и исполнившихся 50 лет его службы в дипломатическом ведомстве».

Новицкий проинформировал Совет, что «по состоянию своих счетов он вопреки своим предположениям, высказанным в заседании Финансового совета от 25 июня 1946 г., с 1 января 1949 г. не может более поддерживать Е.В. С[аблина]» из находящихся у него на хранении сумм. Учитывая, что «прекращение помощи Е.В. [Саб-

лину] произвело бы на русскую колонию в Лондоне очень тяжелое впечатление», Совет постановил: «ассигновать Е.В. [Саблину] ввиду его болезненного состояния просимую им сумму с 1 января 1949 г. до окончания года», одновременно предупредив Саблина, что «эта ассигновка не предрешает дальнейшего». «Дальнейшее» не потребовалось, ибо Саблин умер 2 мая 1949 г. За год до него умер еще один из «посвященных» — барон Б.Э. Нольде.

Вопрос о доступности казенных денег в случае смерти их хранителей стал более чем актуальным. Постановлением от 26 апреля 1948 г. Финансовый совет возложил на «хранителей» «обязанность принять все меры к тому, чтобы в случае смерти кого-либо из них не произошло смешения сумм фонда с их личным имуществом и чтобы было устранено всякое вмешательство их наследников или кредиторов, а равно всякие претензии со стороны фиска».

Собственно, «хранитель» теперь был один — Никольский, ибо суммы Новицкого иссякли. Хитроумный Миллер в свое время учредил фиктивное акционерное общество, причем главная часть денег «Беженского фонда» стала считаться его собственностью. Акции Общества «на предъявителя» хранились на имя Никольского в Швейцарии. Постановлением от 23 октября 1948 г. было признано целесообразным, чтобы Никольский написал своему нотариусу распоряжение, что в случае его смерти находящиеся у него на хранении акции Общества должны быть переданы другим членам Комитета Общества беженского фонда.

В сентябре 1949 г. Маклаков писал Бахметеву в ответ на его вопрос о возможности оказания помощи российской общине в Англии:

> Вы интересуетесь так называемым «фондом». Кое-что еще остается. В сентябре вопрос о помощи для Англии будет обсуждаться. Но это совершенно между нами, как говаривал Гирс. Обращение к этому фонду и выдача из него требуют тайны; приходится считаться с последствиями и от удовлетворения их просьбы и от отказа. Денег не много и нужда в Англии не наибольшая. Те же, кто просят, думают, естественно, прежде всего о себе. Если давать все, что просят, повторится [19]20 год, когда в несколько месяцев было истрачено все, что предполагали на несколько лет. И это причина, почему обращение к частной помощи нормальнее, чем к нам[85].

Последние сомнения относительно персонального состава «неизвестных жертвователей» и происхождения их средств развеивает обнаруженный нами среди бумаг Маклакова в Русском архиве в Лидсе сертификат о регистрации Общества помощи русским беженцам (Society to aid Russian refugees, inc.). Общество было зарегистрировано 25 января 1956 г. в штате Делавэр, США, при посредстве юридической фирмы Братья Кудет (Coudert Bros.), услугами которой многие годы пользовался Бахметев, по адресу 129 South State Street, City of Dover, County of Kent, Delaware. Целью Общества была заявлена помощь детям, инвалидам и престарелым из числа русских беженцев. В состав корпорации вошли Маклаков (президент), Никольский, Новицкий, Я.Л. Рубинштейн, Б.К. Сувчинский (секретарь) и А.А. Титов. Общество являлось некоммерческой организацией и не могло выпускать акции.

Несомненно, это была новая форма хранения остатков казенных денег. Хранители были людьми далеко не юными и хотели, очевидно, «институализировать» распределение средств и застраховать их от всякого рода случайностей. Среди хранителей не было Густава Нобеля, скончавшегося в 1955 г.

Новые лица, привлеченные Маклаковым к делу хранения казенных средств, конечно, не были случайными людьми. Адвокат Яков Львович Рубинштейн был членом Правления и юрисконсультом Эмигрантского комитета в Париже, во второй половине 1930-х гг. входил в состав административного совета Нансеновского офиса по делам беженцев при Лиге Наций, де-факто являлся представителем российской эмиграции в Женеве[86]. Александр Андреевич Титов, ученый-химик и крупный предприниматель, владелец химико-фармацевтической фирмы «Биотерапия» в Париже (что не мешало ему принадлежать к партии народных социалистов), товарищ министра продовольствия Временного правительства, в эмиграции, среди прочего, был председателем ревизионной комиссии Земгора[87]. Борис Корнилиевич Сувчинский был не «общественником», а профессиональным финансистом, в 1920 г. директором Кредитной канцелярии (называвшейся потом Кредитной частью и Кредитным отделом) во врангелевском правительстве. В эмиграции служил некоторое время помощником Главноуполномоченного по финансово-экономическим делам. Все они в момент регистрации Общества перешагнули 75-летний рубеж.

Уже 1 февраля 1956 г. Елисеев выражал «искреннюю благодарность Главного Управления Российского Общества Красного Кре-

ста за полученные им от Society to Aid Russian Refugees, Inc. 925 000 франков за первый семестр 1956 года». Смета на 1956 г. подавалась еще «неизвестным жертвователям». Дальнейшие переводы денег шли уже со счета Society to aid Russian Refugees[88].

Кроме регулярных субсидий общественным организациям Маклаков выделял разовую помощь отдельным учреждениям и людям. Так, через Красный Крест «жертвователи» «поручили» ему передать для детского дома «Алуэтт» в Leysin в Швейцарии 1500 швейцарских фр. (около 290 долл.) на устройство отопления[89].

С просьбой выделить деньги на ремонт имения в Монжероне (17 км от Парижа), купленного под детский дом, к нему обратились видная деятельница Центра помощи Л.Л. Гарганова (в замужестве Дагьяр) и председатель Центра С.М. Зернова, поясняя в письме на имя Маклакова: «Это старинная мельница с парком, огородом и тремя большими домами (правила Префектуры требуют, чтобы мальчики и девочки жили под разными крышами)... За 14 лет существования Детского дома в Вильмуассоне... если нам приходилось отказывать принимать детей, то только из-за недостатка мест. В трех новых домах, если нам удастся сделать необходимые работы — мы сможем содержать до 120 детей».

Некогда в Монжероне был замок Анны Ярославны, киевской княжны, выданной замуж в XI в. за французского короля Генриха I. Имение купили за 6 млн фр., хотя просили 12—14 млн. Характерно, что если поначалу эмигранты стремились сохранить «русскость» школ для детей, то теперь Гарганова и Зернова писали: «Главное преимущество имения — это возможность устроить наших детей во французские школы, т.к. в Вильнев Сен Жорж (1 кил.) есть коммунальные и профессиональные школы, а в самом Монжероне — лицей»[90].

Не удовольствовавшись официальным посланием, Зернова обратилась к Маклакову с личным письмом:

> Пишу Вам частное письмо. Проснулась сегодня утром и много думала. Я скромно просила у Вас через Красный Крест 500 или 600 тысяч на ремонт дома. Я не хотела через Красный Крест просить больше.
>
> Но мы все ждем от Вас больше. Я жду от Вас миллион! Или 800 тысяч, чтобы 600 пошло в счет отопления и 200 в счет электрической проводки.
>
> Я оттого жду от Вас больше, потому что думаю, что сейчас мы единственная русская эмигрантская организация, которая опирается на всю

[подчеркнуто Маклаковым. — *О.Б.*] эмиграцию, по грошам собирает деньги с трудовой эмиграции и создает что-то, а не живет просто на чужой счет, т.е. на счет «ИРО»[91] или Америки. Из Америки мы ничего не получаем, т.к. где есть большие деньги, там сейчас же крепко прицепляются те организации, которые верят в силу денег только, а не создают дело, веря в силу добра и человеческой жертвенности [подчеркнуто Маклаковым, возможно, последняя фраза задела его «толстовские» чувства. — *О.Б.*]. Мы купили дом и выплатили за него все, теперь нам надо поднять большое русское дело, и это не наша организация, а Ваша организация тоже, т.к. это для всех наших общих детей! Простите, что пишу Вам опять, но очень хотела Вам все это сказать.

Искренно Ваша София Зернова[92].

К сожалению, нам не удалось обнаружить документов о дальнейшем развитии событий, но если Зернова и не получила искомый миллион, то в том, что финансовая помощь была оказана, вряд ли можно сомневаться.

Кроме поддержки эмигрантских организаций Маклаков оказывал и индивидуальную помощь. Какой-либо системы в этом отношении не было, поддержка оказывалась ad hoc, по личному усмотрению бывшего посла. Так, летом 1954 г. он прислал Е.Д. Кусковой, своей многолетней корреспондентке, обосновавшейся после различных мытарств вместе с мужем, С.Н. Прокоповичем (в 1954 г. уже смертельно больным), в Женеве, «из каких-то "остатних фондов" — 500 швейцарских франков»[93].

Видимо, последнее ассигнование, утвержденное Маклаковым, было адресовано Объединению сестер милосердия Российского общества Красного Креста на ремонт помещения, в которое перебирались шестеро сестер из прежнего здания, откуда их выселяли по суду. Объединению требовалось 400 тыс. фр. — 250 тыс. на ремонт и 150 тыс. — на покрытие издержек по судебным процессам.

В письме Маклакову от 7 марта 1957 г. председательница Объединения Александра Вадимовна Романова, в частности, писала:

Основанное в 1933 году Объединение Сестер Милосердия в течение 24 лет оказывало поддержку своим членам, русским сестрам милосердия, рассеянным по всем странам, собирая на это средства и никогда не обращаясь к благотворительным организациям за помощью.

В настоящее время Объединение переживает трудное время. В 1936 году было открыто Общежитие сестер милосердия, где поселились

10 сестер милосердия, и было организовано Бюро труда, предоставляющее работу своим членам.

В сентябре 1954 г. дом, где находилось Общежитие, был продан и новые владельцы потребовали его немедленного освобождения. Ввиду невозможности найти помещение, пришлось вести судебные процессы, благодаря которым удалось сохранить дом до настоящего времени. Расходы по ведению процессов за это время выразились в сумме 250 000 франков. Полученные на эти расходы пожертвования достигли суммы в 100 000 фр.[94]

Уже через пять дней Маклаков сообщал, что необходимую сумму в 400 000 фр. Романовой передаст А.А. Никольский[95].

Вряд ли получатели субсидий из маклаковских «остатних фондов» подозревали, что их первоисточник — золотые слитки, некогда хранившиеся в подвалах Госбанка далекого сибирского городка.

Никольский, перебравшийся в Швейцарию, регулярно привозил Маклакову деньги на содержание эмигрантского Офиса и другие нужды. Последнее упоминание о получении Маклаковым 200 тыс. фр. (около 570 долл.) относится к марту 1957 г.

«Парижский губернатор» скончался 15 июля 1957 г. на 89-м году жизни.

Нам неизвестен точный размер казенных сумм, остававшихся на хранении у Никольского. Несомненно, однако, что эти средства были незначительны и, столь же несомненно, были потрачены на нужды русской эмиграции. Неизвестно, на какой срок удалось Никольскому растянуть остатки средств. Ясно одно: к концу 1950-х гг. деньги, вырученные некогда за «колчаковское золото», были практически израсходованы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полагаем, что «незавершенную главу» в истории русской Гражданской войны следует теперь считать дописанной, а загадку «колчаковского золота», волновавшую современников и потомков на протяжении почти 90 лет, — более не существующей. В той же мере это относится к судьбе «русских денег» и имущества в США.

Каковы уроки драматической истории «колчаковского золота», а также истории заграничного финансирования антибольшевистского движения в целом?

Анализируя задним числом финансовую политику колчаковского правительства и пытаясь объяснить причины его катастрофы, А.А. Никольский, со свойственным некоторым финансистам «монетарным фетишизмом», усматривал причины поражения в нехватке финансовых ресурсов, в недостаточно решительном отношении к золоту. Главную ответственность он возлагал на политиков, не сумевших подняться над местными интересами и не проявивших необходимой решительности:

> Можно — и должно — было давать больше валюты Югу и Северу России, всем Правительствам, которые так же, как и мы, боролись во имя той же цели — освобождения России от ига Коммунистического Интернационала.
>
> Можно — и должно — было пожертвовать частью золота для обеспечения хотя бы сносных условий существования для военнослужащих, для поднятия курса рубля, для улучшения жизни населения, для пропаганды среди красных[1].

Финансист был, очевидно, прав. Но прав лишь отчасти. Причины поражения Белого движения вообще и Колчака в частности были гораздо глубже. Они не сводились только к неумению наладить взаимодействие с другими антибольшевистскими силами или создать эффективную систему снабжения. Дело было в непонимании противниками большевиков природы Гражданской войны, в неумении противопоставить сколько-нибудь привлекательную идеологию большевистской пропаганде. Белые проиграли не толь-

ко сражение за территорию или золотой запас. Они не сумели выиграть битву за умы и души людей.

Один из российских дипломатов, перефразируя Талейрана, писал в 1920 г., что со штыками нельзя воевать идеями. Однако и от «штыков», за которыми нет идей, в конечном счете мало проку. Во всяком случае тогда, когда речь идет о гражданской войне.

Лидеры белых оказались заложниками своих представлений, если угодно, идеалов, с одной стороны, и международной конъюнктуры, с другой. Адмирал Колчак считал золотой запас достоянием Российского государства и полагал, что его правительство не имеет права им распоряжаться. Когда решение о продаже золота под влиянием неблагоприятных внешних условий и угрозы прекращения помощи со стороны союзников было принято, оказалось, что исполнить его не так просто. Иностранные банки без разрешения правительств своих стран не решались покупать золото, составлявшее часть российского золотого запаса, а правительства союзников, в свою очередь, не решались дать санкцию на покупку казенного золота у непризнанного правительства.

В конечном счете такие разрешения были даны, и в этом в очередной раз проявилась двойственность политики союзников по отношению к белым: они так и не признали непрочное и весьма сомнительное с точки зрения демократических стандартов правительство Колчака. Они не позволили вовремя передать в его распоряжение изготовленные в США денежные знаки, заказанные ранее легитимным российским правительством, что обусловило в значительной степени неудачу попытки наладить денежное обращение в Сибири. Но разрешили покупать у Омского правительства золото, что было с правовой точки зрения не менее сомнительным, чем позволение пользоваться денежными знаками.

Столь же непросто было Омскому правительству осуществлять кредитные операции под залог золота. В результате правительство Колчака успело использовать совсем небольшую часть денег, вырученных в результате «золотых займов». Основные суммы, полученные в результате продаж золота, поступили в распоряжение Омского правительства в период, когда его главные успехи были позади. Таким образом, правительству Колчака не удалось воспользоваться в полной мере единственным материальным преимуществом, которое оно имело перед большевиками, — большей частью российского золотого запаса.

Заметим, впрочем, что снабжение, полученное войсками Колчака, Деникина и отчасти Врангеля за счет реализации золота и поставок имущества, заготовленного в США, было довольно значительным. Только из США белые правительства и их союзники получили различного имущества (частично оплаченного за счет золота), военного и «двойного» назначения, на 80 млн долл. (16 млн ф. ст.). Разумеется, снабжение белых за счет собственных средств существенно уступало по масштабам и стоимости поставкам союзников. Однако отнюдь не было величиной, которой можно пренебречь.

Для сравнения — за вторую половину 1918 г. военными заводами, контролировавшимися большевиками (в первой половине года они практически не работали), было выпущено 150 тыс. винтовок. В этот же период российским посольством в Вашингтоне было отправлено чехословацким и колчаковским войскам 200 тыс. винтовок. За весь 1919 г. военная промышленность красных произвела 470 155 винтовок[2]. Почти столько же было поставлено армиям белых российскими «снабженцами» из США. Еще 50 тыс. были приобретены за счет «золотого займа» в Японии. Правда, следует учитывать, что красным досталась в наследство большая часть вооружения старой армии и что в дополнение к новым винтовкам Красная армия получила в 1919 г. 664,5 тыс. отремонтированных.

Можно ли было порасторопнее и в бóльших количествах реализовать золото, чтобы обеспечить войска всем необходимым? Вероятно, это было возможно, но, учитывая политическую и финансовую конъюнктуру, разница во времени и количестве вряд ли была бы принципиальной. Дело было не только в том, что правительства союзников, а также США и Японии поначалу сдержанно относились к покупкам золота, входившего в российский золотой запас, у «местного» правительства. На рынке не было в необходимом количестве свободных денег. Колчаковское правительство пыталось разместить в Европе и США заем на 10 млн ф. ст., однако в итоге смогло найти желающих занять деньги на более чем выгодных условиях только на 7,5 млн ф. ст. (75 млн зол. руб.).

Если допустить, что колчаковские финансисты предприняли бы попытку реализовать всю часть золотого запаса, находившуюся в их руках, это означало бы привлечение 64,5 млн ф. ст. Найти такие деньги на «открытом рынке» в то время было более чем проблематично. Однако и в этом случае сохранялась бы зависимость белых от иностранной помощи. Ведь все вырученные деньги составили бы две трети от стоимости только британских поставок.

Белые никогда не располагали достаточным количеством валюты, которое позволило бы им снабжать войска всем необходимым и обеспечить за счет импорта приемлемые условия жизни для населения, «выключенного» из общероссийского товарооборота. Помощь, которую оказывали иностранные правительства, была материальной, но никогда — финансовой. И, как считалось, недостаточной или, во всяком случае, не всегда достаточной. Однако объяснять причины поражения белых только недостаточным снабжением не приходится. Численность действующей армии была всегда в несколько раз меньше той, на которую рассчитывали (и заказывали снабжение) генералы. Это было характерно для Сибири, для Вооруженных сил Юга России, для Русской армии Врангеля.

Белые не сумели наладить эффективной системы снабжения. Не сумели справиться с коррупцией и элементарной бесхозяйственностью. Среди российских предпринимателей, которые, казалось, были в первую очередь заинтересованы в победе белых, Мининых не нашлось. Белым приходилось рассчитывать только на казенные средства и иностранную помощь.

Вожди Белого движения одновременно и хотели иностранной помощи, и боялись зависимости от иностранцев. Генералы наивно рассчитывали на чувство благодарности за вклад России в войну или на общее осознание опасности большевизма. Они не понимали (или не вполне понимали), что во внутренней политике великих держав произошли серьезные изменения, усилилось влияние левых партий.

Чем больше сокращалась, а потом и прекращалась (как это произошло с Великобританией) помощь со стороны великих держав, тем больше приходилось рассчитывать на собственные ресурсы. А их — в силу сокращения территории, контролируемой белыми, а затем и потери золотого запаса — становилось все меньше.

Важнейшую роль в организации займов под залог золота сыграли российские дипломаты и финансисты, оказавшиеся за рубежом. Вряд ли кредитные операции стали бы возможны без наличия квалифицированных и, главное, хорошо известных в финансовом мире «переговорщиков», которые ранее представляли легитимные российские правительства (императорское и Временное).

После крушения Белого движения дипломаты взяли под контроль остатки казенных средств. В основе конфликта военных и дипломатов (взявших на себя роль политиков) лежало разное понимание международного положения и способов борьбы с больше-

визмом. В отличие от Врангеля, они понимали, что рассчитывать на «весенний поход» не приходится. Европа устала от войны. Ей хотелось не воевать, а торговать. А без поддержки европейских держав возобновление вооруженной борьбы с большевиками было невозможно. В этих условиях попытки сохранить армию означали не только пустую трату денег, но и поддержку провалившихся «военных движений».

Правда, попытка создать демократическую альтернативу генеральской диктатуре успехом также не увенчалась. Какие бы правильные лозунги ни были начертаны на знаменах эмигрантских групп, проблема заключалась в том, что они не находили отклика в России. России еще предстояло изжить большевизм. В начале 1920-х годов эмигранты не могли представить, что крушение коммунистического режима произойдет за пределами их биологического существования.

* * *

Небезынтересно посмотреть, как сложилась судьба людей (кроме тех, о ком уже говорилось в книге), причастных к продажам золота, переговорам о золотых займах и последующему хранению казенных средств за границей.

Бывший министр финансов Российской империи П.Л. Барк, который некогда вел переговоры о золотом займе у консорциума англо-американских банков, стал советником директора Английского банка, занимал руководящие посты в ряде британских банков, был возведен в рыцарское достоинство, получил титул баронета. В 1935 г. стал подданным Его величества. Умер в 1937 г. во Франции на 68-м году жизни. Другой «переговорщик», А.И. Коновалов, жил в основном во Франции, был весьма активен в эмигрантской политике и общественной деятельности, в частности в 1924—1940 гг. возглавлял правление самой популярной эмигрантской газеты «Последние новости». Умер в Париже на 74-м году жизни.

Атаман Г.М. Семенов и И.А. Михайлов были арестованы в Маньчжурии в 1945 г. советскими спецслужбами и доставлены в Москву. Здесь через год они вместе с шестью другими эмигрантами, искусственно объединенными в группу «семеновцев», предстали перед Военной коллегией Верховного суда СССР. Исполнилось пожелание последнего колчаковского премьера В.Н. Пепеляева: Михайлов предстал перед судом русского народа. Да вот только суд

был не тот, судили не за то, да и народ был — советский. Суд был не очень скорым, но немилостивым. Все обвиняемые сознались в организации диверсий, терроризме, вооруженной борьбе против СССР, а также в шпионаже в пользу Японии. 30 августа 1945 г. Семенов был повешен, Михайлов — расстрелян. Расстреляны были еще четверо подсудимых.

Б.А. Бахметев после отставки занялся спичечным бизнесом, заработал миллионы, а после того, как основанная им Lion Match Company смогла работать и без постоянного присмотра хозяина, вернулся к основной гражданской специальности. Он стал профессором Колумбийского университета, преподавал гидравлику, опубликовал ряд научных трудов. Принял американское гражданство. В 1936 г. основал Гуманитарный фонд, оказывавший поддержку преимущественно русским эмигрантам. Стал также одним из основателей и директоров Толстовского фонда. Умер в 1951 г. в возрасте 71 года.

С.А. Угет после признания Соединенными Штатами СССР был назначен специальным прокурором по делам, связанным с претензиями российской казны к поставщикам. Эти дела все еще тянулись, Казначейство имело шанс в случае выигрыша получить еще некоторую толику денег в погашение российского долга, а кто, как не Угет, разбирался в этих запутанных делах? Случай, надо сказать, был неординарный. Угет принял американское гражданство. В 1936 г. он ушел в бизнес. С 1952 по 1955 г. был управляющим одним из подразделений бахметевской компании. С 1955 г. работал в Гуманитарном фонде, в 1960-м стал его президентом. Так что Угет остался связанным с делами своего бывшего шефа и после его смерти. Именно Угету довелось разбирать бумаги Бахметева и готовить их для передачи в Архив русской и восточноевропейской истории и культуры, носящий с 1971 г. имя Бахметева. Угет умер в 1963 г. семидесяти восьми лет[3].

Помощник Угета Д.П. Перцов умер в 1946 г. в Париже пятидесяти шести лет.

К.Е. фон Замен после ухода из Eastrabank'а работал некоторое время в Вене, затем перебрался в Париж. Здесь он был более известен благодаря своей церковной деятельности. В конце жизни он поселился в Русском доме в Сен-Женевьев де Буа, недалеко от Парижа. Его «финансовое прошлое» сказывалось разве лишь в том, что он исполнял обязанности генерального секретаря-казначея Попечительства русского кладбища в Сен-Женевьев де Буа. На

этом кладбище он и был похоронен, когда скончался в августе 1959 г., не дожив двух месяцев до 85-летнего юбилея.

Члены Общества помощи русским беженцам, под прикрытием которого хранились остатки казенных денег, умерли в 1960-е гг. — А.А. Титов в 1961-м 83-х лет, Я.Л. Рубинштейн в 1963-м — 84-х, Б.К. Сувчинский в 1967-м — 87.

Последние хранители государственных средств В.И. Новицкий и А.А.Никольский умерли в 1968 г. Новицкий — на Мальте в 78-летнем возрасте (похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа), Никольский — в Женеве на 86-м году жизни.

* * *

Пользуясь случаем, скажем о судьбе золота, которое попало в хранилища различных зарубежных банков независимо от операций колчаковских финансистов и получить которое они так мечтали. Этот вопрос неразрывно связан с проблемой урегулирования дореволюционных долгов России. Напомним, что расплатиться по кредитам военного времени Российское правительство должно было в срок от 3 до 5 лет. Однако другое правительство — советское — по обязательствам предыдущего отказалось платить вообще, чем и решило судьбу золота, отправленного в период Первой мировой войны в хранилища Английского банка. Оно перешло в его собственность. Отказ советского правительства платить по долговым обязательствам царского и Временного правительств определил судьбу и другой части российского золотого запаса — так называемого Брест-Литовского золота, переданного большевистским правительством Германии по условиям русско-германского финансового соглашения от 27 августа 1918 г. и оказавшегося после капитуляции Германии во Франции. Оно там осталось навсегда в качестве компенсации за аннулированные советской властью долги.

Накануне Октябрьского переворота в Швецию в обеспечение кредита на 30 млн шведских крон было отправлено золото на сумму 4 850 тыс. руб. (13,15 млн шведских крон). Швеция была страной нейтральной, и формально кредит был открыт консорциуму русских частных банков во главе с Азовско-Донским. Позднее, в 1930-е, правительство Швеции, признавшее, что Азовско-Донской банк был «подставным лицом» и золото было государственным, предложило советскому правительству, в обмен на отказ СССР от претензий на золотой вклад, передать в его свободное распоряже-

ние 5,5 млн крон, что составляло остаток от суммы вклада за вычетом долгов российского правительства шведскому Красному Кресту и государственным железным дорогам Швеции за перевозки военного времени, а также долгов русских коммерческих банков. Советское правительство согласилось на предложенные условия, и деньги поступили на текущий счет Наркомфина СССР 2 июля 1933 г.[4]

Проблема российских долгов Англии была урегулирована лишь в 1986 г. М.С. Горбачевым и М. Тэтчер. Советское и британское правительства договорились отказаться от взаимных претензий, при этом суммы, хранившиеся на счетах банка Baring Brothers с 1918 г., должны были пойти на удовлетворение претензий владельцев обязательств императорского правительства — как частных лиц, так и компаний. Компенсации держателям российских облигаций выплачивались из расчета десяти процентов от номинала. Подлежала возмещению и собственность, утраченная в результате большевистской революции. Банк братьев Бэринг оказался единственным из британских банков, который отказался передать Казначейству деньги, хранившиеся на счетах российских организаций. В 1918 г. российские вклады в совокупности составляли около 4,3 млн ф. ст. К 1986 г. эта сумма возросла, учитывая набежавшие проценты, до 46 млн ф. ст.

Разбираться с претензиями поручили фирме Price Waterhouse. Педантизм британцев оказался сопоставим с немецким. Так, была предъявлена претензия за утрату багажа, в котором находились 4 коробки сардин, три неиспользованных билета на цикл музыкальных концертов и абонемент в оперу. Наибольшая выплата — 900 тыс. ф. ст. — была произведена в пользу одной компании в обмен на несколько сотен коробок российских бондов, наименьшая — 3,63 ф. ст. — в возмещение утраты в одном из банков Петрограда депозита на сумму 127 руб.[5]

Несомненно, соглашение о «нулевом варианте» по взаимным претензиям было крупным достижением советской дипломатии. Ведь долги царского и Временного правительств во много раз превышали стоимость золота, некогда отправленного в хранилища Английского банка.

Сложнее обстояло дело с Францией. В стране в конце XX столетия насчитывалось свыше 316 тыс. держателей более 3,76 млн долговых обязательств царского времени. Попытки урегулировать проблему не раз предпринимались еще в советское время. Решена она была уже в постсоветский период, когда Россия вернулась в

«приличное общество» и, в соответствии с принятыми в нем нормами поведения, расплатилась с долгами. 26 ноября 1996 г. российское и французское правительства подписали меморандум о взаимопонимании, по которому российская сторона взяла на себя обязательство выплатить правительству Франции 400 млн долл. «в качестве полного и окончательного урегулирования взаимных требований между двумя странами, возникшими до 9 мая 1945 года». 27 мая 1997 г. в Париже стороны подписали межправительственное соглашение «об окончательном урегулировании взаимных финансовых и имущественных требований, возникших до 9 мая 1945 года». Сумма в 400 млн долл. была выплачена восемью полугодовыми платежами, последний из которых был осуществлен в августе 2000 г.

Это был, опять-таки, несомненный успех российских дипломатов и финансистов. Им удалось снизить сумму претензий в два с половиной раза и переложить ответственность за удовлетворение претензий инвесторов (точнее, их потомков) на французское правительство. Последнее, в свою очередь, предупредило владельцев облигаций царского времени, что ни один из них не сможет претендовать на сумму, превышающую 70 тыс. фр. (около 9,6 тыс. долл.). Разумеется, это в разы, если не в десятки раз было меньше того, чего на самом деле должны были стоить пожелтевшие бумаги, оставшиеся в наследство от дедушек и бабушек. Чьи франки когда-то способствовали индустриализации России.

Конечно, условия соглашения не вызвали восторга у тысяч потомков мелких инвесторов. «Ассоциация держателей царских займов» и по сей день пытается предъявлять претензии французскому правительству, но вопрос решен окончательно. По-видимому, французское правительство, пойдя на подписание не самого выгодного для собственных граждан соглашения, во-первых, желало устранить то, что препятствовало экономическому сотрудничеству двух стран, во-вторых, отдавало себе отчет в бесперспективности надежд на получение большей суммы. Мало кто в середине 1990-х предвидел стремительный рост цен на энергоносители, как и то, что Россия в начале XXI в. будет стремиться не отсрочить выплату своих внешних долгов, а, напротив, погасить их досрочно.

* * *

Вернемся, однако, в начало 1920-х гг. Именно в это время была израсходована бóльшая часть остававшихся средств, вырученных за

колчаковское золото. Львиная их доля пошла на обустройство беженцев «врангелевской эвакуации». Причем, вопреки «антиармейской» риторике дипломатов, тратились они преимущественно на расселение армии. На первом, наиболее тяжелом, этапе существования «русского зарубежья» финансовая поддержка со стороны дипломатических представителей канувшего в Лету правительства сыграла существенную (иногда решающую) роль в адаптации десятков тысяч беженцев к реалиям нового для них мира.

Последнюю часть денег, вырученных от продажи колчаковского золота и золотых займов, послы несуществующей страны пытались сохранить для правительства, которое придет на смену большевикам. Они просчитались: советская власть продержалась гораздо дольше, чем могли себе представить эмигранты. Просчитались они и в другом: деньги, вложенные в акции банка, что казалось им весьма надежным способом сокрытия казенных средств от докучливых кредиторов и советских агентов, оказались омертвленными на полтора десятилетия. Впрочем, мировой экономический кризис, приведший к такому результату, не могли предвидеть не только русские эмигранты, но и лучшие экономисты мира.

Однако не было бы счастья — да несчастье помогло: деньги освободились после окончания Второй мировой войны, когда русская эмиграция во Франции находилась в более чем плачевном положении. Остатки средств, полученных в результате продажи части российского золотого запаса, были переданы по большей части двум русским благотворительным организациям: Земгору и Красному Кресту. И пошли на поддержку тех, кто уже — или еще — не мог позаботиться о себе сам. Таким образом, последняя толика российских государственных средств была использована по назначению — была израсходована на поддержку бывших российских граждан и их потомков. Которые представить себе не могли, что источник этих скромных благодеяний — овеянное легендами «колчаковское золото».

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Курсы основных валют, упоминаемых в книге, по отношению к фунту стерлингов и доллару США (1914—1957)[1]

Доллары США ($) к фунту стерлингов (£)

1915, январь	4,867
1916, январь	4,77
1917, январь	4,76
1918, январь	
1919, январь	4,76
июнь	4,61
август	4,3
ноябрь	4,03
1920, январь	3,7
Июнь	3,95
Октябрь	3,5
1921, январь	3,8
1922, январь	4,2
июнь	4,5
1923, январь	4,65
1924, январь	4,25
1925, январь	4,74
1926, январь	4.85
1927, январь	4,85
1928, январь	4,87
1929, январь	4,85
1930, январь	4,87
1931, январь	4,87
октябрь	3,9
1932, январь	3,38
1933, январь	3,34
июнь	4,05
октябрь	4,5

[1] *Источник: Bidwell R.L.* Currency Conversion Tables: A Hundred Years of Change. London: Rex Collins, 1970.

1934, январь	5,0
1935, январь	4,93
1936, январь	4,93
1937, январь	4,91
1938, январь	5,0
1939, январь	4,63
1940, январь	4,03
1941, в среднем	4,03
1942, в среднем	4,03
1943, в среднем	4,03
1944, в среднем	4,03
1945, в среднем	4,03
1946, в среднем	4,03
1947, в среднем	4,03
1948, в среднем	4,03
1949, январь	4,03
Октябрь	2,80
1950, в среднем	2,80
1951, в среднем	2,80
1952, в среднем	2,79
1953, в среднем	2,81
1954, в среднем	2,81
1955, в среднем	2,79
1956, в среднем	2,80
1957, в среднем	2,79

Французские франки

1 франк = 100 сантимам

	Франки к £	Франки к $
1914, январь	25,3	5,19
1915, январь	25,12	5,24
октябрь	27,5	5,90
1916, январь	28	5,90
1917, январь	27,8	5,86
1918, январь	27,18	5,72
1919, январь	26	5,47
июнь	30	6,48
октябрь	36	8,62

1920, январь	40,9 – 46,5	10,75 – 13,19
март	48,5 – 58,1	14,25 – 14,97
июнь	50,5	12,96
октябрь	53,5	15,3
1921, январь	53,8 – 61,5	13,9 – 17,1
март	55	14,11
июнь	46,6	12,36
октябрь	52	13,75
1922, январь	51,4	12,15
март	48,5	11,2
июнь	50	11,19
октябрь	60	13,5
1923, январь	62 — 80	13,33 – 17,20
июнь	72	15,65
1924, январь	84 — 98	19,76 – 23,06
март	76 — 120	17,67 – 27,91
июнь	77 — 89	17,11 – 19,78
октябрь	86,5	19,22
1925, январь	88	18,57
июнь	97 — 108	19,96 – 22,22
октябрь	102 — 120	20,99 – 24,68
1926, январь	129,25	26,59
1927, январь	122	25,10
1928, январь	124	25,52
1929, январь	124	25,52
1930, январь	123,9	25,50
1931, январь	123,67	25,43
октябрь	100	25,64
1932, январь	86	25,59
1933, январь	86	25,59
1934, январь	83	16,6
1935, январь	74,5	15,31
1936, январь	75	15,31
сентябрь	105	21,4 (девальвированный)
1937, январь	105	21,43
июль	128	26,12
1938, январь	147	29,4
март	165	31,0
1939, январь	176,5	39,8
1940, январь	176,5	43,8

1945, в среднем	203	49,72
1946, в среднем	480	119,3
1947, в среднем	480	119,3
1948, январь	864	214,7
октябрь	1062	349
1949, январь	1093	350
октябрь	980	350
1950, в среднем	980	350
1951, в среднем	979	349,95
1952, в среднем	981	349,95
1953, в среднем	982	349,95
1954, в среднем	981	349,95
1955, в среднем	978	349,95
1956, в среднем	982	350
1957, январь	984	350
август	1117	420

Российские рубли

	рубли к £	*рубли к $*
Предвоенный курс	9,45	1,93
1915, в среднем	9,43	1,95
1916, январь	16	3,36
1917, январь	16,2	3,37

После революции котировки рубля потеряли смысл. Для внутренних расчетов российские финансисты использовали довоенный курс, округленно 10 золотых рублей за 1 ф. ст., 2 золотых рубля за один доллар США

Иены

1 иена = 100 сен

	иены к £	*иены к $*
До 1914	10	2
1915, январь	10	2
1916, январь	10	2
1917, январь	10	2
1918, январь	10	2
1919, январь	10	2

1920, январь	10	2
1921, январь	10	2
1922, январь	10	2
1923, январь	10	2,15
1924, январь	10	2,35
1925, январь	12	2,53
1926, январь	11,25	2,31
1927, январь	10	2,10
1928, январь	10,25	2,11
1929, январь	10,25	2
1930, январь	10	2
1931, январь	10	2
октябрь	8	2,05
1932, январь	9,8	2,92
сентябрь	16	4,62
1933, январь	16,5	4,91
1934, январь	16,5	4,91
1935, январь	17	3,4
1936, январь	17	3,4
1937, январь	17	3,4
1938, январь	17	3,5
1939, январь	17	3,84
1940, январь	17	4,62
1945	— — —	15 (курс, установленный американской военной администрацией)
1947, март		50
1948, июль		270
1949, апрель	1480	360
ноябрь	1010	360
1950, в среднем	1010	360
1951, в среднем	1010	360
1952, в среднем	1010	360
1953, в среднем	1010	360
1954, в среднем	1011	360
1955, в среднем	1011	360
1956, в среднем	1005	360
1957, в среднем	1012	360

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Цена золота на Лондонской бирже (1920—1960)[1]

В соответствии с законом 1844 г. была установлена цена золота, по которой Английский банк был обязан его покупать, а именно – 77 шиллингов 9 пенсов за стандартную унцию (28,3495231 г). Это соответствовало 84 шиллингам 9 пенсам за тройскую унцию (31,1034768 г). Установленная цена сохранялась до Первой мировой войны, отклонения составляли максимум 2 пенса. В годы Первой мировой войны торговля золотом была прекращена, возобновившись с января 1920 г. Цены за унцию золота приводятся в шиллингах и пенсах.

1920, январь	109
июнь	103-2
1921, январь	115-10
июнь	108-2
1922, январь	97-9
июнь	91-9
1923, январь	88-11
июнь	89-4
1924, январь	95-8
июнь	84-11
1925, январь	87-9
В апреле 1925 г. Великобритания вернулась к золотому стандарту и цена на золото была установлена на уровне 84 шиллинга 11 пенсов за тройскую унцию.	
1925, июнь	84-11
1926, январь	84-11
июнь	84-11
1927, январь	84-10
июнь	84-11
1928, январь	84-11

[1] *Источник:Bidwell R.L.* Currency Conversion Tables: A Hundred Years of Change. London: Rex Collins, 1970.

июнь	84-10
1929, январь	84-11
июнь	84-11
1930, январь	84-11
июнь	85-00
1931, январь	85-01
июнь	84-11
В сентябре 1931 г. Великобритания отказалась от золотого стандарта. Уже через несколько дней цена золота выросла до 100 шиллингов за тройскую унцию	
1931, сентябрь	100-00
1932, январь	120-7
июнь	114-00
1933, январь	123-08
июнь	122-01
1934, январь	127-00
июнь	138-01
1935, январь	141-06
июнь	141-02
1936, январь	141-02
июнь	138-07
1937, январь	141-06
июнь	140-05
1938, январь	139-00
июнь	140-00
1939, январь	150-05
июнь	148-06
1940, январь	168-00
май	168-00
После окончания Второй мировой войны были установлены твердые цены на золото, по которым его покупал Английский банк	
1945, июнь — 1949, сентябрь	172-03
1949, сентябрь — 1954, март	248-00
В марте 1954 г. была возобновлена свободная торговля золотом, однако цена оставалась на том же уров-	

не, с незначительными колебаниями, до 1960 г., когда цены на золото вновь стали расти	

ПРИМЕЧАНИЯ

От автора

[1] *Будницкий О.В.*. 1) Дипломаты и деньги. 1. «Колчаковское золото» Диаспора: Новые материалы. Вып. IV Париж; СПб.. Athenaeum; Феникс, 2002. С. 457—508; 2) Дипломаты и деньги. 2. Национальный фонд // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.. Athenaeum; Феникс, 2003. С. 283—334; 3) «Пронунциаменто» трех чиновников Министерства иностранных дел (К истории возникновения Совета российских послов в Париже) / Зарубежная Россия 1917—1939. Кн. 2. СПб.. «Лики России», 2003. С. 9—18; 4) Деньги для «Белого дела» Исторические записки. Т 7 (125). М.. Наука, 2004. С. 57—85; 5) Совещание российских послов в Париже и Земгор: Деньги и политика (1921—1925) Cahiers du Monde russe. 2005. Vol. 46. № 4 (Octobre — décembre). P 699—718.

Введение

[1] *Novitsky W.J.* Russian Gold Fund's Adventures and Present Status The New York Times. 1920. July 4.

[2] *Новицкий В.И.* Судьба русского золотого запаса The Russian Economist. 1921. Vol. I. №2. January. С. 503—514.

[3] Там же. С. 509—510.

[4] *Новицкий В.И.* Судьба русского золотого запаса. С. 514.

[5] Таэль (лан, лана, лян) — мера веса серебра, использовавшаяся в Китае при расчетах на внутреннем рынке (до 1933 г.). Один таэль был равен приблизительно 1,3 унции серебра.

[6] То есть К.Е. фон Замена.

[7] Документы внешней политики СССР М.. Госполитиздат, 1961. Т V С. 309—310.

[8] *Погребецкий А.И.* Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции. Харбин: Издание общества изучения Маньчжурского края и Дальневосточно-Сибирского общества «Книжного дела», 1924. С. 12—13.

[9] «Золотой эшелон» Публ. А.П. Кладта, В.А. Кондратьева Исторический архив. 1961. № 1. С. 20—53. Кладт и Кондратьев опубликовали также научно-популярную брошюру «Быль о "золотом эшелоне"» (М.. Госполитиздат, 1962), в которой рассказывалось о доставке попавшего в руки большевиков золота в Казань.

[10] *Garfield B.* Kolchak's Gold. London: Macmillan, 1974.

[11] *Smele J.D.* White Gold: The Imperial Russian Gold Reserve in the Anti-Bolshevik East, 1918—? (An Unconcluded Chapter in the History of the Russian Civil War) Europe-Asia Studies. 1994. № 8. P 1317—1347

[12] Золото адм. Колчака Возрождение. 1929. 21 сентября и 1 октября.

[13] *Сироткин В.* Зарубежное золото России. М.. ОЛМА-Пресс, 2000. С. 174—175.

[14] См.. *Будницкий О.В.*. 1) Япония и российское золото Независимая газета. 2000. 7 октября; 2) Письмо в редакцию: Русское золото за рубежом Власть (Коммерсант-Власть). 2001. № 8 (410). 27 февр. С. 63—64; 3) Мираж золотой Родина. 2001. № 3. С. 69—74; 4) Золотой сон Ex libris НГ· Книжное обозрение. Еженедельное приложение к «Независимой газете». 2001. № 9 (181). 15 марта; 5) Деньги русской эмиграции: к историографии вопроса Отечественная история. 2004. № 3. С. 154—156.

[15] Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М.. ИВИ РАН, 1999. С. 268—272; Русские без отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20—40-х годов. М.. РГГУ, 2000. С. 46—50. См. критику этих взглядов в: *Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции. С. 153, 156—157

[16] Письмо Б.А. Бахметева К.В. Деникиной (12 мая 1948 г.) Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University, USA (далее — BAR). Denikin Collection. Box 1.

[17] Военные поставки США, Франции и Англии России при Временном правительстве (март — октябрь 1917) Исторический архив. 1955. № 3. С. 179.

[18] *Тер-Асатуров Д.Г* Записка о деятельности Российского Представительства в Америке (Посольства в Вашингтоне и Заготовительного Комитета в Нью-Йорке) после большевистского переворота в России. Pictou, Nova Scotia, Canada, 1923; *Он же.* Дополнительная Записка о деятельности Российского Представительства в Америке (Посольства в Вашингтоне и Заготовительного Комитета в Нью-Йорке) после большевистского переворота в России (Ответ на письма М.М. Карповича и Д.П. Перцова). Pictou, Nova Scotia, Canada, 1925.

[19] *Schuman Frederick L.* American Policy Toward Russia Since 1917· A Study of Diplomatic History, International Law and Public Opinion. New York: International Publishers, 1928. P 45—49, 223—229 et passim., *Maddox Robert J.* Woodrow Wilson, the Russian Embassy and Siberian Intervention // Pacific Historical Review. 1967 Vol. 36 (November). P 435—448; *Idem.* The Unknown War with Russia. San Rafael, Calif.: Presidio Press, 1977; *Foglesong David S.* America's Secret War Against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917—1920. Chapel Hill & London: The University of North Carolina Press, 1996. P 47—75 et passim.

[20] «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков: Переписка 1919—1951 / Ред., вступ. ст., коммент. О.В. Будницкого. В 3 т. М., Стэнфорд: РОССПЭН; Изд-во Гуверовского института, 2001—2002.

Глава 1

[1] *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М.. Изд-во АН СССР, 1960. С. 105; *Беляев С.Г* П.Л. Барк и финансовая политика России 1914—1917 гг. СПб.. Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2002. С. 588, табл. 72; С. 590, табл. 78; С. 593, табл. 84; С. 370.

[2] *Борисов С.М.* Рубль: золотой, червонный, советский, российский. М.. Инфра-М, 1997 С. 84—85. В Монетном уставе, в соответствии с традиционными русскими мерами, определялось, что рубль содержит 17,424 доли чистого золота. Для удобства мы употребляем современные меры веса. Одна доля равна 44,4349 мг, соответственно 17,424 доли — 0,77423 г.

[3] *Борисов С.М.* Рубль. С. 92.

[4] Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.) Сост. А.Н. Яхонтов / Архив русской революции. Берлин, 1926. Т XVI. С. 88—89. [Репринт. изд. М.. 1993. Т. 17—18].

[5] Тяжелые дни. С. 88—89.

[6] *Беляев С.Г* П.Л. Барк. С. 373.

[7] *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России. С. 354—356.

[8] Там же. С. 362—363, 366.

[9] *Беляев С.Г* П.Л. Барк. С. 373.

[10] *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России. С. 375, прим. 222.

[11] *Petit L.* Histoire des finances extérieures de la France pendant la guerre (1914—1919). Paris, 1929. P 757 Цит. по: *Беляев С.Г* П.Л. Барк. С. 440, прим. 315.

[12] *Беляев С.Г* П.Л. Барк. С. 381.

[13] О заграничном снабжении русской армии см.. *Гермониус Э.К.* Заграничное снабжение армии / Сборник записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну. [Нью-Йорк]: Финансовое агентство в США, 1925. С. 156—242; *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937; Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М., Л., 1957 Ч. 2. С. 473—517; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.. Наука, 1973. С. 252—332.

[14] О деятельности российских заготовительных организаций в Англии см.. *Бабичев Д.С.* Деятельность Русского правительственного комитета в Лондоне в годы первой мировой войны // Исторические записки. Т. 57. М.. Изд-во АН СССР, 1956. С. 276—292; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России. С. 285—297

[15] *Беляев С.Г* П.Л. Барк. С. 591, табл. 79.

[16] *Борисов С.М.* Рубль. С. 102.

[17] *Замен К.Е.* Финансирование заграничного военного снабжения России / Сборник записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну. С. 276; *Будницкий О.В.* Нерв войны / Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.. РОССПЭН, 2008. С. 775—784.

[18] *Сидоров А.Л.* Финансовое положение. С. 521.

[19] *Кладт А., Кондратьев В.* Быль о «золотом эшелоне». М., 1962. С. 10—11, 19.

[20] Там же. С. 19, 22—23.

[21] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства / ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 141. Л. 135; *Гак А.М.* О судьбе золотого запаса России (1918—1920 гг.) Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 136.

[22] *Лебедев В.И.* Борьба русской демократии против большевиков: Зап. очевидца и участника свержения большевист. власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк: Народоправство, 1919. С. 43.

[23] *Вырыпаев В.О.* Каппелевцы / Вестник первопоходника: Ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий. № 33. Июнь 1964. С. 13. Следует отметить, что сведения о количестве ценностей, которые приводит мемуарист, весьма приблизительны.

[24] Цит. по: *Кладт А., Кондратьев В.* Быль о «золотом эшелоне». С. 26—27

[25] *Кладт А., Кондратьев В.* Быль о «золотом эшелоне». С. 27

[26] ГАРФ. Ф. 143. Оп. 14. Д. 24. Л. 28—28 об. Справка не датирована, но, несомненно, относится к апрелю 1919 г., когда начался пересчет золота, эвакуированного из Казани.

[27] РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 16. Д. 47 Л. 46.

[28] «Золотой эшелон». С. 34; *Новицкий В.И.* Судьба русского золотого запаса. С. 508—509.

[29] Михайлов — Командующему Сибирской армией, 10 октября 1918 ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 20. Л. 14. К этому времени, очевидно, пять эшелонов были переформированы в три.

[30] *Smele J.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918—1920. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P 399, note 215.

[31] «Золотой эшелон». С. 38—39.

[32] РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 16. Д. 47 Л. 43, 46.

[33] «Золотой эшелон». С. 38—39.

[34] Сведения о наличии золота, эвакуированного из Самары в Омск // РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 16. Д. 47 Л. 49; *Кладт А., Кондратьев В.* Быль о «золотом эшелоне». С. 40.

[35] ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 97 Л. 45.

[36] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 135.

[37] ГАРФ. Ф. 143. Оп. 14. Д. 24. Л. 13. Справка опубликована Я. Леонтьевым и Л. Петрушевой в «Известиях» (18 февраля 1992 г.).

[38] ГАРФ. Ф. 143. Оп. 14. Д. 23. Л. 11.

[39] ГАРФ. Ф. 143. Оп. 14. Д. 24. Л. 28; ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 92. Л. 64.

[40] ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 92. Л. 138.

[41] Докладная записка управляющего Госбанком С.И. Рошковского на имя министра финансов И.А. Михайлова, начало мая 1919 г. ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 92. Л. 171.

[42] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. I. С. 111—112.

[43] Автобиографии Добрускиной и Михайлова см.. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М.. Советская энциклопедия, 1989. С. 119—126, 251—279. О их революционной деятельности и процессах, на которых они судились, см. также: *Трощкий Н.А.* Царские

суды против революционной России: Политические процессы 1871—1880 гг. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1976 (указатель); *Он же.* «Народная воля» перед царским судом (1880—1894). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983 (указатель).

[44] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т. I. С. 111—112.

[45] Там же. С. 264.

[46] Там же. С. 264, 111—112.

[47] *Будберг А.* Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т XV С. 334 [Репринт. изд. М.. Терра; Республика, 1993. Т 15—16].

[48] Из записи разговора по прямому проводу между Ключниковым и Гревсом, 25 ноября 1918 г. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. Владивосток, 1995. С. 33.

[49] Использую удачное определение Нади Тонгур — см. ее докторскую диссертацию: *Tongour N.* Diplomacy in Exile: Russian Émigrés in Paris, 1918—1925. PhD diss. Stanford University, 1979.

[50] *Кононова М.М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917—1925 гг.). М.. ИВИ РАН, 2004. С. 50—57

[51] Демидов — Сукину, 2 октября 1919 г. ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 26. Л. 108. В период Первой мировой войны драхмы не котировались, в 1919 г. за один фунт стерлингов давали 24,81 драхмы, за один доллар — 5,19.

[52] Там же.

[53] Демидов — Сукину, 10 октября 1919 г. ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 26. Л. 106.

[54] Товмининдел (Жуковский) — Товминфин (Новицкому), телеграмма получена в Минфине 29 октября 1919 г. ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 26. Л. 85 об.—86.

[55] *Tongour N.* Diplomacy in Exile. P 30.

[56] *Маклаков В.А.* Автобиография. Назначение во Францию // Hoover Institution Archives, Stanford University, Stanford, California (далее — HIA). Vasily Maklakov Collection. Box 1. Folder 2. (Далее в ссылках на архивные материалы из HIA приводятся только номера коробки и папки: первая цифра — номер коробки, вторая — папки.)

[57] Подробнее о Маклакове см.. *Адамович Г.В.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959; *Карпович М.* Два типа русского либерализма: Маклаков и Милюков Новый журнал. Нью-Йорк. 1960. Кн. 60; *Будницкий О.В.* Нетипичный Маклаков Отечественная история. 1999. № 2. С. 12—26; № 3. С. 64—80; *Он же.* Маклаков и Милюков: два взгляда на русский либерализм / Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы. М.. РОССПЭН, 1999. С. 416—428; *Он же.* В.А. Маклаков и «еврейский вопрос» // Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация. 1999. № 1(19). С. 42—94; *Он же.* Милюков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917—1939 // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М.. РОССПЭН, 2000. С. 358—383; *Он же.* Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!». Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков: Переписка 1919 — 1951. Т. 1. Август 1919 — сентябрь 1921. М., Стэнфорд, 2001. С. 16—114; *Он же.* Попытка примирения Диаспора: Новые материалы. Вып. I. Париж; СПб., 2001. С. 179—240; *Дедков Н.И.* Консервативный либерализм Василия Маклакова. М.. АИРО-XX, 2005.

[58] Дневник П.Н. Милюкова Новый журнал. 1962. Кн. 67 С. 207

[59] *Gilbert M.* Winston S. Churchill. Vol. 4: 1916—1922. London: Houghton Mifflin, 1975. P 227; *Думова Н.Г., Трухановский В.Г* Черчилль и Милюков против Советской России. М.. Наука, 1989. С. 76.

[60] *Зырянов П.* Колчак. М.. Молодая гвардия, 2006. С. 356—357

[61] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 3. Т 4—5. М.. Айрис-пресс, 2003. С. 343, 347

[62] О Русском политическом совещании см. подробнее: *Thompson John M.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton: Princeton University Press, 1966. P 62—81, *Будницкий О.В.* Послы несуществующей страны «Совершенно лично и доверительно!». Т. 1. С. 57—65.

[63] *Деникин А.И.* Очерки. С. 348.

[64] Протокол №3 9 заседания РПС от 25 февраля 1919 г. Leeds Russian Archives, Zemgor Collection (далее — LRA). Описание фонда Земгора в Русском архиве в Лидсе еще не завершено, поэтому здесь и далее я не даю ссылки на номер коробки и папки.

[65] Маклаков — Сукину, 19 марта 1919; Сукин — Михайлову, 31 марта 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 11. Д. 57 Л. 85, 84.

[66] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 141. Л. 144.

[67] *Bidwell R.L.* Currency Conversion Tables: A hundred years of change. London: Rex Collins, 1970. P 19.

[68] *Кононова М.М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции С. 96—97

[69] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 25. Л. 3—3 об.

[70] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 25. Л. 65.

[71] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 26. Л. 32.

[72] И.И. Сукин — Л.В. фон Гойеру, 27 августа 1919 / ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 26. Л. 48.

[73] Маклаков — Сукину, 27 апреля 1919 г. Там же. Л. 13. Право посылать шифрованные телеграммы имели только уполномоченные лица, как правило послы, поэтому послания других лиц включались в тексты их телеграмм.

[74] Гулькевич — Сукину, 10 апреля 1919; Сазонов — Сукину, 27 апреля 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 358; Ф. 198. Оп. 4. Д. 25. Л. 13.

[75] Протокол № 3 заседания Русского политического совещания от 27 декабря 1918 г. LRA. Zemgor Collection.

[76] Протокол заседания РПС №3 от 27 декабря 1918 г.

[77] Протокол заседания РПС №18 от 16 января 1919 г.

[78] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 25. Л. 65, 82.

[79] ГАРФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

[80] *Апостол П.Н.* Доклад о деятельности Финансово-Экономической Комиссии ГАРФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 38. Л. 1—1 об.

[81] Протокол № 14 заседания РПС от 9 января 1919 г. LRA. Zemgor.

[82] Протоколы № 19 от 18 января, № 40 от 27 февраля (Барк был избран в состав ФЭК 13 февраля, но утвержден РПС две недели спустя), № 47 от 17 марта 1919 г. LRA. Zemgor.

[83] ГАРФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 38. Л. 14. В состав ФЭК вошли также Р.К. Бентковский, Т.В. Белозерский, В.В. Вырубов, П.Ф. Гольцингер, А.М. Михельсон, В.А. Нагродский, В.С. Павловский, М.А. Стахович, В.М. Фелькнер, Н.В. Чайковский, А.С. Чудинов, С.А. Шателен.

[84] Артур Германович Рафаловича (Некролог) The Russian Economist. 1921. Vol. II. № 5. October—December. С. 1779—1780; *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал. 1897—1914. Л.. Наука, 1970. С. 27—28.

[85] *Беляев С.Г* П.Л. Барк. С. 441.

[86] Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2: Рукописные заметки. СПб.. Дмитрий Буланин, 2003. С. 430, 439.

[87] Подробнее о Рафаловиче см. в цитированном выше некрологе.

[88] Протокол № 19 от 18 января 1919 г. LRA. Zemgor.

[89] LRA. Zemgor.

[90] Программа работ Финансово-Экономической Комиссии ГАРФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 32. Л. 1—3.

[91] Протокол заседания ФЭК от 4 января 1919 г. ГАРФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 23. Л. 36.

[92] Ключников — Маклакову, 16 декабря 1918 ГАРФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 23. Л. 32.

[93] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 137—138.

[94] ГАРФ. Ф. 454. Оп.1. Д. 23. Л. 88—89.

[95] Там же. Л. 95.

[96] Там же. Л. 96—97

[97] *Беляев С.Г* П.Л. Барк. С. 381.

[98] Приложение к Протоколу № 40 РПС от 27 февраля 1919 г LRA. Zemgor.

[99] ГАРФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 23. Л. 101—102.

[100] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 54.

[101] ГАРФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 23. Л. 103.

[102] ГАРФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 66. Л. 78—78 об.

[103] Там же. Л. 80 об.

[104] ГАРФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 23. Л. 102.

[105] Там же. Л. 103.

[106] Там же. Л. 105.

[107] Приложение к Протоколу № 40 РПС от 27 февраля 1919 г. LRA. Zemgor.

Глава 2

[1] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 12. Л. 1, Д. 49. Л. 11.

[2] Там же. Д. 49. Л. 23—23 об.

[3] К.К. Миллер — Михайлову, 3 марта 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 49. Л. 49.

[4] Там же. Д. 12. Л. 3.

[5] Там же. Подробнее о российских деньгах и имуществе в США см. в главе 4 наст. изд.

[6] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 49. Л. 50.

[7] Кудашев — Сукину, 14 апреля 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 25. Л. 5.

[8] Там же.

[9] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т II. С. 385. Цит. по: *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2. М.: Айрис-пресс; Лагуна-арт, 2005. С. 101—102.

[10] *Черчил[л]ь В.* Мировой кризис. М., Л.. Государственное военное издательство, 1932. С. 164, 167, 171.

[11] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. М.. Айрис-пресс, 2003. Т 4—5. С. 123.

[12] *Черчил[л]ь В.* Мировой кризис. С. 157

[13] *Будберг А.* Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т XIV С. 274 [Репринт. изд. М.. Терра; Республика, 1992. Т 13—14].

[14] Цит. по: *Черчил[л]ь В.* Мировой кризис. С. 158.

[15] Там же.

[16] См. подробнее: *Kennan George F.* Russia and the West Under Lenin and Stalin. New York: Hutchinson, 1961. P 121—125.

[17] *Субботовский И.* Союзники, русские реакционеры и интервенция. Краткий обзор (Исключительно по офиц. архивным документам колчаковского правительства). Л., 1926. С. 234—236, 239. В публикации И. Субботовского дата записки Новицкого не указана. Очевидно, что она написана между 21 января и 15 февраля 1919 г. В публикации ошибочно указаны инициалы Новицкого — И.И. Очевидно, публикатор спутал Владимира Иосифовича Новицкого с его отцом — Иосифом Иосифовичем Новицким (1849 — 1917).

[18] В Омск Новицкий прибыл 8/21 июля 1919 г. Его сопровождали два помощника — Д.П. Перцов и В.В. Пушкарев. Вместе с ними Новицкий отправился в мае 1917 г. в составе Чрезвычайной миссии в США. Вернуться пришлось более двух лет спустя, и едва ли не в другую страну. Заметим, что Перцов был причастен к важнейшим финансовым операциям Омского правительства, а впоследствии — российского финансового агентства в США. Сенсационные статьи Новицкого о судьбе русского золотого запаса, упоминавшиеся во введении, были написаны в значительной степени на основе справок, подготовленных Перцовым. См.. ГАРФ. Ф. 198. Оп. 6. Д. 13. Л. 26.

[19] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 59. Л. 1.

[20] Там же. Оп. 6. Д. 35. Л. 137

[21] Там же.

[22] М.С. Капущевский был в прошлом служащим Сибирского торгового банка в Петербурге. На государственной службе он долго не задержался. Его «настойчивая» просьба об отставке была удовлетворена Михайловым 13 марта 1919 г.

[23] ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 93. Л. 7, 86.

[24] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 136.

[25] ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 91. Л. 128, 192. Конкретный пример деградации золотодобывающих приисков см. в статье: *Баев О.В.* Из истории золотопромышленности Кузнецкого бассейна в годы Гражданской войны История Белой Сибири: Материалы 6-й международной научной конференции. Кемерово, 2005. С. 157—160.

[26] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 154; ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 91. Л. 128.

[27] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 143.

[28] Z. Золотой поезд: Из недавнего прошлого Иллюстрированная Россия. 1932. № 29(375). С. 1. 4. Судя по контексту, автором воспоминаний был А.А. Никольский.

[29] Хунхузы (от кит. хунхуцзы, буквально — краснобородый) — название участников вооруженных банд, действовавших в Маньчжурии с середины XIX в. Отряды хунхузов, состоявшие из китайских ссыльных и беглых солдат, разорившихся крестьян и насчитывавшие иногда по несколько тысяч человек, нападали на города и селения с целью грабежа.

[30] Z. Золотой поезд. С. 2.

[31] Данное примеч. в скобках — Никольского.

[32] Z. Золотой поезд. С. 4.

[33] Г.А. Краснов — И.А. Михайлову, 6 марта 1919 ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 91. Л. 80—81.

[34] ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 91. Л. 53, 72.

[35] *Рынков В.М.* Романовское золото в плену «белой иллюзии» // Проблемы истории местного управления Сибири XVI—XX веков: Материалы III региональной научной конференции 19—20 ноября 1998 г. Новосибирск, 1998. С. 82.

[36] ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 97 Л. 45.

[37] A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China: The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918—1925 Хроника гражданской войны в Сибири и изгнания в Китае: Дневники Петра Васильевича Вологодского, 1918—1925 / Ed. by S. Lyandres, D. Wulff. Stanford: Hoover Institution Press, 2002. Vol. 1. P 251—252.

[38] *Новицкий В.И.* Судьба русского золотого запаса The Russian Economist. 1921. Vol. I. № 2. P 508.

[39] РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 16. Д. 47 Л. 48.

[40] Z. Золотой поезд: Из недавнего прошлого Иллюстрированная Россия. 1932. № 30 (376). С. 12, 13.

[41] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 18, 15, 17

[42] Там же. Л. 66—68.

[43] Там же. Л. 68—72.

[44] Там же. Л. 76.

[45] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 59. Л. 18—19.

[46] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 143.

[47] Кармазинский — Сукину, 26 апреля 1919 г. ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 25. Л. 6 об.

[48] В статье Новицкого, в которой были приведены сведения о продажах золота, указан 1918 год. Это явная опечатка.

[49] *Новицкий В.И.* Судьба русского золотого запаса The Russian Economist. 1921. Vol. I. № 2. С. 509.

[50] Никольский — Новицкому, 14 сентября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 485.

[51] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 143.

[52] Там же.

[53] Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. Владивосток, 1995. С. 144.

[54] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 145.

[55] «Золотой эшелон». С. 22—23, 41, 42, 53 (прим.).

[56] ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 92. Л. 117—118; Д. 94. Л. 7

[57] Там же. Д. 142. Л. 10, 15.

[58] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. II. С. 453—454.

[59] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 59. Л. 132.

[60] ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 91. Л. 230.

[61] Там же. Д. 97 Л. 18—20.

[62] Там же. Д. 91. Л. 72—72 об., Ф. 143. Оп. 14. Д. 23. Л. 21 (Справка от 26 сентября 1919 г.); *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 143.

[63] ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 97 Л. 33 об.

[64] Там же. Д. 91. Л. 65, 92—93; Д. 94. Л. 1.

[65a] ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 94. Л. 8—14.

[65b] «Золотой эшелон». С. 44. В акте о хищении золота перечислены фамилии солдат охраны, стоявших посменно на часах у злополучного вагона с 8 часов вечера 11 января до 8 часов утра 12-го: Унжаков, Журавлев, Ушков, Макрушин, Козлов, Поляков, Жуков.

[65c] Там же. С. 45.

[66] ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 94. Л. 15—16.

[67] HIA. Russia. Posol'stvo (U.S.) (далее — RPUS). 62—2.

[68] *Новицкий В.И.* Судьба русского золотого запаса. С. 509—510.

[69] Там же. С. 509.

[70] *Ефимкин А.П.* «Мы заплатили немецким империалистам золото...» // История СССР 1990. № 5. С. 147—149; Документы внешней политики СССР М., 1957 Т. 1. С. 446—447

[71] *Ефимкин А.П.* «Мы заплатили немецким империалистам золото...» С. 149–150; *Ларсонс М.Я.* На советской службе: Записки спеца. Париж: Родник, 1930. С. 40; живописные детали доставки золота в Берлин см. в воспоминаниях одного из участников экспедиции: *Тайгин А.* В Берлин с русским золотом Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2 (15). С. 155—165.

[72] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 163—164.

[73] Запись разговора по прямому проводу М.С. Капущевского и товарища министра финансов А.А. Скороходова 25 декабря 1918 / ГАРФ. Ф. 198. Оп. 6. Д. 34. Л. 8—8 об.

[74] С проблемой противодействия военных продаже товаров, которые могли пригодиться в будущем, столкнулся еще Капущевский в конце 1918 — начале 1919 г., когда пытался продать Японии имевшиеся во Владивостоке селитру, колючую проволоку и стальной трос. См.. ГАРФ. Ф. 198. Оп. 6. Д. 35. Л. 2, 3, 6, 46.

[75] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 163—164.

[76] Угет — Новицкому, 6 декабря 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 61. Л. 6.

[77] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 61. Л. 21.

[78] В документе А.Р *Сент*-Галли, но, несомненно, речь шла об Александре Романовиче Сан-Галли (?—1925), крупном предпринимателе — см.. Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917—2001. М.. Пашков дом, 2005. Т 6. Кн. 1. С. 420.

[79] Окулич — Михайлову, 20 июля 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 2. Л. 2.

[80] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 6. Л. 81—83 и др. материалы этого дела.

[81] HIA. RPUS. 62—2.

[82] Окулич — Михайлову, 20 июля 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 2. Л. 2.

[83] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 144.

[84] Михайлов — Никольскому, 29 марта 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 61. Л. 6.

[85] *Рынков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 г.). Новосибирск, 1920. С. 136.

[86] Любопытное предложение — об учреждении специального банка для внешней торговли, который монополизировал бы финансирование экспортно-импортных операций и аккумулировал валюту, столь необходимую правительству, внесли в августе 1919 г. в Минфин бывший управляющий Госбанком А.В. Коншин и коммерции советник М.А. Гинсбург. Вряд ли воплощение в жизнь этой идеи могло дать быстрые результаты, но несомненно потребовало бы немалых затрат и организационных усилий. По этой ли причине или же в связи с ухудшением положения на фронте, когда стало не до создания новых банков, обсуждение записки Коншина и Гинсбурга ни к чему не привело. Переписка по поводу этого проекта прекратилась в конце ноября 1919 г. — см. подробнее: ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 13.

[87] Никольский — Новицкому, 25 октября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 179.

[88] *Killen L.* The Russian Bureau: A Case Study in Wilsonian Diplomacy. Lexington, Ky.. University of Kentucky Press, 1983. P 61.

[89] *Smele J.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918—1920. Cambridge University Press, 1996. P 417, table 4.15. Наряду с объективными сложностями в деле налаживания внешней торговли играли немалую роль неразбериха и неумение работать с зарубежными партнерами. Так, в шведских деловых кругах с энтузиазмом отнеслись к возможности торговать с Сибирью. Шведы были готовы отправить несколько пароходов общей вместимостью 10 тыс. т. Однако, не получая долгое время ответа на телеграмму о возможности получения груза на обратный путь, снарядили в конце концов лишь один небольшой пароход «Хальвар», способный взять на борт 1500 т. «Хальвар» успешно добрался до бухты Находка Северным морским путем 1 сентября 1919 г. Однако, по словам шведов, здесь они встретились с «нераспорядительностью и растерянностью властей». «Хальвар» простоял 20 дней, получив возможность разгрузить не более трети привезенных товаров, после чего капитан судна был вынужден отправиться в обратный путь, поскольку время навигации подходило к концу. Из Сибири удалось захватить совсем немного обратного груза (*Никольский Б.А.* Наше экономическое представительство за границей: (Из зап. торгового агента). Гамбург, 1923. С. 66—67).

[90] В.А. Маклаков — Б.А. Бахметеву, 11 декабря 1919 / «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков: Переписка 1919—1951. М., Стэнфорд, 2001. Т. 1. С. 138.

[91] Там же.

[92] Там же. С. 139.

[93] Там же. С. 140—141.

[94] Саблин — Сукину, 23 октября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 106—106 об.

[95] О финансово-экономической политике деникинского правительства см. подробнее: *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917—1920 гг.). 3-е изд. М.. Изд-во Ипполитова, 2006. С. 172—318.

[96] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. II. С. 404.

[97] Белый Восток: финансы и политика (1918—1919 гг.) Сост. С.С. Ипполитов — http://ricolor.org/history/bldv/13/; *Рынков В.М.* Финансовая политика. С. 123.

[98] *Smele J.* Civil War in Siberia. P 410, table 4.14.

[99] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 30—31.

[100] Заметки В.Н. Пепеляева Последние дни колчаковщины. М.,Л.. Госиздат, 1926. С. 131.

[101] Белый Восток. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 116. Л. 23.

[102] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 6. Д. 34. Л. 7,10; *Шиканова И.С.* Денежная реформа А.В. Колчака Денежные реформы в России: История и современность. М.. Древлехранилище, 2004. С. 129.

[103] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 116.

[104] Там же. Л. 69—70, 116—117

[105] *Зырянов П.* Колчак. М.. Молодая гвардия, 2006. С. 473—474.

[106] Лаж — приплата при обмене денежных знаков.

[107] Дутов — Колчаку, 20 июля 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 294.

[108] Фон Гойер — Харбин, Синорус [т.е. Русско-Азиатский банк. — *О.Б.*], Пименову, копия телеграммы поступила в Кредитную канцелярию 2 сентября 1919 // ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 558.

[109] Телеграмма Никольского в Минфин, вход. 24 сентября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 441.

[110] Никольский — в Минфин, вх. 3 сентября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 545.

[111] Никольский — Новицкому, 12 сентября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 60. Л. 6—6 об.

[112] Никольский — Экстренная записка в Минфин, Омск, вход. 29 сентября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 427

[113] Никольский — Новицкому, октябрь 1919, число оторвано ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 388.

[114] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. С. 127

[115] Телеграмма Семенова в Минфин, 25 ноября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 6. Д. 44. Л. 59.

[116] Телеграмма Прошковского в Минфин, 25 ноября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 6. Д. 44. Л. 65.

[117] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 6. Д. 44. Л. 76.

[118] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 129.

[119] *Рынков В.М.* Финансовая политика. С. 125, 206 (табл. V); *Погребецкий А.И.* Денежное обращение. С. 8.

[120] *Рынков В.М.* Финансовая политика. С. 121—122, 124—124; *Шиканова И.С* Денежная реформа. С. 130.

[121] Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. С. 142—143.

[122] *Шиканова И.С.* Денежная реформа. С. 130. О том, каким образом были израсходованы остатки американского кредита, см. главу 4 наст. изд.

[123] *Рынков В.М.* Финансовая политика. С. 121—122. Всего с 3 сентября по 15 октября 1919 г. Угет заключил пять контрактов с Американской банкнотной компанией. См.. HIA. RPUS. 62— 2.

[124] *Шиканова И.С.* Денежная реформа. С. 129; *Рынков В.М.* Финансовая политика. С. 121.

[125] ГАРФ. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 6. Л. 179—180.

[126] *Smele J.* Civil War in Siberia. P 410, table 4.14, note 252.

Глава 3

[1] Протокол РПС № 40 от 27 февраля 1919 г. LRA. Zemgor.

[2] См. гл. 1. С. 56—58.

[3] Протокол РПС № 40 от 27 февраля 1919 г. LRA. Zemgor.

[4] Протокол РПС № 45 от 6 марта 1919 г. LRA. Zemgor.

[5] ГАРФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 23. Л. 120—121.

[6] Там же.

[7] ГАРФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 23. Л. 120—121.

[8] Там же. Л. 120—122.

[9] Там же. Л. 168.

[10] Там же. Л. 168—169.

[11] Там же. Л. 170—171.

[12] Протокол заседания ФЭК от 25 апреля 1919 г. и приложение к нему ГАРФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 23. Л. 182—186.

[13] Там же. Л. 123—124.

[14] Протокол РПС № 63 от 28 апреля 1919 г. LRA. Zemgor. Группа беженцев, выехавшая из Одессы и ее окрестностей в начале апреля 1919 г., насчитывала приблизительно 15—20 тыс. человек (*Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920—1940. М.. Русский путь, 2005. С. 86).

[15] Протокол РПС № 63 от 28 апреля 1919 г. LRA. Zemgor.

[16] Протокол РПС № 66 от 6 мая 1919 г. LRA. Zemgor.

[17] Протокол РПС № 66 от 6 мая 1919 г. / LRA. Zemgor.

[18] Протокол РПС № 67 от 8 мая 1919 г. LRA. Zemgor.

[19] *Беляев С.Г* П.Л. Барк и финансовая политика России 1914—1917 гг. СПб., 2002. С. 49—50.

[20] Угет — Сазонову, 29 мая 1919 г. (Об интервенции США против Советской России (1919 г.) / Исторический архив. 1960. № 6. С. 10). Телеграмма предназначалась для передачи министру финансов Михайлову.

[21] Т.е. National City Bank of New York (Ситибанк, именовавшийся в переписке российских финансистов в дословном переводе Национальным городским банком).

[22] Угет — Сазонову, 29 мая 1919 г. С. 10—11.

[23] О российском имуществе в США см. главу 4 наст. изд.

[24] Записка управляющего Министерством финансов в Совет министров Российского правительства «Об учреждении в Америке эмигрантского банка с участием правительственного капитала» ГАРФ. Ф. 197 Оп. 5. Д. 85. Л. 78 об.—79.

[25] Там же. Л. 76 об.—77

[26] Там же. Л. 77—78 об.

[27] Проект организации в Америке Эмигрантского банка HIA. RPUS. 63—66, 63—67

[28] Администрация возражала лишь против приобретения акций банка за счет средств Российского посольства в Вашингтоне.

[29] HIA. Mikhail Girs Collection (далее — Girs). 1—2.

[30] Новицкий — Коковцову, 21 марта 1919 HIA. Girs. 1—4.

[31] Там же.

[32] Коковцов — Новицкому, 20 мая 1919 HIA. Girs. 1—2.

[33] Записка управляющего Министерством финансов. Л. 81 об. Любопытно, что 15 октября 1919 г., еще за два дня до принятия официального решения, Л.В. фон Гойер телеграфировал в Париж А.И. Путилову о том, что правительство в проектируемом Эмигрантском банке «желает увеличить долю участия русских банков до одного миллиона долларов вместо прежних пятисот тысяч», и выдвигал возможные кандидатуры представителей «русской группы» для ведения переговоров о создании банка в США. Фон Гойер (по совету Новицкого) называл прежде всего известного банкира, в прошлом крупного чиновника Л.Ф. Давыдова, в случае его отказа предлагал обратиться к Григорию Виленкину в Лондоне и Александру Беру в Нью-Йорке и, наконец, если бы выяснилось нежелание других русских банков участвовать в этом проекте, спрашивал Путилова о том, не возьмется ли за организацию дела близкий им обоим Русско-Азиатский банк ГАРФ. Ф. 143. Оп. 7 Д. 103. Л. 18—18 об.

[34] Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920: Документы Ред. В.И. Шишкин. М.. Международны й фонд «Демократия», 2003. С. 573 со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 99. Л. 212; Д. 806. Л. 1—21.

[35] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 6. Д. 13. Л. 44—44 об.

[36] О михайловской реформе см.. *Smele D.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918—1920. Cambridge, 1996. P 401—411, *Рынков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств Востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 143—167

[37] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 54, 55.

[38] Крупенский — Сукину, 22 июля 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 48. Л. 6.

[39] Акцепт (от лат. acceptus — принятый) — обязательство (подтверждение согласия) плательщика оплатить в установленный срок переводный вексель (тратту), выставленный на оплату счет, удовлетворить другие требования об оплате.

[40] Момме — древнеяпонская мера веса, применялась до окончательного введения метрической системы в 1921 г. 1 момме = 3,75 г.

[41] HIA. RPUS. 62—2. Справка № 5. Условия финансового соглашения от 7 октября 1919 г. между отделением Государственного банка во Владивостоке и Иокогама Специе банком и Нозен банком в Токио. См. копию договора на английском языке, заверенную первым секретарем Российского посольства в Токио Д.И. Абрикосовым: ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 47 Л. 80—81 об. См. переписку по вопросу о заключении займа: Там же. Л. 17—17 об., 21—21 об., 25—25 об.

[42] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 49. Л. 66—68.

[43] Крупенский — Сукину, 22 октября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 129.

[44] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 60. Л. 82.

[45] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 47 Л. 96.

[46] Крупенский — Управляющему Минфином, 16 ноября 1919; Никольский — Новицкому, 27 ноября и 6 декабря 1919; Новицкий — Никольскому, 12 декабря 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 47 Л. 99, 104—106.

[47] Донесение управляющего Владивостокской таможней в департамент таможенных сборов от 26 ноября 1919 г. ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 60. Л. 97

[48] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 11. Д. 67 Л. 27

[49] Банк Бэринг Бразерс (Baring Brothers and C° Limited) был основан в 1763 г. По словам Н.Л. Рафаловича, он был «первым банкиром русского правительства в Лондоне». Связи Бэрингов с российским Министерством финансов прослеживаются с начала XIX в. Через Бэрингов проводили операции также частные русские банки, общественные организации, отдельные лица (*Беляев С.Г.* П.Л. Барк. С. 456—457).

[50] Протокол РПС № 72 от 26 мая 1919 LRA. Zemgor.

[51] Протокол РПС № 73 от 29 мая 1919 LRA. Zemgor.

[52] Протокол РПС № 72 от 26 мая 1919 LRA. Zemgor.

[53] Протокол РПС № 84 от 3 июля 1919 г. LRA. Zemgor.

[54] Телеграмма К.Д. Набокова Сукину, 28 июня 1919 г. (Замен для Минфина) Об интервенции США против Советской России (1919 г.) Публ. А.В. Березкина, В.И. Мазаева Исторический архив. 1960. С. 14.

[55] Сукин — Бахметеву, 22 сентября 1919 г. HIA. RPUS. B. 37 F. 1.

[56] Затем золото все-таки было перевезено в Сан-Франциско.

[57] Во время пребывания российского посла в США Б.А. Бахметева в Париже в период Мирной конференции С.А. Угет одновременно исполнял обязанности поверенного в делах.

[58] HIA. RPUS. 62—2. Справки № 5а, 6, 7

[59] ГАРФ. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 5. Л. 475.

[60] Там же. Л. 484.

[61] HIA. RPUS. 62—12.

[62] ГАРФ. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 5. Л. 464—465.

[63] HIA. RPUS. 37—1.

[64] Сукин — Бахметеву, 8 октября 1919 HIA. RPUS. 37—1.

[65] Так в тексте, на самом деле было депонировано более пяти с половиной тысяч пудов.

[66] Сукин — Бахметеву, 8 октября 1919 HIA. RPUS. 37—1.

[67] Сукин — Бахметеву, 20 октября 1919 HIA. RPUS. 37—1.

[68] *Killen L.* The Search for a Democratic Russia: Bakhmetev and the United States Diplomatic History. 1978. Vol. 2. № 3. P 251.

[69] *Schuman F.* American Policy toward Russia Since 1917· A Study of Diplomatic History, International Law and Public Opinion. N.Y., 1928. P 146—148.

[70] HIA. RPUS. 62—2.

[71] Двумя депозитами золота общим весом 100 пудов на сумму около 1 млн долл. распорядилось уже правительство Приморской земской управы. Хотя мы не знаем деталей реализации этой части золотого запаса, можно уверенно говорить о том, что он также был продан заграничным банкам.

[72] HIA. RPUS. 62—2.

[73] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 148—149.

[74] ГАРФ. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 5. Л. 465—473.

[75] HIA. RPUS. 62—2.

[76] В справке приведен расчет процентов исходя из того, что в Японию удастся доставить 375 пудов золота, ошибочно привезенных в Гонконг, и 50 пудов, освободившихся после оплаты пулеметов Кольта; тогда общая сумма, полученная по второй части «японской операции», составила бы 18,5 млн иен, а проценты, которые следовало уплатить банкам за 18 месяцев, соответственно — 1 942 500 иен. На самом деле это золото в Японию доставлено не было. Таким образом, проценты причитались с суммы почти вдвое меньшей (9,6 млн) и должны были составить чуть больше миллиона иен.

[77] HIA. RPUS. 62—2. По расчетам Д.П. Перцова, исходившего из того, что по второй части кредитной операции в Японии удастся получить 18,5 млн иен и, соответственно, придется уплатить проценты с этой суммы, общая сумма платежей в Японии должна была составить 20 288 600 иен.

[78] HIA. RPUS. 62—2.

[79] Там же.

[80] В документе очевидная описка — 1912 г.

[81] HIA. RPUS. 62—2.

[82] А.Г Рафалович информировал Минфин о том, что «Французская Кредитная уведомляет, что в скором времени вероятно внесет стоимость золота, проданного французскому Правительству». Телеграмма Сазонова, который передавал эти сведения министру финансов, поступила в Кредитную канцелярию в Иркутске 24 декабря 1919 г. ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 25. Л. 105.

[83] BAR. Bernatskii Collection. Box 1. File. «Civil War: General and South Russia».

[84] Донесение управляющего Владивостокской таможней в департамент таможенных сборов от 26 ноября 1919 г. ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 60. Л. 97

[85] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 25. Л. 10—10 об.

[86] Там же. Л. 8, 10 об.

[87] Сукин — Михайлову, 29 апреля 1919 Там же. Л. 7—7 об.

[88] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 25. Л. 3—3 об.

[89] Там же. Л. 32—37

[90] Там же. Л. 71 об.—78 об.

[91] Там же. Л. 37 об.

[92] Там же. Л. 38.

[93] Сукин — Михайлову, 4 апреля и 23 июня 1919 Там же. Л. 1—2, 28—29.

[94] Сукин — Михайлову, 18 июня 1919 Там же. Л. 25—26.

[95] Михайлов — Сукину, 23 июня 1919 Там же. Л. 28—29 об.

[96] Сукин — Михайлову, 12 июля 1919 Там же. Л. 45—46.

[97] Михайлов — Сукину, 16 июля 1919 Там же. Л. 51—51 об.

[98] Так в тексте; имеется в виду парк Атабеков, по названию феодальной династии.

[99] Беляев — Сукину, 10 сентября 1919, Сукин для заключения фон Гойеру, 16 сентября 1919 / ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 27 Л. 69—70 об.

[100] Новицкий — Сукину, 29 сентября 1919 Там же. Л. 76.

[101] Михайлов — Сукину, 16 июля 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 25. Л. 51—51 об.

[102] Там же. Л. 71 об.—81.

[103] *Молчанов Л.А.* Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны (окт. 1917 — 1920 гг.). М.. Издатпрофпресс, 2002. С. 107

[104] Сазонов — Сукину, 17 октября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 25. Л. 87

[105] Сукин — Михайлову, 6 мая 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 25. Л. 14—14 об.

[106] Сукин — фон Гойеру, 29 октября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 27 Л. 83—85.

[107] Жуковский — Новицкому, получено в Минфине 29 октября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 26. Л. 85—86.

[108] Там же.

[109] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 156.

[110] Там же.

[111] *Будберг А.* Дневник // Архив русской революции. Т. XIII. Берлин, 1924. С. 301 [Репринт. изд. М., 1992. Т. 13—14].

[112] *Никольский Б.А.* Наше экономическое представительство за границей: (Из зап. торгового агента). Гамбург, 1923. С. 92.

[113] *Шмелев А.В.* Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918 — 1919 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1995. С. 21—22.

[114] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 167

[115] *Будберг А.* Дневник С. 309, 306.

[116] Там же. С. 335.

[117] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т II. С. 256.

[118] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 10. Л. 102.

[119] Телеграмма Угета в Министерства снабжения и финансов, 24 ноября 1919 г. Там же. Л. 99.

[120] Сазонов — Сукину, 12 сентября 1919 г. Там же. Л. 76.

[121] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 10. Л. 77—77 об.

[122] Новицкий — Сукину, 25 октября 1919 г. ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 10. Л. 93.

[123] Набоков — Сукину, 29 августа 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 452.

[124] HIA. RPUS. B. 37—1.

[125] Там же.

[126] Там же.

[127] Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову, 2 и 8 декабря 1919 «Совершенно лично и доверительно!» Т 1. С. 123, 131—132.

[128] Бахметев — Лонгу, 27 ноября 1919 (на англ. яз.) HIA. RPUS. B. 37—1.

[129] Там же.

[130] Эта идея не встретила поддержки Бахметева. «Как Угет, так и я, — телеграфировал он министру, — весьма отрицательно относимся к мысли о передаче золота на счета частных лиц. Не говоря об исключительно неблагоп-

риятном впечатлении в смысле морально-политическом, имеются серьезные деловые возражения» (Бахметев — Сазонову, 31 декабря 1919 HIA. RPUS. 37—1).

[131] HIA. RPUS. 37—1.

[132] Бахметев — Сазонову, 27 декабря 1919 HIA. RPUS. 37—1.

[133] Бахметев — Сазонову, 31 декабря 1919 HIA. RPUS. 37—1.

[134] См. подробнее: *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2. М.. Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2005. С. 398-444; *Зырянов П.* Колчак. С. 551—563.

[135] *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. С. 419.

[136] Об обратном пути золота из Иркутска в Казань см.. «Золотой эшелон» (Возвращение золотого запаса РСФСР Март—май 1920 г.) Публ. А.П. Кладта, В.А. Кондратьева Исторический архив. 1961. № 1. С. 20—53.

[137] О Бурышкине см. подробнее: *Петров Ю.А.* Бурышкин Павел Афанасьевич Политические деятели России. 1917· Биографический словарь. М.. Большая российская энциклопедия, 1993. С. 53—54; *Серков А.И.* Русское масонство 1731—2000: Энциклопедический словарь. М.. РОССПЭН, 2001. С. 151—152.

[138] Бурышкин — Угету, апрель 1925 (получено 25 апреля 1925) HIA. RPUS. 217—4.

[139] Там же.

[140] Бурышкин — Миллеру (российское посольство, Токио), Угету (Нью-Йорк), Финогенову, Замену (российское посольство, Лондон). 25 декабря 1919. № 929 Последние дни колчаковщины. М., Л.. Госиздат, 1926. С. 162. Копия аналогичной телеграммы Угету, датированной 29 декабря 1919 г. (на фр. яз.), находится в: HIA. RPUS. 52—8.

[141] «Умышленное создание Бурышкиным правовой путаницы в вопросе правопреемника казенных средств имело легко объяснимую причину: значительные денежные средства, находясь в банках и акционерных обществах, давали постоянный и устойчивый доход тем лицам, которые имели к ним доступ», — пишут О.А. Грибенчикова (Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М.. ИВИ РАН, 1999. С. 267—268) и вслед за ней — С.С. Ипполитов и С.В. Карпенко (Русские без отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20—40-х годов. М.. РГГУ, 2000. С. 46). Безапелляционность умозаключений в данном случае может поспорить только с их бездоказательностью. Похоже, эти исследователи исходят из презумпции, что люди, имеющие отношение к деньгам, не могут их не украсть.

[142] Бурышкин — Угету, апрель 1925 (получено 25 апреля 1925) HIA. RPUS. 217—4.

[143] Бурышкин — Угету, апрель 1925 (получено 25 апреля 1925) Там же.

[144] Саблин — Маклакову, 13 декабря 1919 HIA. Girs. 5—1.

[145] См. главу 5 наст. изд.

[146] Переписка по этому вопросу (в оригинале по-английски) находится в: HIA. RPUS. 37—1.

[147] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 152—153.

[148] Семенов — Никольскому, 15 января 1920 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 11. Д. 67 Л. 26.

[149] Скерст — Семенову, 17 января 1920 Там же. Л. 27

[150] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства. Л. 150.

Глава 4

[1] Военные поставки США, Франции и Англии России при Временном правительстве (март — октябрь 1917) Исторический архив. 1955. № 3. С. 179.

[2] Советско-американские отношения 1934—1939: Документы. М.. Международный фонд «Демократия», 2003. С. 66; *Foglesong D.* America's Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917—1920. Chapel Hill & London: The University of North Carolina Press, 1996. P 70; HIA. RPUS. 157—1.

[3] HIA. RPUS. 168—10.

[4] *Лебедев В.В.* Русско-американские экономические отношения (1900—1917 гг.). М.. Международные отношения, 1964. С. 327

[5] [*Угет С.А.*] Краткая записка о деятельности Российского дипломатического представительства в Соединенных Штатах Америки со времени большевистского переворота. (Январь 1927). С. 22 BAR. Boris Bakhmeteff Collection, Box 43.

[6] *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Изд. 3-е. М.. Гос. воен. изд-во, 1937 С. 622—623.

[7] См.. *Ганелин Р.Ш.* Россия и США. Очерки истории русско-американских отношений. 1914—1917 Л.. Наука, 1969; *Энгель В.В.* «Еврейский вопрос» в русско-американских отношениях. М.. Наука, 1998.

[8] Подробнее о Бахметеве см.. *Будницкий О.В.* Б.А.Бахметев — посол в США несуществующего правительства России Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 134—166; *Он же.* Послы несуществующей страны «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков: Переписка 1919—1951. М., Стэнфорд, 2001. Т. 1. С. 16—114.

[9] *Schuman F.* American Policy toward Russia Since 1917· A Study of Diplomatic History, International Law and Public Opinion. New York: International Publishers, 1928. P 224—226.

[10] *Maddox Robert J.* The Unknown War with Russia: Wilson's Siberian Intervention. San Rafael, Calif., 1977; *Idem.* Woodrow Wilson, the Russian Embassy and Siberian Intervention Pacific Historical Review. 1967 Vol. 36 (November). P 435—448.

[11] *Killen L.* The Search for a Democratic Russia: Bakhmetev and the United States Diplomatic History. 1978. Vol. 2. № 3 (Summer). P 237

[12] *Maddox R.J.* The Unknown War with Russia. P 34—35.

[13] *Maddox R.J.* The Unknown War with Russia. P 80—82.

[14] *Foglesong D.* America's Secret War against Bolshevism. P 47—75.

[15] Ibid. P 70, 71.

[16] Ibid. P 68; *Lansing Robert.* War Memoirs. Indianapolis, 1935. P 278. Фоглсонг цитирует также письмо Лансинга Т. Масарику от 25 октября 1918 г. и запись разговора о Бахметеве с С.Д. Сазоновым в дневнике Ф. Полка (23 августа 1919 г.).

[17] *Foglesong D.* America's Secret War against Bolshevism. P 75.

[18] Памяти Б.А. Бахметева Новый журнал. 1951. Кн. 36. С. 253. Некролог не подписан. Очевидно, его автором был редактор «Нового журнала», в

прошлом личный секретарь Бахметева, а затем секретарь Российского посольства в Вашингтоне М.М. Карпович.

[19] Б.А. Бахметев — П.Н. Милюкову, 14 апреля 1921 BAR. Bakhmeteff. Box 9.

[20] В.А. Маклаков — К.В. Деникиной, 7 апреля, б.г. [вероятно, 1952] BAR. Denikin Collection. Box 2.

[21] В.А. Маклаков — К.В. Деникиной, 25 марта, б.г. Там же.

[22] К.В. Деникина — В.А. Маклакову, 18 июня [1953] Там же.

[23] Несомненно, имеется в виду статья, подписанная инициалами «Г.А.», см.. Б.А. Бахметев в суде над Лениным Новое русское слово. 1951. 29 июля. (№ 14339). С. 3. Партийный суд состоялся в марте 1907 г. по требованию меньшевиков в связи с публикацией В.И. Лениным оскорбительной по отношению к товарищам по единой в то время партии брошюры «Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика». Ленин был признан клеветником, что не повлекло никаких организационных выводов и, по-видимому, не сильно расстроило вождя большевиков.

[24] К.В. Деникина — В.А. Маклакову, 20 ноября 1953 BAR. A. Denikin Collection. Box 2. Каково же было потрясение генеральши, когда она узнала, что обратилась в поисках компромата на Бахметева «не по адресу» и что Маклаков был другом российского посла в Вашингтоне. После этого она начала собирать материалы уже о Маклакове, стремясь доказать его «двоедушие». См.. BAR. Denikin. Box 27; *Будницкий О.В.* Послы несуществующей страны «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 68, прим. 1.

[25] С.Е. Вольф — Д.Г Тер-Асатурову, 15.01.1926 / *Тер-Асатуров Д.Г* Дополнительная Записка о деятельности Российского Представительства в Америке (Посольства в Вашингтоне и Заготовительного Комитета в Нью-Йорке) после большевистского переворота в России (Ответ на письма М.М. Карповича и Д.П. Перцова). Pictou, Nova Scotia, Canada, 1925. С. 63, 67—69.

[26] Там же. С. 63—64. Кроме Угета, Вольф обвинял в недоброжелательном к нему отношении военного агента полковника А.М. Николаева и капитана В.М. Зайковского.

[27] Письма Вольфа Угету и Угета Вольфу от 7 июля 1919 г. HIA. RPUS. 19—1.

[28] С.Е. Вольф — Д.Г Тер-Асатурову. С. 69—71.

[29] HIA. Boris Nicolaevsky Collection. 18—11.

[30] ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 6. Л. 1—23.

[31] *Окулич И.К.* Мои воспоминания. 1917—1931. Абботсфорд, Британская Колумбия, Канада ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 410. Л. 1—2, 37—40.

[32] А.И. Зак — И.К. Окуличу, 2 июля 1919 ГАРФ. Ф. 197 Оп. 5. Д. 102. Л. 2—3.

[33] Там же. См. подробнее: *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917—1920). М.. РОССПЭН, 2005. С. 388—393.

[34] И.К. Окулич — И.А. Михайлову, 9 июля 1919 ГАРФ. Ф. 197 Оп. 5. Д. 102. Л. 1.

[35] Boris Bakhmeteff — the Alleged Russian Ambassador HIA. Russia. Posol'stvo (France). 36—11. Слово «Russian» подчеркнуто в оригинале.

[36] Д.Г Тер-Асатуров — К.В. Деникиной, 28 сентября 1955 BAR. Denikin, Box 3.

[37] Окулич — Михайлову, 2 августа 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 26. Л. 37

[38] [*Ueet C.A.*] Краткая записка. С. 22 BAR. Bakhmeteff, Box 43.

[39] Окулич — Михайлову, 11 августа 1919 ГАРФ. Ф. 197 Оп. 5. Д. 98. Л. 5—7

[40] *Тер-Асатуров Д.Г* Записка о деятельности Российского Представительства в Америке С. 77

[41] Там же. С. 74—75. Подробнее разбор сочинений Тер-Асатурова см.. *Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции: к историографии вопроса Отечественная история. 2004. № 3. С. 149—151.

[42] *Hurt James M.* Boris Bakhmeteff and the Russian Embassy through Revolution and Civil War, 1917—1920. California State University, Fullerton, 1973 (M.A. Thesis). P 51, note 26.

[43] *Hurt J.* Boris Bakhmeteff and the Russian Embassy. P 50—52. Меморандум, который мы цитируем по диссертации Дж. Харта, хранится в Национальном архиве США в Колледж-парке, Мэриленд: Micro 316, 861.00/2224.

[44] О принятии решения направить американские войска в Россию и об американской интервенции в Сибири см. подробнее: *Unterberger Betty. America's Siberian Expedition, 1918—1920: A Study of National Policy.* Durham, N.C.. Duke University Press, 1956; *Kennan George.* Soviet-American Relations, 1917—1920. Vol. II: The Decision to Intervene. Princeton: Princeton University Press, 1958; *Foglesong D.* America's Secret War against Bolshevism. P 143—230.

[45] *Killen L.* The Russian Bureau: A Case Study in Wilsonian Diplomacy. Lexington, Ky.. University of Kentucky Press, 1983. P 37

[46] О планах по созданию сколько-нибудь надежной системы денежного обращения на Востоке России, отправной точкой которых послужила записка Бахметева, см.. *Killen L.* The Russian Bureau. P 64—69.

[47] *Killen L.* The Russian Bureau. P 37—38, 61—62.

[48] *Иоффе А.* Русско-французские отношения в 1917 г. М.. Госполитиздат, 1958. С. 260.

[49] Россия и США: дипломатические отношения. 1900—1917 Документы. М.. Международный фонд «Демократия», 1999. С. 758. Записку Стивенса о возможных формах сотрудничества России и США по железнодорожным вопросам см.. Там же. С. 754—758.

[50] *Killen L.* The Russian Bureau. P 63, 178, note 30.

[51] *Killen L.* The Russian Bureau. P 112—113.

[52] *Unterberger B. America's Siberian Expedition.* P 109; *Killen L.* The Russian Bureau. P 113—114.

[53] *Schuman F.* American Policy Toward Russia. P 224; *Foglesong D.* America's Secret War against Bolshevism. P 60—61.

[54] *Schuman F.* American Policy toward Russia. P 45—49, 223—229; Letters Exchanged Between the Secretary of State and the Secretary of the Treasury, May 23/June 2, 1922 The American Journal Of International Law. 1934. Vol. 28. № 1. Supplement: Official Documents (Jan.). P 17—21, *Foglesong D.* America's Secret War against Bolshevism. P 59—61, Guaranty Trust Company of New York v. The

United States of America // The American Journal Of International Law. 1938. Vol. 32. № 4 (Oct.). P 848—858; The Litvinoff Assignment and the Guaranty Trust Company Case // The American Journal Of International Law. 1938. Vol. 32. №3 (Jul.). P 542—545.

[55] Следует учитывать, что отдельные платежи проводились, с согласия американской администрации, в период между большевистским переворотом и достижением договоренности о порядке расходования денег на «ликвидационных» счетах. В конце ноября на счет Временного правительства в Лондоне было переведено около 3 млн ф. ст. (около 15 млн долл.), возможно, на оплату за изготовление винтовок. См.. *Foglesong D.* America's Secret War against Bolshevism. P 60.

[56] *Schuman F.* American Policy toward Russia. P 224—226; Letters Exchanged. P 18; Советско-американские отношения 1934—1939. С. 40.

[57] [*Угет С.А.*] Краткая записка. С. 22. Существенное сокращение персонала Заготовительного комитета при преобразовании его в Отдел по снабжению было не только инициативой посольства. Американское правительство настаивало на сокращении личного состава заготовительных учреждений, чтобы снизить расходы на их содержание. Ведь в конечном счете российские дипломатические и заготовительные учреждения содержались за счет американских кредитов. См.. Доклад Угета Гермониусу от 29 сентября 1919 г. С. 15 HIA. RPUS. 52—7

[58] *Schuman F.* American Policy toward Russia. P 225—226.

[59] *Тер-Асатуров Д.Г* Записка. С. 42—43.

[60] *Schuman F.* American Policy toward Russia. P 225—226. В «Записке» Тер-Асатурова (опять-таки по памяти, но в основном верно и более подробно) приведено примерное распределение расходов: около 37 млн долл. пошло на ликвидацию и оплату контрактов; около 5 млн долл. на морской фрахт по отправке различных материалов в Сибирь и на Юг России; около 1,2 млн долл. было уплачено Добровольному флоту; около 1,2 млн израсходовано на ликвидацию переводно-сберегательных операций российских консульств в Америке; около 4 225 тыс. долл. было уплачено American Bank Note Company за облигации и банкноты, изготавливавшиеся для России; около 270 тыс. долл. было уплачено за купоны рублевых облигаций российского Военного займа; наконец, около 7 250 тыс. долл. было уплачено американскому правительству в виде процентов по американскому кредиту и около 9 375 тыс. долл. пошло на оплату процентов по государственным займам России, размещенным в частных руках в США. Остальные 13—14 млн долл. пошли на содержание посольства, Отдела по снабжению, консульств и др. российских учреждений в Америке, а также на железнодорожный фрахт, хранение имущества и его страхование. См.. *Тер-Асатуров Д.Г* Записка. С. 43—44.

[61] *Schuman F.* American Policy toward Russia. P 226; *Foglesong D.* America's Secret War against Bolshevism. P 70—71.

[62] HIA. RPUS. 217—8.

[63] Доклад Угета Гермониусу от 29 сентября 1919 г. С. 17 HIA. RPUS. 52—7

[64] Там же. С. 17—18.

[65] Там же. С. 19—20.

[66] Доклад Угета Гермониусу. С. 21, 23.

[67] *Maddox R.J.* The Unknown War with Russia. P 55, 82—83.

[68] Справка о сношениях Российского посольства в Вашингтоне с правительственными центрами в России, 20 сентября 1919 HIA. RPUS. 20—1, [*Уегт С.А.*]. Краткая записка. С. 20.

[69] [*Уегт С.А.*] Краткая записка. С. 20.

[70] Там же.

[71] Там же.

[72] Угет — Михайлову, 15 декабря 1918, Бахметев — Михайлову, 18 декабря 1918 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 8. Л. 1, 2.

[73] Бахметев — Михайлову, 18 декабря 1918 г.

[74] Угет — МИД, 20 декабря 1918 Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. Владивосток, 1995. С. 153—154.

[75] Угет — Михайлову, 24 декабря 1918 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 8. Л. 12—12 об.

[76] Угет — Сукину, 31 марта 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 8. Л. 16.

[77] [*Уегт С.А.*] Краткая записка. С. 22; Угет — Сукину, 20 мая 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 8. Л. 22.

[78] Угет — Бахметеву, 14 марта 1919 HIA. Girs. 1—2.

[79] Бахметев — Угету, 27 апреля 1919 HIA. Girs. 2—1, RPUS. 1—6.

[80] Шипинг Борд (The United States Shipping Board) — американское правительственное агентство, регулировавшее морские перевозки. Создано в качестве чрезвычайного органа во время войны (1916). Добровольцы — имеется в виду Добровольный флот, общественная организация, созданная в России в 1878 г. на народные пожертвования при значительном участии государства и ставившая своей целью развитие торгового мореходства. К началу Первой мировой войны Добровольный флот, фактически контролировавшийся правительством, состоял из 42 пароходов. Во время войны большая часть судов Добровольного флота, находившаяся в заграничных водах, была реквизирована иностранными правительствами. 13 судов по соглашению с Россией были реквизированы британским правительством, выплачивавшим за них, по условиям договора, фрахт. Правление Добровольного флота, назначенное Временным правительством, поддерживало Белое движение.

[81] «Маллет», «Декапод» — модели паровозов.

[82] Угет — Бахметеву, 30 апреля 1919 HIA. RPUS. 1—6.

[83] Справка о движении имущества Отдела по снабжению (без миссии МПС) за время с 1 мая 1918 по 15 июня 1919 ГАРФ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 19. Л. 2, 4.

[84] Справка о движении имущества. Л. 3—4.

[85] HIA. RPUS. 157—1.

[86] Там же.

[87] Доклад Угета Гермониусу от 29 сентября 1919 г. С. 25—26 HIA. RPUS. 52—7

[88] Там же. С. 25—26.

[89] Там же.

[90] HIA. RPUS. 218—3.

[91] Угет — Михайлову, 9 августа 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 12. Л. 20.

[92] Сукин — Михайлову, 14 августа 1919 Там же. Л. 22.

[93] Там же. Л. 21.

[94] Там же. Л. 24—24 об.

[95] См.. Часовой. 1934. № 128. 15 июня. С. 29. После окончания Гражданской войны Гермониус (1864—1938) перебрался в Чехословакию, где работал на заводах «Шкода», а затем уехал в Бейрут, где и окончил свои дни.

[96] Докладная записка Э.К. Гермониуса М.Ф. Шиллингу, 13 августа 1919 г. HIA. RPUS. 218—3.

[97] Там же.

[98] Там же.

[99] HIA. Petr Vrangel Collection. 66—3.

[100] HIA. Russia. Posol'stvo (France). 3—1.

[101] HIA. RPUS. 77—5.

[102] HIA. Vrangel. 66—3.

[103] Там же.

[104] Там же.

[105] Бахметев — Сазонову, 25 августа 1919, копия в Омск HIA. Russia. Posol'stvo (France). 1—15.

[106] Об интервенции США против Советской России (1919 г.) / Публ. А.В. Березкина, В.И. Мазаева / Исторический архив. 1960. № 3. С. 12, 13. Название публикации дезориентирует читателя. На самом деле в подборку документов включены телеграммы российских дипломатов, касающиеся вопросов признания колчаковского правительства и (преимущественно) снабжения колчаковской армии. Копии телеграмм сохранились в фонде Российской миссии в Пекине в Архиве внешней политики Российской империи. Значительная часть телеграмм — от Угета.

[107] Угет — Бахметеву, 18 июля 1919 г. HIA. Girs. 3—2.

[108] Об интервенции США против Советской России. С. 13, 14, 15—16.

[109] Угет — в МИД, 28 августа 1919 HIA. RPUS. 3—1.

[110] *Brinkley George A.* The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917—1921. University of Notre Dame Press, 1966. P 373, note 29.

[111] Об интервенции США против Советской России. С. 25.

[112] Там же. С. 26; *Brinkley G.* The Volunteer Army. P 373 (note 29), 374 9, note 31); Из истории гражданской войны в СССР· Сборник документов и материалов в трех томах. М.. Советская Россия, 1961. Т 2. С. 422, 427

[113] Об интервенции США против Советской России. С. 19, 27; Советско-американские отношения: Годы непризнания. 1918—1926: Документы. М.. Международный фонд «Демократия», 2002. С. 227

[114] Доклад Угета Гермониусу. С. 25—26.

[115] Об интервенции. С. 23.

[116] Советско-американские отношения: Годы непризнания. С. 227

[117] [*Угет С.А.*]. Краткая записка. С. 22.

[118] Угет — Бахметеву, 10 апреля 1919 HIA. Girs. 1—4.

[119] Бахметев — Угету, 29 марта 1919 HIA. Girs. 2—1.

[120] Угет — Бахметеву, 10 апреля 1919 HIA. Girs. 1—4.

[121] HIA. RPUS. 1—6.

[122] Бахметев — Угету, 22 апреля 1919 HIA. Girs. 2—1.

[123] Поташ (карбонат калия, углекислый калий) — извлекался в описываемое время из древесной золы. Использовался при изготовлении взрывчатых веществ.

[124] HIA. Bashkirov Collection. Box 1.

[125] HIA. Vrangel. 66—3.

[126] В период Первой мировой войны посредником при осуществлении Российским правительством закупок в США выступал Дж.П. Морган.

[127] HIA. Vrangel. 66—3.

[128] А.Ф. Стааль — Э.К. Гермониусу, 21 ноября 1919 HIA. Vrangel. 66—5.

[129] Братья Кудеры (Кудеты) (Coudert Bros.) — совладельцы юридической фирмы, юрисконсульты посольства.

[130] Б.А. Бахметев — В.Н. Башкирову, 9 апреля 1920 HIA. Bashkirov. Box 5.

[131] *Михайловский Г.Н.* Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914—1920 гг. М.. Международные отношения, 1993. Кн. 2. С. 195, 197, 323.

[132] *Будницкий О.В.* Послы несуществующей страны. С. 24, прим. 5.

[133] См.. *Миронова Е.М.* Дипломатические представительства Белой России в эпоху революций, Гражданской войны и эмиграции / Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.. Athenaeum; Феникс, 2004. Т. 6. С. 89—133; *Кононова М.М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917—1925 гг.). М.. ИВИ РАН, 2004 (с некоторыми оговорками). Даже такой квалифицированный исследователь, как М.Ю. Сорокина, называет мемуары Михайловского «исторической сенсацией» — см.. Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.. Athenaeum; Феникс, 2007 Т. 9. С. 10, прим. 9. С.В. Карпенко наивно воспроизводит сведения и оценки Михайловского, вплоть до заведомых нелепостей, вроде размера жалованья Бахметева (160 тыс. долл. в год). Для сравнения: оклад президента США в то время составлял 75 тыс. долларов (*Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917—1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. Указатель).

[134] В.А. Маклаков — Б.А. Бахметеву, 12 марта 1920 «Совершенно лично и доверительно!» Т 1. С 184.

[135] Бахметев — Сазонову, 30 сентября 1919 BAR. Bakhmeteff. Box 9.

[136] Сазонов — Бахметеву, 22 октября 1919 Там же.

[137] Сукин — Сазонову, 30 октября 1919 г. LRA. Zemgor.

[138] ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 529.

[139] Бахметев — Сукину, 25 августа 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 26. Л. 43—43 об.

[140] Сукин — Бахметеву, 24 сентября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 107

[141] Новицкий — Никольскому, 20 сентября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 2. Д. 12. Л. 29.

[142] Бахметев — Сукину, 28 октября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 108.

[143] Новицкий — Угету, 2 октября 1919 ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 26. Л. 67

См. также резолюцию от 1 октября 1919 г. на письме Окулича Михайлову от 2 августа 1919: Там же. Л. 37

[144] См. перечень сотрудников Отдела по снабжению и миссии МПС с указанием окладов и сопроводительным письмом Бурышкина: ГАРФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 26. Л. 69—74.

[145] Там же.

[146] Угет — кн. Г.Е. Львову, 26 февраля 1919 HIA. RPUS. 37—7

[147] Угет — Бурышкину, 10 октября 1919 HIA. RPUS. 3—1.

[148] *Маргулиес М.С.* Год интервенции. Кн. 3 (сентябрь 1919 — декабрь 1920). Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. С. 192 (запись от 10 июня 1920 г.).

[149] HIA. RPUS. 27—8.

[150] Угет — С.А. Лихачеву, 1 сентября 1920 г. HIA. RPUS. 52—8. Secret correspondence.

[151] *Тер-Асатуров Д.Г.* Записка. С. 43.

Глава 5

[1] Бахметев — Маклакову, 17 января 1919 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 159.

[2] Бахметев — Сазонову, 17 января 1920 HIA. RPUS. 18—5.

[3] Угет — Бернацкому, 19 января 1920 HIA. RPUS. 37—2. Приблизительно в этих числах в Вашингтоне была получена телеграмма В.И. Новицкого из Пекина, в которой бывший зам. министра финансов Омского правительства просил «не выполнять платежных приказов, отданных после 24-го декабря, ввиду неопределенности политической обстановки и возможного захвата шифров большевиками» (Угет — Замену, 22 января 1920 HIA. RPUS. 52—8).

[4] Журнал №1 заседания Делегации от 9 января 1920 LRA. Zemgor Collection.

[5] Там же.

[6] Журнал №2 заседания Делегации от 15 января 1920 LRA. Zemgor.

[7] Маклаков — Бахметеву, 12 марта 1920 «Совершенно лично и доверительно!» Т 1. С. 184.

[8] HIA. Girs. 44—7

[9] Сазонов — Бахметеву, 16 января 1920 HIA. RPUS. 52—8.

[10] Замен, Рафалович — Угету, 19 января 1920 Там же.

[11] Угет — Бахметеву, 20 января 1920 HIA. RPUS. 37—2.

[12] Там же.

[13] Угет — Бахметеву, 20 января 1920 HIA. RPUS. 37—2.

[14] Бахметев — Сазонову, 24 января 1920 HIA. RPUS. 37—2.

[15] Бахметев — Маклакову, 27 февраля 1920 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 182.

[16] «Позволю себе вкратце написать то, что я знаю о Бахметеве и церкви в Америке...»: Письмо К.Е. фон Замена митрополиту Евлогию (Георгиевскому) Публ. и предисл. А.Л. Гуревича / Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.. Athenaeum; Феникс, 2007 Т 9. С. 423; *С.Г Беляев.* П.Л. Барк и финансовая политика России 1914—1917 гг. СПб., 2002. С. 37

[17] Советские дипломаты в Генуе в 1922 г. и позднейшие историки числили за Заменом золота на 616 тыс. ф. ст., как мы видим, оно было продано, и за гораздо большую сумму.

[18] А.И. Кузнецов — крупный предприниматель, директор Товарищества Переяславской мануфактуры, член правления Московского банка и ряда торговых и промышленных предприятий.

[19] Полковник Николай Тимофеевич Беляев — начальник Русского правительственного комитета в Лондоне, ведавшего военными заготовками, ученый-металлург.

[20] Сергей Андреевич Шателен — товарищ министра финансов в 1917 г., единоутробный брат Б.А. Бахметева.

[21] BAR. Bernatskii Collection, Box 1. File «Civil War: General and South Russia».

[22] ГА РФ. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 2. Л. 74.

[23] HIA. RPUS. 27—8.

[24] Маклаков — Бахметеву, 20 марта 1920 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 184.

[25] Там же. С. 185—186.

[26] Журнал Делегации №33 от 24 марта 1920 LRA. Zemgor.

[27] Бахметев — Маклакову, 27 февраля и 30 марта 1920 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 182, 196. 29 марта 1920 г. Бахметев запросил разрешение Делегации на «ликвидацию» личного состава «учреждений всех ведомств, находящихся в Северной Америке». Санкция была получена (Журнал Делегации № 37 от 6 апреля 1920) LRA. Zemgor.

[28] HIA. RPUS. 62—2; ГА РФ. Ф. 198. Оп. 4. Д. 26. Л. 43—43 об.

[29] LRA. Zemgor.

[30] Зимой и весной 1920 г. в результате эвакуации Одессы и Новороссийска из России на Балканы эмигрировало, по разным оценкам, от 35 до 45 тыс. человек. В общей сложности 6 тыс. беженцев было доставлено в британские военные лагеря в Египте. См.. *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920—1940. М.. Русский путь, 2005. С. 87—90. По решению Делегации 5000 ф. ст. были переведены в феврале 1920 г. посланнику в Египте А.А. Смирнову для оказания немедленной помощи 3000 раненым и сестрам милосердия, прибывшим с Юга России. См.. Журнал Делегации № 22 от 24 февраля 1920 / LRA. Zemgor.

[31] Гр. П.Н. Игнатьев — кн. Г.Е. Львову, 31 марта 1920 HIA. Girs. 44—7

[32] Там же.

[33] Журнал заседания Делегации № 40 от 14 апреля 1920 LRA. Zemgor. Правда, не совсем ясно, были ли эти деньги в самом деле переведены, ибо вскоре Делегация приняла решение приостановить перевод в связи с приездом Бернацкого, «до выяснения размера денежной помощи, оказанной на Балканах с Юга России» (Журнал Делегации № 49 от 22 мая 1920 Там же). Сведений о том, как обошлись в конечном счете с «ассигнованной», но не переведенной суммой, в бумагах Делегации не имеется.

[34] Журнал заседания Делегации № 20 от 19 февраля 1920 LRA. Zemgor.

[35] Там же.

[36] Журнал заседания Делегации № 34 от 29 марта 1920 LRA. Zemgor.

[37] Журнал Делегации № 21 от 20 февраля 1920 LRA. Zemgor.

[38] Журналы Делегации № 28 и 35 от 12 и 31 марта 1920 LRA. Zemgor.

[39] Журналы Делегации № 27 и 28 от 10 и 12 марта 1920 LRA. Zemgor.

[40] Журнал Делегации № 41 от 16 апреля 1920 LRA. Zemgor.

[41] Журналы Делегации № 3 от 16 января 1920 и № 20 от 12 марта 1920 LRA. Zemgor.

[42] Журналы Делегации № 42, 43 и 45 от 17, 20 и 27 апреля 1920 г. соответственно // LRA. Zemgor.

[43] Журнал Делегации № 45 от 27 апреля 1920 LRA. Zemgor.

[44] *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири. 1918 — 1922. Впечатления очевидца. Paris: YMCA-Press, 1985.

[45] Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову, 19 января 1920 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 160, 162.

[46] Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову, 17 января 1920 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 56.

[47] *Killen L.* The Search for a Democratic Russia: Bakhmetev and the United States Diplomatic History. 1978. Vol. 2. № 3. P 252—253.

[48] Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову, 17 января 1920 г. «Совершенно лично и доверительно!» Т 1. С. 158—159.

[49] Там же. С. 159.

[50] Нольде — Гулькевичу, 4 апреля 1920 ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 94. Л. 13.

[51] Нольде — Гулькевичу, 3 марта 1920 ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 94. Л. 11—11 об.

[52] Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову, 17 января 1920 г. «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 159.

[53] Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову, 19 января 1920 г. Там же. С. 161—162, 164. Подробнее о попытках Бахметева и Маклакова выработать программу возрождения России см.. *Будницкий О.В.* Идеология для новой России // Роль ученых в построении гражданского общества. [М.]: USIA, 1997 С. 181—188.

[54] Бахметев — Сазонову, 3 марта 1920 г. HIA. RPUS. 37—2.

[55] HIA. RPUS. 37—2.

[56] Угет — Бернацкому, 4 марта 1920 HIA. RPUS. 37—2 и 4—1.

[57] Угет телеграфировал Ильяшенко 4 марта 1920 г., т.е. в тот же день, когда отправил ответ на запрос Бернацкого: «Ваши телеграммы и письма получены. Всецело одобряю Ваши действия. Секретный пакет подлежит обратному возвращению» (HIA. RPUS. 37—2).

[58] В. Ильяшенко — С.А. Угету, 29—31 января 1920 г. HIA. RPUS. 19—2.

[59] Там же.

[60] В. Ильяшенко — С.А.Угету, 31 января 1920 г. HIA. RPUS. 19—2.

[61] Там же.

[62] BAR. Bernatskii Collection, Box 1. File «Civil War: General & South Russia. 4». Удостоверение от 24 марта (4 апреля) 1920 г.

[63] «Правда, у Деникина он занимал еще высшее место, но, по крайней мере, его не показывали за границей», — писал Маклаков Струве по поводу этого назначения (Маклаков — Струве, 17 мая 1920 г. HIA. Maklakov. 14—3).

[64] *Врангель П.Н.*. Воспоминания. М.. Терра, 1992. Ч. 2. С. 48.

[65] Нольде — Гулькевичу, 4 апреля 1920 ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 94. Л. 12 об.—13.

[66] Запись П.Н. Милюковым разговора с генералом А.И. Деникиным. Приложение к журналу Делегации № 43 от 20 апреля 1920 LRA. Zemgor.

[67] *Врангель П.Н.* Воспоминания. С. 36.

[68] Подробнее о Бернацком см.. *Ижболдин Б.С.* Памяти М.В. Бернацкого Новый журнал. 1947 Кн. 17 С. 322—325; *Кадомцев Б.П.* Профессор Михаил Владимирович Бернацкий // С.-Петербургский Политехнический институт. Париж, 1958. Сб. 2. С. 72—79; *Ананьич Б.В.* Штрихи к биографии М.В. Бернацкого // Петроградский Политехнический институт в 1917 г. СПб., 1999. С. 37—42; *Баранов А.Г* М.В. Бернацкий — ученый, министр, политик // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 55. 2005. С. 77—88 (ста-

тья размещена на http://www.bonistikaweb.ru/STATYI/bernatskiy.htm); *Владимирский М.В.* М.В. Бернацкий — министр финансов в правительствах Керенского, Деникина, Врангеля Отечественная история. 2007 № 1. С. 160—170.

[69] Журнал Делегации № 48 от 21 мая 1920 LRA. Zemgor.

[70] *Churchill Winston.* The Aftermath. London: Macmillan, 1941. P 250.

[71] Сазонов — Бахметеву, 20 мая 1920 HIA. RPUS. 37—2.

[72] Маклаков — Струве, 17 мая 1920 HIA. Maklakov. 14—1.

[73] LRA. Zemgor.

[74] Маклаков — Струве, 17 мая 1920 HIA. Maklakov. 14—1.

[75] Новицкий — Бернацкому, 25 мая 1920 HIA. RPUS. 62—13.

[76] Новицкий — Бернацкому и Замену, 4 июня 1920 HIA. RPUS. 37—2.

[77] HIA. Russia Posol'stvo (France). 32—10; BAR. Bernatskii, Box 1. File «Settlement of White Army veterans, 1921—26».

[78] BAR. Bernatskii, Box 1. File «Settlement of White Army veterans, 1921—26».

[79] Кассовые предположения на 1920 год HIA. RPUS. 62—2; *Угет С.А.* Объяснительная записка к справкам о положении финансов и снабжения в Северо-Американских Соед[иненных] Штатах HIA. RPUS. 79—8.

[80] Угет — Новицкому, 25 июня 1920 HIA. RPUS. 37—2.

[81] HIA. RPUS. 63—3.

[82] Записка Д.П. Перцова на имя С.А. Угета, 29 августа 1921 HIA. RPUS. 180—17

[83] Угет — Гермониусу, 18 октября 1920 HIA. RPUS. 52—8.

[84] Интервью Бернацкого, напечатанное в газете «Юг России» 21 августа 1920 г., цит. по письму Г.М. Лунца к К.Н. Гулькевичу от 31 августа 1920 г. ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 80. Л. 23.

[85] Там же. Л. 23—25 об.

[86] Мексиканский доллар был положен в основу монетной системы Китая в 1889 г., когда в стране была проведена денежная реформа. Один мексиканский (китайский) доллар (юань) был равен приблизительно 24 граммам серебра.

[87] Таэль (лан, лана, лян) — мера веса серебра, использовавшаяся в Китае при расчетах на внутреннем рынке (до 1933 г.). Насчитывалось около 170 разновидностей таэлей. С 1903 г. стали чеканиться монеты (таэли) весом 37,2 г. Однако в обращении оставались и некоторые другие разновидности таэлей. Соотношение таэлей и мексиканских (китайских) долларов в различных провинциях было неодинаковым, завися от пробы таэля. Так, в Шанхае 71—73 таэля равнялись 100 мексиканским долларам.

[88] Документы внешней политики СССР М., 1961. Т. V С. 309—310.

[89] *Погребецкий А.И.* Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914—1924). Харбин, 1924. С. 12.

[90] Крупенский — Гирсу, 2 июля 1920 LRA. Zemgor.

[91] К.К. Миллер — Бернацкому, 8 января 1921 BAR. Bernatskii, Box 1. File «Civil War, Siberia & Far East».

[92] Справка о казенных суммах, блокированных за границей Там же. File «Civil War: General & South Russia — 4».

[93] Крупенский — Гирсу, 2 июля 1920 LRA. Zemgor.

[94] Кн. Кудашев — Гирсу, 26 июля 1920 LRA. Zemgor.

[95] К.К. Миллер — Замену, 2 августа 1920 LRA. Zemgor.

[96] Крупенский — посольству, 25 сентября 1920 Врангелевщина (По материалам Парижского «посольства» Временного правительства) Красный архив. 1930. Т 3 (40). С. 17

[97] К.К. Миллер — Бернацкому, 1 сентября 1920 BAR. Bernatskii, Box 1. File «Civil War, Siberia & Far East».

[98] Крупенский — Гирсу, 6 сентября 1920 Врангелевщина (По материалам Парижского «посольства» Временного правительства) Красный архив. 1930. Т 3 (40). С. 8—9.

[99] Крупенский — Послу, 25 сентября 1920 Врангелевщина. С. 16.

[100] Крупенский — посольству, 25 сентября 1920 Врангелевщина. С. 17

[101] BAR. Karl Miller Collection, Box 1. Папка «Ликвидация российского дипломатического и консульского представительства в Китае».

[102] *Семенов [Г.М.], атаман.* О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М.. АСТ; Гея-Итэрум, 1999. С. 212—213.

[103] Там же С. 219.

[104] Там же. С. 223.

[105] *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. М.. Скрипторий, 1996. С. 179.

[106] Подтягин — Е.К. Миллеру, 4 августа 1922 HIA. Evgeniy Miller Collection. 8—8. См. здесь же копию письма Подтягина М.К. Дитерихсу от 29 июля 1922 г.

[107] Там же.

[108] Подтягин — Е.К. Миллеру, 4 августа 1922 г., копия письма Подтягина на имя командующего войсками Временного Приамурского правительства генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса HIA. Evgeniy Miller. 8—8; HIA. Vrangel. 145—29. Переписка и справки по поводу тяжбы между атаманом Семеновым и генералом Подтягиным вклеены в последнем из указанных архивных дел между л. 785 и 786.

[109] HIA. Evgeniy Miller. 8—8; HIA. Vrangel. 145—29.

[110] Маклаков — Бахметеву, 6 сентября и 21 октября 1920 «Совершенно лично и доверительно!» Т 1. С. 228, 248.

[111] *Росс Н.* Врангель в Крыму. Frankfurt/Main: Посев, 1982. С. 191—192; Маклаков — Бахметеву, 6 сентября и 21 октября 1920 «Совершенно лично и доверительно!» Т 1. С. 232, 248—249.

[112] Кн. Ю. Трубецкой — А.В. Кривошеину, 2 августа 1920 LRA. Zemgor.

[113] Маклаков — Бахметеву, 6 сентября 1920 «Совершенно лично и доверительно!» Т 1. С. 233.

[114] Струве — Бахметеву, 11 сентября 1920 HIA. RPUS. 52—8.

[115] Бахметев — Струве, 16 сентября 1920 HIA. RPUS. 52—8.

[116] Маклаков — Бахметеву, 21 октября 1920 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 249.

[117] *Врангель П.Н.* Воспоминания. С. 377—378.

[118] Струве — Кривошеину, 21 октября 1920, Врангель (на самом деле Струве) — Семенову, 21 октября 1920 LRA. Zemgor.

[119] Маклаков — Бахметеву, 21 октября 1920 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 249.

[120] Струве — Кривошеину, 15 октября 1920 // Les relations diplomatiques du gouvernement Wrangel en Crimée (1920) / Ed. R. Pipes Cahiers du monde russe et soviétique. 1963. Vol. IV P 424—425.

[121] Кривошеин — Струве, 22 октября 1920 Ibid. P 426—427

[122] Струве — Главнокомандующему и Кривошеину, 23 октября 1920, Струве — Кривошеину, Бернацкому, Налбандову, 27 октября 1920, Струве — Главнокомандующему и Кривошеину, 30 октября 1920 / LRA. Zemgor.

[123] Струве — Кривошеину, 3 ноября 1920 / LRA. Zemgor.

[124] Кривошеин — Струве, 3 и 4 ноября 1920 Там же.

[125] Кривошеин — Струве, 5 ноября 1920 // Там же.

[126] Струве — Кривошеину, 9 ноября 1920, Б.А. Татищев — Струве, 10 ноября 1920 / Там же.

[127] Маклаков — Бахметеву, 21 октября 1920 / «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 248.

Глава 6

[1] Врангелевщина (По материалам Парижского «посольства» Временного правительства) Красный архив. 1930. Т. 3 (40). С. 36.

[2] Струве — Врангелю, 12 ноября 1920 LRA. Zemgor.

[3] Кривошеин — Струве, 14 ноября 1920 LRA. Zemgor.

[4] (Маклаков? — имя отправителя в документе отсутствует) — Нератову, 13 ноября 1920 Там же.

[5] Там же.

[6] *Врангель П.Н.* Воспоминания. М.. Терра, 1992. Ч. 2. С. 433.

[7] Там же. С. 418—420, 425—428.

[8] Там же. С. 425.

[9] Струве — Врангелю, 12 ноября 1920 // LRA. Zemgor. В Париже обсуждался также вопрос «о направлении остатков армии на Батум и Трапезунд для поддержки армян при содействии союзников» (Струве — Врангелю, 15 ноября 1920 / Там же). Эта экзотическая идея, переводившая армию, по сути, в разряд наемнической, не нашла практического воплощения.

[10] Врангель — Струве, 24 ноября 1920 //Les relations diplomatiques du gouvernement Wrangel en Crimée (1920) / Ed. R. Pipes // Cahiers du monde russe et soviétique. 1963. Vol. IV P 432.

[11] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: В 6 т. Т. 4. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 — июнь 1921 г. М.. Прогресс-Академия, РОССПЭН, 1996. С. 76—83. (Далее — Протоколы).

[12] (Маклаков? — имя отправителя в документе отсутствует) — Нератову, 13 ноября 1920 // LRA. Zemgor.

[13] Б.А. Бахметев — В.А.Маклакову, 11 ноября 1920 // «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков: Переписка 1919—1951. В 3 т. М.; Стэнфорд, 2001—2002. Т. 1. С. 266.

[14] Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову, 15 ноября 1920 // Там же. С. 74.

[15] Бахметев — Гирсу, 29 ноября 1920 / LRA. Zemgor.

[16] Струве — Врангелю, 15 ноября 1920 // LRA. Zemgor.

[17] Маклаков — Кривошеину, 18 ноября 1920 // LRA. Zemgor.

[18] Протоколы. С. 33—34.

[19] Протоколы. С. 33.

[20] Струве — Врангелю, 18 ноября 1920 // LRA. Zemgor.

[21] Бахметев — Маклакову, 20 ноября 1920 (телеграмма с пометкой «личная») // LRA. Zemgor.

[22] *Маргулиес М.С.* Год интервенции. Книга Третья (сентябрь 1919 — декабрь 1920). Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. С. 256 (запись от 12 ноября 1920).

[23] *Даватц В.Х., Львов Н.Н.* Русская армия на чужбине. Белград: Рус. изд-во, 1923. С. 16.

[24] Там же.

[25] Г.М. Лунц — К.Н. Гулькевичу, 24.11.1920 // ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 80. Л. 34.

[26] *Маргулиес М.С.* Год интервенции. С. 259. Запись от 24 ноября 1920 г.

[27] Бахметев — Маклакову, 8 декабря 1920 «Совершенно лично и доверительно!» Т 1. С. 317—318.

[28] negotiorum gestio — в римском праве ведение чужих дел (или вообще забота о чужом деле) без поручения.

[29] Б.Э. Нольде — К.Н. Гулькевичу, 27 ноября 1920 — ГАРФ. Ф. 6094. Оп.1. Д. 94. Л. 9.

[30] М.С. Маргулиес. Год интервенции. С. 260 (запись от 25 ноября 1920).

[31] Нольде — Гулькевичу, 27 ноября 1920 ГАРФ. Ф. 6094. Оп.1. Д. 94. Л. 9 об.—10.

[32] *Даватц В.Х., Львов Н.Н.* Русская армия на чужбине. С. 32—33.

[33] Врангель — Струве, 30 ноября 1920 LRA. Zemgor.

[34] К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России. Неизданные документы из архивов П.Б. Струве Публ. Г.П. Струве Мосты. 1970. № 15. С. 423.

[35] К 50-летию. С. 424.

[36] Врангель — Струве, 6 декабря 1920 К 50-летию. С. 424.

[37] Последние новости. 1921. 12 декабря.

[38] Протоколы. С. 34, 79.

[39] Там же. С. 80—83.

[40] Последние новости. 1921. 13 января.

[41] О создании и работе Совещания и Исполнительной комиссии см.. *Милюков П.Н.* Дневник. 1918 — 1921. М.. РОССПЭН, 2004. С. 530—650; *Вишняк М.* Годы эмиграции 1919 — 1969. СПб.. ФормаТ, 2005. С. 103—138; *Кошкидько В.Г., Чубыкин И.В.* Парижское совещание членов Учредительного собрания 1921 года (по материалам Пражской коллекции ГАРФ) / Зарубежная Россия. 1917 — 1939 гг. СПб.. Европейский Дом, 2000. С. 16—20.

[42] Маклаков — Бахметеву, 2 мая 1921 г. «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 372—373.

[43] К 50-летию. С. 426.

[44] К.Е. Замен — С.А. Угету, 15/28 января 1921 HIA. RPUS. 180—8.

[45] Там же.

[46] Неозаглавленная справка с грифом «Весьма доверительно», подготовленная Совещанием послов (не ранее июля 1923) HIA. RPUS. 32—10.

[47] От фр. ridicule — смешной, нелепый.

[48] Лунц — Гулькевичу, 14 января 1921 ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 80. Л. 49—49 об.

[49] От pronunciamiento (*исп.*) — восстание, возмущение. В данном контексте — переворот.

[50] ГАРФ. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 2. Л. 63.

[51] «Чему свидетели мы были...»: Переписка бывших царских дипломатов: В 2 кн. М.. Гея, 1998. Кн. 2. С. 408.

[52] На улице Гренель находилось Российское посольство, в котором «квартировал», в частности, и «теневой министр иностранных дел» М.Н. Гирс.

[53] А.С. Залшупин — экономист и юрист. Издатель «Энциклопедии бан-

ковского дела» (1904), издатель-редактор еженедельной газеты «Русский экономист» (СПб., 1905—1907), иллюстрированного еженедельника «Жизнь и суд» (СПб., 1913—1917).

[54] Зачеркнут вариант: «Вместо флага — чек...

Генералов пять речистых...

Деловой ковчег».

[55] Н.А. Базили — в описываемое время советник Российского посольства в Париже.

[56] А.О. Гукасов — нефтепромышленник и общественный деятель.

[57] Н.Х. Денисов — предприниматель, председатель основанного в 1920 г. в Париже Российского финансового и торгово-промышленного союза.

[58] BAR. Bark Collection. 2—3.

[59] М.В. Бернацкий — П.Н. Врангелю, 6 февраля 1921 // BAR. Bernatskii Collection, Box 2. File «Settlement of White Army veterans».

[60] Там же.

[61] М.Н. Гирс — П.Н. Врангелю, 10 февраля 1921 HIA. Petr Vrangel Collection. 148—36. Л. 104—110.

[62] Там же. Л. 104.

[63] Бахметев — Львову, 22 апреля 1921 / LRA. Zemgor.

[64] К вопросу о Русской Армии (Официальные документы) // HIA. Giis. 53—5; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920—1940. М.. Русский путь, 2005. С. 281.

[65] К вопросу о Русской Армии.

[66] Там же.

[67] К вопросу о Русской Армии. Эти очевидно пропагандистские выкладки, как кажется, всерьез воспринимаются некоторыми авторами — см., напр.. *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине. Архангельск: СОЛТИ, 2005. С. 32.

[68] *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., Дюссельдорф: Логос; Голубой всадник, 1993. С. 374.

[69] Бернацкий — Врангелю, 20 декабря 1920 LRA. Zemgor.

[70] Бахметев — кн. Львову, 30 мая 1921 / LRA. Zemgor.

[71] *Савич Н.В.* Воспоминания. С. 447

[72] *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. С. 96—101.

[73] Гирс — Бахметеву, 22 апреля 1921 // HIA. Russia. Posol'stvo (France). 2—1, Бахметев — Гирсу, 28 апреля, 4 и 5 мая, 8 июня 1921, Гирс — Бахметеву, 3 мая 1921 / HIA. RPUS. 38—4; П.Н. Шатилов — Бахметеву, 8 мая 1921 HIA. Giis. 53—6; Бахметев — Маклакову, 15 июня 1921 / HIA. Russia. Posol'stvo (France). 2—1, Справка о платежах и передачах имущества, произведенных в целях оказания помощи беженцам до 8 сентября 1921 г. / RPUS. 197—4.

[74] См. подробнее: *Robinson P.* The White Russian Army in Exile, 1920—1941. Oxford: Clarendon Press, 2002; *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине.

[75] П.Н. Милюков — Б.А. Бахметеву, 18 августа 1921 // BAR. Bakhmeteff, Box 9.

[76] *Милюков П.Н.* Дневник. С. 622.

[77] BAR. Bakhmeteff, Box 20.

[78] П.Н. Милюков — Б.А. Бахметеву, 18 августа 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 9.

[79] П.Н. Милюков — Б.А. Бахметеву, 28 октября 1921, Б.А. Бахметев — П.Н. Милюкову, 31 октября 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 9.

[80] BAR. Bakhmeteff, Box 17

[81] BAR. Bakhmeteff, Box 20.

[82] М.В. Бернацкий — Б.А. Бахметеву, 10 мая 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 1. Сергей Константинович Моркотун (Маркотун) — председатель Украинского национального комитета (УНК), образованного в ноябре 1919 г. в Париже. В прошлом секретарь гетмана П.П. Скоропадского. УНК представлял собой, по сути, союз беспартийных федералистов, отрицательно относившихся к политике С.В. Петлюры, направленной на полный разрыв с Россией.

[83] См. письма Савинкова Бахметеву в: BAR. Bakhmeteff, Box 9.

[84] Маклаков — Бахметеву, 6 марта 1921, Бахметев — Маклакову, 7 марта 1921 Russia. Posol'stvo (France). 2—1.

[85] В.А. Маклаков — Б.А. Бахметеву, 15 апреля 1921 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 351, 353.

[86] Там же. С. 351.

[87] Бахметев — кн. Львову, 15 июня 1921 LRA. Zemgor.

[88] «Общее дело» существовало в основном за счет субсидий, выделенных сначала генералом Деникиным, а затем Врангелем, т.е. за счет государственных средств. Причем деньги поступали Бурцеву даже в не лучшие для Белого движения времена. Так, в конце января 1920 г. Деникин «изъявил согласие» на отпуск Бурцеву 100 тыс. фр. «на ведение агитации путем печати в Европе, в пользу Единой России». Деньги, по указанию Бернацкого, выплачивал Замен (Бернацкий — Бурцеву, 30 января 1920). Сменивший Деникина Врангель просил Бурцева «не отказать взять на себя продолжение дела информации, пропаганды и борьбы с большевистской работой во Франции и Швейцарии». Просьба подкреплялась чеком на 15 тыс. фр. на май 1920 г. (2-й Генерал-Квартирмейстер Штаба Главнокомандующего ВСЮР — В.Л. Бурцеву, 27 апреля 1920). Копии обоих писем находятся среди бумаг М.В. Бернацкого: BAR. Bernatskii Collection, Box 1. File «Civil War: General and South Russia». Бурцев получал субсидии от Врангеля по крайней мере до начала 1921 г.

[89] Бахметев — кн. Львову, 30 мая 1921 LRA. Zemgor.

[90] Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову, 8 июня 1921 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 387

[91] Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову, 6 июля 1921 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 418.

[92] Бахметев — Львову, 14 июня 1921 LRA. Zemgor.

[93] Бахметев — Бернацкому, 26 августа 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 1.

[94] Милюков — Бахметеву, 18 августа 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 9.

[95] Милюков — Бахметеву, 10 сентября 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 9.

[96] Милюков — Бахметеву, 10 сентября 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 9.

[97] Н.В. Чайковский — Бахметеву, 15 мая и 17 августа 1921, Бахметев — Чайковскому, 13 июня и 26 августа 1921, М.М. Карпович — Угету, 27 июля 1921, Угет — Карповичу, 28 июля 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 1.

[98] Письма Н.В. Чайковского Бахметеву от 30 июня и 23 декабря 1921 г., 4 февраля 1922 г. BAR. Bakhmeteff, Box 1.

[99] *Вишняк М.* Годы эмиграции. С. 134.

[100] Бахметев — Бернацкому, 8 июня 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 1.

[101] Выписка из Протокола № 95 заседания Финансового совета от 14 июня 1924 LRA. Zemgor.

[102] Дети Л.Г Корнилова были взяты на воспитание А.И. Деникиным.

[103] Речь идет об адмирале Михаиле Герасимовиче Веселаго (1842—1929). Особая забота Бахметева о ветеране русского Военно-морского флота объяснялась тем, что в 1863 г., в период Гражданской войны между Севером и Югом, Веселаго — тогда совсем юный офицер — принимал участие в походе русской эскадры под командованием адмирала С.С. Лисовского к берегам США. Это была дружественная для северян демонстрация, направленная против возможного вмешательства британского и французского флотов в конфликт на стороне южан. К тому же в 1900 г. в период подавления боксерского восстания в Китае Веселаго служил комендантом фортов Таку и Тонгку, в одном из которых был американский гарнизон. Таким образом, Веселаго являлся живым символом российско-американского сотрудничества (Бахметев — Гирсу, 2 апреля 1921 / RPUS. 38—4).

[104] BAR. Bakhmeteff Collection, Box 49.

[105] В.А. Маклаков — Б.А. Бахметеву, 25 апреля 1922 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 273—274.

[106] Протокол № 23 от 26 мая 1921 BAR. Bakhmeteff Collection, Box 49.

[107] Протокол №49 заседания Финансового совета 2 мая 1922 / Там же.

[108] Бахметев — Маклакову, 15 декабря 1920 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 322.

[109] RPUS. 38—4; LRA. Zemgor.

[110] Протокол Финансового совета №5 от 24 февраля 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 49.

[111] Протоколы Финансового совета №2 и 7 от 16 и 28 февраля 1921 г. соответственно BAR. Bakhmeteff, Box 49.

[112] Маклаков — Бахметеву, 15 апреля 1921 г. «Совершенно лично и доверительно!» Т.1. С. 355.

[113] Протокол Финансового совета № 10 от 11 марта 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 49.

[114] Протокол Финансового совета № 13 от 29 марта 1921 // BAR. Bakhmeteff, Box 49.

[115] Так, если в начале апреля Фин. совет решил перевести в Константинополь, «имея в виду тяжелое положение чинов Армии, создавшееся в связи с принимаемыми французскими властями мерами к переводу офицеров и солдат на чисто беженское положение и к расселению их по различным странам, а также принимая во внимание приближение праздников Св. Пасхи», 800 тыс. фр., то Львов остался при особом мнении, полагая, что хватит и 500 тыс. (Протокол Финансового совета № 15 от 5 апреля 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 49).

[116] Бахметев — Г.Е. Львову, 14 июня 1921 г. LRA. Zemgor.

[117] Бахметев — В.А. Маклакову, 8 июня 1921 / «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 387—388.

[118] Бахметев — Г.Е. Львову, 14 июня 1921 LRA. Zemgor.

[119] Бахметев — М.Н. Гирсу, 27 сентября 1921 HIA. Girs. 34—2.

[120] Маклаков — Бахметеву, 10 декабря 1921 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 110—113.

[121] См.. *Будницкий О.В.* Послы несуществующей страны «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 16—114.

[122] Маклаков — Бахметеву, 15 апреля 1921 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 355.

[123] Маклаков — Бахметеву, 15 апреля 1921 г. Там же. С.357—358.

[124] Маклаков — Бахметеву, 15 апреля 1921 Там же. С. 356—357

[125] Протокол Финансового совета № 20 от 27 апреля 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 49.

[126] Бахметев — Г.Е. Львову, 22 апреля 1922 LRA. Zemgor.

[127] Там же.

[128] Маклаков — Бахметеву, не позднее мая 1921 «Совершенно лично и доверительно!» Т 1. С. 370.

[129] Бахметев — Маклакову, 8 июня 1921/ Там же. С. 383—385.

[130] Г.Е. Львов — Б.А. Бахметеву, 24 июля 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 5.

[131] Бахметев — Г.Е. Львову, 22 апреля 1921 Там же.

[132] Бахметев — Г.Е. Львову, 30 мая 1921 Там же.

[133] Бахметев — Г.Е. Львову, 14 июня 1921 Там же.

[134] Н.Б. Щербатов — М.Н. Гирсу, 4 июля 1922 ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

[135] М.Н. Гирс — Н.Б. Щербатову, 21 июля 1922 Там же. Л. 7—7 об.

[136] Там же. Л. 2—3.

[137] Там же. Л. 6.

[138] BAR. Bernatskii Collection, Box 2. File «Settlement of White Army veterans». Подробнее о деятельности Земгора см. специальный номер журнала «Cahiers du monde russe» 46/4 (Octobre—décembre 2005), подготовленный Катрин Гусефф и Ольгой Пишон-Бобринской: L'invention d'une politique humanitaire: Les réfugiés russes et le Zemgor (1921—1930). История Земгора, разумеется, требует дальнейшего изучения.

[139] ГАРФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 24а. Л. 141—142. Доклад кн. Г.Е. Львова о совместной с Т.И. Полнер поездке в Америку был прочитан на заседании Общего собрания Земско-городского комитета 7 апреля 1922 года и издан типографским способом небольшим тиражом с грифом «Не подлежит оглашению».

[140] Там же. Л. 141.

[141] Там же. Л. 143—144.

[142] Там же. Л. 144—144 об.

[143] Там же. Л. 145. В распоряжении представителей Земского союза в США осталось еще некоторое количество пушнины и 37 тыс. долл. Но они сочли необходимым сохранить эту сумму для нужд представительства. (Там же. Л. 145 об.)

[144] Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову, 16 января 1922 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 159.

[145] Там же. С. 159—160.

[146] В.А. Маклаков — Б.А. Бахметеву, 4 марта 1922 Там же. С. 194—197

[147] LRA. Zemgor.

[148] Там же.

[149] Там же.

[150] Земский союз выделился из состава Земгора.

[151] Протокол заседания Финансового совета № 75 от 2 июня 1923 LRA. Zemgor.

[152] М.Н. Гирс — Г.Е. Львову, 27 июля 1923 Там же.

[153] Г.Е. Львов — М.Н. Гирсу, 9 ноября 1923 HIA. Girs. 49—5.

[154] LRA. Zemgor.

[155] В.А. Маклаков — Б.А. Бахметеву, 13 марта 1925 «Совершенно лично и доверительно!» Т 3. С. 228—229.

[156] Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову, 30 марта 1925 Там же. С. 230.

Глава 7

[1] Все приведенные далее телеграммы находятся в: HIA. RPUS. 38—4. Г.Г Бах — советник российского посольства в Вашингтоне.

[2] HIA. RPUS. 38—4.

[3] Б.А. Бахметев — М.Н. Гирсу, 28 апреля 1921 HIA. RPUS. 219—6.

[4] Дело было, по-видимому, не только в расстоянии. Бахметева, очевидно, не устраивала пассивность и «старорежимность» Крупенского. Любопытные впечатления от общения с послом в Японии, «одним из многочисленных Крупенских», весной 1918 г. вынес будущий военный министр в правительстве А.В. Колчака барон А.П. Будберг· «Такие господа, как местный посол и многие наши представители за границей, знают, что такое революция только по газетам... они ничего не испытали, обеспечены на долгое время прекрасными окладами в золотых рублях и очень горды тем, что могут, сидя в полной безопасности, рядиться в ризы ярых и непримиримых ненавистников большевизма и грозно размахивать руками». — Столкнувшись с отказом прикомандировать его к военной миссии в Японии, раздосадованный Будберг записал: «Трудно было ожидать чего-либо более порядочного и человеческого от такого типичного представителя нашей дипломатии, каким является Базиль Крупенский. Недаром говорили про наше "иностранное" ведомство, что русский дипломат и сны видит, и бредит во сне только на французском языке» (*Будберг А.* Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. XII. [Репринт. изд.. М., 1991]. С. 285, 286.

[5] Б.А. Бахметев — М.Н. Гирсу, 28 апреля 1921 HIA. RPUS. 219—6.

[6] К.К. Миллер — С.А. Угету, 16 декабря 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 28.

[7] В.И. Новицкий – Б.А. Бахметеву, 22 апреля 1921 Там же. Письмо сопровождалось четырьмя Приложениями, основное содержание которых излагается далее.

[8] Трансферт — в данном случае передача одним лицом другому лицу права владения именными ценными бумагами.

[9] Московский Купеческий банк — старейший банк Москвы. О его деятельности в начале XX в. см.. Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / Под ред. Б.В. Ананьича и др. СПб.. Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2005. С. 484—490.

[10] К.Е. Замен — С.А. Угету, 15—28 января 1921 HIA. RPUS. 180—8.

[11] Там же.

[12] Протокол совещания послов от 4-го мая 1921 г. Приложение № 4 с грифом «Совершенно секретно» BAR. Bakhmeteff, Box 49.

[13] К.Е. Замен — С.А. Угету, 17 мая 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 28.

[14] Маклаков — Бахметеву, не позднее мая 1921 «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков: Переписка 1919—1951. М., Стэнфорд, 2001. Т. 1. С.371—372.

[15] BAR. Bakhmeteff, Box 49.

[16] С.А Угет — К.Е. Замену, 6 июня 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 28.

[17] Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову, 8 июня 1921 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 1. С. 385—386.

[18] Там же.

[19] Миллер — Угету, 5 июля 1921 HIA. RPUS. 38—6.

[20] Угет — Миллеру, 13 июля 1921/ Там же.

[21] Миллер —Угету, 21 июля 1921 Там же.

[22] Георгий Данилович Чаманский, служил вице-директором и заведующим торговым отделом Московского отделения Русско-Азиатского банка. С 1914 г. — директор Правления Московского Купеческого банка.

[23] В.И. Новицкий — С.А. Угету, 9 июля 1921 HIA. RPUS. 38—7

[24] В.И. Новицкий — С.А. Угету, 8 июля 1921 Там же.

[25] Записка Б.А. Швецова о Лондонском банке, отослана В.А. Маклакову 22 октября 1923 г. LRA. Zemgor. (Далее — *Швецов Б.А.* Записка).

[26] Братья Патвакан Мирзоевич и Шамир Мирзоевич Цатуровы — бакинские нефтепромышленники.

[27] Степан Георгиевич Лианозов (1872—1949) — председатель Правления Апшеронского нефтяного общества, директор-распорядитель Товарищества нефтяного производства «Г.М. Лианозова Сыновья», возглавлял также ряд других нефтепромышленных и торговых компаний. В 1917 г. директор-распорядитель более 20 нефтепромышленных и некоторых других компаний с основным капиталом более 170 млн руб. В 1919 г. председатель Совета министров, министр финансов, а затем министр иностранных дел Северо-Западного правительства, участвовал в организации похода генерала Н.Н. Юденича на Петроград. В 1920 г. один из организаторов Российского торгово-промышленного и финансового союза в Париже. См. подробнее: *Боханов А.Н.* Деловая элита России. 1914 г. М.. ИРИ РАН, 1994. С. 171, *Серков А.И.* Русское масонство 1731—2000: Энциклопедический словарь. М.. РОССПЭН, 2001. С. 478.

[28] *Швецов Б.А.* Записка.

[29] Наум Борисович Глазберг (1874— 1963) — присяжный поверенный, член совета и юрисконсульт Русско-Азиатского банка, председатель правлений, директор и член правлений ряда нефтепромышленных компаний. См. подробнее: *Боханов А.Н.* Деловая элита России. С. 119; *Серков А.И.* Русское масонство. С. 241—242.

[30] *Швецов Б.А.* Записка.

[31] Борис Алексеевич Швецов (1873—1939) — совладелец и директор торговых (чай, сахар) компаний в Москве, член Правления Северного страхового общества. См. подробнее: *Боханов А.Н.* Деловая элита России. С. 254; *Серков А.И.* Русское масонство. С. 889.

[32] К.Е. Замен — С.А. Угету, 9 августа 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 28.

[33] В данном случае имеются, очевидно, в виду операции на валютном рынке — сочетание наличной сделки по продаже иностранной валюты за национальную валюту с одновременным заключением сделки на ее покупку через определенный срок по более высокому курсу. Другое значение термина «репорт» — биржевая сделка на срок, заключаемая в расчете на повышение курса ценных бумаг с целью получения курсовой разницы.

[34] К.Е. Замен — С.А. Угету, 9 августа 1921.

[35] Там же.

[36] Там же.

[37] *Швецов Б.А.* Записка.

[38] Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову, 8 сентября 1921 «Совершенно лично и доверительно!» Т 1. С. 485.

[39] В.А. Маклаков — С.А. Угету, 7 октября 1921 HIA. Vasily Maklakov Collection. 14—21.

[40] BAR. Bakhmeteff, Box 49.

[41] Там же.

[42] BAR. Bakhmeteff, Box 49.

[43] Александр Иванович Шамшин (? — 1924) — директор-распорядитель Варваринского общества домовладельцев (Москва) и др., гласный Московской городской думы — см. подробнее: *Боханов А.Н.* Деловая элита России. С. 251, Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917—2001 Сост. В.Н. Чуваков. М., 2007 Т 6. Кн. 3. С. 290.

[44] Н.М. Бардыгин — директор товарищества «Н.М. Бардыгина наследник» и товарищества «П. Малютина Сыновья». Входил в «московскую группу».

[45] С.А. Шателен — С.А. Угету, 22 февраля 1922 BAR. Bakhmeteff, Box 28.

[46] *Осбринк Брета.* Империя Нобелей: История о знаменитых шведах, бакинской нефти и революции в России. М.. Текст, 2003. С. 250.

[47] *Осбринк Б.* Империя Нобелей. С. 250—251.

[48] ГА РФ. Ф. 198. Оп. 5. Д. 23. Л. 104; Броссе — Гирсу, 3 июля 1924 г., Гирс — Нобелю, 16 июля 1924 LRA. Zemgor.

[49] См.. *Марченко Т.В.* Неизвестные страницы бунинской нобелианы (по материалам архива Шведской академии) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997 Т. 56. № 6. С. 27—28; *Блох А.М.* Советский Союз в интерьере Нобелевских премий: Факты. Документы. Размышления. Комментарии Ред А.И. Мелуа. СПб.. Гуманистика, 2001.

[50] В.И. Новицкий — С.А. Угету, 22 февраля 1922 Там же.

[51] В.И. Новицкий — С.А. Угету, 22 апреля 1922 Там же.

[52] Телеграммы Замена Угету 25 августа 1921 и Угета Замену 31 августа 1921 HIA. RPUS. 217—7

[53] От фр. discrétion — сдержанность, умение хранить секрет.

[54] Производит грустное впечатление (*фр.*).

[55] Это, должно быть, «русская система» (*англ.*).

[56] И.И. Сукин — С.А. Угету, 6 января 1922 HIA. RPUS. 218—3.

[57] В.И. Новицкий — С.А. Угету, 10 января 1922 BAR. Bakhmeteff, Box 28.

[58] С.А. Угет — В.И. Новицкому, 14 февраля 1922 Там же.

[59] С.А. Шателен — С.А. Угету, 22 февраля 1922 Там же.

[60] К.Е. Замен — С.А. Угету, 14 апреля 1922 Там же.

[61] здравый смысл, способность выносить здравые суждения (*англ.*).

[62] И.И. Сукин — С.А Угету, 1 июня [1922] HIA. RPUS. 218—5.

[63] В.А. Маклаков — Б.А. Бахметеву, 25 апреля 1922 «Совершенно лично и доверительно!» М., Стэнфорд, 2002. Т 2. С.277—279.

[64] Там же. С. 279—280.

[65] Там же. С. 280—281.

[66] В.И. Новицкий — С.А. Угету, 5 мая 1922 BAR. Bakhmeteff, Box 28.

[67] *Угет С.А.* Замечания по письму В.А.Маклакова от 1-го мая 1922 г. (от 18 мая 1922) BAR. Bakhmeteff, Box 28

[68] От alarme (*фр.*) — тревога.

[69] В.А. Маклаков — Б.А. Бахметеву, 2 января 1923 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 431—433.

[70] *Швецов Б.А.* Записка.

[71] Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову, 24—25 января 1923 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 2. С. 448.

[72] Там же. С. 450—451.

[73] Б.А. Бахметев — В.А. Маклакову, 24—25 января 1923 Там же. С. 451.

[74] С.А. Угет — М.Н. Гирсу, 26 июня 1923 BAR. Bakhmeteff, Box 28.

[75] Московская группа, судя по всему, была «выжита» из банка «казенной группой». Представитель московской группы Б.А. Швецов утверждал, что «текстильщиками» «более года принимались все возможные и допустимые меры либо для мирной работы, либо для мирного расхождения, но казенная группа все отвергала и отбрасывала, задавшись несомненно давно целью все захватить в свои руки и никого не допускать не только к управлению Банка, но даже и к контролю» (*Швецов Б.А.* Записка). Разумеется, его оценка происходившего в банке пристрастна, и вряд ли москвичи были такими миролюбивыми, какими хотели казаться, но результат в конечном счете получился именно таким, о каком писал Швецов: «казенная группа» установила контроль над банком.

[76] Абрам Юрьевич Добрый — член совета и управляющий отделением Русского для Внешней торговли банка в Киеве, директор ряда свеклосахарных компаний и заводов, коллекционер, меценат. См. о нем: Памяти Абрама Юрьевича Доброго. Париж: Кружок А.И. Доброго, 1939; *Боханов А.Н.* Деловая элита России. С. 135.

[77] Доклад К.Е. Замена на заседании Коллегии попечителей Национального фонда 11 января 1924 г., М.Н. Гирс — С.А. Угету, 12 января 1924 BAR. Bakhmeteff, Box 28.

[78] С.А. Угет — К.Е. Замену, 14 февраля 1924 BAR. Bakhmeteff, Box 30.

[79] В.И. Новицкий — С.А. Угету, 20 декабря 1920 Там же.

[80] Протокол Коллегии попечителей от 11 января 1924; М.Н. Гирс — С.А. Угету, 12 января 1924 Там же.

[81] К.Е. Замен — С.А. Угету, 19 сентября 1924 Там же.

[82] С.А. Шателен — С.А. Угету, 2 ноября 1924 Там же.

[83] С.А. Угет — С.А. Шателену, 13 ноября 1924 Там же.

[84] С.А. Шателен — С.А. Угету, 4 ноября 1924 BAR. Bakhmeteff, Box 28. Папка «Ноябрь 1924 — апрель 1925».

[85] С.А. Угет — С.А. Шателену, 13 ноября 1924 г. Там же.

[86] С.А. Шателен — С.А. Угету, 13 ноября 1924 Там же.

[87] М.В. Бернацкий — С.А. Угету, 23 ноября 24 BAR. Bakhmeteff, Box 30.

[88] Переписку по этому вопросу см.. BAR. Bakhmeteff, Box 49.

[89] В.А. Маклаков — Б.А. Бахметеву, 5 сентября 1924 // «Совершенно лично и доверительно!» М., Стэнфорд, 2002. Т. 3. С. 194—195.

[90] Маклаков — Бахметеву, 5 сентября 1924 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 3. С. 195—196, 200.

[91] Бахметев — Маклакову, 9 октября 1924 «Совершенно лично и доверительно!» Т 3. С. 205.

[92] С.А. Угет — В.А. Маклакову, 10 октября 1924 HIA. Vasily Maklakov Collection. 14—21.

[93] С.А. Угет — В.А. Маклакову, 7 января 1925 Там же.

[94] Там же.

[95] Протокол заседания Коллегии попечителей Национального фонда от 18 мая 1925 BAR. Bakhmeteff, Box 49.

[96] Протокол заседания Коллегии попечителей Национального фонда от 18 мая 1925 Там же.

[97] BAR. Bakhmeteff, Box 30.

[98] С.А. Шателен — С.А. Угету, 29 ноября 1925 Там же.

[99] С.А. Угет— С.А. Шателену, 16 декабря 1925 Там же.

[100] С.А. Угет — С.А. Шателену, 16 декабря 1925 Там же.

[101] С.А. Угет — В.И. Новицкому, 4 июня 1931 LRA. Zemgor.

[102] С.А. Шателен — С.А. Угету, 26 марта 1933 BAR. Bakhmeteff, Box 30..

[103] С.А. Угет— В.А. Маклакову, 3 января 1933 BAR. Bakhmeteff, Box 30.

[104] С.А. Угет — В.А. Маклакову, 3 января 1933 Там же.

[105] В.А. Маклаков — С.А. Угету, 13 января 1933 Там же.

[106] В.А. Маклаков — С.А. Угету, 30 января 1933 Там же.

[107] Там же.

[108] В.А. Маклаков — С.А. Угету, 2 февраля 1933 Там же.

[109] С.А. Угет — В.А. Маклакову, 8 февраля 1933 Там же.

[110] Там же.

[111] С.А. Угет — В.А. Маклакову, 26 октября 1934 LRA. Zemgor.

[112] The Bankers' Almanac and Year Book for 1940—41. London: Thomas Skinner & Co, 1940. P 117

[113] См.. The Bankers' Almanac and Year Book for 1945—46; 1946—47; 1947—48.

[114] Маклаков — Бахметеву, 16 сентября [1946] «Совершенно лично и доверительно!» Т. 3. С. 523.

[115] Бахметев — Маклакову, 26 сентября 1946 Там же. С. 524.

[116] Бахметев — Маклакову, 8 апреля 1947 Там же. С. 526.

Глава 8

[1] *Schuman Frederick L.* American Policy toward Russia since 1917· A Study of Diplomatic History, International Law and Public Opinion. New York: International Publishers, 1928. P 223—224. Подробнее об обстоятельствах отставки Бахметева см.. *Schuman F.* American Policy Toward Russia. P 223—229.

[2] [*Перцов Д.П.*]. Объяснительная записка к отчету по операциям с London & Eastern Trade Bank Ltd., London HIA. RPUS. 182—4. Далее схема сокрытия российских денег описывается по «записке» Перцова.

[3] Там же.

[4] HIA. RPUS. 180—19.

[5] Там же.

[6] «Памятная записка» Угета, 10 июля 1926 HIA. RPUS. 220—9.

[7] К.К. Миллер — С.А. Угету, 30 декабря 1925 HIA. RPUS. 168—10.

[8] С.А. Угет — К.К. Миллеру, 14 января 1926 Там же.

[9] Речь идет об американской доле Национального фонда, вложенной в акции Eastrabank'a.

[10] С.А. Угет — К.К. Миллеру, 14 января 1926.

[11] С.А. Угет — С.П. Ермолаеву, 3 мая 1926 HIA. RPUS. 219—1, Отчет агента Министерства финансов в США за период времени с 1 сентября 1925 г. по 1 сентября 1926 г. // ГА РФ. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 18. Л. 15—16.

[12] С.А. Угет — С.П. Ермолаеву, 3 мая 1926 HIA. RPUS. 219—1.

[13] С.А. Угет — С.П. Ермолаеву, 3 мая 1926.

[14] Отчет агента Министерства финансов в США за период времени с 1 сентября 1926 по 1 сентября 1927 ГА РФ. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 19. Л. 11.

[15] Продажи имущества HIA. Girs. 34—5.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] ГАРФ. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 18 (Отчет с 1 сентября 1925 по 1 сентября 1926). Л. 15—16; Д. 21 (Отчет с 1 сентября 1928 по 1 сентября 1929). Л. 1. О дальнейшей судьбе посольского архива см.. *Brown John H.* The Disappearing Russian Embassy Archives, 1922—49 / Prologue. 1982. Vol. 14. № 1. P 5—13.

[19] Отчет агента Министерства финансов в США за период времени с 1 сентября 1926 по 1 сентября 1927 ГАРФ. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 19. Л. 11—13.

[20] Там же. Л. 13. Памятная записка воспроизведена в цитируемом отчете Угета, л. 12—13.

[21] Там же. Л. 32. Подробнее о процессе см. л. 32—43 цитируемого отчета. См. также: *Clarke William.* The Lost Fortune of the Tsars. London: Weidenfeld and Nicolson, 1994. P 239—240.

[22] ГАРФ. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 17 (Отчет с 1 сентября 1924 по 1 сентября 1925). Л. 214; ГАРФ. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 21. Л. 32.

[23] ГАРФ. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

[24] К.К. Миллер — С.А. Угету, 16 декабря 1921 BAR. Bakhmeteff, Box 28.

[25] К.К. Миллер — С.А. Угету, 16 декабря 1921, В.И. Новицкий. Обзор деятельности Финансового совета (20 марта 1922) / BAR. Bakhmeteff, Box 28.

[26] BAR. Karl Miller Collection, Box 1.

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] Д.И. Абрикосов — Гирсу, 27 декабря 1921 и 20 января 1922; Миллер — Новицкому, 19 января 1922 // LRA. Zemgor.

[30] К.К. Миллер — С.А. Угету, 18 сентября 1922 HIA. RPUS. 168—5.

[31] HIA. Evgeniy Miller Collection. 8—8.

[32] Абрикосов — Гирсу, 3 января 1922 LRA. Zemgor.

[33] Осторожный Е.К. Миллер оценивал суммы, привезенные Подтягиным, в 600 тыс. фр., оптимистичный Шатилов — в 1,2 млн (П.Н. Шатилов — П.Н. Врангелю, 18 июля 1924 HIA. Vrangel. 144—27 Л. 1563—1564; Миллер — Врангелю, 16—19 августа 1924 // Там же. Л. 1653—1654). В бумагах Врангеля точная сумма, привезенная Подтягиным, не названа; исходя из бюджетных предположений генерала, она должна была составлять, по нашей оценке, около миллиона франков.

[34] Врангель — вел. кн. Николаю Николаевичу, 12 сентября 1924 Там же. Л. 1685—1686.

[35] HIA. Vrangel. 146—30. Л. 66—77, приложения на л. 78—91.

[36] В шапке «Удостоверения» о праве взимать «колчаковские ценности», выданного Ш. Судзуки председателем Сибирского правительства А.В. Сазоновым, стоит дата 27 февраля 1922 г. Это очевидная описка, так как, во-первых, в феврале 1922 г. Сибирского правительства еще не существовало, во-вторых, в тексте документа содержится ссылка на договор, заключенный с Судзуки 26 февраля 1923 г. HIA. Valerian Moravskii Collection. 5—33.

[37] HIA. Moravskii. 5—33.

[38] Там же.

[39] HIA. Moravskii. 6—43.

[40] HIA. Moravskii. 6—21.

[41] HIA. Moravskii. 5—47

[42] Там же. 6—25.

[43] Ю.А. Явдынский — В.И. Моравскому, 2 июня 1927 Там же. 5—28.

[44] Здесь и далее история «освобождения» «подтягинских» денег из-под ареста излагается по переводам статей «Новое осложнение в вопросе о золоте», «Москва обвиняет Японию в нарушении § 5 договора», опубликованных в газете «Асахи» 3 сентября и 13 октября 1929 г., и статьи «Подтягинские деньги получены до наложения на них ареста со стороны советских представителей», напечатанной в газете «Дзи-Дзи» 12 октября 1929 г. Тексты переводов находятся в: HIA. Moravskii. 6—30 и 6—21 соответственно.

[45] Японский банк выдал советские деньги белогвардейцам / Известия. 1929. 12 октября. С. 1.

[46] HIA. Moravskii. 6—21. Письмо неустановленного лица от 14 октября 1929 г.

[47] HIA. Moravskii. 5—33.

[48] Там же.

[49] Там же.

[50] *Агафонов С.* По следам колчаковского золота Известия. 1992. 24 марта.

[51] *Петрофф С.* Япония должна вернуть России 22 ящика золота Известия. 1992. 19 февраля.

[52] *Прянишников Б.* Незримая паутина. [N.Y.], 1979. С. 162—163.

[53] *Robinson P* The White Russian Army in Exile, 1920—1941. Oxford: Clarendon Press, 2002. P 198.

[54] LRA. Zemgor.

[55] С.А. Угет — С.П. Ермолаеву, 3 мая 1926 HIA. RPUS. 219—1.

[56] К.К. Миллер — М.Н. Гирсу, 11 июля 1925 LRA. Zemgor.

[57] *Miller Ch.* Отношение императора Павла I к французским эмигрантам Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1972. Т. VI.

[58] Докладная записка К.К. Миллера и А.А. Никольского Председателю Совета послов от 3 ноября 1931, М.Н. Гирс — Е.В.Саблину, 30 ноября 1931 LRA. Zemgor.

[59] Е.В. Саблин — С.А. Шателену, 28 января 1941 LRA. MSS 1285. Sablin Collection. 2347

[60] Акт о ревизии отчетности Финансового отдела по стодвадцатитысячному стерлинговому фонду и по фонду для оказания пособий семьям героев гражданской войны за период времени с 1-го янв. по 31 дек. 1924 г., Акт о ревизии фонда «героев гражданской войны» за 1926 г. LRA. Zemgor.

[61] С.А. Угет, В.И. Новицкий, К.К. Миллер — Председателю Совещания российских послов, 1 декабря 1927 LRA. Zemgor.

[62] В.И. Новицкий, К.К. Миллер — Председателю Совета послов, 14 ноября 1931 LRA. Zemgor.

[63] В.А. Маклаков — Г.Л. Нобелю, 10 февраля 1944 г. LRA. Zemgor.

[64] Н.С. Долгополов — Б.А. Бахметеву, 30 ноября 1941 LRA. Zemgor.

[65] А.Л. Толстая — Б.А. Бахметеву, 4 марта 1942 BAR. Bakhmeteff, Box 13.

[66] «Циркулярное» письмо В.А. Маклакова от 1 февраля 1944 LRA. Zemgor.

[67] Там же.

[68] «Циркулярное» письмо и письмо Маклакова Г.Л. Нобелю от 27 декабря 1944 Там же.

[69] В.И. Новицкий — В.А. Маклакову, 20 мая 1945 LRA. Zemgor.

[70] В.А. Маклаков — Г.Л. Нобелю, 26 ноября 1945 Там же.

[71] LRA. Zemgor.

[72] Все цитируемые далее документы находятся среди бумаг Маклакова в: LRA. Zemgor Collection.

[73] Н.С. Долгополов — В.А. Маклакову, 19 ноября 1946 LRA. Zemgor.

[74] См. письма Долгополова Маклакову от 21 января 1949, 10 октября 1950, 16 октября 1951, 10 октября 1952, 24 сентября 1953, 10 июля 1954, 1 октября 1955, 21 октября 1956 Там же.

[75] Н.С. Долгополов — В.А. Маклакову, 22 февраля 1954 Там же.

[76] Н.С. Долгополов — В.А. Маклакову, 24 сентября 1954 Там же.

[77] В.А. Маклаков — Н.С. Долгополову, 7 октября 1956 Там же.

[78] «Отчетные сведения в израсходовании поступивших в 1948 году пожертвований в сумме 600 000 фр.» от января 1949 г. / Там же.

[79] С. Шувалова — В.А. Маклакову, 18 марта 1952, 8 февраля и 22 июня 1954 г.

[80] Там же.

[81] Там же.

[82] Там же.

[83] В.А. Маклаков — Н.Г Елисееву, 7 октября 1955 Там же.

[84] Н.Г Елисеев — В.А. Маклакову, 2 октября 1956; В.А. Маклаков — Н.Г Елисееву, 10 октября 1956 Там же.

[85] В.А. Маклаков — Б.А. Бахметеву, 19 сентября 1949 «Совершенно лично и доверительно!» Т. 3. С. 557

[86] См. подробнее: *Серков А.И.* Русское масонство. 1731—2000: Энциклопедический словарь. М.. РОССПЭН, 2001. С. 714.

[87] См. подробнее: *Чубыкин И.* Титов Александр Андреевич Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М.. РОССПЭН, 1996. С. 607—608; *Серков А.И.* Русское масонство. С. 799—800.

[88] Н.Г Елисеев — В.А. Маклакову, 1 февраля 1956 и 20 марта 1957, с благодарностью за перечисление 975 тыс. франков LRA. Zemgor.

[89] В.А. Маклаков — Н.Г Елисееву, 10 октября 1956 Там же.

[90] Л. Гарганова, С. Зернова — В.А. Маклакову, 31 августа 1953 Там же.

[91] ИРО — International Refugee Organization (IRO), Международная организация по делам беженцев при ООН.

[92] С.М. Зернова — В.А. Маклакову, 1 октября 1953 LRA. Zemgor.

[93] Л.О. Дан — Б.И. Элькину, 13 сентября 1954 Oxford University, Bodleian Library, Manuscript Division, Boris Elkin Collection, p. 60.

[94] А.В. Романова — В.А. Маклакову, 7 марта 1957 LRA. Zemgor.

[95] В.А. Маклаков — А.В. Романовой, 12 марта 1956 Там же. Здесь же находится благодарственное письмо Романовой от 14 марта 1956.

Заключение

[1] *Никольский А.А.* Очерк финансовой политики Омского правительства ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 141. Л. 168.

[2] *Коваленко Д.А.* Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М.. Наука, 1970. С. 388—389.

[3] New York Times. 1963. May 10. Пользуясь случаем, выражаю признательность Алле Зейде, приславшей мне некролог Угета, опубликованный в этом номере газеты.

[4] Обзор отдела международных расчетов Наркомата финансов СССР, 1 октября 1943 г. Исторический архив. 1994. № 1. С. 133—135.

[5] *Clarke W* The Lost Fortune of the Tsars. London: Weidenfeld and Nicolson, 1994. P 255—257

Список сокращений

ВСЮР — Вооруженные силы Юга России
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГПУ — Главное политическое управление
Д. — дело
Земгор (с февраля 1921 г.) — Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей
ИРО — International Refugee Organization (IRO), Международная организация по делам беженцев при ООН
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
Королевство СХС —Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев
Л. — лист
МВД — Министерство внутренних дел
МИД — Министерство иностранных дел
МПС — Министерство путей сообщения
Оп. — опись
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РОВС — Русский общевоинский союз
РОКК — Российское общество Красного Креста
РПС — Русское политическое совещание
РТА — Российское телеграфное агентство
Синорус — Русско-Азиатский банк
Ф. — фонд
фр. — франк
ф. ст. — фунт стерлингов
ФЭК — Финансово-экономическая комиссия
ЦГАОР — Центральный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ныне — ГАРФ)
ЦВПК, Центропром — Центральный военно-промышленный комитет
шв. фр. — швейцарский франк
BAR — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры)
Eastrabank — London and Eastern Trade Bank (Лондонский и восточный торговый банк)
HIA — Hoover Institution Archives, Stanford University, Stanford, California (Архив Гуверовского института, Стэнфордский университет, Стэнфорд, Калифорния)
LRA — Leeds Russian Archive (Русский архив в Лидсе)
RPUS — фонд «Russia. Posol'stvo (U.S.)» в Hoover Institution Archives, Stanford University

Источники и литература

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 143 — Центральное управление Государственного банка Российского правительства. Омск. 1918—1920
Ф. 197 — Министерство финансов Российского правительства. Омск. 1918—1920
Ф. 198 — Особенная канцелярия по кредитной части Министерства финансов Российского правительства. Омск. 1918—1920
Ф. 454 — Русское политическое совещание в Париже
Ф. 5680 — Канцелярия Министерства иностранных дел при Главнокомандующем вооруженными силами на юге России
Ф. 5881 — Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов
Ф. 5885 — П.А. Бурышкин
Ф. 6094 — К.Н. Гулькевич

Российский государственный Архив экономики (РГАЭ)

Ф. 2324 — Государственный банк РСФСР

Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University (BAR) (Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры, Библиотека редких книг и рукописей, Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

Boris Bakhmeteff Collection (Фонд Б.А. Бахметева)
Petr Bark Collection (Фонд П.Л. Барка)
Mikhail Bernatskii Collection (Фонд М.В. Бернацкого)
Anton Denikin Collection (Фонд А.И. Деникина)
Karl Miller Collection (Фонд К.К. Миллера)

Hoover Institution Archives, Stanford University, Stanford, California (HIA) (Архив Гуверовского института, Стэнфордский университет, Стэнфорд, Калифорния, США)

Vladimir Bashkirov Collection (Фонд В.Н. Башкирова)
Mikhail Girs Collection (Фонд М.Н. Гирса)
Vasily Maklakov Collection (Фонд В.А. Маклакова)
Evgeniy Miller Collection (Фонд Е.К. Миллера)

Boris Nicolaevsky Collection (Фонд Б.И. Николаевского)
Russia. Posol'stvo (France) (Фонд Российского посольства во Франции)
Russia. Posol'stvo (U.S.) (Фонд Российского посольства в США)
Petr Vrangel Collection (Фонд П.Н. Врангеля)

Leeds Russian Archive, Brotherton Library, Leeds University, United Kingdom (LRA) (Русский архив в Лидсе, Бразертонская библиотека, Университет Лидса, Великобритания)

Evgeniy Sablin Collection (Фонд Е.В. Саблина)
Zemgor Collection (Фонд Земгора)

Manuscript Division, Bodleian Library, Oxford University, UK (Отдел рукописей, Бодлеанская библиотека, Оксфордский университет, Великобритания)

Boris Elkin Collection (Фонд Б.И. Элькина)

Справочные издания

Боханов А.Н. Деловая элита России. 1914 г. М.. ИРИ РАН, 1994.
Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М.. Советская энциклопедия, 1989.
Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917—2001 Сост. В.Н. Чуваков: В 6 т. М.. Пашков дом, 1999—2007
Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М.. РОССПЭН, 1996.
Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917—1991 гг. / Научное руководство; редакция и введение А.Г Тартаковского, Т. Эммонса, О.В. Будницкого: В 4 т. М.. РОССПЭН, 2003—2006.
Серков А.И. Русское масонство 1731—2000: Энциклопедический словарь. М.. РОССПЭН, 2001.
The Bankers' Almanac and Year Book for 1940—41, 1945—46; 1946—47; 1947—48. Thomas Skinner & Co: London, 1940, 1945—1947
Bidwell R.L. Currency Conversion Tables: A hundred years of change. London: Rex Collins, 1970.

Периодическая печать

Возрождение. 1929.
Известия. 1929, 1992.
Последние новости. 1920—1921.
Новое русское слово. 1951.
Часовой. 1934.
The New York Times. 1920, 1983.

Опубликованные источники

Артур Германович Рафалович (Некролог) // The Russian Economist. 1921. Vol. II. № 5. October—December. С. 1779—1780.

Белый Восток: финансы и политика (1918—1919 гг.) Сост. С.С. Ипполитов — http://ricolor.org/history/bldv/13/

Будберг А., барон. Дневник Архив русской революции. Т XII—XV Берлин, 1923—1924. [Репринт. изд. М.. Терра; Республика, 1991—1993. Т. 11—16].

Вишняк М. Годы эмиграции 1919—1969. СПб.. ФормаТ, 2005.

Военные поставки США, Франции и Англии России при Временном правительстве (март—октябрь 1917) Исторический архив. 1955. № 3. С. 150—179.

Врангелевщина (По материалам Парижского «посольства» Временного правительства) Красный архив. 1930. Т. 3 (40). С. 3—40.

Врангель П.Н. Воспоминания. М.. Терра, 1992. Ч. 2.

Вырыпаев В.О. Каппелевцы Вестник первопоходника: Ежемесячный журнал, посвященный Первому Кубанскому походу и истории Белых армий. 1964. № 33. Июнь.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак: В 2 т. Пекин, 1921.

Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. Белград: Рус. изд-во, 1923.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.. Айрис-пресс, 2003. Т. 4—5.

Милюков П.Н. Дневник. 1918 — 1921. М.. РОССПЭН, 2004.

Документы внешней политики СССР М.. Госполитиздат, 1961. Т V

«Золотой эшелон» (Возвращение золотого запаса РСФСР Март — май 1920 г.) Публ. А.П. Кладта, В.А. Кондратьева Исторический архив. 1961. №1. С. 20—53.

Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2: Рукописные заметки. СПб.. Дмитрий Буланин, 2003.

Из истории гражданской войны в СССР· Сборник документов и материалов: В 3 т. М.. Советская Россия, 1961. Т. 2.

К 50-летию окончания гражданской войны на Юге России. Неизданные документы из архивов П.Б. Струве Публ. Г.П. Струве Мосты. 1970. №15. С. 413—427

Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. Владивосток, 1995.

Ларсонс М.Я. На советской службе: Записки спеца. Париж: Родник, 1930.

Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков: Зап. очевидца и участника свержения большевист. власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк: Народоправство, 1919.

Маргулиес М.С. Год интервенции: В 3 кн. Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1923.

Михайловский Г.Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914—1920 гг. М.. Международные отношения, 1993. Кн. 2.

Новицкий В.И. Судьба русского золотого запаса The Russian Economist. 1921. Vol. I. № 2. (January). С. 503—514.

Об интервенции США против Советской России (1919 г.) Публ. А.В. Березкина, В.И. Мазаева // Исторический архив. 1960. С. 3—28.

Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918—1922 гг.). Рига: М. Дидковский, 1930.

По следам золота царской России Публ. Ю.С. Хелемского Исторический архив. 1994. № 1. С. 122—135.

Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914—1924). Харбин: Издание общества изучения Маньчжурского края и Дальневосточно-Сибирского общества «Книжного дела», 1924.

«Позволю себе вкратце написать то, что я знаю о Бахметеве и церкви в Америке...»: Письмо К.Е. фон Замена митрополиту Евлогию (Георгиевскому) / Публ. и пред. А.Л. Гуревича / Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.. Athenaeum; Феникс, 2007 Т. 9. С. 423—429.

Последние дни колчаковщины. М., Л.. Госиздат, 1926.

Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: В 6 т. Т. 4: Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 — июнь 1921 г. М.. Прогресс-Академия, РОССПЭН, 1996.

Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920: Документы Под ред. В.И. Шишкина. М.. Международный фонд «Демократия»; Изд-во Йельского университета, 2003.

Россия и США: дипломатические отношения. 1900—1917 Документы. М.. Международный фонд «Демократия», 1999.

Савич Н.В. Воспоминания. СПб., Дюссельдорф: Логос; Голубой всадник, 1993.

Сборник записок, относящихся к русскому снабжению в Великую войну. [Нью-Йорк]: Финансовое Агентство в С.Ш.А., 1925.

Семенов [Г.М.], атаман. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М.. АСТ; Гея-Итэрум, 1999.

«Совершенно лично и доверительно!». Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков: Переписка 1919—1951 / Ред., вступ. ст., коммент. О.В. Будницкого: В 3 т. М., Стэнфорд: РОССПЭН; Изд-во Гуверовского института, 2001—2002.

Советско-американские отношения: Годы непризнания. 1918—1926: Документы. М.. Международный фонд «Демократия», 2002.

Советско-американские отношения 1934—1939: Документы. М.. Международный фонд «Демократия», 2003.

Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. Краткий обзор (Исключительно по официальным архивным документам Колчаковского правительства). Л., 1926.

Тер-Асатуров Д.Г. Дополнительная Записка о деятельности Российского Представительства в Америке (Посольства в Вашингтоне и Заготовительного Комитета в Нью-Йорке) после большевистского переворота в России (Ответ на письма М.М. Карповича и Д.П. Перцова). Pictou, Nova Scotia, Canada, 1925.

Тер-Асатуров Д.Г Записка о деятельности Российского Представительства в Америке (Посольства в Вашингтоне и Заготовительного Комитета в Нью-Йорке) после большевистского переворота в России. Pictou, Nova Scotia, Canada, 1923.

Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров 16 июля — 2 сентября 1915 года) / Сост. А.Н. Яхонтовым Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. XVI. [Репринт. изд. М.. Терра, 1993. Т. 17—18].

Филатьев Д.В. Катастрофа белого движения в Сибири. 1918—1922. Впечатления очевидца. Paris: YMCA-Press, 1985.

«Чему свидетели мы были...»: Переписка бывших царских дипломатов: В 2 кн. М.. Гея, 1998.

Черчил[л]ь В. Мировой кризис. М., Л.. Государственное военное издательство, 1932.

Z. Золотой поезд: Из недавнего прошлого Иллюстрированная Россия. 1932. № 29 (375). № 30 (376).

Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М., Л.. Изд-во АН СССР, 1957 Ч. 2.

A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China: The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918—1925 Хроника гражданской войны в Сибири и изгнания в Китае: Дневники Петра Васильевича Вологодского, 1918—1925: 2 vols Ed. by S. Lyandres, D. Wulff. Stanford: Hoover Institution Press, 2002.

Churchill Winston. The Aftermath. London: Macmillan, 1941.

Guaranty Trust Company of New York v. The United States of America The American Journal of International Law. 1938. Vol. 32. № 4 (Oct.). P 848—858.

Lansing Robert. War Memoirs. Indianapolis, 1935.

Letters Exchanged between the Secretary of State and the Secretary of the Treasury, May 23/June 2, 1922 The American Journal of International Law. 1934. Vol. 28. № 1. Supplement: Official Documents (Jan.). P 17—21.

The Litvinoff Assignment and the Guaranty Trust Company Case The American Journal of International Law. 1938. Vol. 32. № 3 (July). P 542—545.

Les relations diplomatiques du Gouvernement Wrangel en Crimée (1920) Ed. Richard Pipes / Cahiers du monde russe et soviétique. 1963. Vol. IV P 401—435.

Исследования

Ананьич Б.В. Штрихи к биографии М.В. Бернацкого // Петроградский Политехнический институт в 1917 г. СПб.. Изд-во СПб РГУ, 1999. С. 37—42.

Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1897—1914. Л.. Наука, 1970.

Бабичев Д.С. Деятельность Русского правительственного комитета в Лондоне в годы первой мировой войны Исторические записки. Т. 57 М.. Изд-во АН СССР, 1956. С. 276—292.

Баев О.В. Из истории золотопромышленности Кузнецкого бассейна в годы Гражданской войны История Белой Сибири: Материалы 6-й международной научной конференции. Кемерово, 2005. С. 157—160.

Баранов А.Г М.В. Бернацкий — ученый, министр, политик Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 55. 2005. С. 77—88 (статья размещена также на http://www.bonistikaweb.ru/STATYI/bernatskiy.htm).

Беляев С.Г П.Л. Барк и финансовая политика России 1914—1917 гг. СПб.. Изд-во С.-Петербургского университета, 2002.

Борисов С.М. Рубль: золотой, червонный, советский, российский.... Проблема конвертируемости. М.. Инфра-М, 1997

Будницкий О.В. Идеология для новой России Роль ученых в построении гражданского общества. [М.:] USIA, 1996. С. 181—188.

Он же. Нетипичный Маклаков / Отечественная история. 1999. № 2. С. 12—26; № 3. С. 64—80.

Он же. Б.А. Бахметев — посол в США несуществующего правительства России Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 134—166.
Он же. Япония и российское золото Независимая газета. 2000. 7 октября.
Он же. Письмо в редакцию: Русское золото за рубежом Власть (Коммерсант-Власть). №8 (410). 2001. 27 февраля. С. 63—64.
Он же. Мираж золотой / Родина. 2001. № 3. С. 69—74.
Он же. Золотой сон Ex libris НГ· Книжное обозрение. Еженедельное приложение к «Независимой газете». 2001. № 9 (181). 15 марта.
Он же. Дипломаты и деньги. 1. «Колчаковское золото» / Диаспора: Новые материалы. Вып. IV Париж; СПб.. Athenaeum; Феникс, 2002. С. 457—508.
Он же. Дипломаты и деньги. 2. Национальный фонд Диаспора: Новые материалы. Париж; СПБ.. Athenaeum; Феникс, 2003. С. 283—334.
Он же. «Пронунциаменто» трех чиновников Министерства иностранных дел (К истории возникновения Совета российских послов в Париже) / Зарубежная Россия 1917—1939. Кн. 2. СПб.. Лики России, 2003. С. 9—18.
Он же. Деньги для «белого дела» Исторические записки. М.. Наука, 2004. Т 7 (125). С. 57—85.
Он же. Деньги русской эмиграции: к историографии вопроса Отечественная история. 2004. № 3. С. 148—159.
Он же. Российские евреи между красными и белыми (1917—1920). М.. РОССПЭН, 2005.
Он же. Нерв войны Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка Под ред. Л.Г Захаровой, С.В. Мироненко, Т Эммонса. М.. РОССПЭН, 2008. С. 775—784.
Владимирский М.В. М.В. Бернацкий — министр финансов в правительствах Керенского, Деникина, Врангеля Отечественная история. 2007 № 1. С. 160—170.
Гак А.М. О судьбе золотого запаса России (1918—1920 гг.) Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 133—155.
Ганелин Р.Ш. Россия и США. Очерки истории русско-американских отношений. 1914—1917 Л.. Наука, 1969.
Голдин В.И. Солдаты на чужбине. Архангельск: «СОЛТИ», 2005.
Дипломатический ежегодник. М.. Международные отношения, 1995. С. 240—253.
Ефимкин А.П. «Мы заплатили немецким империалистам золото...» История СССР 1990. № 5. С. 147—151.
Зырянов П. Колчак. М.. Молодая гвардия, 2006.
Ижболдин Б.С. Памяти М.В. Бернацкого Новый журнал. 1947 Кн. 17 С. 322—325.
Иоффе А. Русско-французские отношения в 1917 г. М.. Госполитиздат, 1958.
Йованович Мирослав. Русская эмиграция на Балканах 1920—1940. М.. Русский путь, 2005.
Кадомцев Б.П. Профессор Михаил Владимирович Бернацкий / С.-Петербургский Политехнический институт. Париж, 1958. Сб. 2. С. 72—79.
Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917—1920 гг.). 3-е изд. М.. Изд-во Ипполитова, 2006.
Кладт А., Кондратьев В. Быль о «золотом эшелоне». М.. Госполитиздат, 1962.
Коваленко Д.А. Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М.. Наука, 1970.

Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917—1925 гг.). М.. ИВИ РАН, 2004.

Кошкидько В.Г., Чубыкин И.В. Парижское совещание членов Учредительного собрания 1921 года (по материалам Пражской коллекции ГАРФ) // Зарубежная Россия. 1917 — 1939 гг. СПб.. Европейский Дом, 2000. С. 16—20.

Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / Под ред. Б.В. Ананьича и др. СПб.. Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2005.

Лебедев В.В. Русско-американские экономические отношения (1900—1917 гг.). М.. Международные отношения, 1964.

Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Изд. 3-е. М.. Гос. воен. изд-во, 1937

Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2. М.. Айрис-пресс; Лагуна-арт, 2005.

Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны (окт. 1917—1920 гг.). М.. Издатпрофпресс, 2002.

Осбринк Брета. Империя Нобелей: История о знаменитых шведах, бакинской нефти и революции в России. М.. Текст, 2003.

Росс Николай. Врангель в Крыму. Frankfurt/Main: Посев, 1982.

Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М.. ИВИ РАН, 1999.

Русские без отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20—40-х годов. М.. РГГУ, 2000.

Рынков В.М. Романовское золото в плену «белой иллюзии» Проблемы истории местного управления Сибири XVI—XX веков: Материалы III региональной научной конференции 19—20 ноября 1998 г. Новосибирск, 1998.

Он же. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 г.). Новосибирск, 1920.

Памяти Б.А. Бахметева Новый журнал. 1951. Кн. 36.

Прянишников Б. Незримая паутина. [N.Y.], 1979.

Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М.. Скрипторий, 1996.

Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М.. Изд-во АН СССР, 1960.

Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.. Наука, 1973.

Шиканова И.С. Денежная реформа А.В. Колчака Денежные реформы в России: История и современность. М.. Древлехранилище, 2004. С. 126—132.

Энгель В.В. «Еврейский вопрос» в русско-американских отношениях. М.. Наука, 1998.

Brinkley George A. The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917—1921. University of Notre Dame Press, 1966.

Brown John H. The Disappearing Russian Embassy Archives, 1922—49 Prologue. 1982. Vol. 14. № 1. P 5—13.

Clarke William. The Lost Fortune of the Tsars. London: Weidenfeld and Nicolson, 1994.

Foglesong David S. America's Secret War Against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917—1920. Chapel Hill & London: The University of North Carolina Press, 1996.

Kennan George F. Russia and the West Under Lenin and Stalin. New York: Hutchinson, 1961.

Kennan G. Soviet-American Relations, 1917—1920. Vol. II: The Decision to Intervene. Princeton: Princeton University Press, 1958.

Killen Linda. The Russian Bureau: A Case Study in Wilsonian Diplomacy. Lexington, Ky.. University of Kentucky Press, 1983. P 237—256.

Killen L. The Search for a Democratic Russia: Bakhmetev and the United States Diplomatic History. 1978. Vol. 2. № 3 (Summer).

Maddox Robert J. The Unknown War with Russia. San Rafael, Calif.: Presidio Press, 1977

Maddox R. Woodrow Wilson, the Russian Embassy and Siberian Intervention Pacific Historical Reviw. 1967 Vol. 36 (November). P 435—448.

Robinson Paul. The White Russian Army in Exile, 1920—1941. Oxford: Clarendon Press, 2002.

Schuman Frederick L. American Policy toward Russia Since 1917· A Study of Diplomatic History, International Law and Public Opinion. New York: International Publishers, 1928.

Smele Jonathan D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918—1920. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Smele J. White Gold: The Imperial Russian Gold Reserve in the Anti-Bolshevik East, 1918 — ? (An Unconcluded Chapter in the History of the Russian Civil War) // Europe-Asia Studies. 1994. Vol. 46. № 8. P 1317—1347

Thompson John M. Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton: Princeton University Press, 1966.

Unterberger Betty. America's Siberian Expedition, 1918—1920: A Study of National Policy. Durham, N.C.. Duke University Press, 1956.

Неопубликованные исследования

Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918—1919 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1995.

Hurt James M. Boris Bakhmeteff and the Russian Embassy through Revolution and Civil War, 1917—1920. California State University, Fullerton, 1973 (M.A. Thesis).

Tongour Nadya. Diplomacy in Exile: Russian Émigrés in Paris, 1918—1925. Ph.D. dissertation. Stanford University, 1979.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аблажей-Долженкова Н. 13
Абрикосов Д.И. 383, *446, 478*
Аверченко А.Т 278
Авинов А.Н. 314, 315
Авксентьев Н.Д. 35, 281—283, 294, 296, 299, 300, 324
Агапеев В.П. 241
Агафонов С. 391, *479*
Адамович Г.В. 436
Аджемов М.С. 328, 329
Азеф Е.Ф. 297
Алексеев М.В. 305
Алексинский Г.А. 281, 290
Алексинский И.П. 290
Ананьич Б.В. 438, 461, 472
Андрушкевич К.П. 25
Анна Ярославна, киевская княжна, жена французского короля Генриха I 411
Антонов В.Г 260
Апостол П.Н. 47, *437*
Араловец Н.А. 8
Астров Н.И. 35

Бабичев Д.С. 434
Багговут-Коломийцев В.П. 393
Баев О.В. 440
Базили Н.А. 287, *467*
Балакин А.В. 384
Баранов А.Г 461
Бардыгин Н.М. 340, 474
Барк П.Л. 16, 20, 21, 48, 52—54, 105, 107—112, 123, 124, 220, 247, 286, 364, 418, *437*
Барту Л. 41
Батшев М.О. 47, 108
Бах Г.Г 213, 214, 321, 472
Бахметев Б.А. 14—18, 38, 39, 42—44, 47, 59, 68, 92, 115, 116, 125, 129, 131, 136, 150—153, 158, 161, 163—172, 174—183, 186—190, 193, 194, 196—198, 203—208, 212—215, 218, 219, 222—225, 231, 236—239, 248, 251, 255, 265, 270, 271, 273, 274, 276, 278, 282, 283, 285, 289, 290, 292—312, 315—317, 320, 322, 324—327, 330—334, 337, 339, 345, 347, 349—353, 358, 359, 361, 366—368, 379, 396, 400, 409, 410, 419, *433, 443, 447, 449—453, 455—457, 459—472, 474—476, 479, 480*
Бахметев Г.П. 163
Башкиров В.Н. 203—208, *457*
Бейкер Н. 147
Бейлис М. 40
Белозерский Т.В. *438*
Беляев А.К. 141, *448*
Беляев Н.Т 227, 228, *459*
Беляев С.Г 21, *434, 438, 445, 447, 459*
Бём А.И. 186
Бентковский Р.К. *438*
Бер А. *446*
Березкин А.В. *447, 456*
Бернацкий М.В. 14, 15, 17, 53, 54, 157, 212, 219, 227, 239, 240, 244—251, 253, 254, 257, 264, 265, 267, 278, 280, 281, 283, 285, 287—289, 295, 299, 302, 318—320, 328, 329, 334, 337, 338, 347, 350, 354—357, 360, 361, 378, 395, 396, *400, 459—464, 467—469, 475*
Бисмарк О. фон 246
Блох А.М. 474
Блэр, британский генерал 191
Болдырев В.Г 35
Борисенок Ю.А. 8
Борисов С.М. 434
Боткин С.Д. 233
Боханов А.Н. *473—475*
Бражникова (урожд. Миллер) Е.К. 401, 402
Бразоль Б.Л. 315
Брешко-Брешковская Е.К. 169, 170, 282
Бриан А. 283, 285, 287
Броссе Л.Ф. 342, 474
Бубликов А.А. 115, 116, 171, 172
Бубнов Н.А. 207

Будберг А.П. 34, 63, 64, 146, *436, 439, 449, 472*
Будницкая Е.Л. 8
Будницкий О.В. *432—434, 436, 437, 451—453, 457, 461, 470*
Булатов Р 8
Булдаков В.П. 8
Буллит У 189
Бунин И.А. 342
Бурцев В.Л. 46, 142, 172, 283, 296—298, *468*
Бурышкин П.А. 17, 154—158, 215, 219, 229, 249, 329, 339—340, 347, 357, 358, *450, 458*
Бэринги, братья, британские банкиры 123, 225, 226, 228, *447*

Вагнер А. 246
Варбург, американский банкир 116, 173
Вацетис И.И. 25
Вейдемиллер К.Л. 48
Веселаго М.Г 303, *469*
Виленкин Г.А. 216, *446*
Вильсон В. 42, 65, 153, 166, 177, 188, 189, 210, 211, 237, 254
Винавер М.М. 275, 294
Виноградов В.А. 35
Вирен Н. 235
Вирен Р.Н. 235
Витте С.Ю. 48, 49, *438*
Вишняк М.В. 466, 469
Владимирский М.В. 462
Войцеховский С.Н. 202
Вологодский П.В. 35, 36, 73, 185
Вольф С.Е. 170, 171, 198, 199, 208, *452*
Воровский В.В. 341
Врангель П.Н. 14, 15, 17, 133, 176, 201, 202, 211, 229, 243—248, 250, 251, 253, 258—260, 262—267, 269—281, 283—285, 287—293, 297, 298, 306, 307, 311, 324, 325, 327, 381, 383, 416—418, *461, 463, 465—468, 478*
Вырубов В.В. 233, 312, 313, 318, 438
Вырыпаев В.О. 435
Вышнеградский А.И. 48, 54, 117, 198

Гагарин М.М. 213
Гак А.М. 435
Ганелин Р.Ш. 451
Гарганова (в замужестве Дагъяр) Л.Л. 411, *480*
Гардинг У 176, 315, 316
Гарфилд (Garfield B.) Б. 12, 432
Гаугер Б.В. 354, 398
Генрих I, король Франции 411
Герасимов В.И. 8
Гермониус Э.К. 23, 183, 186, 195—198, 205—207, 226, 234, 239, 325, *434, 454—457, 462*
Гинс Г.К. 31, 33, 34, 81, 435, 436, 439, 441, 443, 449
Гинсбург М.А. 442
Гирс М.Н. 6, 7, 17, 39, 40, 43, 59, 186, 229, 249, 255, 256, 258, 259, 271, 285, 286, 288, 289, 293, 302, 303, 307—309, 312, 318, 319, 324, 325, 328, 329, 337, 339, 342, 348—350, 353—355, 357, 358, 360, 361, 364, 375, 378, 381, 396, 399, 409, *462, 463, 465—467, 469—472, 474, 475, 478, 479*
Гирс Н.К. 39
Глазберг Н.Б. 329, 335, 339, 340, 344, 346, 355, 356, *473*
Глинка Г.В. 246
Гойер Л.В. фон 99, 119, 144, 215, *437, 444, 446, 448, 449*
Голдин В.И. 467
Гольдштейн М.Л. 294
Гольцингер П.Ф. 54, 55, 106, 107, 438
Гомперс С. 174
Гопе, братья, банкиры в Амстердаме 226
Горбачев М.С. 421
Горький А.М. 342
Гревс В.Э. 36
Грей Э. 22
Грибенчикова О.А. 450
Гронский П.П. 210, 221
Грудистов Н.В. 48
Грузит Э. 84
Гукасов А.О. 287, 467
Гулькевич К.Н. 43, 46, 235, 238, 254, 278, 285, 341, *437, 461, 462, 465, 466*
Гуревич А.Л. *459*

Гусев Ф. 27
Гусефф К. 6, *470*
Гучков А.И. 260, 281, 311, 312
Гюго В. 32

Даватц В.Х. 465, 466
Давыдов Л.Ф. 117, 327, 336, 354—357, 361, 362, 374, *446*
Дан Л.О. 480
Данилов А.И. 376
Дедков Н.И. 436
Демидов Е.П. 38, 140, 436
Демидов И.П. 295
Демидовы, князья Сан-Донато 38
Деникин А.И. 14, 43, 44, 47, 53, 62, 63, 67, 92—94, 106, 134, 150, 154—156, 168—171, 176, 186, 192—195, 197—200, 202, 208—211, 213, 219, 225—228, 235—237, 241, 243—247, 251, 254, 263, 267, 277, 416, *437, 439, 461, 468, 469*
Деникина К.В. 14, 168, 169, 174, *433, 452, 453*
Денисов Н.Х. 143, 268, 269, 287, *467*
Джерзалия (Gersaglia) Р 355, 363, 366
Дитерихс М.К. 260, 261, *463*
Дмитриев В.И. 304, 347
Добрускина Г.Н. 31, 32, 435
Добрый (Dobry Abraham) А.Ю. (И.) 354, 357, 361, *475*
Долгополов Н.С. 43, 400, 404—406, *479*
Долгоруков Пав. Д. 290
Драгомиров А.М. 255
Думова Н.Г 437
Дутов А.И. 98, *444*
Дэвис Н. 198
Дэвис Р 6—8
Дэниелсон Е. 8
Дюмениль, французский адмирал 272

Евлогий (Георгиевский), митрополит *459*
Екатерина II 396, 397
Елисеев Н.Г 406, 407, 410, *480*
Елкус А. 116
Ермолаев С.П. 375, 376, *477, 479*
Ефимкин А.П. 441, 442
Ефремов И.Н. 39, 40, 43

Жанен М. 63
Жуков, часовой 83, *441*
Жуковский В.Г 38, 39, 144, 436, *449*
Журавлев, часовой 441

Зайковский В.М. 216, *452*
Зак А.И. 142, 170, 172—174, *452*
Залшупин А.С. 286, 466
Замен К.Е. фон 11, 23, 48, 108, 109, 112, 124, 125, 132, 133, 152, 156—158, 211, 220, 221, 223—229, 234, 235, 239, 248—250, 257—259, 284, 285, 301, 326, 329, 331, 335, 336, 340, 344, 346—348, 352, 354—357, 362, 419, *432, 434, 447, 450, 459, 462, 463, 466, 468, 472—475*
Звегинцов В.И. 263
Зейде А. *480*
Зензинов В.М. 35, 283, 285
Зернова С.М. 407, 411, 412, *480*
Знаменский И.Г 147, 205
Зырянов П.Н. 437, 444, 450

Иванов С.А. 43
Иванов-Ринов П.П. 28
Игнатьев П.Н. 232, *460*
Ижболдин Б.С. 461
Извольский А.П. 43, 46
Извольский Г.А. 48, 213, 214
Ильяшенко В.С. 240—243, *461*
Иоффе А. 453
Ипполитов С.С. 443, 450
Искрицкий М.А. 281
Исомэ (Идомэ) Р 391

Йованович М. 445, 460, 467

Кадомцев Б.П. 461
Казарновский Н.С. 83
Каивара (Nakaji Kayiwara) Н. 120
Калмыков И.М. 71
Каменев Л.Б. 10
Каменка А.И. 117
Каменка Б.А. 47, 247, 329
Каннегисер Л.И. 341
Каппель В.О. 25, 26, 202, 392
Капущевский М.С. 69, 87, 97, *440, 442*
Кармазинский Н.Н. 77, *441*
Карпенко С.В. 443, 450, 457

Карпович М.М. 379, *436, 452, 468*
Карпович П.В. 31
Катаяма (J. Katayama) Й. 120
Като, японский дипломат 122
Катори 387
Кедрин Е.И. 281
Кедров М.А. 291
Керенский А.Ф. 7, 41, 169, 281, 282, 308, 368
Керзон Дж. 64
Кестлин И.И. 327, 354, 355
Киллен (Killen L.) Л. 131, 165, 177, 180, 237, *443, 447, 451, 453, 461*
Киси, японский адвокат 388, 389
Кладт А.П. 12, 17, 26, *432, 434, 435, 450*
Клемансо Ж. 42, 168
Клемм, российский дипломат 97
Климович Е.К. 246
Клотц, министр финансов Франции 112
Ключников Ю.В. 35, 36, 51, *438*
Коваленко Д.А. *480*
Коган И.Г 345, 346
Козлов, часовой *441*
Кокошкин Ф.Ф. 309
Коковцов В.Н. 48, 67, 58, 116, 117, *446*
Колпаков С.В. 83
Колчак А.В. 5, 6, 9, 11, 12, 14, 16, 31, 35, 36, 42, 43, 47, 51, 53, 55, 58, 65, 68, 69, 73, 87, 106, 122, 125, 131, 134, 135, 147—154, 156, 158—160, 170, 171, 174, 176, 182, 186, 189, 192—195, 201, 202, 213, 219—221, 223, 235, 237, 244, 248, 251, 254, 266, 277, 283, 304, 305, 343, 347, 383—385, 388—390, 414—416, *444, 472*
Колчак С.Ф. 235, 304, 305
Кондратьев В.А. 12, 17, 26, *432, 434, 435, 450*
Коновалов А.И. 43, 46, 47, 111, 123, 124, 155, 282, 294, *418*
Кононова М.М. 436, 437, 457
Коншин А.В. 442
Корнилов Л.Г 303, 305, *469*
Кошкидько В.Г 466
Кравчинский (лит. псевд. Степняк-Кравчинский) С.М. 31
Красин Л.Б. 10, 286, 395
Краснов Г.А. 72, *440*
Краснов П.Н. 43, 67
Красовский, младший унтер-офицер 84
Крегер И. 393, 394
Кречунеско Н.Д. 48
Крживицкий, чиновник Министерства финансов правительства А.В. Колчака 11
Кривошеин А.В. 20, 238, 246, 247, 264, 267—271, 274, 278, 280, 281, 285, 463—465
Кровопусков К.Р 55
Крупенский В.Н. 59, 60, 119, 121, 122, 236, 239, 256, 258, 322, 323, 325, 383, *446, 447, 462, 463, 472*
Кудашев Н.А. 37, 61, 256, 257, *439, 463*
Кудеры (Кудеты) братья, совладельцы юридической фирмы (Coudert Bros) 208, *457*
Кузнецов А.И. 226, 229, 234, *459*
Кузьмин-Караваев В.Д. 281
Кулябко Н.П. 29
Куроки, японский адвокат 386, 387—389
Кускова Е.Д. 412
Кутепов А.П. 290, 393, 394
Кутепов Г.Н. 209, 233
Кусонский П.А. 290

Лансинг (Lansing Robert) Р 166, 167, 176, 180, 237, *451*
Ларсонс М.Я. 442
Лебедев В.В. 451
Лебедев В.И. 25—27, *435*
Лейг Ж. 279, 283
Ленин В.И. 169, *452*
Леонтьев Я. *435*
Леффингвел (Leffingwell) Р 180
Лианозов С.Г 334, 339, *473*
Липец А.И. 216
Лисовский С.С. *469*
Лихачев С.А. 217, *458*
Ллойд Джордж Д. 10, 65, 71, 93
Ломейер А.Э. 24
Лонг А. 198
Лонг Б. 151, 152, 237, *449*
Лорис-Меликов И.Г 171
Лосев, чиновник Читинского отделения Госбанка 261

Лукомский А.С. 170, 244
Лундберг, секретарь шведской дипломатической миссии в Петрограде 341
Лунц Г.М. 254, 278, 285, *462, 465, 466*
Львов Г.Е. 42—44, 46, 56, 65, 196, 220, 222, 232, 233, 235, 254, 284, 287, 288, 293, 297, 298, 302, 305—311, 314—320, 324, 358, 359, *458, 460, 467—471*
Львов Н.Н. 465, 466
Любимов Н.Н. 11
Любимова Л.И. 408

Мазаев В.И. *447, 456*
Майский И.М. 27
Макаров С.О. 305
Маклаков В.А. 7, 15, 17, 18, 39, 40—43, 51, 59, 68, 92, 111, 139, 140, 150, 153, 158, 168, 169, 186, 212, 219, 220, 222, 224, 230, 231, 236—238, 249, 263—267, 269, 271, 273—275, 278, 282, 285, 289, 290, 293, 296, 297, 304, 305, 307—311, 316, 317, 319, 320, 324, 328—331, 337—339, 347, 349, 350—354, 357—361, 363—367, 378, 395, 396, 398—413, *436—438, 443, 449, 450, 452, 457, 459, 460—476, 479, 480*
Макрушин, часовой *441*
Макфадден (MacFadden I.H.) 336, 337
Макфаддены (MacFadden Brot[hers]), акционеры фирмы Зерега 335, 336
Макфейл (McPhail) Э. 351, 353, 355, 361, 370
Мандельштам, служащий товарищества братьев Нобель 341
Мандельштам А.Н. 398
Маниковский А.А. 162, *434, 451*
Маргулиес М.С. 216, 277—279, *458, 465, 466*
Марков С.Л. 305
Мартель, французский комиссар во Владивостоке 97
Марченко Т.В. 474
Масарик Т. *451*
Медведев Б.А. 73
Мезенцов Н.В. 31
Мейендорф, барон 140
Мелихов Г.В. 8
Мелуа А.И. *474*
Мельгунов С.П. 439, 450
Меркулов С.Д. 260
Меркуловы, братья 260
Метус, тюремный инспектор 31
Миллер Е.К. 136, 258, 303, 382, 383, 393, 394, *463, 478*
Миллер К.К. 11, 17, 60, 145, 156, 158, 229, 249, 250, 255—259, 270, 301, 304, 319—323, 325, 331—333, 354, 355, 357, 360—362, 373—375, 378, 380—382, 386, 393, 394, 396—402, 409, *439, 450, 462, 463, 472, 473, 477—479*
Миллеры, см. Миллер Е.К. и Миллер К.К.
Милюков П.Н. 41, 142, 167, 245, 273, 282, 285, 294, 295, 299, 300, 395, *452, 461, 466—468*
Милютин Д.А. 305
Минор О.С. 281
Миронова Е.М. 457
Михайлов А.Ф. 31, 32, *435*
Михайлов И.А. 28, 31—35, 59—61, 69, 71—73, 75, 76, 80, 88—90, 95, 96, 99, 119, 136, 139, 140, 142—144, 173—175, 186, 193—195, 213, 215, 418, 419, *435, 437, 439, 440, 442, 445, 448, 449, 452, 453, 455, 456, 458*
Михайловский Г.Н. 208—212, *457*
Михельсон А.М. 109, *438*
Моллой М. 8
Молчанов Л.А. *449*
Моравский В.И. 13, 384—387, 389—392, *478*
Морган Дж.П. *457*
Моргентау Г 115
Моркотун (Маркотун) С.К. 295, 300, *468*
Морозов П.А. 193, 198, 205, 207, 240
Муромцев И.Э. 216
Мэддокс (Maddox, Robert J.) Р 16, 165, *433, 451, 455*

Набоков В.В. 40
Набоков В.Д. 40, 142
Набоков Д.Н. 40
Набоков К.Д. 37, 39, 40, 58, 140, 148, 149, *447, 449*

Нагродский В.А. *438*
Налбандов В.С. *464*
Нератов А.А. 53, 209, 210, 211, 297, *465*
Николаев А.М. *452*
Николаевский Б.И. 169
Николай II 41, 171, 317
Николай Николаевич, великий князь 359, 383, 386, *478*
Никольский А.А. 17, 54, 71, 72, 74, 75—78, 90, 91, 95, 97, 100, 101, 119, 122, 129, 136, 145, 146, 156, 159, 398—399, 401, 402, 408—410, 413, 414, 420, *435, 437, 438, 440—444, 446—450, 457, 479, 480*
Никольский Б.А. 145, 250, *443, 449*
Нобель А. 340
Нобель (Nobel Gustav) Г.Л. 334, 339—342, 355, 361—363, 366, 401, 402, 410, *474, 479*
Нобель Л. 340
Нобель Э. 340—342
Нобели, швед. нефтепромышленники 340, 341
Новицкий (Novitsky W.I.) В.И. 9, 10, 12, 47, 52, 60, 61, 65, 67, 68, 77—79, 85, 88, 112—118, 148, 156, 194, 249, 250, 253, 284, 288, 295, 296, 319, 320, 326—333, 336, 339, 340, 342, 343, 345—355, 357, 360, 362—364, 366, 373, 375, 378, 396, 398, 399, 402, 403, 408—410, 420, *432, 435, 436, 439—444, 446—449, 457, 459, 462, 472—477, 479*
Новицкий И.И. 67, 68, *439*
Новоселов А.Е. 33
Новоселов С.С. 206
Нокс А. 42, 62, 71, 146
Нольде Б.Э. 220, 230, 238, 245, 279, 328—329, 398, 401, 409, *461, 466*
Нордман Н.Н. 48, 52, 54, 107

Окулич И.К. 88, 89, 172—175, 215, *442, 452, 453, 458*
Ону А.М. 110
Осбринк Б. 474
Осипов, подполковник 382
Осоргина А.М. 405
Остроградский А.С. 139, 305, 306

Павел I 397
Павловский В.С. *438*
Павловский Ю.С. 24
Палеолог М. 49
Пепеляев А.Н. 34
Пепеляев В.Н. 95, 154—156, *418*
Пергамент И.Я. 40
Пермикин (Перемыкин) Б.С. 272
Перцов Д.П. 115, 118, 126, 133—135, 253, 369—373, 376, 379, 398, 419, *439, 448, 462, 477*
Петлюра С.В. 295, *468*
Петров П.П. 390—393
Петров С.А. 376
Петров Ю.А. 450
Петрофф С. 391, *479*
Петрушева Л. 8, *435*
Петряев А.М. 233
Пиленко А.А. 241
Пименов, служащий Русско-Азиатского банка в Харбине *444*
Пишон-Бобринская О. 6, *470*
Погребецкий А.И. 12, 13, 101—102, 256, 390, *432, 444, 462*
Погуляев С.С. 110
Подтягин М.П. 11, 145, 256, 261, 262, 382, 383, 386—390, 392, *463, 478*
Поклевский-Козелл С.А. 141
Покровский Н.Н. 21
Полк Ф. 97, 166, 180, *451*
Полнер Т.И. 310, 314—316, *470*
Полубояринов А.Д. 216
Поляков, часовой *441*
Поляков Р.В. 314, 315
Пришвин М.М. 172
Прокопович С.Н. 33, *412*
Прошковский, директор Судженских копей 102, *444*
Прянишников Б.В. 393, *479*
Путилов А.И. 47, 117, 225, *446*
Пушкарев В.В. 48, *439*

Рагуза-Сущевский (Ракуса-Сущевский) К.К. 48, 52
Рафалович А.Г 16, 47—49, 52, 56, 97, 105, 106, 108—112, 139, 152, 158, 221, 223, 224, 227, 248—250, *438, 448, 459*
Рафалович Н.Л. 47, 56, *447*

Ранненкампф Н. 313
Ранненкампф П.К. 31
Робинсон (Robinson P.) П. 394, *467, 479*
Роговский Е.Ф. 283
Родзянко М.В. 235
Родичев Ф.И. 282
Розанов С.Н. 88, 326
Романова А.В. 412, 413, *480*
Романовский И.П. 303, 305
Рооп В.Х. 88
Росс Н. 463
Ростовцев М.И. 142, 253
Рошковский С.И. *435*
Рубинштейн Я.Л. 410, 420
Руднев В.В. 282
Рынков В.М. 104, *440, 442—444, 446*
Рябушинский П.П. 48, 107, 108, 109

Сабин С. 313
Саблин Е.В. 93, 94, 158, 220, 227, 229, 398, 408, 409, *443, 450, 479*
Савинков Б.В. 43, 47, 220, 295, *468*
Савич Н.В. 288, 291, 292, 313, 320, 360, 361, 378, 395, 396, 400, 402, *467*
Сазонов А.В. *478*
Сазонов С.Д. 17, 20, 43, 51, 53, 136, 142—144, 149, 150, 152, 153, 170, 172, 186, 192, 197, 198, 209—213, 219, 220, 222—224, 229, 230, 233, 239, 244, 245, 248, 249, 305, 384, *437, 445, 448—451, 456, 457, 459, 461, 462*
Сан-Галли (Сент-Галли) А.Ф. 88, 89, *442*
Сахновский, представитель Земского союза в США 314
Семенов Г.М. 71, 80, 81, 86, 102, 122, 135, 154, 158, 159, 256, 259—262, 266, 384, 386—389, 392, 393, 418, 419, 444, 450, 463
Сенин А.С. 463
Серафимов Б.С. 144
Серков А.И. 450, 473, 480
Сидоров А.Л. 434
Сироткин В.Г 13, *433*
Скерст, чиновник Кредитной канцелярии Министерства финансов правительства А.В. Колчака 159, 250, *450*
Скоропадский П.П. 246, *468*
Скороходов А.А. *442*
Славянский К.И. 390—392
Слащев Я.А. 255
Смил (Smele J.D.) Дж. 12, 28, *432, 435, 443, 444, 446*
Смирнов А.А. *460*
Смирнов М.И. 186
Соколов А.К. 8
Соколов Ф.М. 72—73
Сорока Л. 8
Сорокина М.Ю. 457
Соскис В.Д. 205, 207
Софья Федоровна, см. Колчак С.Ф.
Стааль А.Ф. 205—207, *457*
Стахович М.А. 38—40, 43, 109, 124, *438*
Степанов Н.А. 71, 171
Стивенс Дж. 178—180, *453*
Столыпин П.А. 246
Струве Г.П. *466*
Струве П.Б. 33, 48, 244—246, 249, 254, 264—270, 272, 274, 276, 278, 280, 281, 283, 284, 286, *461—466*
Струмилло А.А. 48
Субботкин М.Е. 48, 109
Субботовский И. 439
Сувчинский Б.К. 410, 420
Судзуки (Сузуки) Ш. 384—391, *478*
Сукин И.И. 45, 51, 77, 121, 125, 129, 130, 131, 136, 139, 140, 142—144, 148, 174, 185, 186, 194, 213—215, 343, 345, 346, *436, 437, 439, 441, 443, 446—449, 455—457, 474*
Сыробоярский, генерал-майор 261

Тайгин А. 442
Таканаяги, японский генерал 260
Талейран Ш.-М. 415
Татищев Б.А. 209, *464*
Тер-Асатуров Д.Г 174—176, 182, 216, 376, *433, 452—454, 458*
Терещенко М.И. 41
Тимашев С.И. 21
Титов А.А. 410, 420
Толстая А.Л. 400, *479*
Толстой Л.Н. 40
Тонгур (Tongour N.) Н. *436*
Топпинг (Topping M.) 335, 340, 344, 355, 356

Третьяков С.Н. 47, 54, 56, 96, 105, 106, 108, 112, 156, 357
Троицкий Н.А. 435
Троцкий Л.Д. 37, 147
Трубецкой Ю. 264, *463*
Трухановский В.Г *437*
Тухачевский М.Н. 34
Тыркова А.В. 142
Тэтчер М. 421
Тэффи (наст. фам. Лохвицкая) Н.А. 278
Тюхтяев Б.А. 48

Угет С.А. 11, 61, 88, 89, 97, 103, 104, 112, 113, 115, 126—129, 133, 145, 147, 149, 150, 156, 158, 161, 170—172, 174—176, 180, 183, 184, 186—194, 196—199, 201, 203—205, 207, 213—219, 223, 224, 238—240, 242, 249, 251—253, 265, 284, 294, 301, 302, 304, 319—325, 329—333, 335, 337—339, 342, 343, 345—347, 350, 352—357, 359—380, 390, 396, 398, 419, *442, 444, 445, 447, 449—459, 461, 462, 466, 468, 472—480*
Унгерн фон Штернберг Р.Ф. 259
Унжаков, часовой 441
Унтербергер (Unterberger B.) Б. 180, *453*
Уорд Дж. 62
Урицкий М.С. 341
Ушков, часовой *441*

Фелькнер В.М. 108, 109, 110, 438
Фетерлейн П.К. 24
Филатьев Д.В. 460
Финогенов, сотрудник Российского финансового агентства в Лондоне *450*
Фоглсонг (Foglesong David S.) Д. 16, 161, 166, *433, 451, 453, 454*
Фостиков М.А. 290

Ханэда Х. 391
Харитонов П.А. 20, 21
Харт (Hurt James M.) Дж. *453*
Хатунцев С.П. 216
Херши А. 368
Хольмсен И.А. 382
Хорват Д.Л. 386, 387

Цатуров П.М. 334, 339, 340, 355, *473*
Цатуров Ш.М. 334, 339, 355, *473*
Цатуровы, братья, см. Цатуров П.М. и Цатуров Ш.М.
Цветаева М.И. 7
Цицерон Марк Туллий 19

Чайковский Н.В. 35, 43, 124, 220, 295, 299, 300, *438, 468*
Чаманский Г.Д. 333, 335, 339, 340, 344, 346, 351, *473*
Чарыков Н.В. 241
Чеботарева Т. 8
Червен-Водали А.А. 156
Чередниченко В.П. 385
Чернов В.М. 282
Черчилль У (В.) 62—64, 248, *439, 462*
Чжан Цзо-лин 385
Чубыкин И.В. 466, 480
Чуваков В.Н. *474*
Чудинов А.С. 48, *438*

Шамшин А.И. 339, *474*
Шапрон дю Ларре А.Г 303
Шателен С.А. 229, 333, 334, 339, 340, 342, 344, 346, 350, 351, 355, 356, 361—364, 366, 367, *438, 459, 474—476, 479*
Шатилов П.Н. *467, 478*
Шаховская (урожд. Милютина) Елиз. Д. 305
Шаховской В.Н. 21
Швецов Б.А. 335, 339, 340, 351, *473—475*
Шебунин А.Ф. 220
Шиканова И.С. 104, *443, 444*
Шиллинг М.Ф. 195, 196, 220, *456*
Шингарев А.И. 32
Шишкин В.И. *446*
Шмелев А.В. 8, 145, *449*
Шифф Джекоб (Яков) 115, 116, 173
Шифф М. 115
Штейн Е.Ф. 39
Штрандтман В.Н. 233
Штраус Н. 173
Штраус О. 116, 173
Шувалова С. 406, 407, *480*
Шульгин В.В. 290
Шуман (Schuman Frederick L.) Ф. 16, 131, 164, *433, 447, 451, 453, 454, 477*

Щекин, представитель российского Госбанка 120
Щербатов Н.Б. 312, 315, 470
Щербатской А.И. 144, 233, 244
Щербачев Д.Г 51, 105, 110, 147, 220, 221, 230, 232

Эллиот Ч. 139
Элькин Б.И. *480*
Эмбри, американский дипломат 143
Эмерсон Дж. 147
Эмр, капитан 83, 84
Энгель В.В. 451
Эттер Н.С. фон 136

Юденич Н.Н. 67, 124, 134, 136, 200, 202, 239, 240, 304, 347, *473*

Явдынский Ю.А. 386, 387, *478*
Яковлева В. 341
Яманэ Т. 391
Ясюкович М.С. 216
Яхонтов А.Н. *434*

Barscher M. 340
Bidwell R.L. 424, 429, 437
Brinkley G. 456
Brown John H. 477
Buchanan N. 340

Cairns M. 339, 340
Churchill Winston, см. Черчилль У (В.)
Clarke William 477, 480

Davydoff Leonide, см. Давыдов Л.Ф.
Dobry Abraham, см. Добрый А.Ю.
Dobson M. 339, 340

Fawcett R. 366
Foglesong David S., см. Фоглсонг Д.

Garfield B., см. Гарфилд Б.
Giers M. de, см. Гирс М.Н.
Gilbert M. 437

Haward Arthur Julian 361
Hurt Hames J., см. Харт Дж.

Ingram Douglas 361

Kaestlin George Henry 361
Kaestlin Jean Chatles 361
Kaestlin Paul Renee 361
Kennan George F. 439, 453
Killen L., см. Киллен Л.

Lansing Robert, см. Лансинг Р

MacFadden I.H., см. Макфадден
Maddox Robert J., см. Мэддокс Р
Miller Ch., см. Миллер К.К.

Nobel Gustav, см., Нобель Г.Л.
Novitsky W.I., см. Новицкий В.И.

Owen H.C. 340

Petit L. 434

Robinson P., см. Робинсон П.

Schuman Frederick L., см. Шуман Ф.
Smele J.D., см. Смил Дж.

Thompson John M. 437
Tongour N., см. Тонгур Н.
Topping M., см. Топпинг М.

Unterberger B., см. Унтербергер Б.

Whineray W.E. 336, 339, 340, 344

Z. 440

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абиссиния 139, 140, 142
Австро-Венгрия 137, 196
Аддис-Абеба, г. 139
Албания 137, 142
Амстердам, г. 226, 228
Ангара, р. 182
Америка, см. США
Англия, см. Великобритания
Аньер, г. 407
Антиб, г. 406
Аргентина 38, 39, 137, 366
Архангельск, г. 48, 191, 200, 239
Афины, г. 140, 230

Баку, г. 340, 341
Балканский полуостров (Балканы) 233, 275, 301, 309, 383, *460*
Балтийское море 50
Батавия, г. 228
Батуми, г. 242, *465*
Бейрут, г. 456
Белград, г. 136, 140, 230, 233, 235, 302
Белое море 314
Белоруссия 114
Бельгия 139, 231, 303, 324
Берлин, г. 45, 46, 86, 230, 246, 281, 347, 364, *442*
Берн, г. 46, 108, 110, 230, 233
Благовещенск, г. 82
Ближний Восток 50
Блэк Том, о. 379
Болгария 272, 293, 313
Босфор, пролив 292
Бразилия 137, 144, 293
Бриджпорт, г. и порт 127
Брюссель, г. 46, 226, 230, 294, 324
Бухара, г. 137
Бухарест, г. 46, 141, 230
Буэнос-Айрес, г. 38, 39, 142, 144, 234

Вальпараисо, г. 144
Ванкувер, г. 214
Варшава, г. 230, 233
Ватикан 230, 231
Вашингтон, г. 5, 14—17, 38, 59, 68, 97, 115, 126, 127, 129, 136, 142, 144, 150, 152, 162—165, 167—170, 172, 179, 180, 183, 185, 186, 188, 189, 195, 197, 202, 211—213, 215, 217, 218, 223, 224, 230, 231, 237, 239, 251, 264, 274, 276, 279, 283, 285, 292, 293, 295, 297, 305, 311, 321—323, 330, 332, 333, 337, 343, 352, 358, 368, 416, *445, 452, 455, 459, 472*
Великобритания (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Англия) 6, 10, 17, 19—23, 37, 39, 40, 42, 51, 53, 55—57, 59, 62—64, 66, 112, 123, 132, 134, 138, 139, 151, 156, 162, 172, 175, 183, 188, 189, 195, 203, 221, 224, 225, 228, 232, 235, 255, 262—264, 267, 272, 288, 313, 314, 326, 334, 348, 363, 370, 401, 409, 417, 421, 429, 430, *434, 451*
Вена, г. 419
Венгрия 189
Версаль, г. 405
Вильмуассон, г. 405, 411
Вильнев Сен Жорж, г. 411
Владивосток, г. 11, 12, 26, 29, 36, 60, 62, 63, 69—76, 79—83, 85, 87, 89, 90, 96—98, 100, 101, 111, 120—123, 126, 127, 132, 139, 140, 152, 154, 156, 158—160, 185, 191, 192, 199, 201, 214, 250, 252, 255, 260, 261, 266, 326, 381, 384, *442, 446*
Восток России 34, 90, 131, 137, 154, 159, 179, 185, 191, 201, 213, 218, 219, 385, 453
Восточная Европа 265, 366, 403
Восточная Пруссия 292
Восточная Сибирь 102, 236

Гаага, г. 46, 230
Галлиполи, полуостров 293, 313
Генуя, г. 10—12, 255, *459*
Германия 55, 56, 86, 87, 106, 107, 196, 204, 246, 313, 346, 420

Гирин, г. 259
Голландия 139
Гонконг, г. 123, 129, 132, 135, 226, 259, 389, *448*
Греция 38, 110, 111, 232, 313

Дальний Восток 12, 13, 27, 38, 50, 61, 69, 71, 91, 95, 98, 100, 104, 137, 139, 178, 236, 255—257, 259, 300, 321, 325, 365, 380—382, 385, 386, 388, 390
Дания 139
Данциг, г. 200, 230
Делавэр, штат в США 410
Дон, р. 92, 216
Донбасс 92, 263

Европа 119, 134, 136, 140, 189, 195, 196, 206, 208, 223, 224, 239, 245, 254, 255, 258, 272, 286, 287, 289, 291, 293, 297, 301, 308, 312, 324—327, 330, 331, 333, 335, 339, 342, 359, 364, 365, 367, 376, 379, 380—383, 389, 394—396, 416, 418, *468*
Европейская Россия 32
Египет 139, *460*
Екатеринодар, г 198, 209, 220, 241, 242, 247
Екатеринослав, г. 209

Женева, г. 364, 410, 412, 420
Жиронда, департамент во Франции 313, 318

Забайкалье 31, 71, 102, 256, 259
Западная Двина, р. 24
Западная Европа 195, 275
Зима, ж.-д. станция 83, 84

Иерусалим, г. 32
Иннокентьевская, ж.-д. станция 9
Иркутск, г. 9, 88, 94, 102, 152—154, *448, 450*
Иркутск, ж.-д. станция 84
Испания 38, 39, 43, 124, 139
Италия 22, 23, 39, 43, 59, 109, 134, 138, 139, 185, 231, 234

Казань, г. 9, 24—30, 73, 86, *432, 435, 450*
Каир, г. 142, 230
Калифорния, штат в США 5, 15
Канада 114, 214, 217, 366
Канн (Канны), г., порт, курорт 142
Каскадные горы, горы в системе Кордильер Сев. Америки, в США и Канаде 178
Катания, г. 142
Каттаро (Котор), г. и порт 201
Киев, г. 209, 246, *475*
Киото, г. 384
Кисловодск, г. 243
Китай 137, 249, 256, 257, 259, 261, 325, 392, *432, 462, 469*
Кобург, г. 142
Колледж-парк, г. *453*
Коломбо, г. 142
Константинополь, г. 74, 92, 110, 111, 136, 144, 202, 209, 211, 226, 227, 233, 234, 239—244, 264, 270—274, 276, 278, 281, 283, 284, 288, 290, 292, 297, 298, 306, 375, *469*
Копенгаген, г. 46, 140, 226, 230
Корея 137
Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (Королевство СХС) 293
Корсика, о. 313
Красноярск, г. 71
Кронштадт, г. и порт 235, 296, 306, 332
Крым, Крымский полуостров 48, 110, 202, 209, 210, 225, 236, 243—245, 251—254, 262, 263, 266, 267, 269—271, 273, 276, 277, 279, 281, 285, 290, 291, 301, 307, 338
Кубань 43, 236

Латвия 374
Лемнос, о. 293, 313
Лидс, г. 6—8, 17, 400, 410, *437*
Лондон, г. 9—11, 15, 22, 23, 37, 46, 47, 59, 93, 104, 111, 112, 123—125, 128, 130, 138, 139, 142, 148, 150, 156, 158, 175, 195, 196, 207, 211, 212, 223, 225, 227, 230, 232, 235, 238, 245, 257, 281, 284, 301, 305, 314, 326, 329, 331, 334, 343, 345, 354, 361, 367, 369, 370, 392, 398, 401, 409, *446, 447, 450, 454, 459*

Мадрид, г. 22, 38, 230
Малая Азия 275
Мальмё, г. и порт 142
Мальта, о. 142, 237, 420
Маньчжурия 71, 259, 418, *440*
Марокко 139, 142
Мексика 137, 142
Мельбурн, г. 142
Ментона, г. 406, 407
Монако 287
Монголия 137, 259
Монжерон, г. 411
Монреаль (Монтреаль), г. 214, 376
Москва, г. 5, 14, 25, 29, 36, 40, 155, 189, 211, 218, 282, 314, 355, 388, 418, *473, 474, 478*
Мурманск, г. 185, 240

Находка, бухта *443*
Нижнеудинск, ж.-д. станция 86, 153
Нижний Новгород, г. 24—25
Николаевск, г. 82
Ницца, г. 305, 405—407
Новониколаевск, г. 71
Новороссийск, г. 191—193, 198, 200, 210, 240—242, 271, 306, 393, *460*
Норвегия 149
Нью-Йорк, г. 5, 11, 14, 22, 46, 104, 112, 115, 116, 123, 125, 127, 128, 130, 142, 156, 174, 175, 192, 194, 197, 199—201, 214, 240, 252, 316, 321, 331, 332, 361, 367—369, 371, 372, *446, 450*

Область войска Донского 43
Одесса, г. 32, 110, 247, *445, 460*
Омск, г. 12, 24, 26—30, 32—36, 38, 43—45, 47, 52, 58, 61, 65—68, 70, 71, 73, 74, 78—83, 86, 93—96, 100, 101, 103, 104, 106, 110, 111, 121, 122, 124, 129—132, 137, 141, 143, 146—148, 150, 155, 170—172, 182, 185—187, 193, 194, 197, 199, 201, 202, 213—216, 219, 239, 250, 266, 342, *435, 439, 444, 456*
Осака, г. 120, 132

Палестина 32, 235
Панамский канал 187, 252
Париж, г. 6, 7, 11, 15—17, 32, 37, 39, 41, 43, 45—48, 50—55, 59, 61, 64—66, 68, 76, 78, 92, 96, 105, 107, 108, 111, 112, 115, 118, 123, 136, 138—142, 148, 150, 170, 174, 186, 188, 192, 196, 199, 204, 209—213, 217, 219—227, 230, 231, 233, 235, 238, 240, 241, 245, 249, 251, 254, 256, 263, 264, 266—270, 274, 276—279, 281—283, 285, 287—289, 294—297, 303, 305, 309, 312, 315, 316, 330, 331, 333, 334, 337, 338, 350, 354, 358, 361, 367, 374, 378, 382, 383, 386, 393, 396—398, 400, 402, 405, 406, 408, 410, 411, 418, 419, 422, *446, 447, 465, 467, 468, 473*
Пекин, г. 37, 61, 230, 256, 257, 387, *456, 459*
Перекопский перешеек (Перекоп) 268, 270, 277, 286
Персия 63, 136, 138, 140, 141
Перу 293
Петербург, Петроград, см. Санкт-Петербург
Питтсбург, г. 214
Поволжье 24, 27
Польша 265, 272, 275, 313, 355
Порт-Артур, г. 260
Прага, г. 14, 136, 230, 235
Приамурский край 88, 100
Прибалтика 24
Призрен, г. 142
Приморье 261
Принцевы острова 65, 68, 71, 189, 241
Псков, г. 306
Пуатье, г. 401

Раздольное, село 381
Ревель (Таллин), г. 200, 355
Ренн, г. 401
Рига, г. 225, 355
Рим, г. 46, 59, 230
Рио-де-Жанейро, г. 144
Росарио, г. 39
Россия 5, 9—13, 16—23, 25, 31, 33—50, 52, 55—57, 60, 61, 63—67, 72, 75, 79, 82, 86, 87, 92, 93, 96, 99, 104—107, 110—112, 114—117, 123, 124, 128, 130, 134, 136—143, 149—152, 157,

161—168, 171—185, 187—192, 196, 198, 199, 201, 202, 205—207, 209, 210, 212, 216—218, 220—223, 233, 234, 236—238, 240—244, 248, 249, 252, 254, 262—264, 272, 273, 276, 278—282, 285—287, 289, 290, 293, 295, 297, 300, 306, 310, 314, 316, 320, 323, 325, 326, 330, 333—336, 338, 341, 342, 344—346, 348, 349, 352, 359, 360, 363—365, 368, 370, 374, 376—380, 388, 391, 395—397, 401, 414, 415, 417, 418, 420—422, *445, 451, 453—455, 460, 461, 468*
Ростов-на-Дону, г. 32, 210, 211, 250
Роттердам, г. 228
Румыния 231, 272

Самара, г. 24—27, 132, 435
Сан-Франциско, г. 126, 128, 199, 214, 248, 252, *447*
Санкт-Петербург (Петербург, Петроград) 20, 24, 31, 33, 37, 41, 45, 67, 89, 124, 138, 163, 164, 171, 172, 181, 195, 196, 209, 210, 225, 246, 260, 340, 341, 421, *440, 473*
Севастополь, г. 202, 209, 268, 271
Север России 183, 200, 229, 258, 414
Северная Америка 137, 210, 217, 231, 376, *460*
Северная Таврия 268
Северо-Запад России 200
Сен-Женевьев де Буа, г. 419
Сербия 139, 232, 235, 293, 297, 302, 313, 315, 332
Сиам 137, 142, 259
Сиатль, см. Сиэтл
Сибирь 12, 13, 27, 35, 36, 42, 62, 63, 65, 69, 70, 79, 91, 94, 96, 97, 104, 110, 124, 139, 146, 150, 155, 157, 158, 172, 178, 183, 185, 186, 198, 202, 216, 219, 236—238, 252, 343, 373, 376, 384—386, 389, 415, 417, *443, 453, 454*
Сингапур, г. и порт 259
Сиэтл (Сиатль), г. и порт 127, 187, 214, 216, 240, 252, 377
Скалистые горы, горы в системе Кордильер на Западе Канады и США 178
Скандинавия 139, 206
Скутари, г. 142
Советский Союз, см. СССР
София, г. 230, 233
Сремски Карловцы, г. 293
Стокгольм, г. 46, 230, 235, 238, 341, 342
СССР (Союз Советских Социалистических Республик, Советский Союз) 320, 364, 366, 375, 380, 387, 388, 395, 398, 419, 420
США (Америка, Северо-Американские Соединенные Штаты, Соединенные Штаты) 10, 16, 17, 19, 21—23, 42—44, 47, 52, 57, 60, 61, 65—67, 70, 88, 89, 96, 97, 103, 104, 112—117, 123, 126, 128, 129, 131—134, 137, 143—145, 147, 148, 151—153, 158, 161—165, 168, 170—175, 177—181, 183, 184, 188—198, 201, 203—208, 210, 211, 214—216, 218, 219, 221, 224, 231, 237, 239—241, 243, 248, 249, 251—253, 255, 262, 263, 265, 267, 273—275, 283, 288, 290, 293, 294, 298—301, 306—308, 314—316, 321, 323, 324, 329, 330—333, 337—339, 349, 363—370, 372, 375, 376, 378—380, 401, 410, 412, 414—416, 419, 424, 427, *439, 445—447, 453, 454, 457, 459, 469, 470, 477*

Таврическая губерния 243—244, 263
Таганрог, г. 197, 209, 210, 241, 243
Таку, форт 469
Тегеран, г. 136, 139, 141, 230
Тихий океан 74, 368
Тихорецкая, ст. 241
Токио, г. 5, 11, 59, 60, 119—122, 130, 156, 202, 230, 255, 256, 270, 321—323, 382, 387, 389, 391, *446, 450*
Тонгку, форт *469*
Трабзон (Трапезунд), г. и порт *465*
Трапезунд, см. Трабзон
Троицкосавск, г. 80
Тунис 313
Турция 63, 115, 230, 232, 289
Тыреть, ж.-д. станция 83, 84, 86

Украина 114
Урал 27, 70, 72

Уссу, г. 407
Уссурийский край 71
Уфа, г. 27, 28
Ушаковка, р. 154

Филадельфия, г. и порт 200
Финляндия 209, 235, 313
Франция 19, 21—23, 37, 39, 41, 43, 48, 49, 51, 52, 56, 57, 59, 63, 66, 68, 75, 93, 97, 106, 110—112, 134, 139, 148, 151, 153, 156, 172, 184, 188, 189, 195, 203, 221, 224, 227, 231, 235, 244, 250, 262—265, 267, 270—272, 275, 279, 280, 288—292, 304, 313, 315, 319, 325, 327, 348, 359, 364, 367, 393, 395—397, 400, 401, 404—407, 418, 420—423, *451, 468*

Харбин, г. 12, 80, 90, 95, 98—101, 159, 374, 380, 381, 384, 385, 444
Ханьдаохедзы, ж.-д. станция КВЖД 98
Христиания, г. 230

Центральная Европа 265, 366, 403
Цетинье, г. 230
Цуруга, г. и порт в Японии 135

Чаталджа, г. 313
Челябинск, г. 28
Черное море 50, 218, 240, 272
Чехословакия 232, 235, 293, *456*
Чикаго, г. 114, 214
Чили 138, 144
Чита, г. 31, 32, 80, 81, 121, 159, 260, 266

Шанхай, г. 11, 44, 61, 89, 90, 128, 160, 259, 266, 321, 322, 325, 380, 384, 390, *462*
Швейцария 39, 40, 43, 47, 109, 110, 134, 243, 306, 313, 409, 411, 413, *468*
Швеция 23, 43, 68, 134, 145, 420, 421
Шелль, г. 408

Эстония 313

Юг России 15, 17, 42, 43, 52, 62, 63, 65, 90—94, 104, 150, 155, 169, 171, 183, 186, 191—193, 195, 198—202, 208, 218—220, 226—228, 233, 234, 236, 238, 240, 243, 244, 247, 249, 251, 255, 257, 266—268, 277, 293, 414, 417, *454, 460*
Южная Америка 38, 61, 137, 252
Южная Европа 139

Ялта, г. 210
Япония 11, 17, 59, 60, 79, 88, 113, 119, 121—123, 132, 133, 135, 137, 144, 145, 156, 159, 161, 195, 202, 229, 239, 240, 248, 256—258, 261, 288, 301, 303, 307, 321, 324, 325, 329, 380—383, 385—387, 392, 394, 416, 419, *442, 448, 472, 478*
Ясная Поляна, усадьба Л.Н. Толстого 40

* Указатели составлены Л.С. Новоселовой-Чурсиной

Об авторе

Олег Витальевич Будницкий – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, автор более 200 научных работ, преимущественно по истории терроризма, революции и Гражданской войны, истории русской эмиграции и российского еврейства. Среди его книг — монографии «Российские евреи между красными и белыми (1917—1920)» (2005), «Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология» (2000), учебное пособие для студентов вузов «История терроризма в России» (1996). О.В. Будницкий — главный редактор ежегодника «Архив еврейской истории» (2004—), соредактор (совместно с А.Г. Тартаковским и Т. Эммонсом) библиографического указателя «Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917—1991 гг. В 4-х т.» (2003—2005), он также является составителем и редактором сборников документов, мемуаров и исследований «"Совершенно лично и доверительно!" Б.А. Бахметев—В.А.Маклаков: Переписка 1919—1951. В 3-х т.» (2001—2002), «Евреи и русская революция» (1999), «Женщины-террористки в России» (1996) и др.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5

Введение. ГДЕ ДЕНЬГИ? 9

Глава 1

ДЕНЬГИ ДЛЯ БЕЛОГО ДЕЛА

Заграничные «путешествия» русского золота (1914—1917). Внешние займы 19

Захват золота каппелевцами. Золото: от Казани до Омска ... 24

Министр финансов, он же Ванька Каин 31

От Директории к диктатуре Колчака 35

Дипломатия в изгнании 37

Русское политическое совещание в Париже 41

В поисках денег: Протоколы «парижских мудрецов» 47

Глава 2

КАК ПРОДАВАЛИ ЗОЛОТО

Омское правительство в поисках денег. Союзники и Белое движение 59

«Проект Принкипо» и решение о продаже золота 65

Омск — Владивосток. «Золотой эшелон» № 1 70

Продажи 74

«Золотые эшелоны» № 2—5. Сколько золота ушло за границу? Хищения золота 80

Большевики и российский золотой запас 86

Чай, кофе и другие «колониальные товары». Продажа платины и серебра 87

Внешняя торговля Белого Юга 91

Сибирский рубль. Валютные спекуляции. «Американская мечта» 94

Глава 3

ЗОЛОТЫЕ ЗАЙМЫ

В поисках денег: Париж 105

Переговоры с Ситибанком в Нью-Йорке 112

Проект Эмигрантского (Русско-Американского) банка 113

Заем в Японии 119
Заем в Англии и США. Золото за винтовки и пулеметы 123
Как расходовались деньги 133
Цена дипломатии 135
Проблемы заграничного снабжения 144
Спасти золото! 150
Перевод денег на личные счета 154

Глава 4

БАХМЕТЕВСКИЕ МИЛЛИОНЫ 160
Первый посол демократической России. Деятельность Б.А.Бахметева в оценке американской историографии .. 163
Бахметев и Белое движение: Репутация 168
Посол без правительства 176
«Русские деньги» в Америке. Продажи имущества 180
Установление связи с белыми. Поставки антибольшевистским правительствам. Итоги снабженческой деятельности посольства 185
Деньги Центропрома 203
«Надо... хоть в одном случае быть деловой нацией»: поташная операция 204
Штаты и оклады. Мемуары Г.Н. Михайловского как источник по истории «белой дипломатии». Попытки сместить Бахметева 208

Глава 5

ДИПЛОМАТЫ И ДЕНЬГИ
Делегация берет власть 219
Делегация делит деньги 229
После сибирской катастрофы. Поиски новых путей преодоления большевизма 236
Пришествие Врангеля 243
Дальний Восток 255
Финансы Белого Крыма 262

Глава 6

СОВЕТ ПОСЛОВ, ВРАНГЕЛЬ И ЗЕМГОР
«Что делать после Крымской катастрофы?» 270
«Пронунциаменто» трех чиновников Министерства иностранных дел 285
«Американский дядюшка»: Личная политика российского посла в Вашингтоне 294

Финансовый совет 300
Совет послов и Земгор: деньги и политика 306
Земгор в поисках денег: американский вояж князя Львова. Ликвидация Финансового совета. Конец «львовского периода» 314

Глава 7

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД

Последнее золото 321
Деньги для новой России. Проблема хранения 324
Вашингтонский протокол 330
Лондонский и восточный торговый банк: к истории создания 334
Положение о Национальном фонде. Коллегия попечителей 337
Лондонский банк в 1922 г. Конфликты в банке и в Коллегии попечителей 339
1923—1924: Новые неурядицы 353
«Разбронирование» Национального фонда. Роспуск Коллегии попечителей 357
Лондонский и восточный торговый банк в 1925—1946. «Обналичивание» Национального фонда 361

Глава 8

ПОСЛЕДНИЕ ДЕНЬГИ

Америка

«Отмывание» денег. Секретные операции с Лондонским банком 368
Кризис наличности и «черная неблагодарность» 373
«Ликвидация» имущества 376

Дальний Восток

Карл Миллер и Михаил Подтягин между Токио и Парижем 380
Дальневосточная прохиндиада. «Дело Подтягина» 383
Дело генерала Петрова 390
Судьба «подтягинских» денег 393

Европа

1924—1946. «Воскрешение» Финансового совета 395
«Жертвователи, пожелавшие остаться неизвестными» 404

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 414

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
Курсы основных валют, упоминаемых в книге, по отношению к фунту стерлингов и доллару США (1914—1957) 424
ПРИЛОЖЕНИЕ 2
Цена золота на Лондонской бирже (1920—1960) 429
ПРИМЕЧАНИЯ 432
Список сокращений 481
Источники и литература 482
Указатель имен 490
Указатель географических названий 499

Будницкий Олег Витальевич
ДЕНЬГИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: КОЛЧАКОВСКОЕ ЗОЛОТО: 1918—1957

Редактор *И. Жданова*
Художник *Д. Черногаев*
Корректор *Э. Корчагина*
Верстка *С. Петров*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел. (495) 976-47-88
факс (495) 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
http://www.nlobooks.ru

Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 32. Тираж 1500. Заказ № 2715
Отпечатано в ОАО «Типография "Новости"»
105005, г. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2008 г. вышли:

Серия **«HISTORIA ROSSICA»**

Мария Майофис
ВОЗЗВАНИЕ К ЕВРОПЕ
Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов

Эта монография предлагает совершенно новый взгляд на, казалось бы, хорошо изученную тему — историю российской общественной жизни после Отечественной войны 1812 года. Деятельность «Арзамасского общества безвестных людей», ранее обсуждавшаяся преимущественно как эпизод литературной борьбы, рассматривается в этой работе в таких неожиданных контекстах, как международная дипломатия, противостояние придворных партий или рождение российской ориенталистики. Автор анализирует ранее остававшиеся «в тени» культуротворческие аспекты деятельности «Арзамаса» — например, создание собственного литературного канона, разработка концепций развития национальной культуры, дискуссии на актуальные политические темы. В результате расширения поля исследований становится возможным доказать: появление «Арзамаса» стало непосредственной реакцией на подписание Акта Священного Союза, а существование общества было связано сотнями нитей с судьбой европейски интегрированного модернизационного проекта, задуманного, но так и не осуществленного в послевоенной России.

Издания
«Нового литературного обозрения»
(журналы и книги)
можно приобрести в следующих магазинах:

в Москве:
«Политкнига» — ул. Малая Дмитровка, 3/10. Тел.. (495)200-36-94
«Ad Marginem» — 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 Тел.. (495)951-93-60
«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6. Тел.. (495)924-46-80
«Гилея» — Нахимовский просп., 51/21. Тел.. (495)332-47-28
«Гнозис» — Зубовский проезд, 2, стр. 1. Тел.. (495)247-17-57
«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий Мост, 18.
Тел.. (495)924-46-45
«Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, 8. Тел.. (495)238-50-01
«Москва ТД» — ул. Тверская, 8. Тел.. (495)797-87-17
Московский Дом книги — Новый Арбат, 8 (а также во всех остальных магазинах сети).
Тел.. (495)203-82-42.
«Старый свет» (книжная лавка при Литинституте) —
Тверской бульвар, 25 Тел.. (495)202-86-08.
«Фаланстер» — Малый Гнездниковский пер., 12/27
Тел.. (495)749-57-21
«У Кентавра» — Миусская пл., 6. Тел.. (495)250-65-46
«Букбери» — Никитский б-р, 17 Тел.. (495)291-83-03
«Русское зарубежье» — ул. Нижняя Радищевская, 8
(м. Таганская-кольцевая) Тел.. (495)915-11-45
Primus Versus — ул. Покровка, 27, стр. 1. Тел.. (495)951-93-60
Магазины сети «Книжный клуб 36'6». Тел.. (495)223-58-20
«Топ-книга». Тел.. (495)166-06-02

в Санкт-Петербурге:
Академкнига — Литейный пр., 57 Тел.. (812)230-13-28
Александрийская Библиотека — Наб. реки Фонтанки, 15.
Тел.. (812) 310-50-36
Вита Нова — Менделеевская линия, 5. Тел.. (812)328-96-91
Книжная лавка писателей — Невский пр., 66. Тел.. (812)314-47-59
Книжные салоны при Российской национальной библиотеке
Садовая ул., 20; Московский пр., 165 Тел.. (812)310-44-87
Книжный салон — Университетская наб., 11
(магазин в фойе филологического факультета СПбГУ).
Тел.. (812)328-95-11
Книжный магазин-клуб «Квилт» — Каменноостровский пр., 13.
Тел.. (812)232-33-07
Культпросвет — Пушкинская ул., 10 или Лиговский пр., 53.
Тел.. (812)572-11-30
Перемещенные ценности — ул. Колокольная, 1.
Тел.. (812)713-21-74
Подписные издания. Литейный пр., 57 Тел.. (812)273-50-53

ОАО «Санкт-Петербургский Дом Книги» — Невский пр., 62.
Тел.: (812)570-65-46, 314-58-88
ООО «Санкт-Петербургский Дом Книги» (Дом Зингера)
Невский пр., 28. Тел.:(812) 448-23-57
Фонотека Ул. Марата, 28. Тел.:(812)712-30-13

в Екатеринбурге:
Дом книги — ул. А. Валека, 12. Тел.. (343)358-12-00

в Нижнем Новгороде:
«Дирижабль» — Б. Покровская, 46. Тел.. (8312)31-64-71

в Ярославле:
ул.Свердлова, 9. В здании ЦСИ «АРС-ФОРУМ». Тел.. (0852)22-25-42

в Интернете:
www.ozon.ru
www.bolero.ru

HISTORIA ROSSICA

ДЕНЬГИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: КОЛЧАКОВСКОЕ ЗОЛОТО 1918–1957

Судьба "колчаковского золота" — части золотого запаса Российской империи, оказавшегося в руках белых в 1918 году — одна из самых известных и волнующих загадок русской истории XX столетия. Автору предлагаемой вниманию читателей книги на основе материалов из американских, британских и российских архивов удалось эту загадку разрешить и проследить историю вырученных от продажи золота денег, расходовавшихся до конца 1950-х годов. Смысл данного "исторического расследования" заключается не только в том, чтобы поставить точку в затянувшихся дебатах о судьбе "колчаковского золота". История "колчаковского золота" служит стержнем, на который "нанизаны" проблемы истории Белого движения и его заграничного финансирования, взаимоотношений белых и союзников, российской "дипломатии в изгнании", русской эмиграции и некоторые другие.

В конечном счете это еще одна попытка ответить на ключевой вопрос российской истории XX столетия — почему в Гражданской войне победили красные, а не белые?

ISBN 978-5-86793-639-6

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ